Курский государственный
областной музей археологии

Министерство культуры Курской области
Курский государственный областной музей археологии

Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья

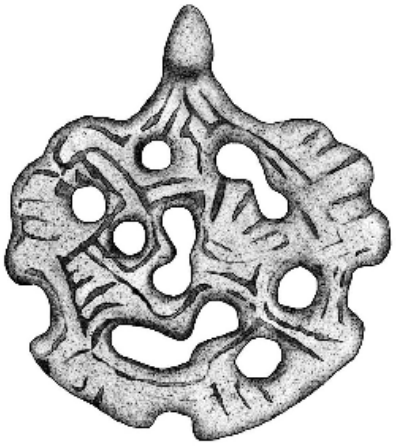
Выпуск VI

Сборник научных трудов
Серия основана в 1990 г.

Курск 2023

Междуречье Днепра и Дона: культурный слой,артефакт, интерпретация

К 30-летию
Курского государственного областного
музея археологии



Курск 2023

УДК 902/904
ББК 63.48 (2-4 Кус)я43
М 34

На обложке и титульном листе изображена литая ажурная подвеска круга скандинавских древностей. Медный сплав. 1-я половина XI – начало XII в. Липинское поселение. Раскопки О.Н. Енуковой. 2001 г.
Фонды Курского государственного областного музея археологии.

Редакторы-составители:
Г.Ю. Стародубцев (отв. редактор), А.В. Зорин, А.В. Симоненков

Рецензенты:
д.и.н., А.М. Обломский (зав. отделом археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН)
д.и.н. Н.А. Тропин (старший научный сотрудник, профессор Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина)
к.и.н., А.Н. Наумов (заместитель директора Государственного музея-заповедника «Куликово поле» по науке)

Корректор: О.И. Зорина

Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья.
Выпуск 6. Междуречье Днепра и Дона: культурный слой, артефакт, интерпретация : к 30-летию Курского государственного областного музея археологии : сборник научных трудов / Министерство культуры Курской области, Курский государственный областной музей археологии ; редакторы-составители: Г. Ю. Стародубцев (отв. редактор) [и др.]. – Курск : ИП Бескровный Александр Васильевич, 2023. – 392 с. : ил.

ISBN 978-5-907407-97-8

Шестой выпуск «Материалов и исследований по археологии Днепровского Левобережья» приурочен к 30-летию со дня основания Курского государственного областного музея археологии.

Вошедшие в сборник научные труды посвящены вопросам истории и археологии Днепровского Левобережья от эпохи раннего железного века до позднего средневековья и Нового Времени.

Сборник предназначен для археологов, историков, краеведов и всех интересующихся историй Отечества.

© Курский государственный областной музей археологии
© Авторы публикаций

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово (Г.Ю. Стародубцев).....8

Эпоха раннего металла

Писаревский Н.П. Представления греков эпохи классики о своём происхождении и данные современной археологии.....11

Чубур А.А. Подгорцевская группа булавок скифской эпохи с ажурными навершиями: типология и ареал.....23

Веретюшкин Р.С., Головин С.Н., Кабанов Д.О. Материалы сарматского времени Шуклинского археологического комплекса.....48

Римское время и эпоха раннего средневековья

Воротинская Л.С., Дробушевский А.И. Новые исследования на западе Курского Посемья.....61

Кашкин А.В., Родинкова В.Е. Раннеславянские памятники в верхнем течении реки Псёл.....80

Зиньковская М.В. Горизонт выемчатых эмалей на Северском Донце: хронология и этнокультурная атрибуция.....113

Рябчевский Н.Г. Глиняные пряслица киевской культуры из раскопок поселения Хотылёво 2 в 2018-2020 гг. 124

Земцов Г.Л., Сарычев Д.В. Общественные отношения на Верхнем Дону в позднеримское время (кон. III – нач. IV вв.).....135

Яцышин А.А. Римские монеты и их роль во внешней и внутренней экономической жизни в среде варварского населения Курского региона в III-V вв. н.э. 144

Зорин А.В., Родинкова В.Е. «Новосуджанский клад»: история находки, формирование музейной коллекции, полевые исследования.....157

Симоненков А.В. Пены. Поселение 8. Материалы и исследования 2019 г. 196

Радюш О.А., Тихомиров Н.А. Материалы к изучению колочинской культуры в Суджанском микрорегионе.....218

Развитое средневековье

Балашова М.В. О некоторых особенностях планиграфии Животинного городища последней четверти I тыс. н.э. 245

Колоколов А.М. Поселение IX-X вв. на городище у д. Гора Услань на р. Упа в системе Верхнеокского участка Донского торгового пути.....252

Андреев С.И. Рязанское освоение юго-восточной границы княжества в XII-XIII вв. 268

Балашов А.А. Состав и динамика развития Шуклинского комплекса IX–XVIII вв.....274

Енуков В.В. Ещё раз к вопросу о хронологии и топографии Курского городища.....291

Стародубцев Г.Ю. Рыльск и его округа в XIV – XV вв. по письменным, археологическим и нумизматическим находкам.....311

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Оборонительные сооружения юго-западной части цитадели городища «Царский Дворец»: анализ стратиграфии и планиграфии.....319

Грачёв С.Ю. Случайные находки писал – стилосов из Брянской области.....337

Шапошник В.Г., Зайцев В.В. Уточнение атрибуции двух подражательных монет из Октябрьского клада.....341

Гулецкий Д.В. К вопросу о методологии изучения отдельных памятников денежного обращения русского Средневековья.....348

Позднее Средневековье и Новое Время

Веретюшкин Р.С., Горбунов Д.Н., Дяденко В.М., Жаворонков С.И. Сооружения Нового Времени с поселения Глушково 1.....353

Андреев А.А. Монеты XVI-XVII вв. из фондов Железногорского краеведческого музея.....370

Шпилев А.Г. Иранская металлическая орнаментированная чаша из фондов Курского государственного областного музея археологии.....377

История науки

Захарова Е.Ю., Городцова Ю.Н. К истории изучения Гочевского археологического комплекса (письмо К.П. Сосновского к А.А. Спицыну от 21 июля 1913 г.).....385

Сведения об авторах.....391

Списоксокращений.....392

Здание «Палат» (Экспозиционный корпус Курского музея археологии). Фотография начала XX в.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

©2023 г. Г.Ю. Стародубцев

Курский государственный областной музей археологии, Курск

Тридцать лет в жизни отдельно взятого человека – это практически половина жизни. Много это или мало для музея – в каждом конкретном случае это оценивается по-разному, чаще всего по тому, каковы его достижения в формировании, реставрации, изучении и представлении фондов, насколько популярен музей среди посетителей, как его исследования значимы в научных кругах страны. Большая часть этой работы скрыта от глаз обывателей, которые не представляют, какой кропотливый труд научных сотрудников стоит за той или иной выставкой, за каждым проведенным мероприятием. Зачастую еще меньше известно о проводимых научных экспедициях, о том, сколько усилий ежегодно прилагают держатели Открытых листов для того, чтобы приоткрыть еще одну неизвестную страницу далекого прошлого.

Кажется, что не так давно (а точнее осенью 1989 г.) в подвале Курского краеведческого музея, где в то время находились археологическая камеральная лаборатория и фондохранилище археологических коллекций, в очередной раз собралась небольшая группа молодых людей, у которых за спиной был не один полевой археологический сезон. Если я скажу, что собралась исключительно для того, чтобы обсудить научные проблемы – это будет совершенная неправда. Потому что когда собираются люди, которые имеют вопросов к жизни больше, чем ответов, то достаточно быстро приходит идея сгонять в ближайший магазин за бутылкой.

И вот, по прошествии некоторого времени, когда все по очереди поплакались «за жизнь» (кто на собственное начальство, кто на нерадивых студентов, а кто на надоевшую учительскую долю), внезапно родилась шальная мысль – а не попробовать ли создать «контору», в которой можно было бы сочетать работу с удовольствием, заниматься любимым делом – полевыми археологическими исследованиями, получая за это зарплату (или как любил говорить преподаватель археологии исторического факультета КГПИ К.Ф. Сокол: «Занятие наукой – это удовлетворение собственного любопытства за казенный счёт»). Помимо этого ясно виделись еще две глобальные задачи: первая – разборка завалов с ящиками, в которых многие годы хранились коллекции раскопок предыдущих лет; и вторая – создание археологической экспозиции, которая бы отвечала современным требованиям (с максимальным количеством прорисовок и реконструкций).

«Локомотивом» пробивания этой идеи стал Н.А. Тихомиров (в то время научный сотрудник краеведческого музея). Честно говоря, я не очень верил в то, что из этой идеи что-то получится. Каково же было удивление, когда, спустя некоторое время, весной 1990 г. в краеведческом музее был создан отдел археологии, первоначально располагавшийся в том же самом подвале. Заведующим этим отделом стал Н.А. Тихомиров, а первыми сотрудниками В.В. Енуков и Г.Ю. Стародубцев.

В сентябре того же года отдел перебрался на первый этаж Нижне-Троицкой церкви Курска. В первую очередь было необходимо провести большую работу по разборке ящиков с коллекциями, их систематизации, составлению первоначальных описей содержания этих ящиков. Работа предстояла достаточно сложная, т.к. за прошедшие годы, привозимые из экспедиций ящики, чаще всего просто составлялись в подвал и в них годами никто не заглядывал и представлял, что там находится и в каком количестве. И поэтому, когда после выделения музея археологии из филиала в самостоятельную организацию, встал вопрос о передаче коллекций археологии, она была осуществлена «ящиками, без перечисления предметов».

Помимо разборки коллекций сотрудниками отдела совместно с участниками проблемной группы «Киевская культура, ее истоки и наследие» (археологи из ИА АН СССР, ЛОИА АН СССР, ИА АН УССР, КОКМ и КГПИ) велась работа по подготовке первого выпуска сборника научных статей «Материалы и исследования по археологии

Днепровского Левобережья». Сборник вышел в свет в конце 1990 г.

Одновременно началось создание первой экспозиции, открытой весной 1991 г. (Рис. 1). 26-28 ноября того же года была проведена научная конференция «Археология и история юго-востока Руси», в работе которой приняли участие 60 специалистов из Балашова, Белгорода, Брянска, Воронежа, Гомеля, Ельца, Запорожья, Киева, Курска, Липецка, Москвы, Пензы, Рязани, Смоленска, Сум, Тулы, Харькова, Чернигова, и изданы тезисы докладов.

Начало 1990-х годов было весьма непростым временем в истории нашей страны. И поэтому, то обстоятельство, что недавно созданный отдел археологии быстро трансформировался в филиал краеведческого музея (4 июня 1991 г.), а затем в самостоятельный музей (12 августа 1993 г.) можно считать своеобразным феноменом в культуре Курской области. Вероятно, это было такое время, когда многие идеи было возможно воплотить в жизнь. А ведь в стране, в ходе слома старой государственной системы, значительные изменения происходили как в регионах, так и с центральными научно-исследовательскими учреждениями (ИА РАН, ИИМК РАН), которые традиционно проводили львиную долю полевых археологических работ, и в которых начался процесс сокращения (а в отдельных случаях и полного прекращения) деятельности многих экспедиций. В тоже время на этом фоне в Курске возник один из немногих специализированных археологических музеев в России, как региональный исследовательский центр. Его первым директором стал Н.А. Тихомиров. С 15 ноября 1994 г. директором музея назначен Г.Ю. Стародубцев.

Осенью 1993 г. музей переехал в усадьбу купца С.И. Хлопонина (известную также под названием «Палаты бояр Ромодановских»), в которой была проведена реставрация. За прошедшие годы сотрудниками создана современная музейная экспозиция, проводятся многочисленные выставки, массовые мероприятия, квесты и мастер-классы. Ежегодно его посещают более 48 000 человек. Сотрудники неоднократно становились победителями различных грантовых конкурсов (Благотворительный фонд Владимира Потанина, Российский фонд фундаментальных исследований, Благотворительный фонд «Искусство, наука и спорт»). В настоящее время Курский музей археологии хранит в своих фондах более 140 000 предметов, полученных при проведении археологических исследований. Расширяется научное сотрудничество с ИА РАН, ИИМК РАН, ГЭ, СПбГУ и другими научными организациями, как в нашей стране, так и за рубежом.

Держателями Открытых листов музея проведено большое количество разведочных работ по выявлению новых памятников на территории Курской области, проводились и продолжают проводиться стационарные исследования памятников, относящихся к различным историческим периодам (эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья и раннего Нового времени). К категории древнерусских городов, несомненно, нужно отнести исследуемые Гочевский (курганный и грунтовый могильники, посад и оборонительные сооружения в его юго-западной части, средневековый замок последней трети XIV – середины XV вв. – городище Царский Дворец) и Люшинский (городище и поселение X – XIII вв.) комплексы. В результате раскопок Рыльска найдены жилые и хозяйственные объекты, относящиеся к древнерусскому времени. Значительные исследования произведены и продолжают проводиться на территории исторических частей Курска. Эти работы помогли уточнить границы и особенности оборонительных сооружений крепости на различных этапах ее существования, позволили выявить застройку периода ранней истории города (в том числе и Закурной его части), зафиксировать границы посада древнерусского города, обнаружить объекты, относящиеся к XVII – XVIII вв.

Издаваемый шестой выпуск сборника приурочен к 30-летию Курского государственного областного музея археологии и посвящен вопросам истории и археологии Днепровского Левобережья от эпохи раннего металла до позднего средневековья и Нового времени, истории развития науки. Представленные статьи являются результатами непростой работы более трех десятков исследователей из научных центров России (Москва, Санкт-Петербург, Брянск, Воронеж, Курск, Липецк, Тамбов, Тула), Польши (Варшава), Украины (Харьков).

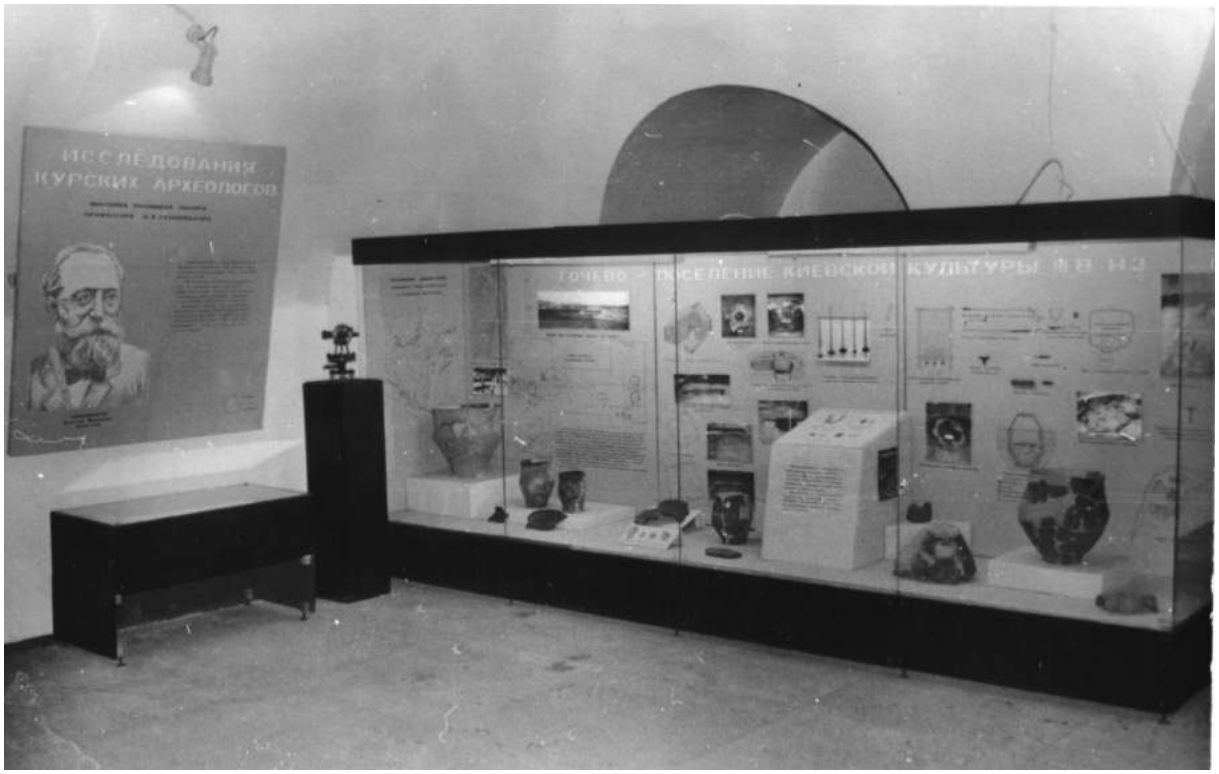


Рис.1
Первая экспозиция в стенах Нижне-Троцкой церкви.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГРЕКОВ ЭПОХИ КЛАССИКИ О СВОЁМ ПРОИСХОЖДЕНИИ И ДАННЫЕ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

©2023 г. Н.П. Писаревский

Воронежский государственный университет, Воронеж

В доказательство тезиса исторической природы представлений древних греков эпохи классики относительно античной Гипербореи автором предложен анализ результатов исследования информации, отложившейся в разнотипных археологических памятниках времени средней и поздней бронзы Восточной Европы, Балкан и Северо-Западной Индии (2200/2160 – 1750/1650 гг. до н.э.). Полученные данные помогают понять, что Гиперборея и гипербореи были одним из элементов их представлений о своей прародине в Восточной Европе, откуда они пришли в Элладу.

Ключевые слова: Гиперборея, ямная, катакомбная, абашевская культуры, псалии, этногенез, культурная общность.

CLASSICAL GREEK'S IDEAS ABOUT THEIR ETHNOGENESIS AND ARCHAEOLOGICAL DATA

©2023 N. P. Pisarevsky

In order to prove the thesis of the historical nature of the ideas of the ancient Greeks of the classical era regarding ancient Hyperborea, the author offers an analysis of the results of the study of information deposited in different types of archaeological sites of the Middle and Late Bronze Age of Eastern Europe, the Balkans and Northwestern India (2200/2160 – 1750/1650 BC). The data obtained help to understand that Hyperborea and Hyperborea were one from the elements of their ideas about their ancestral homeland in Eastern Europe, from where they came to Hellas.

Keywords: Hyperborea, Yamnaya, catacomb, Abashevskaya cultures, psalias, ethnogenesis, cultural community

В 481 г. до н.э. накануне второго похода на Грецию Ксеркс разослал туда своих послов. Они прибыли почти во все греческие города и потребовали от них земли и воды. Аргумент с точки зрения царя был самым важным. «Мы, персы, – говорили они, – считаем себя отпрысками Персея, сына Данаи, и Андромеды, дочери Кефея. Мы все-таки, быть может, ваши потомки. Поэтому не подобает и нам воевать против своих предков, а вам в союзе с другими враждовать с нами». (Herod., VII,150)[1].

Эта мысль удивительным образом совпадает с тем, что именно Персей (к которому возводили свою генеалогию персы) и Геракл (от которого вели отсчёт своей родословной эллины) имели связь с Гипербореей (Zographou, 2007. P.189–204; Kõiv, 2015. C.125-164; Hard, 2020. P.236-237)[2] . Два персонажа – два народа, осознающих своё родство и общее

1 В конечном итоге мы узнаём, что на стороне персов выступили «эллины из Фракии и островов фракийского побережья», а с ними – фракийцы, пеоны, эорды, боттиеи, бриги, пиерийцы, македоняне, перребы, эниены, долопы, магнеты, ахейцы (Herod., VII, 185). Примечательным в сообщении Геродота в особенности, представляется упоминание бригов, македонян, эниенов и ахейцев, не говоря уже об эллинах «фракийского побережья».

2 В данном отношении представляет интерес, что и тот и другой точно также имели отношение и к Египту. Геродот связывает с ними египетский город Хеммис в Фиванском оазисе, откуда прадед Персея Данай бежал на кораблях в Элладу. Прибавляя в спутники Данаю, сына его брата Линкея, «отец истории» акцентирует внимание своих слушателей на том, что такую родословную перечисляли ему сами жители этого древнего по меркам его времени города (Herod., II, 91). Сообщение античного историка позволяет усомниться в оценках, согласно которым гипербореи и гипернотии составляли в его труде народы-антиподы, и высказать предположение, что и Гиперборея и Египет уже в V в. до н.э. являлись составной частью представлений древних греков эпохи классики как о своих древнейших истоках, так и этногенезе.

происхождение (сингения)[3] . Такая идея весьма рельефно отложилась в целом комплексе греческих мифов. Из них следует, что Персей происходил из Аргоса на Пелопоннесе. Он считался сыном Данаи, дочери местного царя Акрисия и предком Геракла. Родился Персей в медном дворце, в котором находилась в заключении его будущая мать, отправленная сюда по приказу своего отца, который опасался пророчества, согласно которому он умрёт от руки своего будущего внука. Это не помогло. Зевс просочился в темницу к Данае в облике золотого дождя и та родила Персея. После этого ребёнка с матерью по приказу Акрисия разместили в ящике и бросили в море. В конце концов его прибило к берегу острова Сериф. Здесь Персей вырос, возмужал, находясь под покровительством богини Афины и местного династа Диктиса (Apollod., II, II, 1;Аполлодор, 1972, II, II, 1-2; Gig.,Myth., 63; 84)[4].

Согласно другой версии, Персей происходил от Данаи – дочери Эпафа, рождённого много раньше другой дочерью Аргосского царя по имени Ио от Зевса, которого соперница Геры родила в стране абантов на острове Эвбея. В этой версии мифа Даная называлась правнучкой сына Эпафа Линкея и внучки героя-эпонима одноимённого племени Даная. Более того, земной отец Данаи, царь Аргоса Акрисий, в свою очередь, считался сыном героя-эпонима одного из племён Эвбеи, Абанта и правнуком аркадского героя Ликаона, который в своё время правил Арголидой совместно с братом-близнецом Претом. Первый царствовал в Аргосе, второй — в Тиринфе.

Ещё более интересна последующая судьба Персея[5]. После совершения своих известных подвигов он вернулся в Арголиду. Здесь он случайно убил Акрисия и воцарился в Тиринфе. Позже герой основал город Микены. По свидетельствам античных авторов, у Персея было многочисленное потомство, к которому принадлежал и Геракл. В остальном они расходились во мнениях. В частности, Геродот отрицал связь Персея с родом Акрисия по причине своего ассирийского происхождения (Herod., IV, 54). Персидское происхождение Акрисия присутствует в рассказах Николая Дамасского, называющего его сыном Персея Ахемена, который считался основателем персидской царской династии Ахеменидов (Nic. Dam., Hist.,II, 15/ FHG.Vol.3. Fr. 13). Он уточняет, что своим именем Ахемен был обязан ахейскому происхождению своего отца (FHG.Vol.3. Fr. 13). Такого же мнения придерживался Плутарх (Plut., Alcib., 1). Персеидами называет персидских царей и Платон устами Сократа (Plato., I, 17). Персей считался также сводным братом богини Афины, которая послала его в Гиперборею убить Горгону.

Существует и множество других версий подобного рода сказаний, которые не должны, с одной стороны, вводить в заблуждение относительно историчности отложившихся в них представлений, а с другой – заслонять перспективу поиска их материального выражения в памятниках конкретных археологических культур эпохи

3 Эта черта несколько в ином отношении проявляется в дуализме, который для материальной культуры носителей археологических культур эпохи бронзы Восточной Европы установили специалисты (памятники носителей ямной, катакомбной, абашевской культур и сейминско-турбинского феномена).

4 Согласно Сервию ящик с Данаей и Персеем прибило к берегам Италии, где правил царь с этрусским именем Пелумний, где Даная стала его женой.

5 Что касается этимологии имени Персея, то оно, не найдя убедительного обоснования, продолжает оставаться предметом дискуссий. Древняя народная этимология связывала имя “Персей” с персами, поскольку иногда говорили, что он был их предком (Mergenthaler, 2008, 567). Учёные, занимавшиеся изучением данной проблемы, довольно часто полагали, что это имя происходит от греческого глагола πέρθειν («грабить, разрушать»), употребляемого в сочетании с окончанием -εύς, которое часто встречается во многих древнейших греческих именах (Θησεύς /Тесей, Προμηθεύς / Прометей и т.д.). Имя Персея, таким образом, трактовалось в отрицательном значении разрушителя, погубителя и в некоторых значениях вора. Это последнее в особенности роднит Персея (как и его предшественника Прометея) с ведийским божеством Праматха (Pramatha) и снова уводит нас в область греко-арийских параллелей. Ещё одна возможность – поиск линий связи между ним и фракийским Перкунасом/ слав. Перуном.

средней и поздней бронзы Балкан и Восточной Европы (Mitchell, 2001. P.348)[6].

Исследования современных специалистов достаточно убедительно подтверждают это (Писаревский, 2022. С.15-28; Rahbar, 2008. P.367-368). Установлено всеобщее правило: греки соизмеряли свою историю с мифом (Герасимова, 2007. С.7; Немировский, 2000. С.389; Писаревский, 2021. С.501-520)[7]. Античная греческая трагедия в лице Эсхила, Софокла и Эврипида с достаточной убедительностью служат этому подтверждением (Patterson, 2010; Leitch, 2023). Если же они обращались к своему далёкому прошлому, то его историю они прямо переносили в миф (Писаревский, 2018. С.23-28; Писаревский, 2020. С.5-20).

Мифопоэтическое мышление – мышление архетипическое, а значит, и стереотипное, причём стереотип формируется с самого начала рождения мифа и сохраняет, подвергаясь разнотипным модернизациям, свои позиции ключевой основы соответствующего представления и связующую функцию соотношения в нём прошлого, настоящего и будущего (Bernhard, 2019. P.14). К этому следует добавить два важнейших замечания. Одно из них высказано А.И. Немировским. « В мифе, – писал он, – всё спорно за исключением его глубочайшей древности» (Немировский, 2001. С.5). К нему можно добавить и другую оценку, высказанную Л. Паттерсоном: миф пластичен и дуалистичен (Patterson, 2010. P.44).

Особое место в указанном отношении у разных народов древнего мира занимали мифы о сингении (общем происхождении). В них общим предком чаще всего выступала фигура, определявшая исходную точку этно-полито- и культурогенеза, и игравшая исключительно важную роль в формировании их политической и культурной идентичности. Такие концепты становились авторитетными не только в долговременной и коллективной памяти греков, но и формировали в их общественном сознании важный принцип – тождества рассказов о героях-эпонимах своей древней истории.

Эта мифема была широко распространена. И более того, стала составной частью династических царских генеалогий, включая сюда и фигуру Персея. Её характерной чертой был дуализм. Он характеризовался различием деталей однотипных сказаний, непрерывно формировавшихся как на пути движения миграционных потоков на новые территории, так и по мере их освоения, впитывавших и сохранявших дуализм физико-географических и исторических условий окружающей действительности, что и находило отображение в формировании соответствующих представлений на уровнях материальной, художественной и духовной культуры. Море и степь – эти две родственные с точки зрения пространственных представлений природных стихии в самых различных сочетаниях наполняли их не только конкретным смыслом, но и дополняли друг друга в качестве среды обитания (Тойнби, 2009. С.218-219, 357-358; Головнёв, 2009. С.50, 163-165 и сл; Anthony, 2013; Shishlina et al., 2007. P.713, 726).

Возникает вопрос. Ну, хорошо, всё это, как говорится, имеет место. Но причём здесь Гиперборея?

Ответ можно обнаружить у того же Геродота, который в своём сообщении о действиях Ксеркса несколько ранее сделал, по всей видимости, соответствующий намёк. Дело в том, что по получении известий о развёртывании огромной армии царя персов афиняне (поскольку поход был направлен против них одних) в отчаянии бросились

6 По этому поводу весьма проницательно выразился Л. Митчелл: «У мифов есть история, которую они не только переживают, но и несут с собой сквозь время. Хотя их общая форма может меняться при постоянном пересказе, и хотя цели, для которых они рассказываются, могут меняться, они сохраняют следы других времен и других воплощений, каждый слой становится интегрированным со следующим, а связи между ними становятся рационализированными и нечеткими. Как следствие, распутывание истории мифа является сложным. Доказательства могут быть перед нами, но это доказательства, которые нелегко прочитать или интерпретировать».

7 По мнению К. Кереньи миф – это давняя история некогда пережитая предками и дошедшая до потомков. С точки зрения А.И. Немировского, миф по своей сути – одна из форм истории.

испрашивать совета, что делать, в Дельфах. Ответ Пифии (первый по счёту) гласил:

- Что вы, несчастные, ждёте?
Бегите ***до края вселенной,***
Дом и вершины округлого града покинув навеки… (Herod., VII, 140).

Если вспомнить описание щита Ахилла в «Илиаде» Гомера (XVIII, 478—609), в котором даётся словесное описание изображения одного из таких городов, а также принять во внимание указанные самим эпическим поэтом (или его источниками) крайние пределы земной ойкумены, заселенные соседними с фракийцами племенами гиппемолгов, млекоедов и абиев (и более того, принять во внимание возможное тождество с ними племён mleccha ведийского эпоса), то информационный дуализм письменного источника, как нам представляется, не только конкретизирует, но и диктует необходимость их поиска в направлении переосмысления с этой точки зрения данных археологии, в особенности тех из них, которые имеют отношение к фракийцам, фригийцам, индо-иранцам, чья историческая роль в этногенезе древних эллинов для специалистов не составляет никаких сомнений (Яйленко, 2011. С.410-453; Marinov, 2015. P.55-56; Krimpas, 2022. P.90)[8].

Из этого – начало нового направления (и одновременно этапа) в исследовании очень большой и старой проблемы – проблемы очага происхождения (прародины) индоевропейцев вообще, древних греков, фракийцев, фригийцев и ведийских ариев в частности.

Современное состояние её изученности отличается дискуссионностью её самых различных аспектов. Амплитуда разброса мнений специалистов охватывает географическое и историческое пространство от Пиренеев, Балкан, Ближнего Востока, Малой Азии, Понто-Каспийских степей до Индии (Сверчков, 2012; Черных, 2013б. С.368; Григорьев, 2015; Семененко, 2018. С.202-220; Grigoriev, 2018. P.103-104 и др.). Самым актуальным вопросом современной науки является установление точки отсчёта истории индоевропейцев (Ренфрю, 2002. С.25)[9]. Действительно ли протоиндоевропейцы сложились как культурно-лингвистическая общность в Понто-Каспийских степях и оттуда началось их распространение как на Запад, так и на Восток? Или же очагом их формирования была Центральная Европа или Северное Причерноморье? Согласно современным представлениям (Дж. Мэллори, Д. Энтони, А. Парпола, Е. Кузьмина) языки ранних протоиндоевропейцев (ПИЕ) сложились в обществах степных скотоводов – носителей культуры Средний Стог II в период позднего неолита/энеолита (5000-3500 гг. до н.э.) (Parpola, 2013. P.147).

На следующем этапе после завоевания пастушескими скотоводами населения неолитических земледельцев – потомков переселенцев из Месопотамии и Малой Азии (6500-3500 гг. до н.э.), они оказали влияние на язык носителей археологических культур Триполье-Кукутени (4200-3400 до н.э.) между Карпатами и Черным морем (Anthony, Ringe, 2015. P.202, 199-219}. В ходе размежевания и синкретизации продолжилось появление сочетавших элементы распада и объединений новых культурных общностей, родственные отношения между которыми проявились в тождестве погребального обряда, типологии форм и орнаментации керамики, а следовательно, продемонстрировавших близость мировоззренческих и идеологических представлений своих носителей. В IV - первой половине III тыс. до н.э. в степи и лесостепи Евразии произошли новые передвижения племён (Гимбутас, 2006. С.425-444). Его главным результатом стало формирование популяций кентумно-сатемных языков (Тележко, 2022. С.38, 51; Martirosyan, 2013. P.85, 126). Их носители оставили в зоне своего расселения и миграций памятники ямной, катакомбной, абашевской и смешанных с ними археологических культур (Клейн, 2007),

8 Особый интерес представляют самые последние результаты исследования фракийского глоттогенеза, связывающие массивы населения Восточной и Южной Европы эпохи бронзы в родственные общности. См.: Krimpas, 2022, 90.

9 Например, К. Ренфрю в качестве таковой считал зарождение производящих форм хозяйства, а начало распада связывал с отделением скотоводства от земледелия и рождением пастушеского скотоводческого хозяйства. См.: Ренфрю, 2002, 25, 28.

само появление которых знаменовало собой, с одной стороны, рождение, а с другой – складывание комплексной греко-арийской общности в Центральной Евразии между Карпатами и Уралом (Anthony, 2007. P.340-370; Parpola, 2013. P.125-127, Gibbons, 2017)[10] . В 2800-2000 гг. до н.э., по всей видимости, начался распад и её самой (Конча, 2004. С.191-203; Конча, 2004. С.35-43; Indo-European Chronology, 2023). Он имел своим следствием миграцию её носителей в составе смешанных лингво-культурных групп в диаметрально противоположных направлениях – на юго-запад и юго-восток (Indo-European Chronology, 1988. P. 4; Гиндин, 1993. С.144; Antony, 2007. P.18, 24, 26; Grigoriev, 2022. P. 22-25; Harmatta, 2012. P. 361). Первый вектор (включая пути переселений через Трансильванию, Кавказ, Ближний Восток) захватил области Балкан и Апеннинского полуострова, обусловив появление памятников СЭ и ПЭ Греции и апеннинской культуры в Италии (Golgatan, 2021. P.196-197).

Второе направление миграций было нацелено в сторону Средней Азии, Иранского нагорья и Северо-Западной Индии. Захватив в свою орбиту области Южной Сибири, его представители испытали воздействие весьма существенных и типологически самых разных трансформаций, определявших как преобразование, так и перерождение языка, материальной и духовной культуры мигрантов (Dawson, 2023, map 3).

Переход смешанных групп через перевалы Хайбер и Болан в Пенджаб, а затем завоевание населения Индской (Хараппской) цивилизации (1900-1500 гг. до н.э.) имело далеко идущие последствия. В процессе противоборства ведийских ариев с автохтонным населением в междуречье Инда и Ганга родился новый этнос и соответствующая ему, сложившаяся в результате переплетения процессов конвергенции, гибридизации, синтеза и синкретизации вынужденных взаимодействовать двух народов, качественно новая материальная, художественная и духовная культура (санскритский язык, брахманическая религия в сочетании с практикой кровавых жертвоприношений (ягья), характерных для религиозных представлений Ригведы).

Как показывает знакомство со специальной литературой, к настоящему времени сложилось убеждение, согласно которому «мало остаётся чего-то такого, что в целом всё же говорит о правильности южного направления поисков прародины». Выработанная более полувека назад Понто-Каспийская гипотеза, на фоне растущих фактов историко-культурного и лингвистического порядка, в своём модернизированном виде в науке нашего времени становится одной из самых основных (Antony, 2013. P.8-14; Drews, 2017).

И ещё одно обстоятельство должно быть отмечено. Речь идёт о предметах конской узды – щитовидных и трубчатых псалиях, которые в исследованиях последних десятилетий приобрели важнейшее значение в качестве археологических, отображающих историческую информацию, источников (Пряхин, Беседин, 1998. С.22-27; Григорьев,2021. С.64-81). Они-то и позволили выявить картографию основных маршрутов основных волн миграций разнотипных скотоводческих групп эпохи средней и поздней бронзы как на восток, так и, в особенности, на запад. Обратимся к рассмотрению самого этого процесса.

Исторические закономерности Первого крупного общественного разделения труда (отделения скотоводства от земледелия и выделение пастушеско-скотоводческих племён) в Центральной Евразии сопровождалось распадом праиндоевропейской языковой общности (ПИЕ). Её отдельные ветви и семьи материализовались в археологических культурах населения её степных и лесостепных областей в эпоху средней и поздней

10 Существует мнение (показательно, что оно сформулировано зарубежными специалистами), согласно которому этот ранний раскол между племенами греко-арийской общности произошёл, начиная с социумов-носителей ямной культурой между праиндоиранско-армяно-греческой ветвью племен ПИЕ, которые продолжили свои миграции через области бабинской (2100-1850 до н.э.) и срубной культуры (1850-1450 до н.э.) регионы, прежде чем достичь Греции, Персии и Малой Азии; и доиндоарийской ветви племен ПИЕ, которые продолжили свои миграции в районы культуры Абашево (2300-1850 гг. до н.э.), Синташта (2100-1800 гг. до н.э.) и Петровка (1800-1450 гг. до н.э.), где была распространена технология пароконных боевых колесниц со спицами и бронзовое оружие. См.: Anthony,2007,340-370; Parpola, 2013, 125-127; Gibbons, 2017.

бронзы (2600-1750 гг. до н.э.) (Haak, Lazaridis, 2015; Hurka, Friesen et al., 2019. C..51, 55 и сл.)

Происходившие в это время под воздействием естественно-географических предпосылок и исторических условий революционные преобразования (выделение скотоводческих племён, доместикация лошади, рождение металлургии бронзы, появление колёсного транспорта) проявились в рождении экономики и социально-политической стратификации скотоводческих обществ с различной степенью их интеграции в составе разнотипных этно-культурных образований (вождеств). С другой стороны, стала ощущаться острая потребность в освоении разнообразных сырьевых источников (металла и пастбищ). Ещё одна, более существенная причина, давала о себе знать в резких перепадах, характеризовавших природно-климатические условия, под влиянием которых происходили изменения в ландшафте, почвенном покрытии, вызывавших серьёзные изменение фауны и флоры (Hurka, Friesen et al., 2019. P.51, 55 и сл.).

А давление демографического фактора на производительные силы общества, сокращение поголовья скота и пастбищных угодий вызвали у скотоводческих массивов населения этого крупного региона Старого Света необходимость поиска средств существования за пределами уже освоенных степных и лесостепных областей Восточной Европы (Hurka, Friesen et al. 2019. P.3, 72, 74; Ling, 2019. P. 1-7)[11].

В условиях господства экстенсивных форм производства, сокращения совокупного общественного продукта и его распределения в конечном итоге имело своим следствием начало расселения обитавших в ней племён и отдельных племенных групп в диаметрально противоположные концы Евразийских просторов. Географию миграций пастушеско-скотоводческих племён определяли диаметрально противоположные маршруты как в юго-западном, так и в северо-восточном и восточном направлениях (Поляков, 2022. P.68-69, 77; Grigoriev, 2018; Grigoriev, 2022. P.43-84; ; Kaliff, Oestigaard, 2020).

Первая волна мигрантов состояла из носителей репинской и ямной культур Днепро-Донского междуречья, Средней Волги и Прикаспия (Перцева, 2018. С.10-24; Аванесова, 2022. С.96-98). В своём движении на восток она достигла Саяно-Алтайских предгорий, где её представители стали основоположниками афанасьевской культуры (Сверчков, 2012; Allentoft et al., 2018. P.1-7). Другой их поток достиг Таримского бассейна, принеся в новые места обитания сходные с восточно-европейскими типы боевых топоров и специфический курганный погребальный обряд, но сохранив черты присущей им материальной и духовной культуры (Солодовников, 2009. С.131-132; Козинцев, 2012. С.122-126; Li Ch. et al., 2010. P.9-10; Mallory, 2010. P.44-53). С точки зрения лингвистики указанных мигрантов связывают с носителями тохарского и индоарийского языков, из которых тохарский язык в процессе распада ПИЕ общности был вторым по очереди после лувийского, с которыми специалисты связывают археологические культуры Средний Стог I-II в Восточной Европе (Иванов, 1992. С.8-31, 222-270).

Вторая волна миграций из Восточной Европы как на северо-восток, так и на юго-запад Евразии документируется распространением памятников носителей ямной, катакомбной и абашевской археологических культур средней и поздней бронзы (Головнёв, 2009. С.163; Борисов, Мимоход, Демкин, 2011. С.144-154; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2016. С.33, 50; Клейн, 2017. С.361-378; Григорьев, 2021. С.65-81)[12]. С интересующей нас точки зрения они демонстрируют способность соприкосновения и инфильтрации присущих ей элементов в другие археологические культуры Восточной Юго-Восточной Европы и Центральной Азии, демонстрируя их влияние, сосуществование и смешение в

11 Установлено, что начиная с эпохи неолита направления миграций носили разновекторный характер и подчинялись «синдрому маятника». См.: Haak, 2015, 3, 72, 74; Ling, 2019, 1-7.

12 По мнению одного из исследователей, это была это была эпоха попеременной власти и экспансии свергавших друг друга орд-элит, «родство» которых состояло в использовании сходных инструментов и символов власти. См.: Головнёв, 2009. С.163.

материальной культуре других как синхронных, так и диахронных по времени культурных общностей, проявляя тенденцию к смешению, господству и гибридизации на пути длительных миграций её носителей на далёкие расстояния (Северо-Западная Индия, Иранское нагорье, Балканский полуостров) (Dani et al., 2022. P.60-77; Preda-Balanica et al., 2020. P.91).

Орнаментация, типы и формы керамических сосудов, использование пароконных колесниц, произведения изобразительного искусства, распространение которых они демонстрируют, указывают на расположение исходного пункта (как и определяющего импульса) миграционного движения в Донецко-Донском и Доно-Волжском междуречье. Исследования памятников катакомбной и бабинской культур на сопредельных Среднедонскому очагу территориях свидетельствуют в пользу такой гипотезы (Пряхин и др.,. 2001; Литвиненко, 2011. С.108-122; Grigoriev, 2022. С.43-84).

В частности, миграция носителей абашевской культуры из Доно-Волжского междуречья способствовала продвижению восточноевропейского компонента на Южный Урал и в Зауралье (Жданов, 2012. С.8,9-10). Здесь же происходит рождение новых, сходных с абашевской (и сложившихся под воздействием её импульсов на местной основе) культур Аркаима-Синташты. Их носители, возможно, являлись ведийскими ариями (Хохлов, Китов, Нечвалода, 2016. С.283). Дальнейшая история этих массивов населения (связанная в том числе и с миграциями через Кавказ и Среднюю Азию) проявлялась в образовании культур и цивилизаций как на пути переселений на Иранское нагорье и в долину Инда (Бишкентская, Вахшская культуры, Сапалли, БМАК, и др.), так и на территориях новой родины этих мигрантов (Сват, Культура могильников Н, Санаули). С историческими судьбами носителей этих культур связано появление дардов и тохар в предгорьях Тибета, индоариев в долине р. Инд и иранцев в долинах Эльбурса (Сверчков, 2012. С.77-106; Witzel, 2019. P.58).

То же самое наблюдается и в развёртывании западного вектора, на реальную возможность которого в своё время указывал Ю.П. Матвеев (Матвеев, 2005. С.5-14). И хотя в самое последнее время С.А. Григорьевым, доказывающим в контексте лингвистической концепции происхождения индоевропейцев Иванова-Гамкрелидзе расположение прародины носителей носителей культур Синташты-Аркаима на Ближнем Востоке, вся картина этногенетических процессов эпохи средней и поздней бронзы в Евразии опровергается, в особенности примат переселенцев из Восточной Европы в складывании древнегреческого этноса (т.е. правомочность западного вектора), как показало исследование других скептиков, поставивших под сомнение колесничную сущность аристократического сословия пастушеско-скотоводческих (синхронных по времени южноуральским племенам) обществ населения Днепро-Донской, Донецко-Донской и Доно-Волжской степных и лесостепных областей Восточной Европы (Grigoriev, 2018. P.99-104; Grigoriev, 2022. P.43-48), приводит, фактически, к обратному результату (Санжаров, 2010).

Более того, накопление конкретных фактов в современной науке (в особенности относительно места, времени, территорий и исторической роли сейминско-турбинского феномена), в очередной раз подтверждает верность ранее сформулированной концепции, согласно которой культуры ведийских ариев Индии и древних греков Фессалии, Македонии, Эпира и Аттики — результат смешения и взаимодействия, синкретизма и гибридизации пришлых пастушеско-скотоводческих культур степи и лесостепи Евразии с обитателями Индостана и Балкан, с которыми они пришли во взаимодействие в ходе завершения своих разнотипных (и множественных) миграций (Ковтун, 2012. С.53-70; Drews, 2017; Grigoriev, 2022. P.5-46; Bryce, 2016. P.73). Как писал по этому поводу А.И. Немировский, «отправились в путь прадеды, перешли Гиндукуш правнуки» (Немировский, 2000. С.252). Понятно, почему заселение Балканского полуострова и островов Эгеиды смешанным греко-фрако-фригийским и индо-арийским (а возможно и

иранским) населением специалисты разных наук предпочитают рассматривать в рамках одного и того же исторического процесса (Antony, 2007. P.258-260; 361-389). Он развивался на разных этапах среднего и позднего бронзового века Греции (СЭ и ПЭ периоды, 2200-1750 гг. до н. э.) и имел, несмотря на существующие попытки его удревнения и омоложения специалистами (Pullen, 2010. P.38), непосредственное отношение к миграциям носителей археологических культур Средний Стог II, новоданиловская, ямная, катакомбная и абашевская (бабинская), развивавшихся в условиях резких климатических изменений в Центральной Евразии в 2200-1600 гг. до н.э. (Таиров, 2003. С.7, 12, 16; Alexandrovskiy, 2001. P. 632; Velichko et al., 2002. P.75; Lazaridis et al., 2015. P.1-4; Григорьев, 2021. С. 222-238).

Многочисленные факты сходств в погребальном обряде, архитектуре, конструкции и обустройстве могил колесничных воинов, постановка изобразительных стел на вершинах курганных насыпей, практика захоронения лошадей и колесниц, одежда и воинский доспех – тому подтверждение (Parpola, 2020. P.175-198). На этом основании принято полагать влияние этих степных компонентов на формирование культуры предков ведийских и авестийских ариев, древних эллинов, и возможно, присутствовавших в составе тех и других этрусков-тирсенов, контактировавших с предками кельтов, германцев, славян и балтов в период до переселения в места своего нового проживания (Kristiansen, 2017. P.334-347).

Последнее закономерно проявилось в единстве представлений древних греков, ариев и этрусков о расположении их прародины на Севере, обитании некогда в приполярных областях (Шветадвипа, Ариана Вайджо, Гиперборея). Это является дополнительным аргументом в пользу доказательства историчности данных античной традиции о гипербореях и Гиперборее в контексте представлений у древних греков эпохи классики о своём этногенезе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н.А. Эпоха палеометалла Зеравшанской долины в системе евразийских древностей /Н. А. Аванесова // Human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). Vol. 1. Almaty, 2022.

Борисов А. В., Мимоход Р. А., Демкин В. А. Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время. КСИА. Вып. 225. 2011.

Жданов В.С. Синташтинская культура (Аркаим). Эскиз «Дорожной карты» к разгадке Цивилизационного феномена в древней Евразии. Бюллетень Оренбургского научного центра УрО РАН. №2: 9-10. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sintashtinskaya-kultura-arkaim-eskiz-dorozhnoy-karty-k-razgadke-tsivilizatsionnogo-fenomena-v-drevney-evrazii (дата обращения: 23.01.2023).

Герасимова Л.Ю. Карл Кереньи и его «обхождение с божественным» // Кереньи К. Дионис. Прообраз неиссякаемой жизни. М., 2007.

Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М., 2006.

Гиндин Л.А. Население Гомеровской Трои. Историко-филологические исследование по этнологии древней Анатолии. М., 1993.

Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.

Григорьев С.А. Древние Индоевропейцы. Челябинск, 2015.

Григорьев С.А. Колесницы в Балкано-Карпатье, происхождение греков и фракийцев и проблемы исторической хронологии // Magistra Vitae. Электронный журнал по историческим наукам и археологии. № 2. 2021.

Григорьев С.А. Проблема доместикации лошади на Ближнем Востоке.в III тыс. до н.э. Уфимский археологический вестник. Т. 21, № 2. 2021а.

Иванов Вяч. Вс. Памятники тохароязычной письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. М., 1992.

Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007. (URL: http://crimeanbook.com/blog/wp-content/uploads/downloads/2014/04/Klejn _2007.pdf (дата обращения 1.03.2023).

Клейн Л. С. Ямная, не ямная. Stratum: 2017.

Ковтун И.В. Сейминско-турбинские древности и индоарии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4 (19). 2012.

Козинцев А. Г. Из степи — в пустыню: ранние европеоиды Восточного Туркестана по данным генетики и антропологии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Книга 1. СПб., 2012.

Конча С.В. Перспективи єтногенетичних реконструкцій за кам'яної доби (матеріали індоєвропеїстики) // Шлях. 2004. Віп. 5. 2004.

Конча С.В. «Степова» концепція походження індоєвропейців на сучасному єтапі // Археологія. № 3. 2004а

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М., 2008.

Литвиненко Р.А. Культурный круг Бабино: название, таксономия и структура. КСИА. Вып. 225. М., 2011.

Матвеев Ю.П. О векторе распространения «колесничных» культур Евразии // РА. № 3. 2005.

Немировский А И. Мифы древности. Эллада. Научно-художественная энциклопедия. М., 2000.

Немировский А.И. Мифы древности. Индия. Научно-художественная энциклопедия. М., 2000а.

Немировский А.И. Мифы древности. Ближний Восток. Научно-художественная энциклопедия. М., 2001.

Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. М., 1988.

Перцева М.А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века // Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. СПб., 2018.

Писаревский Н.П. Инды за Фракией (к исторической интерпретации одного сюжета греческих мифов (Apollod., Myth. Bybl., III, 5, 2). // Древние цивилизации: социум и человек: доклады конференции Российской ассоциации антиковедов с международным участием ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 4–6 октября 2018 г. / отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль, 2018.

Писаревский Н.П. Греческий Дионис в стране индов за Фракией // Via in tempore. История. Политология. Вып. 47(1). 2020.

Писаревский Н.П. Миф и география: география и история в античном мифе // Via in tempore. История. Политология. Том 48. № 3. 2021.

Писаревский Н.П. Археология мифа (историографический аспект) // Via in Tempore. История. Политология. Т. 49. № 1. 2022.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Погребения с древнейшими псалиями степной Евразии: социологическая интерпретация // Уфимский Археологический Вестник. №16. 2016.

Поляков А.В. Культурно-исторические процессы на северо-восточной окраине Евразийских степей в эпоху палеометалла // Human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). Vol. 1. Almaty, 2022.

Пряхин А.Д., Беседин В. И. Конская узда периода Средней бронзы в

восточноевропейской степи и лесостепи // РА.№ 3. 1998.

Пряхин А.Д. и др. Доно-Волжская абашевская культура. Воронеж, 2001

Ренфрю К. Индревропейская проблема и освоение евразийских степей: вопросы хронологии // ВДИ. 2002. № 2.

Санжаров С.Н. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. Луганск, 2010.

Сверчков Л.М. Тохары. Древние индоевропейцы в центральной Азии. Ташкент, 2012.

Семененко А.А. О возможности размещения первичного очага носителей индоевропейских языков в пограничье Ирана, Афганистана, Средней Азии и Индостана // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 7. Исследования Гонур-депе 2014-2015 гг. М., 2018.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы афанасьевской культуры: к проблеме происхождения // Вестник антропологии. Научный альманах. Выпуск 17. М., 2009.

Старостин С.А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.

Таиров А.Д. Изменение климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II-I тыс. до н.э. Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003.

Тележко Г.М. Следы контактов носителей индоевропейских диалектов в базовой лексике ближайших языков–потомков // Universum: филология и искусствоведение. Научный журнал. № 3(93): 2022.

Тойнби А.Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М., 2009.

Хохлов, А.А. Китов Е.П., Нечвалода А.И. Люди бронзового века Аркаимской долины (к вопросу о преемственности населения от ямной к синташтинской культуре) // Stratum Plus. № 2. 2016.

Худавердян А.Ю. Антропологические аспекты индоевропейской проблемы // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Социология. Информатика. № 19 (90). Вып. 16. 2010.

Черных Е.Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М., 2013.

Яйленко В.П. Индоарии – киммерийцы – тавры: Северное Причерноморье VIII–VII вв. до н. э. в мифологической традиции и ономастике // Древности Боспора. Вып. 15. 2011.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren, K.-G, Simon Rasmussen S. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522.

Alexandrovskiy A.L. et al. Chronology of Soil Evolution and Climatic Changes in the Dry Steppe Zone of the Northern Caucasus, Russia, During the 3rd Millennium BC // Radiocarbon. 2001. Vol. 43. Iss. 2B. : 632.

Anthony D. W. The Horse, the Wheel, and Language. How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton, 2007.

Antony D. Persistent identity and Indo-European archaeology in the western steppes // In: Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne Research Station of the University of Helsinki 8-10 January, 1999 / Ed. by Christian Carpelan, Asko Parpola and Petteri Koskikallio. Helsinki, 2007a.

Antony D.W. Two IE phylogenies, three PIE migrations, and four kinds of steppe pastoralism // Вопросы языкового родства. Вып.9. 2013..

Anthony D., Ringe D. The Indo-European Homeland from Linguistic and Archaeological Perspectives // Annual Review of Linguistics. № 1. 2015.

Bernhard R. Historical Myth – A definition from the perspective of History Education

Research // Myths in German-language Textbooks: Their Influence on Historical Accounts from the Battle of Marathon to the Élysée Treaty / Ed. by Roland Bernhard, Susanne Grindel, Felix Hinz and Christoph Kühberger. Meres, 2019.

Bryce Tr. The land of Hiyawa (Que) revisited // Anatolian Studies. Vol. 66. 2016.

Dani Já., Preda-Bălănică B., Angi Já. The Emergence of a New Elite in Southeast Europe: People and Ideas from the Steppe Region at the Turn of the Copper and Bronze Ages // First Kings of Europe. Prehistoric Southeastern Europe / Ed. by Attila Gyucha and William A. Parkinson. ſCotsen, 2022..

Dawson E. Central Asia. A History of Indo-Europeans, Migrations and Language. Map. 3. // The History Files www.historyfiles.co.uk on 23 August 2017 (дата обращения 1. 03. 2023 г.).

Drews R. Militarism and the Indo- Europeanizing of Europe. London, 2017.

Gibbons A. Thousands of Bronze Age Horsemen May Have Swept into Europe, Transforming the Local Population // Science. 2017. Februare 21 // URL: http://www.sciencemag.org/news/2017/02/thousands-horsemen-may-have-swept-bronze-age-europe-transforming-local-population (дата обращения 28. 02. 2023).

Golgatan Fl. Transylvania and the Indo-European migration. The Romanian paradigm // Lietuvos Arheologija. № 47. 2021.

Grigoriev St. Archaeological Cultures of the Near East and Northern Eurasia In Light of the Indo-European Problem // Archaeology & Anthropology: Open Access. Vol. I. Iss.4. 2018.

Grigoriev St. Origins of the Greeks and Greek dialects // Journal of Ancient History and Archaeology. №9(1). 2022.

Grigoriev St. Cultural genesis and processes in Central and Eastern Europe in the 3rd Millenium BC: Yamnaya, Cordedware, Fatyanovo and Abashevo // Journal of Ancient History and Archaeology. N. 9. Iss.2. 2022a.

Haak W., Lazaridis I. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // bioRxiv. 2015. (URL: https://www.biorxiv.org/content/10.1101/013433v1) (дата обращения 10. 02. 2023).

Hard R. The early mythical history of Argos // The Routledge Handbook of Greek Mythology. Partially Based on H.J. Rose's A Handbook of Greek Mythology / Ed. by R. Hard. Abingdon, 2020.

Harmatta J. Proto-iranians and Proto-Indians in Central Asia in the 2nd Millenium B. C. (Linguistic evidence). Nartamongat. Vol. 9. № 1. 2012.

Hurka H., Friesen N. et al. The Eurasian steppe belt: Status quo, origin and evolutionary history. Turczaninowia. Vol. 22. Iss. 3. 2019.

Indo-European Chronology Comments to the table. 2023 (URL: https://tied.verbix.com/project/chron/chron0.html (дата обращения 1. 03. 2023).

Indo-European etymology. The Global Lexicostatistical Database 1998–2003 (URL: http://starling.rinet.ru/cgibin/query.cgi?basename=\data\ie\piet&root=config&morpho=0 (дата обращения: 19.05.2021).

Kaliff A., Oestigaard T. The Great Indo-European Horse Sacrifice 4000 Years of Cosmological Continuity from Sintashta and the Steppe to Scandinavian Skeid / A. Kaliff, T. Oestigaard. Uppsala, 2020

Krimpas P. G. Four Centuries of Theorizing on "Thracian" Language(s): A Critical New Look // Balkanistica. Vol. 35. 2022.

Kristiansen Kr. Re-theorising mobility and the formation of culture and language among the Corded Ware Culture in Europe / Kr. Kristiansen. Antiquity. Vol. 91. Iss. 356. 2017.

Kõiv M. Cults, Myths and State Formation in Archaic Argos // When Gods spoke. Researches and reflections on religious phenomena and artefacts / Ed. Peeter Espak, Märt Läänemets, Vladimir Sazonov. Tartu, 2015.

Lazaridis I. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European

languages in Europe // Nature. 2015. Vol. 000.

Li Ch. *et al.* Evidence that a West-East admixed population lived in the Tarim Basin as early as the early Bronze Age . BMC Biology. Vol. 8. Iss.1. 2010.

Leitch Ch. Alexander the Great's Use of Myth on Campaign. 2023 // URL: https://www.google.ru/search?ie=UTF (дата обращения 6. 02. 2023)

Mallory J. P. Bronze Age languages of the Tarim Basin. Expedition. Vol. 52. Iss. 3. (3). 2010.

Marinov Th. Ancient Thrace in the Modern Imagination: Ideological Aspects of the Construction of Thracian Studies in Southeast Europe (Romania, Greece, Bulgaria) / Ed. by Roumen Daskalov, Alexander Vezenkov // Entangled Histories of the Balkans. Vol. 3: Shared Pasts, Disputed Legacies. Leiden; Boston, 2015.

Martirosyan H. The place of Armenian in the Indo-European language family: the relationship with Greek and Indo-Iranian // Вопросы языкового родства. № 10. 2013.

Mergenthaler V. Perseus // Der Neue Pauly on line. Suppl. I. Bd.5. 2008.

Mitchell L. Euboean Io // The Classical Quarterly. Vol. 51. Iss. 2. 2001.

Parpola A. Formation of the Indo-European and Uralic (Finno-Ugric) language families in the light of archaeology: Revised and integrated "total" correlations // Linguistic map of prehistoric North Europe / Ed. Riho Grünthal, Petri Kallio. Helsinki, 2013.

Parpola A. The Roots of Hinduism: The Early Aryans and the Indus Civilization. Oxford, 2015.

Parpola A. Royal «Chariot» Burials of Sanauli near Delhi and Archaeological Correlates of Prehistoric Indo-Iranian Languages // Studia Orientalia Electronica. Vol.8. 2020.

Patterson L.E. Kinship Myth in Ancient Greece. Austin, 2010.

Preda-Balanica., B. Frinculeasa A., Heyd , V. The Yamnaya Impact North of the Lower Danube A Tale of Newcomers and Locals // Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise. Vol. 117. №. 1. 2020.

Pullen D. The Coming of the Greeks // The Cambridge Companion to the Aegean Bronze Age / Ed. by Cynthia W. Shelmerdine. The University of Texas at Austin. Cambridge, 2010.

Rahbar M. Historical Iranian and Greek Relations in Retrospect // Ancient Greece and Ancient Iran: Cross-Cultural Encounters. 1st International Conference (Athens, 11-13 November 2006) / Ed. by Seyed Mohammad Reza Darbandi and Antigoni Zournatzi. Athens, 2008.

Shah B. Hyperborean, Issedones and Vedic Aryans of Prehistory and new findings on related Archeology and Genetics. 2023. URL: https://www.academia.edu/19814780/Hyperborean_Issedones_and_Vedic_Aryans_of_Prehistory_and_new_findings_on_related_Archeology_and_Genetics (дата обращения 23. 01. 2023).

Shishlina N. et al. The catacomb cultures of the North-West Caspean Steppe: 14 C Chronology? Reservoir effect, and paleodiet. Radiocarbon. Vol. 49. №. 2. 2007.

The genomic history of southeastern Europe 2018. Nature. Vol. 000: 1-7.

Velichko A.A. et al. Climate changes in East Europe and Siberia at the Late Glacial–Holocene transition // Quaternary International. Vol. 91. Iss. 1. 2002.

Witzel M. Early 'Aryans' and their neighbors outside and inside India // JBios. 2019. Vol. 44. Iss. 3. 2019.

Zographou Ger. Généalogie et historiographie: Une réécriture de la généalogie des rois de Sparte. Le cas de Démarate chez Hérodote. Kernos. Vol. 20. 2007.

Подгорцевская группа булавок скифской эпохи с ажурными навершиями: типология и ареал

© 2023 г. А.А. Чубур

НИЦ комплексного изучения Среднеднепровского региона, Брянск

Предлагается типология подгорцевских ажурных наверший биметаллических булавок раннего железного века. Основная концентрация таких вещей наблюдается в Киевском Поднепровье по обоим берегам Днепра. Учтено 158 находок, выделено 4 типа, делящихся на подтипы. Сделан вывод о культурном единстве рассмотренных изделий и, при этом, о разделении милоградских и подгорцевских древностей.

Ключевые слова: ранний железный век, украшения, ажурные булавки, Днепровско-Припятское полесье, подгорцевская культура

PODGORTSEVA GROUP OF PINS OF THE SCYTHIAN ERA WITH OPENWORK FINISHES: TYPOLOGY AND AREA

© 2023 A. A. Chubur

The typology of the Podgortsevo openwork tops of the bimetallic pins of the early Iron Age is proposed. The main concentration of such things is observed in the Kievian Podneprovie on both shores of the Dnieper. 140 finds were taken into account, 4 types (in turn are divided into subtypes) were allocated. The conclusion was drawn about the cultural unity of the considered products and, at the same time, the separation of Milograd and Podgortsevo antiquities.

Key words: Early Iron age, jewelry, openwork pins, Dnieper-Pipyat Polesie, Podgortsevo culture

Одной из ярких и самобытных групп произведений ювелирного искусства скифской эпохи в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы являются ажурные навершия биметаллических булавок, исполненные в технике литья по плетеной восковой модели. Типологии и распространению листовидных ажурных наверший была посвящена одна из моих работ (Чубур, 2011). В.В. Приймак заметил, что в ней «не учтен еще один тип анализируемых украшений – из Подгорцевского селища. Имеются основания считать их характерными для подгорцевских древностей» (Приймак, 2019. С. 36). Данная работа посвящена подгорцевской группе ажурных наверший.

Несмотря на более чем вековой период изучения подгорцевских древностей эта группа редко привлекала внимание исследователей (Козловська, 1927. С. 45-50; Даниленко, 1953. С. 198) и практически не подвергалась систематизации. М.И. Лошенков считает, что сохранившиеся экземпляры указывают на отсутствие однообразия: все изделия сугубо индивидуальны (Лошенков, 2011. С. 186). Учитывая технологию выплавляемой восковой модели, каждая вещь действительно эксклюзивна, но меж тем есть признаки, позволяющие выделить несколько групп. Е.В. Максимов и Е.А. Петровская выделили два типа: с круглой головкой и со сдвоенными щитовидными круглыми головками (Максимов, Петровская, 2008. С. 70-71). С.Е. Рассадин разделил милоградские булавки на группы с круглым, прямоугольным и сложноажурным навершием (Рассадин, 2005. С.33). Выяснилось, что прямоугольные навершия распространены преимущественно к северу от ареала остальных вещей, и нуждаются в отдельном рассмотрении. Остальные две группы уверенно делятся на ряд устойчивых и внутренне цельных типов и подтипов с учетом набора элементов.

Эти элементы таковы: *Игла* – ось изделия, чаще железная, на которую напаяно бронзовое навершие, а иногда единая с навершием бронзовая. Навершие делится на: *щиток* (венчающая часть) и *корпус* (часть вдоль иглы). В состав корпуса входит облегающий верх иглы футляр с *гофрами*, имитирующими обмотку шнурком, нитью. Сбоку корпуса

может располагаться дополнительный щиток. Ажурную конструкцию образуют *нервюры* – нитевидные элементы, одиночные или *пучки* (2-3 и более нервюр слитно, либо веером); *волюты* – двуспиральные S-видные элементы с «глазками» в центре спиралей; *розетки* – формы из 4-5 круглых бляшек: 1 в центре и 3-4 по периметру. Края навершия могут быть гладкими, имитировать *витой шнурок*, нести *жемчужины* (небольшие округлые выпуклости) или волну *петель*.

Можно было пойти по пути полной формализации, присвоив каждому элементу и его разновидности цифровые и знаковые индексы, и видеть тип в каждой новой развернутой серии символов. Однако избыточно формализованная типология громоздка, тяжела в восприятии, и в силу эксклюзивности изделий приводит к неоправданно большому количеству таксонов, которые сложно систематизировать. К счастью, есть ряд легко фиксируемых устойчивых базовых сочетаний элементов с некоторыми вариациями – именно они выделены нами как типы (цифра), а значимые вариации элементов внутри устойчивого сочетания определяют подтип (буква). Рассмотрим выделенные таксоны.

Тип 1 – булавки с круглым ажурным щитком и прямоугольным корпусом, напоминающие перо павлина (Рис.1, 2). В центре щитка имеется крестовидная розетка, из-под нее к краям щитка радиально отходят по отдельности или пучками лучи-нервюры. Пучки плотные (Рис.1. 7) или веером (Рис.1. 9, 18), количество нервюр и форма пучков не образуют устойчивых сочетаний. По оси корпуса вдоль железной иглы гофры, по ее бокам тянутся продольные нервюры от 1 до 4 рядов, иногда больше, либо между осью и краем корпуса имеется ажурная сетка из волют или нервюр. С внешней стороны по краю щитка и корпуса часть наверший обрамлена волной петелек. Внизу, на выходе иглы, симметрично к ней расположены два округлых ушка для соединения с другими украшениями или крепления на одежде. До недавнего времени было известно до 20 булавок типа 1, более половины хранится в Национальном музее истории Украины (из погребений с. Рудяки, с поселения Скрипки, из кургана Гайманова Могила, экземпляры случайных находок в пределах Киевского Поднепровья, Веремье, Букрин, Прзоревка и др.) (Максимов, Петровская, 2008. С. 70). Анализ находок типа 1 (учтено 87 булавок) позволил выделить несколько подтипов по оформлению корпуса:

1-а – корпус из продольных нервюр с гладким краем (Рис.1. 2-5, 7, 8, 11-15, 17, 18) иногда имитирующим витой шнурок или несущим ряд мелких «жемчужин» - переходы к 1-б (Рис.1. 1, 6, 9, 10, 16) Два навершия (Рис.1. 12, 14) украшены розетками на корпусе поверх нервюр справа и слева от оси (связь с подтипом 2-в). На одном низ корпуса прикрыт умбоновидной круглой накладкой (Рис.1. 16), накладка – самостоятельный элемент убора и в типологической схеме не учтена, но укажем на её наличие. Учтено 28 изделий. Данный подтип распространен в бассейне Днепра – как на левобережье (Полтавская, Сумская, Киевская обл. Украины, Гомельская обл. Республики Беларусь), так и на правобережье (Черкасская, Киевская, Житомирская, Хмельницкая обл. Украины), единичная находка известна из Львова. Концентрация 63% в Киевском Поднепровье.

1-б – корпус, как у 1-а, из плотно прилегающих продольных нервюр, но навершие опоясано волной петель (Рис.3. 1-17, Рис.4. 1-17). Учтено 35 изделий. Распространение: крайняя восточная точка – находка в кургане Гайманова могила в Запорожской обл. Украины (Бидзиля, Полин, 2012), юг ареала связан с Винницкой обл. Ядро в Киевском Поднепровье (свыше 70% находок).

1-в – корпус ажурный, заполнен 3-5 S-видными волютами с каждой стороны. Петли (в 1 случае ряд жемчужин) обрамляют периметр (Рис.5. 1-6, 11). Распространен этот редкий подтип (учтено 7 изделий) на Днепровском левобережье (Полтавская, Черниговская, Сумская, Киевская обл. Украины). Возможно, S-видные волюты результат влияния распространенной к северо-западу юхновской культуры, для металлопластики которой данный элемент весьма характерен (Чубур, 2011).

1-г – корпус ажурный, заполнен группами радиально расходящихся нервюр. В

заполнении корпуса получают развитие те же веерообразные пучки нервюр, что в щитках всего типа 1. Веером каждый пучок расходится от оси к периметру (Рис.5. 8, 13, 14, 18), либо пучки одновременно расходятся от края к оси и от оси, и, пересекаясь, образуют косую сетку (Рис.4. 17; Рис.5. 7, 9, 10, 12, 15-17). Волна петель обрамляет периметр, редко ее местами заменяет ряд мелких жемчужин (Рис.5. 14). Подтип характерен преимущественно для Днепровского правобережья, дериват известен из Ровенской обл. Украины (Рис. 4: 20). Учтено 14 экземпляров.

1-д – упрощенный корпус: гофрированная ось, дополненная мелкими парными умбоновидными щитками по бокам. Такое изделие (периферийный дериват?) происходит из Хмельницкой обл. Украины (Рис.2. 11).

У цельнолитой булавки из-под Львова с круглым ажурным щитком, окруженным петлями, игла вовсе не обременена корпусом (Рис.2. 1), это изделие близко к одной из групп булавок лужицкой культуры и, возможно, генетически связано с ними. Веера нервюр, как элемент, могут происходить из фракийского гальштата, где такие пучки изображали хохолки на головах орнитоморфных фигур на солярном круге (Рис.2. 12-16; Рис.8. 13).

Тип 2 – булавки с щитком в виде соединенных небольшой розеткой двух круглых головок, выпуклых с лицевой и вогнутых с тыльной стороны, обычно украшенных имитирующими витой шнур концентрическими спиралями и обрамленных по краю мелкими жемчужинами. Оформление корпуса с ушками для привязывания аналогично типу I, однако к средней части слева крепится треугольный ажурный щиток, похожий на секиру-лабрис (Рис.6). Устойчивые формы крепления щитка к корпусу позволили выделить подтипы. До недавнего времени были известны 4 находки - 2 из с. Подгорцы, 1 из с. Сорока Винницкой обл. и 1 из каталога Ф.Ф. Кундеревича – изучить последнюю у меня пока не было возможности, в свод она не вошла (Петровская 1971, с.20; Максимов, Петровская, 2008, С. 71). Теперь учтено 42 изделия типа 2, включая отломанные двойные щитки (3 экз.), которые невозможно атрибутировать до подтипа.

2-а – в средней части корпуса расположена накладка в форме «мальтийского креста» (сведенные вершинами треугольники) с увеличенной левой лопастью ажурной (Рис.6: 1-15, Рис.7: 1-5, 10-11) либо пластинчатый с прорезными треугольными отверстиями, часто, обрамлением волной петель (Рис.7: 1, 10) или волют (Рис.7: 2) по краю. Учтено 22 изделия. Ядро ареала – Киевское Поднепровье (75%), единичны в Житомирской, Хмельницкой, Черниговской обл. Украины, дериват – в Минской обл., Беларусь.

2-б – в средней части корпуса расположены две S-видные волюты с которыми связан боковой треугольный щиток. Представлен пока 1 экземпляром из Вышгорода (Рис.7: 6).

2-в – в средней части корпуса розетка в виде косого креста, связанная с треугольным ажурным боковым щитком слева от корпуса (Рис.7. 7-9, 12-14; Рис.8. 1-11), учтено 16 изделий. Только Киевское и Житомирское Поднепровье.

Тип 3 - булавки с щитком в виде двух круглых головок, слегка выпуклых с лицевой стороны или уплощенных, украшенных имитирующими витой шнурок концентрическими спиралями (Рис.9). На головках почти всегда имеются вееры нервюр-антенн либо прорезные треугольные композиции с псевдозернью. По оформлению щитка и выделены подтипы. Корпус – гофрированная ось, простая или оформленная по бокам волной или зигзагом. Ядро ареала в Киевском Поднепровье, отдельные вещи из Винницкой, Хмельницкой, Харьковской обл. Украины. Учтено 22 изделия.

3-а – вееров на щитке нет, корпус из параллельных гофрированной оси нервюр. Две находки (Белоцерковский р-н Киевской обл.) (Рис. 9: 1, 2).

3-б – нервюры расходятся пучками вверх от головок щитка, иногда также от среднего стыка головок, верхние концы с жемчужинами соединены дугой. Корпус ажурный: зигзаг или волна с двух сторон от гофрированной оси. Учтено 7 изделий (Рис.9.

3-4, 8-10, 15, 18). Иногда корпус и железная игла отсутствуют – прямо из щитка тянется цельнолитая игла из бронзы (Рис.9. 18).

3-в – на головках щитка тройная волна (видимо, сильно стилизованное парное орнитоморфное изображение: ср. Рис.8. 13), из трех верхних выступов которой расходятся пучки нервюр, выше соединенные дугой или прямой перекладиной. Учтено 9 изделий (Рис.9. 5-7, 11, 14, 17, 19, 22-23) пока исключительно из Киевского Поднепровья.

3-г – на головках щитка вершинами вниз 4 треугольных фестона, покрытые псевдозернью, или треугольнички в шахматном порядке и образующие ажурные треугольники большего размера, как в привесках типа IIВ (Чубур, Симутина, 2021. С. 125), Корпус чаще только гофрированная ось с петлей для крепления, редко обрамлён нервюрами, как Тип-1 и 2. Все 4 изделия происходят из Киевского Поднепровья (Рис.9. 13, 16, 20-21).

Тип 4 - булавки с щитком в виде двух круглых головок, слегка выпуклых с лицевой стороны или уплощенных, украшенных имитирующими витой шнурок концентрическими спиралями. В одном случае щиток раздвоен и имеет сразу две пары круглых головок (Рис.9. 12). Ажурный корпус оформлен двумя дугообразными нервюрами с волной петель по внешнему краю, формирующими овал, внутри которого между краем и гофрированной осью расположены спиральные волюты, либо умбоновидные щитки с волной петель вокруг (Рис.10). В силу малочисленности выделять подтипы представляется преждевременным. Известно 7 изделий из Киевской, Житомирской и Хмельницкой обл.

Таким образом, невзирая на визуальное разнообразие, ажурные навершия Киевского Поднепровья и сопредельных территорий несут единый набор элементов с выразительными вариантами их устойчивых сочетаний. Это дает основания считать рассмотренные изделия принадлежащими единому населению. При этом в Гомельском и Минском Поднепровье в ареале милоградской культуры ажурные бронзовые навершия представлены единичными грубыми дериватами, что в очередной раз заставляет связывать милоградские и подгорцевские древности с разными группами населения. Что касается ареала, нельзя забывать, что реки не служили пограничьями племен. Река, даже столь полноводная, как Днепр, как транспортный путь, обычно имела на определенном участке течения одного «хозяина» по обоим берегам. Не удивительно, что левобережье и правобережье Киевского Поднепровья представляли в раннем железном веке единый подгорцевский регион с локальными особенностями, возможно отражающими внутриплеменную структуру.

Учитывая то, что заметная часть проанализированных 158 вещей является так называемыми «случайными находками», вынужден повторить: катастрофа металлопоиска не даёт нам права игнорировать как реально случайные, так и даже грабительские находки. Напротив, задача археолога не вычеркнуть без следа, а спасти и сохранить хотя бы крохи информации. Артефакт не виновен, что вырван из контекста и угодил в частное собрание (кстати, в XIX – начале XX вв. такова была судьба большинства артефактов, что не мешало вводить их в оборот, например в каталоге четы Ханенко и подобных изданиях). Игнорировать вещь, «умывая руки» и прикрываясь почти безрезультатной «борьбой с преступным мародерством», тоже преступно. Да, следует быть осторожными в отношении информации о месте и обстоятельствах таких находок (потому-то в своде далеко не всегда приведена топография). Однако это обстоятельство не влияет на облик вещей и, соответственно, на типологические штудии. Автор будет благодарен за любые дополнения и уточнения по любой из вещей, включенных в свод.

Приложение

СВОД НАХОДОК ПОДГОРЦЕВСКИХ БУЛАВОК С АЖУРНЫМИ НАВЕРШИЯМИ

Вещи, имеющие лишь надежную привязку к региону, даны без указания населенных пунктов. Отмечены предметы, хранящиеся в государственных музеях. Находки из частных коллекций, даны без указания места хранения.

УКРАИНА

Винницкая область

1. Винницкий р-н. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (4+4) и круглым щитком с 18 радиальными нервюрами, волна петель по периметру. Длина 7,6 см (Рис.3. 3).

2. Винницкий р-н. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и круглым щитком с 5 радиальными пучками тройных нервюр, волна петель по периметру, сохранилась железная игла. Полная длина 19,3 см, из них навершие 6,8 см (Рис.4. 13).

3. Винницкий р-н. Тип 1-г с прямоугольным ажурным корпусом заполненным пучками из 3 нервюр, веером расходящихся от оси по 5 с каждой стороны, круглый щиток с радиальными нервюрами (часть сломана), волна петель по периметру. Длина 8,4 см (Рис.5. 8).

4. Гайсинский р-н. Тип 3-б – с волютовидным двойным щитком, нервюры утрачены. Корпус ажурный: волна с жемчужинами по обе стороны гофрированной оси, слева под щитком кольцо для привязывания. Сохранившаяся длина 4,8 см (Рис.9. 8)

5. Сорока с. Винницкий р-н (быв. Ильинецкий р-н). Тип 2. В насыпи кургана (Петровська 1971, С.20). Национальный музей истории Украины, Киев.

Житомирская область

1. Житомир, тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (6+6) и круглым щитком с радиальными нервюрами, край корпуса гладкий, край щитка с имитацией витого шнурка. Длина 7,5 см (Рис.2. 1).

2. Звягель (Новоград-Волынский), тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (2+2) и круглым щитком с 5 радиальными группами по три нервюры, волна петель по периметру. Длина 7,5 см (Рис.3. 6). В составе комплекса из 3 умбоновидных нашивок и 3 малых и 1 большой треугольных ажурных привесок (погребение или вотивный клад).

3. Коростышев, тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (4+4) и круглым щитком с 20 радиальными нервюрами, край оформлен жемчужинами. Длина 8 см (Рис.1. 4).

4. Ружин, тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и круглым щитком, края корпуса гладкие, край щитка имитирует плетеный шнурок, щиток заполняют 6 двойных нервюр, на корпус в районе отверстий для привязывания наложена умбоновидная бляшка. Длина навершия 7 см, диаметр бляшки 2,2 см (Рис.1. 16).

5. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (4+4) и круглым щитком с 24 образующими 6 групп радиальными нервюрами, волна петель по периметру, крупные петли в основании корпуса. Длина 7,8 см (Рис.3. 2),

6. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (4+4) и круглым щитком с 5 пучками из 3 нервюр, волна петель по периметру. Длина 8,7 см, из них навершие составляет 6,9 см, остальное – фрагмент железной иглы (Рис.4. 7).

7. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и круглым щитком с 8 сдвоенными нервюрами, волна петель по периметру щитка, на корпусе петли

отсутствуют (переходная форма между подтипами а и б). Длина 7 см (Рис.4. 16).

8. Тип 1-б (?), фрагмент нижней части корпуса с параллельными нервюрами (4+4), петли по периметру. Длина 2 м (Рис.4. 19).

9. Тип 1-г с прямоугольным ажурным корпусом, заполненным пучками нервюр, радиально расходящихся от оси, по 9 тройных с каждой стороны, и круглым щитком с 10 тройными радиальными пучками нервюр, волна петель по краю. Длина 9,5 см (Рис.5. 7).

10. Тип 1-г с прямоугольным ажурным корпусом заполненным пучками двойных нервюр, V-образно расходящихся от оси по 4 с каждой стороны (зигзаг) и круглым щитком с 6 пучками по 5 вееров нервюр, волна петель по периметру. Длина 7,2 см (Рис.5. 13).

11. Тип 1-г с прямоугольным ажурным корпусом, заполненным косой сеткой нервюр, и круглым щитком с 22 радиальными нервюрами, волна петель по периметру. Длина 8,5 см (Рис.4. 18).

12. Тип 2-а - с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с продольными нервюрами (3+3). На боковом треугольном щитке два ряда (5+7) треугольных отверстий, обращенных вершинами друг меж другом и ребра жесткости по нижним краям. Длина 7 см (Рис.6. 9).

13. Тип 2-а с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с продольными нервюрами (3+3). На боковом треугольном щитке два ряда (3+5) треугольных отверстий с вершинами друг меж другом, а также следы ряда петель по широкому краю. Длина 7,7 см (Рис.7. 10).

14. Тип 2-в с двойным умбоновидным щитком и накладкой-розеткой на корпусе с 3 продольными гофрированными осями. Волна петель по периметру. Обрамленный жемчужинами боковой треугольный щиток, заполнен 6 рядами из 15 S-видных волют, еще две волюты на углах щитка. Длина 7,4 см (Рис.7. 8).

15. Тип 4 – с двойным умбоновидным щитком и ажурным корпусом, где пространство между дугообразными боками с волной петель и гофрированной осью симметрично по обе стороны заполняют два ряда односпиральных волют – 6 небольших во внешнем ряду, и 3 – большая в центре и малые выше и ниже во внутреннем, отделенном от внешнего дугообразной нервюрой. Длина 10,2 см (Рис.10. 6).

Запорожская область

1. Курган Гайманова могила, гробница № 3. Тип 1-б, волна петель по периметру, сохранился щиток, заполненный 11 тройными нервюрами (Рис.3. 15) (Бидзиля, Полин, 2012). Национальный музей истории Украины, Киев.

Киевская область

1. Киев, тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (4+4) и круглым щитком с 11 парными нервюрами, край в виде имитации витого шнурка. Длина 7 см (Рис.1. 1).

2. Киев, тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (4+4) и круглым щитком с 18 одиночными радиальными нервюрами, край оформлен рядом мелких «жемчужин». Длина 6,8 см (Рис.1. 2).

3. Киев, тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и круглым щитком, заполненным 5 пучками по 5 радиальных нервюр, гладкий край. Длина 7,8 см (Рис.1. 3).

4. Киев, тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и круглым щитком с 24 радиальными нервюрами, волна петель по периметру. Длина 7,6 см (Рис.4. 8).

5. Киев. Деснянский р-н. Тип 1-в с прямоугольным ажурным корпусом заполненным S-видными волютами, по 3 с каждой стороны оси и круглым щитком с 5 пучками по 4 нервюры, по периметру ряд мелких «жемчужин». Длина 7,2 см (Рис.5. 3),

6. Киев, тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (2+2) и круглым щитком с нервюрами, волна петель по периметру, повреждено. Сохранилось 5 см (Рис.3.

5),

7. Киев. Тип 2-а – с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с продольными нервюрами (2+2). На боковом треугольном щитке два ряда треугольных отверстий, обращенных вершинами друг меж другом. Длина 7,23 см (Рис.6. 1).

8. Киев, тип 2-в с двойным умбоновидным щитком, обрамленным жемчужинами, и накладкой-розеткой на корпусе с продольными нервюрами (1+1). Боковой треугольный щиток представляет собой двойные нервюры по краям и по оси, поперечно перекрытые такими же нервюрами в средней части и по внешнему краю, на котором расположены 8 петель. Длина 8 см (Рис. 8. 2).

9. Киев. Тип 3-в – с волютовидным двойным щитком, на головки которого посажена волна (3 ряда), из 3 ее верхних выступов расходятся пучки по 5 нервюр с жемчужинами на конце, два пучка соединены. Корпус гофрированная ось, слева петли для привязывания. Длина 6,9 см (Рис.9. 5).

10. Киев. Тип 3-г – с волютовидным двойным щитком, соединенным розеткой, на головках которого расположены два перекрытых сверху основаниями треугольных фестона, в каждом 3 треугольных отверстия, формирующих ряды треугольников в шахматном порядке, покрытых псевдозернью. Корпус - гофрированная ось. Слева – петля для привешивания. Длина 3,8 см (Рис.9. 13).

11. Киев. Тип 2-а с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде мальтийского креста на корпусе с продольными нервюрами (2+2). Боковой треугольный щиток утрачен, на корпус в районе отверстий для привязывания наложена умбоновидная бляшка, аналогичная использованным в щитке. Длина 8,6 см, диаметр бляшки 2,5 см. (Рис.7. 4)

12. Белая Церковь. Тип 2-в с двойным умбоновидным щитком, обрамленным жемчужинами и накладкой-розеткой на корпусе с продольными нервюрами (2+2). Боковой щиток утрачен. Длина 6,2 см (Рис.8. 6)

13. Белая Церковь. Тип 3-а – с волютовидным двойным щитком, обрамленным петлями, без корпуса. Длина фрагмента 3,8 см (Рис.9. 2).

14. Белая Церковь. Тип 3-в – с волютовидным двойным щитком, на головки которого посажена волна (3 ряда). Часть волны и все нервюры утрачены. Корпус – местами гофрированная ось с петлей для привязывания. Длина 3,8 см (Рис.9. 6).

15. Белая Церковь. Тип 4 – с двойным умбоновидным щитком и фрагментом ажурного корпуса, с дугообразными боками с волной петель. Длина фрагмента 3,4 см (Рис.10. 2).

16. Белоцерковский р-н, юг (быв. Ставищенский р-н), тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и круглым щитком с 12 пучками нервюр, волна петель по периметру. Длина 8 см. (Рис.3. 1).

17. Белоцерковский р-н. Тип 1-г с прямоугольным ажурным корпусом, заполненным сдвоенными нервюрами, образующими зигзаг и с круглым щитком с 9 сдвоенными радиальными нервюрами, волна петель по периметру. Сохранился фрагмент железной иглы. Длина 8,7 см, навершие 7,5 см (Рис.5. 14).

18. Белоцерковский р-н, юго-восток (быв. Таращанский р-н). Тип 2-а – с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с тремя гофрированными осями. Сохранилось основание ажурного бокового треугольного щитка из 11 обломанных нервюр. Длина 6,7 см (Рис.6. 13).

19. Белоцерковский р-н, берег р.Сквирка (приток р.Рось).северо-западней г. Сквиры, тип 2-в с двойным умбоновидным щитком, обрамленным жемчужинами, и накладкой-розеткой на корпусе с продольными нервюрами (2+2). Боковой треугольный щиток: рамка двойных нервюр, заполнен 6 кольцами (1+2+3), 7 колец по внешнему краю. Длина 6,5 см (Рис.8. 1)

20. Борисполь. Тип 2-в с двойным умбоновидным щитком, обрамленным жемчужинами, и накладкой-розеткой на утратившем основание корпусе с 5 продольными гофрированными осями. На основании утраченного бокового щитка видно, что он был заполнен псевдозернью и обрамлен рядом жемчужин. Длина 5,8 см (Рис.8. 8).

21. Борисполь. Тип 2-в с двойным умбоновидным щитком и накладкой-розеткой на корпусе с продольными нервюрами (3+3). Боковой щиток утрачен. Длина 7 см (Рис.8. 11).

22. Борисполь. Тип 3-б – с волютовидным двойным щитком, нервюры расходятся 2 пучками вверх от головок щитка, верхние концы соединены дугой жемчужин. Корпус ажурный с волной между внешней нервюрой и гофрированной осью по обе стороны, низ утрачен. Длина 4,7 см (Рис.9. 15).

23. Бориспольский р-н, тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и круглым щитком с 17 радиальными нервюрами, волна петель по периметру. Длина 6,3 см (Рис.4. 1).

24. Бориспольский р-н. Тип 1-в с прямоугольным ажурным корпусом заполненным S-видными волютами, по 3 с каждой стороны оси и круглым щитком с 5 пучками по 3 радиальных нервюры, волна петель по периметру. Длина 7,5 см (Рис.5. 2).

25. Бориспольский р-н. Тип 1-в с прямоугольным ажурным корпусом заполненным S-видными волютами, по 3 с каждой стороны оси и круглым щитком с 26 радиальными нервюрами, волна петель по периметру, длина 8,5 см (Рис.5. 11).

26. Букрин, Обуховский р-н, тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (2+2) и круглым щитком с 6 сдвоенными нервюрами, волна петель по периметру. Длина 10,6 см, из них навершие 9,9 см + фрагмент железной иглы (Рис.4: 15). Национальный музей истории Украины (Ханенко, 1907, Табл. XIX: 318).

27. Васильков, тип 2-а с двойным умбоновидным щитком и поврежденной накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с тремя гофрированными осями. Боковой щиток утрачен. Длина 6,3 см (Рис.7. 11).

28. Веремье, Обуховский р-н, тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и разрушенным щитком, петли по периметру. Сохранилось 6,2 см (Рис.4. 9). (Ханенко, 1901. С.21, Табл X: 268).

29. Веремье, Обуховский р-н. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и поврежденным круглым щитком с радиальными нервюрами, волна петель по периметру. Основание сломано. Длина 6,8 см (Рис.4. 12) (Ханенко, 1901. С.21, Табл X: 267). Национальный музей истории Украины.

30. Вышгород, Бучанский р-н, Тип 2-б с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде двух S-видных волют на корпусе из трех гофрированных осей, основание сломано. На фрагменте бокового треугольного щитка две нервюры по периметру, треугольное отверстие в основании и поле с псевдозернью. Сохранилось 5,3 см (Рис.7. 6).

31. Дудари, Обуховский р-н – Тип 1 с прямоугольным корпусом и круглым щитком Национальный музей истории Украины (Петровська, 1971. С. 19).

32. Колесниково, Белоцерковский р-н, р. Жигалка (приток р. Чернея). Тип 3-а – с волютовидным двойным щитком и корпусом из продольных нервюр. Длина с полностью сохранившейся иглой 18,8 см, навершие 3,4 см (Рис.9. 1).

33. Подгорцы, Обуховский р-н. Тип 2-а - с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с продольными нервюрами (2+2). На боковом треугольном щитке два ряда (3+4) треугольных отверстий, обращенных вершинами друг меж другом и ребра жесткости по бокам с тыльной стороны. Длина 5,5 см (Рис.7. 1). Национальный музей истории Украины (Петровська, 1971. С.17-18).

34. Подгорцы, Обуховский р-н. Тип 2-в. Верхний щиток утрачен, на корпусе с продольными нервюрами (3+2) накладка в виде розетки. Боковой щиток поврежден,

двойная рамка, заполненная сеткой пересекающихся диагональных нервюр, по верхнему и нижнему краям ряды петель, между внешним краем и сдвоенной дугой зажат зигзаг из расходящихся сдвоенных нервюр. Длина сохранившейся части 8 см (Рис.8. 7) (Козловська 1927, Лошенков 2011). Национальный музей истории Украины.

35. Подолье, Броварской р-н. Тип 3-в – с волютовидным двойным щитком, (слева петля для привязывания) на головки которого посажена волна (3 ряда), из 3 ее верхних выступов расходятся пучки нервюр, выше соединенные прямой перекладиной. Корпус ажурный: частично сохранившаяся волна по обе стороны гофрированной оси и пар прямых параллельных нервюр. Длина 5,4 см (Рис.9. 17).

35. Рудяки, Бориспольский р-н, тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр и сломанным щитком, волна петель по периметру. Сохранилось 7 см. (Рис.4. 6). Женское погребение (Максимов, Петровская, 2008, С. 62). Национальный музей истории Украины.

36. Скрипки с. Фастовский р-н. Тип 1-г, прямоугольный ажурный корпус заполнен нервюрами, образующими косую сетку, щиток утрачен, волна петель по периметру. Длина 5,4 см (Рис.5. 10). Национальный музей истории Украины. (Петровська 1964, С. 178, Рис.7).

37. Ставище. Тип 2-в с двойным умбоновидным щитком и стершейся накладкой-розеткой на корпусе с тремя гофрированными осями, боковой щиток утрачен. Длина 6,4 см (Рис.7. 11).

38. Фастов. Тип 2-в с двойным умбоновидным щитком и накладкой-розеткой на корпусе с тремя гофрированными осями. Боковой треугольный щиток с псевдозернью, обрамлен волной из S-видных волют. Длина 7,8 см (Рис.8. 10)

39. Фастовский р-н. Тип 1-г с прямоугольным ажурным корпусом заполненным пучками нервюр, радиально расходящихся встречно от края и оси, образуя зигзаг, и круглым щитком с 5 пучками из 3 радиальных нервюр, волна петель по периметру. Длина 7,5 см (Рис.5. 12).

40. Фастовский р-н, тип 2-а – с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с продольными нервюрами (2+2). На боковом треугольном щитке два ряда (3+4) треугольных отверстий, обращенных вершинами друг меж другом. Длина 7,8 см (Рис.6. 3). Комплекс включал умбоновидную бляшку, ажурные трапециевидную и треугольные привески, трубочки-пронизки.

41. Тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (4+4) и круглым щитком с 18 радиальными нервюрами, полностью сохранившаяся булавка с уцелевшей иглой. Общая длина 17,2 см, навершие 8 см. Край гладкий (Рис.1. 5).

42. Тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (6+6) и круглым щитком с радиальными 5 частично расходящимися пучками нервюр, край оформлен рядом мелких «жемчужин». Длина 8,8 см, сохранилась часть железной иглы (Рис.1. 6).

43. Тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (6+6) и круглым щитком с 6 плотными пучками из 3-4 нервюр, край гладкий. Длина 9,3 см (Рис.1. 7).

44. Тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (6+6), круглый щиток заполнен 6 пучками из 4 разреженных нервюр, край навершия и средние нервюры по сторонам корпуса - имитация витого шнурка. Длина 7,7 см (Рис.1. 9).

45. Тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр, утрачен щиток, край гладкий, но поврежден. Длина сохранившегося фрагмента 6,4 см (Рис.1. 11)

46. Тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр, круглый щиток и основание частично утрачены, край оформлен рядом мелких «жемчужин», на корпусе по бокам оси в средней части размещены 2 розетки. Сохранилось 6,7 см (Рис.1. 12).

47. Тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр и круглым щитком с 6 пучками по 3 нервюры, край оформлен мелкими «жемчужинами», на корпусе гофры на оси и двух прилегающих нервюрах. Длина 7,6 см (Рис.2. 2).

48. Тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и круглым щитком, заполненным 5 радиально-восходящими пучками по две нервюры, на корпусе гофры имеются на оси и двух прилегающих нервюрах, край гладкий. Длина 6,8 см (Рис.2. 3).

49. Тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (2+2) и круглым щитком с 5 толстыми радиальными нервюрами, край – имитация толстого витого шнурка. Длина 6 см (Рис.2. 4).

50. Тип 1-а с прямоугольным поврежденным корпусом из продольных нервюр и остатками круглого щитка, край гладкий. Сохранилось 5,3 см (Рис.2. 5).

51. Тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр, край гладкий, щиток сохранил только розетку, корпус повреждён. Сохранилось 4,3 см (Рис.2. 6).

52. Тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (5+5) и круглым щитком, заполненным пучками нервюр, объединённых по три (часть пучков утрачена), край имитирует витой шнурок, щиток Длина 8 см (Рис.2. 7).

53. Тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр и поврежденным круглым щитком с пучками нервюр, край оформлен рядом мелких «жемчужин», корпус широкий за счет большого числа (9+9) параллельных оси нервюр, Длина 8 см (Рис.2. 8).

54. Тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (6+6) и поврежденным круглым щитком с 20 радиально расходящимися нервюрами, край оформлен рядом мелких «жемчужин», основание отсутствует. Сохранилось 5,8 см (Рис.1. 6).

55. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и круглым щитком с 7 тройными пучками нервюр, волна петель по периметру. Длина 7 см (Рис.3. 4),

56. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и круглым щитком с 7 радиальными нервюрами, волна петель по периметру. Длина 7 см (Рис.3. 7).

57. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (2+2) и круглым щитком с 7 пучками радиальных нервюр, каждый из 3 веером, волна петель по периметру. Ушки для привязывания по бокам основания корпуса. Длина 7 см (Рис.3. 9).

58. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и круглым щитком с 12 двойными нервюрами, петли по периметру. Длина 7 см (Рис.3. 10).

59. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (4+4) и круглым щитком с 7 радиальными нервюрами, волна петель по периметру. Длина 7 см (Рис.3. 11).

60. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3), волна петель по периметру, щиток сломан. Сохранилось 6,8 см (Рис.3. 12).

61. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (2+2) и круглым щитком с 7 пучками тройных нервюр, волна петель по периметру. Длина 7,5 см (Рис.3. 13).

62. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из гофрированных оси и двух прилегающих нервюр, волна петель по периметру, щиток утрачен. Сохранилось 6,4 см (Рис.3. 14).

63. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр и фрагментированным круглым щитком с радиальными нервюрами, петли по периметру, длина 7 см (Рис.3. 16).

64. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (4+4) и круглым щитком с 8 пучками по 3 нервюры, волна петель по периметру. Длина 6,2 см (Рис.4. 2).

65. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (5+5) и круглым щитком с 5 пучками из 3 вееров нервюр, волна петель по периметру. Длина 6,9 см, из них 5,8 см навершие, остальное – фрагмент железной иглы (Рис.4. 3).

66. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (2+2) и частично разрушенным круглым щитком с радиальными нервюрами пучками по 4, волна петель по периметру. Длина 6,7 см. (Рис.4. 4).

67. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и круглым щитком с 18 радиальными нервюрами, волна петель по периметру. Длина 7 см (Рис.4. 5).

68. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и круглым

щитком с 8 пучками из 3 нервюр веером, волна петель по периметру. Длина 6,6 см (Рис.4. 10). Из комплекса: ажурная трапециевидная привеска, 10 ажурных треугольных привесок, привески-колокольчики, трубочки-пронизки, умбоновидная бляшка.

69. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3), щиток утрачен, волна петель по периметру. Длина фрагмента 6 см (Рис.4. 11).

70. Тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (2+2) и овальным щитком с 10 сдвоенными нервюрами, петли по периметру. Длина 8,7 см (Рис.4. 14).

71. Тип 1-г с прямоугольным ажурным корпусом заполненным косой сеткой нервюр, круглый щиток утрачен, волна петель по периметру. Длина 5,9 см (Рис.5. 9).

72. Тип 1-г – фрагмент прямоугольного ажурного корпуса заполненного косой сеткой нервюр, волна петель по периметру. Длина фрагмента 2,8 см (Рис.5. 15).

73. Тип 1-г с прямоугольным ажурным корпусом заполненным пучками нервюр, радиально расходящихся встречно от края и от оси, образуя косую сетку и фрагментом круглого щитка с пучками по 3 радиальных нервюр, волна петель по периметру. Длина 7,5 см (Рис.5. 17).

74. Тип 2-а - с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с продольными нервюрами (3+3). На боковом треугольном щитке два ряда (3+4) треугольных отверстий, обращенных вершинами друг меж другом и вертикальное ребро ближе к краю. Длина 6,6 см (Рис.6. 2).

75. Тип 2-а - с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с продольными нервюрами (2+2) в виде витого шнурка (2+2). Боковой треугольный щиток утрачен. Длина 6,8 см (Рис.6. 4).

76. Тип 2-а - с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с продольными нервюрами (2+2). Боковой треугольный щиток утрачен. Длина 6,6 см (Рис.6. 5).

77. Тип 2-а - с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с продольными нервюрами (3+3). Боковой треугольный щиток поврежден. Длина 6,8 см (Рис.6. 6).

78. Тип 2-а - с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с тремя гофрированными осями. Боковой треугольный щиток утрачен. Длина 8,2 см (Рис.6 7).

79. Тип 2-а - с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе тремя гофрированными осями. Боковой треугольный щиток утрачен. Длина 7,5 см (Рис.6. 10).

80, Тип 2 - двойной умбоновидный щиток с фрагментом корпуса, имеющего двойную волну из бронзовых нитей по бокам (Рис.6. 14).

81. Тип 2-а – фрагмент средней части корпуса с накладкой в виде мальтийского креста, её боковой щиток утрачен (Рис.6. 15).

82. Тип 2-а - с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с тремя гофрированными осями. На боковом треугольном щитке три треугольных отверстия, делящих щиток на 5 треугольных полей, покрытых псевдозернью, внешний край с 5 S-видными волютами, на тыльной стороне по бокам щитка ребра жесткости. Длина 6,8 см (Рис.7. 2).

83. Тип 2-а - с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с продольными нервюрами (3+3). Боковой щиток утрачен. Длина 6,8 см (Рис.7. 7).

84. Тип 2-а - с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с продольными нервюрами (2+2). Боковой щиток утрачен. Длина 7,8 см (Рис.7. 13).

85. Тип 2-в с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде розетки на корпусе с 3 продольными гофрированными осями, обрамление жемчужинами. На

боковом треугольном щитке три треугольных отверстия, делящих щиток на 5 треугольных полей с псевдозернью, внешний край – тройная нервюра. С противоположной стороны на боку корпуса размещена крупная S-видная волюта. Длина 10 см, из них 6,5 навершие, остальное – фрагмент железной иглы (Рис.7. 9).

86. Тип 2-в, двойной щиток утрачен, накладка-розетка на сломанном корпусе с 3 продольными гофрированными осями. Боковой щиток утрачен почти целиком, видны части нервюр. Длина более 4,5 см (Рис.7. 12).

87. Тип 2-в, сломанная, с накладкой-розеткой на корпусе с продольными нервюрами (3+3). Боковой треугольный рамчатый щиток двумя тройными нервюрами разделен на 4 прямоугольных треугольника, в крупной паре помещены по три кольца расположенные треугольником, такие же кольца вдоль внешнего края. Длина 3,2 см (Рис.7. 14).

88. Тип 2-в с двойным умбоновидным щитком, обрамленным 2 рядами жемчужин, с накладкой в виде розетки на корпусе с 3 продольными гофрированными осями. Боковой треугольный щиток утрачен, на фрагменте его основания псевдозернь. Длина 8 см (Рис.8. 3).

89. Тип 2-в с двойным умбоновидным щитком, обрамленным жемчужинами, с S-видной волютой под ними и накладкой-розеткой в центре корпуса с 3 продольными гофрированными осями. Основание корпуса и боковой треугольный щиток утрачены. Длина 5 см (Рис.8. 4).

90. Тип 2-в с двойным умбоновидным щитком и накладкой-розеткой на корпусе с 3 продольными гофрированными осями. Боковой треугольный щиток утрачен, в основании его двойные нервюры по краям и по оси. Длина 8,2 см (Рис. 5).

91. Тип 2-в с двойным умбоновидным щитком, обрамленным жемчужинами, и накладкой-розеткой на корпусе с продольными нервюрами (2+2). Боковой треугольный щиток сломан, это 3 двойные нервюры по краям и оси, поперечно перекрытые такими же нервюрами в средней части и, видимо. по внешнему краю. Длина 6,5 см (Рис.8. 9)

92. Тип 3-б – с волютовидным двойным щитком с розетками в центрах, судя по сохранившимся основаниям, нервюры расходились 2 пучками вверх от головок щитка. Корпус ажурный с волной по сторонам гофрированной оси. Длина 4,4 см (Рис. 9. 9)

93. Тип 3-б – с волютовидным двойным щитком (сохранилась половина), нервюры утрачены. Корпус ажурный с волной между внешней нервюрой и гофрированной осью по обе стороны и петлями для привязывания по бокам в нижней части. Сохранилось 5,3 см (Рис.9. 10).

94. Тип 3-б – с волютовидным двойным щитком, нервюры расходятся 2 пучками вверх от головок щитка, верхние концы соединены линией жемчужин. Корпус отсутствует, игла выходит из щитка. Длина 7 см (Рис.9. 18)

95. Тип 3-в – с волютовидным двойным щитком, на головки которого посажена волна (3 ряда) из 3 ее верхних выступов расходятся пучки при 3 нервюры, выше соединенные прямой перекладиной из жемчужин. Корпус утрачен. Длина 2 см (Рис.9. 7).

96. Тип 3-в – с волютовидным двойным щитком, на головки которого посажена волна (3 ряда), из 3 ее верхних выступов расходятся пучки по 3 нервюр, верхние концы утрачены. Корпус гофрированная ось, слева 2 петли для привязывания. Длина 4,3 см (Рис.9. 11)

97. Тип 3-в – с волютовидным двойным щитком, на головки которого посажена волна (3 ряда, концы – стилизованные птичьи головы), из 3 ее верхних выступов расходились утраченные пучки по 3 нервюры. Корпус - гофрированная ось. Длина 3 см (Рис.9. 14).

98. Тип 3-в – с волютовидным двойным щитком, на головки которого посажена волна (3 ряда), из ее верхних выступов расходились пучки утраченных ныне нервюр. Корпус ажурный: частично сохранившаяся волна по обе стороны гофрированной оси и пар прямых параллельных нервюр. Длина 7,6 см (Рис.9. 19)

99. Тип 3-в – с волютовидным двойным щитком, на головки которого посажена волна (3 ряда), нервюры утрачены. Корпус - гофрированная ось, сохранилась железная игла. Длина 7,5 см, из них часть навершия 2,6 см (Рис.9. 22)

100. Тип 3-в – с волютовидным двойным щитком, на головки которого посажена

волна (3 ряда), из 3 ее верхних выступов расходятся пучки нервюр (по 3), выше соединенные прямой перекладиной в форме витого шнурка. Корпус (небольшая сохранившаяся часть) ажурный: волна по обе стороны гофрированной оси. Длина 3 см (Рис.9. 23).

101. Тип 3-г – с волютовидным двойным щитком, на его головках остриями вниз 4 треугольных фестона, соединенных в дугу основаниями и заполненных псевдозернью. Корпус – гофрированный футляр-ось. Сохранилась железная игла. Общая длина 9,6 см, длина навершия 5 см (Рис.9. 16).

102. Тип 3-г – с волютовидным двойным щитком с крупной жемчужиной между спиралями, на головках остриями вниз 4 треугольных фестона, сверху соединенных в дугу основаниями и заполненных псевдозернью. Корпус – гофрированная ось с параллельными нервюрами (2+2), соединенными на основании, слева петля для привязывания. Сохранилась железная игла. Общая длина 9 см, длина навершия 5,5 см (Рис.9. 20).

103. Тип 3-г – с волютовидным двойным щитком, на головках которого расположен ажурный треугольник с 6 треугольными отверстиями, формирующих ряды треугольников с псевдозернью в шахматном порядке. Корпус - гофрированная ось, слева двойная петля для привешивания. Длина 8 см (Рис.9. 21).

104. Тип 4 – с ажурным корпусом, где пространство между дугообразными боками с волной петель и гофрированной осью симметрично заполняют умбоновидные щитки, окруженные петлями и небольшие односпиральные волюты. Щиток и верх корпуса утрачены. Сохранилось 3,2 см (Рис.10. 1).

105. Тип 4 – с двойным умбоновидным щитком и ажурным корпусом, где пространство между дугообразными боками с волной петель и гофрированной осью заполняют разреженные круглые петли. Длина 4,5 см (Рис.10. 3).

106. Тип 4 – с двойным умбоновидным щитком и ажурным корпусом, где пространство между дугообразными боками с волной петель и гофрированной осью заполняют разреженные круглые петли. Длина 6,7 см (Рис.10. 4).

107. Тип 4 – с двойным умбоновидным щитком и ажурным корпусом, где пространство между дугообразными боками с волной петель и гофрированной осью заполняют в широкой части два умбоновидных щитка со спиральным орнаментом. Длина 5,5 см (Рис.10. 5).

Львовская область

1. Львов, тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (6+6), щиток утрачен за исключением центральной розетки, сохранилась железная игла, ее длина вне навершия – 6 см, длина сохранившейся части навершия – 5,3 см (Рис.1. 10).

2. Дериват типа 1-б – цельнолитая булавка близкая к лужицким – с иглой без корпуса и щитком, обрамленным петлями (Рис.2. 1).

Полтавская область

1. Тип 1-а с прямоугольным сломанным корпусом из продольных нервюр (3+3), край гладкий, круглый щиток большей частью утрачен, судя по двум сохранившимся нервюрам, их расположение одиночно-радиальное. Общая сохранившаяся длина 7 см (Рис.1. 13).

2. Тип 1-в с прямоугольным ажурным корпусом, заполненным S-видными волютами, по 3 с каждой стороны оси и круглым щитком с тремя пучками по 6 радиальных нервюр, по периметру ряд мелких «жемчужин». Длина 7,5 см (Рич. 5. 1),

Ровенская область

1. Тип 1-г, булавка-дериват, корпус ажурный, заполнен слева волнообразно изогнутой нервюрой, справа волна петель прилегает к оси. Петли огибают круглый щиток с крестообразной ажурной вставкой. Длина 8,5 см (Рис.4. 20). Найдена в составе комплекса из нескольких десятков вещей (привески, пронизки, накладки), нуждающегося в описании.

Сумская область

1. Южные р-ны, тип 1-а с прямоугольным корпусом, по краю сломанного щитка ряд жемчужин. Корпус укороченный, с гладким краем и грубыми толстыми нервюрами (5+5), по обе стороны оси в средней части над нервюрами размещены 2 розетки. Длина сохранившейся части 5,8 см. Воспринимается как периферийный дериват, сохранивший

типологические черты (Рис.1. 14).

2. Тип 1-в с прямоугольным ажурным корпусом, заполненным S-видными волютами, по 5 с каждой стороны оси и сломанным круглым щитком, волна петель по периметру. Длина сохранившейся части 6,1 см (Рис.5. 4),

3. Тип 1-в с прямоугольным ажурным корпусом, заполненным S-видными волютами, по 5 с каждой стороны оси и круглым щитком с 3 пучками по 4 радиальных нервюры, волна петель по периметру. Длина 10,2 см (Рис.5. 5).

4. Юг области. Тип 2 – двойной умбоновидный щиток (Рис.6. 12).

Харьковская область

1. Красноградский р-н. Тип 1-г, прямоугольный ажурный корпус заполненный косой сеткой нервюр, щиток утрачен, волна петель по периметру. Длина 5,3 см (Рис.5. 16).

Хмельницкая область

1. Каменец-Подольский, тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (5+5), щиток утрачен, край корпуса гладкий, на корпусе по обе стороны оси в средней части над нервюрами были размещены 2 розетки (читаются следы), длина сохранившейся иглы 7 см, сохранившаяся часть корпуса 4,3 см (Рис.1. 17).

2. Каменец-Подольский. Тип 3-б – с волютовидным двойным щитком (в глазке каждой спирали мини-розетка), нервюры расходятся 3 пучками вверх от головок щитка и от розетки на стыке головок, верхние концы соединены дугой. Корпус ажурный с зигзагом в 9 углов, увенчанных миниатюрными розетками по бокам гофрированной оси. Длина 8,6 см (Рис.9. 3).

3. Красилов. Тип 3-б – с волютовидным двойным щитком, нервюры расходятся 3 пучками вверх от головок щитка и от жемчужины на стыке головок, верхние концы утрачены. Корпус ажурный с волной по сторонам гофрированной оси. Сохранившаяся длина 8,6 см (Рис.9. 4).

4. Тип 1-а. Сохранился щиток с гладким краем, заполненный 10 пучками собранных по три нервюр, диаметр 3,2 – 3,4 см (Рис.1. 18).

5. Тип 1-б, сохранился щиток, заполненный 8 сдвоенными нервюрами волна петель по периметру (Рис.3. 17).

6. Тип 1-г, прямоугольный ажурный корпус заполнен пучками нервюр, радиально расходящихся от оси (сохранился фрагмент) и круглым щитком с 9 пучками по 5 радиальных нервюр, край без петель. Длина сохранившейся части 4,3 см (Рис.5. 18).

7. Тип 2-а с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с продольными нервюрами и рядами жемчужин по краю. Боковой щиток утрачен. Длина 8,2 см (Рис.6. 8).

8. Тип 4 – цельнолитая с двумя двойными умбоновидными щитками и ажурным корпусом, где пространство между дугообразными боками с волной петель и осью заполняют по две наклонных тройных нервюры. У основания иглы сквозное отверстие, ниже на игле петля для привязывания. Длина с иглой 15,5 см, навершие 3,8 см (Рис.9. 12).

Черкасская область

1. Прохоревка, Черкасский р-н, тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр и круглым щитком. Национальный музей истории Украины, коллекция В. Хвойки (Петровська, 1971. С. 19).

2. Северо-западные р-ны, тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр и круглым щитком, край гладкий, сохранились частично корпус и центр щитка, изделие несет следы термического воздействия. Сохранившаяся длина 6,3 см (Рис.1: 15).

Черниговская область.

1. р. Десна. Быв. Остерский уезд. Тип 1 – с прямоугольным корпусом и круглым ажурным щитком. Национальный музей истории Украины, Киев (Петровська, 1971. С.20).

2. Остер, Черниговская область, тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и круглым щитком с 7 пучками нервюр, каждый из трех раздельных радиальных, волна петель по периметру. Длина 7 см (Рис.3. 8).

3. Юг области, тип 1-б с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3) и поврежденным круглым щитком с 8 сдвоенными радиальными нервюрами, волна петель по

периметру. Навершие согнуто пополам. Длина около 7 см (Рис.4. 17).

4. Тип 1-в с прямоугольным ажурным корпусом, заполненным S-видными волютами, по 5 с каждой стороны оси и круглым щитком с 24 радиальными нервюрами (часть сломана), волна петель по периметру. Длина 7,4 см (Рис.5. 6).

5. Тип 2-а с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с продольными нервюрами (3+3). На боковом треугольном щитке два ряда (3+4) треугольных отверстий, обращенных вершинами друг меж другом, внешний край украшен 3 S-видными и 1 простой волютами. Длина 6,6 см (Рис.6. 11).

6. Тип 2-а – фрагмент корпуса с тремя гофрированными осями с накладкой в виде мальтийского креста, в районе отверстий для привязывания наложена умбоновидная бляшка с орнаментом из S-видных волют. Сохранилось 5,3 см, диаметр бляшки 2,3 см (Рис.7. 5).

БЕЛАРУСЬ (БЕЛОРУССИЯ)

Гомельская область

1. Ельский р-н, тип 1-а с прямоугольным корпусом из продольных нервюр (3+3), край гладкий, щиток утрачен, уцелела центральная розетка. Сохранилось 8,6 см (Рис.1: 8).

Минская область

1. Обчик, городище. Минская обл., Любанский р-н, Раскопки С. Линевича, 2019 г. Тип 2-а с двойным умбоновидным щитком и накладкой в виде асимметричного мальтийского креста на корпусе с продольными нервюрами. Боковой треугольный щиток и противоположная лопасть креста покрыты псевдозернью. Длина 6 см (Рис.7: 3). Изделие производит впечатление периферийного деривата. Институт истории НАН РБ.

РОССИЯ (РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ)

Брянская область.

1. Новозыбковский р-н. р. Ипуть. Тип 1-д, сохранился центр розетки щитка и ажурный корпус с поперечными чередующимися с каждой стороны по 4 прямыми и S-видными нервюрами. Длина 9 см (Рис.4: 21).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова могила. Киев, 2012.

Даниленко В.Н. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР // Докл. VI науч. конф. Института археологии АН УССР. Киев, 1953

Козловська В. Бронзові прикраси з с. Підгірців на Київщині // Українській музей. Киев, 1927.

Лошенков М.И. Городища милоградской культуры на территории Беларуси. Минск: 2011.

Максимов Е.В., Петровская Е.А. Древности скифского времени Киевского Поднепровья. Полтава, 2008.

Петровська Є.О. Пам'ятка пізньоскіфського часу на Стугні // Археологія. 1964. Т. 16.

Петровська Є.О. Підгірцівські пам'ятки Київського Подніпров'я // Археологія. 1971. № 2.

Приймак В.В. К вопросу о северных пределах Геродотовой Скифии // Феномен Більського городища 2016. Киев, Полтава, 2016.

Рассадин С.Е. Милоградская культура: ареал, хронология, этнос. Минск, 2005.

Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья. Т.4 Киев, 1901.

Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья. Т.6. Киев, 1907.

Чубур А.А. Булавки с ажурным листовидным навершием в раннем железном веке Восточной Европы: типология, ареал, семантика // Древности Днепровского Левобережья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. IV. Курск, 2012.

Чубур А.А., Симутина О.С. Треугольные привески раннего железного века лесостепной и лесной зон Восточной Европы: типология, распространение, семантика // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 4.

Рис.1

Тип 1-а:. 1-3 - Киев. 5-7, 9, 11, 12 – Киевская обл. 4 - Житомирская обл., Коротышев. 8 – Гомельская обл., Ельский р-н. 10 – Львов. 13 – Полтавская обл. 14 – Сумская обл. 15 – Черкасская обл. 16 – Ружин. 17 – Каменец-Подольский. 18 – Хмельницкая обл. (1-7, 9-18 – Украина. 8 – Республика Беларусь).

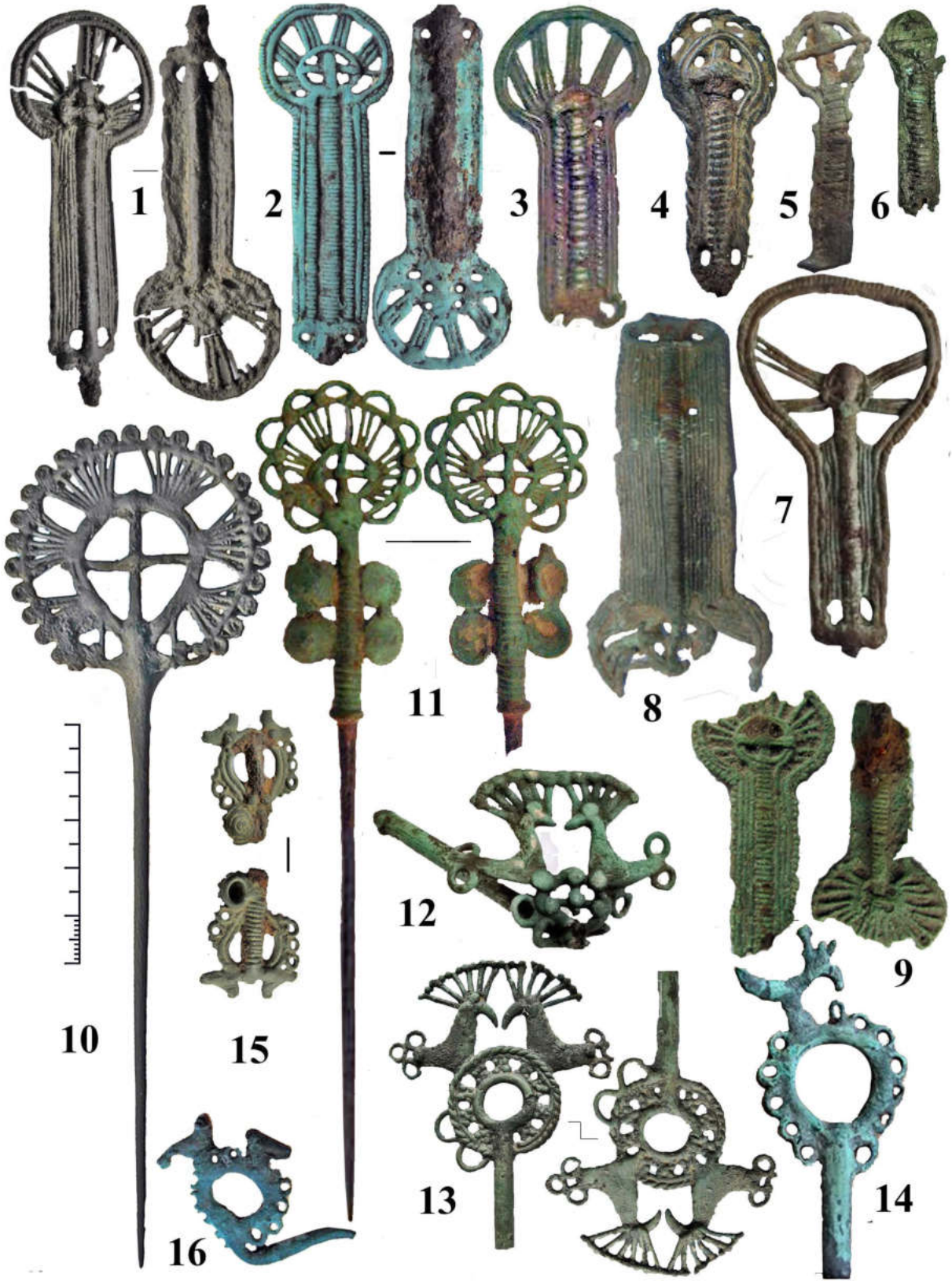


Рис.2

Тип 1а: 1 – Житомир. 2–9 – Киевская обл. Тип 1-д: 10 – Хмельницкая обл. 11 – Львов. Орнитоморфные навершия булавок фракийского гальштата: 12 – Погребище. 13, 14, 16 – Хмельницкая обл. 15 – Винницкая обл. (1-16 – Украина)

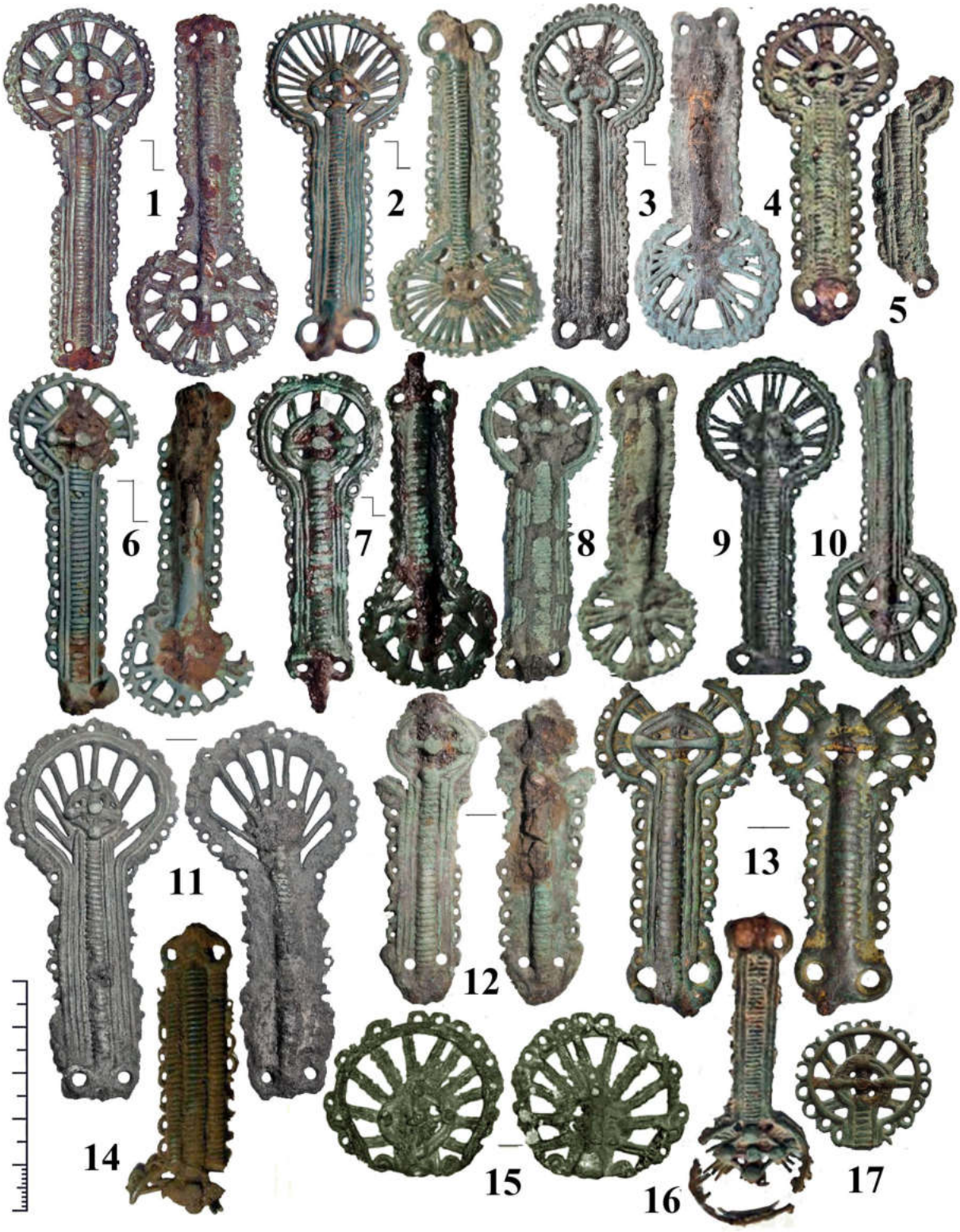


Рис.3

Тип 1-б. 1 – Киевская обл. Белоцерковский р-н. 2 – Житомирская обл. 3 – Винницкая обл. 4, 7, 9-14, 16 – Киевская обл. 5 – Киев. 6 – Новоград-Волынский. 8 – Остер. 15 – Гайманова могила. 17 – Хмельницкая обл. (1-17 – Украина).

Рис.4

Тип 1-б: 1-5. 10-12, 14, 16, 17 – Киевская обл. 6 – Веремье. 7, 19 – Житомирская обл. 8 – Киев. 9 - Рудяки. 13 – Винницкая обл. 15 – Букрин. Тип 1-г: 18 – Житомирская обл. 20 – Ровенская обл. Тип 1-д: 21 – Брянская обл., Новозыбковский р-н. (1-20 – Украина, 21 – Российская Федерация).

Рис.5

Тип 1-в: 1 – Полтавская обл. 2, 6, 11 – Киевская обл., Бориспольский р-н. 3 – Киев. 4 – Сумская обл. 5 – Черниговская обл. Тип 1-г: 7, 13 – Житомирская обл. 8 – Винницкая обл. 9 - Скрипки. 10, 15, 17 - Киевская обл. 12 – Киевская обл. Фастовский р-н. 14 – Киевская обл. Белоцерковский р-н. 16 – Харьковская обл. Красноградский р-н. 18 – Хмельницкая обл. (1-18 – Украина).

Рис.6

Тип 2-а. 1 – Киев. 2, 4-7, 10, 14, 15 – Киевская обл. 3 – Киевская обл., Фастовский р-н. 8 - Хмельницкая обл. 9 – Житомирская обл. 11 – Черниговская обл. 12 – Сумская обл. 13 – Киевская обл. Белоцерковский р-н. (1-15 – Украина).

Рис.7

Тип 2-а.: 1 – Подгорцы. 2, 7 – Киевская обл. 3 – Обчик, Минская обл. 4 – Киев. 5 – Черниговская обл. 10, 13 – Житомирская обл. Тип 2-б: 6 – Вышгород. Тип 2-в: 11 – Васильков. 12 – Ставище. 8 – Житомирская обл. 9, 14 – Киевская обл. (1, 2, 4-14 – Украина, 3 – Республика Беларусь).

Рис.8

Тип 2-в: 1 – Сквиры. 2 – Киев. 3-5, 12 – Киевская обл. 6 – Белая Церковь. 7 – Подгорцы, 8, 11 – Борисполь. 9 - Житомирская обл., 10 – Фастов. Фракийский гальштат с признаками типов 1-4: 13 – Хмельницкая обл.
(1-13 – Украина).

Рис.9

Тип 3-а:. 1 – Колесниково. 2 – Белая Церковь. Тип 3-б. 3 – Каменец-Подольский. 4 –Красилов. 8 – Винницкая обл., Гайсинский р-н. 9-10, 18-19. 22-23 – Киевская обл. 15 – Борисполь. Тип 3-в: 5 - Киев. 6 – Белая Церковь. 7 – Киевская обл. 17 – Подолье. Тип 3-г: 13 – Киев. 16, 20, 21 – Киевская обл. Тип 4: 12 – Хмельницкая обл. (1-23 – Украина)

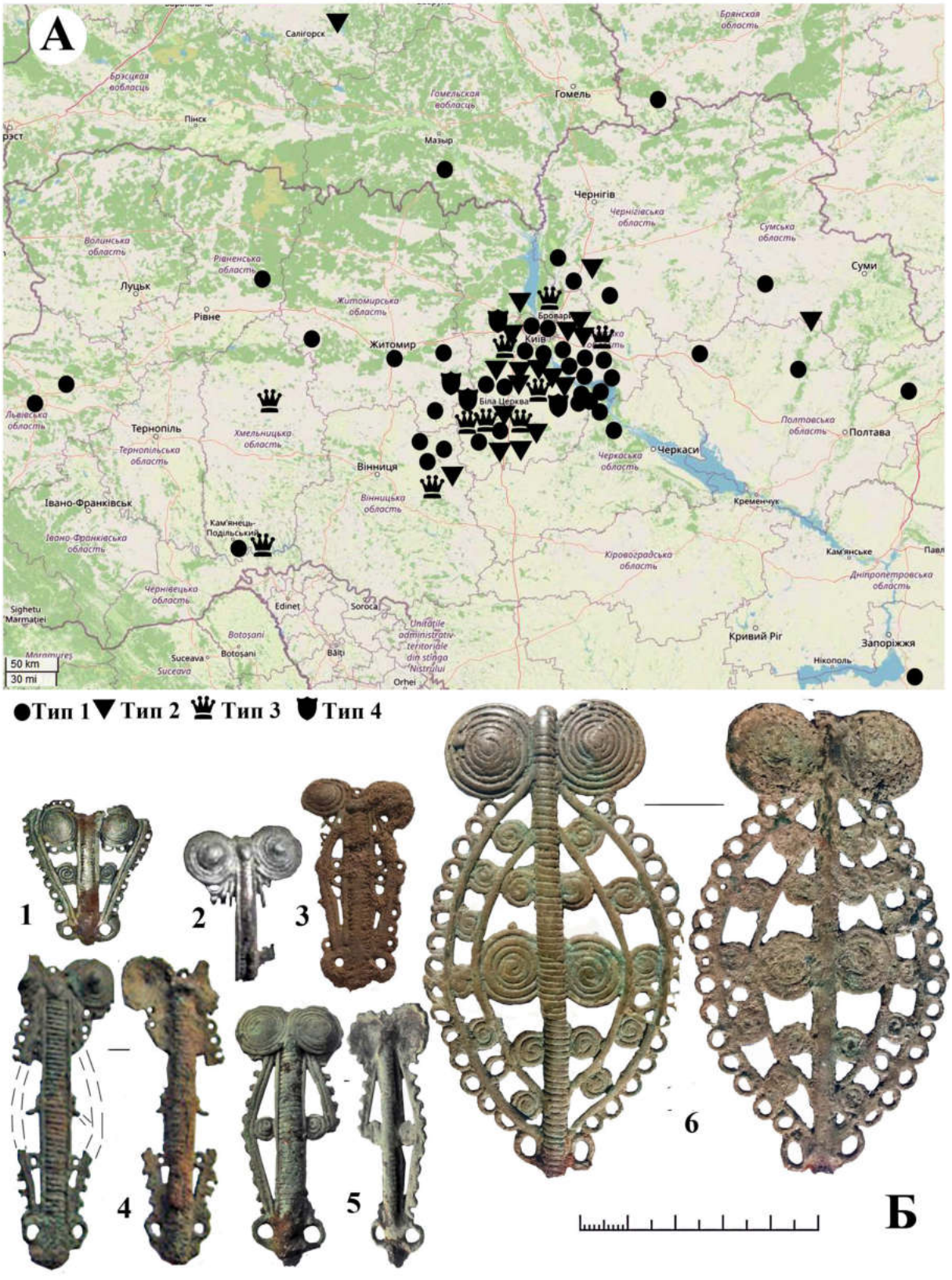


Рис.10

А – Карта-схема распространения четырех основных типов подгорцевских ажурных булаввок. Б. Тип 4. 1, 3-5 – Киевская обл. 2 – Белая Церковь. 6 – Житомирская обл.

МАТЕРИАЛЫ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ШУКЛИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

© 2023 г. Р.С. Веретюшкин, С.Н. Головин, Д.О. Кабанов
Курский государственный университет,
НИИ археологии юго-востока Руси, Курск

В статье публикуются материалы раскопа 4, заложенного на селище у д. Шуклинка. По итогам проведенных работ удалось выделить в культурном слое стратиграфический горизонт I–II вв. н.э. Фрагменты сосудов и предметы из него находят широкие аналогии в древностях лесостепного населения сарматского круга Подонья. С учетом других проведенных на Шуклинском археологическом комплексе работ, находки I–II вв. н.э. встречены на селище в ходе работ 1952, 2010–2011, 2021–2022 г., а также при раскопках на городище в 1952–1953 гг. Обнаруженные материалы сарматского времени являются уникальными для региона, так как в историографии Курского Посеймья временной промежуток начала нашей эры исследован поверхностно.

Ключевые слова: селище, городище, ранний железный век, сарматское время, I–II вв. н. э., Верхнее Подонье.

MATERIALS OF THE SARMATIAN TIME FROM SHUKLINKA ARCHAEOLOGICAL COMPLEX

© 2023 R.S. Veretyushkin, S.N. Golovin, D.O. Kabanov

This article describes the work carried out during the archaeological excavation 4 at a settlement near the village of Shuklinka. A stratigraphic layer originating from the first two centuries AD was discovered, containing vases, tableware, and other artifacts with many similarities to those found in the settlements of the forest-steppe Sarmatian population in the Upper Don region. The discovery of artifacts from the first two centuries AD was confirmed by multiple archaeological research expeditions conducted in 1952, 1952–1953, 2010–2011, and 2021–2022. The artifacts discovered from the Sarmatian period are unique to the historiography of the Kursk region. The time period from the beginning of our era in the Kursk Posyemye area has only been superficially explored so far.

Keywords: settlement, strengthened settlement, Early Iron Age, Sarmatian period, 1st–2nd century AD, Upper Don region.

Шуклинский археологический комплекс расположен на правом берегу р. Тускари (Днепровский бассейн), восточнее и юго-восточнее д. Шуклинка Курского района Курской области. Памятник включает в себя городище, три селища, а также курганный могильник. Памятник известен в науке довольно давно. Различные элементы комплекса исследовались археологами начиная с 1920-х гг., и вплоть до настоящего времени[1]. Основной культурно-хронологический горизонт, присутствующий на всех памятниках комплекса, относится к славяно-русскому периоду (IX–X вв.). Однако на городище и селищах отмечены и материалы раннего железного века (далее – РЖВ), которые были найдены в переотложенном виде, что послужило их неоднозначной трактовке. Ситуация изменилось в результате исследований, проведенных в 2020 г.

В 2020 г. Посемьской археологической экспедицией КГУ проводились исследования выявленного объекта археологического наследия (ОАН) «Шуклинка, селище». В ходе работ в границах раскопа 4 исследовано 42 кв. м. Изученный культурный слой толщиной 0,3–1,2 м отличался достаточно высокой степенью насыщенности находками. В нем выделялись два стратиграфических горизонта, которые соотносились с археологическими

1 Подробное описание историографии изучения комплекса дано в публикации А.А. Балашова «Состав и динамика развития Шуклинского комплекса в IX-XVIII вв.», опубликованная в этом сборнике.

культурами, присутствовавшими на памятнике.

Верхней частью напластований выступал слой 1, формировавшийся на протяжении IX–X вв., однако объекты, относящиеся к этому периоду, отсутствовали. С учетом расположения раскопа 4 на части селища, максимально приближенной к фортификациям городища, отсутствие застройки славяно-русского периода указывает на то, что данная территория была лишена строений, предположительно, из соображений обороны городища.

Нижняя часть культурного слоя селища (слой 2), а также все объекты, относятся к сарматскому времени (I–II вв. н. э.). Исключениями являлись лишь немногочисленные фрагменты посуды эпохи средней бронзы, однако напластования этого времени стратиграфически не выделяются. Единичные обломки профильных частей схожи с сосудами соснинской культуры (XIX–XI вв. до н. э.), ближайшими аналогиями которых выступают находки с городища Кузина Гора (Артеменко, 1961. С. 233).

Основная часть керамического комплекса слоя 2 находит широкие аналогии в древностях лесостепного населения сарматского круга Подонья (Рис. 1; 2). Эта посуда выполнена методом ручной лепки из глин с высокой степенью ожелезнения, дающих после обжига различные оттенки красно-коричневых цветов на поверхностях и изломах сосудов. В качестве отощающей примеси формовочная масса такой керамики содержит дресву мелкой фракции. Также зафиксированы дополнительные варианты вводимых в тесто отощителей в виде мелкого шамота. Иногда в хорошо промешанной массе видимые примеси вообще отсутствовали. Поверхность сосудов имеет грубую, шероховатую фактуру, но лишена массивных неровностей. На части фрагментов присутствует лощение. Стенки сосудов отличаются небольшой толщиной, а их внешняя поверхность имеет окрас от светло-коричневого до бурого или серого. Обжиг такой керамики не мог быть высокотемпературным и, вероятно, выполнялся на костре.

Половина венчиков украшена по верхнему краю косыми, изредка – прямыми насечками, нанесенными ножом или тонкой острой палочкой (Рис. 1, 2, 4–9, 11, 12, 14, 15; 2, 1, 3–6). Около трети всех профилей лишены декора (Рис. 1, 3; Рис. 2, 2, 7, 8). У части сосудов венчик орнаментирован мелкими ромбическими насечками (Рис. 1: 10, 13). Иногда встречаются архаичные мотивы в виде защипа со сквозными проколами (Рис. 1, 1). Важно отметить, что состав теста в этих фрагментах идентичен формовочной массе остальной посуды.

По функциональному назначению обнаруженная посуда делится на кухонную, столовую и ритуальную. К первой категории относятся груболепные горшки и крышки. Большинство профильных частей сосудов слабо отогнуты наружу с плавным переходом в тулово и образованием S-видного профиля (Рис. 1, 3, 6–8, 10–15). По классификации керамики сарматского времени лесостепного Подонья, предложенной А.П. Медведевым, такие фрагменты относятся к самому распространенному типу I горшков (Медеведев, 1987. С. 100). Небольшую часть посуды I–II вв. н. э. составляют сосуды с вертикальной постановкой профиля (Рис. 1, 4, 5). Набор кухонной посуды дополняется обломком полой ручки от крышки (Рис. 1, 16) и фрагментами усечено-сферических крышек (Рис. 1, 17, 18). Аналогии им широко известны на памятниках Подонья (Обломский, 2018. С. 51).

Столовая посуда представлена фрагментами лощеных горшков, мисок, ручки лепной кружки (Рис. 2, 1–11). Горшки в большинстве своем невысокие и слабопрофилированные (Рис. 2, 1–6). Два обломка верхних частей мисок (Рис. 1, 7, 8) с плавно загнутыми вовнутрь закругленными бортиками относятся к типу I по А.П. Медведеву (Медведев, 1987. С. 95). Также в коллекции присутствовала профильная часть лепной миски с отогнутой наружу стенкой (Рис. 2, 9). В наборе выделяется подлощенная стенка с округлым ребристым налепом (Рис. 2, 10). Похожий фрагменты обнаружены на поселениях сарматского времени в Подонье (Обломский, 2018. С. 64, 73). Обломок ручки, исходя из миниатюрных размеров, относится, вероятнее всего, к лепной кружке (Рис. 2, 11).

Ритуальная посуда представлена единичными фрагментами (Рис. 2, 12–15). Среди них присутствовали нижняя часть бальзамария с грушевидным туловом (тип II по А.П. Медведеву) (Медведев, 1987. С. 105), шейка которого не сохранилась (Рис. 2, 12), а также развал красноглиняного ритуального (туалетного) сосудика яйцевидной формы со стенками, плавно сужающимся к устью (Рис. 2, 14), относящегося к типу I по А.П. Медведеву (Медведев, 1987. С. 105). Выделяется своими размерами и морфологическими особенностями массивный лепной фрагмент профиля сосуда с валиком на шейке (Рис. 2: 13). Прямые аналогии ему не обнаружены, но исходя из особенностей отгиба венчика и профилировки тулова, он схож с массивными курильницами типа III по А.П. Медведеву (Медведев, 1987. С. 105, 105; Медведев, 1990. С. 50). К ритуальной посуде также можно отнести миниатюрный сосудик (Рис. 2, 15), идентичный по форме находкам с поселений Подонья начала новой эры (Разуваев, 2011. С. 216).

Помимо керамики из культурного слоя и объектов сарматского времени получена представительная вещевая коллекция. По функциональному назначению обнаруженных предметов она разделяется на орудия труда, предметы вооружения и украшения. Первая группа наиболее многочисленна и разнообразна. Среди них присутствуют 2 железных ножа с заклепками, ярко выраженной горбатой спинкой и немного вогнутым лезвием (возможно от постоянных заточек) (Рис. 3, 1, 2). «Горбатые» ножи с характерным креплением деталей рукояти в виде заклепок находят широкие аналогии в скифо-сарматских древностях (VII в. до н. э. – II в. н.э.). Так, первую поковку (Рис. 3, 1) следует отнести по классификации Б.А. Шрамко к подгруппе 1 группы 2 (Шрамко, 1965. С. 141). За счет того, что на втором изделии (Рис. 3, 2) присутствует две заклепки, типологически оно принадлежит подгруппе 2 группы 2 (Шрамко, 1965. С. 141). Для Курского Посеймья в скифское время ножи такого типа не были распространены (Кабанов, 2013. С. 11), чего нельзя сказать о лесостепном Подонье, где они популярны Меркулов, 2011. С. 191). Горбатая форма и наличие крепления в виде заклепок характерны не только для скифского времени, похожие формы встречаются и на более поздних сарматских памятниках. Примечателен найденный серп (Рис. 3, 3). Исходя из способа крепления к черенку он относится по Р.С. Минасяну к подгруппе 1 группы II (Минасян, 1978. С. 79). Это слабоизогнутые клинки, заканчивающиеся пяткой, конец которой расположен перпендикулярно плоскости клинка. Аналогичные орудия были широко распространены в лесостепных и степных районах Восточной Европы в скифо-сарматское время. Рыболовные снасти представлены фрагментом бронзовой блесны (Рис. 3, 4) и железным крючком (Рис. 3, 5). В слое также найдено несколько железных проколок (Рис. 3, 6, 7) и игл (Рис. 3, 8–10). На металургическую деятельность указывает обломок льячки, вырезанной из мергеля (Рис. 3, 11). Изделия, связанные с прядением и ткачеством, представлены находками пряслиц (Рис. 3, 12–14). Для сарматского времени типично круглое пряслице из стенки сосуда (Рис. 3, 12). По А.П. Медведева оно относится к типу 3 (Медведев, 1990. С. 84). Близким к нему по форме является обломок пряслица, вырезанного из мергеля (Рис. 3, 13). Третьей находкой является глиняное орнаментированное биконическое пряслице (Рис. 3, 14). Такие изделия характерны для скифского времени (VII–IV в. до н.э.). По В.Е. Родзиевской, оно относится типу 5 варианта 2 (Родзиевская, 1979. С. 20). К орудиям труда также относится большой точильный камень (Рис. 3, 15).

Предметы вооружения представлены двумя наконечниками стрел с лопастями, срезанными под прямым углом (Рис. 3, 16, 17), которые по А.В. Симоненко относятся к самому распространенному во всей Сарматии в I в. н. э. варианту 4 типа 2 (Симоненко, 2009. С. 96, 97). Также обнаружен железный предмет, близкий по форме к деталям конской упряжи (Рис. 3, 18).

Украшения представлены единичными экземплярами. В их число входит сарматская железная пряжка типа «сюльгам» (Рис. 3, 19), распространенная в Подонье в I–II вв. н. э. (Медведев, 2008. С. 111). В наборе присутствовала округло-ребристая

бусина из горного хрусталя (Рис. 3, 20). По типологии Е.М. Алексеевой она принадлежит к варианту Б типа 15 и датируется I–II вв. н. э. (Алексеева, 1982. С. 9). Две оставшиеся бусины являюсь глиняными (Рис. 3, 21, 22). Аналогии таких изделий широко известны в древностях сарматского времени.

В пределах раскопа 4 обнаружены восемь заглубленных объектов сарматского времени (Рис. 4), которые по хозяйственному назначению следует разделить на три группы.

Ямы 1 и 4 представляли собой заглубленные хранилища зерна и других продовольственных запасов. Круглые ямы 2, 3 и 5 располагались на расстоянии в 1,42–1,45 м друг от друга, образуя столбовую конструкцию. К этому комплексу, по всей видимости, относилась и яма 6, которая имела схожие с предыдущими объектами размеры и заполнение. Вероятно, столбовая конструкция являлась основой навеса, возведенного над хозяйственными ямами 1 и 4.

Ямы 7 и 8 были обнаружены на уровне материка в процессе расчистки западины культурного слоя в восточной части раскопа 4. Они, предположительно, представляли собой довольно большое по размерам двухкамерное сооружение, разделенное материковым перешейком. Большая часть объектов находилась за исследуемыми границами.

Размеры ямы 7 в пределах раскопа 4 составляли 1,2–1,5 х 3,23 м, а глубина достигала 0,79 м. Котлован объекта имел прямоугольную форму, с крутыми стенками и ровным дном. В северо-западном углу ямы 7, а также у южного борта раскопа, фиксировались два выступа. Они, вероятно, являлись частью довольно оригинальной опорной конструкции, в которой крупные столбы ставились в ямы под углом к основному котловану, расширяя постройку кверху. Стратиграфия ямы 7 насчитывала три слоя и одну прослойку.

Яма 8 также имела форму близкую к прямоугольнику, ее размеры составляли 2,43 х 1,42–2,1 м. Глубина варьировалась от 0,45 м в южной части котлована, до 0,77 м в его северной половине. Юго-западный угол ямы 8 был скруглен, образуя небольшой выступ под опорный столб, схожий с конструкцией ямы 7. Стратиграфия объекта насчитывала 3 слоя. О функциональном назначении сооружения можно судить только после его полного изучения. В целом, его размеры указывают на неординарную по меркам уже исследованных построек РЖВ величину.

Так как ямы 1 и 4 зафиксированы в слое 2, который перекрывает котлованы ям 7 и 8 (Рис. 4, 3), можно предположительно выделить два строительных периода, которые укладываются в рамки начала нашей эры. Первоначально функционировали комплекс ям 7 и 8. Его руинирование явно связано с пожаром, так как в заполнении присутствуют мощные горелые прослойки. В дальнейшем, после засыпки котлованов, восточнее был возведен комплекс из хозяйственных ям и столбовой конструкции (ямы 1–6).

Несмотря на единичные находки керамики с элементами характерных для более раннего скифоидного населения (VI–V вв. до н. э.), исследованные напластования и объекты соотносятся с сарматским временем (I–II вв. н. э.). На это указывает многочисленный керамический материал, который имеет все присущие черты посуды рубежа эры Воронежского Подонья, а также датирующие находки I–II вв. н. э.

Шуклинское городище исследовалось разведками Л.Н. Соловьева в 1919–1921 г., И.И. Ляпушкина в 1947 и О.Н. Мельниковской в 1948 г. В 1952–1953 гг. Т.Н. Никольской на памятнике заложены два раскопа и выполнен разрез вала (Никольская, 1958. С. 66). Предметы РЖВ были найдены преимущественно в переотложенном состоянии. Однако автор работ отмечал наличие развалов обмазки с отпечатками прутьев, а также остатки очагов в виде овальных пятен угля и золы, связанных с этим периодом (Никольская, 1958. С. 69, 70). В силу серьезных строительных работ в роменский период (IX–X вв.), связанных с возведением укреплений городища, слой предшествующего времени был практически полностью уничтожен. Тем не менее предметы РЖВ найдены в значительном

количестве.

Наиболее многочисленную группу составляли фрагменты лепной посуды. Часть сосудов с городища, по общим признакам, таким как орнамент в виде сквозных проколов по шейке, аналогична керамике сейминского локального варианта скифоидной лесостепной культуры (VI–V вв. до н. э.). Особенностью выступает лишь состав теста, где отсутствуют грубые примеси в виде шамота, а в качестве отощителя используется песок. В результате фактура сосудов – гладкая, толщина стенок относительно составляла – 0,4–0,7 мм (Никольская, 1958. С. 68). В большом количестве обнаружена на памятнике и керамика сарматского времени, идентичная коллекции посуды с раскопа 4 (Рис. 5, 1–6, 11, 13)[2]. Профильные части украшены по верхнему краю косыми и прямыми насечками (Рис. 5, 1–3) либо имели следы лощения (Рис. 5, 13). Присутствовали в наборе и фрагменты усечено-сферических крышек с полыми ручками (Рис. 5, 4–6). Также при раскопках Т.Н. Никольской обнаружен развал сосуда (Рис. 5, 11), по морфологическим признакам схожего с сарматским лепным двуручным кувшином – тип Д по А.С. Скрипкину (Скрипкин, 1990. С. 41, 42, 50, 90. Рис. 13, 17–20).

Описание керамического материала, собранного разведками в южной части городища, также приводится Л.Н. Соловьевым. Он выделяет посуду начала нашей эры в виде «тонкостенных лощеных черепков», также обращая внимание на явное отличие в качестве изготовления от типичной «зольничной керамики» РЖВ (Соловьев, 1927. С. 28). Более подробный анализ приводит О.Н. Мельниковская. Среди керамики РЖВ она фиксирует лощеную и не лощеную посуду. Среди нелощеных фрагментов исследователь выделяет два типа: I – крупные сосуды с сильно вытянутым широким горлом с защипами или косыми насечками по венчику; II – сосуды баночной формы со слегка отогнутыми венчиками и слабо выраженной шейкой с поясом редких сквозных отверстий под ним. Отмечается, что лощеная посуда сделана из того же теста, что и не лощеная. К этому периоду относится и находка горбатого ножа (Рис. 5, 12) (Мельниковская, 1948. Л. 138).

Вещевой комплекс РЖВ с городища весьма скромен. Он представлен преимущественно изделиями из глины в виде пряслиц (Рис. 5, 7–10) и грузил. Датирующими находками являются пряслица из стенки краснолакового сосуда (Рис. 5, 7, 8). Они относятся к I в. н. э. (Никольская, 1958. С. 69). Этот факт был использован Т.Н. Никольской в качестве аргументации более поздней даты существования скифоидного населения (Никольская, 1958. С. 69), что создало некоторую путаницу в историографии. А.А. Чубуром датировка пряслиц применена для определения верхней даты юхновской культуры (V–III вв. до н. э.), древностей которой на Шуклинском городище не обнаружено (Чубур, 2000. С. 182). А.Е. Алихова обращает внимание на пряслице I в. н.э., но определяет хронологию памятника за счет скифоидной керамики, распространенной в Посеймье в VI–V вв. до н.э. (Алихова, 1962. С. 90). В своих выводах А.И. Пузикова также относит городище к скифоидной культуре, однако находку рубежа эр не упоминает при анализе хронологии региона (Пузикова, 1981. С. 100).

Учитывая вещевой комплекс и разнородность керамического материала РЖВ, допустимо предположить, что первоначально площадка городища была заселена носителями сейминского локального варианта скифоидной лесостепной культуры (VI–V вв. до н. э.). В I в. н.э. площадку мыса осваивает лесостепное население сарматского времени.

2 Рис. 5, 1–11, 13 для иллюстрации использованы фотографии находок из коллекций КГОМА, представленных на сайте goskatalog.ru (1 – № 38129762, номер КП (ГИК) – КМА 165/850; 2 – № 38128899, номер КП (ГИК) – КМА 165/808; 3 – № 38128418, номер КП (ГИК) – КМА 165/295; №. 4 – № 38129753, номер КП (ГИК) – КМА 165/333; 5 – № 38129827, номер КП (ГИК) – КМА 165/824; 6 – № 38130566, номер КП (ГИК) – КМА 165/299; 7 – № 38128889, номер КП (ГИК) – КМА 165/49; 8 – № 38128827, номер КП (ГИК) – КМА 165/54; 9 – № 38131923, номер КП (ГИК) – КМА 165/50; 10 – № 38129800, номер КП (ГИК) – КМА 165/101; 11 – № 38130562, номер КП (ГИК) – КМА 165/231; 13 – № 38130162, номер КП (ГИК) – КМА 165/532).

Находки I–II вв. н. э. в виде многочисленных фрагментов посуды (Рис. 6, 4–7), наконечников стрел I в. н. э. (Рис. 6, 1, 2), бусины из горного хрусталя I–II вв. н. э. (Рис. 6, 3), аналогичных материалам с раскопа 4, найдены на Шуклинском селище в ходе работ на раскопе 3 под руководством О.Н. Енуковой в 2011 г. Обломки лепных сосудов I–II вв. н. э. также обнаружены в раскопе 1 в 1952 г. (Никольская, 1952. Л. 2), в раскопе 2 в 2010 г. (Енукова, 2011. Л. 26) и в раскопах 5 и 6 в 2021–2022 гг. (Рис. 6, 8)[3].

Таким образом, в ходе почти вековой истории изучения Шуклинского комплекса на селище выявлены материалы сарматского времени, что позволяет существенного расширить его хронологию. Судя по всему, территория городища вместе с селищем в начале нашей эры являлась одним поселенческим объектом, а фортификации, остатки которых придали комплексу его современный вид, появились только в роменское время (IX–X вв.). В результате поселение I–II вв. н. э. занимало общую площадь не менее 1,7 га. Поселение прекращает существовать во II в. н. э., что подтверждается датирующими находками. В это время регион начинает активно осваиваться позднезарубинецкими племенами (Енуков, Медведев, 2001–2002. С. 257). Немногочисленные остатки населения сарматского времени, вероятно, ассимилируются ими.

В заключение стоит отметить, что встреченные на памятнике находки сарматского времени не являются для региона уникальными. Впервые подобные материалы в Курском Посеймье найдены на Ратском городище (Енуков, Медведев, 2001–2002. С. 253–257). Памятники такого типа в Поднепровье немногочисленны, расстояния между ними значительны (Обломский, 2020. С. 382). Предположение о появлении носителей этой материальной культуры в Посемье в результате миграционных процессов, источником которых выступил бассейн Дона, ранее уже формулировались (Обломский, 2003. С. 96). Происхождение лесостепного населения сарматского времени Подонья исследователи связывают с потомками скифоидных племен (Медведев, 1990. С. 180). При этом в историографии на данный момент пока нет единого названия для древностей оседлого населения I–II вв. н. э. на Верхнем Дону (Обломский, 2020. С. 377). В Посеймье, в отличие от сопредельной территории, имеющиеся материалы демонстрируют внушительную хронологическую лакуну в четыре столетия между финалом сейминского локального варианта скифоидной лесостепной культуры (VI–V вв. до н. э.) и появлением населения с материальной культурой сарматского времени (I–II вв. н. э.). Это обстоятельство, наряду с основным источником аналогий вещевого и керамического наборов, дает серьезные основания рассматривать вышеупомянутые памятники в Посеймье как пример миграции населения с Верхнего Дона в бассейн р. Сейм в I в. н. э.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1–12.

Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья // МИА. 1962. № 133.

Артеменко И.И. Поселение бронзового века на Кузиной Горе // СА. 1961. № 2.

Енуков В.В., Медведев А.П. О новом типе поселения в бассейне р. Сейм // Stranum plus. 2001–2002. № 4.

Енукова О.Н. Отчет о раскопках селища около д. Шуклинка Курского района Курской области в 2010 г. // Архив НИИ АЮВР КГУ.

Кабанов Д.О., Балашов А.А. Классификация ножей скифского Посеймья // Человек, общество, государство: история и современность. Материалы молодежного научного форума с международным участием. Курск, 2013.

Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья //

3 Материалы раскопок О.Н. Енуковой (раскоп 3), Г.О. Бобрышева (раскоп 5) и А.А. Балашова (раскоп 6) находятся в стадии обработки.

Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.

Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008.

Медведев А.П. Сарматы и лесостепь. Воронеж, 1990.

Мельниковская О.Н. Разведочные работы на Шуклинском городище // Архив ИА РАН. Р-1. № 291.

Меркулов А.Н. Железные ножи среднедонской культуры скифского времени // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж, 2011.

Минасян Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // Археологический сборник. Вып. 19. Ленинград, 1978.

Никольская Т.Н. Отчет о раскопках Шуклинского городища Стрелецкого р-на Курской обл. в 1952 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 902.

Никольская Т.Н. Отчет о раскопках в 1953 г. в Курской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. № 903.

Никольская Т.Н. Шуклинское городище // КСИИМК № 72. М., 1958.

Обломский А.М. Зарубинецкие материалы поселения Красное 4 в Среднем Посеймье // Старожитності І тис. н. е. на території України. Київ, 2003.

Обломский А.М. Материалы первых веков н.э. на поселениях Ксизово-17 и 19 // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. К 25-летию Курского областного музея археологии: сборник научных трудов. Курск, 2018.

Обломский А.М. Позднескифские материалы конца I тыс. до н. э. и первых вв. н. э. из верховьев р. Воронеж // Stratum plus. 2020. № 4.

Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье. М., 1981.

Радзієвська В.Є. Техніка прядіння у населення лісостепової Скіфії // Археологія. Т. 32. Київ, 1979.

Разуваев Ю.Д., Моисеев А.В. Городище скифо-сарматского времени у с. Рябинки в Правобережье верхнего Дона (раскопки 2009 г.) // Археологические памятники Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 14. Воронеж, 2011.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2009.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Соловьев Л.Н. Стоянки, селища и городища в окрестностях г. Курска // Известия Курского губернского общества краеведенья Орган совета Общества. № 4. Курск, 1927.

Чубур А.А. Курский край: эпоха раннего металла. Т. 2. Курск, 2000. (История Курского края. Научно-популярная сер. в 20-ти тт.).

Шрамко Б.А. Металеві знаряддя виробництва лісостепової Скіфії (ножі) // Питання історії народів СРСР. Вип. 1. Харків, 1965.

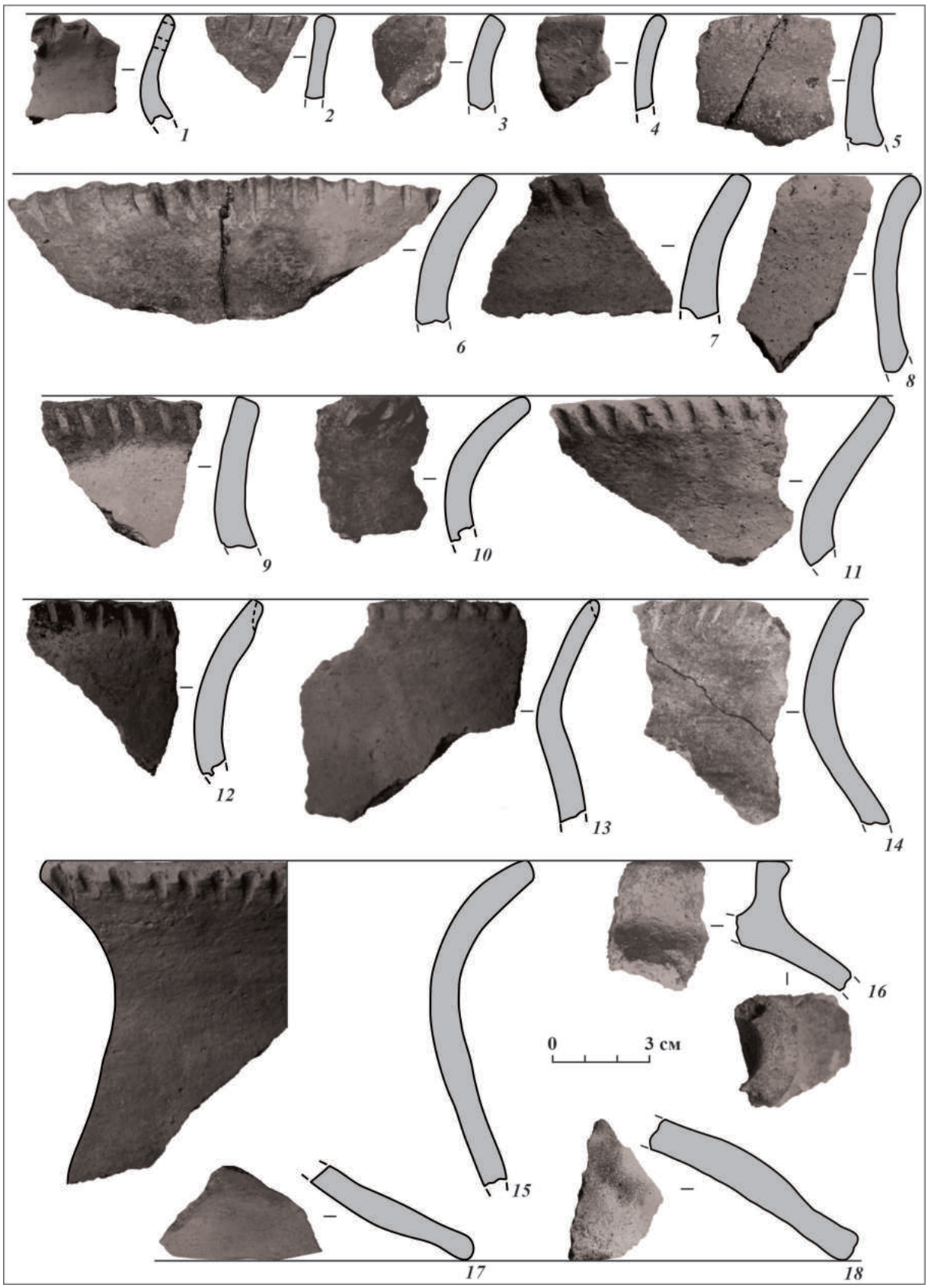


Рис.1
«Шуклинка, селище». Раскоп 4. Кухонная керамика.

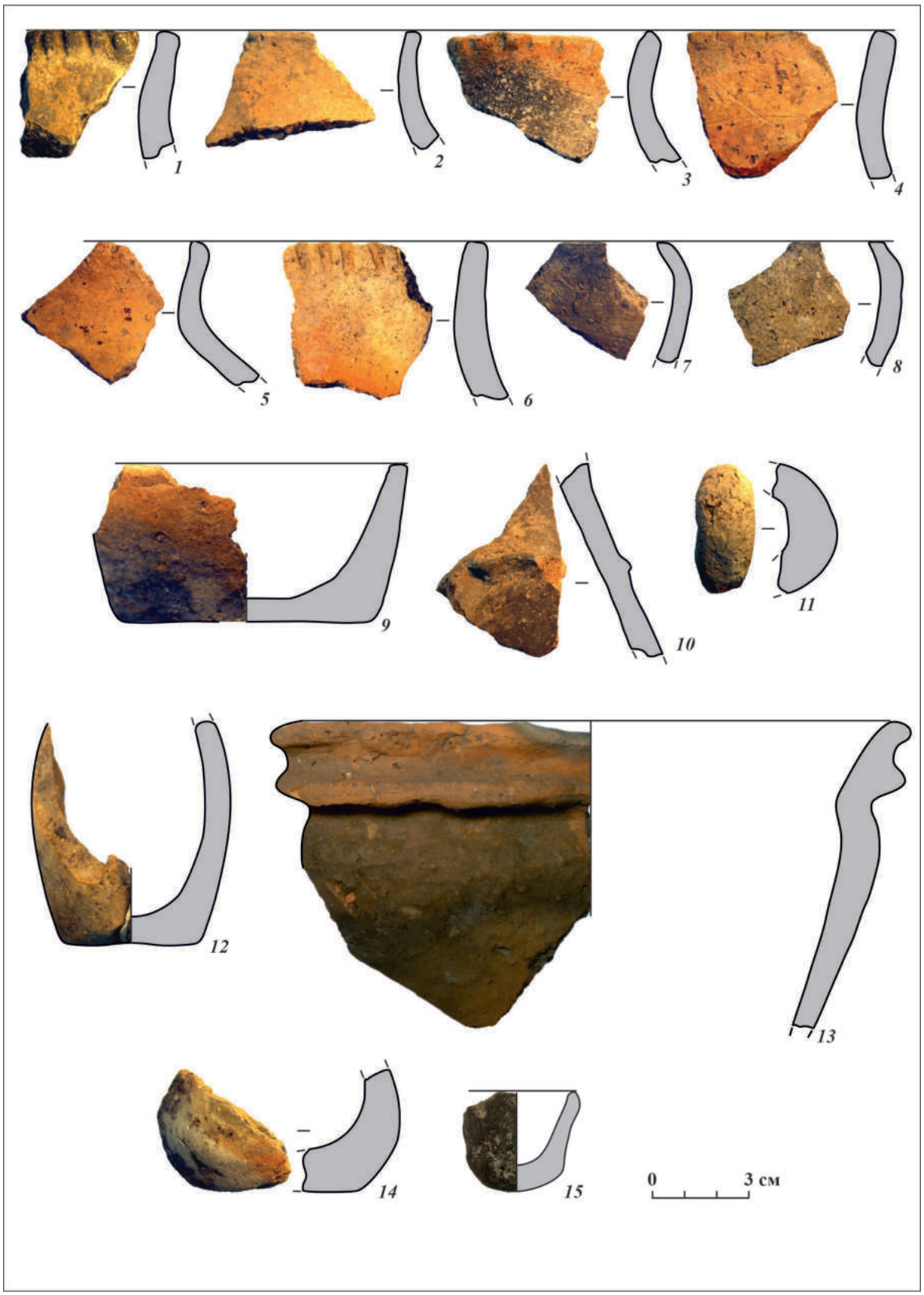


Рис.2
«Шуклинка, селище». Раскоп 4. Столовая и ритуальная керамика.

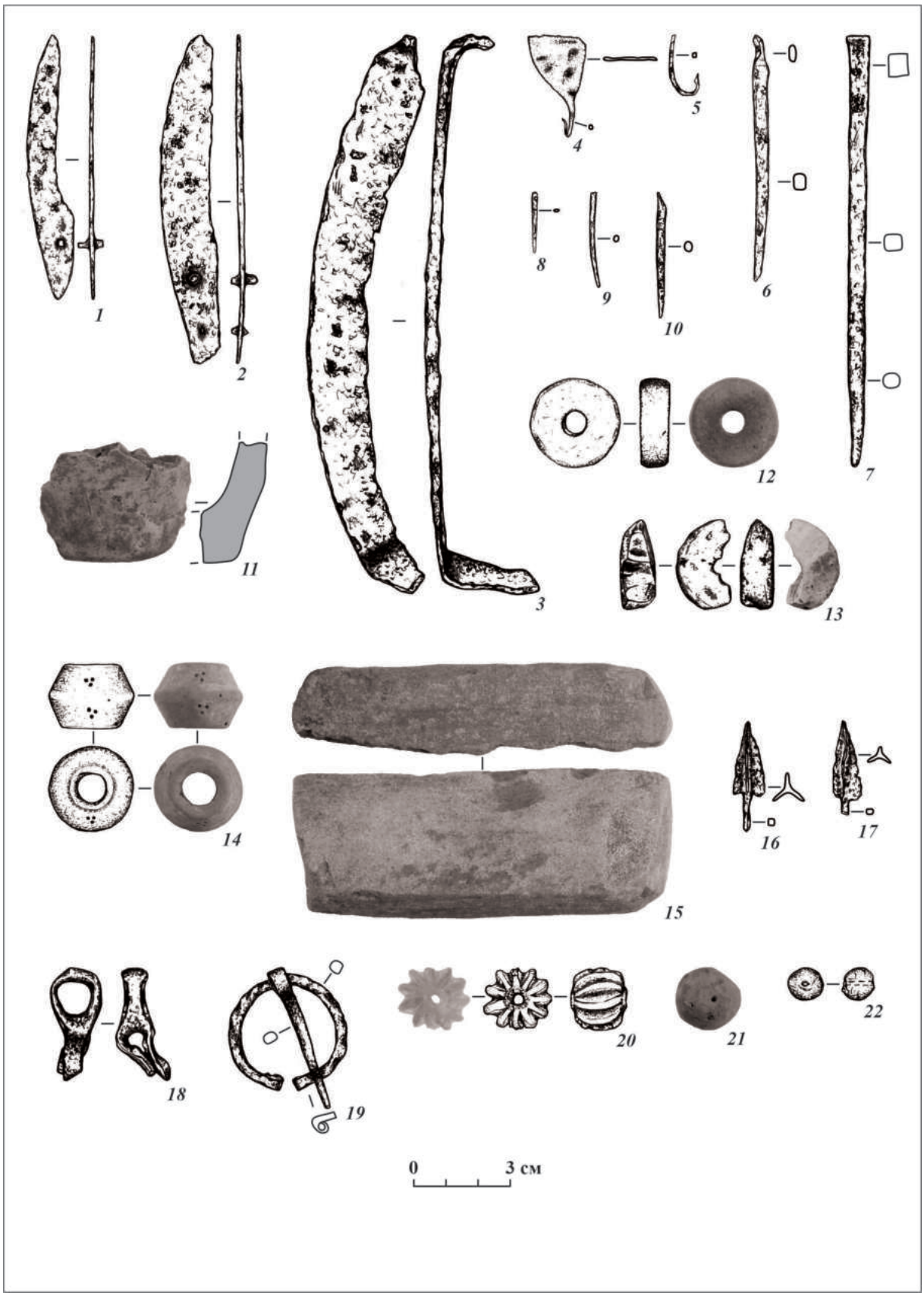


Рис.3
«Шуклинка, селище». Раскоп 4. Индивидуальные находки.

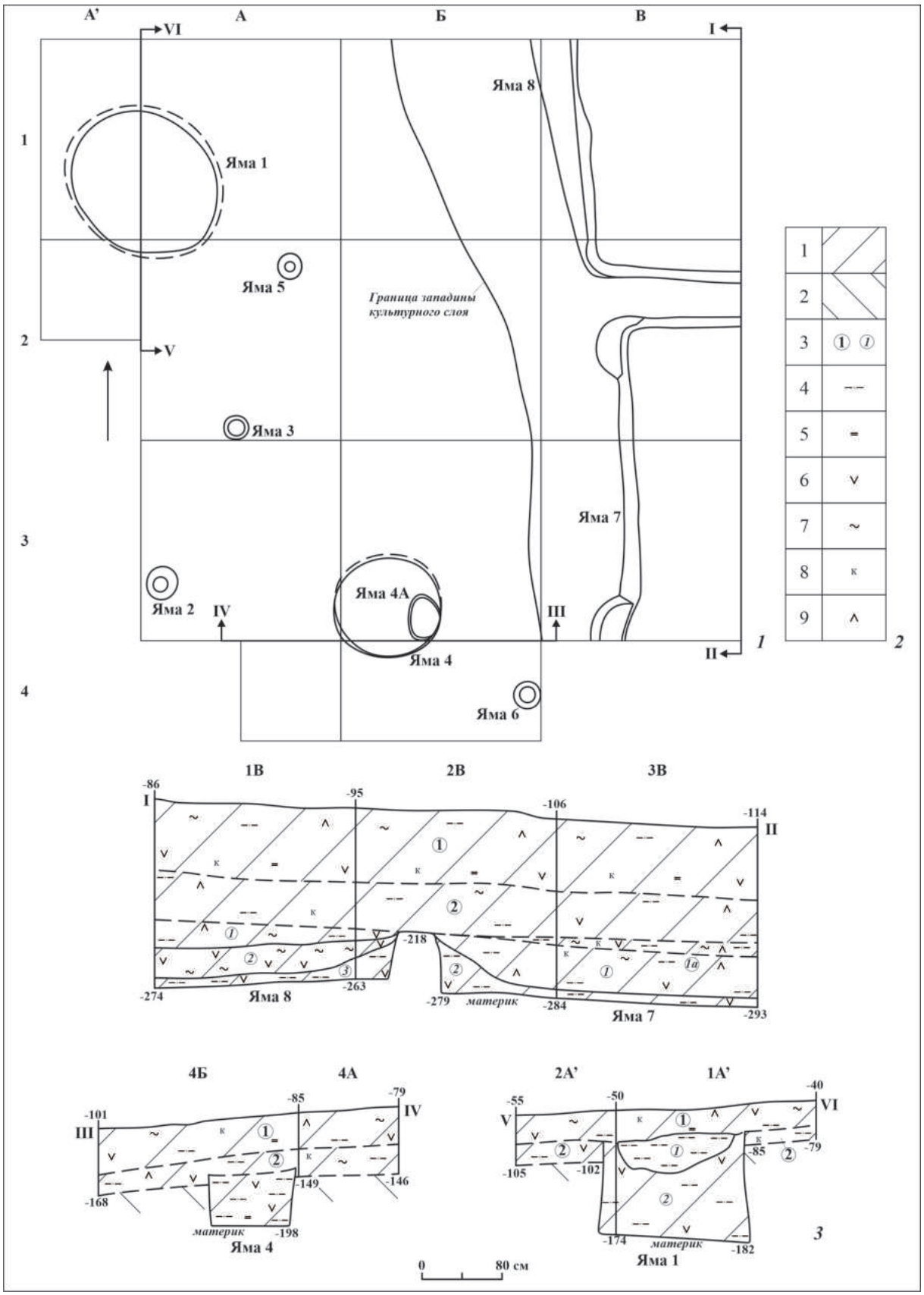


Рис.4

«Шуклинка, селище». 1 – план раскопа 4; 2 – условные обозначения: 1 – темно-серый суглинок, 2 – серо-коричневый суглинок (диффузионный слой), 3 – номера слоев раскопа и объектов, 4 – желтый суглинок, 5 – обожженная глина, 6 – уголь, 7 – зола, 8 – камень, 9 – мергель; 3 – профили раскопа 4.

Рис.5
«Шуклинка, городище». 1–6, 11, 13 – керамика; 7–10, 12 – индивидуальные находки.

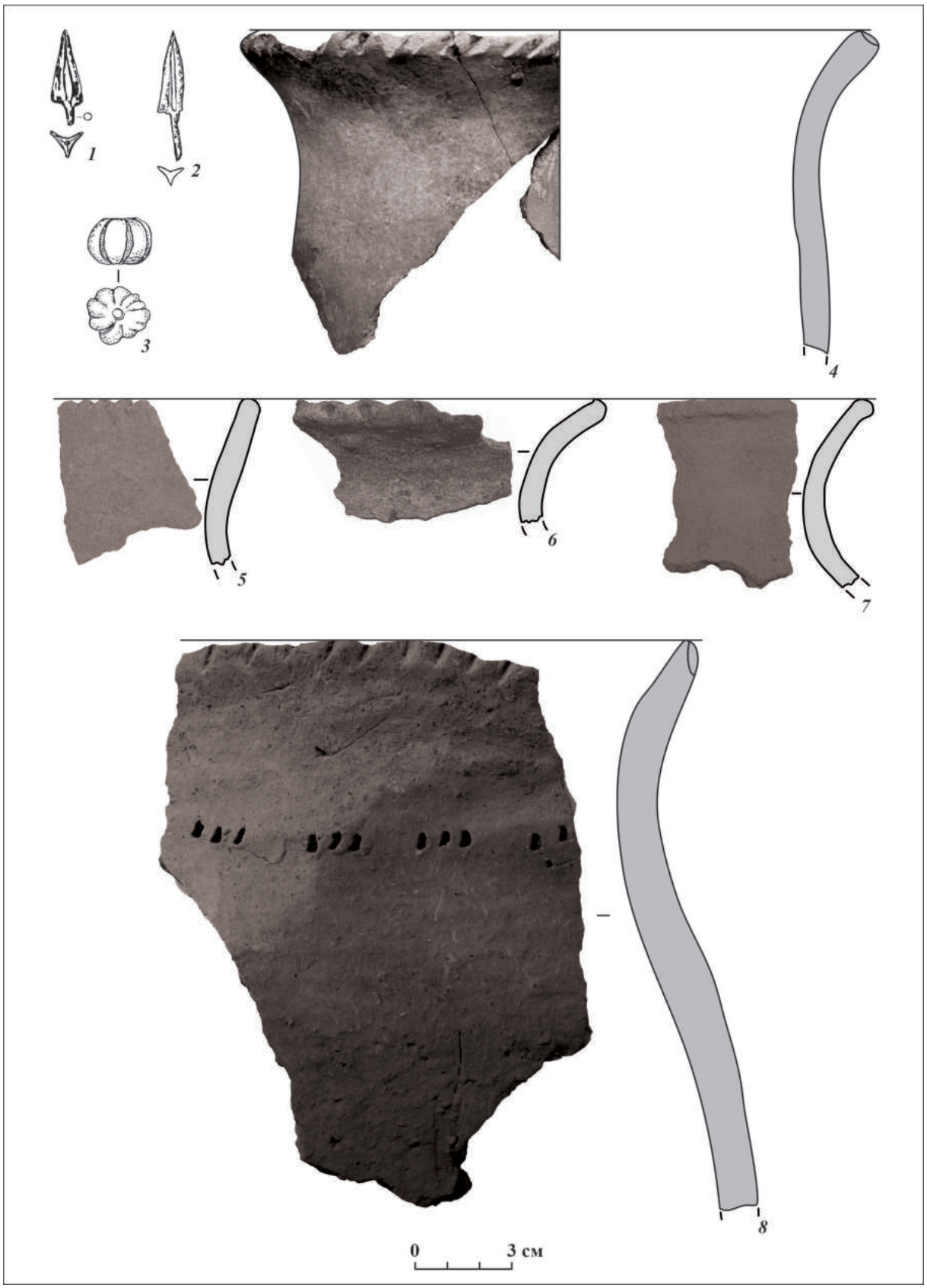


Рис.6
«Шуклинка, селище». 1–7 – раскоп 3; 8 – раскоп 5. 1–3 – индивидуальные находки; 4–8 – керамика.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЗАПАДЕ КУРСКОГО ПОСЕЙМЬЯ

© 2023 г. Л.С. Воротинская
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
© 2023 г. А.И. Дробушевский
ИИМК РАН, Санкт-Петербург

В 2015-2021 годах отрядом Южно-Белорусской экспедиции Государственного Эрмитажа были проведены археологические исследования в западных районах Курской области (Глушковский и Рыльский) с целью поиска памятников III в. до н. э. – I в. н. э. типа Харьевка, известных на сопредельной территории Сумской области Украины. Разведки производились главным образом по правому берегу реки Сейм, при этом фиксировались и описывались все встреченные памятники археологии, как уже известные, так и новые. В результате на участке реки Сейм от российско-украинской границы до деревни Романово Рыльского района обследовано 47 памятников археологии от каменного века до позднего средневековья, из которых 29 ранее были не известны. Обнаружено два памятника типа Харьевки.

Ключевые слова: Сейм, памятники типа Харьевки, Глушковский, Рыльский район, Курская область, эпоха бронзы, скифоидная, роменско-боршевская культура, Древняя Русь.

NEW RESEARCH IN THE WEST OF THE KURSK REGION IN THE VALLEY OF THE SEIM RIVER

© 2023 L.S. Vorotinskaya, A.I. Drobushevsky

In 2015-2021, a party of the South Belarusian expedition of the State Hermitage carried out archaeological research in the western districts of the Kursk region (Glushkovo and Rylsk) in order to search for sites of the 3rd century BC – I century AD Kharyevka type, known in the adjacent territory of the Sumy region of Ukraine. Reconnaissance was carried out mainly along the right bank of the Seim River, while all the archeological sites encountered, both already known and new, were recorded and described. As a result, 47 archeological sites from the Stone Age to the Late Middle Ages were surveyed on the section of the Seim River from the Russian-Ukrainian border to the village of Romanovo in the Rylsk district, of which 29 were previously unknown. Two sites of the Kharyevka type were discovered.

Keywords: Seim River, sites of the Kharyevka type, Glushkovo district, Rylsk district, Kursk region, Bronze Age, Scythian culture, Romny-Borshevo culture, Ancient Rus'.

В 2015–2021 годах отрядом Южно-Белорусской экспедиции Государственного Эрмитажа проводились археологические разведки на территории Глушковского и Рыльского районов Курской области. Маршрут разведки пролегал в долине и на коренных берегах реки Сейм в Глушковском районе и по первой террасе и пойме правого берега реки Сейм в Рыльском районе. Основной целью археологической разведки являлось первичное выявление и обследование памятников типа Харьевка, относящихся к предримскому периоду раннего железного века. На многих участках маршрутов территория была либо слабо изучена, либо совсем не обследована в археологическом отношении. Поэтому по ходу разведки было обнаружено и зафиксировано довольно много памятников различных эпох. В результате работ было обследовано 47 памятников (Воротинская, Дробушевский, 2019. С. 103-105; 2020. С. 168-170).

В данной статье приводятся первичные данные о новых памятниках, основанные на материале из поверхностных сборов и шурфов. На некоторых из них требуются дополнительные исследования для уточнения их культурно-хронологической

принадлежности. Необходимо отметить определенные трудности в проведении разведок в западных приграничных районах Курской области, связанные с тем, что многие деревни обезлюдели, а территории, ранее задействованные в хозяйстве, заросли и превратились в непролазные чащи.

В результате наших разведок открыто 29 новых памятников – три городища (Дроновка 1, Лещиновка 7, Будки 2), три кургана (Дроновка 6-8) и 23 поселения (Рис. 1). Большинство новых поселений многослойные. Выявлено несколько скоплений памятников и расширились уже известные: в окрестностях и в селе Дроновка восемь памятников (Дроновка 1-8), в селе Марково три поселения (Марково 1-3), три в деревне Лещиновка и ее окрестностях (Лещиновка 7-9), Будки 2, 3, три в селе Званном (Званное 6-8), Шагарово 5, 6, Кекино 1, 2.

Обнаружено два памятника предримского периода типа Харьевки – Марково 3 и Лещиновка 9, а также, вероятно, два памятника эпохи палеолита, памятники неолита и бронзы, раннего железного века, памятники I тысячелетия нашей эры (позднезарубинецкого типа, колочинской и роменско-боршевской культур) и древнерусского периода XI-XIII вв.

На территории деревни Лещиновка и недалеко от деревни Будки Глушковского района найдены материалы, которые могут свидетельствовать о наличии здесь памятников эпохи палеолита. Они обнаружены на коренных высоких берегах правого берега Сейма. Местонахождение **Лещиновка 8** находится на территории деревни, где на грунтовой дороге, ведущей с первой надпойменной террасы на вторую террасу коренного берега, был найден концевой скребок на пластине с участками ретуши по краю из серого кремня (Рис. 3, 1)[1]. Никаких других археологических находок здесь выявлено не было. Вероятно, орудие попало на дорогу в результате разрушения слоя при строительстве или использовании дороги, или при рытье ямы для скотомогильника, который находится наверху террасы около этой дороги (Воротинская, 2016, Л. 15, Рис. 41-45). На памятнике **Будки 3**, расположенном на высоком коренном правом берегу реки Сейм на высоте около 45-50 м от поймы в 2 км на северо-восток от деревни Будки, в 0,5 км в том же направлении от городища Будки 2, непосредственно примыкая на юго-запад к давно известному городищу Сухая (Ляпушкин, 1961. С. 136) среди обломков древнерусской керамики найдены отщепы и обломки окремненной породы, а также орудие из окремненной породы (Рис. 3, 2).

Материалы неолита и бронзы встречены в десяти пунктах: Дроновка 4, Урусы 1, Марково 1-3, Кекино 1, 2, Лещиновка 9, Званное 8, Шагарово 6 (Рис. 4; 5).

На поселении **Дроновка 4**, расположенном на первой террасе коренного берега в южной части села, на огородах найдены фрагменты лепных сосудов предположительно днепро-донецкой культуры эпохи неолита: фрагмент стенки лепного сосуда, орнаментированного растянутыми ямками, а также сосницкой культуры бронзового века (Рис. 4, 1, 2) (Воротинская, 2018. Л. 13, Рис. 47-54).

Памятник **Урусы 1** находится на мысу второй террасы коренного правого берега реки Сейм в южной части деревни Урусы в 2 км от основного русла реки на высоте 25 метров от уровня поймы. Здесь найден один небольшой фрагмент кремневой пластины (Рис. 4, 3) (Воротинская, 2018. Л. 15, Рис. 67-71).

Поселение **Марково 1** расположено на первой надпойменной террасе правого берега реки Сейм на высоте 5 м над поймой на западной окраине села Марково на территории между Марково и Кабановкой (последняя присоединена к селу Марково). Поверхность плотно задернована. На памятнике сделано три шурфа общей площадью 6 м² (Воротинская, 2018. Л. 16, Рис. 72-110). В культурном слое была обнаружена лепная керамика с примесью песка, орнаментированная шнуровым орнаментом и врезными косыми и горизонтальными линиями, наколами и тычками, иногда со сквозными

1 Приносим благодарность А.А. Чубуру за помощь в определении находок из некоторых памятников, С. П. Городецкой за выполнение рисунков каменных орудий.

отверстиями, которая наиболее соответствует керамике среднеднепровской и сосницкой культур бронзового века (Рис. 4, 4–18).

Поселение **Марково 2** обнаружено на правом берегу реки Сейм около основного русла на лугу в пойме на прибрежном возвышении на высоте 4 метра от уреза воды в 450 метрах на юг от южной окраины села Марково. На памятнике был сделан шурф площадью 4 м², в котором определяется культурный слой черного гумуса мощностью 0,7 м, чрезвычайно насыщенный археологическими находками от эпохи бронзы до середины I тыс. н. э. В том числе здесь много керамики с примесью песка в тесте, орнаментированной врезными линиями, тычковым, гусеничным орнаментом, сделанным навитой веревочкой, штампом гребенки, относящейся к сосницкой культуре (Рис. 4, 19-44) (Воротинская, 2018. Л. 17-19, Рис. 111-139).

Памятник **Марково 3** выявлен по многочисленным находкам лепной керамики в обрыве правого берега реки Сейм на краю первой надпойменной террасы (высота 6-7 м от уреза воды), в 0,25 км на юго-восток от юго-западной окраины села Марково (Воротинская, 2018. Л. 19-21, Рис. 140-154). Материалы эпохи бронзы здесь представлены небольшим количеством предметов: маленький фрагмент стенки лепного сосуда с орнаментом в стиле «отступающей лопаточки». Такой орнамент характерен для днепро-донецкой культурной общности развитого неолита. В 2018 году здесь во время раскопок также было обнаружено небольшое количество находок эпохи неолита и бронзы: фрагменты тонкостенных лепных сосудов со сплошным ямочным орнаментом и горизонтальными врезными линиями (отпечатками шнура), два кремневых орудия (Рис. 5, 1–5) (Воротинская, 2021. Л. 41, 42).

Поселение **Лещиновка 9** расположено на первой надпойменной террасе правого берега реки Сейм (протока Хила или Лещина) на юго-западной окраине деревни Лещиновка, занято огородами. Здесь обнаружено большое количество фрагментов глиняных сосудов, в том числе эпохи бронзы: фрагмент венчика лепного сосуда серо-коричневого цвета с горизонтальными рядами тычкового орнамента, фрагмент стенки лепного сосуда с горизонтальным желобком и круглым несквозным отверстием, фрагмент стенки лепного сосуда с коричневой заглаженной поверхностью и тычковым орнаментом (Рис. 5, 6–8).

Званное 8 находится левом берегу основного русла реки Сейм, на краю останца первой надпойменной террасы берега протоки Скороза (высота над поймой 3 м). Поверхность занята сосновыми лесопосадками. Культурный слой в обнажениях мощностью 0,3–0,5 м. В обрыве берега собран археологический материал, относящийся к эпохе бронзы – керамика с примесью песка в тесте: фрагмент лепного прямого венчика коричневого цвета с насечками по краю, фрагмент стенки лепного серо-коричневого сосуда с круглым несквозным отверстием с примесью песка, фрагмент стенки лепного сосуда со сплошным штампованными орнаментом, два фрагмента стенок лепных сосудов без орнамента с примесью песка (Рис. 5, 9-10).

Материалы эпохи бронзы обнаружены также на поселении **Шагарово 6**. Оно расположено на первой надпойменной террасе правого берега реки Шагаровка (правый приток Сейма) на высоте 5-7 м над поймой, в 0,6 км на север-северо-запад от деревни Шагарово. На распаханном поле обнаружен фрагмент стенки лепного сосуда с тычковым орнаментом (Рис. 5, 11).

Поселение **Кекино 1** расположено на первой надпойменной террасе правого берега реки Сейм (5 м над уровнем поймы) в 0,25 км от основного русла реки, в 1,25 км на запад от северо-западной окраины деревни Кекино (Воротинская, 2018. Л. 26, Рис. 206-210). Территория памятника распахивается. Здесь обнаружены фрагменты лепных сосудов с примесью песка в тесте, орнаментированные косыми насечками штампов навитой веревочки, врезными горизонтальными линиями, с круглым несквозным отверстием, относящихся, очевидно, к марьяновской археологической культуре эпохи бронзы (Рис.

5, 12-134).

Поселение **Кекино 2** найдено на первой террасе правого берега реки Сейм, на высоте 5-7 м от уреза воды, в восточной части деревни. Поверхность частично занята огородами и приусадебными участками. Здесь найден фрагмент стенки лепного сосуда со штампованным орнаментом и кремневое орудие (Рис. 5, 15, 16).

Керамика **скифоидной** культуры Днепровского Левобережья обнаружена в восьми пунктах: Колодежи 1, Марково 2 и 3, Лещиновка 7 и 9, Будки 2, Некрасово 1, Малонизовцево 1 (Рис. 6). Среди них два городища – Лещиновка 7 и Будки 2. Остальные открытые селища на первой надпойменной террасе или пойменных дюнах.

Поселение **Колодежи 1** расположено на северо-восточной окраине песчаной дюны, засаженной соснами, среди болот, в урочище Носцы (высота 2 м от уровня поймы), в 2 км на юго-запад от северо-западной окраины деревни Колодежи (Воротинская, 2018, Л. 10, Рис. 5-19). Археологические находки обнаружены в противопожарной борозде, которая была сделана вокруг всей дюны. В шурфе 1×1 м выявлен культурный слой мощностью 0,6 м, с высокой насыщенностью находками. Здесь обнаружена лепная керамика с примесью песка и шамота в тесте. Венчики орнаментированы по внешнему краю косыми ногтевыми вдавлениями и защипами, со сквозными и несквозными проколами под краем (Рис. 6, 1–7). По-видимому, памятник однослойный, так как материалы других культур здесь не найдены. Аналогичные венчики лепных сосудов найдены в культурном слое **Марково 2** (Рис. 6, 8–17) (Воротинская, 2018. Л. 17-19).

Скифоидная керамика присутствует в **Марково 3**, где при раскопках в культурном слое такие венчики составляли 14% от общего количества груболепных венчиков (33 фрагмента из 233). Также здесь обнаружены фрагменты загнутых внутрь венчиков лепных сосудов с заглаженной поверхностью с примесью песка, найденной в обвале берега реки (Рис. 6, 18-27) (Воротинская, 2021. Л. 38).

Лепная керамика скифоидного облика найдена на городище **Лещиновка 7** (Рис. 6, 28, 29). Городище находится на коренном берегу притока Хила (правобережный рукав реки Сейм), на высоте 58-60 м над поймой, в 2,5 км на запад от западного края деревни Лещиновка. Размеры памятника 93×50 м. Городище расположено на мысу, окруженном с востока и запада оврагами, с северной (напольной) стороны укреплено валом длиной 22 м, высотой до 1,5 м и рвом глубиной 1 м. С южной стороны городище сильно разрушено огромным обвалом высотой 38 м. Вся поверхность городища занята лесом и кустарником. Местоположение городища очень удобно для обозрения окружающей местности. Отсюда хорошо видна вся прилегающая долина Сейма (Воротинская, 2016. Л. 14, 15, Рис. 35-40; 2018. Л. 22, 23, Рис. 168-182). В центральной части площадки был сделан шурф размером 1×1 м, в котором выявлен культурный слой в виде темно-серой гумусированной супеси с крупными кусками известняка мощностью до 0,65 м. Насыщенность археологическим материалом довольно высокая. Всего в шурфе было обнаружено 30 фрагментов глиняных сосудов, несколько фрагментов глиняной обмазки и мелкие фрагменты костей животных.

Обломки скифоидных лепных сосудов со сквозными отверстиями и вдавлениями по краю венчика найдены и на открытом поселении **Лещиновка 9** (Рис. 6, 30–32).

Находки, маркирующие скифоидную культуру обнаружены также на городище **Будки 2** (Рис. 2, 2). Городище расположено на мысу коренного правого берега реки Сейм, образованного краем террасы в южной части и оврагом с северо-западной стороны на высоте 30 м над поймой, в 1 км на восток от восточной окраины деревни Будки. Площадка городища вытянута в направлении юго-запад-северо-восток, длиной 100 м и шириной 40 м. Площадка городища понижается на 10 в сторону стрелки мыса. С напольной северо-восточной стороны сохранился оборонительный вал высотой более 2 метров. Рядом с валом с напольной стороны ров имеет возвышение для прохода на вал. Площадка городища задернована. Ров на две трети зарос кустарником. С напольной стороны вдоль внешнего края рва и по низу последнего зафиксировано не менее 62 крупных камней

различной формы. Не исключено их культовое назначение. Необходимо дополнительное исследование этих камней и контекста их залегания. В кротовинах и на склонах оврага обнаружены фрагменты лепных сосудов. Вероятно, к скифоидной культуре относятся фрагменты лепных сосудов с пальцевыми и пальцево-ногтевыми вдавлениями по краю венчика (Рис. 6, 33, 34).

Поселение **Некрасово 1** расположено на пологом склоне первой надпойменной террасы правого берега реки Сейм (высота 3-5 м над поймой) на северо-восточной окраине деревни Некрасово Рыльского района. Поверхность частично задернована, частично занята огородами. В культурном слое темно-серой супеси на огородах обнаружены фрагменты лепной керамики скифоидной культуры: фрагмент шейки груболепного серого сосуда с круглыми сквозными отверстиями, фрагмент донца, пять фрагментов стенок лепных сосудов без орнамента (Рис. 6, 35).

В юго-восточной части деревни **Малонизовцево** на первой надпойменной террасе правого берега реки Сейм обнаружено поселение. Поверхность частично задернована, частично занята огородами. На огородах собрано большое количество фрагментов глиняных сосудов, в том числе скифоидных с круглым сквозным отверстием (Рис. 6, 36, 37).

К группе памятников эпохи **раннего железного века** мы отнесли памятники, на которых найден материал, характерный для всех культур раннего железного века, и не дает возможности более конкретно определить археологическую культуру. Такая керамика встречена в 11 пунктах: Неониловка 1, Дроновка 4, 5, Урусы 1, Марково 1 и 2, Карыж 3, Званное 7 и 8, Кекино 2 и в Ишутино 3 (Рис. 7, 1-11).

Наиболее западный впервые выявленный памятник – поселение **Неониловка 1**, расположенное на первой надпойменной террасе на территории огородов и хозяйств в южной части деревни. Ранний этап заселения представлен фрагментами груболепных сосудов без орнамента с примесью шамота в тесте, относящимися к раннему железному веку (Рис. 7, 1, 2) (Воротинская, 2018. Л. 10-12, Рис. 20-26).

В **Дроновке 4** и **5** раннему железному веку относятся фрагменты груболепных сосудов с шамотом в тесте (Рис. 7, 3, 4). Такой же материал найден и на поселении **Урусы 1** и в **Марково 1**. В Марково 1 в шурфе был найден также обломок биконического чернолощеного пряслица (Рис. 7, 5). В **Марково 2** подавляющее количество находок представлено фрагментами стенок груболепных толстостенных сосудов с примесью шамота в тесте.

Поселение **Карыж 3** обнаружено на первой террасе правого берега реки Сейм на восточном краю урочища Большой Гусинец на небольшом мысу, образованном раздвоением основного русла реки Сейм (высота 4 м от уреза воды), в 0,15 км на северо-запад от северной части села Карыж. Поверхность задернована. В шурфе 1×1 м выявлен культурный слой в виде темно-серого гумуса мощностью 0,85-0,9 м. Здесь найдены фрагменты стенок и венчик груболепных сосудов без орнамента с примесью шамота в тесте и фрагменты окатанных стенок лепных сосудов без орнамента из хорошо отмученной глины. Из кротовины происходит фрагмент венчика груболепного сосуда с косым ногтевым вдавлением по краю и пальцево-ногтевым вдавлением на шейке. Материал, возможно, относится к позднезарубинецкому периоду начала I тысячелетия нашей эры (Рис. 7, 6, 7) (Воротинская, 2018. Л. 21,22, Рис. 155-167).

Поселение **Званное 7** расположено на левом берегу основного русла реки Сейм, на краю останца 1-й надпойменной террасы (высота 3-5 м над уровнем поймы). Здесь в редких обнажениях плотно задернованной поверхности, частично занятой кустарником, обнаружено небольшое количество фрагментов груболепных сосудов без орнамента раннего железного века (Рис. 7, 8).

В **Званном 8** наряду с керамикой эпохи бронзы обнаружены фрагменты стенок груболепных сосудов без орнамента. В **Кекино 2** обнаружен фрагмент стенки лепного

сосуда с пальцевыми вдавлениями (Рис. 7, 9).

Поселение **Ишутино 3** находится на первой надпойменной террасой правого берега реки Сейм в центральной части деревни, поверхность занята огородами, где обнаружены фрагменты лепных сосудов раннего железного века, в том числе фрагмент венчика лепного сосуда без орнамента, фрагмент стенки лепного сосуда с ногтевым вдавлением на стенке (Рис. 7, 10, 11).

На четырех памятниках – в **Дроновке 3**, **Марково 2** (Рис. 7, 12-29), **Шагарово 5** (расположено на первой надпойменной террасе левого берега реки Шагаровка (правый приток реки Сейм) на юго-западной окраине деревни) (Рис. 7, 30, 31) и **Шагарово 6** (Рис. 7, 32) обнаружены лепные слабопрофилированные венчики без орнамента с примесью шамота керамика, характерные для киевской и колочинской культур I тысячелетия нашей эры, а также с защипами и пальцево-ногтевыми вдавлениями по краю, характерными для позднезарубинекого периода.

Определенную сложность имел поиск **памятников типа Харьевки**, который и был главной целью нашего исследования (Рис. 8). Эти памятники известны в смежных районах Посеймья Сумской области Украины. Они относятся к кругу зарубинецких древностей, датируются III в. до н. э. – I в. н. э. (Обломський, Терпиловський, 1994. С. 41-51; Обломский, 2000. С. 141-155). С памятниками типа Харьевка, предположительно, связывают находки гривен-корон в Подесенье и погребения с воинскими сожжениями в Мутине в Сумской области в Украине (Обломский, 2003. С. 94; Терпиловский, Билинская, 2010. С. 51-53). Керамические материалы поселений этой группы в основной своей массе – это фрагменты лепной керамики с примесью шамота в тесте. Такая керамика характерна практически для всего железного века на территории Днепровского Левобережья. Фрагменты лепных сосудов с защипами и насечками по краю венчика кроме Харьевки также характерны для скифоидных древностей, зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья и позднезарубинецких памятниках раннеримского времени. Не всегда по находкам подобной керамики в подъемном материале можно уверенно определить культурно-хронологическую принадлежность. Надежно опознать памятники типа Харьевки можно только по находкам лепных лощеных венчиков с гранями и обломков с хроповатой поверхностью. Такая керамика известна в латенизированных культурах Европы предримского времени: пшеворской, ясторфской, поянешти-лукашевской, а также зарубинецкой. Количество лощеной керамики на памятниках типа Харьевки крайне невелико. По данным раскопок А.М. Обломского, на поселении Литвиновичи она составляет в закрытых объектах от 1 до 17 % (Обломский, 2000. С. 151). Поэтому находки такой керамики в подъемном материале всегда редкость и большая удача.

Во время разведок нами обнаружено два поселения типа Харьевки – Лещиновка 9 и Марково 3, которые на сегодняшний день являются самыми восточными памятниками этого типа в Посеймье. О наличии памятника этой группы в **Лещиновке 9** свидетельствуют серия находок: фрагменты четырех венчиков лепных чернолощеных сосудов с одной, двумя и тремя гранями с внутренней стороны, фрагмент стенки лепного чернолощеного сосуда с изогнутым валиком, фрагмент донца лепного чернолощеного сосуда, четыре фрагмента стенок лепных черно- и серолощеных сосудов, один из которых с ребром, фрагмент отогнутого венчика лепного чернолощеного толстостенного сосуда, фрагмент прямого венчика лепного сосуда с чернолощеной поверхностью с внешней стороны и коричневолощеной с внутренней (Рис. 8, 1–8).

На поселении **Марково 3** во время первичного обследования памятника в 2017 году была сделана зачистка обвала берега, в котором обнаружено 614 фрагментов глиняных сосудов (Воротинская, 2018. Л. 19-21, Рис. 140-154). В 2018 году были проведены раскопки с целью уточнения культурно-хронологической принадлежности памятника в связи с находками лепной лощеной керамики, среди которой присутствовали также венчики с гранями, характерные для памятников типа Харьевки. На площади 30

м² в культурном слое мощностью до 1,3 м и в восьми ямах разного размера обнаружено почти пять с половиной тысяч находок, в том числе более 4000 фрагментов глиняных сосудов, среди которой 96 % – это груболепная керамика с примесью шамота в тесте, и почти тысяча фрагментов костей. Подавляющее число венчиков – это отогнутые наружу венчики с пальцево-ногтевыми вдавлениями или насечками по краю. Всего 223 венчика груболепных сосудов (184 в культурном слое и 39 в ямах), из которых 33 фрагмента (14 %) имеют сквозные или несквозные отверстия и могут относиться только к так называемой скифоидной культуре, о чем сказано выше. Важное значение имеют находки фрагментов лепных лощеных сосудов. Всего найдено 85 фрагментов (71 – в культурном слое и 14 в ямах), это 2% от общего числа керамики. Среди них 12 венчиков, пять из которых имеют грани с внутренней стороны. Также найдено пять фрагментов донцев, один из которых имеет кольцевой поддон. Один фрагмент стенки украшен изогнутым валиком. Три фрагмента лощеных ручек: с круглым сечением, с трехгранным сечением и ребром с внешней стороны с подлощеной поверхностью и с овальным сечением. Также присутствует несколько фрагментов хроноватой керамики, а один - с четким переходом от хроноватой поверхности к коричневолощеной. В Марково 3 также найдено 9 фрагментов стенок античных амфор и одна ручка с круглым сечением светло-розового цвета. Амфоры, судя по всему, относятся к типу родосских, которые датируются 3 в до н. э. – началом 1 в. н. э. (Воротинская, 2021. Л. 40).

Материалы **роменско-боршевской** культуры найдены в трех пунктах: городищах Лещиновка 7 и Будки 2, и селище Лещиновка 9. Из шурфа на городище **Лещиновка 7** происходит фрагмент венчика груболепного сосуда, орнаментированного косыми штампами навитой веревочки по внешнему краю (Рис. 9, 1) (Воротинская, 2018. Л. 22, Рис. 182,1). Среди многочисленных находок керамики в **Лещиновке 9** найден фрагмент лепной сковороды коричневого цвета, фрагмент венчика лепного сосуда с косыми вдавлениями веревочкой по краю (Рис. 9, 2, 3). В **Будках 2** к роменско-боршевской культуре относятся: фрагменты стенок лепных сосудов с глубокими разнонаправленными линиями, врезными параллельными линиями, параллельными врезными волнистыми линиями и со штампованными веревочным орнаментом (Рис. 9, 4–7).

К **древнерусскому** периоду относятся 13 памятников – два городища Дроновка 1 и Будки 2, три кургана Дроновка 6-8 и десять селищ Дроновка 3-5, Лещиновка 9, Будки 3, Званное 8, Кекино 3, Малонизовцево 1.

Городище **Дроновка 1** расположено на левом берегу ручья, который сегодня вытекает из искусственного пруда, на высоте 30 м от ручья, в 3 км от правого берега реки Сейм на мысу второй террасы на западной окраине села Дроновка. Эта часть села так и называется «Городище», а само городище местные жители называют «Курган». Городище мысовое, с восточной стороны огорожено валом и рвом (Рис.2, 1). Высота вала увеличивается с севера на юг с внутренней стороны 3-4 м до 5-6 м, высота с внешней стороны 8-10 м, длина 12-16 м, ров сильно оплыл глубиной 1 м, шириной 3-4 м. Площадка имеет подтреугольную форму, наклонена и немного вытянута с востока на запад в сторону ручья. Имеет длину 65 м, ширину 50-55 м. На территории площадки городища находится старое сельское кладбище. На поверхности найден всего один фрагмент стенки гончарного сосуда с врезными горизонтальными линиями (Воротинская, 2018. Л. 11, Рис. 27-37). Очевидно, городище относится к древнерусскому периоду, в древности выполняло функцию убежища или сторожевой крепости. Рядом с городищем и поблизости от него обнаружено четыре селища – Дроновка 2–5, одно из которых было известно ранее (Дроновка 2) (Обломский, 1993, Л. 17).

Поселение **Дроновка 3** расположено на второй террасе, которая плавно повышается на 20 метров, в 0,25 км на северо-восток от городища. Территория памятника занята огородами, на которых собрана гончарная керамика древнерусского периода XII-XIII вв. (Рис. 10, 1-5) (Воротинская, 2018. Л. 12, Рис. 43-46).

Дроновка 4 находится в 2 км на юго-восток от городища на первой террасе коренного берега. Древнерусский период представлен фрагментами гончарной посуды с отогнутыми венчиками и стенками с волнистым врезным орнаментом (Рис. 10, 6–12) (Воротинская, 2018. Л. 13, Рис. 47-54). Также найдены фрагмент каменного оселка и кусок железного шлака.

Поселение **Дроновка 5** расположено в 0,3 км на юго-восток от городища на первой надпойменной террасе в юго-западной части села. Поверхность занята огородами и хозяйственными постройками. Древнерусский материал: гончарная керамика, в том числе отогнутые венчики и фрагменты, орнаментированные врезными волнистыми и горизонтальными линиями (Рис. 10, 13-19). На территории памятника зафиксировано скопление стеклянных шлаков (Воротинская, 2018. Л. 13-14, Рис. 55-59).

На противоположном берегу от искусственных прудов, вырытых около села Дроновка, на расстоянии 400-850 м на юг-юго-запад от южной окраины села за старой железной дорогой в лиственном лесу обнаружены три кургана **Дроновка 6–8**. Все курганы разделены оврагами, каждый располагается на отдельном небольшом мысу правобережной террасы реки Сейм. Курганы круглой в плане формы размером 8-14 м высотой 1,4-1,5 м. Вероятно, они относятся к древнерусскому периоду (Воротинская, 2018. Л. 14-15, Рис. 60-66).

Среди подъемного материала, собранного на поселении **Лещиновка 9**, к древнерусскому периоду относится бóльшая часть находок, в том числе стеклянная бусина с впаянной серебряной фольгой округлой формы диаметром 0,8 см, фрагмент стенки гончарного сосуда коричневого цвета с ушком, семь фрагментов венчиков гончарных сосудов, фрагменты стенок гончарных сосудов, украшенных желобками и волнистыми линиями (Рис. 10, 20–27).

На городище **Будки 2** наряду со скифоидной и роменско-боршевской лепной керамикой обнаружен один маленький фрагмент венчика гончарного сосуда древнерусского периода (Рис. 10, 28). В 0,5 км на северо-восток от городища Будки 2 на высоком коренном правом берегу реки Сейм находится селище **Будки 3**. На распаханном поле собрано довольно большое количество фрагментов гончарных сосудов древнерусского периода (Рис. 10, 29–31). Также древнерусская керамика единично найдена в **Званном 8** и **Кекино 2**. На поселении **Малонизовцево 1** на огородах обнаружено большое количество фрагментов древнерусских сосудов XII-XIII вв. (Рис. 10, 32–37).

Гончарная керамика позднего средневековья послемонгольского времени XIV-XV вв. и Нового времени зафиксирована в 10 пунктах: на поселениях в Дроновке, Лещиновке 9, Неониловке 1, Урусах 1, Званном 6, Малонизовцево 1, Шагарово 5 и 6, Кекино 2, Некрасово 1. Бóльшая часть из них находятся на территории современных деревень. Это совершенно естественно, так как современные деревни и села существуют, как правило, не одно столетие. В Урусах 1 на огородах помимо керамики найдены сильно патинированные фрагменты сосудов из синего и зеленого стекла и куски стеклянных шлаков, что свидетельствует, вероятно, о местном стекольном производстве.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Воротинская Л.С., Дробушевский А.И. Полевые исследования на западе Курской области // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. Липецк. 2019.

Воротинская Л.С., Дробушевский А.И. Археологические исследования на западе Курской области // АО 2018. М. 2020.

Воротинская Л.С. Отчёт о проведении археологических разведок у деревни Лещиновка Глушковского района курской области в 2015 году // Архив ИА РАН. 2016.

Воротинская Л.С. Отчёт о проведении археологических разведок у деревни Лещиновка Глушковского района курской области в 2017 году // Архив ИА РАН. 2018.

Воротинская Л.С. Отчет о проведении археологических раскопок на поселении Марково-3 в Глушковском районе Курской области в 2018 году // Архив ИА РАН. 2021.

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. № 104. М. 1961.

Обломский А.М. Отчёт о работе Левобережной раннеславянской экспедиции в 1993 г. Архив ИА РАН. Фонд-1. 1993.

Обломский А.М. Материалы зарубинецкого периода на поселении Литвиновичи-3 в Среднем Посеймье // Stratum plus. Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест. 2000.

Обломский А.М. Зарубинецкие материалы поселения Красное-4 в Среднем Посеймье // Старожитності І тисячоліття нашої ери на території України. Київ. 2003.

Обломський А.М. Терпиловський Р.В. Посейм’я у латенський час // Археологія. Вип. 3. 1994. С. 41-51.

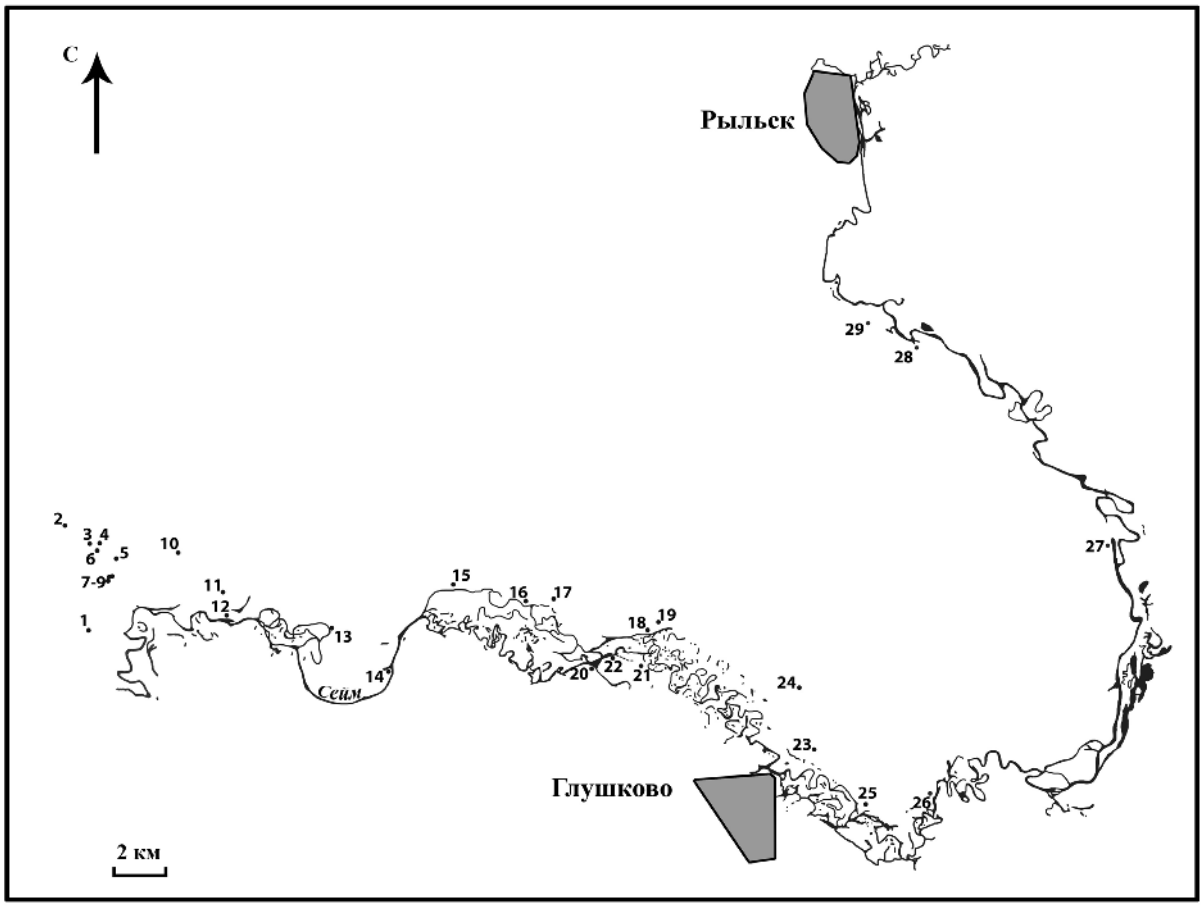


Рис.1

Карта выявленных памятников в Глушковском и Рыльском районах Курской области. 1 - Колодежи 1; 2 – Неониловка 1; 3 – Дроновка 1; 4 – Дроновка 2; 5 – Дроновка 4; 6 – Дроновка 5; 7 – Дроновка 6; 8 – Дроновка 7; 9 – Дроновка 8; 10 – Урусы 1; 11 – Марково 1; 12 – Марково 2; 13 – Марково 3; 14 – Карыж 3; 15 – Лещиновка 7; 16 – Лещиновка 9; 17 – Лещиновка 8; 18 – Будки 2; 19 – Будки 3; 20 – Званное 6; 21 – Званное 7; 22 - Званное 8; 23 – Шагарово 5; 24 – Шагарово 6; 25 – Кекино 1; 26 – Кекино 2; 27 – Ишутино 3; 28 - Семеново 1; 29 - Малонизовцево 1.

1

2

Рис.2
Выявленные городища в Глушковском районе. 1 – городище Дроновка 1, вид с юго-запада; 2 – городище Будки 2, вид с юга.

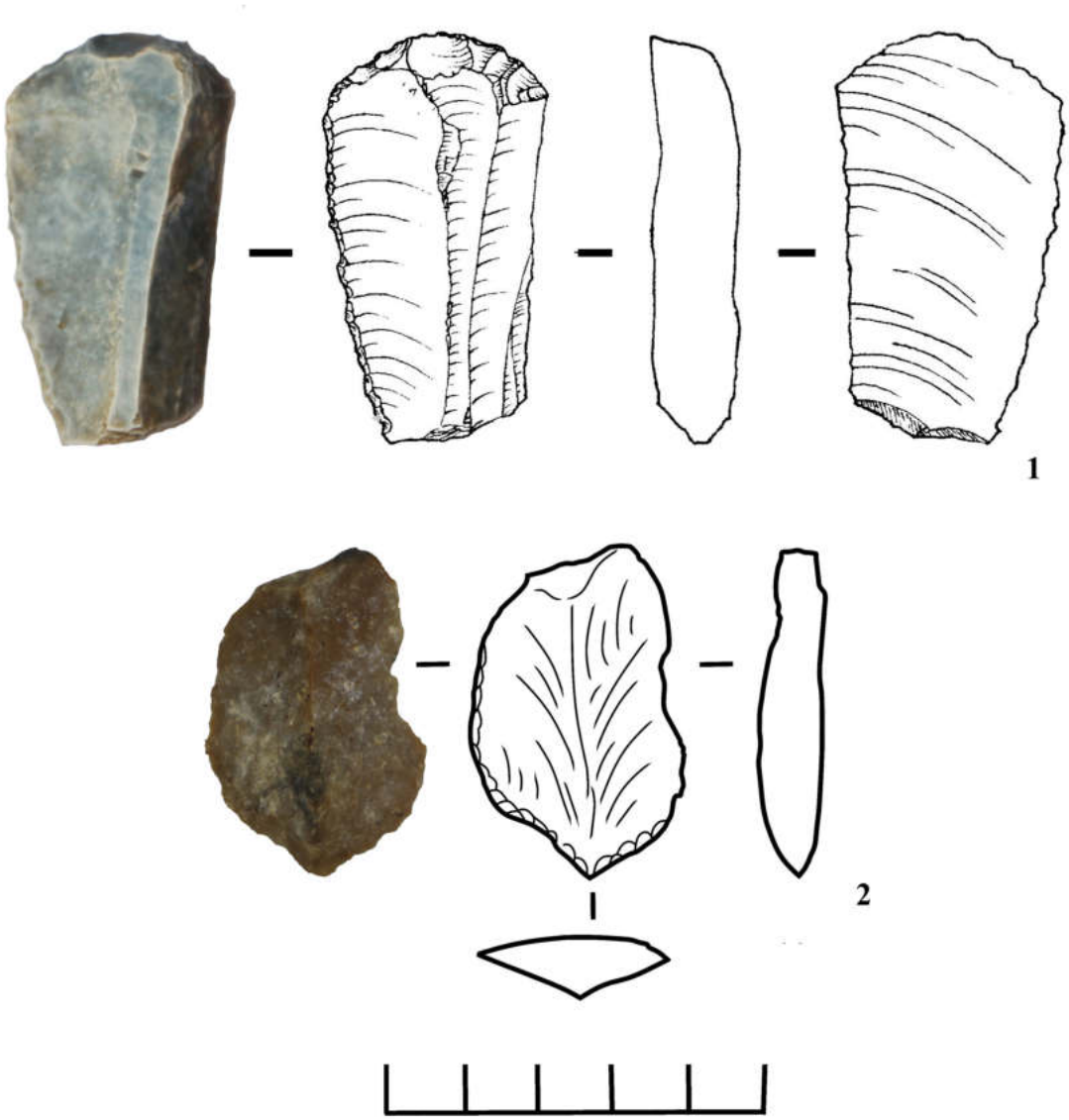


Рис.3
Археологические материалы каменного века. 1 – Лещиновка 8; 2 – Будки 3.

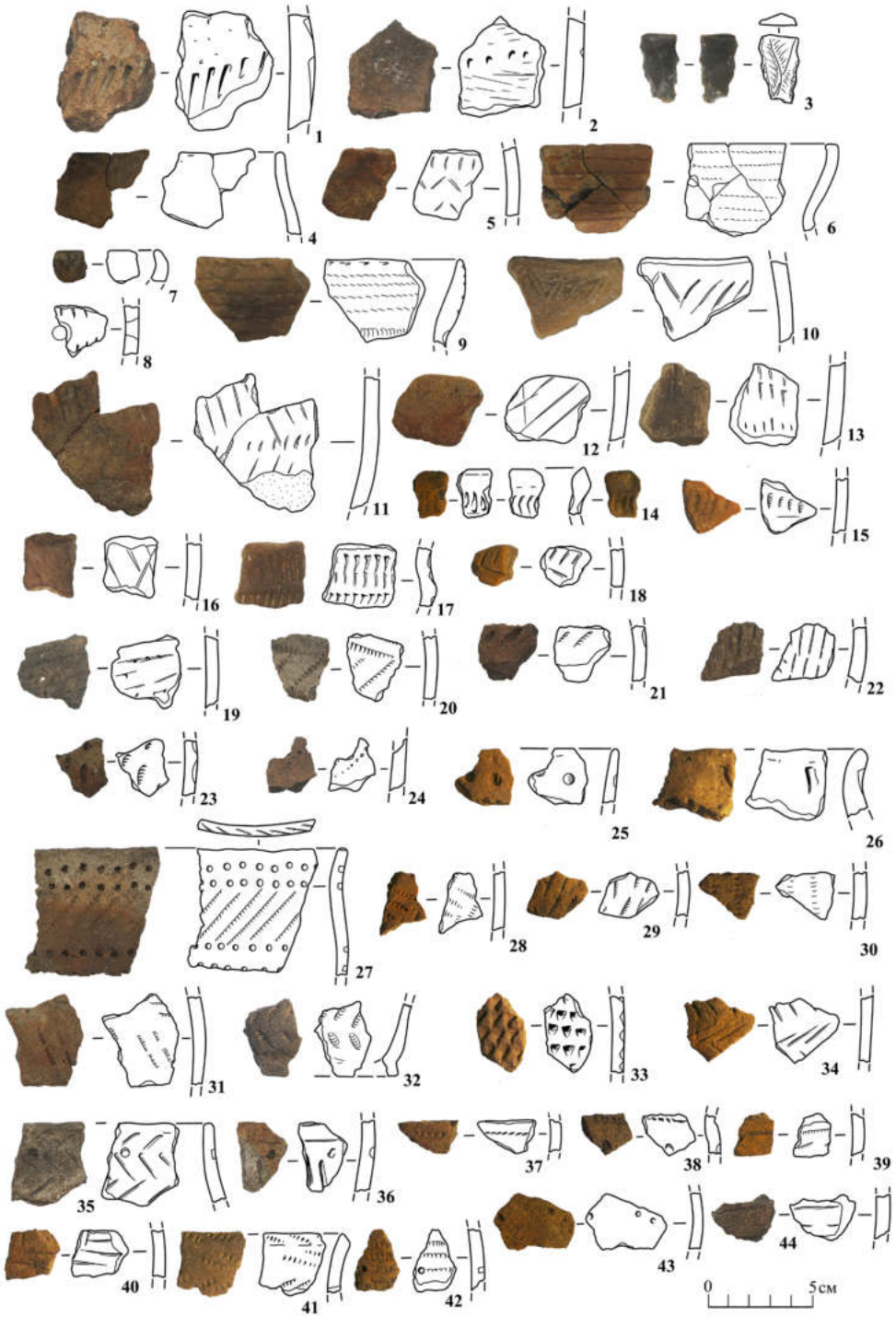


Рис.4

Археологические материалы эпохи неолита и бронзы. 1, 2 – Дроновка 4; 3 – Урусы 1; 4-18 – Марково 1; 19-44 – Марково 2.

Рис.5

Археологические материалы эпохи неолита и бронзы. 1-5 – Марково 3; 6-8 – Лещиновка 9; 9, 10 – Званное 8; 11 – Шагарово 6; 12-14 –Кекино 1; 15, 16 – Кекино 2.

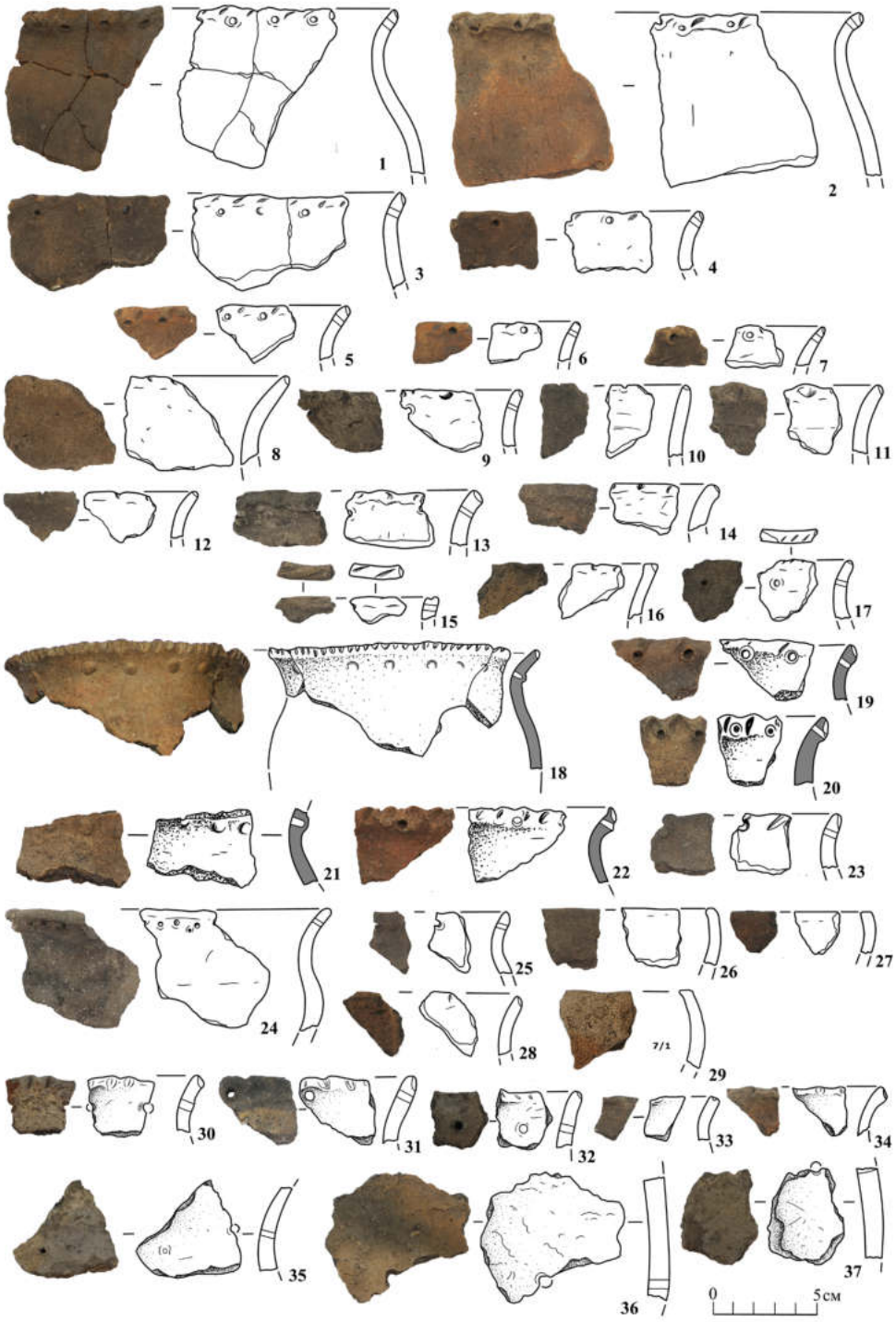


Рис.6

Археологические материалы скифоидной культуры. 1-7 - Колодежи 1; 8-17 – Марково 2; 18-27 – Марково 3; 28, 29 – Лещиновка 7; 30-32 – Лещиновка 9; 33, 34 – Будки 2; 35 – Некрасово 1; 36, 37 – Малонизовцево 1.

Рис.7

Археологические материалы эпохи железа (1-11) и 1 тыс. н. э. (12-32). 1, 2 – Неониловка 1; 3, 4 – Дроновка 4; 5 – Марково 1; 6, 7 – Карыж 3; 8 – Званное 7; 9 – Кекино 2; 10, 11 – Ишутино 3; 12-29 - Марково 2; 30, 31 – Шагарово 5; 32 – Шагарово 6.

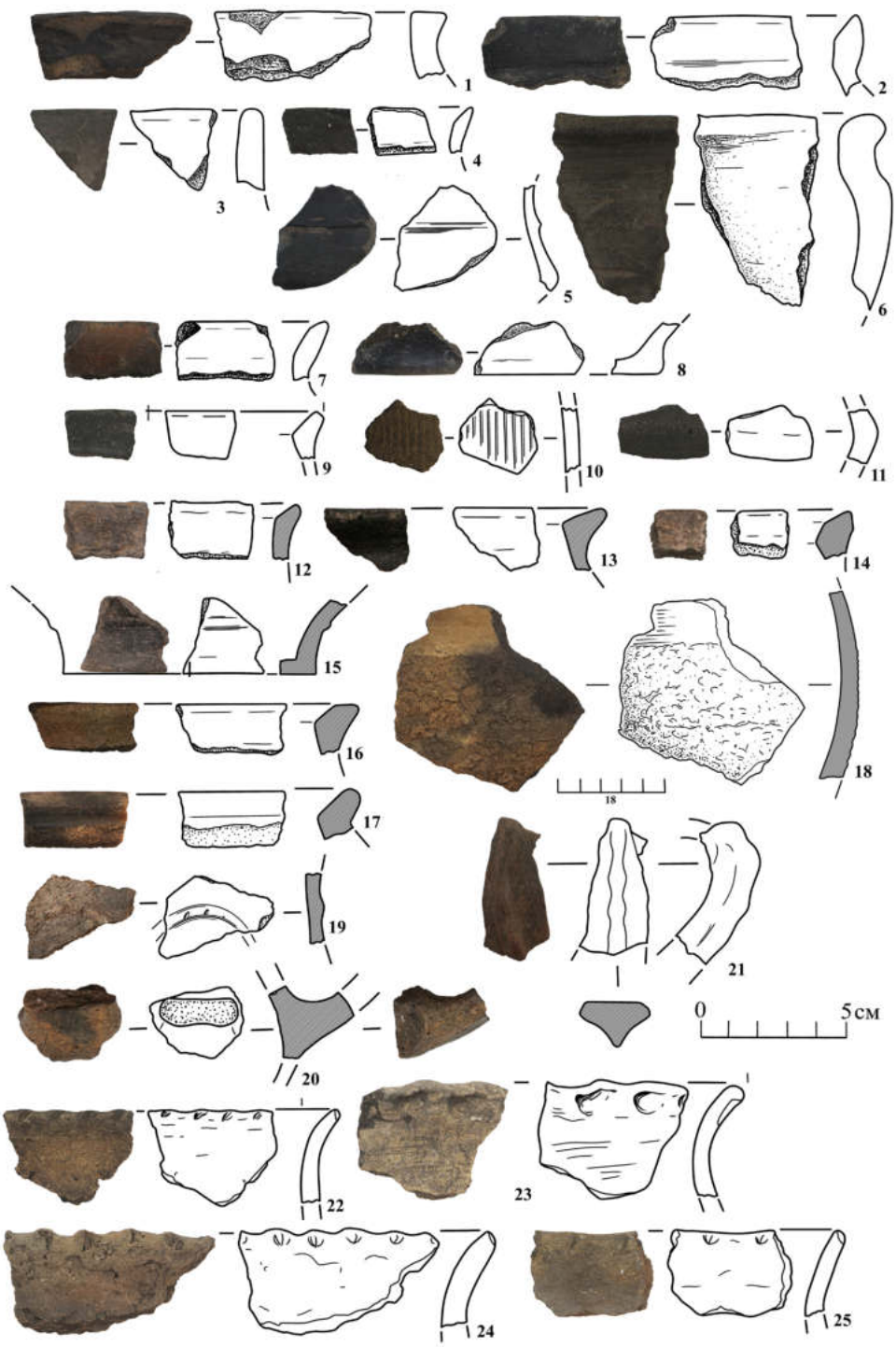


Рис.8
Находки из памятников типа Харьевка. 1-8 Лещиновка 9; 9-25 – Марково 3.

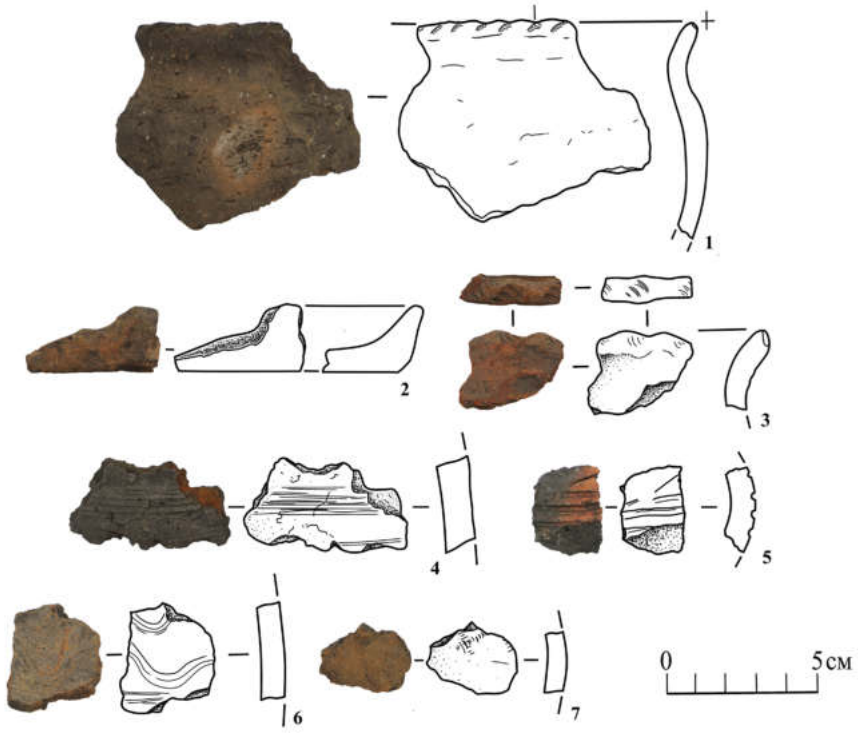


Рис.9
Археологические материалы роменско-боршевской культуры. 1 – Лещиновка 7; 2, 3 – Лещиновка 9; 4-7 – Будки 2.

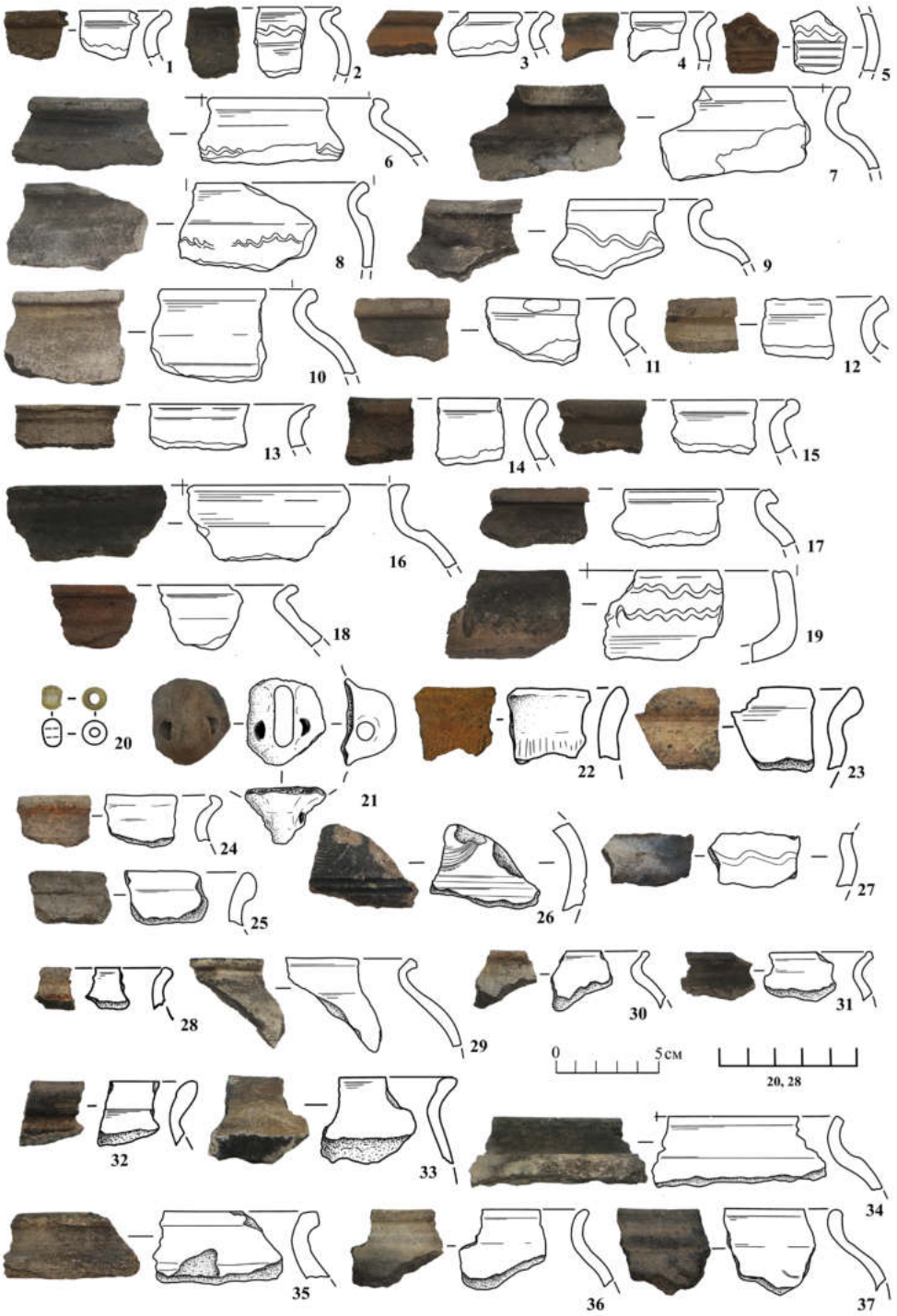


Рис.10

Археологические материалы древнерусского периода. 1-5 – Дроновка 3; 6-12 – Дроновка 4; 13-19 – Дроновка 5; 20-27 – Лещиновка 9; 28 – Будки 2; 29-31 - Будки 3; 32-37 – Малонизовцево 1.

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ВЕРХНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ ПСЁЛ

© 2023 г. А.В. Кашкин, В.Е. Родинкова
Институт археологии РАН, Москва

В статье представлен современный каталог памятников, содержащих материалы прото- и раннеславянского времени, расположенных в верхнем течении р. Псел (левый приток р. Днепр). На сегодняшний день таких памятников известно 119, в том числе 50 – в бассейне р. Суджа. В рассматриваемом регионе выявлены древности позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта (вторая половина 1 – 2 в.), киевской (конец 2 – первая половина 5 в.), черняховской (середина 3 – первая половина 5 в.) и колочинской (середина 5 – третья четверть 7 в.) культур. Раскопками исследованы 32 раннеславянских поселения и могильника (29 % от их общего известного количества).

Ключевые слова: Поднепровье, Верхний Псел, ранние славяне, поселение, могильник, позднезарубинецкий горизонт, киевская культура, черняховская культура, колочинская культура

EARLY SLAVIC ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE UPPER PSYOL RIVER

© 2023 г. A.V. Kashkin, V.E. Rodinkova

The article presents an actual catalog of archaeological sites containing materials of the Proto- and Early Slavic period, located in the upper reaches of the Psel river (the left tributary of the Dnieper river). To date, 119 such sites are known, including 50 in the basin of the Sudzha river. In the region under consideration there are antiquities of the late Zarubintsy cultural-chronological horizon (second half of the 1st - 2nd cent.), Kiev (end of the 2nd - first half of the 5th cent.), Chernyakhiv (middle of the 3rd - first half of the 5th cent.) and Kolochin (middle of the 5th - third quarter of 7th cent.) cultures. 32 early Slavic settlements and burial grounds (29 % of their total known number) are explored with excavations.

Keywords: Dnieper region, Upper Psel river, early Slavs, settlement, burial ground, late Zarubintsy horizon, Kiev culture, Chernyakhiv culture, Kolochin culture.

Эта статья посвящена раннеславянским памятникам, расположенным в верхнем течении р. Псёл, от его истоков в Прохоровском р-не Белгородской обл. до границы с Украиной в Суджанском р-не Курской обл. На терр. Украины Псёл протекает в Сумской и Полтавской обл.

Протяженность собственно р. Псёл по российской терр. составляет 215 км. На основном русле и на его притоках (Пселец, Пена, Пенка, Илек, Ивинка, Ивница, Туровка, Усланка, Бобрава, Воробжа, Суджа, Олешня, Смердица, Локня, Конопелька) находятся 119 памятников археологии интересующей нас эпохи. Все они расположены в Ивнянском, Краснояружском, Ракитянском, Яковлевском районах Белгородской (верховья Псла) и Пристенском, Обоянском, Беловском, Большесолдатском и Суджанском р-нах Курской обл.

Хронологический диапазон исследования охватывает практически всё 1 тыс. н.э. от позднего этапа зарубинецкой культуры (1–2 вв.) до конца колочинской культуры (5–7 вв.), включая наиболее изученные в данном регионе памятники киевской и черняховской культур (3–4 вв.).

Идея публикации всех известных памятников этого довольно протяженного периода возникла достаточно давно и активно обсуждалась с известным украинским археологом В.В. Приймаком, даже было оговорено название предстоящей серии – «Памятники левобережных притоков Днепра». Подразумевалось, что А.В. Кашкин представит материалы от истоков Псла и Ворсклы до границы Украины, а украинский

коллега – далее, ниже по течению до самого Днепра. К сожалению, реализация задуманного проекта оказалась невозможной.

Вторым побудительным мотивом для написания этой статьи стали достаточно активные разведочные (в основном) и раскопочные (на отдельных памятниках) работы в бассейне Псла. Некоторое количество памятников было учтено А.В. Кашкиным в книге «АКР. Курская область. Части 1 и 2». Большое количество материалов этого хронологического периода нашло свое место в обширных публикациях А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского (Обломский, 1991; 2002; Обломский, Терпиловский, 1991; Терпиловский, 2004; ПКК, 2007 и др.).

Однако следует обратить внимание, что с момента появления упомянутых выше публикаций прошло довольно значительное время и стали известны новые памятники. Они появились в результате работ белгородских (А.А. Божко, А.Г. Кудряшов, Т.В. Сарапулкина, Т.Е. Сидоренко) и московских (О.А. Радюш, В.Е. Родинкова, И.В. Рукавишникова) археологов уже в 21 веке. Введение их в научный оборот позволит представить целостную картину освоения ранними славянами довольно значительного и интересного региона.

При описании памятников авторы придерживались стилистики, выработанной в ИА РАН для серии АКР. Однако научно-справочные статьи в каталожной части расположены не по алфавиту наименований, а по месту и номеру памятников на карте, т.е. от истоков вниз по течению. Памятники, учтенные ранее в книгах серии АКР, подаются в несколько сокращенном виде, со ссылкой на тома этой серии, где можно найти полный список литературы и архивных источников. Информация в полном объеме представлена только при описании новых памятников или же для поселений, исследованных раскопками недавнего времени.

Уникальность региона в верхнем течении Псла заключается в высокой освоенности территории в позднее римское время и в раннем средневековье. Здесь зафиксировано 119 раннеславянских памятника на 215 км основного русла и притоков. Ещё более убедительны 50 памятников на 60 км русла р. Суджа.

Уникальным явлением в отечественной археологии представляется также степень исследованности памятников бассейна реки Псёл. Всего в разные годы было изучено раскопками 32 раннеславянских поселения и могильника или 29 % от их общего известного количества (средняя цифра по Курской и Белгородской областям – 3 %).

Заселение территории в верхнем течении Псла предками исторических славян началось в первые века нашей эры. Его археологическим отражением являются материалы позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта, формирование которого стало результатом продвижения в рассматриваемый регион из основного ареала (по-видимому, из среднеднепровской его части) носителей зарубинецких традиций (Обломский, Терпиловский, 1991. С. 85–89). К позднезарубинецкому периоду на Верхнем Псле исследователями отнесены слои 10 памятников. Среди них – поселение Картамышево 2 (№ 16), широкомасштабные раскопки которого провел в 1979–1980 гг. Е.А. Горюнов (Горюнова, 2004б. С. 43-87). Его материалы послужили эталоном для выделения одного из локальных вариантов позднезарубинецких древностей 2-й пол. 1 – 2 в. Яркие находки финальной части этого периода получены также на поселении Гочево 1 (№ 48) (Тихомиров, Терпиловский, 1990. С. 43-78). По структуре керамического набора, особенностями домостроительства и ряду других черт памятники типа Картамышево 2, распространенные в восточной части Днепровского Левобережья, сближаются с памятниками типа Терновка 2 из бассейна Северского Донца и Оскола. Их характеристике посвящен ряд специальных работ (Обломский, 1991. С. 35–47; 2010. С. 54-66; и др.).

Наиболее активно освоение бассейна Верхнего Псла происходило в 3–4 вв., и связано оно с населением киевской и черняховской культур. Селища (их 88) и могильники (4) этого времени занимают все пространство по течению самого Псла и его притоков.

Следует, однако, подчеркнуть, что многие памятники выявлены в результате разведочных исследований и атрибутированы на основании подъемного материала, который не всегда поддается точному этнокультурному и хронологическому определению. Поэтому ряд учтенных в каталоге объектов имеет условную дату – сер. 1 тыс. н.э. Не исключена для таких памятников и принадлежность к колочинской культуре, лепная керамика раннего этапа которой по технологическим и морфологическим признакам близка киевской.

Материалы поселений, исследованных раскопками, позволяют заключить, что древности киевского типа распространяются в интересующем нас регионе в кон. 2 – нач. 3 в. Они принадлежат сейминско-донецкому варианту культуры, который складывается в междуречье Сейма и Псла, на Северском Донце и в Поосколье на местной позднезарубинецкой основе. Ранний этап развития киевских традиций продолжается до сер. 3 в. Он представлен памятниками типа Шишино 5 – Шмырево (Обломский, 1991. С. 47–79); одним из эпонимных для данной группы стало поселение Шмырево 1 (№ 19), исследованное Е.А. Горюновым в 1978–1979 гг.

Около сер. 3 в. территория в верхнем течении Псла входит в зону расселения черняховских племен, становясь одной из наиболее северных частей их ареала. Новое население вступает в активное взаимодействие с носителями сейминско-донецкого варианта киевской культуры, поздний этап которого отмечен значительным черняховским влиянием, прежде всего, в керамическом и вещевом комплексах. В бассейне Псла появляются памятники, демонстрирующие смешение киевских и черняховских черт, а в ряде случаев пришлое население и вовсе сменяет местное (Обломский, 2007. С. 48–50). Вопрос о характере контактов рассматриваемых культурных общностей поставлен, в частности, на материалах поселений Гочевского микрорегиона (Гочево 1, 3, 4, № 48, 51, 52). Из собственно черняховских древностей следует отметить биритуальный могильник Выдрин (№ 73). Специфика погребального обряда и состав инвентаря выделяют его на фоне других памятников позднего римского времени Днепровского Левобережья и свидетельствуют, что по крайней мере часть его захоронений принадлежит представителям знати (Радюш, 2020. С. 140; Радюш, Васильев, 2022. С. 208–242).

Новый этап освоения Верхнего Псла раннеславянским населением начинается в 1-й пол. – сер. 5 в. После гуннского нашествия жизнь на черняховских селищах прекращается, и на освободившиеся территории с С и СЗ продвигаются носители деснинского варианта киевской культуры. На этой основе формируются памятники колочинского типа (Горюнов, 1981. С. 35–47). Поселений колочинской культуры, датирующихся в целом 2-й пол. 5 – 3-й четв. 7 в., в рассматриваемом регионе насчитывается 26, могильников – 4. Большое значение имеют грунтовые некрополи Княжьинский, расположенный у хут. Княжьего 1-го (№ 98), и Картамышево 2 (№ 17), содержавшие урновые и безурновые погребения по обряду кремации на стороне (Тихомиров, 1990. С. 134–161; Горюнова, 2004а. С. 18–42). На их материалах во многом базируются современные представления о погребальных традициях днепровских славян в 3-й четв. 1 тыс. н.э. Интерес представляют также результаты недавних раскопок поселения Куриловка 2 (№ 118), особенно выразительные находки, относящиеся к раннему этапу колочинской культуры. Они дают возможность говорить о широких и разнообразных связях жителей поселка и о включенности населения микрорегиона во 2-й пол. 5 – нач. 6 в. в глобальную европейскую систему взаимоотношений (Родинкова, 2020а. С. 174, 175; 2020б. С. 100, 101, 104, 109).

В последнее время значительное внимание специалистов привлекает участок в нижнем течении р. Суджа и при впадении ее в р. Псел, где найдено не менее девяти кладов «древностей антов» первой хронологической группы (или днепровских раннесредневековых комплексов типа Мартыновского). Они выпали не позднее 3-й четв. 7 в. (Гавритухин, 1996. С. 58–95) и связаны с финальным этапом развития колочинских древностей на Днепровском Левобережье. Причины сокрытия, характер, историческое значение этих комплексов уже более 100 лет являются объектом оживленных дискуссий.

Экстраординарная их концентрация в Суджанском регионе позволила поставить вопрос о нерядовом статусе местного населения и возможном существовании здесь в 7 в. одного из «центров власти» днепровских племен (Кашкин, Родинкова, 2010. С. 92).

Ситуация снова меняется в кон. 7 в. На многих поселениях фиксируются перекрывающие колочинский горизонт строительные объекты и материалы раннего этапа волынцевской культуры, существенно отличающиеся от предшествующих древностей. Ряд исследователей полагает, что их появление стало следствием миграции с правого берега Днепра на левый носителей традиций типа Сахновки, продолжающих пражские традиции. Колочинское население, однако, не исчезает полностью: в ранних комплексах сахновско-волынцевского периода присутствуют сосуды, форма и техника изготовления которых характерны для 3-й четв. 1 тыс. (Обломский, Щеглова, 1996. С. 131–133).

С 9 в. бассейн Верхнего Псла достаточно плотно заселяется представителями роменской культуры, а затем входит в состав Древнерусского государства. Но это уже другая тема.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алиев Т.М., Божко А.А., Кононенко А.А. Разведочные работы на Белгородчине // АИЦЧ. 2018. Липецк, Воронеж, 2019.

Археологическая карта России. Курская область. Часть 1. М., 1998.

Археологическая карта России. Курская область. Часть 2. М., 2000.

Гавритухин И.О. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996 (РСМ. Вып. 3).

Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981.

Горюнова В.М. Могильник VI – VII вв. у с. Картамышево Обоянского района Курской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб., 2004а.

Горюнова В.М. Поселение Картамышево II (постзарубинецкая эпоха) // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб., 2004б.

Кашкин А.В. Краткий очерк Суджанской археологии // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре. Сб. статей и материалов. Курск, 2015.

Кашкин А.В., Родинкова В.Е. Памятники Суджанского региона эпохи Великого переселения народов // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк, 2010.

Москвитин Я.С., Кудряшов А.Г. Раскопки многослойного поселения Венгеровка селище 1 // АИЦЧ. 2016. Липецк, Воронеж, 2017.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. М., 1991.

Обломский А.М. Киевская культура на фоне этнокультурных процессов в лесостепной зоне в III–V вв. // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). М., 2007 (РСМ. Вып. 10).

Обломский А.М. Памятники типа Картамышево 2 и Терновка 2 // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н.э.). М., 2010 (РСМ. Вып. 12).

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века н.э. М., 1991.

Обломский А.М., Щеглова О.А. Некоторые особенности культуры памятников волынцевского типа и спорные вопросы их происхождения // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996 (РСМ.

Вып. 3).

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / Раннеславянский мир. Вып. 10. М., 2007

Радюш О.А. Исследования памятников рубежа поздней античности и раннего средневековья (III-V вв. н.э.) в верховьях р. Суджа // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре. Сб. статей и материалов. Курск, 2015а.

Радюш О.А. Работы Средне-Сейминской экспедиции на территории Курской области // АО 2010-2013 гг. М., 2015б.

Радюш О.А. Исследования на территории Курской и Белгородской областей // АИЦЧ. 2015. Липецк, 2016.

Радюш О.А. Исследования Сейминско-Суджинской экспедиции ИА РАН // АИЦЧ. 2016. Липецк, 2017.

Радюш О.А. Работы Сейминско-Суджинской экспедиции ИА РАН // АИЦЧ. 2017. Липецк, 2018.

Радюш О.А. Раскопки и разведки Сейминско-Суджинской экспедиции // АИЦЧ. 2019. Липецк, 2020.

Радюш О.А., Васильев А.А. Погребение с оружием на могильнике черняховской культуры Дальний (Выдрин) в Курской области // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21. № 2.

Радюш О.А., Никитина А.В. Исследования Сейминско-Суджинской экспедиции ИА РАН // АИЦЧ. 2021. Липецк, 2021.

Родинкова В.Е. Исследования Суджанского отряда ИА РАН в Курской области // АО 2014 г. М., 2016.

Родинкова В.Е. Работы на памятнике Куриловка 2 в Суджанском районе // АИЦЧ. 2015. Липецк, 2016а.

Родинкова В.Е. Полевые исследования поселения Куриловка 2 в Суджанском районе // АИЦЧ. 2016. Липецк, 2017.

Родинкова В.Е. Полевые исследования на поселении Куриловка 2 в 2015-2016 гг. // АО 2016 г. М., 2018.

Родинкова В.Е. Комплексные исследования микрорегиона в нижнем течении р. Суджа в Курской области в 2017-2018 гг. // АО 2018 г. М., 2020а.

Родинкова В.Е. Культурные связи населения Суджанского региона в эпоху Великого переселения народов // Stratum plus. 2020б. № 5.

Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А. Исследования в Суджанском районе Курской области в 2012-2013 гг. // АО 2010-2013 гг. М., 2015.

Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А. Раннесредневековые клады Суджанщины; новые находки и сследования // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре. Сб. статей и материалов. Курск, 2015а.

Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Люблин, 2004.

Тихомиров Н.А. Княжинский и Лебяжинский могильники // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып.1. Курск, 1990.

Тихомиров Н.А., Терпиловский Р.В. Поселения Гочево 1 и 2 на Псле // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып.1. Курск, 1990.

Щукин М.Б. Раскопки у хутора Кулига в верховьях Псла // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып.1. Курск, 1990.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

АРХИВ ИА РАН, Р-1

№ 7183. Горюнов Е.А. Отчет о работе Днепровской левобережной экспедиции ЛО ИА АН СССР в 1978 г.

№ 7561. Горюнов Е.А. Отчет о работе Днепровской левобережной экспедиции ЛО ИА АН СССР в 1979 г.

№ 8171. Щукин М.Б. Отчет о полевых работах славяно-сарматской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа на хут. Кулига у с. Песчаное. 1980 г.

№ 28008. Земцов Г.Л. Отчет о проведении раскопок поселения Мухино-2 (Задонский район Липецкой области), поселения 1 у хут. Подвысокий (Краснояружский район Белгородской области) и поселения 1 у с. Замостье (Грайворонский район Белгородской области) в 2006 г.

№ 29260. Божко А.А. Отчет по археологическому обследованию земельного участка, предназначенного для строительства автодороги Белгород-Борисовка в Белгородском и Борисовском районах Белгородской области, и обеспечения сохранности памятников археологии при строительстве. И о выполнении археологического участка, предназначенного для проектирования и строительства объекта «Внутризонная ВОЛП в пределах Ивнянского района Белгородской области» и о выполнении археологического обследования земельного участка, предназначенного для прокладки ВОЛС между площадками ООО «СК Новояковлевский» близ с. Сафоновка – откорм близ с. Орловка – ток с. Орловка в Иннянском районе в 2011 г.

№ 30511. Радюш О.А. Отчет об археологических разведках в Курчатовском, Фатежском, Золотухинском, Октябрьском, Курском, Льговском, Медвенском, Суджанском и Большесолдатском районах Курской области, проведенных в 2010-2011 годах.

№ 32565. Сарапулкина Т.В. Отчет о разведочных работах на территории Красненского, Старооскольского, Губкинского, Ракитянского, Алексеевского, Белгородского, Валуйского, Красногвардейского, Красняружского и Шебекинского районов Белгородской области в 2005 г.

№ 34780. Кашкин А.В. Отчет по проведению разведки по мониторингу состояния и использования объектов культурного наследия (памятников археологии) в Курском и Суджанском районах Курской области в 2012 г.

№ 36706. Родинкова В.Е. Отчет о полевых археологических исследованиях, производившихся в 2012 году на территории г. Суджа и Суджанского района Курской области.

№ 36838. Лошаков К.А. Отчет о разведочных работах на территории Краснояружского района Белгородской области в 2009 г.

№ 37560. Радюш О.А. Отчет об археологических раскопках селища Пены в Курчатовском районе и обследовании места находки раннесредневекового клада у д. Куриловка в Суджанском районе Курской области, проведенных Средне-Сейминской

экспедицией в 2008 г.

№ 38707. Божко А.А. Отчет о проведенных археологических обследованиях земельных участков в Белгородском, Ракитнянском, Яковлевском, Ивнянском, Красногвардейском и Короченском районах Белгородской области и в г. Белгород в 2013 г.

№ 39532. Родинкова В.Е. Отчет о разведочных археологических работах, производившихся в 2012 году на территории г. Суджи и Суджанского района Курской области.

№ 40768. Кашкин А.В. Отчет по выполнению научно-исследовательских работ по мониторингу состояния и использования объектов культурного наследия (памятников археологии) на территории Суджанского района Курской области в 2013 г.

№ 40998. Остапенко А.А. Отчет об археологических разведках в Белгородском, Ивнянском, Ракитянском, Старооскольском и Шебекинском районах Белгородской области в 2013 г.

№ 41260. Радюш О.А. Отчет об археологических разведках в Курчатовском, Фатежском, Октябрьском, Курском, Льговском, Медвенском, Суджанском, Хомутовском, Курчатовском, Железногорском и Большесолдатском районах Курской области, проведенных в 2013 г.

№ 41265. Родинкова В.Е. Отчет о полевых археологических исследованиях, производившихся в 2013 году на территории г. Суджа и Суджанского района Курской области.

№ 45784. Родинкова В.Е. Отчет о полевых археологических исследованиях, производившихся в 2014 году на территории г. Суджи, Суджанского и Большесолдатского районов Курской области.

№ 45811. Радюш О.А. Отчет об археологических раскопках поселений Пены 1 и Выдрин в Курчатовском и Большесолдатском районах Курской области, проведенных в 2014 г.

№ 45840. Радюш О.А. Отчет об археологических разведках в 2014 г., проведенных Среднерусской экспедицией в Орловской области и Сейминско-Суджинской экспедицией в Курской области.

№ 48537. Сидоренко Т.Е. Отчет о проведении археологического обследования земельных участков в Белгородском, Красногвардейском, Новооскольском, Ракитянском районах, в Старооскольском г. о. и в г. Белгород Белгородской области в 2015 г.

№ 48598. Радюш О.А. Отчет об археологических раскопках селища Пены в Курчатовском районе Курской области и разведках в бассейнах рек Сейм и Псёл, проведенных Средне-Сейминской экспедицией в 2007 г.

№ 48693. Рукавишникова И.В. Отчет о разведке Белгородского отряда Волжской археологической экспедиции в Ивнянском, Яковлевском и Белгородском районах Белгородской области в 2007 г.

№ 49261. Божко А.А. Отчёт о проведении археологического обследования земельных участков в Алексеевском, Белгородском, Ивнянском, Красногвардейском, Краснояружском, Ракитянском и Шебекинском районах Белгородской области в 2015 г.

№ 50766. Радюш О.А. Отчет об археологических раскопках, проведенных в 2015 г. на территории Курской области: поселение черняховской культуры на хуторе Выдрин (д. Большой Каменец) в Большесолдатском районе.

№ 52960. Радюш О.А. Отчет об археологических раскопках, проведенных в 2016 г. на территории Курской области и поселений черняховской культуры: Выдрин в Большесолдатском районе и Николаевка-А в Курчатовском районе.

№ 54298. Кудряшов А.Г. Отчёт о проведении охранных археологических работ (раскопки) на памятнике археологии «Венгеровка, селище 1» в Ракитянском районе Белгородской области в 2016 г.

№ 48974. Родинкова В.Е. Отчет о полевых археологических исследованиях, производившихся в 2015 году на территории Суджанского района Курской области. Разведки.

№ 50800. Родинкова В.Е. Отчет о полевых археологических исследованиях, проведенных в 2015 году на поселении Куриловка 2 Суджанского района Курской области.

№ 54596. Родинкова В.Е. Отчет о полевых археологических исследованиях, производившихся в 2016 г. на территории Суджанского района Курской области.

№ 58793. Родинкова В.Е. Отчет о полевых археологических исследованиях, произведенных в 2017 г. на территории Суджанского района Курской области.

№ 62387. Радюш О.А. Отчет об археологических разведках Сейминско-Суджинской экспедиции ИА РАН на территории Большесолдатского, Октябрьского, Рыльского районов Курской области, Урицкого района Орловской области и Грайворонского района Белгородской области, проведенных в 2017-2018 гг.

№ 62393. Родинкова В.Е. Отчет об археологических разведках, производившихся в 2018 году на территории Суджанского района Курской области.

№ 62727. Симоненков А.В. Отчет о работе разведочного отряда Курского государственного областного музея археологии в окрестностях с. Пены Беловского района Курской области в 2018 г.

№ 64995. Симоненков А.В. Отчет о раскопках выявленного объекта археологического наследия «Пены. Поселение 8» около с. Пены Беловского района Курской области в 2019 г.

№ 66623. Родинкова В.Е. Отчет об археологических полевых разведочных исследованиях на территории Суджанского района Курской области в 2018 г.

№ 66642. Родинкова В.Е. Отчет об археологических раскопках поселения Куриловка 2 в Суджанском районе Курской области в 2019 г.

№ 67440. Радюш О.А. Отчет об археологических разведках Сейминско-Суджинской экспедиции ИА РАН на территории Большесолдатского, Курчатовского, Курского, Суджанского районов Курской области, Хотынецкого района Орловской области, проведенных в 2019 г.

№ 67900. Тихомиров Н.А. Отчет об археологических раскопках на поселении Выдрин в Большесолдатском районе Курской области, проведенных в 2018 г.

№ 69148. Сидоренко Т.Е. Отчет об археологических разведочных работах в Старооскольском городском округе, Белгородском, Краснояружском, Ракитянском, Ивнянском и Чернянском районах Белгородской области в 2019 г.

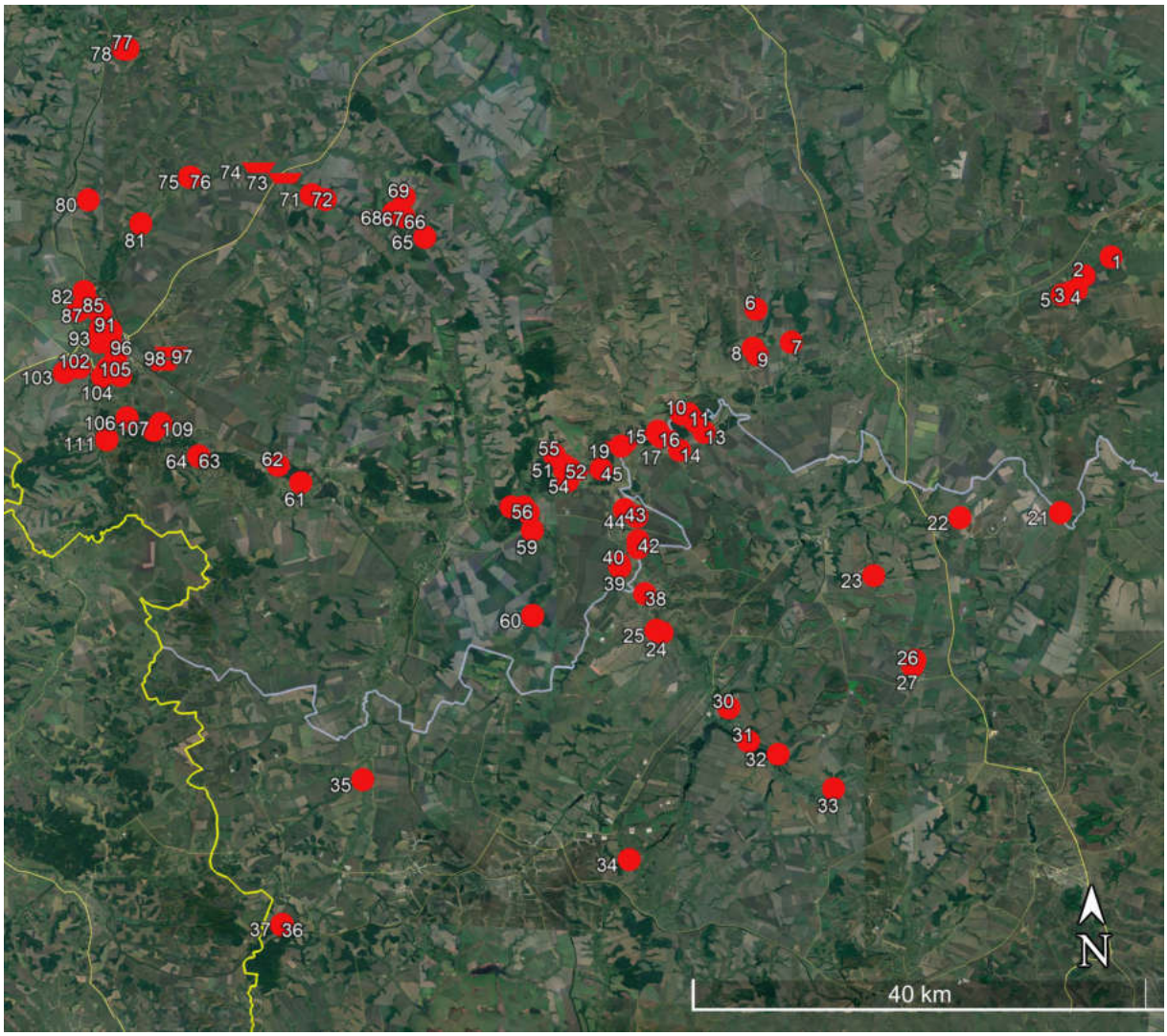


Рис.1
Раннеславянские памятники в верхнем течении р. Псёл

Приложение 1

КАТАЛОГ РАННЕСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ (нумерация памятников от истока до границы)

ПСЕЛЕЦ[1]. СЕЛИЩЕ 3, 3-4, 18-20 вв. Вост. окраина с., к Ю от ул. Заречная, склон левобережной террасы р. Пселец[2]. Обследовал О.А. Радюш в 2014 г. Размеры 280х140 м, высота от реки 4-7 м. В распашке найдена лепная и круговая керамика черняховской культуры и Нового времени.

Арх. ИА: № 45840. Л. 68, 69.

2. ЕРИНКА. СЕЛИЩЕ 4, 3-4 вв. Ок. 0,3 км к С от вост. окраины х., к СВ от плотины, склон правобережной террасы р. Пселец. Обследовал О.А. Радюш в 2014 г. Разделено балкой на 2 части размерами 500х100-120 и 350х120 м, высота от реки 2-12 м. В распашке найдена лепная и круговая керамика черняховской культуры.

Арх. ИА: № 45840. Л. 66, 67.

3. ЕРИНКА. СЕЛИЩЕ 3, эпоха бронзы, 3-4 вв. 0,5 км к Ю от центр. части х., 0,4 км к В от кладбища, склон левобережной террасы р. Запселец. Обследовал О.А. Радюш в 2014 г. Размеры 150х100 м, высота от реки 4-6 м. В распашке найдена лепная керамика эпохи бронзы, лепная и круговая черняховской культуры.

Арх. ИА: № 45840. Л. 65, 66.

4. ЕРИНКА. СЕЛИЩЕ 2, 3-4 вв. 0,75 км к ЮЗ от центр. части х., 0,2 км к С от кладбища, склон левобережной террасы р. Запселец. Обследовал О.А. Радюш в 2014 г. Размеры 750х100 м, высота от реки 3-7 м. В распашке найдена лепная и круговая керамика черняховской культуры.

Арх. ИА: № 45840. Л. 64, 65.

5. ЕРИНКА. СЕЛИЩЕ 1, 3-4 вв. 0,75 км к Ю от центр. части х., 0,75 км к ЮВ от кладбища, склон левобережной террасы р. Запселец. Обследовал О.А. Радюш в 2014 г. Размеры 150х100 м, высота от реки 3-7 м. В распашке найдена лепная и круговая керамика черняховской культуры.

Арх. ИА: № 45840. Л. 62, 63.

6. ГРИДАСОВО. СЕЛИЩЕ 1**[3], 3-4 вв. 1 км к С от сев. части с., склон правобережной террасы р. Туровка. Обследовали А.М. Сосновский в 1909 г., И.И. Ляпушкин в 1948 г., В.М. Горюнова в 1982 г. (как Танеевка). Размеры 400х150 м. Найдены глиняное пряслице, фрагменты амфор римского времени, лепная и гончарная керамика черняховской культуры. В 1880 г. на терр. памятника был обнаружен клад римских монет (ок. 300 экз.).

АКР. КО 2. С. 40, № 654.

7. УСЛАНКА. СЕЛИЩЕ**, 3-4 вв. 2 км к С от с., правобережная терраса р. Усланка. Обследовали К.П. Сосновский в 1909 г., И.И. Ляпушкин в 1948 г., Б.А. Шрамко в 1958 г. В распашке на площади 400-500х60-70 м найдена лепная и гончарная керамика, отнесенная к черняховской культуре.

АКР. КО 2. С. 47, № 686.

1 Территориальное расположение населенных пунктов (область, район) – см. Приложение 2

2 Информацию о притоках реки Псёл – см. в Приложении 3

3 ** - современное состояние памятника неизвестно, * - в настоящее время памятник не существует

8. ГРИДАСОВО. СЕЛИЩЕ 2**, 3-4 вв. 0,3 км к Ю от с., четыре мыса второй надпойменной террасы правого берега р. Туровка. Обследовала В.М. Горюнова в 1982 г. В распашке на площади 780х100-130 м, на высоте 4-8 м от реки, найдена керамика киевской и черняховской культур. На первом от с. мысе преобладает груболепная керамика, на остальных - в основном гончарная. По мнению А.М. Обломского, часть памятника с лепной керамикой является селищем позднего этапа киевской культуры.

АКР. КО 2. С. 40, № 655.

9. ВОРОБЬЕВКА. СЕЛИЩЕ 2**, р.ж.в., 3-4 вв. 0,4 км к Ю от д., три мыса второй надпойменной террасы левого берега р. Туровка. Обследовали Б.А. Шрамко в 1958 г., В.М. Горюнова в 1982 г. (как Туровец). Культурный слой толщиной 0,3-0,4 м. В обрыве берега прослежен котлован постройки глубиной 0,7 м. В распашке на площади 470х250-120 м, на высоте 5-8 м от реки, найдена керамика черняховской культуры. На одном из участков была также обнаружена скифоидная керамика.

АКР. КО 2. С. 38,39, № 649.

10. ГРЕМЯЧКА. СЕЛИЩЕ**, 3-4, 9-10 вв. 0,3 км к ЮЗ от д., придолинный склон правого берега р. Псёл. Обнаружил В.Е. Щелинский в 1977 г., исследовал Е.А. Горюнов в 1978 г. Вскрыто 600 кв. м. Размеры памятника ок. 170х150 м, высота от реки 12-15 м. Культурный слой толщиной 0,2-0,4 м. Прослежено два горизонта. К киевской культуре относятся остатки трех углубленных в грунт на 0,2-0,5 м жилищ подквадратной в плане формы размерами ок. 2,5х2,5 и 3,5х3,5 м, с открытыми очагами (все значительно разрушены). Два жилища с печами-каменками в углах, размерами 4,7х4,2 и 3,6х3,4 м, углубленные в материк на 0,4-0,8 м, относятся к роменской культуре. Найдены точильные камни, глиняные пряслица, железное шило, керамика. Е.А. Горюнов датировал ранний горизонт памятника 4-5 вв., а А.М. Обломский отнес его к 3-4 вв. (ранняя фаза киевской культуры). Колл. в ИИМК.

АКР. КО 2. С. 39, 40, № 653.

11. ПЕСЧАНОЕ. СЕЛИЩЕ 3**, 3-4, 5-7 вв. Ок. 0,5 км к ССЗ от крайних домов по ул. Нижняя в с., край первой надпойменной террасы левого берега р. Псёл. Обследовал А.М. Обломский в 1987 г. (как Песчаное-А). Размеры 220х200 м, высота от реки 3-4 м. Поверхность занята лесопосадками. Культурный слой толщиной 0,3 м. Найдена лепная керамика, вероятно, киевской и колочинской культур.

Арх. ИА: Отчет А.М. Обломского за 1987 г. Л. 14, 15.

12. ПЕСЧАНОЕ. СЕЛИЩЕ 4**, 3-4, 5-7 вв. Ок. 1,5 км к СЗ от центр. части с., мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Псёл. Обследовал А.М. Обломский в 1987 г. (как Песчаное-Б). Размеры 90х70 м, высота от реки 1,5-2,0 м. Южн. край занят лесопосадками. Культурный слой толщиной 0,6 м. Найдена лепная керамика, вероятно, киевской и колочинской культур.

Арх. ИА: Отчет А.М. Обломского за 1987 г. Л. 15.

13. ПЕСЧАНОЕ. СЕЛИЩЕ 1**, 3-4, 5-7, 8-9 вв. Ок. 1 км к С от ул. Климовка в с., ок. 0,5 км к СВ от ул. Нижняя, первая надпойменная терраса правого берега р. Псёл. Обнаружил Г.П. Сосновский в нач. 20 в., исследовал Е.А. Горюнов в 1978 и 1979 гг. Протяженность вдоль берега 500 м, высота от реки 4-7 м. Большая часть покрыта лесом. Вскрыто ок. 100 кв. м. Культурный слой толщиной 0,3 м поврежден распашкой под лесопосадки, местами эрозирован. Исследованы 4 углубленные в грунт на 0,37-1,0 м жилища размерами от 3,5х3,6 до 4,2х4,0 м с материалами колочинской культуры,

хозяйственные ямы. Найдены также единичные фрагменты керамики черняховской культуры, трехлопастной наконечник стрелы гуннского времени, бронзовый перстень, железные пружинные ножницы, глиняные пряслица, материалы волынцевского периода и др. Наиболее ранние материалы памятника, по мнению А.М. Обломского, относятся к деснинской традиции киевской культуры. Коллекция в ИИМК РАН.

Сосновский, 1911. С. 318; Горюнов и др., 1979. С. 57, 58; Горюнов, 1982. С. 61-65. Обломский, 1991. С. 204-205; ПКК. С. 85, 86; Арх. ИА: № 7183. Л. 22-26; № 7561. Л. 7-11.

14. ПЕСЧАНОЕ. СЕЛИЩЕ 2, ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК (?)**, эпоха бронзы, 3-4 вв. Юго-зап. окраина с., к СЗ от ул. Кулига, дюна на первой надпойменной террасе левого берега р. Псёл. Обследовал Е.А. Горюнов в 1979 г., исследовал М.Б. Щукин в 1980 г. (как Кулига). Размеры дюны 800х200 м, высота от реки 4 м. Вскрыто 62 кв. м. Культурный слой толщиной 0,3 м перекрыт песком толщиной 10-12 см. Поселение двухслойное. В горизонте эпохи бронзы обнаружено жилище столбовой конструкции размерами 8,4х4,6 м, углубленное в грунт на 15-20 см. Найдены отщепы кремня и керамика малобудковской и, возможно, абашевской культуры. К раннему средневековью относятся объекты, первоначально атрибутированные как 6 погребений грунтового могильника с кремациями киевской культуры. Кальцинированные кости в урнах (в 2 случаях) и без них помещались в овальных ямках глубиной до 0,3 м или на каменной вымостке диам. 40 см, на глубине 70 см. Кальцинированные кости сопровождались отдельными фрагментами керамики киевской культуры, по мнению А.М. Обломского, 1-й пол. – сер. 3 в. Однако, исследование антропологами кальцинированных костей показало, они принадлежат овце и корове, а человеческие кости в «погребениях» отсутствуют. В верхнем слое поселения также обнаружены миниатюрный сосудик, стеклянная пронизка, биконическое пряслице, лепная керамика киевской культуры, круговая черняховской культуры, фрагменты амфор. Колл. в ГЭ.

Щукин, 1990. С. 111-133; Обломский, 1991. С. 205; ПКК. С. 86; Терпиловский, Абашина, 1992. С. 161-162; Арх. ИА: № 8171. Л. 1-19.

15. КАРТАМЫШЕВО. ПОСЕЛЕНИЕ 1**, эпоха бронзы, 1-2, 5-7 вв. 0,25 км к Ю от сев.-зап. окраины с., юго-зап. склон дюны на правом берегу р. Псёл. Обследовал Е.А. Горюнов в 1978 г., исследовал он же в 1978-1979 гг. Размеры дюны 130-150х60-80 м, высота от поймы до 4-5 м. Вскрыто 268 кв. м. Культурный слой толщиной до 0,6 м. Основные сооружения и материалы относятся к колочинской культуре. Обнаружены остатки углубленного в грунт на 0,3-0,4 м жилища подквадратной в плане формы размерами ок. 3,6х3,6 м. Стены его были обложены плахами. Найдены железные ножи, шилья, глиняные тигли, пряслица и керамика эпохи бронзы, позднего этапа зарубинецкой культуры, а также колочинской культуры. В нач. 1970-х гг. вблизи поселения в песчаном карьере был найден железный меч с бронзовым пластинчатым перекрестьем, возможно, происходящий из разрушенного погребения и датированный сер. - 3-ей четв. 1-го тыс. н.э. Колл. в ИИМК.

АКР. КО 2. С. 43, № 665.

16. КАРТАМЫШЕВО. ПОСЕЛЕНИЕ 2**, мезолит, 1-2 вв. 0,75 км к ЮЮВ от с., дюна в пойме правого берега р. Псёл. Обследовали К.П. Сосновский в 1909 г., Е.А. Горюнов в 1978 г., Л.Я. Крижевская в 1980 г., исследовал Е.А. Горюнов в 1979-1980 гг. Размеры дюны 180-200х60-80 м, высота от реки до 5 м. Вскрыто ок. 1870 кв. м. Культурный слой толщиной до 0,5 м перекрыт слоем стерильного песка мощностью 0,2-0,5 м. Наиболее ранний период заселения дюны относится к эпохе мезолита. Находки этого периода были обнаружены при обследовании Л.Я. Крижевской и представлены изделиями из кремня и кварцита (пластинки, резец, проколки, наконечник стрелы, выямчатые орудия, скребки).

Обнаружены остатки 10 жилищ позднего этапа зарубинецкой культуры - одного наземного столбовой конструкции, а также полуземляночных, подквадратной в плане формы, с длиной стен от 3,5 до 5,0 м, с открытыми очагами. Среди других вскрытых объектов - остатки железоплавильного горна. Найдены бронзовая фибула, две подвески-лунницы с красной эмалью, две трапециевидные подвески, стеклянные и пастовые бусины, глиняные пряслица, железные ножи, шилья, наконечник стрелы, топор, посоховидные булавки. Датировка основного слоя поселения - 1-2 вв. На терр. поселения были также обнаружены погребения грунтового могильника 6-7 вв. Колл. в ИИМК.

АКР. КО 2. С. 44, № 666.

17. КАРТАМЫШЕВО. ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК**, 5-7 вв. 0,75 км к ЮЮВ от с., терр. поселения 2, дюна в пойме правого берега р. Псёл. Обнаружил при раскопках поселения и исследовал в 1979-1980 гг. Е.А. Горюнов. Вскрыто 51 погребение колочинской культуры по обряду трупосожжения, безурновые и урновые. В первом случае (30 погребений) остатки кремации - кальцинированные кости с остатками погребального костра (зола и угли) - помещались в округлые в плане могильные ямы диаметром 0,4-0,8 м. Кальцинированные кости, помещенные в урны - лепные горшки, как правило, были очищены от золы и углей. Урны ставились в небольшие округлые ямки, некоторые из них были покрыты сосудами, поставленными кверху дном. Ряд погребений могильника (в основном безурновые) образуют группы из двух-трех, которые были огорожены прямоугольными оградками размерами ок. 2,5х3,5 м (от них сохранились узкие канавки глубиной 0,10-0,25 м и шириной до 0,2 м). В погребениях найдены глиняные пряслица, стеклянные бусины, фрагменты костяного гребня, бронзовые проволочные височные кольца, трапециевидная подвеска, железный нож, фрагменты керамики и др. Особый интерес представляют серебряная литая фибула, серебряный язычок поясной пряжки и бронзовый наконечник ремня. Датировка могильника 6-7 вв. Колл. в ИИМК РАН.

АКР. КО 2. С. 46, № 669.

18. КАРТАМЫШЕВО. ПОСЕЛЕНИЕ 3**, 5-7, 8-10, 11-13 вв. 0,75 км к ЮВ от с., дюна в пойме правого берега р. Псёл. Обследовал и исследовал Е.А. Горюнов в 1980 г. Размеры 100-120х20-40 м, высота от реки 2-3 м. Вскрыто 40 кв. м. Культурный слой толщиной 0,1-0,4 м содержит культурные остатки колочинской, роменской культур и древнерусского времени. Обнаружены остатки углубленной в грунт на 0,5-0,8 м постройки прямоугольной в плане формы, размерами 3,7х3,0 м, со следами древесного тлена на полу. Вероятно, постройка относится к роменской культуре, однако один фрагмент венчика сосуда из заполнения принадлежит колочинской культуре. Найдены многогранная хрустальная и круглая глиняная бусины, глиняное пряслице, кусок шлака, обломок тигля, фрагменты лепной и гончарной керамики. Колл. в ИИМК.

АКР. КО 2. С. 45, № 667.

19. ШМЫРЕВО. ПОСЕЛЕНИЕ 1**, неолит, эпоха бронзы, 3-4 вв. 0,35 км к ЮЗ от южн. домов зап. части д., уроч. Пески, южн. склон дюны на правом берегу р. Псёл. Обследовали Д.Я. Самоквасов в 1909 г., Е.А. Горюнов в 1978 г., О.А. Щеглова в 1986 г., исследовали Д.Я. Самоквасов в 1909 г., Е.А. Горюнов в 1978-1979 гг. Размеры поселения не установлены, протяженность дюны не менее 1 км, высота от реки до 6-12 м. Поверхность занята лесом. Вскрыта площадь 382 кв. м. Культурный слой толщиной до 0,45 м. К эпохе бронзы относятся остатки прямоугольного жилища с округлой очажной ямой. Два других жилища относятся к киевской культуре. Это подквадратные в плане полуземлянки размерами 5х5 и 3,5х3,6 м, углубленные в грунт на 0,8 и 0,4-0,5 м. Находки этого периода представлены исключительно фрагментами керамики. На терр. поселения были обнаружены также погребения по обряду кремации киевской культуры. Колл. в

ИИМК РАН.

АКР. КО 2. С. 48, № 688.

20. ШМЫРЕВО. ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК**, 1-2, 3-4 вв. 0,35 км к ЮЗ от домов зап. части д., южн. склон дюны на правом берегу р. Псёл, терр. поселения 1. Обследовали Д.Я. Самоквасов в 1909 г., Е.А. Горюнов в 1978 г., О.А. Щеглова в 1986 г., исследовали Д.Я. Самоквасов в 1909 г., Е.А. Горюнов в 1978 г. Размеры могильника не определены, высота от реки до 4 м. Количество погребений, раскопанных в 1909 г., не известно. В 1978 г. были исследованы два погребения по обряду трупосожжения. Остатки кремации помещались в сосуды-урны или же просто в могильные ямы. Среди погребального инвентаря - бронзовые подвеска с красной эмалью, булавка, проволочные кольца, обломок витого браслета, фибулы, серебряный перстень, стеклянные бусы, железные ножи, сошник, глиняные пряслица и др. Большая часть этих находок была обнаружена при раскопках 1909 г. По сведениям Самоквасова, местными жителями на дюне были собраны также серебряные римские монеты 2 в. Колл. нач. 20 в. утрачена, колл. 1978 г. в ИИМК РАН.

АКР. КО 2. С. 49, № 691.

21. ШМЫРЕВО. СЕЛИЩЕ**, 5-7 вв. 0,2 км к ЗЮЗ от южн. окраины д., вост. оконечность дюны на правом берегу р. Псёл. Обследовали О.Н. Мельниковская в 1971 г., О.А. Щеглова в 1986 г. (как Шмырево 2). Вост. край селища разрушен карьером, размеры сохранившейся части 90х40 м, высота от реки 3-7 м. Культурный слой толщиной до 0,35 м. Найдена керамика колочинской культуры.

АКР. КО 2. С. 48, 49, № 690.

22. ПЕРЕСЫПЬ. ПОСЕЛЕНИЕ**, эпоха бронзы, 3-4 вв. 2 км к ЮВ от х., мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Псёл. Обследовали К.П. Сосновский в 1909 г., И.И. Ляпушкин в 1948 г. В распашке на площади 500х90-100 м найдена лепная и гончарная керамика, отнесенная И.И. Ляпушкиным к эпохе бронзы и черняховской культуре.

АКР. КО 2. С. 46, № 678.

23. ОРЛОВКА. СЕЛИЩЕ, 3-4 вв. 0,4 км к ЮЗ от крайних по ул. Центральная в с., высокий правый берег обводненной балки в верховьях р. Псёл. Обследовал А.А. Божко в 2011 г. Размеры 130х70 м. Культурный слой толщиной до 0,55 м, сев. часть распахивается. Найдена лепная керамика киевской культуры (преобладает) и круговая лощеная черняховская, кости животных.

Арх. ИА: № 29260. Л. 14, 15.

24. КУРАСОВКА. СЕЛИЩЕ, 3-4 вв. (?) Южн. окраина с., в 0,8 км к С от х. Калиновка, склон первой надпойменной террасы левого берега р. Курасовка. Обследовал А.А. Божко в 2013 г. Размеры не определены. Культурный слой до 1,0 м. Найдена лепная раннеславянская керамика, вероятно, киевской культуры, фрагмент глиняного грузила, куски обмазки.

Арх. ИА: № 38707. Л. 20, 21.

25. ВЕРХОПЕНЬЕ. СЕЛИЩЕ 1, 3-4 вв. 0,8 км к СВ от ул. Луговая на сев. окраине с., 0,1 км к СВ от дамбы пруда, край правобережной террасы р. Пена. Обследовал А.М. Обломский и И.В. Рукавишникова в 2007 г. (как Верхопенье 2). Размеры 150х20-50 м, высота от воды 25 м. Культурный слой толщиной ок. 0,5 м. В распашке найдена лепная и круговая керамика черняховской культуры.

Арх. ИА: № 48693. Л. 21, 22.

26. ВЕРХОПЕНЬЕ. СЕЛИЩЕ 2, 3-4 вв. 0,4 км к СВ от ул. Луговая на сев. окраине с., 0,28 км к ЮЗ от дамбы пруда, край правобережной террасы р. Пена. Обследовал А.М. Обломский и И.В. Рукавишникова в 2007 г. (как Верхопенье 4). Протяженность вдоль берега реки 1 км, высота от поймы 20 м. Материал на распаханной поверхности зафиксирован на 5 участках на расстоянии 20-40 м от края террасы. Найдена лепная керамика киевской культуры, круговая черняховская, фрагменты амфоры.

Арх. ИА: № 48693. Л. 24-26.

27. ВЕРХОПЕНЬЕ. СЕЛИЩЕ 3, эпоха бронзы, 3-4, 12-13 вв. К СВ от д. 14 по ул. Луговая в с., мысы первой и второй надпойменных террас правого берега р. Пена. Обследовал А.М. Обломский и И.В. Рукавишникова в 2007 г. (как Верхопенье 5). Размеры не установлены. Культурный слой толщиной 0,7 м (на ЮЗ). Материал зафиксирован на двух участках. Юго-зап. сниженный участок находится в 100 м к ЮЗ от предыдущего. Концентрация материала здесь более значительная. Это лепная керамика срубной культуры эпохи бронзы, обломки груболепных горшков, фрагменты черняховских и древнерусских круговых сосудов (на сев.-вост. участке).

Арх. ИА: № 48693. Л. 26-29.

28. ВЕРХОПЕНЬЕ. СЕЛИЩЕ 4, 3-4 вв. 1,1 км к СВ от ул. Луговая на сев. окраине с., 0,5 км к СВ от дамбы пруда, край правобережной террасы запруженной р. Пена. Обследовала И.В. Рукавишникова в 2007 г. (как Верхопенье 1). Протяженность вдоль пруда 70 м, высота от воды 20-25 м. Культурный слой толщиной ок. 0,5 м. В распашке найдена лепная и круговая керамика черняховской культуры.

Арх. ИА: № 48693. Л. 21, 22.

29. ВЫШНИЕ ПЕНЫ. СЕЛИЩЕ 2, эпоха бронзы, 3-4 вв. 2 км к ССЗ от сев.-зап. окраины с., дюнное всхолмление в пойме левого берега р. Пена. Обследовал А.М. Обломский в 1987 г. Материал распространен на трех участках размерами 70х10-15, 120х50-120 и 130х40 м на высоте от реки 1-2 м. Культурный слой толщиной ок. 0,3 м, распахивается. Найдена керамика эпохи бронзы, а в юго-зап. части - позднего этапа киевской культуры, фрагмент железного ножа.

ПКК. С. 86; Арх. ИА: Отчет А.М. Обломского за 1987 г. Л. 7-9.

30. ВЫШНИЕ ПЕНЫ. СЕЛИЩЕ 1, эпоха бронзы, 3-4 вв. 1 км к ЗСЗ от сев.-зап. окраины с., мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Пена. Обследовал А.М. Обломский в 1987 г. Размеры 490х50-120 м, высота от поймы 1-8 м. Слой гумуса мощностью до 1 м., толщина культурного слоя не установлена. Терр. памятника распахивается, южн. часть повреждена карьером. Найдена лепная керамика эпохи поздней бронзы и круговая керамика черняховской культуры, а также железный нож и бронзовая серьга.

Арх. ИА: Отчет А.М. Обломского за 1987 г. Л. 7.

31. ВЕНГЕРОВКА. СЕЛИЩЕ, эпоха бронзы, 3-4, 17-20 вв. 0,5 км к ВСВ от юго-вост. окраины с., склон первой надпойменной террасы левого берега р. Пена, в устье р. Ивинка. Обследовали А.М. Обломский в 1987 г., Т.Е. Сидоренко в 2015 г. (как селища 1 и 2), исследовал А.Г. Кудряшов в 2016 г. Вскрыто 994 кв. м. Размеры 1120х30-140 м, высота от поймы 1-4 м. Слой гумуса мощностью до 1 м, толщина культурного слоя до 1,4 м. Раскопками установлено, что выявленные Т.В. Сидоренко селища 1 и 2 являются частью одного поселения, выделено два культурно-хронологических горизонта. Нижний

относится к бондарихинской культуре эпохи бронзы. Он представлен котлованом сооружения подпрямоугольной в плане формы размерами 10,8/11,4 х 4,7/6,4 м и глубиной 0,4-1,0 м от уровня выявления. Верхний горизонт связан с носителями черняховской культуры. К этому периоду относятся глинобитный очаг и несколько хоз. ям, железный гребень, глиняные пряслице и грузила, лепная и круговая керамика. Третий этап селища связан с русской культурой. Среди находок этого времени обувная подковка, гвозди, круговая белоглиняная керамика 17 в. Южн. часть памятника повреждена карьером. Коллекция в БГИКМ.

Москвитин, Кудряшов. 2017. С. 10; Алиев, Божко и др. 2018. С. 161, 162; Арх. ИА: Отчет А.М. Обломского за 1987 г. Л. 4, 5; № 48537. Л. 56-59; № 54298.

32. МЕЛОВОЕ. СЕЛИЩЕ, эпоха бронзы, сер. 1-го тыс. н.э. 1,5 км к ВЮВ от с., 1 км к СЗ от ул. Чапаева в х. Трубецкой, часть высокой поймы и край первой надпойменной террасы правого берега р. Пена, в этом месте запруженной. Обследовал А.М. Обломский (как х. Чапаев) в 1987 г. Материал зафиксирован на двух локальных участках размерами 140х70 и 240х40-70 м на высоте от воды 1-2 м. Терр. памятника распахивается, прибрежный край размывается. Слой гумуса мощностью до 1 м, культурный слой на зап. участке толщиной 0,4 м. Найдена лепная керамика эпохи поздней бронзы и сер. 1-го тыс. н.э.

Арх. ИА: Отчет А.М. Обломского за 1987 г. Л. 13, 14.

33. ТРУБЕЦКОЙ. СЕЛИЩЕ, эпоха бронзы, сер. 1 тыс. н.э. Сев.-зап. окраина х. Трубецкой, к З от домов ул. Чапаева, часть высокой поймы и край первой надпойменной террасы правого берега р. Пена, в этом месте запруженной. Обследовал А.Г. Кудряшов в 2016 г. Размеры 450х100-150 м, высота от воды 1-2 м. Культурный слой толщиной 0,2-0,6 м. Терр. памятника распахивается, прибрежный край размывается. Найдена лепная керамика эпохи поздней бронзы и сер. 1-го тыс. н.э.

Арх. ИА: № 52638.Л. 116-118.

34. КРАСНОЕ. СЕЛИЩЕ**, 3-4, 8-10 вв. 0,3 км к ЮЗ от с. Красное, край первой надпойменной террасы левого берега р. Пена. Обследовал А.М. Обломский в 1987 г. Размеры 470х70-140 м, высота от поймы 1-6 м. Культурный слой толщиной 0,5 м, распахивается. Найдена лепная раннеславянская керамика киевской культуры (преобладает) и круговая черняховская, а также отдельные фрагменты горшков типа Сахновки или Луки Райковецкой.

Обломский, 1991. С. 226; ПКК, 2007. С. 89; Арх. ИА: Отчет А.М. Обломского за 1987 г. Л. 2; Паспорт.

35. ЧИСТОПОЛЬЕ. СЕЛИЩЕ, 3-4 вв. 0,75 км к СВ от фермы с., 0,03 км к ЮВ от дамбы пруда, склон первой надпойменной террасы правого берега р. Ивинка. Обследовал А.А. Божко в 2015 г. Размеры 240х100 м. Толщина культурного слоя ок. 0,6 м (гумусового горизонта до 0,9 м). В распашке найдена круговая керамика черняховской культуры, в том числе амфорная.

Арх. ИА: № 49261. Л. 60, 61.

36. КОЛОТИЛОВСКИЙ. СЕЛИЩЕ, 3-4 вв. 0,3 км к С от х., 1 км к ЮЮЗ от моста, высокая пойма и склон левого коренного берега р. Илек. Обследовал К.А. Лошаков в 2009 г. Размеры 850х75 м, высота от воды 4-12 м. В распашке найдена круговая керамика черняховской культуры.

Арх. ИА: № 36838. Л. 8-10.

37. ПОДВЫСОКИЙ. ПОСЕЛЕНИЕ 1, неолит, эпоха бронзы, 3-4 вв. 1 км к В от х., 0,12 км к С от пруда, первая надпойменная терраса левого берега р. Илек. Обследовала Т.В. Сарапулкина в 2005 г., исследовал Г.Л. Земцов в 2006 г. Вскрыто 128 кв. м. Размеры 90х110 м, высота от реки 2,5-4,5 м. Поверхность распахивается. Культурный слой толщиной до 0,4 м. Исследована часть наземной постройки, вероятно, черняховской культуры (прослежены завалы двух параллельных глиняных стен шириной 0,45-1,2 м и изученной длиной 6,4 и 7,6 м) с глинобитным очагом диаметром 0,6 м, а также 2 углубленные в грунт на 13-23 см постройки размерами 1,6х2,3 и 1,5х1,8 м, хозяйственные ямы. В культурном слое найдена лепная керамика ромбо-ямочной неолитической культуры, лепная посуда срубной и бондарихинской культур бронзового века, круговая (преобладает) черняховской культуры и лепная керамика, вероятно, киевской культуры. К позднеримскому времени относятся биконическое пряслице, обломок крупного глиняного грузила, 3 «кирпичика» и бусина дисковидной формы из прозрачного стекла зеленого цвета.

Арх. ИА: № 28008. Л. 33-50; № 32565. Л. 26, 27.

38. ПОДВЫСОКИЙ. ПОСЕЛЕНИЕ 2, эпоха бронзы, 3-4 вв. 1,05 км к В от х., 0,26 км к С от пруда, через овраг от поселения 1 (см. № 593), первая надпойменная терраса левого берега р. Илек. Обследовала Т.В. Сарапулкина в 2005 г. Размеры 40х60 м, высота от воды 2-3 м. В распашке найдена лепная керамика бронзового века и круговая черняховской культуры, а также небольшая прямоугольная сердоликовая бусина.

Арх. ИА: № 32565. Л. 27, 28.

39. НИЖНИЕ ПЕНЫ, СЕЛИЩЕ, 3-4 вв. Сев. окраина с., огороды у д. 7 по ул. Касторновка, 0,4 км к Ю от кладбища в с. Драгунка, пойма левого берега р. Пена. Обследовала Т.Е.Сидоренко в 2019 г. Площадь ок. 47000 кв. м., высота от реки 1-2 м. Культурный слой толщиной до 0,8 м. В распашке найдена керамика киевской культуры.

Арх. ИА: № 69148. Л. 61-66.

40. ПЕНЫ. ПОСЕЛЕНИЕ 3, 3-4 вв. 1,6 км к Ю от с., первая надпойменная терраса правого берега р. Пенка. Обследовал А.В. Симоненков в 2018 г. Размеры 200х135 м. В распашке найдены глиняные пряслица, железный рыболовный крючок, лепная и круговая керамика черняховской культуры.

Симоненков, 2020. С. 147-149; Арх. ИА: № 62727. Л. 11-13.

41. ПЕНЫ. ПОСЕЛЕНИЕ 4, 3-4 вв. 0,7 км к Ю от с., первая надпойменная терраса правого берега р. Пенка. Обследовал А.В. Симоненков в 2018 г. Размеры 70х50 м. В распашке найдены глиняный грузик, медный слиток, лепная и круговая керамика черняховской культуры.

Симоненков, 2020. С. 147-149; Арх. ИА: № 62727. Л. 13, 14.

42. ПЕНЫ. ПОСЕЛЕНИЕ 5, 3-4 вв. 0,6 км к Ю от с., первая надпойменная терраса правого берега р. Пенка. Обследовал А.В. Симоненков в 2018 г. Размеры 70х50 м. В распашке найдены две бронзовые фибулы, лепная и круговая керамика черняховской культуры.

Симоненков, 2020. С. 147-149; Арх. ИА: № 62727. Л. 14, 15.

43. ПЕНЫ. ПОСЕЛЕНИЕ 2**, эпоха бронзы, 3-4 вв. 0,5 км к ЮЗ от южн. окраины с., левобережная терраса р. Пена. Обследовал А.М. Обломский в 1987 г. Культурный слой толщиной до 0,3 м. В распашке на площади 1140х40-140 м на высоте 2-8 м от поймы найдена керамика срубной и черняховской культур.

АКР. КО 1. С. 151, № 247.

44. ПЕНЫ. ПОСЕЛЕНИЕ 6, 3-4, 11-13, 17-18 вв. 0,4 км к В от центр. части с., пойма левого берега р. Пена. Обследовал А.В. Симоненков в 2018 г. Размеры 230х120 м. В распашке найдена лепная керамика предположительно киевской культуры, круговая древнерусская и Нового времени.

Симоненков, 2020. С. 147-149; Арх. ИА: № 62727. Л. 15-17.

45. ПЕНЫ. ПОСЕЛЕНИЕ 7, эпоха бронзы, р.ж.в., 3-4 вв. 0,4 км к В от зап. части с., пойма левого берега р. Пена. Обследовал А.В. Симоненков в 2018 г. Размеры 320х120 м. В распашке найдены фрагмент каменного сверленого топора, железного ножа, лепная керамика эпохи бронзы, скифского времени; 2 бронзовые подвески-лунницы, фрагмент бронзового пластинчатого браслета, вероятно, принадлежат киевской культуре, хотя керамика этого времени не найдена.

Симоненков, 2020. С. 147-149; Арх. ИА: № 62727. Л. 17-20.

46. ПЕНЫ. ПОСЕЛЕНИЕ 8, 3-4, 5-7, 11-13 вв. 1,7 км к СВ от сев. части с., дюна в пойме правого берега р. Пена. Обследовал А.В. Симоненков в 2018 г., исследовал он же в 2019 г. Размеры 200х80 м. Вскрыто 64 кв. м. Культурный слой толщиной до 0,85 м. Найдены глиняные пряслица и фрагменты, литая серебряная поясная накладка со следами позолоты, керамика преимущественно киевской культуры, а также круговая древнерусская керамика и железные предметы (ножи, кольчужные кольца). Автор датирует основной слой памятника 3 в. Колл. в КГОМА.

Симоненков, 2020. С. 147-149; Арх. ИА: № 62727. Л. 20-22; № 64995.

47. КУРОЧКИНО. ПОСЕЛЕНИЕ 2 (КУРОЧКИНО 3А) **, неолит, энеолит, 5-7, 8-9 вв. 2,1 км к ЮЮЗ от х., первая надпойменная терраса левого берега р. Псёл. Обследовали К.П. Сосновский в 1910 г., А.В. Кашкин в 1975 г., Л.Я. Крижевская в 1979 г., исследовали К.П. Сосновский в 1910 г., Л.Я. Крижевская в 1980-1981 гг. Размеры 150-200х35-50 м. Вскрыто ок. 600 кв. м. Культурный слой толщиной 0,9-1,1 м стратиграфически разделяется на два горизонта. Верхний горизонт толщиной 0,5-0,7 м относится к колочинской и волынцевской культурам, нижний - к финальному неолиту и энеолиту. Вскрыты два углубленных в грунт жилища подквадратной в плане формы размерами 4,5х5,0 и 4,1х4,4 м при глубине 0,3-0,5 и 0,4-0,6 м. Эти объекты были сооружены носителями колочинской культуры. Находки этого периода (5-6 вв.) представлены железным ножом, глиняными пряслицами и керамикой. Колл. в ИИМК РАН.

АКР. КО 1. С. 147-149, № 236.

48. ГОЧЕВО. ПОСЕЛЕНИЕ 1 (ГОЧЕВО Ю-1) **, неолит, эпоха бронзы, 1-2, 3-4 вв., 10-11 вв. 0,5 км к ЗЮЗ от юго-зап. окраины с., дюна в пойме левого берега р. Псёл. Обследовали В.М. Горюнова в 1983 г., О.А. Щеглова в 1986 г., исследовал Н.А. Тихомиров в 1986-1987 гг. Размеры 175х120 м, высота от реки до 3 м. Вскрыта площадь 2743 кв. м. Культурный слой толщиной до 0,45 м. Ранние материалы поселения представлены керамикой эпохи позднего неолита и ранней бронзы, поздние - к финальной стадии роменской культуры. Основные находки относятся к позднеримскому времени. Обнаружены остатки пяти построек столбовой конструкции - котлованы подквадратной формы размерами от 3х4 до 4х5 м, углубленные в грунт от 0,14 до 0,64 м. Определенный интерес представляют остатки трех сооружений, названных автором раскопок горнами. Это ямы, вымощенные фрагментами керамики, обмазанные глиной и обожженные. В сооружениях и в слое найдены железные наконечники стрел, фрагмент замка, шпора, гарпун, ножи, керамические пряслица, фрагмент тигля, точильные бруски, изделия из глины и песчаника, стеклянные и янтарные бусины, фрагмент

железного изделия с бронзовой заклепкой, бронзовые подвески, подвески-лунницы, фибулы, фрагмент височного кольца или браслета, колечко и др. Комплекс находок, по Н.А. Тихомирову, позволяет отнести поселение к ранним памятникам киевской культуры и датировать его 3 в. По мнению А.М. Обломского, на памятнике имеются два горизонта: позднезарубинецкий и позднего этапа киевской культуры. На терр. поселения в процессе раскопок были обнаружены также три погребения грунтового могильника 1. Колл. в КГОМА.

АКР. КО 1. С. 132, № 199; ПКК. С. 90, 91.

49. ГОЧЕВО. ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК 1**, 3-4 вв. 0,5 км к ЗЮЗ от юго-зап. окраины с., терр. поселения Гочево Ю-1, дюна в пойме левого берега р. Псёл. Обнаружил и исследовал Н.А. Тихомиров в 1986-1987 гг. при раскопках поселения. Обнаружены три погребения. Погребение 1 было совершено в сосуде-урне, покрытом нижней частью другого сосуда. В урне содержались кальцинированные кости с остатками погребального костра (зола и угольки) и мелкими фрагментами керамики. От погребения 2 сохранилась лишь часть скелета лошади, рядом с которым найдена фибула. Погребение 3 - остатки скелета человека без инвентаря. Погребения 1 и 2 относятся к киевской культуре, погребение 3 - к более позднему времени, его датировка затруднительна. Колл. в КГОМА.

АКР. КО 1. С. 142, № 217.

50. ГОЧЕВО. ПОСЕЛЕНИЕ 2 (ГОЧЕВО Ю-2) **, эпоха бронзы, 3-4 вв. 0,7 км к ЗЮЗ от юго-зап. окраины с., 0,15 км к ЮЮВ от поселения Ю-1 (см. № 199), вост. часть дюны в пойме левого берега р. Псёл. Обследовала О.А. Щеглова в 1986 г., исследовал Н.А. Тихомиров в 1987 г. Размеры 130х100 м, высота от реки до 3 м. Вскрыто более 200 кв. м. Выявлены остатки двух построек - котлованы округлой или подпрямоугольной формы размерами 4,2х3,3 и 3,6х2,8 м глубиной 0,3 и 0,4 м. В постройке 2 обнаружена глинобитная печь и железные шлаки (остатки мастерской). Керамика позволяет отнести поселение к раннему этапу киевской культуры. Колл. в КГОМА.

АКР. КО 1. С. 132, № 200; ПКК. С. 91.

51. ГОЧЕВО. ПОСЕЛЕНИЕ 3 (ГОЧЕВО Ю-3) **, неолит, эпоха бронзы, 1-2, 3-4, 8-9, 11-13 вв. 1 км к ЮЗ от юго-зап. окраины с., сев. и вост. части останца первой надпойменной террасы левого берега р. Псёл. Обследовала О.А. Щеглова в 1986 г., исследовала В.М. Горюнова в 1987-1989 гг. Высота от реки до 4 м. Размеры 250х200 м, высота от реки до 4 м. Вскрыто ок. 750 кв. м. Культурный слой толщиной от 0,12 до 0,75 м. Ранние периоды поселения относятся к эпохе неолита-бронзы и к скифскому времени. Основные культурные напластования относятся к позднеримскому времени и раннему средневековью. Одно жилище киевской культуры подквадратной в плане формы со сторонами длиной 3,8 м, углубленное в грунт на 0,1 м, датированное кон. 2-4 в. н.э., наземная постройка черняховской культуры, 2 наземных очага. Еще 2 углубленные в грунт постройки относятся к волынцевской культуре. В культурном слое и в постройках найдены глиняные пряслица и грузики, костяные проколки, бронзовые булавки и фибулы, стеклянные бусы и фрагмент кубка, железные ножи, пряжки, ушко от котла, железная подвеска на бронзовой цепочке, астрагал с отверстием, фрагмент жернова и др. К древнерусскому периоду (12-13 вв.) относятся остатки глинобитной печи, а также железный наконечник стрелы и керамика. Колл. в ИИМК РАН.

АКР. КО 1. С. 133, 134, № 201; ПКК. С. 91, 92; Арх. ИА: № 12506. Л. 1-16; № 13365. Л. 1-16; № 14807. Л. 5; № 15625. Л. 1-19.

52. ГОЧЕВО. ПОСЕЛЕНИЕ 4 (ГОЧЕВО Ю-4) **, эпоха бронзы, 3-4 вв. 1,25 км к ЮЮЗ от юго-зап. окраины с., останец первой надпойменной террасы левого берега р.

Псёл. Обследовала О.А. Щеглова в 1986 г., исследовала В.М. Горюнова в 1987-1989 гг. Размеры 240х80 м, высота от реки до 6 м. Вскрыто 230 кв. м. Культурный слой толщиной до 0,9 м. Ранний период поселения относится к эпохе бронзы. Основные культурные напластования относятся к черняховской и киевской культурам, датируются 3-4 вв. Обнаружена углубленная в грунт на 0,5-0,6 м полуземлянка киевской культуры размерами 3,5х3,2 м, перекрытая наземной постройкой черняховской культуры размерами 3,5х3,2 м с погребом размерами 2,65х2,40 м, глубиной 0,90-1,05 м, а также ещё одна киевская постройка, перекрытая развалом стены черняховской постройки. На кусках обмазки стен прослежены следы прутьев, бревен, досок, дранки. Вне построек обнаружены три очага, сложенные из камней песчаника. В постройках и слое найдены глиняные пряслица, фрагменты грузиков, железная игла, костяная проколка, зубец от гребня, бронзовая фибула (2-я пол. 4 в.), часть амфоры и керамика киевской и черняховской культур. Колл. в ИИМК РАН.

АКР. КО 1. С. 134, № 202; ПКК. С. 92, 93; Арх. ИА: № 12506. Л. 1-16; № 13365. Л. 1-16; № 14807. Л. 5; № 15625. Л. 1-19.

53. ГОЧЕВО. СЕЛИЩЕ 2 (ГОЧЕВО Ю-5) **, сер. 1тыс., 11-13 вв. 0,8 км к Ю от юго-зап. окраины с., сев.-вост. край возвышенности в пойме левого берега р. Псёл. Обследовала О.А. Щеглова в 1986 г. В распашке на площади 170х90 м на высоте до 2 м от реки найдена лепная керамика сер. 1 тыс. и гончарная древнерусская. По сведениям местных жителей, на терр. поселения была найдена бронзовая двупластинчатая фибула.

АКР. КО 1. С. 139, № 209.

54. ГОЧЕВО. СЕЛИЩЕ 7 (ГОЧЕВО Ю-12) **, сер. 1тыс. 1,5 км к З от юго-зап. окраины с., склон первой надпойменной террасы левого берега р. Псёл. Обследовала О.А. Щеглова в 1986 г. Поверхность занята лесопосадками. Размеры 120х60 м, высота от реки до 2 м. Культурный слой толщиной до 0,3 м. Найдена лепная керамика 1 тыс. н.э.

АКР. КО 1. С. 140, № 2143.

55. ГОЧЕВО. СЕЛИЩЕ 5 (ГОЧЕВО Ю-10) **, 5-7 вв. 1,3 км к З от юго-зап. окраины с., возвышенность в пойме левого берега р. Псёл. Обследовала О.А. Щеглова в 1986 г. Размеры 150х90 м, высота от реки до 2 м. Культурный слой толщиной до 0,48 м. Найдена керамика колочинской культуры.

АКР. КО 1. С. 140, № 212.

56. ГОЧЕВО. СЕЛИЩЕ 3 (ГОЧЕВО Ю-7) **, 1-2 вв. 1 км к З от юго-зап. окраины с., вост. часть дюны в пойме левого берега р. Псёл. Обследовала О.А. Щеглова в 1986 г., исследовала В.М. Горюнова в 1987 г. Размеры 110х80 м (по Щегловой) или 240х100 м (по Горюновой), высота от реки до 3 м. Вскрыто 204 кв. м. Культурный слой толщиной 0,40-0,75 м. Обнаружены остатки углубленной в грунт на 1 м постройки подквадратной в плане формы размерами 3,70х3,45 м, а также остатки горна - яма диаметром 0,4 м, дно и стенки которой выложены фрагментами керамики и обмазаны глиной. Найдены точильный брусок, пряслице, железные шлаки и керамика позднего этапа зарубинецкой культуры. Колл. в ИИМК РАН.

АКР. КО 1. С. 139, 140, № 210.

57. ГОЧЕВО. СЕЛИЩЕ 6 (ГОЧЕВО Ю-11) **, сер. 1тыс., 11-13 вв. 1,1 км к ЮЗ от юго-зап. окраины с., дюны в пойме левого берега р. Псёл. Обследовали Е.А. Горюнов в 1980 г. (как Стригослы), О.А. Щеглова в 1986 г. Размеры 225х110 м, высота от реки 2-4 м. Найдена керамика сер. 1тыс. и древнерусская.

АКР. КО 1. С. 140, № 213.

58. СТРИГОСЛЫ. СЕЛИЩЕ 1**, 3-4 вв. 1 км к В от юго-вост. окраины д., мыс правобережной террасы р. Псёл. Обследовали Е.А. Горюнов в 1980 г., О.А. Щеглова в 1986 г. В распашке на площади 180х160 м на высоте 10-12 м от реки найдена керамика киевской и черняховской культур. Предположительно памятник относится к позднему этапу киевской культуры.

АКР. КО 1. С. 152, № 250; ПКК. С. 90.

59. БОБРАВА. СЕЛИЩЕ 3 (БОБРАВА 5) **, 1-2 вв. 0,5-0,6 км к ЮЗ от с., к СВ от устья р. Бобрава, мыс дюны в пойме левого берега р. Псел. Обследовал Е.А. Горюнов в 1980 г. Размеры 280х160 м, высота от поймы до 4 м. В обнажениях прослежена яма колоколовидной формы с керамикой позднего этапа зарубинецкой культуры.

АКР. КО 1. С. 131, 132, № 196.

60. БОБРАВА. СЕЛИЩЕ 1 (БОБРАВА 1) **, 1-2 вв. 0,4-0,5 км к ЮЗ от сев.-зап. окраины с., левобережная терраса р. Бобрава. Обследовал Е.А. Горюнов в 1980 г. Большая часть памятника уничтожена карьером. Найдена керамика позднего этапа зарубинецкой культуры.

АКР. КО 1. С. 131, № 194.

61. БОБРАВА. ПОСЕЛЕНИЕ 2 (БОБРАВА 3) **, эпоха бронзы, 1-2 вв. 0,75 км к ЮЗ от ц. в с., останец первой надпойменной террасы левого берега р. Бобрава. Обследовал Е.А. Горюнов в 1980 г., исследовала В.М. Горюнова в 1983 г. Размеры 200х70-100 м, высота от реки до 3 м. Вскрыто 672 кв. м. Культурный слой толщиной до 0,2 м. К позднеримскому времени относятся остатки двух наземных построек, металлургический горн, хоз. ямы. Найдены бронзовые булавка, лунница со вставками красной эмали, глиняные пряслица, железный нож, керамика эпохи бронзы и позднего этапа зарубинецкой культуры. Колл. в ИИМК РАН.

АКР. КО 1. С. 131, № 193.

62. БОБРАВА. СЕЛИЩЕ 2 (БОБРАВА 4) **, 3-4 вв. 0,5 км к ЮЗ от южн. окраины с., первая надпойменная терраса левого берега р. Бобрава. Обследовал Е.А. Горюнов в 1980 г. Размеры 25х80 м, высота от поймы ок. 1 м. Найдена керамика киевской и черняховской культур, фрагмент амфоры. Памятник относится к позднему этапу киевской культуры.

АКР. КО 1. С. 131, № 195; ПКК. С. 90.

63. ПЕНСКИЙ. СЕЛИЩЕ**, 3-4 вв. 0,2 км к ЮЗ от х., три мыса левобережной террасы р. Бобрава. Обследовала В.М. Горюнова в 1982 г. Размеры 200-250х100 м, высота от поймы 2 м. Найдена керамика черняховской культуры.

АКР. КО 1. С. 151, № 245.

64. КУЛИГА. СЕЛИЩЕ**, сер. 1-го тыс., 9-10 вв. 0,9 км к ЗЮЗ от ул. Кулига в с. Белица, мыс правобережной террасы р. Псёл. Обследовал А.В. Кашкин в 1987 г. Размеры 55х46 м, высота от реки 4-6 м. Культурный слой толщиной 0,1-0,2 м. Найдена керамика, предположительно, сер. 1-го тыс. н.э. и роменской культуры.

АКР. КО 1. С. 147, № 233.

65. НИЖНЕМАХОВО. ПОСЕЛЕНИЕ 4**, эпоха бронзы, 5-7, 9-10 вв. 70 м к В от центр. улицы с., мыс второй надпойменной террасы правого берега р. Воробжа. Обследовал А.В. Кашкин в 1987 г. (как поселение 5). В распашке на площади 70х40 м, на высоте 4-7 м от реки, найдена керамика эпохи поздней бронзы, возможно, колочинской

и роменской культур.

АКР, КО 2. С. 144, № 1009.

66. УЛАНОК. СЕЛИЩЕ 2**, 3-4 вв. 0,35 км к Ю от с., мыс правобережной террасы р. Псёл. Обследовал А.В. Кашкин в 1990 г. Размеры 50х50 м, высота от реки 2-5 м. Культурный слой толщиной 0,3-0,8 м. Найдена керамика предположительно киевской культуры.

АКР, КО 2. С. 153, № 1063.

67. УЛАНОК. СЕЛИЩЕ 3**, р.ж.в., 3-4 вв.? 0,4 км к Ю от с., мыс правобережной террасы р. Псёл. Обследовал А.В. Кашкин в 1990 г. Размеры 200х60-95 м, высота от реки 2-5 м. Культурный слой толщиной 0,25-0,75 м. Найдена керамика скифоидной и, возможно, киевской культур.

АКР, КО 2. С. 153, № 1064.

68. ПЛЁХОВО. ПОСЕЛЕНИЕ 11, эпоха бронзы, 3-4, 5-6 вв. 1,8 км к ЮЗ от центр. части с. дюна в пойме левого берега р. Псёл. Обследовали А.В. Никитина в 2018 г., О.А. Радюш в 2019 г. (как поселение 4). Размеры 450х250 м, высота от поймы 3-4 м. В 2018 г. при вспашке и при последующем обследовании были обнаружены многочисленные предметы, в том числе: латунные лунницы, булавка, детали цепей, поясной наконечник, фибула, отнесенные к киевской культуре, а также: серебряная пряжка, щиток от пряжки, латунные поясные накладки, бронзовые шильца, подвеска, железная фибула, коса, наральник, топор, отнесенные к колочинской культуре. Также наличествует керамика эпохи бронзы, киевской и колочинской культур. Автор обследования предполагает существование на поселении ювелирной и кузнечной мастерских.

Радюш. 2020. С. 135; Арх. ИА: № 67440. Л. 32-36.

69. ЗАЛОМНОЕ. СЕЛИЩЕ, 3-4 вв. 0,2 км к СВ от вост. окраины с., 0,15 км к СЗ от плотины, правобережная терраса р. Суджа. уроч. Манино поле. Обследовали Ю.А. Липкинг в 1962 г., О.А. Радюш в 2014 г. Размеры 600х75-100 м, высота от реки 10-15 м. В распашке найдены глиняные пряслица, лепная и гончарная керамика черняховской культуры.

АКР. КО 1. С. 155, № 260; Радюш, 2015. С. 36; Арх. ИА: № 2580. Л. 5, 6; № 45840. Л. 60-62.

70. ВЫДРИН. СЕЛИЩЕ 2, 3-4 вв. 1,3 км к ВЮВ от вост. окраины х., склон правобережной террасы р. Суджа. Обследовал О.А. Радюш в 2014 г. Размеры 200х180 м, высота от реки 12-21 м. Найдена лепная (преобладает) и круговая керамика, датированная 3-4 вв.

Арх. ИА: № 45840. Л. 59, 60.

71. ВЫДРИН. СЕЛИЩЕ 1, эпоха бронзы, 3-4 вв. 0,25 км к ВЮВ от п., мыс правобережной террасы р. Суджа и левобережной террасы руч. Каменец, уроч. Котлин. Обследовали Ю.А. Липкинг в 1962 г. (как Каменец), О.А. Радюш в 2007 г. Размеры 500х50-60 м, высота от реки 5-16 м. Найдена лепная керамика срубной культуры эпохи бронзы, лепная и гончарная керамика черняховской культуры.

АКР. КО 1. С. 154, 155, № 259; Арх. ИА: № 2580. Л. 5; № 48598. Л. 27, 28.

72. ВЫДРИН. ПОСЕЛЕНИЕ, эпоха бронзы, 3-4, 18-19 вв. Огороды к Ю от х., правобережная терраса р. Суджа и правобережная терраса руч. Каменец. Обследовал О.А. Радюш в 2006 г., исследовали О.А. Радюш в 2013-2019 гг., Н.А. Тихомиров в 2018

г. Вскрыто 3500 кв. м. Протяженность вдоль реки 600 м. Культурный слой толщиной до 0,8 м. Обнаружены 9 построек, углубленные в грунт, наземные каркасные; остатки 4 горнов. Многочисленны целые и фрагментированные находки. Это слиток золота и ключ от шкатулки, детали одежды и украшения: латунные фибулы, железные пряжки, серебряная подвеска, латунные и серебряные поясные накладки, костяной гребень, 4 римских денария (Марк Аврелий, Гета или Каракалла); предметы вооружения: железная трехлопастная стрела; предметы, связанные с производством: железные ножи, топор, железные и бронзовые шилья, глиняные пряслица, грузила, керамические блоки, булавки, железный гребень, точильные камни и др. Найдена лепная керамика срубной культуры эпохи бронзы, лепная и гончарная керамика черняховской культуры, а также 18-19 вв. Основной слой памятника датирован 2-й пол. 3 – нач. 4 в.

Радюш, 2015. С. 29-37; 2016. С. 68-70; 2020. С. 135-139; 2022. С. 131; Арх. ИА: № 41260. Л. 45-50; № 45811. Л. 52-86; № 50766; № 52960.Л. 17-50; № 67900.

73. ВЫДРИН. ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК, 3-4 вв. Огороды к Ю от х., правобережная терраса р. Суджа и правобережная терраса руч. Каменец. Исследовал О.А. Радюш в 2017-2021 г. Вскрыто несколько погребений с кремацией и 12 погребений-трупоположений в могильных ямах глубиной от 1 до 2 м. Особый интерес представляют 2 женских погребения с богатым и разнообразным инвентарем: серебряные фибулы, пряжки, костяной гребень, стеклянные бусы и значительное количество круговых сосудов (ваза, кубок, кувшины, миски, горшки). В одном мужском погребении были найдены: железный клинок, костяной гребень, серебряная фибула, поясные пряжки, стеклянный кубок, 16 сосудов. В остальных погребениях найдены: костяные и керамические кольца, амулет-медвежий коготь и др. Обращает на себя внимание наличие в погребениях заупокойной пищи с ножами. Погребения датируются 2-й пол. 4 в. Это самые северные погребения черняховской культуры на территории России.

Радюш. 2018. С. 85; 2020. С. 140; Радюш, Никитина. 2022. С. 131.

74. БОЛЬШОЙ КАМЕНЕЦ. ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК*, 4-5 вв. Терр. с., правобережная терраса р. Каменец. В 1918 г. при земляных работах были обнаружены человеческие череп, кости и ряд уникальных драгоценных изделий (серебряный кувшин с рельефным изображением муз, обломок ручки серебряного сосуда, серебряный фалар, фрагмент бронзового ведра, бронзовый кронштейн, золотые нашивные на одежду бляшки (найдено несколько десятков, в коллекции ок. 30), а также ряд предметов, не дошедших до музейного собрания (по рассказам местных жителей - золотые шейная гривна, два браслета, перстень и, возможно, стеклянный кубок). Основная часть находок поступила в 1928 г. в Оружейную палату Московского Кремля. В 1928 г. примерно в 0,3 км от первой находки были найдены золотые гривна, цепь и два браслета из толстой цепи с замковой частью в виде голов пары змей. Возможно, что это предметы из второго погребения. Контрольные раскопки, проведенные в 1928 г. на месте находки Л.А. Мацулевичем, не принесли новых находок, однако удалось зафиксировать край округлой ямы и часть погребальной камеры из каменных блоков подковообразной формы размерами 2х1,5 м, которая, вероятно, принадлежала разрушенному погребению. Найденные предметы принадлежат к кругу византийских древностей и датируются 4-5 вв. Это место также обследовал О.А. Радюш в 2007 и 2013 г. Коллекция в Оружейной палате Московского кремля.

АКР. КО 1. С. 243, № 1; Мацулевич, 1934. С. 11-76; Радюш, 2015. С. 21, 22; Арх. ИА: № 41260. Л. 43, 44; № 48598. Л. 26, 27.

75. СКОРОДНОЕ. СЕЛИЩЕ 2, эпоха бронзы, 3-4 вв. Огороды на юго-зап. окраине с., склон левобережной террасы р. Скородная (- Суджа – Псёл – Днепр). Обследовал О.А.

Радюш в 2018 и 2019 гг. Размеры ок. 800х120 м, высота от реки 4-12 м. Разделено балкой на 2 части, поверхность распахивается. Найдена керамика эпохи бронзы и черняховской культуры.

Арх. ИА: № 62387. Л. 39, 40; № 67440. Л. 30, 31.

76. КУКУЙ. ПОСЕЛЕНИЕ 2**, эпоха бронзы, 3-4 вв. (?). Ок. 1 км к В от п., два мыса правобережной террасы р. Суджа, по обе стороны балки. Обследовал Ю.А. Липкинг в 1962 г. Найдена керамика эпохи бронзы и предположительно черняховской культуры.

АКР. КО 1. С. 155, № 263.

77. КУКУЙ. СЕЛИЩЕ 2**, 3-4 вв. 0,3 км к В от п., край правобережной террасы р. Суджа. Обследовал Ю.А. Липкинг в 1970 г. Найдена керамика черняховской культуры.

АКР. КО 1. С. 155, № 265.

78. КУКУЙ. СЕЛИЩЕ 1**, 3-4 вв. 50 м к В от п., правобережная терраса р. Суджа. Обследовал Ю.А. Липкинг в 1970 г. Размеры 175х60-70 м. Культурный слой толщиной 0,6 м. Найдена керамика черняховской культуры.

АКР. КО 1. С. 155, № 264.

79. БОЛЬШОЕ СОЛДАТСКОЕ. ПОСЕЛЕНИЕ**, эпоха бронзы, 3-4 вв. Юго-вост. окраина с., мыс правобережной террасы безымянного руч., левого притока р. Суджа. Обследовал Ю.А. Липкинг в 1962 г., исследовал он же в 1970 г. (как Новосёловка). Размеры ок. 80х50 м. Вскрыто ок. 50 кв. м. Культурный слой толщиной 0,35-0,75 м. Найдены бронзовая арбалетовидная фибула 2-3 вв., глиняное пряслице, лепная керамика срубной культуры, лепная и гончарная керамика, предположительно киевской и черняховской культур.

АКР. КО 1. С. 154, № 256.

80. ПЕРВОМАЙСКАЯ. СЕЛИЩЕ**, 3-4 вв. Южн. окраина д., склон правобережной террасы р. Суджа, близ устья р. Скородная. Обследовал Э.А. Сымонович в 1961 г. В распашке найдена лепная и гончарная керамика черняховской культуры.

АКР. КО 1. С. 156, № 272.

81. НИЖНЯЯ ПАРОВАЯ. ПОСЕЛЕНИЕ 1**, эпоха бронзы, 3-4 вв. 60 м к ЮВ от южн. части д., мыс правобережной террасы р. Суджа. Обследовали Э.А. Сымонович в 1961 г., А.В. Кашкин в 1985 г. В распашке на площади 80х60 м на высоте 6-8 м от реки найдена керамика эпохи бронзы и черняховской культуры.

АКР. КО 1. С. 156, № 269.

82. НИЖНЯЯ ПАРОВАЯ. СЕЛИЩЕ, 3-4 вв. 0,15 км к ЗСЗ от д., придолинный склон правого берега р. Суджа. Обследовали Э.А. Сымонович в 1961 г., А.В. Кашкин в 1985 г., В.Е. Родинкова в 2013 г. В распашке на площади 175х100 м на высоте 5-9 м от реки найдена керамика черняховской культуры. По сведениям местных жителей, зафиксированным в 2013 г., на терр. селища были найдены римские денарии, бронзовые и серебряные фибулы, ножи и наконечники стрел.

АКР. КО 1. С. 156, № 270; Арх. ИА: № 45784. Л. 42, 43.

83. МАШКИНО. СЕЛИЩЕ 3, 3-4 вв. 0,3 км к В от южн. окраина д., огороды, правобережная терраса р. Ивница. Обследовал О.А. Радюш в 2010 г. Размеры 130х130 м, высота от реки 1-8 м. В распашке найдена лепная керамика, вероятно, киевской культуры.

Арх. ИА: № 30511. Л. 86, 87.

84. МАШКИНО. СЕЛИЩЕ 2, р.ж.в., 3-4 вв. К З от домов центр. части д., огороды, правобережная терраса запруженной р. Ивница. Обследовал О.А. Радюш в 2010 г. Размеры 70х50 м, высота от реки 2-7 м. В распашке найдена лепная керамика р.ж.в. и, предположительно, киевской культуры.

Арх. ИА: № 30511. Л. 85, 86.

85. МАШКИНО. СЕЛИЩЕ 1, р.ж.в., 3-4 вв. 80 м к ЮВ от южн. окраина д., огороды, правобережная терраса р. Ивница. Обследовал О.А. Радюш в 2010 г. Размеры 100х80 м, высота от реки 5-13 м. В распашке найдена лепная керамика р.ж.в. и, предположительно, киевской культуры.

Арх. ИА: № 30511. Л. 84, 85.

86. МАЛАЯ ЛОКНЯ. ПОСЕЛЕНИЕ**, эпоха бронзы, 3-4 вв. 1,4 км к В от юго-вост. окраины с., склон правобережной террасы р. Ивница. Обследовал Н.А. Тихомиров в 1995 г. В распашке на площади 450х115 м, на высоте 7-17 м от реки, найдена керамика срубной и черняховской культур.

АКР, КО 2. С. 143, № 999.

87. КОСИЦА. ПОСЕЛЕНИЕ 1**, эпоха бронзы, 5-7 вв. 0,45 км к ВЮВ от д., останец в пойме правого берега р. Суджа. Обследовал Н.А. Тихомиров в 1995 г. Размеры 250х100 м, высота от реки 3-4 м. Найдена керамика эпохи бронзы и колочинской культуры.

АКР, КО 2. С. 140, № 986.

88. КАЗАЧЬЯ ЛОКНЯ. ПОСЕЛЕНИЕ 7, 3-4, 18-19 вв. 0,4 км к С от сев. окраины с., к В от шоссе Суджа-Льгов, правобережная терраса р. Суджа. Обследовала В.Е. Родинкова в 2015 г. Размеры 200х150 м, высота от реки 20-25 м. Найдена керамика черняховской культуры и 18-19 вв.

Арх. ИА: № .. Л. 17, 18.

89. КАЗАЧЬЯ ЛОКНЯ. ПОСЕЛЕНИЕ 4, эпоха бронзы, 3-4 вв. (?). 0,73 км к СВ от вост. окраины с., 0,7 км к ССЗ от поселения 1, мыс левобережной террасы р. Суджа. Обследовали А.В. Кашкин в 1990 и 2013 гг., Н.А. Тихомиров в 1995 г. Размеры 90х75 м, высота от реки 4-5 м. Найдена керамика бондарихинской культуры и нач. 1-го тыс. н.э. (либо позднего этапа зарубинецкой, либо раннего этапа киевской культуры).

АКР, КО 2. С. 139, № 977; Арх. ИА: № 20139. Л. 9, 10; № 40768. Л. 13, 14.

90. КАЗАЧЬЯ ЛОКНЯ. ПОСЕЛЕНИЕ 1*, эпоха бронзы, 3-4 (?) вв. 1,1 км к ВЮВ от вост. окраины с., юго-вост. часть дюны в пойме левого берега р. Суджа. Обследовал Е.А. Горюнов в 1980 г. (как Богдановка), А.В. Кашкин в 1990 и 2013 гг., Н.А. Тихомиров в 1995 г., исследовала В.М. Горюнова в 1982 г. Размеры 170х120 м, высота от реки 4 м. Большая часть уничтожена карьером, сохранились зап. и юго-зап. части. Вскрыто 24 кв. м. Культурный слой толщиной 0,25-0,50 м. Обнаружены остатки двух железоплавильных горнов (диаметр горновых ям ок. 0,3 м), дно и стенки которых были выложены фрагментами сосудов и скреплены глиняной обмазкой. К горнам примыкали ямы, углубленные на 0,2 и 0,9 м. Найдены кусок кричного железа, фрагмент ручки раннеримской амфоры и керамика 1-3 вв. (поздний этап зарубинецкой или ранний этап киевской культуры). Содержит также материалы бондарихинской культуры. Колл. в ИИМК РАН.

АКР, КО 2. С. 137, № 974; Арх. ИА: № 20139. Л. 10; № 40768. Л. 13.

91. КАЗАЧЬЯ ЛОКНЯ. ПОСЕЛЕНИЕ 2*, эпоха бронзы, р.ж.в., 5-7 вв. Было

расположено в 0,7 км к ЮВ от вост. окраины с., в 0,1 км к ЮЮВ от поселения 1, на дюне в пойме левого берега р. Суджа. Обследовали А.В. Кашкин в 1990 г. и 2013 г., Н.А. Тихомиров в 1995 г. Размеры поселения ок. 100х60 м, высота от поймы 4-5 м. Культурный слой толщиной от 0,3 до 0,8 м. Найдена керамика эпохи поздней бронзы, скифоидной культуры и раннесредневековая (по Н.А. Тихомирову).

АКР, КО 2. С. 138, № 975; Арх. ИА: № 40768. Л. 6.

92. КАЗАЧЬЯ ЛОКНЯ. ПОСЕЛЕНИЕ 3*, эпоха бронзы, р.ж.в., 3-4 вв. (?). Было расположено 0,85 км к ЮВ от вост. окраины с., в 0,2 км к ЮЮВ от поселения 2, на левобережной террасе р. Суджа. Обследовали А.В. Кашкин в 1990 г., Н.А. Тихомиров в 1995 г. Размеры поселения 170х20-40 м (по А.В. Кашкину) или 220х100 м (по Н.А. Тихомирову), высота от реки 5-7 м. Культурный слой толщиной 0,25 м. Найдена керамика срубной культуры и нач. 1-го тыс. н.э. (либо позднего этапа зарубинецкой, либо раннего этапа киевской культуры).

АКР, КО 2. С. 138, № 976; Арх. ИА: № 40768. Л. 6.

93. КАЗАЧЬЯ ЛОКНЯ. ПОСЕЛЕНИЕ 5, эпоха бронзы, 3-4 вв. 20 м к З от юго-зап. окраины с., к СЗ от шоссе на г. Суджа, левобережная терраса р. Локня. Обследовали В.М. Горюнова в 1982 г., Н.А. Тихомиров в 1995 г., А.В. Кашкин в 2013 г. Размеры 110х62 м, высота от реки 5-8 м. Найдена керамика эпохи бронзы и черняховской культуры.

АКР, КО 2. С. 139, № 978; Арх. ИА: № 20139. Л. 11, 12; № 40768. Л. 14, 15.

94. КНЯЖИЙ 1-Й. ПОСЕЛЕНИЕ 3 (ЗАМОЩАНСКАЯ ДЮНА 1) *, эпоха бронзы, 3-4, 5-7 вв. 0,8 км к СВ от сев.-вост. окраины х., 1,25 км к В от х. Княжий 2-й, дюна в пойме левого берега р. Суджа. Обследовали Ю.А. Липкинг в 1963 г., В.И. Горюнова в 1982 г., Н.А. Тихомиров в 1995 г., исследовали А.Е. Алихова и Ю.А. Липкинг в 1966 г., Н.А. Тихомиров в 1995 г. Размеры дюны 250х200 м, размеры памятника не определены, высота от поймы 3,5-4,5 м. Культурный слой от 0,50 до 1,55 м. В борту карьера прослежены остатки наземной постройки черняховской культуры, перекрытой полуземлянкой колочинской культуры. Вскрыто ок. 100 кв. м. Обнаружены остатки четырех глинобитных печей с подами, выложенными фрагментами керамики черняховской культуры. По мнению А.Е. Алиховой, печи носили производственный характер и, возможно, были гончарными горнами. При раскопках была найдена только керамика, а при обследованиях - костяные проколки, глиняное пряслице, фрагмент жернова, бронзовая пальчатая фибула 6-7 вв. и керамика эпохи поздней бронзы, киевской, черняховской и колочинской культур. Колл. в КГОМА. Памятник полностью уничтожен карьером.

АКР, КО 2. С. 187, 188, № 41.

95. КНЯЖИЙ 1-Й. ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК 3 (ЗАМОЩАНСКИЙ)*, 3-4, 5-7 вв. (?). 0,8 км к СВ от сев.-вост. окраины х., вост. часть Замощанской дюны в пойме левого берега р. Суджа, к В, а возможно и на терр. поселения 3 (см. № 16). Обследовал и исследовал Ю.А. Липкинг в 1963 г. Вскрыто ок. 20 кв. м. Обнаружено четыре погребения по обряду кремации. Кальцинированные кости, вероятно, помещались в неглубокие могильные ямы (яма, обмазанная глиной зафиксирована лишь в одном случае) и сопровождались сосудами (от двух до семи в погребении). Керамика лепная и гончарная (горшки, миски, кубок, в т.ч. и лощеные). Среди других предметов бронзовые фибула (найдена на поверхности), пронизка, пластины, оселок, глиняные пряслице и грузила, железный серп. По мнению Ю.А. Липкинга, могильник относится к черняховской культуре, однако находка пальчатой фибулы, возможно, указывает и на более позднюю дату. Колл. в КГОМА. Памятник полностью уничтожен карьером.

АКР, КО 2. С. 188, 189, № 18.

96. КНЯЖИЙ 1-Й. СЕЛИЩЕ 1 (ЗАМОЩАНСКАЯ ДЮНА 2), р.ж.в., 3-4, 9-10, 18-19 вв. 1,3 км к ВСВ от сев.-вост. окраины х., 0,3 км к С от а/д, южн. часть останца левобережной террасы р. Суджа. Обследовали Ю.А. Липкинг в 1964 г., А.В. Кашкин в 1990 г., Н.А. Тихомиров в 1995 г., В.Е. Родинкова в 2015 г. Уточненные размеры 350х170, высота от поймы 9 м. Культурный слой толщиной 0,4 м. Найдена лепная керамика р.ж.в., предположительно киевской культуры, роменской культуры, круговая черняховской культуры и Нового времени. Находки немногочисленных кальцинированных костей предполагают возможность расположения здесь грунтового могильника.

АКР, КО 2. С. 140, № 983; Арх. ИА: № 20139. Л. 13; № 66623. Л. 20, 21

97. КНЯЖИЙ 1-Й. ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК 1**, 5-7 вв. (?). 1,3 км к ВСВ от юго-вост. окраины х., 1,0 км к ССВ от вост. окраины сл. Заолешенка, дюна в пойме левого берега р. Суджа. Обследовал Н.А. Тихомиров в 1995 г. Размеры дюны 180х120 м, высота от реки 4-5 м. Найдены кальцинированные кости и раннесредневековая керамика.

АКР, КО 2. С. 140, № 985.

98. КНЯЖИЙ 1-Й. ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК 2 (КНЯЖЬИНСКИЙ)*, 5-7 вв. 0,52 км к В от сев.-вост. окраины х., сев.-зап. часть дюны в пойме левого берега р. Суджа. Обследовали Ю.А. Липкинг в 1964 г., Н.А. Тихомиров в 1995 г., исследовал Ю.А. Липкинг в 1964-1965 гг. Размеры памятника не установлены, высота от реки 6-7 м. Вскрыто 1180 кв. м. Обнаружено 22 погребения по обряду кремации (сохранились также материалы еще двух разрушенных погребений). Они располагались на могильнике без какой-либо системы. Глубина погребений от 0,1 до 0,65 м. Остатки кремации были помещены в урны - лепные сосуды (в восьми погребениях) или же в яму без урны. Наблюдается многовариантность обряда: кальцинированные кости с остатками погребального костра и без них, урны без кальцинированных костей, урны, покрытые другим сосудом, урна помещена в другой сосуд. Большая часть погребений безинвентарна, в других были найдены два железных копья, кусок обработанного кремня, стеклянная бусина, две железные пряжки, два глиняных пряслица, бронзовое височное кольцо и фрагменты керамики. У юго-зап. края могильника обнаружена глинобитная площадка овальной формы размерами 2,0х1,5 м. Слой глины был уложен на камни и керамические яйцевидные блоки, а в глину вмазаны фрагменты керамики. По мнению Ю.А.Липкинга площадка являлась местом кремации. Датировка могильника 6 в. Колл. в КГОМА. Памятник полностью уничтожен карьером.

АКР, КО 2. С. 188, № 17.

99. КНЯЖИЙ 1-Й. ПОСЕЛЕНИЕ 2**, эпоха бронзы, 5-7 вв. 0,52 км к В от сев.-вост. окраины х., дюна на пойме левого берега р. Суджа. Обследовал и исследовал Н.А. Тихомиров в 1995 г. (как поселение 5). Размеры дюны 340х180 м, высота от реки 4-5 м. Сев.-зап. часть уничтожена карьером. Вскрыто ок. 128 кв. м. Культурный слой толщиной до 0,35 м. Обнаружены остатки двух наземных подпрямоугольных в плане построек, вероятно, относящихся к колочинской культуре. Наиболее сохранилась постройка 2. Возможно, она была двухкамерной. Прослежены котлованы углубленной части постройки размерами 3,8х1,8 и 3,7х1,0-1,2 м, глубиной соответственно до 0,50 и до 0,24 м. Пол вост. половины постройки был земляным, зап. - деревянным. Печь, вероятно, располагалась в зап. половине жилища. Найдены металлургический и стекольный шлаки, фрагменты железных ножей, керамика сосницкой, колочинской, а возможно, и волынцевской культур. Датировка раннесредневекового горизонта поселения - 2-я пол. 7 в. Вероятно, на разрушенном карьером сев.-зап. участке поселения находился грунтовый могильник 5-7 вв., исследованный Ю.А. Липкингом в 1963 г. (см. № 98?).

АКР, КО 2. С. 139, 140, № 982.

100. КНЯЖИЙ 1-Й. СЕЛИЩЕ 2**, 5-7 вв. 0,4 км к СВ от юго-вост. окраины х., дюна в пойме левого берега р. Локня и правого берега р. Суджа. Обследовали Е.А. Горюнов в 1980 г., Н.А. Тихомиров в 1995 г. (как поселение 4). Размеры дюны 300-350х120-140 м. Центр. часть уничтожена карьером. Культурный слой толщиной 0,2 м. Найдены часть серебряной пряжки в виде соколиной головки и керамика колочинской культуры.

АКР, КО 2. С. 140, № 984.

101. КНЯЖИЙ 1-Й. ПОСЕЛЕНИЕ 5, 3-4 (?), 5-7 вв. 0,8 км к В от х., 1 км к З от сев. части ул. Родниковая в г. Суджа, зап. оконечность останца левобережной террасы р. Суджа. Обследовала и частично исследовала В.Е. Родинкова в 2019 г. Вскрыто 9 кв. м. Размеры 150х100 м, высота от реки до 3 м. Культурный слой толщиной до 0,72 м. Найдены серебряная поясная накладка, бронзовые пронизки, фрагменты умбоновидной подвески, шейной гривны, пряжка, лепная керамика, колочинской и, возможно, киевской культур. На краю поселения, на берегу р. Суджа в 2013 г. был найден клад круга днепровских раннесредневековых кладов 1-й группы, передан в Суджанский краеведческий музей.

Арх. ИА: № 66623. Л. 27-33.

102. КНЯЖИЙ 1-Й. ПОСЕЛЕНИЕ 6, неолит, 3-4 (?), 5-7, 8-12, 17-19 вв. 1,3 км к В от х., 0,6 км к З от центр. части ул. Родниковая в г. Суджа, 0,2 км к Ю от поселения 4, юго-вост. край останца левобережной террасы р. Суджа. Обследовала и частично исследовала В.Е. Родинкова в 2019 г. Вскрыто шурфами 8 кв. м. Размеры 230х30-60 м, высота от реки до 3,5 м. Культурный слой толщиной до 0,6 м. Найдены серебряная пряжка, металлические шлаки, керамика эпохи неолита, колочинской и, возможно, киевской, волынцевской культур, а также древнерусской и Нового времени.

Арх. ИА: № 66623. Л. 33-38.

103. БОНДАРЕВКА. ПОСЕЛЕНИЕ 2, эпоха бронзы, 1-2, 3-4, 5-7, 17-19 вв. 1,6 км к СВ от вост. части с., 0,9 км к ССЗ от х. Агроном, 0,1 км к С от поселения 1, мыс правобережной террасы р. Смердица. Обследовала В.Е. Родинкова в 2019 г., исследовала она же в 2020 г. Вскрыто 46 кв. м. Размеры 260х160 м, высота от реки 4-20 м. Культурный слой толщиной до 1 м, поврежден распашкой. На склоне древнего оврага исследованы два открытых очага округлой в плане формы из прокаленной глины размерами 0,9х1,1 и 0,75х0,95 м с небольшими бортиками, предположительно относящиеся к позднезарубинецкому или раннекиевскому культурно-хронологическому горизонту, и глинобитная печь Нового времени. Найдены железные и керамические шлаки, лепная керамика эпохи бронзы, позднезарубинецкого или раннекиевского времени, возможно, колочинскй культуры, а также круговая Нового времени. В распашке встречены отдельные кальцинированные кости, возможно, указывающие на наличие грунтового могильника. По сообщениям местных жителей, на территории поселения были найдены фрагменты пальчатых фибул, браслетов, умбоновидных подвесок, детали поясной гарнитуры круга «древностей антов» I группы. В 0,5 км к СЗ от памятника, на высоком берегу реки, у вершины оврага найден клад, состоящий из пальчатых и зооморфной фибул, зеркала, колокольчика. В ходе обследования места находки выявлены браслеты, фрагменты умбоновидных подвесок, цепочек, коробчатого поясного наконечника, вероятно, входившие в этот же комплекс. Клад передан в Суджанский краеведческий музей.

Арх. ИА: № 66623. Л. 56-59; Родинкова, отчет за 2020 г. Л. 17-43.

104. БОНДАРЕВКА. ПОСЕЛЕНИЕ 1, эпоха бронзы, 3-4, 17-19 вв. 0,4 км к СВ от вост. части с., 0,3 км к СЗ от х. Агроном, склон правобережной террасы р. Смердица. Обследовала В.Е. Родинкова в 2019 г. Размеры 1200х300 м, высота от реки 4-22 м. В

распашке найдены бронзовый нож, булавка, куски железного и керамического шлака, фрагмент стеклянного кубка, керамика эпохи бронзы, черняховской и, вероятно, киевской культур, а также Нового времени. По сообщениям местных жителей, из юго-вост. части памятника также происходят изделия из цветного металла круга выемчатых эмалей, фибулы, пряжки и др. элементы черняховского костюма. Отдельные кальцинированные кости, возможно, указывают на наличие грунтового могильника.

Арх. ИА: № 66623. Л. 56-59.

105. СУДЖА. ПОСЕЛЕНИЕ 2, эпоха бронзы, 3-4 вв. 1,1 км к ЗСЗ от ж.-д. станции, 2,1 км к СВ от центра г., вторая надпойменная терраса левого берега р. Суджа. Обследовали А.В. Кашкин в 1990 и 2012 гг., Н.А. Тихомиров в 1995 г. Размеры 220х65-95 м, высота 5-6 м от реки. Найдены три глиняных пряслица, фрагмент бронзового предмета, керамика бондарихинской и черняховской культур.

АКР, КО 2. С. 126, № 932; Арх. ИА: № 34780. Л. 22, 23.

106. СУДЖА. ПОСЕЛЕНИЕ 4, эпоха бронзы, 3-4, 5-7, 8-9, 11-13, 17-19 вв. 0,6 км к СВ от центр. части г., 0,42 км к Ю от моста, зап. часть останца первой надпойменной террасы в пойме левого берега р. Суджа. Обследовали А.В. Кашкин в 1990 и 2012 гг., Н.А. Тихомиров в 1995 г., В.Е. Родинкова в 2012 и 2013 гг., исследовала В.Е. Родинкова в 2014 г. Вскрыто 30 кв. м. Размеры 300х180 м, высота от реки 3-4 м. Юго-вост. часть уничтожена карьером. Культурный слой толщиной до 0,4 м. Исследована серия хоз. Ям киевской, колочинской и волынцевской культур. Найдены фрагменты керамических конусов, кости животных, керамика эпохи бронзы, киевской, колочинской культур и древнерусская, а также Нового времени. По сведениям Ю.А. Липкинга, именно на этой дюне в 1947 г. был найден т.н. Новый Суджанский клад 6-7 вв., состоящий из двух бронзовых пальчатых фибул, восьми серебряных проволочных и 12 спиральных височных колец, бронзовой проволочной гривны, 28 бронзовых и серебряных трубочек-пронизок, 12 бронзовых и серебряных круглых подвесок, шести пар бронзовых трапециевидных подвесок, трех бронзовых цепочек, четырех янтарных бусин и серебряного поясного набора. Сохранившаяся часть клада в КГОМА, КОКМ, Суджанском краеведческом музее.

АКР, КО 2. С. 126, № 934; Арх. ИА: № 12021. Л. 20; № 20139. Л. 15; № 30532. Л. 10-11; № 34780. Л. 23; № 39532. Л. 18-22; № 41265. Л. 15-25; № 45784. Л. 15-33.

107. СУДЖА. ПОСЕЛЕНИЕ 6**, эпоха бронзы, 5-7 вв. 0,15 км к В от центр. части г., 0,25 км к Ю от шоссе из г. к ж.-д. станции, дюна в пойме левого берега р. Суджа. Обследовал Н.А. Тихомиров в 1995 г. Размеры дюны 200х80-120 м, высота от реки 2,5 м. Поверхность ранее распахивалась. Культурный слой толщиной до 0,55 м. Найдены глиняное пряслице, керамика эпохи бронзы и колочинской культуры.

АКР, КО 2. С. 126, № 936.[4]

108. ГОНЧАРОВКА. СЕЛИЩЕ, 3-4, 18-19 вв. Терр. сл., огороды дд. 106-122 по ул. Гагарина, склон правобережной террасы р. Олешня. Обследовала В.Е. Родинкова в 2019 г. Размеры 130х110 м, высота от реки 8-14 м. В распашке найдена керамика черняховской культуры и Нового времени.

Арх. ИА: № 66623. Л. 19, 20.

109. РУБАНЩИНА. СЕЛИЩЕ 2**, 3-4 вв. 1,2 км к СВ от фермы на вост. окраине с., склон левобережной террасы р. Олешня. Обследовал Н.А. Тихомиров в 1995 г. (как

4 В ранней публикации этой научно-справочной статьи содержалась неверная информация о месте находки Нового Суджанского клада. По уточненным сведениям из дневника Ю.А. Липкинга, клад был найден на дюне с поселением Суджа 4 (см. № 106).

поселение 4). В распашке на площади 150х125 м, на высоте 7-13 м от реки, найдена керамика черняховской культуры.

АКР, КО 2. С. 151, № 1047.

110. ЗАМОСТЬЕ. ПОСЕЛЕНИЕ 1, эпоха бронзы, 5-7 вв. Терр. сл., к З от д. № 1 по ул. Красный берег, приусадебный участок и сев.-вост. сектор стадиона, мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Суджа. Обследовали А.В. Кашкин в 1987 и 2012 гг., Н.А. Тихомиров в 1995 г. Размеры поселения 100х90-120 м, высота от реки 1-4 м. Прибрежный край размывается рекой, вост. половина распахивается под огороды, зап. - занята стадионом. Найдены кремневые наконечник дротика, скребок и керамика эпохи ранней бронзы и, вероятно, колочинской культуры.

АКР, КО 2. С. 134, № 957; Арх. ИА: № 12021. Л. 19; № 20139. Л. 16; № 34780. Л. 19.

111. ЗАМОСТЬЕ. ПОСЕЛЕНИЕ 4, эпоха бронзы, 3-4, 5-7 (?), 18-19 вв. Терр. школы в сл., ул. Ленина, д. 137, останец левобережной террасы р. Суджа. Обследовала В.Е. Родинкова в 2015 г. Размеры 50х30 м, высота от реки 4-5 м. Найдены фрагмент глиняного пряслица, лепная и гончарная керамика, предположительно, киевской или колочинской культур, а также эпохи бронзы и Нового времени.

Арх. ИА: № 48974. Л. 19, 20.

112. МАХНОВКА. ПОСЕЛЕНИЕ 3**, неолит, эпоха бронзы, 3-4 вв. 0,2 км к Ю от с., мыс левобережной террасы р. Суджа. Обследовал Н.А. Тихомиров в 1995 г. (как поселение 5). Размеры 150х100 м, высота от реки 11 м. Культурный слой толщиной 0,45 м. Найдены керамика эпохи неолита, бронзы, киевской и черняховской культур.

АКР, КО 2. С. 144, № 1004.

113. ЧЕРКАССКАЯ-КОНОПЕЛЬКА. СЕЛИЩЕ 1**, 3-4, 11-13 вв. 0,7 км к СВ от юго-вост. окраины с., склон правобережной террасы р. Конопелька. Обследовал Н.А. Тихомиров в 1995 г. (как поселение 1). В распашке на площади 390х130 м, на высоте 4-5 м от реки, найдена керамика киевской и черняховской культур, а также древнерусская.

АКР, КО 2. С. 155, № 1072.

114. ЧЕРКАССКАЯ-КОНОПЕЛЬКА. СЕЛИЩЕ 2**, 3-4, 11-13 вв. 0,6 км к В от южн. окраины с., левобережная терраса р. Конопелька. Обследовал Н.А. Тихомиров в 1995 г. (как поселение 2). В распашке на площади 280х145 м, на высоте 7-8 м от реки, найдена керамика киевской и черняховской культур, а также древнерусская.

АКР, КО 2. С. 155, № 1073.

115. ЧЕРКАССКАЯ-КОНОПЕЛЬКА. СЕЛИЩЕ 3**, 3-4 вв. 0,5 км к ВЮВ от с., левобережная терраса р. Конопелька. Обследовал Н.А. Тихомиров в 1995 г. (как поселение 3). В распашке на площади 135х95 м, на высоте 11-12 м от реки, найдена керамика киевской и черняховской культур.

АКР, КО 2. С. 155, № 1074.

116. ЧЕРКАССКАЯ-КОНОПЕЛЬКА. ПОСЕЛЕНИЕ 2, эпоха бронзы, 3-4 (?), 11-13, 18-19 вв. 0,55 км к Ю от с., мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Конопелька и правого берега р. Псёл. Обследовали Н.А. Тихомиров в 1995 г. (как поселение 5), В.Е. Родинкова в 2015 г. Размеры ок. 130х100, высота от реки 5-6 м. Большая часть уничтожена карьером. Найдена керамика бондарихинской культуры эпохи бронзы, предположительно, киевской культуры, древнерусская и Нового времени.

АКР, КО 2. С. 155, № 1066; Арх. ИА: № 50800. Л. 22, 23.

117. КУРИЛОВКА. ПОСЕЛЕНИЕ 1, эпоха бронзы, 3-4, 5-7, 17-20 вв. 0,55 км к СВ от юго-вост. окраины д., 0,2 км к С от х., останец первой надпойменной террасы в пойме правого берега современного р. Суджа. Обследовали О.А. Радюш в 2008 г., В.Е. Родинкова в 2012 г., исследовала она же в 2016 г. Размеры 160х120 м, высота от реки 2-5 м. Вскрыто шурфами 15 кв. м. Культурный слой толщиной до 0,6 м. Имеет многочисленные повреждения. Найдена лепная керамика эпохи бронзы, киевской, колочинской культур, а также круговая 17-19 вв. На терр. поселения в 2007 г. был обнаружен клад круга днепровских раннесредневековых кладов I группы, который хранится в Курчатовском гос. краеведческом музее.

Арх. ИА: № 37560. Л. 26; № 39532. Л. 13; № 54596. Л. 11-24.

118. КУРИЛОВКА. ПОСЕЛЕНИЕ 2, неолит, эпоха бронзы, р.ж.в. (?), 1-3, 5-7, 8, 17-19 вв. 0,13 км к В от х., 0,12 км к ЮЮВ от поселения 1, останец надпойменной террасы правого берега современного русла р. Суджа. Обследовала В.Е. Родинкова в 2012 и 2013 гг., исследовала она же в 2015-2019, 2021 гг. Размеры 190х170 м, высота от реки 3-4 м. Культурный слой толщиной до 0,8 м. Вскрыто более 510 кв. м. Ранние материалы представлены находками фрагментов керамики и изделий из кремня эпох неолита и бронзы. Предположительно к 1 в. н.э. относятся две ямы с керамикой позднескифского облика. Серия ям принадлежит позднезарубинецкому или раннекиевскому культурно-хронологическому горизонту, 2-й пол. 1 – 1-й пол. 3 в. Среди них выделяется яма с вымосткой из фрагментов сосудов и необожженной глины на дне, а также объект, близкий конусовидным печам с обложенными черепками, обмазанными глиной и обожженными стенками. С ранним этапом колочинской культуры (2-я пол. 5 в.) связаны не менее двух построек и двух ям. Еще несколько хозяйственных ям принадлежат колочинской культуре в целом (5-7 вв.). К сахновско-волынцевскому горизонту (кон. 7 – 8 в.) относятся четыре жилища с глинобитными печами и производственная постройка, в которой происходило выжигание извести. В их заполнении встречена характерная лепная посуда, подражающая волынцевским круговым сосудам. Ряд углубленных хозяйственных объектов содержит керамику и другие материалы Нового времени. В сооружениях, культурном слое и на поверхности памятника найдены многочисленные пряслица, фрагменты тиглей и льячек, часть глиняной литейной формы, обломки точильных камней, костяные игла, проколка, заготовка пряжки, подвески из клыков животных, железные ножи, шилья, наконечники стрел, кольчужные кольца, псалий, пряжка, игла от фибулы и фибула с дуговидной спинкой и кольцом на ножке, стеклянные, коралловые, глиняные, сердоликовая бусины, бронзовые и латунные подвески-лунницы, конусовидные и трапециевидные подвески, звенья цепей, трубчатые пронизки, перстень со щитком в виде четырех волют, височное кольцо, литая серьга со звездовидной подвеской, пряжки, детали ременной гарнитуры и др.

Родинкова. 2016. С. 74, 75; Арх. ИА: № 30532. Л. 15, 16. № 41265. Л. 39, 40; № 48974; № 58793; № 62397; № 66623; Отчет за 2021 гг.

119. КУРИЛОВКА. ПОСЕЛЕНИЕ 4, неолит (?), эпоха бронзы, 3-4, 5-7, 17-19 вв. 0,45 км к СВ от крайних строений х., 0,22 км к СВ от поселения 2. Останец левобережной террасы современного русла р. Суджа. Обследовала и частично исследовала в 2017 г. В.Е. Родинкова. Размеры 300х100 м, высота от реки 2-4 м. Вскрыто шурфами 10 кв. м. Культурный слой толщиной до 0,9 м. Найдена лепная керамика неолитического времени (?), эпохи средней бронзы, 2-й – 3-й четв. 1 тыс., а также круговая Нового времени. Кроме того, найдены железные и керамические шлаки, железные ножи, коса, пряжка; лопасть наперсного креста 15-16 вв. и др.

Арх. ИА: № 58793. Л. 43-56.

Приложение 2

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ

Белгородская область, Ивнянский район: с. Верхопенье, с. Курасовка, с. Нижние Пены, с. Орловка, с. Песчаное.

Белгородская область, Краснояружский район: х. Колотиловский, х. Подвысокий.

Белгородская область, Ракитянский район: с. Венгеровка, с. Вышние Пены, с. Меловое, с. Чистополье.

Белгородская область, Яковлевский городской округ: с. Красное, х. Трубецкой.

Курская область, Пристенский район: х. Еринка, с. Пселец.

Курская область, Обоянский район: д. Воробьевка, д. Гремячка, д. Гридасово, д. Картамышево, х. Пересыпь, с. Усланка, д. Шмырево.

Курская область, Беловский район: с. Бобрава, с. Гочево, с. Кулига, х. Курочкино, х. Пенский, с. Пены, д. Стригослы.

Курская область, Большесолдатский район: с. Большой Каменец, с. Большое Солдатское, х. Выдрин, с. Заломное, п. Кукуй, д. Нижняя Паровая, д. Первомайская, с. Скородное.

Курская область, Суджанский район: г. Суджа, с. Бондаревка, сл. Гончаровка,

сл. Замостье, с. Казачья Локня, х. Княжий 1-й, д. Косица, д. Куриловка, с. Малая Локня, с. Махновка, д. Машкино, с. Нижнемахово, с. Плёхово, с. Рубанщина, с. Уланок, с. Черкасская Конопелька.

Приложение 3

РЕКИ ДНЕПРОВСКОГО БАССЕЙНА

1. Днепр
2. Псёл – Днепр
3. Бобрава – Псёл – Днепр
3. Воробжа – Псёл - Днепр
3. Ивня - Псёл – Днепр
3. Илек - Псёл – Днепр
3. Ольшанка - Псёл – Днепр
3. Пена – Псёл – Днепр
3. Пселец – Псёл - Днепр
3. Солотина – Псёл – Днепр
3. Суджа – Псёл – Днепр
3. Туровка – Псёл – Днепр
3. Усланка – Псёл - Днепр
4. Запселец – Пселец – Псёл - Днепр
4. Ивинка - Пена – Псёл – Днепр
4. Ивница – Суджа – Псёл - Днепр
4. Каменец - Суджа – Псёл – Днепр
4. Конопелька - Суджа – Псёл – Днепр
4. Курасовка – Солотина - Псёл – Днепр
4. Олешня – Суджа – Псёл - Днепр
4. Пенка - Пена – Псёл – Днепр
4. Скородная – Суджа – Псёл – Днепр
4. Смердица – Суджа – Псёл - Днепр

ГОРИЗОНТ ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ: ХРОНОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ

© 2023 г. И.В. Зиньковская

Воронежский государственный университет, Воронеж

Бронзовые изделия круга выемчатых эмалей (всего 17) на Северском Донце (правый приток Дона) можно с уверенностью атрибутировать, как относящиеся к постзарубинецкому горизонту сер. II – сер. III в. Распространение постзарубинецких групп населения с выемчатыми эмалями, возможно, совпадает с крайней юго-восточной зоной расселения народа венетов, который попадал в поле зрения античных авторов лишь в западной части его расселения ближе к «Янтарному пути».

Ключевые слова: выемчатые эмали, Северский Донец, венеты, постзарубинецкий культурно-хронологический горизонт

THE HORIZON OF CHAMPLEVE ENAMELS ON SEVERSKY DONETS: CHRONOLOGY AND ETHNOCULTURAL ATRIBUTION

© 2023 I.V. Zinkovskaya

The bronze artifacts of the group of champlevé enamels (17 in total) in the Seversky Donets (right tributary of the Don River) can be confidently attributed as belonging to the Post-Zarubintsy horizon of Ser. II – Ser. III century. The distribution of the Post-Zarubintsy population with champlevé enamels probably coincides with the extreme southeastern zone of the Venetian settlement, which came into the sight of the ancient authors only in the western part of their settlement closer to the «Amber Route».

Key words: champlevé enamel, Seversky Donets, Veneti, Post-Zarubintsy horizon

Бронзовые изделия круга выемчатых эмалей на памятниках римского времени бассейна Северского Донца (правого притока Дона) выявлены в результате археологических исследований А.М. Обломского, М.В. Любичева, И.В. Зиньковской и других исследователей. Однако они недостаточно полно привлекались для решения задач реконструкции исторических и этнокультурных процессов в рассматриваемом регионе. По-прежнему остается актуальной задачей увязка большинства находок изделий круга эмалей с конкретными памятниками, имеющими определенный культурный слой. А без этого невозможно решить вопрос об этнокультурной принадлежности этих древностей. Всего на Северском Донце нам известно 7 археологических памятников, где найдены бронзовые изделия круга выемчатых эмалей (Рис. 1).

Головино-1 (Белгородский р-н., Белгородская обл., Рис. 1:1). В культурном слое при исследовании постзарубинецкого поселения А.М. Обломским были обнаружены:

1. *Т-образная фибула* с массивным подтреугольным в сечении корпусом и тремя полями эмали в верхней его части: двумя красными круглыми у подпорок для крепления оси пружины и одним зеленым подтреугольным между ними (Рис. 2:1; 3:2). (Обломский, 1991. С. 150; Абашина и др., 2001-2002. С. 263. Рис. 10:1,6; Славяне…, 1993, цветная вклейка; Памятники киевской культуры…2007. Рис. 140:1).

2. *Фрагмент массивной бронзовой гривны* с окончанием в виде рельефной шишечки («грибовидным») (Рис. 3:3).

3. *Конические навершия для булавок типа Кемптен*, свитые из стеклянного жгута. Материалы хранятся в Белгородском краеведческом музее.

Ездочное-1 (Чернянский р-н., Белгородская обл., Рис.1:2). Памятник расположен на левом коренном берегу р. Оскол, примерно в 1 км. к югу от села. Высота поселения над уровнем поймы реки – 20 м, его размеры 110 х 90 м. Исследование постзарубинецкого поселения было проведено И.В. Зиньковской в 2002-2004 гг. (Зиньковская, Медведев,

2005). В массе своей оно содержало чернолощеную керамику постзарубинецкого типа. На поселении открыта полуземлянка подквадратной формы. Из ее заполнения с постзарубинецкой керамикой, пряслицами, зеленой пастовой бусиной и железной шпорой типа Hakensporn (Рис. 3: 6) происходят:

1. *Треугольная ажурная фибула* (Рис. 2:6; 3:4). Фибула имеет треугольные щиток и ножку. Щиток представляет собой комбинацию гнезд эмали в сочетании со сплошными и прорезными ажурными полями. Он отделен от ножки треугольным в сечении гребнем. Ножка оканчивается двумя рельефными шишечками. Общая длина фибулы – 12,4 см., длина щитка – 8,5 см., длина ножки – 2,6 см. Ширина верхней части щитка – 5,8 см., ширина основания ножки – 4,4 см. На фибуле имеется 4 поля с красной глухой эмалью (Зиньковская, Медведев, 2005. Рис. 5).

2. *Фрагмент массивного бронзового литого браслета с треугольными гребнями*. Сохранилась треть изделия. Имеет треугольный в сечение корпус и треугольный выступающий наружу гребень, помещенный на конце (Рис. 3:5). Материалы хранятся в Музее археологии ВГУ.

Колесники (Змиевский р-н., Харьковская обл., Рис.1:3). Поселение занимает склон первой надпойменной террасы правого берега р. Мжа (правый приток р. Северский донец правого притока р. Дон). Раскопки М.В. Любичева в 1995-1996, 1999 гг. На поверхности постзарубинецкого поселения М.В. Любичевым найдены изделия круга эмалей:

1. *Лунница бронзовая литая без эмалевых полей* (Рис. 3: 9). Круглые концы (сохранился один из них) и выступающие наружу круглые отростки снабжены сквозными прорезями.

2. *Фрагмент лунницы бронзовой литой* (Рис. 3:10) с круглыми полями на концах (одно утрачено), украшенных круглыми вставками с красной эмалью. Поля оканчиваются тремя каплевидными отростками.

3. *Нижняя часть фибулы с крестообразным окончанием ножки* (Рис. 3: 8). Последняя отделена от корпуса гребнем с каннелюрой посередине. В центре ножки и на трех крестообразных отростках ее имеются круглые прорези. В среднюю из них вставлено треугольное в сечении кольцо. На сохранившемся фрагменте эмаль отсутствует.

4. *Фрагмент корпуса фибулы* (Рис. 3:11). Сохранилась часть корпуса с ребром посередине и скошенными гранями. На корпусе имеется рельефно выступающий наружу треугольный валик, поверхность которого расчленена каннелюрами на три продольных гребня с чеканной орнаментацией. С тыльной стороны изделия заметен пластинчатый приемник (Дідик, Любічев, 1998. С. 50. Рис. 1:2; Памятники киевской культуры…, 2007. С. 136-137. Рис. 148:7, 149:7, 145:5, 149:10; Позднезарубинецкие памятники…, 2010. С. 144).

Раковка-1 (Балаклейский р-н., Харьковская обл., Рис.1:4). Памятник расположен в 3 км юго-западнее железнодорожной станции Савинцы на дюне размерами 135х40 м, находящейся в пойме левого берега р. Северский Донец. Изучался В.К. Михеевым и М.В. Любичевым в 1987 г. К постзарубинецкому горизонту относятся несколько ям. После завершения раскопок на памятнике были обнаружены 2 трапециевидные подвески типа входящих в состав комплексов украшений круга эмалей.

1. *Трапециевидная бронзовая подвеска* орнаментирована композицией из штампованных циркульных колец, дуг и прямых линий. В отверстие, находящееся в верхней части изделия, продето кольцо, соединенное с планкой для подвешивания в виде пластинчатой обоймы (Дідик, Любічев, 1998. С. 50. Рис. 1:4).

2. Трапециевидная бронзовая подвеска, судя по фрагменту, была близка по форме к первой. Она также украшена штампованным орнаментом в виде циркульных колец и линий (Дідик, Любічев, 1998. С. 50. Рис. 1:5). Материалы хранятся в частной коллекции г. Харькова.

Родной Край (Золочевский р-н., Харьковская обл., Рис.1:5). Памятник расположен

на дюне в пойме правого берега р. Уды (правый приток р. Лопань правого притока р. Северский Донец). Размеры памятника 250х110 м, высота над уровнем поймы – 2-3 м. Раскопки Ю.В. Буйнова и Е.Н. Петренко 1978-1984 гг. На поверхности поселения с постзарубинецким горизонтом обнаружена:

1. *Лунница пластинчатая без орнамента* (Рис. 3:7) с утолщенными овальными в сечении концами (Дідик, Любічев, 1998. С. 50. Рис. 1:3; Памятники киевской культуры…2007. Рис. 155:11). Хранится в Харьковском историческом музее.

Терновка-2 (Яковлевский р-н., Белгородская обл., Рис.1:6). Из постройки 2 постзарубинецкого поселения происходит:

1. *Фрагмент пластинчатой обоймы с циркульным орнаментом* (Рис. 3:1). Он состоит из выдавленной с обратной стороны композиции из двух кругов, каждый из которых состоит из двух концентрических окружностей с точкой в центре, и двух параллельных линий, расположенных под ними (Обломский, 1990. С.18, 20-22. Рис. 10:27; Памятники киевской культуры…, 2007. Рис. 155:12). Материалы хранятся в Белгородском краеведческом музее.

Шишино-5 (Белгородский р-н., Белгородская обл., Рис.1:7). Памятник занимает дюнное всхолмление в пойме левого берега Северского Донца. Размеры дюны – 400х50-150 м, максимальная высота – 4 м от уровня низкой поймы. В 1985 г. А.М. Обломский в культурном слое постзарубинецкого поселения обнаружил клад вещей круга выемчатых эмалей. Он состоял из двух треугольных ажурных фибул со вставками красной эмали, 1 массивного браслета с выступающими наружу треугольными ребрами, 2 спиральных проволочных браслетов, 1 пряслица из мергеля.

1. *Треугольная ажурная фибула* (Рис. 2:4). На щитке наблюдается чередование покрытых красной эмалью, сплошных и прорезанных сквозных полей. Для орнаментации щитка использован мотив подвески-лунницы. В трех местах поверхность спинки посеребрена. Ножка – сплошная, треугольная, оканчивается двумя рельефными выступами-шишечками. Поверхность круглого щитка в верхней части ножки тоже посеребрена. Пружина фибулы вставлена в две боковые стойки и намотана на железный стержень. Конец ее обмотан вокруг специально устроенного на тыльной стороне изделия шпенька. Пружина имеет чисто декоративный характер: отвод для иглы на ней не предусмотрен. Игла фибулы была железной, она практически не сохранилась, ее конец был обмотан оборотами вокруг пружины (Памятники киевской культуры…, 2007. Рис. 18:2).

2. *Треугольная ажурная фибула* (Рис. 2:5). На щитке имеются эмалевые, прорезные и сплошные поля. Он отделен от ножки треугольным гребнем с каннелюрой на его крае. Треугольная ножка ограничена двумя рельефными шишечками, полыми внутри. На фибуле размещены 4 эмалевых поля. Эмаль на двух верхних из них – оранжевая, непрозрачная, на среднем – прозрачная бледно-голубая, на нижнем – красная глухая. Пружина фибулы, также бутафорская, обмотана вокруг железного стержня. Игла была железной, укреплена таким же образом, как и у предыдущей фибулы (Памятники киевской культуры…, 2007. Рис. 18: 1).

3. *Бронзовый массивный литой браслет с треугольными гребнями*. Имеет треугольный в сечении корпус (Рис. 2:3). Концы изделия и корпус украшены треугольными выступающими наружу гребнями. По борту каждого из них проведены по две каннелюры (Памятники киевской культуры…, 2007. С. 134. Рис. 19: 1).

4. *Два спиральных браслета из круглой в сечении бронзовой проволоки* (Рис. 2:2). На одном из концов каждого из них заметны несколько насечек. По всей видимости, браслеты когда-то были одним, разломанным пополам еще в древности (Памятники киевской культуры…, 2007. С. 134. Рис. 19: 2, 3; Обломский, 1991. С. 152-199, 282-284; Славяне…, 1993. Цветная вклейка). Материалы хранятся в Белгородском краеведческом музее.

Таким образом, на Северском Донце найдено 17 изделий круга выемчатых эмалей, среди них: 3 треугольные фибулы, 1 Т-образная фибула, 3 подвески-лунницы, 2 трапециевидные подвески, 2 браслета с треугольными гребнями, 2 спиральных проволочных браслета, 1 фрагмент бронзовой гривны, 1 фрагмент пластинчатой обоймы с циркульным орнаментом, 2 фрагмента фибул.

Хронология. Из слоя постзарубинецкого поселения Головино-1 происходит Т-образная фибула круга выемчатых эмалей (Рис. 2:1). По своим типологическим признакам она наиболее близка первой серии и особенно прототипам фибул Almgren 84 (Рис. 3:2). Поскольку фибула из Головино-1 стоит в самом начале типологического ряда серии 1, то её датировку следует определять ближе к прототипу – около рубежа II/III вв. (Абашина и др., 2001-2002. С. 268). В слое того же памятника найден фрагмент бронзовой гривны с окончанием в виде рельефной шишечки, так называемой «грибовидной» (Рис. 3: 3). Данные изделия имеют многочисленные аналогии в Восточной Прибалтике и по материалам Литвы датируются ступенями B2/C1 и C1a (Абашина и др., 2001-2002. С. 268). Также в слое поселения обнаружены конические, свитые из стеклянного жгута, навершия для булавок типа Кемптен, которые находятся в комплексах римского времени Западной Европы и преимущественно относятся к I–II вв. (Любичев, 2019. С. 85). По мнению исследователей, соотнесение датировок этих вещей позволяет отнести поселение Головино-1 ко второй половине II – началу III в. (Абашина и др., 2001-2002. С. 268; Любичев, 2019. С. 85).

Из постройки 1 постзарубинецкого поселения Ездочное-1 происходят: бронзовая треугольная фибула с полями красной эмали (Рис. 2:6, 3:4), железная шпора класса Hakensporn, характерная для ступеней B1 и B2 центрально- европейской хронологии (Рис. 3: 6), а также фрагмент железной подвязной фибулы, из слоя поселения происходит фрагмент бронзового литого браслета с треугольными ребрами (Рис. 3:5) (Зиньковская, Медведев, 2005. Рис. 5: 2). Совокупность датировок этих предметов позволяет отнести поселения Ездочное-1 ко второй половине II – первой половине III в.

Из постройки 2 постзарубинецкого поселения Терновка-2 происходит фрагмент обоймы из листовой бронзы с циркульным орнаментом круга выемчатых эмалей (Рис. 3:1), а из культурного слоя – четыре бусины, три из красного глухого стекла. Две из них отнесены А. М. Обломским к типу Алексеева 104, характерному для II-III вв. (Алексеева, 1978. С. 69. Рис. 10: 11-13), у четвертой слой красного глухого стекла наложен на основу из прозрачного стекла желтоватого оттенка (Обломский, 1990. Рис. 10: 15). По своей форме две бусины близки к параллелепипеду, одна имеет цилиндрическую форму, а двухцветная бусина – округлую форму. В Мощинском кладе красные пастовые бусы в форме параллелепипида составляют около половины изделий подобного типа (Обломский, Гороховский, 1986) и датируются II – III вв. (Алексеева, 1978. С. 24).

В целом, поселение Терновка-2 было датировано второй половиной II в. (Обломский, 1990. С. 23).

На поселение Шишино-5 был найден клад вещей круга эмалей (Рис. 2: 1-5). Из слоя могильника Шишино-5 происходит бронзовая пряжка с прямоугольной рамкой, железным язычком и пластинчатой обоймой. Пряжка вначале датировалась А.М. Обломским со ссылкой на Ю.В. Кухаренко I – II вв., но допускалось ее существование и в III в. (Обломский, 1991. С. 20). Однако М.В. Любичев показал, что она относится к группе ременных пряжек (Krempenschnallen) F типа 8 и датируется ступенью C1 (Madyda-Legutko, 1986. S. 44-45), то есть гораздо более поздним временем, а именно 240-270 гг.

Анализ датирующих вещей с постзарубинецких памятников в бассейне Северского Донца, на которых найдены изделия круга эмалей, позволяет отнести основное время их существования к ступеням B2/C1 с заходом в C1a или, в абсолютных датах, ко второй половине II – первой половине III в.

Этнокультурная атрибуция горизонта круга выемчатых эмалей. Первоначально

памятники типа Шишино-5 были отнесены А.М. Обломским к сейминско-донецкому варианту киевской культуры (Обломский, 1991. С. 68). Впоследствии он интерпретировал поселение Шишино-5 и клад вещей с эмалями как позднезарубинецкие (Славяне…,1993. Цвет. вклейка С. 128). Вопрос о культурной атрибуции памятников с изделиями круга эмалей остается открытым и по сей день. Рассмотрим его на материалах северодонецких поселений. Все изделия круга выемчатых эмалей на Северском Донце (правый приток Дона) найдены на 7 постзарубинецких поселениях, где имеется соответствующий культурный слой. Все они расположены на возвышенностях в поймах рек или на склонах первых надпойменных террас (Рис. 1). В трёх случаях они обнаружены на поверхности поселения (Колесники, Раковка-1, Родной Край), в двух случаях – в культурном слое поселения (Головино-1, Шишино-5) и еще в двух случаях – в постройках, исследованных на поселениях (Ездочное, Терновка-2). В связи с этим изделия круга эмалей в рассматриваемом регионе можно с уверенностью атрибутировать как относящиеся к постзарубинецкому культурно-хронологическому горизонту сер. II – сер. III в. (ступени B1/C1). Термин культурно-хронологический горизонт применительно к нашей теме восходит к работам М. Б. Щукина, который считал, что это явление еще нельзя назвать археологической культурой по причине больших расстояний между группами этих памятников и различий в наборе элементов материальной культуры. Археологический горизонт считается эквивалентом населения, которое находится в процессе расселения и еще не стало на путь интеграции (Щукин, 1994. С. 236).

Возникновение постзарубинецкого культурно-хронологического горизонта сер. II – сер. III вв. исследователи связывают, прежде всего, с кризисом и распадом зарубинецкой культуры, которые привели к массовой миграции населения в различных направлениях (Мачинский, 1976. С. 93-94; Щукин, 1979. С. 69). Эти события стали толчком к образованию отдельных групп памятников с близкими чертами на огромной территории от Верхнего Поднестровья до Верхнего Подонья и Прихоперья. По мнению С. В. Воронятова, памятники второго периода развития постзарубинецких древностей (типа Терновка-2 – Шапкино-2) отличаются от первого периода горизонта (типа Рахны-Почеп) прежде всего новыми культурно-хронологическими индикаторами – «выемчатыми эмалями» (Воронятов, 2018. С. 16).

К востоку и югу от постзарубинецких поселений на Северском Донце располагались культурные области памятников, оставленных сарматами. Две соседние культурные области: сарматы и население, оставившее памятники постзарубинецкого горизонта, выглядят как обособленные и не воспринимающие друг друга (Медведев, 1993. С.59). По смелому предположению М. В. Любичева, контакты между ними заключались в захвате сарматами пленных на поселениях оседлых общностей (Любичев, 2008. С. 28). Наличие исключительно неукрепленных поселений у осёдлого населения (носителей постзарубинецкого горизонта) считается косвенным отражением их политической зависимости от сарматов (Симоненко, 1981. С. 68). Но что могли взять сарматы у поздних зарубинцев – загадка. Во всяком случае, главные сокровища последних – выемчатые эмали – сарматов не интересовали.

Большая часть бронзовых изделий круга эмалей представлена относительно крупными украшениями, декорированными вставками не только красного, но и других цветов (голубого, белого, жёлтого) и с прорезной орнаментацией. По этим признакам они относятся к 1 и 2 стадиям развития восточноевропейских выемчатых эмалей, то есть к периоду от сер. II в. до сер. III в., в отдельных случаях с заходом в его вторую половину.

Распространение постзарубинецких групп населения с эмалями, возможно, совпадает с крайней юго-восточной зоной расселения народа венетов/венедов, который попадал в поле зрения античных авторов лишь в западной части его расселения ближе к «Янтарному пути». Важно, что этот этноним встречается только в римской географической традиции и в доимператорскую эпоху неизвестен (Подосинов, 2016. С. 950). Как уже

указывалось, по данным лингвистов он попал к римлянам через германское посредство. Анализ сведений о венетах у Плиния Старшего (до 70-х гг. I в.), Корнелия Тацита (конец II в.) и Клавдия Птолемея (60-80-е гг. II в.) позволяет проследить превращение одного из «малых» народов на берегах Вистулы-Вислы (у Плиния) в «великий народ» (у Клавдия Птолемея), может быть благодаря их воинственности, о которой писал Тацит (Ger.,46).

Согласно Публию Корнелию Тациту, служившему в Германии в самом конце I в. и хорошо знавшем ее население (Кнабе, 1981. С. 79), венеты были варварским племенем у восточных границ «Германии». Он размещает их между певкинами (бастарны) на юге и феннами (финны) на севере.

По мнению Д. А. Мачинского, Тацит подходит к описанию венетов, двигаясь с запада на восток, поэтому сведения в основном относятся к западной части венетской территории: к Западной Волыни и Подолии. Их коренная территория, очевидно, лежала к северу или востоку от верховий Припяти и Днестра (Мачинский, 1976. С. 87-91), но в своих набегах они достигали земли феннов, которые еще использовали костяные наконечники стрел. Скорее всего, это дьяковские племена, заселявшие в то время центральные районы России. Для нашей темы важно, что Тацит описал образ жизни венетов и, путём сравнения с хорошо известными ему германцами и сарматами, указал некоторые их отличительные этнографические черты.

Исследователи не исключают, что причинами миграций различных центрально- и восточноевропейских племен во II в. стали изменения климата. Но более вероятна причина военно-политическая – это Маркоманские войны II в., которые очень сильно нарушили традиционное расселение племен в Germania Magna. После них начинается массовое продвижение северных варваров на юг и юго-восток, в том числе и к дунайскому лимесу Римской империи. Мы не будем касаться этой очень сложной проблемы. Отметим лишь, что в Польском Поморье приходят в движение готы и формируется вельбарская культура, начинается движение ее носителей на юго-восток (Щукин, 1994. С. 247). Возможно, все эти перемены нашли отражение на карте «Европейской Сарматии» Клавдия Птолемея (ок. 160-180 г.). Он локализует венетов у Венедского залива (Балтийского моря – прим. авт.), и относит к «великим народам», населяющим Европейскую Сарматию, наряду с певкинами и бастарнами выше Дакии, языгами и роксоланами вдоль Меотиды (Ptol., Geogr., III, 5, 7). Что произошло в Барбарикуме за полстолетия, позволившего венетам превратиться в «большой народ» из-за отсутствия письменных свидетельств, мы не знаем. Много позже их многочисленность подтвердил готский историк Иордан, который пишет о «многолюдным племенем венетов» (Get., 34).

Нам представляется, что археологи со временем смогут предложить свою версию ответа на этот вопрос. Происходившее в этот период передвижение постзарубинецкого населения охватывало огромные территории: от верховьев Западной Двины и Днепра на севере до верховьев Припяти и прилегающей части бассейна Западного Буга на западе и далее на восток до бассейна Хопра. Постзарубинецкие поселения расположены преимущественно на первых надпойменных террасах рек. Наблюдения за хронологией поселений показали, что практически все они были относительно кратковременными. Максимально возможный срок их существования не превышал 70-100 лет (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С. 102).

Постзарубинецкая культура, своеобразной визитной карточкой которой стали выемчатые эмали, характеризуются многочисленными инновациями в погребальном обряде, изменениями в планировке поселений, появлением новых орудий труда. В этот период складывается особый набор женского и мужского уборов, в состав которого входили изделия круга выемчатой эмали. Отдельные находки эмалей и кладов вещей подобного стиля к востоку от основного ареала постзарубинецкой культуры могут выступать как маркеры дальнейшего продвижения носителей стиля эмалей (венетов) с запада на восток и юго-восток за пределы известной римлянам ойкумены (Зиньковская, Колесникова, 2021. С.158-160).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абашина Н.С., Кухарская Е.Н., Обломский А.М. Позднезарубинецкий горизонт поселения Головино 1 под Белгородом // Stratum plus. 2001-2002. №4.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья (САИ. Вып. 1-12). М.,1978.

Воронятов С.В. Сарматский и южно-балтийский культурные импульсы в постзарубинецких древностях горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I – нач. II вв. н. э.): автореф. дис… канд. ист. наук. СПб., 2018.

Дідик В.В., Любичев М.В. Прикрас из виімчастими емалями у басейні Сіверського Дінця: нові знахідки // АЛЛУ. 1998. №1-2.

Зиньковская И.В., Медведев А.П. Позднезарубинецкое поселение Ездочное-1 на р. Оскол // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.

Зиньковская И.В., Колесникова А.Ю. Бронзовые выемчатые эмали в бассейне Дона. Воронеж, 2021.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2001.

Клавдий Птолемей. Руководство по географии / пер. С. К. Апта // Античная география. Книга для чтения / Сост. М. С. Боднарский. М., 1953.

Кнабе Г.С. Корнелий Тацит: Время. Жизнь. Книги. М., 1981.

Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии / пер. А.С. Бобовича // Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы. Малые произведения. М., 1993.

Любичев М.В. Контакти осілого населення дніпро-донецького лісостепу з сарматами в середині I – III ст. // Археологія. 2008. №2.

Любичев М.В. Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I-V веков. Ч. 1-2. Харьков, 2019.

Мачинский Д.А. К вопросу о территории обитания славян в I-VI вв. // АСГЭ. 1976. №17.

Медведев А.П. О культурной принадлежности лепной керамики из погребений сарматского времени донской лесостепи // КСИА. 1993. № 207.

Обломский А.М., Гороховский Е.Л. О дате Мощинского и Межигорского кладов // Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья. Тез. докл. Первой Калужской историко-археологической конференции. Калуга, 1986.

Обломский А.М. Позднезарубинецкое поселение Терновка-2 // МИАДЛ. Курск, 1990.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н. э. Москва-Сумы, 1991.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.н.э.) (Раннеславянский мир. Вып. 10). М., 2007.

Плиний Секунд Старший. Географическое руководство / ред. А. В. Подосинов, М. В. Скржинская // Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011.

Подосинов А.В. К вопросу о создании Певтингеровой карты // ВДИ. 2016. № 4.

Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н. э.); отв. ред. А.М. Обломский (Раннеславянский мир. Вып. 12). М., 2010.

Симоненко А.В. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981.

Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. (Археология СССР) / ред. Б. А. Рыбаков. М., 1993.

Щукин М.Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций //

АСГЭ. 1979. Вып. 20.

Щукин М.Б. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.

Madyda-Legutko R. Die Gurtelschnallen der Romischen Kaiserzeit und der fruhen Volkerwanderungszeit im mitteleuropaischen Barbaricum (BAR. International Series, 360). Oxford, 1986.

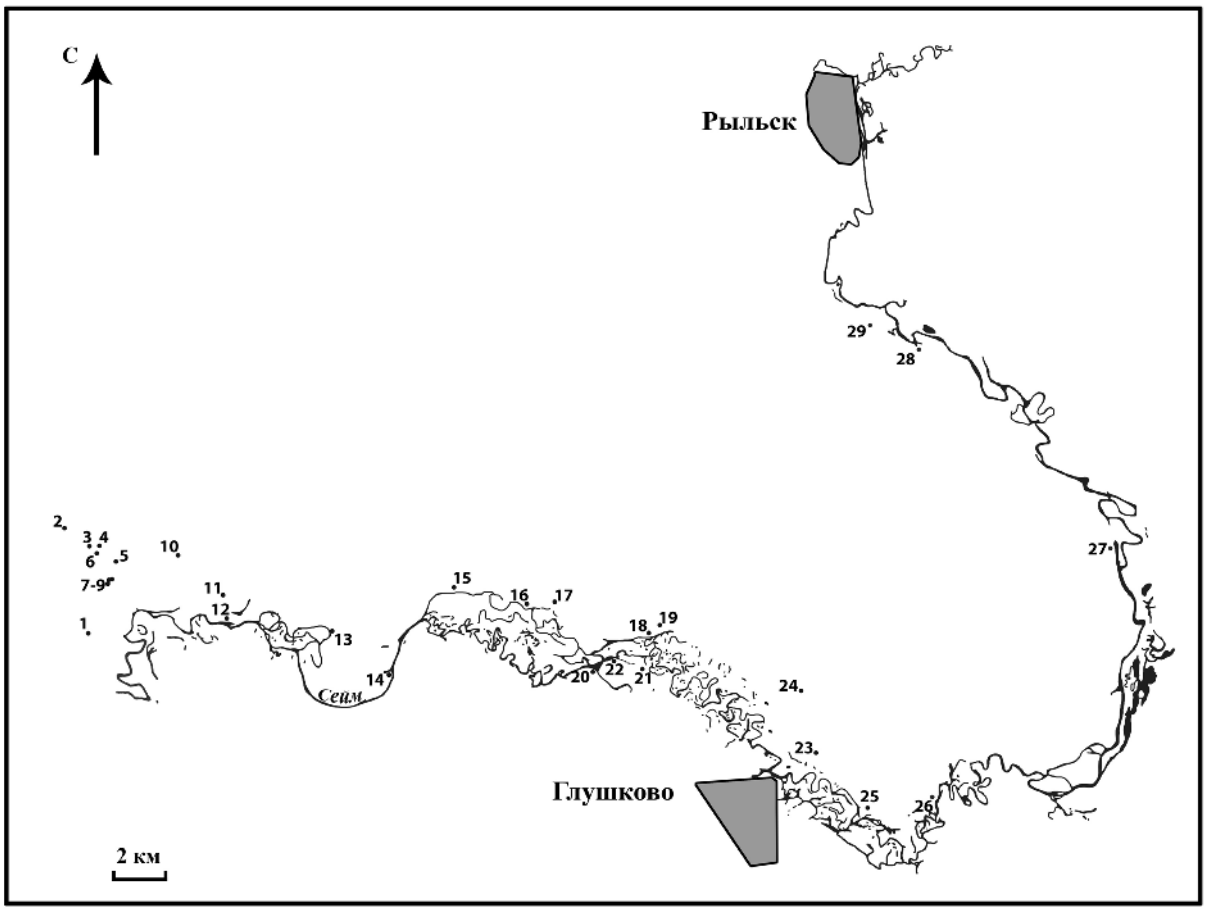


Рис.1

Бронзовые изделия круга выемчатых эмалей в бассейне Дона

1 – Головино-1; 2 – Ездочное; 3 – Колесники; 4 – Раковка-1; 5 – Родной Край; 6 – Терновка-2; 7 – Шишино-5; 8 – Аннинский р-н; 9 – Бобровский р-н; 10 – Журавка (Лукьянчиков); 11 – Замятино-5; 12 – Замятино-Юрьево; 13 – Затишье; 14 – Землянск; 15 – Конь-Колодезь; 16 – Красивая Меча-1; 17 – Ксизово; 18 – Ксизово-17; 19 – Ксизово-18; 20 – Ксизово-19; 21 – Мухино-2; 22 – Мухино-9; 23 – Нелжа; 24 – Нижнее Казачье-10; 25 – Паниковец-1; 26 – Семилуки; 27 – Сторожевое; 28 – Терновое; 29 – Труд; 30 – Борисоглебское-4; 31 – Борисоглебск; 32 – Богатырка; 33 – Васильевка; 34 – Духовое; 35 – Звягинцево; 36 – Инясево; 37 – Красноармейский; 38 – Малык; 39 – Нижний Карачан; 40 – Пески; 41 – Подгорное-2; 42 – Разнобрычка; 43 – Рассказань-3; 44 – Репное; 45 – Шапкино-1; 46 – Шапкино-2

Рис.2
Бронзовые изделия круга выемчатых
эмалей с постзарубинецких памятников Северского Донца

1 – Головино-1; 2-5 – Шишино-5, клад, 6 - Ездочное-1

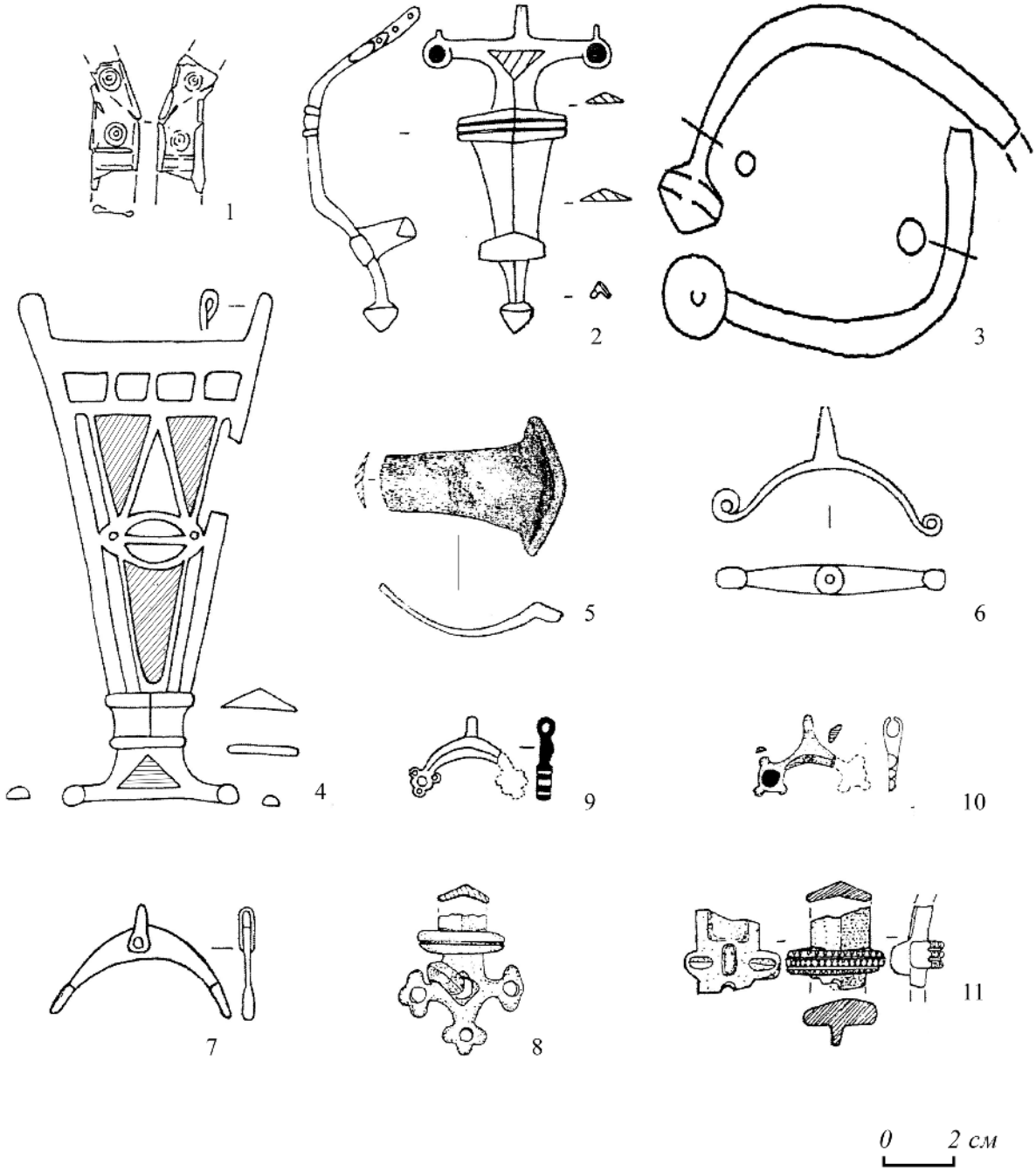


Рис.3
Находки изделий круга выемчатых
эмалей с постзарубинецких памятников Северского Донца

1 – Терновка-2, постройка 2 (по: Обломский А.М., 1990. Рис. 10: 27); 2, 3 – Головино-1, слой (по: Обломский А.М. 1991. Рис. 2: 15; 16:1); 4-6 – Ездочное-1: объект 1 (по: Зиньковская И.В., Медведев А.П. 2005. Рис. 4: 12; 5); 7 – Родной Край; 8-11 – Колесники (по: Любичев М.В. 2019. Рис. 20)

ГЛИНЯНЫЕ ПРЯСЛИЦА КИЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ХОТЫЛЕВО 2 В 2018-2020 ГГ.

© 2023 г. Н.Г. Рябчевский

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск

В статье рассматриваются экземпляры керамических пряслиц, обнаруженные в 2018-2020 гг. на поселении Хотылево 2 во время проведения археологических раскопок, их типы и обращается внимание на мелкие детали. В результате проведенного исследования, все экземпляры, вероятнее всего, можно отнести к деснинскому варианту киевской культуры. Также предлагается расширить типологию низких биконических пряслиц и ввести две подгруппы в варианте 2. Более подробное описание, обращение внимания на мелкие детали, а также расширенная типология в дальнейшем, вероятнее всего, поможет более точно проследить ареал распространения подобных пряслиц, а также проследить этнокультурные связи с соседними локальными группами.

Ключевые слова: поселение Хотылево 2, киевская археологическая культура, Среднее Подесенье, позднеримский период, пряслица.

CLAY SPINDLE WHORLS OF KIEV CULTURE FROM EXCAVATIONS ON THE SETTLEMENT KHOTYLEVO 2 IN 2018-2020

© 2023 N.G. Ryabchevsky

The article examines the specimens of ceramic spindle whorls discovered in 2018-2020 at the settlement of Khotylevo 2 during archaeological excavations, their types and draws attention to their small details. As a result of the conducted research, all the specimens can most likely be attributed to the Desna variant of the Kiev archaeological culture. It is also proposed to expand the typology of low biconic spindle whorls and introduce two subgroups in option 2. A more detailed description, paying attention to small details, as well as an expanded typology in the future, will most likely help to more accurately trace the distribution area of such spindle whorls, as well as trace ethnocultural ties with neighboring local groups.

Keywords: settlement Khotylevo-2, Kiev archaeological culture, Middle Desna area, late Roman times, spindle whorls.

В 2018-2020 гг. были возобновлены работы, после перерыва в несколько лет, на западной окраине с. Хотылево на верхнем слое стоянки «Кладбищенская балка», более известного как Хотылево 2. Верхний культурный слой памятника относится к киевской археологической культуре. За три года удалось изучить 326 кв.м верхнего культурного слоя (Рис. 1) раскопами «Г» 2018 г. (60 кв. м) (Гаврилов и др., 2019. С. 32 – 34), «Д» 2019 г. (178 кв. м) (Шинаков и др., 2020. С. 28-39) и «Д» 2020 г. (88 кв. м.) (Рябчевский и др., 2021. С. 37-41). В результате была обнаружена и исследована юго-восточная часть жилой зоны поселения III – V вв. н.э. и сделано достаточно большое количество находок (Рябчевский, 2020. С. 276 – 279; Рябчевский, 2022. С. 179-182; Рябчевский, Гурьянов, 2023. С. 69–81). Одну из групп вещей представляют керамические пряслица, которые являются неотъемлемой частью находок на поселениях киевской археологической культуры.

Для пряслиц, найденных на памятниках I-V веков н.э., А.М. Обломским была разработана типология, в которой он выделил девять типов рассматриваемых находок для памятников указанного периода (Обломский, 1991. С. 104, 107, Рис. 32, 1-12,12а). В киевской археологической культуре А.М. Обломский выделяет три основных типа пряслиц, сделанных из глины – низкие биконические, средние биконические и высокие биконические. Однако встречаются и глиняные шарообразные, усеченно-конические, бочонковидные, из стенок сосудов, и сделанные из мергеля (но только «в

виде исключения»). (Памятники …, 2007. С. 30-31). Низкие биконические пряслица с широким отверстием чаще всего встречаются в Подесенье и лесном Поднепровье, хотя и имеют распространение во всех локальных вариантах киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992. С. 63-64). О.А. Шарова, в результате проведенного тщательного исследования, рассмотрела более мелкие признаки данных керамических изделий I тысячелетия н.э., отметила, что преобладают «глиняные усеченно-биконические пряслица» и объединяет их в «два больших массива» (Шарова, 1995. С. 52). К первому «массиву», по результатам ее исследования, она относит Верхнее Поочье и Верхнее Поднепровье, а ко второму – днепровское лесостепное левобережье и Верхнее Подонье (Шарова, 1995. С. 52). По О.А. Шаровой, для первой группы характерны «пряслица с четкими заостренными формами, вогнутыми гранями, часто присутствует лощение. Эти пряслица низкие (диаметр больше высоты) с большим отверстием» (Шарова, 1995. С. 52). Таким образом, эту группу можно сопоставить с низкими биконическими (тип 5) по типологии А.М. Обломского. Ко второй группе О.А. Шарова относит пряслица, которые «имеют нечеткие, закругленные детали оформления, менее тщательно обработанные поверхности. Они более массивные, высокие, с узким отверстием». (Шарова, 1995. С. 52). Т.е. вторую группу пряслиц можно сопоставить с высокими биконическими (тип 7) и средними биконическими (тип 6) по типологии А.М. Обломского. Также О.А. Шарова расширила разработанную методику подробного описания признаков пряслиц и выделила территориально-хронологические группы памятников, на которых в большей степени встречаются те или иные экземпляры (Шарова, 2004. С. 65-72). Она также отметила, что в Подесенье, и в целом в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы встречаются пряслица двух традиций (Шарова, 2004. С. 72)

Низкие биконические пряслица, обнаруженные в 2018-2020 гг., вероятнее всего, в большей степени относятся к деснинскому варианту киевской культуры, хотя и распространены во всех ее локальных вариантах (Гаврилов и др., 2018. С. 172). Целые и фрагментированные экземпляры, обнаруженные в результате раскопок 2018-2020 гг., представлены только керамическими с примесями мелкого шамота, мелкого, иногда относительно крупного песка, кварцевого песка и видимых примесей органики. Всего за три года исследований обнаружено 26 экземпляров рассматриваемых находок.

Большинство обнаруженных пряслиц относится к типу 5 (низкие биконические) (по типологии А.М. Обломского, 1991. С. 104, 105), которые представляют собой чернолощеные (Рис. 2: 3; Рис. 3: 2,4; Рис. 5: 4-6), серолощеные (Рис. 2: 2,7; Рис. 4: 1-4; Рис. 5: 2; Рис. 6: 1,3), подлощеные (Рис. 5: 1), с заглаженной поверхностью (Рис. 2: 1,6; Рис. 3: 3; Рис. 5: 3; Рис. 6: 2,4,5), с заглаженной поверхностью и со следами лощения (Рис. 2: 4,5; Рис. 3: 1). Некоторые из них имеют вогнутые (Рис. 4: 1; Рис. 5: 1,4,5,6), слегка вогнутые боковые грани (Рис. 3: 2; Рис. 4: 2,4; Рис. 5: 3; Рис. 6: 2-5) или вогнутую одну боковую грань (Рис. 4:3), несколько экземпляров имеют вогнутые (воронковидные) основания (Рис. 3: 2,4) или одно основание вогнуто, второе плоское (Рис. 4: 1,2; Рис. 5: 1,6), оба плоских основания (Рис. 2: 1-5,7; Рис. 3: 1,3; Рис. 4: 3,4; Рис. 5: 2-5; Рис. 6: 1,3,5), оба основания слегка закруглены (Рис. 2: 6; Рис. 6: 2,4), ребро закруглено (Рис. 5: 2,5,6), ребро ассиметрично основаниям (Рис. 5: 6), ровные боковые грани (Рис. 2: 2-7; Рис. 3: 1,3,4; Рис. 5: 2,5; Рис. 6: 1). Один фрагмент чернолощеного пряслица имеет накольчатый (точечный) орнамент (Рис. 3: 4), одно с верхним воронковидным основанием (Рис. 5: 1) с вогнутыми гранями и, вероятнее всего, отверстие было сделано уже после обжига, т.к. внутри есть вертикальные следы «прорезания» (внутренний диаметр отверстия 8,5 мм, внешний 12 мм). Еще одно пряслице (Рис. 5: 2) низкое биконическое, вероятнее всего может говорить о связях с другими локальными вариантами киевской культуры или населением днепровского лесостепного левобережья. Оно хоть и заглажено, имеет плоские основания, но ребро закруглено, отверстие более узкое (12 мм) относительно диаметра (35 мм), высота 17,5 мм, изготовлено довольно грубо и с довольно крупным

(относительно других экземпляров) шамотом в тесте, с утолщенными стенками. По О.А. Шаровой его можно отнести ко второй группе. Пряслица данной группы «имеют нечеткие, закругленные детали оформления, менее тщательно обработанные поверхности». Они более массивные, высокие, с узким отверстием. (Шарова, 1995. С. 52). Однако не исключено, что это пряслице может относиться к раннему железному веку. Или же на его форму и грубое исполнение могли повлиять человеческий фактор или внешнее влияние, т.к. по своим размерам оно четко относится к низким биконическим пряслицам варианта 1.

Полный диаметр найденных низких биконических пряслиц варьируется от 22 мм до 35 мм, высота от 10 мм до 17,5 мм, диаметр отверстия от 11 мм до 16,5 мм.

По типологии А.М. Обломского (Памятники…, 2007. С. 30-31), низкие биконические пряслица делятся на два варианта. Вариант 1 – «пряслица, у которых диаметр максимального расширения в 2 раза больше высоты». Вариант 2 – «пряслица, диаметр наибольшего расширения которых больше, чем в 2 раза превышает высоту» (Памятники…, 2007. С. 30-31).

В результате тщательного исследования обнаруженных пряслиц на поселении Хотылево 2 из раскопов 2018-2020 гг. предлагается расширить типологию варианта 2 и ввести следующее. Вариант 2 подгруппа А – пряслица, высота которых более, чем в 2 раза меньше полного диаметра. Вариант 2 подгруппа Б – пряслица, высота которых на 5 и более мм меньше половины полного диаметра.

В итоге на поселении Хотылево 2 было обнаружено 5 экземпляров низких биконических пряслиц варианта 1 (Рис. 2: 2, 4; Рис. 3: 1,2; Рис. 5: 2), 14 экземпляров варианта 2А (Рис. 2: 1,6; Рис. 3: 3,4; Рис. 4: 1-3; Рис. 5: 1,3,6; Рис. 6: 1,2,4,5) и 7 экземпляров варианта 2Б (Рис. 2: 3,5,7; Рис. 3: 2; Рис. 5: 4,5; Рис. 6: 3). Пряслица варианта 1, с воронковидными (вогнутыми) основаниями, распространенные в быту киевской культуры, вероятно «являются результатом влияния черняховских традиций на восточные регионы киевской культуры» (Памятники…, 2007. С. 32; Магомедов, 1990. С. 164). Пряслица варианта 2 хоть и встречаются на всех памятниках киевской культуры, однако большинство их происходит с ареала ее деснинского варианта (Памятники…, 2007. С. 32).

Таким образом, все обнаруженные экземпляры глиняных пряслиц можно отнести к деснинскому варианту киевской культуры. Однако самые широкие отверстия некоторых экземпляров (например, Рис. 2: 1) могут быть отличительным признаком локального варианта. Потертости граней говорят нам о довольно долгом использовании данных изделий (например, Рис. 2: 3, Рис. 4: 2, Рис. 5: 6). Дополненная типология вариантов низких биконических пряслиц, при тщательном исследовании экземпляров с памятников киевской культуры, их статистика, а также, если обращать внимание на основания и боковые грани (т.е. вогнуты они, плоские или закруглены, или же только одна грань, или одно основание вогнуто или закруглено, а вторая грань или основание плоские), в дальнейшем, вероятнее всего, поможет более точно проследить ареал их распространения и связи с соседними локальными группами, а возможно и более четкое понимание преемственности традиций. Конечно, подобное исследования пряслиц нужно провести с экземплярами с разных памятников разных вариантов киевской культуры.

КАТАЛОГ

Пряслица из раскопа «Г» 2018 г.

1. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 2: 1). Ширина фрагмента и полный реконструированный диаметр 33 мм, высота 14,5 мм, диаметр отверстия 16,5 мм. Примеси – мелкий шамот и мелкий песок. Цвет – серый, бежевый. Поверхность заглажена. Грани четкие, острые, боковые грани слегка вогнуты, основания плоские. Место находки: пласт-1, кв. Е-8, глубина -123 см от условного нуля[1].

2. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 2: 2). Ширина фрагмента 11 мм, полный реконструированный диаметр 23 мм, высота 11 мм, диаметр отверстия 11 мм. Примеси – мелкий шамот и мелкий песок. Поверхность серолощеная. Цвет – серый, коричневый. Грани четкие, острые, основания плоские. Место находки: пласт-1, кв. Е-8, глубина -118 см от условного ноля.

3. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 2: 3). Ширина фрагмента 18 мм, полный реконструированный диаметр 27 мм, высота 11 мм, диаметр отверстия 13 мм. Примеси – мелкий шамот и мелкий песок. Поверхность чернолощеная. Цвет – черный, серый. Потертости на ребре и нижнем основании. Грани четкие, острые, основания плоские. Место находки: пласт-1, кв. Д-6, глубина -102 см от условного ноля.

4. Пряслице биконическое глиняное (Рис. 2: 4). Полный диаметр 19,5 мм, высота 11 мм, диаметр отверстия 10,5 мм. Примеси – мелкий шамот и мелкий песок. Цвет – темно-серый. Поверхность заглажена, местами подлощеная. Есть потертости. Грани четкие, острые, основания плоские. Место находки: пласт-1, кв. Д-6, глубина -98 см от условного ноля.

5. Пряслице биконическое глиняное (Рис. 2: 5). Полный диаметр 30 мм, высота 11 мм, диаметр отверстия 14,5 мм. Примеси – мелкий шамот и мелкий песок. Цвет – серый, коричневый. Поверхность заглажена, местами подлощеная. Грани четкие, острые, основания плоские. Место находки: пласт-2, кв. Б-6, глубина -66 см от условного ноля.

6. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 2: 6). Ширина фрагмента 12 мм, полный реконструированный диаметр 24,5 мм, высота 10 мм, диаметр отверстия 14 мм. Примеси – мелкий шамот и мелкий песок. Цвет – темно-серый. Поверхность заглажена. Грани четкие, основания слегка закруглены. Место находки: пласт-3, кв. А-5, глубина -64 см от условного ноля.

7. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 2: 7) Ширина фрагмента 19 мм, полный реконструированный диаметр 26 мм, высота 10 мм, диаметр отверстия 14 мм. Примеси – мелкий шамот и мелкий песок. Цвет – серый. Поверхность серолощеная. Грани четкие, острые, основания плоские. Место находки: пласт-3, кв. А-6, глубина -69 см от условного ноля.

Пряслица из раскопа «Д» 2019 г.

1. Пряслице биконическое глиняное (Рис. 3: 1). Полный диаметр 22 мм, высота 12 мм, диаметр отверстия 13 мм. Примеси – мелкий шамот и мелкий кварцевый песок. Цвет – коричневый. Поверхность заглажена, местами подлощеная. Грани четкие, острые, основания плоские. Место находки: сектор-1, пласт-1, кв. 3, глубина -114 см от временного репера[2].

2. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 3: 2). Ширина фрагмента 29 мм, полный реконструированный диаметр 32 мм, высота 13 мм, диаметр отверстия 14 мм. Примеси – мелкий шамот и мелкий песок. Цвет – коричневый. Поверхность чернолощеная. Грани четкие, слегка закруглены, боковые грани и основания слегка

1 За условный ноль в 2018 году был принят северо-западный угол раскопа «Г», который расположен на высоте +2,55 м от общего репера.

2 Высота временного репера 2019-2020 гг. от общего репера +3,48 м.

вогнуты. Место находки: сектор-1, пласт-2, кв. 12, глубина -155 см от временного репера.

3. Пряслице биконическое глиняное (Рис. 3: 3). Полный диаметр 27 мм, высота 12 мм, диаметр отверстия 14 мм. Примеси – мелкий шамот. Цвет – серый, бежевый. Поверхность заглажена, имеются сколы, потертости. Грани четкие, острые, основания плоские. Место находки: сектор-1, прирезка-1, пласт-2, кв. 5', глубина -119 см от временного репера.

4. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 3: 4). Ширина фрагмента 20,5 мм, полный реконструированный диаметр 25,5 мм, высота 12 мм, диаметр отверстия 14 мм. Примеси – мелкий шамот и мелкий песок. Цвет – черный. Поверхность чернолощеная с накольчатым орнаментом. Грани четкие, острые, верхнее основание вогнуто, нижнее слегка вогнуто. Место находки: сектор-4, пласт-1, кв. 33, глубина -219 см от временного репера.

5. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 4: 1). Ширина фрагмента 22 мм, полный реконструированный диаметр 31 мм, высота 13,5 мм, диаметр отверстия 14,5 мм. Примеси – мелкий шамот и мелкий кварцевый песок. Цвет – серый. Поверхность серолощеная. Грани четкие, острые, боковые грани вогнуты, одно основание слегка вогнуто, второе плоское. Место находки: сектор-1, объект-4 (постройка), кв. 11, глубина -142 см от временного репера.

6. Пряслице биконическое глиняное (Рис. 4: 2). Ширина фрагмента 22 мм, полный реконструированный диаметр 31 мм, высота 13,5 мм, диаметр отверстия 14,5 мм. Примеси – мелкий шамот и мелкий кварцевый песок. Цвет – серый, бежевый. Поверхность серолощеная. Грани потертые, вероятнее всего были острые, боковые грани слегка вогнуты, одно основание слегка вогнуто, второе плоское. Место находки: прирезка-1, объект-3 (постройка), кв. 5', глубина -146 см от временного репера.

7. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 4: 3). Ширина фрагмента 18 мм, полный реконструированный диаметр 28 мм, высота 12 мм, диаметр отверстия 11 мм. Примеси – мелкий шамот, мелкий кварцевый песок и органика. Цвет – серый, бежевый. Поверхность серолощеная с потертостями. Грани четкие, потертые, острые, нижняя боковая грань слегка вогнута, основания плоские. Место находки: сектор-1, объект-2 (постройка), кв. 8, глубина -177 см от временного репера.

8. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 4: 4). Ширина фрагмента 14,5 мм, полный реконструированный диаметр 24 мм, высота 11,5 мм, диаметр отверстия 12 мм. Примеси – мелкий шамот и мелкий кварцевый песок. Цвет – серый, бежевый. Поверхность серолощеная. Грани четкие, острые, боковые грани слегка вогнуты, основания плоские, нижнее основание потертое. Место находки: прирезка-1, объект-3 (постройка), кв. 5, глубина -132 см от временного репера.

9. Пряслице биконическое глиняное (Рис. 5: 1). Полный диаметр 32 мм, высота 14 мм, диаметр отверстия в центре 8,5 мм, диаметр отверстия по краям 12 мм (возможно отверстие было проделано после обжига, т.к. внутри есть вертикальные следы «прорезания»). Примеси – мелкий шамот, мелкий песок и органика. Цвет – серый, бежевый. Поверхность подлощеная. Грани четкие, потертые, острые, боковые грани вогнуты, одно основание слегка вогнуто, второе плоское. Место находки: сектор-2, объект-7 (промоина из объекта-2 (постройка) или вход (?), однако в объекте-7 расположены остатки хозяйственной ямы), кв. 19, глубина -187 см от временного репера.

10. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 5: 2) Ширина фрагмента 32 мм, полный реконструированный диаметр 35 мм, высота 17,5 мм, диаметр отверстия 12 мм. Примеси – крупный шамот. Цвет – серый, коричневый. Поверхность заглажена, местами серолощеная. Грани оснований четкие, острые, ребро закруглено, основания плоские. Место находки: прирезка-3, объект-17 (постройка), кв. 33', глубина -238 см от временного репера.

11. Пряслице биконическое глиняное (Рис. 5: 3). Полный диаметр 22 мм, высота

10 мм, диаметр отверстия 12 мм. Примеси – мелкий шамот и мелкий кварцевый песок. Цвет – темно-серый. Поверхность заглажена. Грани четкие, острые, боковые грани слегка вогнуты, основания плоские. Место находки: сектор-3, объект-8 (постройка), кв. 18, глубина -198 см от временного репера.

12. Пряслице биконическое глиняное (Рис. 5: 4). Полный диаметр 29 мм, высота 11 мм, диаметр отверстия 13 мм. Примеси – мелкий шамот и мелкий песок. Цвет – черный, серый. Поверхность чернолощеная. Грани четкие, острые, боковые грани вогнуты, есть потертости, основания плоские. Место находки: сектор-4, объект-17 (постройка), кв. 32, глубина -234 см от временного репера.

13. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 5: 5). Ширина фрагмента 17 мм, высота фрагмента 8,5 мм, полный реконструированный диаметр 29 мм, реконструированная высота 10,5 мм, диаметр отверстия 12,5 мм. Примеси – крупный шамот. Цвет – черный. Поверхность чернолощеная. Грани оснований четкие, острые, ребро закруглено, основание плоское. Место находки: сектор-4, объект-17 (постройка), кв. 33, глубина -248 см от временного репера.

14. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 5: 6). Ширина фрагмента 22 мм, полный реконструированный диаметр 30 мм, высота 13 мм, диаметр отверстия 14 мм. Примеси – мелкий шамот, мелкий песок. Цвет – черный, серый. Поверхность чернолощеная. Грани слегка закруглены, потертые (возможно, были острые), боковые грани вогнуты, одно основание слегка вогнуто, второе плоское, ребро слегка ассиметрично основаниям. Место находки: прирезка-3, объект-17 (постройка), кв. 40, глубина -276 см от временного репера.

Пряслица из раскопа «Д» 2020 г.

1. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 6: 1). Ширина фрагмента 13 мм, полный реконструированный диаметр 28 мм, высота 12,2 мм, диаметр отверстия 12,5 мм. Примеси – мелкий шамот, мелкий кварцевый песок. Цвет – черный, серый. Поверхность серолощеная. Грани четкие, острые, потертые, боковые грани ровные, основания плоские. Место находки: сектор-6, пласт-2, кв. 56, глубина -187 см от временного репера.

2. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 6: 2). Ширина фрагмента 15,5 мм, полный реконструированный диаметр 25 мм, высота 11,5 мм, диаметр отверстия 13,5 мм. Примеси – мелкий шамот, мелкий кварцевый песок. Цвет – черный, серый. Поверхность заглажена. Грани четкие, потертые, острые, боковые грани слегка вогнуты, основания закруглены. Место находки: сектор-6, пласт-2, кв. 56, глубина -191 см от временного репера.

3. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 6: 3). Ширина фрагмента 23 мм, полный реконструированный диаметр 29 мм, высота 10,5 мм, диаметр отверстия 14 мм. Примеси – мелкий шамот, мелкий песок. Цвет – серый. Поверхность серолощеная. Грани четкие, острые, ребро потертое, боковые грани слегка вогнуты, основания плоские. Место находки: сектор-4, объект-4 (постройка), кв. 44, глубина -177 см от временного репера.

4. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 6: 4). Ширина фрагмента 18 мм, высота фрагмента 8,5 мм, полный реконструированный диаметр 27 мм, высота 12 мм, диаметр отверстия 14 мм. Примеси – мелкий шамот, крупный песок. Цвет – темно-серый. Поверхность заглажена. Грани потертые, слегка закруглены, боковая грань слегка вогнута, основания закругленны. Место находки: сектор-6, объект-28 (столбовая яма, относящаяся к объекту-21 (постройка), кв. 54, глубина -220 см от временного репера.

5. Пряслица биконического глиняного фрагмент (Рис. 6: 5). Ширина фрагмента 18,5 мм, полный реконструированный диаметр 27 мм, высота 12,7 мм, диаметр отверстия 13 мм. Примеси – мелкий шамот, мелкий песок. Цвет – коричневый, серый. Поверхность заглажена. Грани четкие, потертые, вероятно были острые, боковые грани слегка вогнуты,

основания плоские, потертые. Место находки: сектор-5, объект-19 (хозяйственная яма). Фрагмент пряслица обнаружен в процессе камеральной обработки, поэтому нет номера квадрата и глубины.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Гаврилов К.Н., Гурьянов В.Н., Рябчевский Н.Г. Раскопки слоя киевской культуры на стоянке Хотылёво 2 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. Липецк, Воронеж, 2019.

Гаврилов К.Н., Гурьянов В.Н., Чубур А.А., Шинаков Е.А. Материалы киевской культуры поселения Хотылёво-2 // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Ин-т археологии РАН, Гос. истор. музей; отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018.

Магомедов Б.В. Производственный и бытовой инвентарь, предметы убора, оружие. В гл. Этнокультурные процессы во второй четверти I тыс. н.э. на территории Восточной Европы. // Славяне Юго-восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днеправ и Дона в I-V вв. н.э. М., 1991.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III–начало V в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007.

Рябчевский Н.Г. Исследования эталонного памятника киевской культуры Хотылево 2 в Брянском Подесенье // Актуальная археология 5. Материалы Международной научной конференции молодых ученых; ИИМК РАН. СПб, 2020.

Рябчевский Н.Г. Раскопки верхнего слоя стоянки «Кладбищенская балка» (Хотылёво 2) В 2020 г. // АКТУАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ 6. Материалы международной научной конференции молодых ученых. СПб, 2022.

Рябчевский Н.Г., Гурьянов В.Н. Постройки киевской культуры на поселении Хотылёво-2 раскопки 2019–2020 гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. №1. 2023.

Рябчевский Н.Г., Гурьянов В.Н., Гаврилов К.Н. Раскопки слоя киевской культуры стоянки Кладбищенская балка // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020 / Отв. ред.-сост. М.В. Ивашов. Липецк, Воронеж, 2021.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры (Свод археологических источников). Киев, 1992.

Шарова О.А. Глиняные пряслица почепского селища и две традиции в изготовлении пряслиц I тыс. н.э. // Деснинские древности. Сборник материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. Брянск, 1995.

Шарова О.А. Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в 1-м тыс. н.э. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Материалы VI научной конференции. 28 февраля – 3 марта 1995. Калуга, 2004.

Шинаков Е.А., Рябчевский Н.Г., Гурьянов В.Н., Гаврилов К.Н. Исследования поселения киевской культуры Хотылево 2 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2019 / Отв. ред.-сост. М.В. Ивашов. Липецк, Воронеж, 2020.

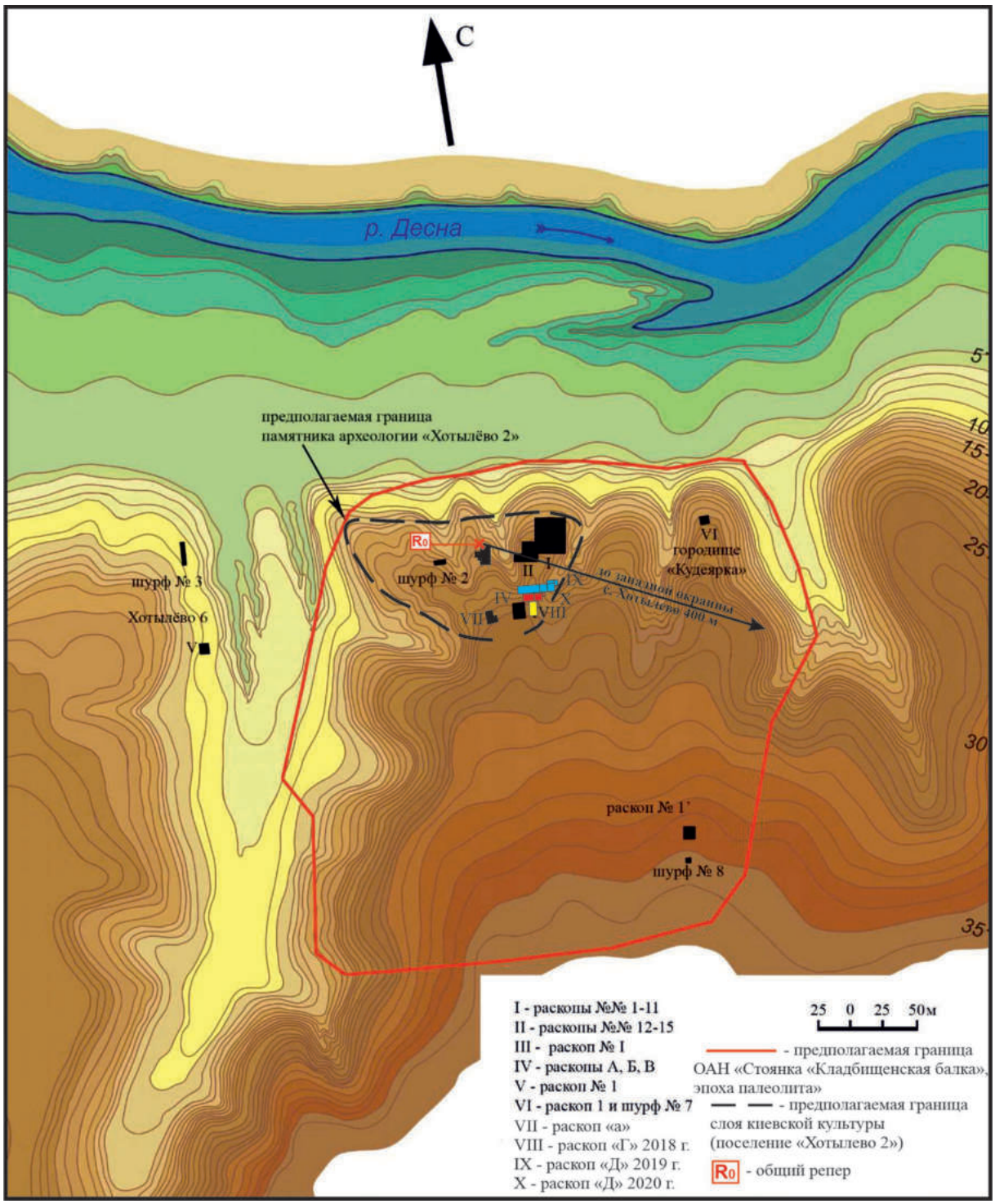


Рис.1

Топографический план стоянки «Кладбищенская балка» (Хотылево 2), с указанием предположительных границ памятника, границ слоя киевской культуры, раскопов и общего репера. (Инструментальная съемка Ю.Н. Грибченко).

Сечение горизонталей через 1 м.

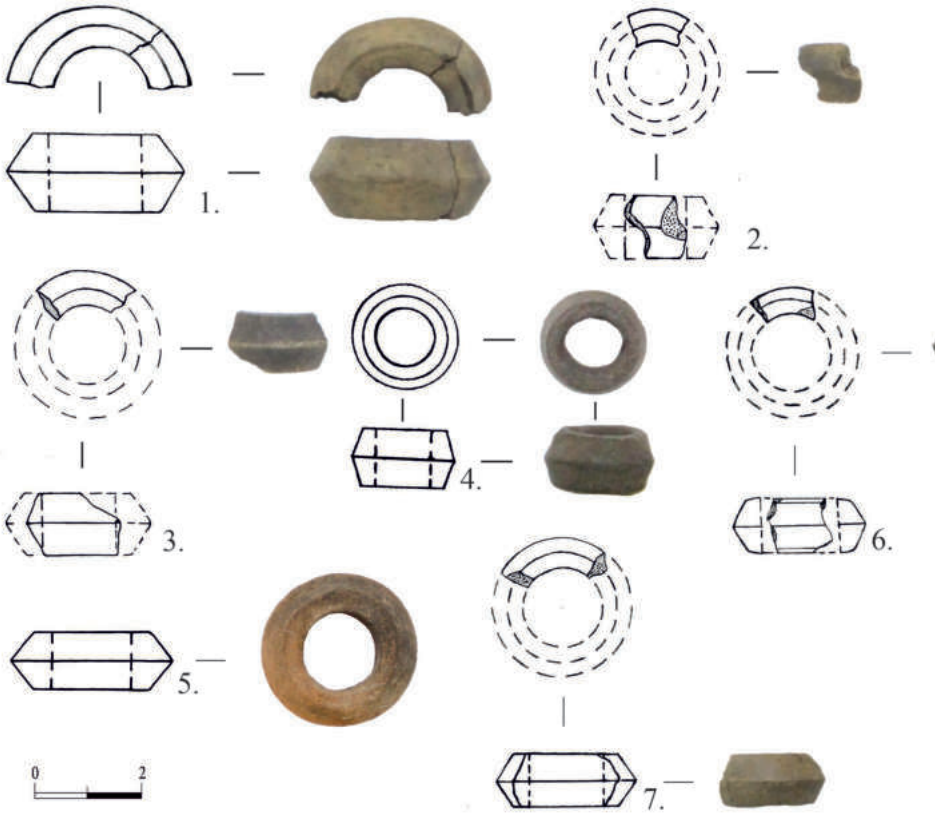


Рис.2

Керамические пряслица из раскопа «Г» 2018 г.
(1-4 – пряслица из пласта-1, 5 – пряслице из пласта-2, 6-7 – пряслица из пласта-3).

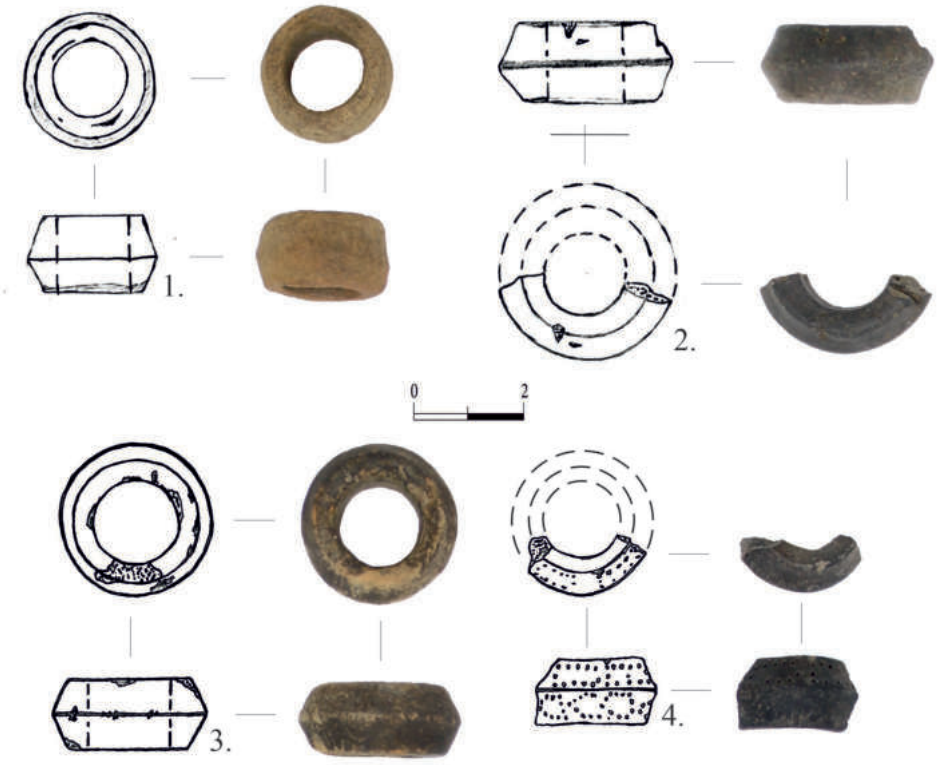


Рис.3

Керамические пряслица из раскопа «Д» 2019 г.
(1, 4 – пряслица из пласта-1, 2-3 – пряслица из пласта-2).

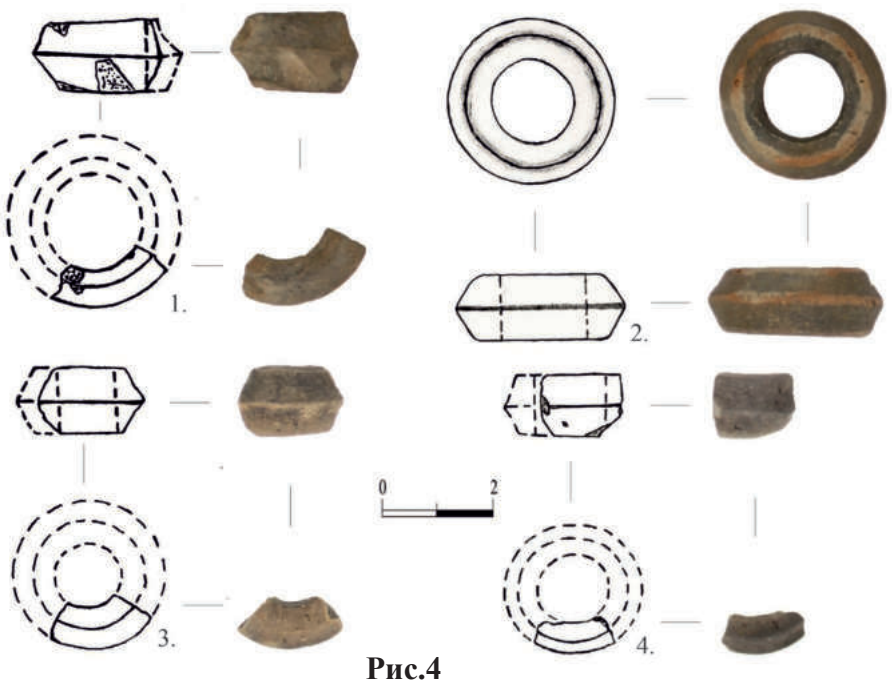


Рис.4

Керамические пряслица из раскопа «Д» 2019 г. (1 – пряслице из объекта-4 (постройка), 2, 4 – пряслица из объекта-3 (постройка), 3 – пряслице из объекта-2 (постройка)).

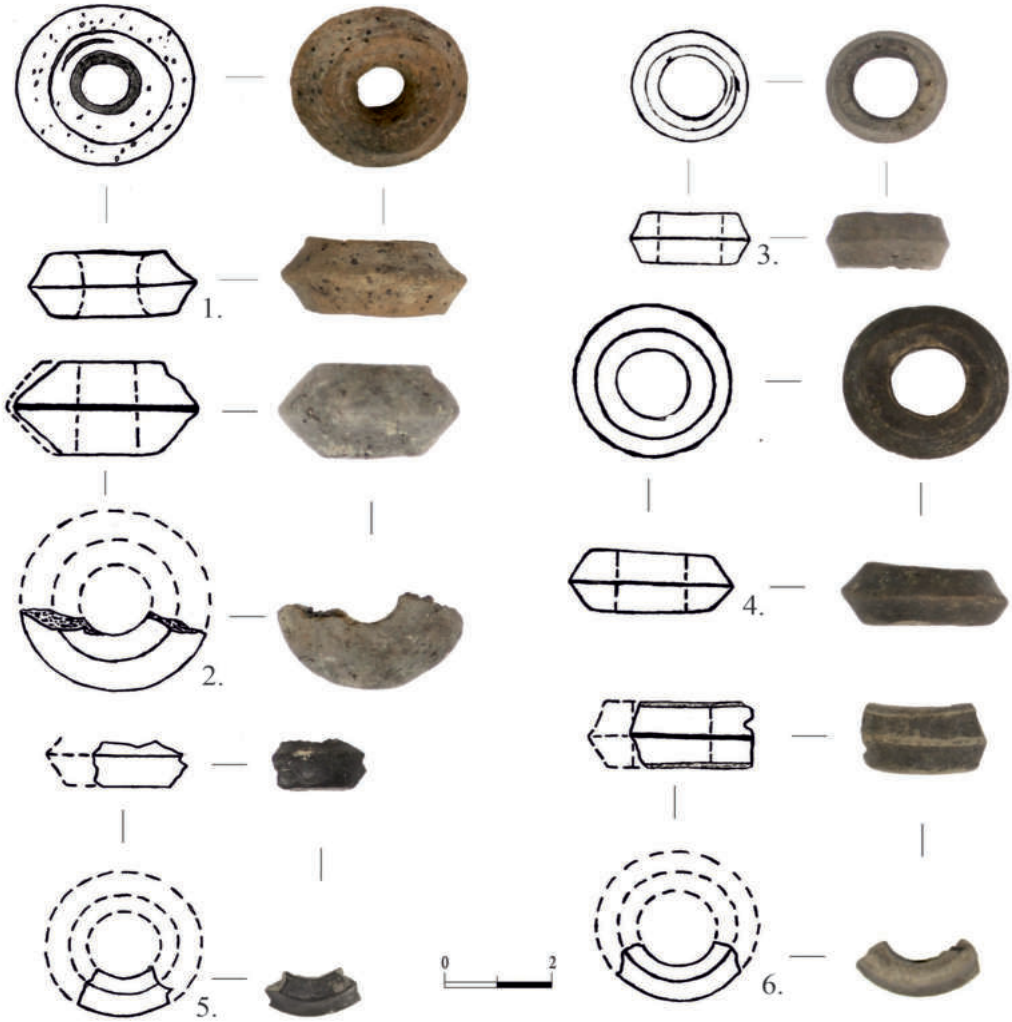


Рис.5

Керамические пряслица из раскопа «Д» 2019 г.
(1 – пряслице из объекта-7, 3 – пряслице из объекта-8 (постройка), 2, 4-6 – пряслице из объекта-17 (постройка)).

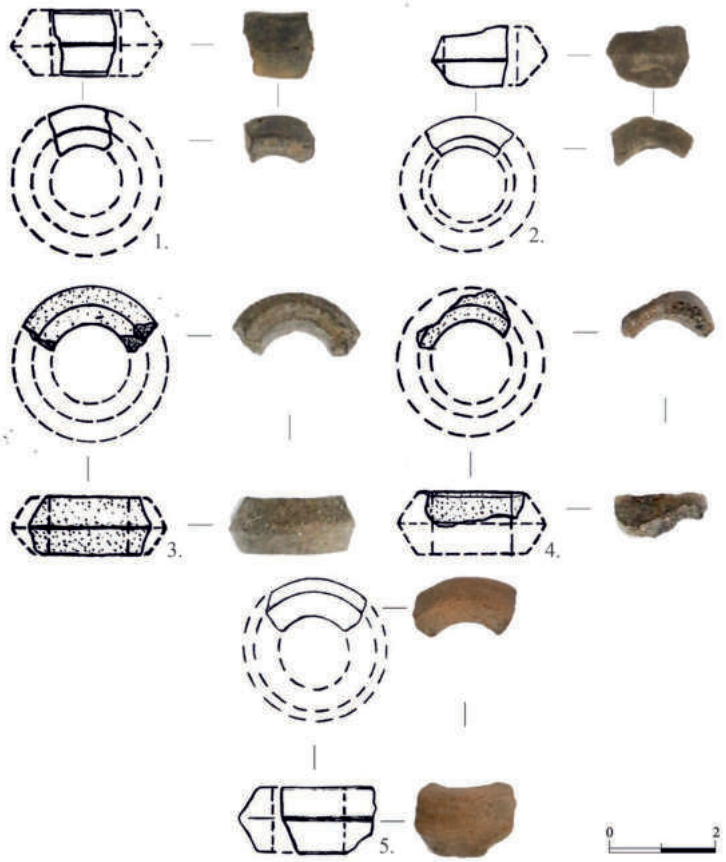


Рис.6
Керамические пряслица из раскопа «Д» 2020 г.
(1-2 – пряслица из пласта-2, 3 – пряслице из объекта-4 (постройка), 4 – пряслице из объекта 28, 5 – пряслице из объекта 19).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ (КОНЕЦ III – НАЧАЛО IV ВВ.)[1]

© 2023 г. Г.Л. Земцов,
Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк
© 2023 г. Д.В. Сарычев
Воронежский государственный университет, Воронеж

В статье рассматривается структура поселений позднеримского времени на Верхнем Дону. Делается вывод о наличии дуально-фратриальной системы общества. Возможно, это объясняет двухкомпонентность материальной культуры поселений.

Ключевые слова: общественные отношения, Верхнее Подонье, позднеримское время, III-IV вв. н.э., киевская культура, черняховская культура, памятники типа Каширки-Седелок

SOCIAL RELATIONS ON THE UPPER DON IN THE LATE ROMAN TIME (END OF III – BEGINNING OF IV CENTURIES)

©2023 G.L. Zemtsov, D.V. Sarychev

The article examines the structure of settlements of late Roman times on the Upper Don. It is concluded that there is a dual-phratry system of society. Perhaps this explains the two-component nature of the material culture of the settlements.

Keywords: social relations, Upper Don region, Late Roman times, III-IV centuries AD, Kiev culture, Chernyakhovskaya culture, monuments of the Kashirka-Sedelok type

В середине-конце III – начале IV вв. на территории Верхнего Подонья функционировали памятники типа Каширки-Седелок. В настоящий момент известно 176 пунктов этой группы, найденных на севере Воронежской, юге Тульской, востоке Орловской и западной половине Липецкой области (Рис. 1). Они представлены исключительно поселениями с тонким культурным слоем, большинство находок обнаружено в заполнении объектов.

В материалах и традициях данной общности фиксируются элементы киевской и черняховской культур. Большинство керамики (80-98% на разных памятниках) находит аналогии на южных поселениях киевской культуры и киевской традиции в черняховской культуре. Домостроительство и расположение поселений, гончарная керамика, предметы быта характерны для черняховской общности. Кроме того, на некоторых памятниках встречается посуда позднескифского облика, которая близка материалам южных черняховских памятников типа Каменки-Анчекрак и поселений хоры Ольвии (Обломский, 1999; Обломский, 2001. С. 129-130).

Все поселения рассматриваемой группы погибли в огне. А.М. Обломский связывает эти события с готскими походами на восток (Обломский, 2008. С. 152; Обломский, 2017. С. 83-84). Нами высказана гипотеза о сожжении поселков самими жителями перед уходом с территории Верхнего Подонья (Земцов, Сарычев, Фабрициус, Гончаров, 2019).

Для поселений характерна усадебная застройка, что подтверждается как результатами разведок, так и раскопок. Судя по распространению подъемного материала, поселения разделяются на участки размерами 30х80 м. Они располагаются на расстоянии

1 Работа выполнена при финансовой поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», проект №14/2022-Р «Поиск раннеславянских археологических памятников в бассейне Дона с помощью геоинформационных технологий и искусственного интеллекта».

40-120 м друг от друга, часто – через незначительные ложбины или овраги (Рис. 2). Хорошо изученное поселение Седелки позволяет понять структуру усадьбы. Она состояла из большого наземного дома и хозяйственных сооружений – построек и немногочисленных ям (Обломский, Терпиловский, 1998). Однако термин «усадьба» для памятников этого типа не совсем точен. На некоторых поселениях изученные участки включали лишь немногочисленные хозяйственные строения, жилище не найдено (Кренке, Ершов, Заидов, Козмирчук, 2010).

Кратковременность памятников позднеримского времени позволяет успешно использовать картографические и палеосоциологические методы для их изучения. Методика подобных исследований разрабатывалась с середины XIX в. Большой вклад в изучение этого вопроса внесли классики антропологии Л.Г. Морган, Э.Б. Тайлор, К. Леви-Строс (Морган, 1935; Тайлор, 1890; Леви-Строс, 2001). В советской этнографии, в рамках концепции исторического материализма, изучению социальных отношений в древности придавалось особенное значение. Данные вопросы изучались в работах В.Р. Кабо, Ю.И. Семенова, Ю.В. Бромлея и других (Кабо, 1986; Семенов, 1974; История первобытного общества, 1986).

В археологии палеосоциологические исследования поселенческих объектов проводятся разными способами. Для древнего периода в большей степени характерно изучение особенностей артефактов (особенно керамики) и их распространение (Борзунов, 1992. С. 143; Рыжкова, 1993). Для более поздних эпох на первый план выходит рассмотрение заселенности территории и планировки поселений (Баран, 2004; Терпиловский, 2004. С. 82-86; Обломский, 2007. С. 12 и др.).

Для изучения эпохи Великого переселения народов вполне применима методика, разработанная В.С. Бузиным. Ее смысл – сопоставление поселений как структуры, состоящей из различных элементов-объектов с социальными категориями. Автор рассматривает три структуры – очаг, жилище и поселение, не учитывая более крупные образования (Бузин, 1990. С. 37-40). Традиционно выделяется три основных уровня социальной структуры: «группа поселений – поселок – усадьба». Применительно к африканскому племени нуэров Э.Э. Эванс-Причард обозначил подобные сегменты как первичный, вторичный и третичный отдел общества (Эванс-Причард, 1985. С. 125).

* * *

Рассмотрим три уровня социальной структуры населения, оставившего памятники типа Каширки-Седелок, и найдем им аналогии среди родственных общностей.

1. Первый уровень социальной организации выявляется в результате анализа закономерностей расположения поселений в пределах крупных территорий.

При рассмотрении картографии верхнедонских памятников позднеримского времени, каких-либо зон концентрации поселений не фиксируется (Рис. 1). Учитывая неравномерность археологического изучения региона, можно сделать вывод о достаточно равномерном освоении территории древним населением в пределах своего ареала. На хорошо изученных разведками территориях пункты находятся на равноудаленном расстоянии 5-7 км (вдоль малых рек) или 10-13 км (вдоль крупных рек) (Земцов, Сарычев, 2020. С. 212-213). Большая концентрация памятников в бассейне р. Быстрая Сосна, видимо, связана с внутренней колонизацией данного региона – появлением второго поколения носителей культуры (Земцов, Сарычев, Фабрициус, 2019).

Рассмотрим первичный отдел общества в культурах, близких по материалам и хронологии к группе Каширки-Седелок. Крупные зоны концентрации памятников соответствуют «чифдому» (вождеству), или племени. В позднезарубинецкой культуре выделяется несколько зон концентрации памятников, но плотность поселений крайне низка. Картография скорее свидетельствует о постоянном миграционном процессе, чем о наличии крепких вождеств (которые были характерны для предшествующей, зарубинецкой культуры). Киевская культура менее подвижна, фиксируется несколько групп населения,

которые имели достаточно четкие границы (Обломский, 2007. С. 10-11). Судя по хорошо изученным территориям, поселения концентрировались в «гнезда». Несколько гнезд и ряд обособленных поселений образовывали более крупные зоны концентрации, расстояние между которыми несколько десятков километров (Терпиловский, Абашина, 1992. С. 24-35).

Для черняховской культуры также характерно расположение поселений «гнездами» (Сымонович, 1993. С. 131). Любопытно, что при изучении бассейна среднего Днепра, Р.Г. Шишкин выделяет два способа расположения памятников черняховской культуры – гнездами и цепочкой. В гнезда входило от трех до семи населенных пунктов, расположенных в верховьях и устье ручьев и оврагов через 2-4 км. При этом большей площадью выделяются «главные» поселения (Шишкін, 1999. С. 130-131). Близкий способ освоения небольших речек, ручьев и оврагов характерен и для верхнедонского населения. Их поселки находились у истока, в устье и через 5-6 км друг от друга. В результате внутренней колонизации появлялись новые пункты. «Главных» поселений не выявлено.

2. Второй уровень социальной организации археологически представлен поселками, состоящими из нескольких усадеб. Предполагая проживание малых и больших патриархальных семей в пределах отдельной усадьбы, поселки можно соотнести с родовой (клановой) организацией.

На поселениях типа Каширки-Седелок зафиксировано несколько ярких примеров наличия спаренных памятников, которые находятся на небольшом отдалении друг от друга (0,5-0,7 км) или на разных берегах рек, иногда – крупных (Дон, Красивая Меча).

Объяснение данного феномена может быть связано с делением рода на фратрии. Коллективы с дуально-родовой организацией формируются со времен палеолита, но этнографически не известны (История первобытного общества, 1986. С. 86, 107). А дуально-фратриальная организация в прошлом универсальна и хорошо фиксируется исследователями. Например, данную систему наблюдал К. Леви-Стросс в племени бороро в Бразилии. Интересно, что разделение рода на две фратрии происходило в пределах одного поселения с круговой планировкой и никак не отражалось в расположении домов. Индейцы просто знали о разделении поселка на две половины и соблюдали необходимые правила взаимодействия (Леви-Стросс, 1999. С. 277-282). Археологически подобная структура не может быть зафиксирована.

Фратрии – более или менее обширные совокупности родов, которые никогда не выступали в качестве основной общественной единицы (История первобытного общества, 1986. С. 119). В тоже время, пережитки существования этой организации общества ярко проявляются вплоть до настоящего времени. В качестве примера можно привести традицию проведения кулачных боев между соседними селами. На территории Липецкой области зафиксировано видеосъемкой сражение жителей сел Волотово и Черепянь Лебедянского района, которые находятся на разных берегах реки Дон (Иващенко, 2018. С. 236).

Исследователи редко обращают внимание на расстояние между близкорасположенными поселениями, ограничиваясь указанием на наличие или отсутствия гнезд памятников. Возможно, это стало причиной отсутствия данных о наличии спаренных поселков в древностях киевской и черняховской культур.

3. Наименьшая ячейка социальной структуры верхнедонского общества археологически представлена «усадебным» комплексом, в который входит жилище и хозяйственные сооружения. Жилища представлены наземными постройками каркасно-плетневой конструкции, от которых сохраняются аморфные пятна обожженной глиняной обмазки. 10 выявленных построек по площади можно разделить на 3 группы: малые (13,8-18,5 кв. м.), средние (62,0-84,0 кв. м.) и большие (144 кв. м.). Малые сооружения рассматриваются как навесы или дома малых семей, средние и большие постройки

принято считать местом жизни больших коллективов типа патриархальной семьи (Рикман, 1960. С. 322).

На раннеславянских поселениях I-V вв. (позднезарубинецкая и киевская культуры) не существовало традиции возведения длинных наземных домов, в которых совместно существовала большая семья. Ипользовалось три основных типа планировки. Первый – жилища расположены более или менее компактной группой, а основная масса хозяйственных ям и других сооружений размещена обособленно. Второй тип – жилища расположены менее скученно, а ямы и другие хозяйственные сооружения занимают пространство между ними и вокруг них. Третий – наличие отдельных усадеб-дворохозяйств, включающих одно-два жилища и хозяйственные сооружения, разбросанных на удалении друг от друга (Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990. С. 13-16; Терпиловский, 2004. С. 84).

Традиционно исследователи соотносят первый тип планировки поселений с наличием большой семьи, которая проживает в отдельных жилищах. При этом она может вести общее или раздельное хозяйство, но ее члены обязательно тесно связаны между собой, представляя единую ячейку общества (Народы и религии …, 1998. С. 898). Возникновение второго типа поселений связывается с процессом распада большой семьи: при осуществлении общего хозяйства увеличивается дистанцированность малых семей друг от друга. Третий тип характеризует выделение хозяйственно самостоятельных малых семей (Моця, Терпиловський, 1987). Стоит отметить, что жесткой хронологической сменяемости типов планировочных структур поселений не наблюдается, они сосуществуют на раннеславянских поселениях на протяжении первой половины I тыс. н.э.

Для огромной и полиэтничной черняховской культуры характерны различные типы планировки поселений. Жилища располагаются рядами без выделения индивидуальных комплексов (Баран, 1981. С. 20-23), либо кучно (Сымонович, 1993. С. 131) или бессистемно (Гудкова, 1999. С. 305), поселения делятся на усадьбы (Рейда, Гейко, Сапегін, 2017. С. 92-93). Но, при наличии больших каркасно-плетневых домов, стоит говорить о существовании большой патриархальной семьи. Подобная система аналогична верхнедонской.

* * *

Анализируя зарубинецкую и раннесредневековые славянские культуры, Р.В. Терпиловский делает вывод о сходных формах общественной организации. Он считает, что «тенденции в общественном развитии, возникшие в I-II вв., сохранились вплоть до периода формирования сложных вождеств последней четверти I тыс. н.э., зафиксированных в виде летописных племен (Терпиловский, 2004. С. 86). Заселенность территории и планировка поселений памятников типа Каширки-Седелок имеет существенные отличия от этих тенденций.

Таким образом, на поселениях в подавляющем большинстве обнаружена керамика киевского типа, но остальные элементы культуры (бытовой инвентарь, украшения, домостроительство, традиции месторасположения поселений), включая такой этнически четкий компонент, как социальные отношения, близки к черняховской культуре. Это фиксирует сложность взаимодействия среди варварских народов позднеримского времени, требует дополнительного рассмотрения вопроса взаимодействия киевской и черняховской культуры и критериев выделения данных общностей.

На наш взгляд, материалы памятников типа Каширки-Седелок фиксируют двухкомпонентость происхождения населения, но не его состав. Интересно, что гончарная керамика, обнаруженная на поселениях типа Каширки-Седелок, зачастую имеет следы длительного использования или ремонта (Земцов, 2002). Это отражает оторванность населения от гончарных центров черняховской культуры, потери связи с родственными коллективами. Зачастую двухкомпонентость археологических культур рассматривается

как отражение дуально-фратриальной структуры общества, складывающейся в результате движения экзогамных групп на чужую территорию, когда пришлое население вступает в брак с местным (Зимина, 2013. С. 29). Слияние двух групп населения на дальних окраинах варварского мира приводит к миксации традиций и материальной культуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Баран В.Д. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ: Наукова думка, 1981.

Баран Я.В. Слов'янская община. Київ-Чернівці, 2004.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург, 1992.

Бузин В.С. К методике реконструкции социальных отношений древних обществ по материалам первобытных поселений и жилищ // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири: тезисы докладов. Томск, 1990. С. 37-39.

Гудкова А.В. I-V вв. в Северо-Западном Причерноморье. (Культура оседлого населения) // Stratum plus. №4. Время «Че». К 100-летию открытия черняховской культуры. СПб, Кишинев, Одесса, 1999.

Земцов Г.Л. Поселение позднеримского времени Лощина-1 на Верхнем Дону // Археологія та етнологія східної Європи: матеріали і дослідження. Одеса, 2002. С.142-145.

Земцов Г.Л. Археологическая картография поселений позднеримского времени на территории Верхнего Подонья // VIII Бартеневские чтения. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милютина, С.М. Соловьева, И.С. Тургенева, М.Н. Каткова. Липецк, 2018. С. 8-10.

Земцов Г.Л., Сарычев Д.В. Карта памятников позднеримского времени типа Каширки-Седелок // История вещей – история и вещи / Раннеславянский мир. Вып. 20. М., 2020. С. 211-213, 304-306.

Земцов Г.Л., Сарычев Д.В., Фабрициус Е.В. Картография поселений позднеримского времени в бассейне реки Быстрая Сосна // Гуманитарные исследования Центральной России. №4 (13). Липецк, 2019. С. 7-10.

Земцов Г.Л., Сарычев Д.В., Фабрициус Е.В., Гончаров В.О. Население Верхнего Подонья в позднеримское время: жертва или агрессор? // Stratum plus. №4. Кишинев, 2019. С. 257-264.

Зимина О.Ю. К вопросу об отражении социальной организации в материальной культуре древнего населения // Вестник Томского государственного университета. История. №3(23). Томск, 2013. С. 28-32.

Иващенко К.Л. Календарные обряды Верхнего Дона. Липецк, 2018.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1986.

Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986.

Кренке Н.А., Ершов И.Н., Заидов О.Н., Козмирчук И.А. Раскопки селищ второй четверти I тыс. н.э. Благодать и Ново-Красивое на р. Красивая Меча // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1. Тула, 2010. С. 131-145.

Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001.

Леви-Стросс К. Печальные тропики. Львов, 1999.

Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Ленинград, 1935.

Моця О.П., Терпиловський Р.В. Соціально-економічний аспект вивчення

слов'янських культур півдня Східної Європи // Археологія. Вип. 57. Киев, 1987. С. 56-67.

Народы и религии мира. Энциклопедия. Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1998.

Обломский А.М. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999. С. 127-134.

Обломский А.М. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001. С. 122-140.

Обломский А.М. Территория, общие сведения о памятниках // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / Раннеславянский мир. №10. М., 2007. С.10-13.

Обломский А.М. Некоторые соображения о походах дружин короля готов Германариха на восток // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008. С. 142-162.

Обломский А.М. О расселении ранних славян на восток в римское время // РА, №3. 2017. С 71-88.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. / Археология восточноевропейской лесостепи. Выпуск 12. Воронеж, 1998. С. 124-156.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.В. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические причины. Киев, 1990.

Рейда Р., Гейко А., Сапегін С. Пам'ятки черняхівської культури в Полтавскій області // Полтавський краенавчий музей: Маловідомі сторінки історії, музеезнатство, охорона пам'яток. Збірник наукових статей. Вип. XII. Полтава, 2017. С. 87-103.

Рыжкова О.В. Использование метода связей для социальных реконструкций (по материалам поселения Ташково 2) // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург, 1993. С. 170-180.

Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

Сымонович Э.А. Черняховская культура. Поселения и жилища // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / Археология СССР. М., 1993. С. 130-133.

Тайлор Э.Б. О методе исследования учреждений в применении к законам о браке и происхождении. М., 1890.

Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. Люблин, 2004.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев, 1992.

Шишкін Р.Г. Господарсько-екологічна модель черняхівської культури (за матеріалами Середнього Подніпров'я // Археологія. №4. 1999. С. 129-139.

Эванс-Причард Э.Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М., 1985.

Рис. 1. Карта памятников типа Каширки-Седелок.

1. Кадное (северный участок); 2. Кадное (южный участок); 3. Кадное, селище; 4. Яблонево; 5. Закопы, селище 1; 6.Большая Корчажка; 7. Круглое-3 (по О.А. Радюшу – Круглое-1); 8. Глинка-1; 9. Крюково-1; 10. Красивый-2; 11. Прилепы-1; 12.Иноземка-2; 13. Совхозный; 14.Иноземка; 15.Чернятино; 16. Ново-Красивое; 17. Благодать; 18. Кытино-5; 19. Кытино-4; 20. Кытино-3; 21. Малые Голубочки; 22. Большие Голубочки, селище; 23. Раздолье; 24. Сторожа, селище; 25. Лубянка-2; 26. Ишутино-2; 27. Калининский-1; 28. Алексеевка-3; 29. Алексеевка-2; 30. Алексеевка-1; 31. Хомяково, участок 6; 32. Хомяково, участок 5; 33. Хомяково, участок 4; 34. Хомяково, участок 3; 35. Хомяково, участок 2; 36. Хомяково, участок 1; 37. Воскресенское-1; 38. Орловка-4; 39. Орловка-2; 40. Орловка-3; 41. Стребки-1; 42. Кузьминки-3, участок 3; 43. Кузьминки-3, участок 2; 44. Кузьминки-3, участок 1; 45. Малинки, участок 3; 46. Малинки, участок 2; 47. Малинки, участок 1; 48. Малинки-2; 49. Звягино-1; 50. Звягино-2; 51. Писарево; 52. Сухинино; 53. Коллектив-1, участок 1; 54. Коллектив-1, участок 2; 55. Коллектив-1, участок 3; 56. Коллектив-1, участок-4; 57. Каширка-1; 58. Каширка-2; 59. Мочилки, местонахождение-2; 60. Мочилки, местонахождение 1; 61. Мочилки-5; 62. Мочилки-4; 63. Мочилки-3; 64. Мочилки-2; 65. Поселение 3 у Хмелевского пруда; 65.Поселение 2 у Хмелевского пруда; 66. Поселение 1 у Хмелевского пруда; 67. Волотовские Озерки-4; 68. Волотовские Озерки-3; 69. Волотовские Озерки-2; 70. Волотовские Озерки-1; 71. Гребенкино-1; 72. Яблоново-4; 73. Куймань-2; 74. Куймань-1; 75. Яблоново-1; 76. Яблоново-2; 77. Скороварово-1; 78. Скороварово-2; 79. Отскочное-1, участок 5; 80. Отскочное-1, участок 4; 81. Отскочное-1, участок 3; 82. Отскочное-1, участок 2; 83. Отскочное-1, участок 1; 84. Лощина-1, участок 1; 85. Лощина-1, участок 2; 86. Лощина-1, участок 3; 87. Лощина-1, участок 4; 88. Пункт 3 по р. Любовша; 89. Пункт 2 по р. Любовша; 90. Пункт 19 (по А.В. Куза); 91. Пункт 20 (по А.В. Куза); 92. Пункт 21 (по А.В. Куза); 93. Слобода-Заречье-1; 94. Ясенок-2; 95. Ясенок-3; 96. Денисово-4; 97. Лобановка-1; 98. Лобановка-2-4; 99. Стрелец-2; 100. Стрелец-1; 101. Хитрово-1; 102. Котово, поселение 1; 103. Котово, селище-1; 104. Черемошный Верх; 105. Паниковец-1; 106. Приречье-1; 107. Казаки-1; 108. Дерновка-3; 109. Дерновка-1; 110. Нижний Воргол-2; 111. Нижний Воргол-14; 112. Нижний Вргол-5; 113. Нижний Воргол-8; 114. Нижний Воргол-9; 115. Лавское Правобережное поселение; 116. Подхорошее-4; 117. Подхорошее-3; 118. Подхорошее-2; 119. Подхорошее-1; 120. Пищулино-1; 121. Сазыкино-10; 122. Сазыкино-9; 123. Подхорошее-5; 124. Александровка-1; 125. Поселок Елецкий-7; 126. Трубицино-6; 127. Трубицино-5; 128. Галичья Гора; 129. Большие Извалы-1; 130. Большие Извалы-2; 131. Большие Извалы-3; 132. Кашары-2; 133. Ленинка-1; 134. Парусное-2; 135. Хмелинка-1; 136. Парусное-3; 137. Васильевка, участок 1; 138. Васильевка, участок 2; 139. Васильевка, участок 3; 140. Уткино-1; 141. Ксизово-16; 142. Ксизово-17; 143. Ксизово-19; 144. Долгуша, участок 6; 145. Долгуша, участок 1; 146. Долгуша, участок 2; 147. Долгуша, участок 3; 148. Долгуша, участок 5; 149. Долгуша, участок 4; 150. Ивановка-3; 151. Ивановка-4; 152. Большая Поляна-1; 153. Большая Поляна-2; 154. Новосильское-1; 155. Перекоповка-1; 156. Трещевка; 157. Седелки (северный участок); 158. Седелки (южный участок); 159. Малая Трещевка-3; 160. Малая Трещевка-2; 161. Малая Трещевка-1; 162. Трещевка-1; 163. Верхнее Турово; 164. Троицкое-8; 165. Ольховец-3; 166. Ольховец-2; 167. Ольховец-4; 168. Плотина-1; 169. Шанхай, местонахождение-3; 170. Шанхай-11; 171. Шанхай-2; 172. Шанхай-10; 173. Шанхай-9; 174. Шанхай-1; 175. Шанхай-8; 176. Курино-1.

Рис.2. Схемы расположения памятников типа Каширки-Седелок.

1. Памятники у с. Отскочное; 2. Памятники у с. Мочилки; 3. Памятники у с. Кашары; 4. Памятники у с. Малинки; 5. Памятники у с. Сотниково; 6. Памятники у с. Грязное.

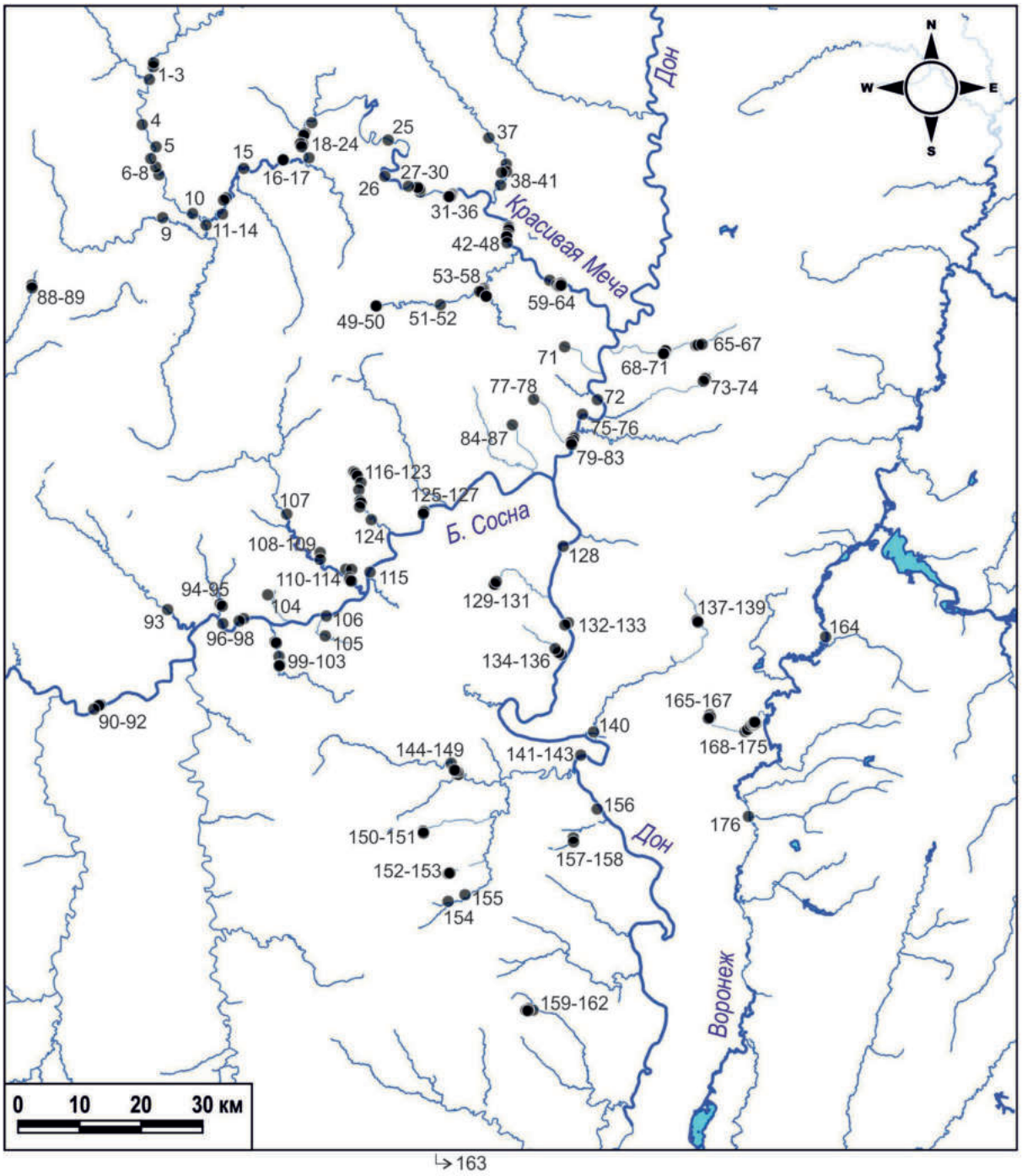

N
W
E
S
Дон
Красивая Меча
Б. Сосна
Дон
Воронеж
1-3
4
5
6-8
9
10
11-14
15
16-17
18-24
25
26
27-30
31-36
37
38-41
42-48
53-58
59-64
49-50
51-52
88-89
71
65-67
68-71
73-74
77-78
72
75-76
84-87
79-83
116-123
125-127
124
107
108-109
110-114
115
128
129-131
94-95
104
93
96-98
106
105
99-103
90-92
132-133
134-136
137-139
164
165-167
168-175
140
141-143
144-149
156
176
150-151
157-158
152-153
155
154
159-162
0 10 20 30 км
163

Рис.1

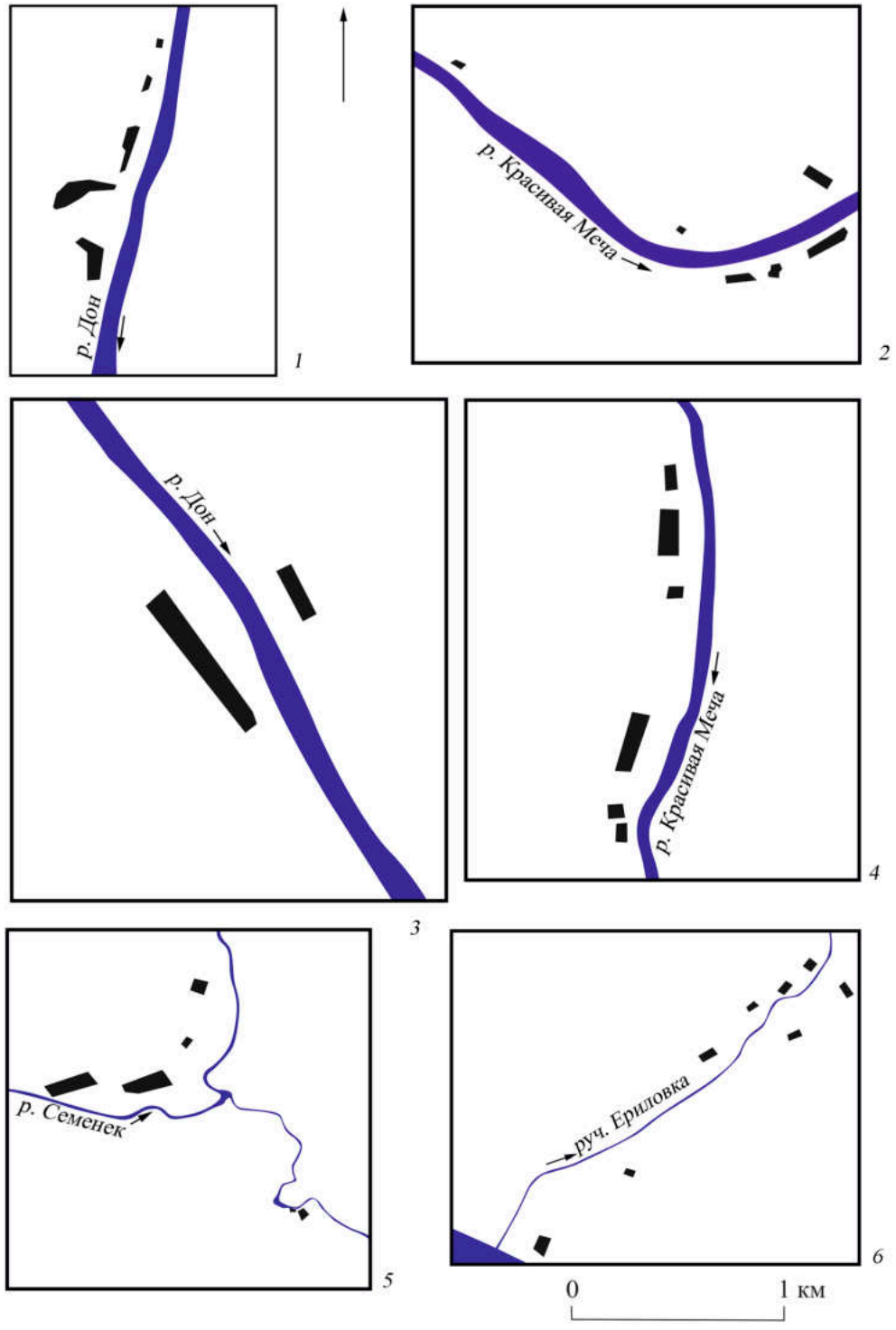


Рис.2

Схемы расположения памятников типа Каширки-Седелок.
1. Памятники у с. Отскочное; 2. Памятники у с. Мочилки;
3. Памятники у с. Кашары; 4. Памятники у с. Малинки;
5. Памятники у с. Сотниково; 6. Памятники у с. Грязное.

РИМСКИЕ МОНЕТЫ И ИХ РОЛЬ ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В СРЕДЕ ВАРВАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОГО РЕГИОНА В III – V вв. н.э.

© 2023 г. А.А. Яцышин

Курский государственный областной музей археологии, Курск

Основной целью работы является создание наиболее полного перечня разновидностей римских монет и их производных в виде слитков, имевших хождение на территории Курского региона в III - начале V вв. Рассматриваются причины и пути распространения античных монет в среде варварского общества. Разбираются вопросы функционального предназначения римских платежных номиналов в среде местного варварского населения. Автор приходит к выводу, что в эпоху римского влияния и великого переселения народов денежно-весовая система в регионе находилась на стадии формирования.

Ключевые слова: черняховская археологическая культура, нумизматика римского времени, денарии, слитки, клад, периферия, Курская область.

ROMAN COINS AND THEIR ROLE IN THE EXTERNAL AND DOMESTIC ECONOMIC LIFE IN THE ENVIRONMENT OF THE BARBARIAN POPULATION OF THE KURSK REGION IN THE III-V centuries

© 2023 A.A. Yatsyshyn

The main goal of the work is to create the most complete representation of the varieties of Roman coins and their derivatives in the form of bullions that were in circulation on the territory of the Kursk region in the 3rd – early 5th centuries. The causes and ways of distribution of ancient coins in the environment of barbarian society are considered. The issues of the functional purpose of the Roman payment denominations among the local barbarian population are analyzed. The author comes to the conclusion that in the era of Roman influence and the Great Migration of Peoples, the monetary-weight system in the region was at the stage of formation.

Key words: Chernyakhov archaeological culture, Roman numismatics, denarii, bullions, hoard, periphery, Kursk region.

Курский регион с бассейнами рек Сейм, Псел входит в сферу контактов культур Восточной Европы. Появление в Курском регионе монет римского времени соотносят с появлением в первой половине IV в. носителей черняховской археологической культуры (Рис. 1). Время появления носителей данной культуры непосредственно на далекой северо-восточной периферии остается дискуссионным. На сегодняшний день существуют две основные концепции относительно времени появления черняховских памятников в Днепро-Донецком междуречье: а) раннего: в середине-второй половине III в. (А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский) – ступени С1b/С2 и б) позднего: в первой-второй четверти IV в. (М.В. Любичев) – ступени С2/С3 (Мызгин, 2008. С. 291). Однозначно мы можем утверждать, что к середине IV в. имеем дело с повсеместным обращением монет римского времени на территории современных Курского и Белгородского регионов. На 2008 г. фиксировалось 34 пункта находок римских монет в Курской области (Радюш, 2008. С. 142). На 2023 г. мы имеем уже 86 пунктов фиксации индивидуальных находок и кладов, причём нами учитываются только пункты с точной привязкой (Рис.2). В действительности таких мест гораздо больше и число их постоянно растёт.

Не имея точной исходной точки появления носителей черняховской культуры и точных дат в принципе, будем для удобства хронологического определения использовать

четвертичную датировку и пользоваться европейской ступенчатой хронологической системой (фаза C2-D2). С территории Молдовы и Украины происходит большое количество римских монет сомнительного происхождения. Созданы целые каталоги таких экземпляров с их классификацией и разновидностями. В данной статье мы будем рассматривать исключительно находки монет, происходящие с территории Курского региона, хранящиеся в фондах Курского государственного областного музея археологии (КГОМА), в Научно-исследовательском институте археологии юго-востока Руси (НИИ АЮВР) Курского государственного университета и Курского областного краеведческого музея (КОКМ) с его филиалами. Особо стоит выделить материалы, полученные Сейминско-Суджинской археологической экспедиции под руководством О.А. Радюша, которые также вошли в публикацию. Таких монет за последние годы набралось внушительное количество, что позволяет более полно взглянуть на денежное обращение и соотнести далекую периферию черняховской культуры с ее основными центрами.

Появление монет в обществе господствующего натурального хозяйства было весьма важным шагом для перехода к товарно-денежным отношениям тогдашнего общества. Все это было бы невозможно без наличия самого главного – самих этих монет в достаточном количестве. Процесс проникновения римских монет носил всеобъемлющий характер во всем ареале данной культуры и проникал в самые удаленные его части, делая монеты доступными для широкого круга людей. Картографирование находок позволяет уверенно проследить распространение монет на огромной территории от устья Дуная до далекой периферии на востоке в современной Курской и Белгородской областях (Рис. 2). Это гигантские расстояния для человека прошлого. Проникновение римских монет происходило синхронно с притоком пришлого населения с западных и юго-западных регионов черняховской культуры. Пути расселения на Днепровском левобережье тесно связаны с крупными реками, такими как Днепр, Десна, Псёл и многими другими водными артериями третьего, четвертого, пятого порядка. Значение Сеймского пути в более поздний период на рубеже I-II тысячелетий н.э. проследил в своей работе В.В. Енуков (Енуков, 2005. С. 147-164). В те времена получить достаточное количество монет из драгоценного металла можно было лишь с территории Римской империи. Оттуда же в ареал распространения черняховской культуры проникали и передовые технологии. Во второй четверти IV в. в восточный «BARBARICUM», на Левобережье Днепра, пришла «цивилизация», в частности развитая металлообработка, гончарное производство, ювелирное дело.

Римские монеты, являясь прежде всего следствием контактов варваров с римским миром, выполняли в областях своего распространения различные функции в зависимости от социально-экономического развития населения того или иного региона. Традиционно их выделяют три: средство накопления, сырье для ювелирного производства и средство денежного обращения (Мызгин, 2008. С. 71).

Клады являются важным отражением наличия племенной верхушки, в руках которой осуществлялось накопление материальных ценностей. Клад, найденный в 2011 г. у д. Пименово, содержал статусный серебряный всаднический пояс и 184 денария, в числе которых находились два субэратных варварских подражания. Сам пояс и прилагающаяся гарнитура были изготовлены из серебра, полученного при переплавке монет с большими примесями олова. Клад, найденный в 2000 г. у с. Прямицыно, содержал сильно затертые римские денарии, но среди них не было ни одной фальшивой монеты (Радюш, 2008. С. 140). В составе известных на сегодняшний день 13 денежных и денежно-вещевых кладов с территории Курской области, преобладают денарии I – начала III вв. Бросается в глаза качественная выборка монет, отложившихся в составе кладов. Большая часть кладов Курской области имеют в своём составе римские денарии с высоким процентным содержанием драгоценного металла. Преобладают в них экземпляры, отчеканенные на официальных монетных дворах Римской империи. Суджанский клад 2015 г. включал

помимо монет (более 600) набор из 46 серебряных украшений и двух фрагментов золотых пластин. Особняком стоит Кармановский клад 2010 года из 148 монет, найденный в Железногорском районе Курской области (Яцышин, 2021. С. 232). Подавляющее большинство монет в нём крайне низкого качества, имеют черты преднамеренной порчи, а семь монет были разрезаны [сломаны] на половинки. Ряд монет утратили металл по краям окружности. Восемнадцать монет затерты или повреждены до такой степени, что не подлежат определению. Таким образом, мы видим здесь внушительное количество сырья для ювелирного производства.

Важным моментом является определение времени сокрытия кладов. Для Курского региона характерны две фазы бытования черняховской культуры (Рис. 1). Хронологические различия между ее памятниками, относящимися к III – третьей четверти IV вв. и концу IV – началу V вв. были отмечены уже Э.А. Сымоновичем (Сымонович, 1983. С. 98-100). Первую группу характеризует значительная площадь поселений (от 10 до 30 га), следы ремесленного производства, массовое использование круговой посуды (от 40 до 90 процентов на разных памятниках), находки амфорной тары и римских монет (в том числе в составе кладов), которые встречаются практически на каждом поселении (Радюш, 2018. С. 572). Эти поселения «классического» черняховского периода занимают всю территорию междуречья Сеймом и Пслом, включая их верховья и притоки (Рис. 1). Вторая группа памятников датируется последней четвертью IV – началом V вв. (фаза D1/D2) и сосредоточена на территории севернее р. Сейм, доходя на севере до среднего течения р. Свапы. О.А. Радюш отмечает сходные черты внутри данной группы памятников и вводит для неё условный термин Льговско-Фатежская группа (ЛФГ). Существование населения на данной территории приходится на финал культуры, где до начала V в. сохраняются черняховские традиции. Смену ландшафта заселения можем соотнести с событиями, последовавшими после 375 г., вторжением гуннов и оттоком части населения на север. В этот период структура черняховского общества переживает глубокую трансформацию. Прерываются старые экономические связи, прекращается приток новых монет. На руках данного населения продолжают ходить старые монеты. Эта группа памятников характеризуется наличием большого количества затертых монет. Для Пименовского клада главным хроноиндикатором выступает всаднический пояс, относящийся к фазе D2 (нач. V в.). Кармановский клад датируют две пряжки фазы D1/D2. Суджанский выпадает в фазе D1/D2, хроноиндикатором выступают плетеные серебряные кольца с нанизанными секировидными привесками и двумя золотыми прямоугольными декорированными пластинами с выемками для помещения камней. Будет логично предположить, что большинство монетных кладов из Курского региона попадают в эти хронологические рамки.

Доказательством возникновения товарно-денежных отношений могут служить сходные тенденции в притоке монет, характерные в целом и для всей Восточной Европы, а также соотношение в распределении серебряных и медных монет (Рис.3), являющиеся доказательством их употребления в качестве денежных знаков. Наконец, сам факт обнаружения в Курском регионе большого количества исключительно римских монет служит косвенным доказательством в пользу тезиса о существовании денежного обращения. Общие тенденции в области распространения римских монет характерны и для распространения римских монет на периферии, но с некоторым запаздыванием, что свидетельствует о вовлечении отдаленных варварских территорий в общие экономические процессы, присущие в целом и более развитым районом Восточной Европы (Безруков, 2011. С. 81). К.В. Мызгин предлагает учитывать при рассмотрении вопроса денежного обращения особенности неоднородности развития черняховской культуры для каждого региона. Для черняховского населения западных и юго-западных областей культуры монеты выполняли свою непосредственную функцию – денег. Отдаленность территории днепро-донецкой лесостепи от зоны римского экономического влияния

(лимеса), невозможность постоянного пополнения монетного фонда и относительно кратковременное существование культуры тормозили возникновение здесь денежных отношений (Мызгин, 2008. С. 75).

Опираясь на хроноиндикаторы (фибулы типа 7 по Альмгрену), можно утверждать, что на фазе С2/С3 носителями черняховской культуры заселяется территория между Сеймом и Пслом, включая междуречье с верховьями их притоков. Сюда активно проникают серебряные, медные и бронзовые римские монеты. К серебряным номиналам относятся денарии, антонинианы, силиквы. Денарий – наиболее массово встречающаяся монета. Почему такое распространение получил именно серебряный денарий I-III вв., в научной литературе сказано достаточно много (Кропоткин, 1961, С.36; Магомедов, 2001, с. 111; Мызгин, 2008, С. 69; Анохин, 2015, С.6). Обойдемся одной цитатой о германцах, кои «серебро берут гораздо охотнее, нежели золото» (Тацит, 2003. С. 460). Данная цитата свидетельствует о важности для варварского общества именно драгоценного металла, содержащегося в монетах, а не их номинала. С этим соглашаются большинство исследователей (Кропоткин, 1961, С.36; Магомедов, 2001, С. 111; Мызгин, 2008. С. 69; Анохин, 2015. С.6). Всем требуемым характеристикам больше всего подходил серебряный денарий времен правления Антонинов (Рис. 4; 3,4). Не удивительно, что именно данной серебряной монете суждено было глубоко проникнуть в «BARBARICUM». Структура черняховского общества была достаточно гибкой, что бы впитать в себя товарно-денежные отношения. Нужно не забывать, что процесс привыкания населения к данной монете в разных регионах культуры не носил сиюминутный характер и был растянут во времени. Согласно современным научным представлениям, новое население приходит в Курский регион уже в сложившемся «классическом» виде черняховской культуры с монетами на руках.

Особое место в материальной культуре этого населения занимали монеты, являющиеся непосредственными «современниками» черняховского общества, отчеканенные в период существования данной культуры и хронологически совпадающие с событиями, протекавшими в лесостепной полосе (Рис. 4; 1,2,25). Монеты III – начала V вв. присутствуют в сложившемся обществе не так обширно и ярко. На левом берегу Днепра эти монеты не были распространены так широко, как в ареале черняховской культуры Днепровского Правобережья. На эту особенность обращал внимание еще В.В. Кропоткин: «в районах, которые непосредственно граничили с Римской империей, денежное обращение было более интенсивным, чем в восточных» (Кропоткин, 1961. С. 35). Активная порча серебряных антонинианов III в. началась сразу с введением данного наминала в оборот. Кризис империи в III в. только усугубил порчу антонинианов. Это вызвало натурализацию экономической жизни Римской империи и возрастания менового, натурального характера ее торговли с варварами (Кропоткин, 1961. С. 30). Отражением этого могут служить находки, происходящие с территории Курской области. В их числе имеются три серебряные силиквы Констанция II (337-361), в двух из которых были проделаны отверстия для ношения (Яцышин, 2022. С. 185). Гораздо большее распространение получают разменные бронзовые фоллисы IV в. (Рис. 4; 25). Данный номинал наравне с антонинианом и силиквой был активно включен в торговые операции на границах с римским лимесом и потому был здесь востребован. На территории лесостепной зоны Днепровского левобережья таких монет крайне мало. В руках местного населения им, зачастую, была уготована роль украшений в виде подвесок.

Отдельной группой являются субэратные (лимесные) монеты и литые «варварские» подражания. В первом случае речь идет о так называемых субэратных монетах, когда медную основу монет покрывали драгоценным металлом (золотом или серебром). Подобную монету чеканили на государственных монетных дворах и они имели вполне законное хождение по территории государства (Мызгин, 2009. С. 75) (Рис. 4; 11,22). Достаточно многочисленной группой являются литые подражания,

прототипами для которых выступали серебряные денарии (Рис. 4; 14,15,17,19). Провести четкую грань между субэратной монетой, изготовленной на государственном монетном дворе, и литой копией зачастую весьма проблематично. Только после утраты монетой драгоценного покрытия видна разница в качестве производства основы. Вопрос о месте производства литых копий остается дискуссионным. М.Ю. Брайчевский, О.В.Анохин допускают мысль о местной чеканке монет. К.В. Мызгин подвергает это сомнению – очевидно, что черняховское население не испытывало недостатка в серебряной монете для использования ее во внутриторговых операциях, и собственная чеканка при этом теряет свой смысл (Мызгин, 2009. С. 75). Провести точное соотношение отчеканенных и литых монет без детального осмотра не представляется возможным. Однозначно можно говорить о факте большого присутствия литых монет на территории Курского региона. Если согласиться с предположением местного производства литых копий (Анохин, 2015. С.6), мы имеем дело с «размытой» датировкой данных экземпляров. Выдвину предположение о возможности использования части «фальшивых» литых из медного сплава монет в качестве разменной единицы к полноценному серебряному денарию. Это выглядит разумно, учитывая количество таких монет на руках местного варварского населения и определённой, хотя небольшой, ценности самого металла. Утверждать, что все эти монеты были покрыты драгоценным металлом, нет основания.

Об использовании монет в качестве сырья для ювелирного производства говорят, по нашему мнению, утраты части металла (Рис. 4; 12,13,15,16,20). Провести четкую грань между монетой для расчета и заготовкой для ювелирного производства зачастую бывает проблематично. Подпилы на гурте, обрезанное по краям поле или снятое драгоценное покрытие с поля монеты - весьма распространенное явление для Днепровского левобережья. Б.В. Магомедов связывает его с массовым применением монетного металла в ювелирном деле (Магомедов, 2001. С. 111). Отражением использования монет в ювелирном производстве являются слитки (заготовки) из разных металлов: медных сплавов (Рис.4; 7,8), серебра (Рис. 4; 5,6) и золота. Так, в 2019 г. на поселении Дальний (Выдрин) обнаружен 16-граммовый золотой слиток, происходящий из постройки № 5 (Рис. 2). Эту постройку можно связать с ювелирным производством. Вблизи неё были найдены два целых и два фрагментированных денария. Рядом были встречены находки мелко фрагментированного серебра и обломки зеркал. Собранный материал позволил соотнести постройку с фазой C3/D1 (третья четверть IV в.).

В черняховской культуре слитки не играли роль денег и не были платежными средствами, подтверждением чего служит их различный вес. Каждый слиток нужно было взвешивать, чтобы можно было оценить его, а весы в те времена были большой редкостью, далеко не в каждом селении они были, если вообще были. Никаких данных о них с территории Курской и Белгородской областей у нас нет. В роли денег или платежных средств в черняховской культуре могли выступать только серебряные денарии или варварские подражания им, обладавшие более-менее стандартным весом и пробой, которые не нужно было взвешивать, достаточно было только посчитать. Пытаясь увидеть деньги в каждом слитке, мы совершенно лишаем ювелиров права на обладание металлом для работы. Все известные слитки (заготовки) являются случайными находками непосредственно с территории памятников. В известных денежных и денежно-вещевых кладах с территории Курского региона данные изделия не фиксируются. Пока мы можем говорить о предпочтении накопления ценностей в виде серебряных римских денариев и готовых ювелирных изделиях.

Обращает на себя особое внимание приток крупных медных римских номиналов (Рис. 4; 23,24). Находки таких монет редки для Курского региона. Известные нам номиналы представляют собой монеты, отчеканенные в I-II вв. Хождения непосредственно на территории Римской империи к IV в. они уже не имели. Данные монеты могли попасть на далекую периферию с притоком на Днепровское левобережье населения, принимавшего

участие в военных походах, или служившего наемниками непосредственно в Римской империи. Мы можем только предполагать их функциональное предназначение. Данные монеты отличаются своим весовым разнообразием и номиналом: асс, сестерций, пентасарий и другие провинциальные чеканы. В силу отсутствия хоть какой-то стандартизации население региона воспринимало их как удобные фракции медного сплава.

На территории Курского региона встречаются также боспорские монеты второй половины III и начала IV вв. Интересное наблюдение при изучении взаимоотношений Боспорского царства с прилегающими «варварскими» территориями делает Н.А. Фролова. Основываясь на статистических данных, она пришла к выводу о том, что, начиная со второй половины II в. н.э., боспорские цари получали от Рима регулярные субсидии отнюдь не на создание оборонительных рубежей, прикрывающих границы Римской империи. Эти субсидии шли либо на оплату наемных войск из варварских племен, либо на подкуп верхушки племен, представлявших наибольшую опасность для Боспора (Фролова, 1982. С. 158–163).

Несмотря на большую массу имеющегося монетного материала с территории Курского региона, говорить о сформировавшемся денежном обращении не приходится. Денежное обращение в варварской среде находилось на первоначальной стадии своего развития, когда функции денег еще не получили всех необходимых предпосылок для подъема и расширения ареала своего воздействия на экономику и уклад соответствующих племен.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // Советская археология. №2-3, 1971.

Анохин О.В. Фальшивомонетчество у варварских племён на территории современной Украины и Молдовы. Каталог варварских подражаний. Днепропетровск, 2015.

Бейдин Г.В. Римские провинциальные монеты на территории Украины в ареале черняховской культуры // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып.11. 2012.

Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н., Любичев М.В. Находки монет римского времени на территории Харьковской области // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков, 2006.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей / Курский край. Т. III. Курск, 2005.

Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum plus/ Петербургский археологический вестник. Кишинев, СПб., 1997.

Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР / САИ. Вып. Г4-4. М., 1961.

Кропоткин В.В. Новые находки римских монет в СССР (дополнение к «Своду археологических источников», вып. Г4-4) // Нумизматика и эпиграфика. Т. VI. М., 1966

Монеты Курского края. Нумизматическое собрание Курского государственного областного музея археологии. Каталог. Курск, 2016.

Любичев М.В. Об этнокультурных процессах позднеримского времени в зоне днепро-донецкой лесостепи (в свете исследований археологического комплекса Войтенки) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001

Мызгин К.В. Некоторые аспекты политической и экономической истории населения

днепро-донецкой лесостепи во второй четверти I тыс. н. э. по нумизматическим данным // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград, 2008.

Мызгин К.В. «Варварские» подражания римским монетам на территории черняховской культуры // Древности 8, 2009.

Мызгин К.В. Монеты на территории Днепровского лесостепного левобережья: общая характеристика, особенности распространения и основные проблемы изучения // Tyragetia, s.n., vol. VII [XXII], nr. 1, 2013.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М., Наука, 2002.

Обломский А.М. Новый черняховский памятник на территории России // Stratum plus. № 5, 2001-2002.

Радюш О.А. Находки монет римского времени с территории Курской области // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Материалы конференции, посвященной 75-летию К.Ф. Сокола. Курск, 2008.

Радюш О.А. Новые памятники III-V вв. в Курском Посеймье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008.

Радюш О.А. Льговско-фатежская группа памятников финала черняховской культуры в верховьях реки Сейм (Курская обл., Россия) // Studia Barbarica. Professorovi Andrzeiowi Kokowskiemu w 65 Rocznice Urodzin. T.I. Lublin, 2018.

Фролова Н.А. О римско-боспорских отношениях в I — середине III в. н.э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982.

Шпилев А.Г. Курские клады римских монет // Деснинские древности. Вып. III. Брянск, 2004.

Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.

Яцышин А.А. Подвески из римских монет с территории Курской области в эпохи римского влияния и великого переселения народов // Русский сборник. Вып. 10. Брянск, 2021.

Яцышин А.А., Сомова О.А. Кармановский клад римских денариев // Русский сборник. Вып. 10. Брянск, 2021.

Подписи к иллюстрациям

Рис. 1. Зоны концентрации памятников римского времени на территории Курской области:

I - зоны водоразделов: А - бассейн Днепра; Б - бассейн Дона; В - бассейн Северного Донца

II - зона концентрации памятников ступени C2/C3/D1

III - зона концентрации памятников (ЛФГ) ступени D1/D2

Рис. 2. Карта распространения римских монет на территории Курской области:

I - единичные находки римских монет; II - находки фрагментированных монет; III - клады; IV - слитки (заготовки)

1 - с. Черкасская Конопелька; 2 - д. Куриловка; 3 - Суджа (сл. Замостье); 4 - с. Мартыновка; 5 - ур. Круглик; 6 - с. Заломное; 7 - х. Выдрин; 8 - п. Кукуй; 9 - д. Нижняя Паровая; 10 - с. Пены; 11 - с. Гочево; 12- с. Бобрава; 13 - д. Лошаковка; 14 - с. Снагость; 15 - с. Комаровка; 16 - с. Юрасово; 17 - х. Нагорный; 18 - х. Еринка; 19 - ур. Кулига; 20 - с. Пселец; 21 - д. Залесье; 22 - х. Лучки; 23 - д. Горбуновка; 24 - п. Солнцево; 25 - с. Демино; 26 - с. Плоское; 27 - с. Колодное; 28 - д. Большое Шумаково; 29 - д. Кунач; 30 - с. Мелехино; 31 - д. Титово; 32 - ур. Чупутово; 33 - д. Якунино; 34 - с. Лебяжье; 35 - х. Петровка; 36 - д. Спасское; 37 - с. Гостомля; 38 - д. Самсоново; 39 - д. Рязаново; 40 - д. Сопеловка; 41 - с. Чапли; 42 - п. Карла Либкнехта (Пены); 43 - д. Еськово; 44 - д. Михайлово; 45 - д. Каменева; 46 - с. Куркино; 47 - д. Волобуево; 48 - с. Тазово; 49 - д. Пойменово; 50 - с. Шестопалово; 51 - д. Пожидаевка; 52 - с. Фентисово; 53 - с. Верхнесмородино; 54 - с. Дьяконово; 55 - д. Пименово; 56 - д. Митрофаново; 57 - д. Авдеево; 58 - с. Успенка; 59 - д. Гупово; 60 - ур. Глушково; 61 - д. Погореловка; 62 - с. Сугрово; 63 - с. Городенск; 64 - с. Пригородная Слободка; 65 - х. Комаровка; 66 - с. Конево; 67 - с. Мармыжи; 68 - д. Болваново; 69 - д. Николаевка; 70 - д. Филиппова; 71 - с. Корелово; 72 - д. Шмырево; 73 - д. Колычево; 74 - с. Миленино; 75 - д. Семеновка; 76 - д. Севенки; 77 - д. Городище; 78 - д. Парменовка; 79 - окрестности Рыльска; 80 - п. Прямицыно; 81 - д. Луневка; 82 - д. Липино; 83 - с. Большое Жирово; 84 - с. Карманово; 85 - Суджанский р-н; 86 - Старый Хутор

Рис. 3. Карта распространения монет римского времени из медных сплавов на территории Курской области:

1 - с. Дичня; 2 - д. Самсоново; 3 - с. Мармыжи; 4 - д. Михайлово; 5 - с. Корелово; 6 - д. Николаевка; 7 - с. Сугрово; 8 - с. Пены; 9 - д. Филиппова; 10 - д. Титово; 11 - д. Большое Шумаково; 12 - с. Колодное; 13 - окрестности Рыльска; 14. - с. Комаровка; 15 - с. Веденское; 16 - ур. Круглик; 17 - окрестности Суджи; 18 - д. Пойменово; 19 - с. Шестопалово; 20 - с. Верхнесмородино

Рис. 4. Монеты и слитки римского времени с территории Курской области.

1. Антониниан. Гордиан III (238-244 гг.) d - 22 мм. 3,87 гр. с. Плоское (Солнцевский р-н). 2. Антониниан. Филипп II (247-249 гг.) d - 24 мм. 2,17 гр. Курская обл. 3. Денарий. Адреан (117-138 гг.) d - 18 мм. 3,09 гр. д. Рязаново (Курчатовский р-н). 4. Денарий. Партинакс (193 г.) d - 17 мм. 2,28 гр. с. Пены (Беловский р-н). 5. Слиток (заготовка) 7,54 гр. с. Пены (Беловский р-н). 6. Слиток (заготовка) 15,05 гр. с. Пены (Беловский р-н). 7. Слиток (заготовка), медный сплав, с. Большое Шумаково (Курский р-н). 8. Слиток (заготовка), медный сплав, д. Пименово (Курский р-н). 9. Слиток (заготовка) 10,93 гр. д. Пименово (Курский р-н). 10. Слиток (заготовка) 17,17 гр. д. Михайлово (Курский р-н). 11. Марк Аврелий (139-180 гг.) d - 17 д. Пойменово (Золотухинский р-н). 12. Денарий. Марк Аврелий (139-180 гг.) d - 18 х 14 мм. 1,82 гр. г. Суджа. 13. Денарий. Коммод (180-192 гг.) d - 17 х 13 мм. 1,86 гр. д. Пойменово (Золотухинский р-н). 14. Септимий Север (193-211 гг.) d -

17 мм. 1,86 гр. (Курский р-н). 15. Денарий. d - 18 х 13 мм. 2,18 гр. с. Бобрава (Беловский р-н). 16. Денарий. Коммод (180-192 гг.) d - 17 х 16 мм. 1,51 гр. д. Пойменово (Золотухинский р-н). 17. Фаустина младшая (161-176) d - 18 мм. 2,36 гр. с. Пены (Беловский р-н). 18. Денарий. Луций Вер (130-169 г.) d - 16 мм. 2,24 гр. м. Свобода (Золотухинский р-н). 19. Денарий. d - 17 мм. 2,24 гр. д. Михайлово (Курский р-н). 20. Денарий. Марк Аврелий (139-180 гг.) d - 18 х 14 мм. 2,19 гр. д. Николаевка (Курчатовский р-н). 21. Денарий. Коммод (180-192 гг.) d - 18 мм. 3,02 гр. с. Пены (Беловский р-н). 22. Денарий. Антонин Пий (138-161 гг.) d - 18 мм. 2,84 гр. п. Пены (Курчатовский р-н). 23. Асс. Коммод (180-192 гг.) d - 28 мм. 10,74 гр. с. Пены (Беловский р-н). 24. Сестерций. Домициан (81-96 гг.) d - 31 мм. 16,62 гр. с. Веденское (Курский р-н). 25. Фоллис. Констанций II (337-361 гг.) d - 19 мм. д. Михайлово (Курский р-н).

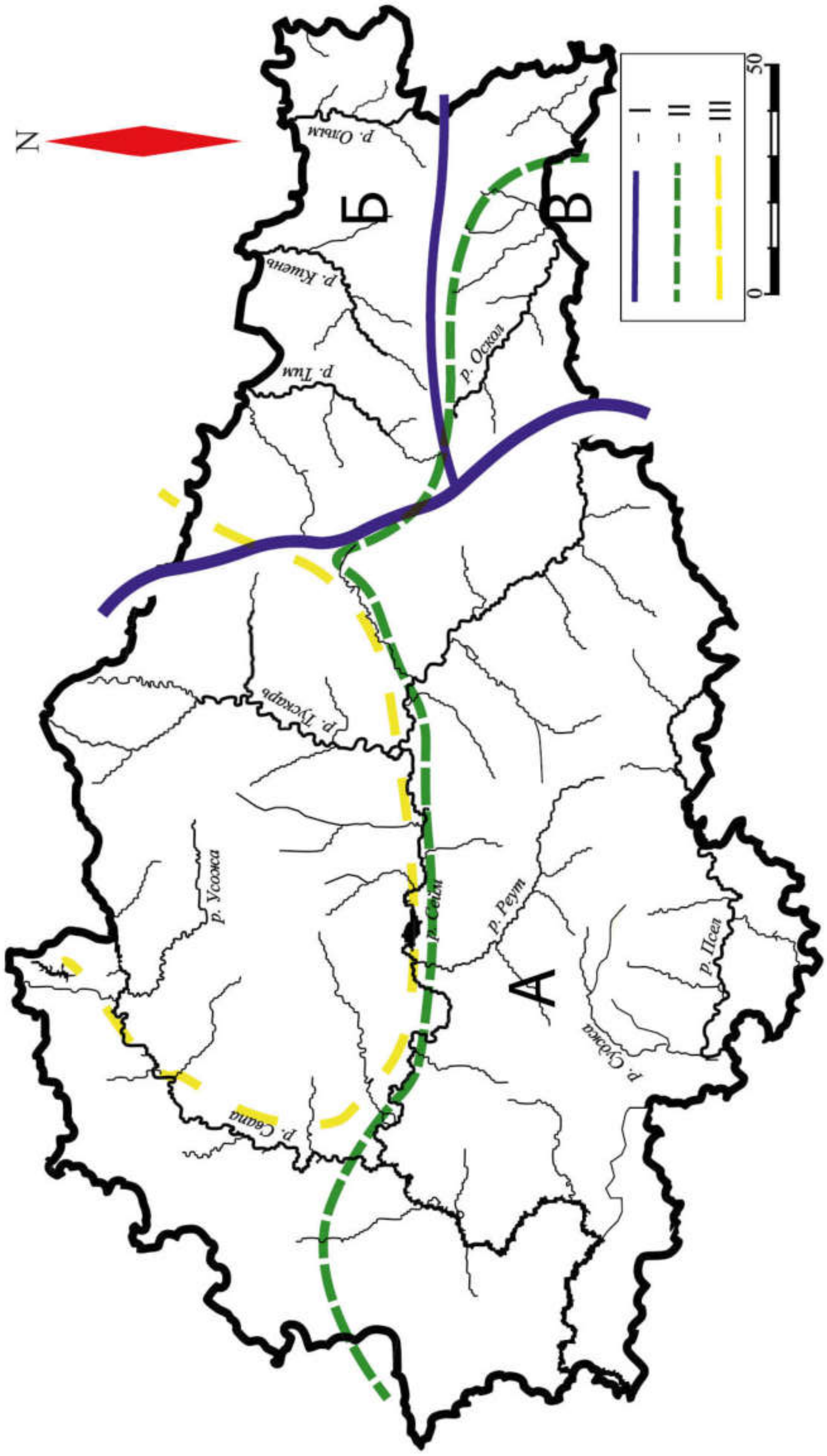

N
р. Олым
Б
р. Кшень
р. Тим
р. Оскол
В
I
II
III
0
50
р. Тускарь
р. Усожа
р. Сейм
р. Реут
А
р. Псел
р. Суджа
р. Свапа

Рис.1

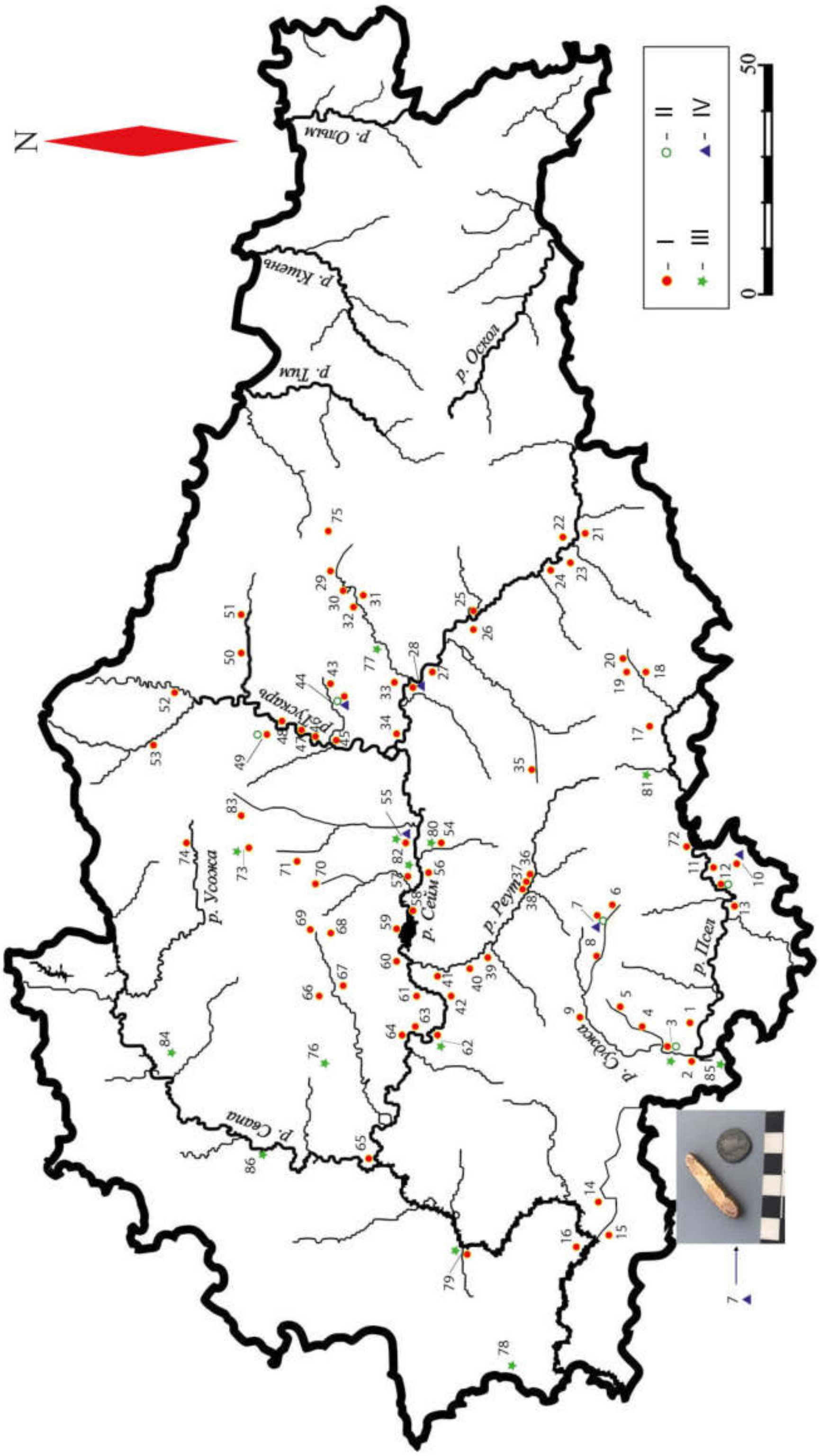

N
р. Ольм
р. Кшень
р. Тим
р. Оскол
р. Сейм
р. Реут
р. Псел
р. Суджа
р. Усожа
р. Свапа
I
II
III
IV
0
50

Рис.2

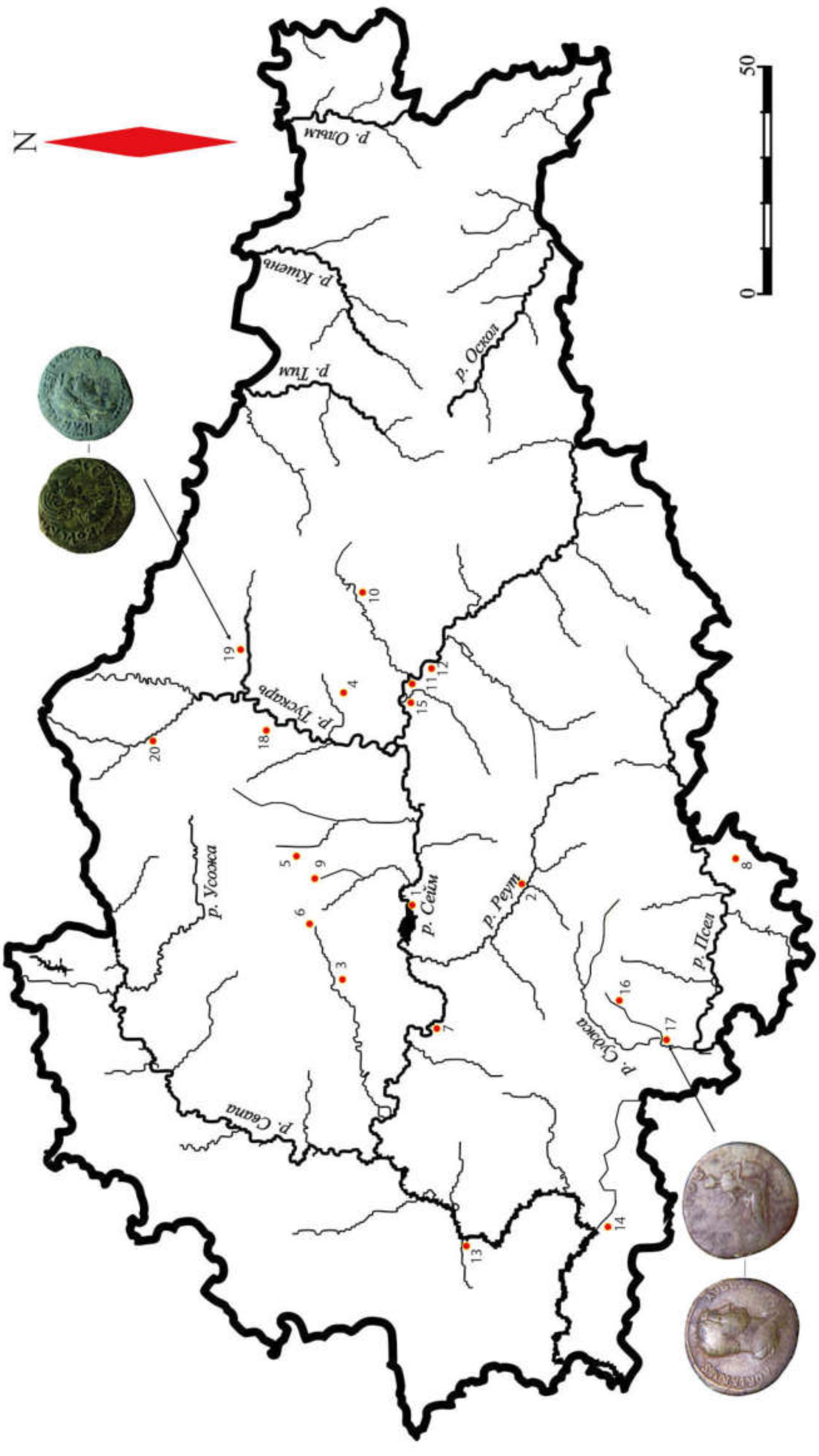

N
0
50
р. Олым
р. Кшень
р. Тим
р. Оскол
р. Тускарь
р. Сейм
р. Реут
р. Усожа
р. Свапа
р. Псел
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

Рис.3

Рис.4

НОВОСУДЖАНСКИЙ КЛАД: ИСТОРИЯ НАХОДКИ, ФОРМИРОВАНИЕ МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ, ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2023 г. А.В. Зорин
Курский государственный областной музей археологии, Курск
© 2023 г. В.Е. Родинкова
Институт археологии РАН, Москва

Статья посвящена истории обнаружения, исследования и современному состоянию одного из наиболее известных комплексов круга «древностей антов». Коллекция предметов «Новосуджанского клада» VII в. хранится в фондах Курского областного краеведческого музея, Курского государственного областного музея археологии и Суджанского краеведческого музея. Как показал анализ учетной документации, в реальности эта коллекция состоит из вещей собственно Новосуджанского клада, выявленного в 1947 г. и по частям в разное время переданного в музеи Курска и Суджи, и комплекса, обнаруженного в 1930-е годы у с. Смородино. Помимо того, в 2010 г. в Курский музей археологии поступила еще серия изделий, которые несколькими годами ранее были собраны на месте находки Новосуджанского клада и могут являться его составной частью. Полевые исследования, проведенные в 1964 и 2012–2014 гг., позволили установить, что рассматриваемый комплекс связан с многослойным поселением Суджа 4, на котором в том числе имеются культурные напластования и материалы киевской или колочинской и волынцевской раннеславянских археологических культур.

Ключевые слова: раннее Средневековье, клады «древностей антов», Суджанский регион, музейные коллекции.

«NOVOSUDZHANSKIY TREASURE»: HISTORY OF THE FIND, FORMATION OF THE MUSEUM COLLECTION, FIELD RESEARCH

© 2023 A.V. Zorin, V.E. Rodinkova

The article deals with the history of discovery, research and the current state of one of the most famous assemblages of the “antiquities of the Antes”. Collection of items from the «Novosudzhansky hoard» of the 7th century is stored in the funds of the Kursk Regional Museum of Local Lore, the Kursk State Regional Museum of Archeology and the Sudzha Museum of Local Lore. The analysis of accounting documentation shows, that in reality this collection consists of items from the Novosudzhansky hoard, discovered in 1947 and transferred in parts at different times to the museums of Kursk and Sudzha, and a complex discovered in the 1930s near the village of Smorodino. In addition, in 2010, the Kursk Museum of Archeology received a series of artifacts that had been collected several years earlier at the Novosudzhansky hoard discovery place and could be part of it. Field studies conducted in 1964 and 2012–2014 made it possible to establish that the assemblage under consideration is associated with the multi-layered settlement of Sudzha 4, which contains occupational layers and materials of the Kiev or Kolochin and Volyntsevo early Slavic archaeological cultures.

Keywords: early Middle Ages, “antiquities of the Antes”, Sudzha region, museum collections

Вступление. Набор мужских и женских украшений и других предметов, найденный в 1947 г. на «дюне» (останце разрушенной террасы) в пойме левого берега р. Суджа между г. Суджа и слободой Замостье, открыл список комплексов «древностей антов», по А.А. Спицыну (Спицын, 1928), или днепровских раннесредневековых кладов типа Мартыновского, в Курской области. Свое название — Новосуджанский — он получил благодаря Б.А. Рыбакову, опубликовавшему часть вещей из его состава (Рыбаков, 1949). Наименование, включающее слово «новый», очевидно, было предложено, чтобы

отличить рассматриваемую находку от так называемых Старых Суджанских кладов, вернее, инвентаря двух (?) погребений позднего римского времени, сопоставимых с известнейшими «княжескими» захоронениями Западной Европы. Они были обнаружены в верховьях р. Суджа, немного ниже с. Большой Каменец (совр. Большесолдатский район Курской области) в 1918 или 1919 и 1927 г. (Мацулевич, 1934). Их материалы поступили в 1928 г. в Оружейную палату Московского Кремля, где хранятся по настоящее время.

Долгое время Новосуджанский клад оставался единственным комплексом «древностей антов» на Курщине. Лишь в 1994 г. в Кореневском районе на берегу р. Сейм был найден Гапоновский клад, анализ которого на широком европейском фоне вывел изучение материалов данного круга на новый уровень и заложил основы их современного понимания (Гавритухин, Обломский и др., 1996). В начале XXI в. в результате широкого распространения металлодетекторов и активного развития металлодетекторного поиска одна за другой последовали новые находки: в Куриловке в 2007 г. (Родинкова, 2010); Судже-Замостье в 2009 г. (Родинкова, Сапрыкина, Сычева, 2018); Черкасской Конопельке в 2012 г. (Родинкова, Сапрыкина, 2015б. С. 44–47. Рис. 2; 3); на хуторе Княжьем 1-м в 2013 или 2014 г.; в Бондаревке в 2015 или 2016 г.; Фанасеевке в 2019 г.; Гуево в 2020 г. (Родинкова, в печати). Кроме того, из окрестностей Уланка происходит набор вещей, точное место обнаружения которого неизвестно. Он был обнаружен в 2014 г., часть его поступила в Курский областной государственный музей археологии (КГОМА) в 2016 г. Наконец, в 2007 или 2008 г. якобы на той же «дюне», что и Новосуджанский клад, была найдена еще серия украшений, переданных в КГОМА в 2010 г. Среди них есть поясные накладки, по форме и стилю орнаментации полностью аналогичные изделиям из коллекции 1947 г. Вероятно, это, действительно, не выявленная ранее часть Новосуджанского комплекса.

Сложившаяся ситуация заметно усилила интерес исследователей к проблематике сокровищ типа Мартыновского вообще и к Суджанскому региону, где выявлено неординарное их скопление, в частности. В контексте формирования новых гипотез и интерпретаций днепровских раннесредневековых кладов как историко-культурного феномена актуальными представляются не только публикация и анализ находок, появившихся в последние годы, но и новое обращение к уже известным комплексам, таким, как Новосуджанский. Особую важность, по нашему мнению, имеет обследование мест их обнаружения, изучение ландшафтной приуроченности, связи с синхронными и асинхронными археологическими памятниками и т.д.

Обстоятельства находки. Новосуджанский клад был обнаружен 12 мая 1947 г. близ г. Суджа, на песчаной «дюне» «Дьяков бугор» (согласно записи в КП КОКМ — «в 1 ½ км от Суджи в сторону станции на распаханном участке в 150–200 м от дороги на глубине 1,25 м», согласно свидетельству Ф.А. Сластёновой — «на глубине 30–35 см»).

Суджанская учительница Фаина Александровна Сластёнова таким образом описывала обстоятельства находки: «Мой сын Сластенов Виталий Александрович по профессии тракторист. В 1947 г. при весенней пахоте под огороды на глубине 30–35 см выпахал клад, состоящий из всевозможных цепей, цепочек, пластинок плоских, выпуклых и фигурных, цепей, спиралей, фибул, колец, бус и проч. Бус было немного. 2 бусины были кроваво-красного цвета и 8 желтого. Далеко не все выпаханные вещи сын принес домой. Часть из них (цепи) взяли дети, игравшие в то время на лугу.

При посещении лекций в Доме Учителя я встретила Золенко Ф.П., которому и рассказала о находке (к Золенко я обратилась, как к руководителю краеведческого кружка ...). Золенко очень заинтересовался и просил меня найденные вещи принести ему. Он обещал их сфотографировать и отослать в Курск, и если эти вещи будут иметь ценность, то тогда он мне сообщит. Все найденные вещи я сложила в базарную корзину и полную отнесла Золенко.

Прошло некоторое время и вот рано утром, собирая сына на работу и собираясь сама, я услышала стук в дверь. Получив разрешение войти, ко мне в квартиру вошел

гражданин и сказал, что он ищет тракториста, у которого мать учительница. Он отрекомендовался геологом Воеводским и говорил о том, что с экспедицией прибыл в Курск, а в то время Курский музей получил сообщение о находке клада в Судже. Вот он — Воеводский и приехал взять вещи — находки и вручить находчику вознаграждение пока в сумме 500 руб. [Он] ... вместе с сыном ходил на место находки ... После этого ... ходили к Золенко, чтобы взять вещи, но Золенко в это время не было дома, а жена Золенко сказала, что «без мужа я вещей не отдам». Не получив вещей, Воеводский конечно, не вручил и вознаграждения находчику Сластенову В.А. Вот так обстояло дело» (ГАКО. Ф. Р-313, оп. 8, д. 370, л. 182-183)[1].

Неизвестно, получил ли в конечном счете «находчик» свое вознаграждение, но обнаруженный им клад (Рис. 1) Ф.П. Золенко передал в дар Курскому краеведческому музею; вскоре информация о комплексе была введена в научный оборот (Рыбаков, 1949).

Полевые исследования на месте находки. Первым место находки Новосуджанского клада обследовал курский археолог и краевед Ю.А. Липкинг. В архиве КГОМА сохранились сделанные им, вероятно, в разное время рукописные заметки, в которых излагаются результаты проведенных работ. В дневнике полевых исследований Замощанского и Княжьего могильников 1964 г. есть следующий текст[2]: «Суджа I. Осмотрена дюна, на которой в 1947 г. т. Селищевым был найден Новый Суджанский клад украшений 6-7 вв. н.э. (указана т. Золенко Ф.П.). Дюна находится в 300-400 м к югу от дороги из г. Суджа на ст. Суджа и на расстоянии около 300 м от юго-западной (вероятно, следует читать «юго-восточной» – А.З., В.Р.) окраины города.

Дюна пологая. Наиболее высокая часть ее (до 3–4 м) находится посередине. Полностью распахивается. На ней несколько ям, в которых еще в Отечественную войну закапывали танки или зенитные орудия. Древесной или кустарниковой растительности нет. На поверхности – слабо гуммированный песок.

На дюне собрано значительное число фрагментов лепной неорнаментированной керамики бурого цвета … большей частью с гладкой (но не лощеной) поверхностью. Венчики без защипа, донья с закраиной, но без поддона.

В западной части дюны немного керамики бронзового века (бондарихинской и 2–3 фрагмента сосницкой).

Заложен шурф на месте небольшой ямы в средней части пашни (2 × 2 [м]). В первом (распаханном) штыке – незначительное количество мелких фрагментов керамики и 1 биконическое гончарное прясло. Во II штыке керамики больше, она крупнее. На глубине 40–50 см – стерильный желтый песок. В средней части раскопа – яма глубиной до 90 см от современной поверхности. В ней керамика, подобная остальной, кости животных (в том числе обожженные), угли, немного золы, фрагмент яйцевидного блока, фрагменты (2) металлургического шлака со значительным содержанием железа.

Шурфы (2 × 2 [м]), заложенные в 15 м к северу и в 20 м к югу от основного, дали незначительное число фрагментов той же керамики и [завершились] стерильным песком на глубине 35 – 45 см.

Шурф, заложенный в юго-западном [углу] дюны (1 × 4 м) был…» (Липкинг, 1964а).

В другом месте Ю.А. Липкинг так описывает участок, на котором осуществлялись исследования, и оценивает их итоги: «Летом 1964 г. нами была проведена разведка места, где в 1948 г. трактористом Селищевым (вероятно, Ю.А. Липкинг имел в виду В.А. Сластенова – А.З., В.Р.) был найден так называемый Новый Суджанский клад бронзовых украшений 6–7 вв. н.э. Точное место находки клада было указано нам краеведом Ф.П. Золенко, в 1948 г. при посредстве которого в свое время клад был сохранен

1 Данные материалы были выявлены в фондах ГАКО заведующим экспозиционным отделом КГОМА А.Г. Шпилевым.

2 Публикуются обработанные и отредактированные версии текстов Ю.А. Липкинга. В квадратных скобках даны наиболее вероятные реконструкции пропущенных или плохо читаемых слов

и поступил в КОКМ.

Место находки – пологая песчаная дюна в пойме р. Суджи, длиной с севера на юг 200–250 м и шириной 75–100 м. Наиболее высокая часть ее находится в южной трети и возвышается над поймой на 3,5–4,5 м. Дюна распахана. Никакой древесной или кустарниковой растительности на ней нет. Нет и ям. При осмотре на поверхности дюны на пахоте обнаружены фрагменты керамики лепной … бугристой неорнаментированной … [аналогичной] керамике Княжьинского могильника, а [также] биконическое пряслице и керамика бронзового [века].

Нами заложено 2 шурфа: I в самой высокой южной трети на расстоянии 70 м от южного края и 85 м от дороги (проселка), проходящей вдоль западного края дюны, и II у северо-западного края, примерно в том месте, где найден был Новый Суджанский клад.

Шурф I заложен размерами 2 × 2 [м], ориентирован по сторонам света. Начиная от самой поверхности грунт – гум[мированный] песок темно-серого цвета с отдельными угольками, костями животных … и довольно значительным числом фрагментов керамики, в основном подобной керамике Княжьинского могильника, раскопанного нами в том же 1964 г.

В восточной части шурфа культурный слой завершился и сменился стерильным серо-желтым песком на глубине 55–60 см. В западной части шурфа оказалась яма полуземлянки глубиной от современной поверхности 85–90 см. В яме – значительное число фрагментов керамики, сплошь лепной, в основном Княжьинского типа, а также отдельные фрагменты керамики эпохи бронзы и куски глиняной обмазки и керамические блоки … сферической формы. В юго-западном углу ямы – прослойка золы и угля.

Шурф II заложен также размерами 2 × 2 [м] (как выше сказано, в юго-западной (вероятно, следует читать «северо-западной» – *А.З., В.Р.*) части дюны). Грунт такой же, как и в I шурфе. На глубине 45–50 см он сменился стерильным песком. В культурном слое – фрагменты керамики бронзового века и главным образом типа Княжьинского могильника. Из фрагментов удалось собрать часть сосуда от венчика до днища. Это горшок стройных [пропорций] на маленьком донце, неорнаментированный. … Сосуд очень сходен с сосудами Княжьинского могильника.

Данные разведок позволяют утверждать, что почти вся разведанная дюна занята селищем с лепной керамикой, видимо, 6–7 в., подобной керамике могильника на дюне Княжьинская I и на селище, расположенном на дюне Княжьинская II. Кроме того, на дюне, в основном в западной и северной ее частях, видимо, находилась стоянка эпохи бронзы, ранней (марьяновская культура) и более поздней» (Липкинг, б.г.).

Обобщая имеющиеся данные, можно заключить, что в 1964 г. Ю.А. Липкинг на предполагаемом участке обнаружения Новосуджанского клада, указанном ему участниками событий 1947 г., заложил не менее двух шурфов общей площадью не менее 8 кв. м. В них выявлен культурный слой, содержавший разновременные археологические материалы, в том числе лепную керамику эпохи бронзы и, вероятно, колочинской культуры. Такой вывод сделан на основе сходства найденных здесь обломков сосудов с керамикой Княжьинского могильника, одного из эталонных колочинских памятников Днепровского лесостепного Левобережья (Липкинг, б.г.; 1964б. Л. 14, 15). Кроме того, зафиксирована часть углубленного объекта, принадлежащего, судя по наличию в его заполнении глиняных блоков сферической и яйцевидной формы, волынцевской культуре. В целом в 1964 г. впервые было не только обследовано место находки клада типа Мартыновского, но и получены доказательства связи подобных комплексов с раннеславянской культурной средой.

До недавнего времени считалось, что Ю.А. Липкинг проводил работы на поселении Суджа 6 (Археологическая карта…, 2000. С. 126, 127). Однако анализ топографических особенностей местности, карт, отражающих ситуацию середины XX в. (Рис. 2), сопоставление их со схематическим планом обследованного участка (Рис. 3) и

описаниями, имеющимися в архивных источниках, позволили утверждать, что речь идет о многослойном поселении Суджа 4, расположенном на крупном останце разрушенной надпойменной террасы. Информация, зафиксированная в записях Ю.А. Липкинга и полученная в результате опроса старожилов, позволяет приурочить место находки Новосуджанского клада к одному из склонов останца (вероятнее всего, пологому северо-западному) (Рис. 2).

Повторно памятник обнаружил в 1974 г. А.Е. Зайцев, в 1990-х годах обследовали А.В. Кашкин и Н.А. Тихомиров (Археологическая карта…, 2000. С. 126). В 2012–2014 гг. работы на поселении и в его округе проводил Суджанский археологический отряд ИА РАН под руководством В.Е. Родинковой. Основные результаты этих работ опубликованы (Родинкова, Сапрыкина, 2015а. С. 249; Родинкова, 2016). Ниже приведены дополнительные сведения, позволяющие составить более детальное представление о памятнике и характере изученных на нем объектов и материалов.

Поселение Суджа 4 расположено в пойме левого берега р. Суджа (правого притока р. Псел – левого притока р. Днепр), в черте г. Суджа, на расстоянии 0,6 км к северо-востоку от центральной части города и 0,5 км к юго-западу от моста через старичную протоку на автодороге, соединяющей центр города и железнодорожную станцию (Рис. 2; 4). Занимает западную и северо-западную часть останца разрушенной древней террасы длиной около 500 м, шириной 150–200 м, вытянутого с запада – северо-запада на восток – юго-восток. Останец со всех сторон окружен староречьями и заболоченными низинами, имеет высоту 3–4 м от уровня воды и является доминирующей на данном участке поймы возвышенностью. Его местные названия – «Лисьи горы», «Гостров». Склоны и площадка возвышения задернованы, поверхность нарушена многочисленными старыми ямами и перекопами, на момент обследования фиксировались также следы небольших свежих разрытий.

В 2012–2014 гг. на поселении и на прилегающей к нему территории заложены 15 шурфов размерами 1 × 1 м (Рис. 4). Установлено, что культурный слой представляет собой темно-серую гумусированную супесь, не стратифицирован, имеет мощность до 0,45 см и распространен на участке размерами 175 × 270 м. Верхняя его часть на глубину до 0,30 см разрушена распашкой. В ряде шурфов (1, 2, 4, 6, 7) на уровне материка выявлены пятна углубленных объектов. В культурных напластованиях обнаружено значительное количество антропогенного материала, основную часть которого составляют фрагменты керамики. Это лепные черепки с рельефным орнаментом, принадлежащие эпохе бронзы; обломки неорнаментированных лепных сосудов «раннеславянского» типа, с примесью шамота в глиняном тесте, относящиеся ко второй – третьей четвертям I тыс. н.э.; фрагменты круговой керамики древнерусского и Нового времени (Рис. 5, 1–10). Встречены также кости животных, куски глиняной обмазки, единичные железные шлаки. Количественно преобладают материалы прото- и раннеславянского периода. Судя по профилировке сосудов, среди них представлены в том числе изделия киевской (III – первая половина V в.) и колочинской (вторая половина V – третья четверть VII в.) культурных традиций. Бóльшая мощность слоя и большее количество находок зафиксированы на возвышенных участках западного края и пологом северо-западном склоне останца. Фрагменты керамики эпохи бронзы и древнерусского времени тяготеют к западной и северо-западной частям памятника (шурфы 1, 2, 4, 8, 9), Нового времени – к южной (шурф 7).

В 2014 г. у верхнего края плавно спускающегося к старичному рукаву Суджи северо-западного склона останца, на котором предположительно был найден Новосуджанский клад, заложен раскоп I площадью 18 кв. м (Рис. 6). В нем исследованы 3 крупные ямы и 12 более мелких столбовых, принадлежащие двум культурно-хронологическим горизонтам. Из ям 1 и 3, перекрытых линзами обожженной глины (Рис. 7), происходят фрагменты лепной керамики, позволяющие относить эти объекты к киевской или колочинской культурам (Рис. 5, 20–24). (Отметим, что два обломка венчиков горшков

с косыми насечками по краю и фрагмент стенки сероглиняного кругового, возможно, черняховского сосуда из ямы 1 (Рис. 5, 20, 22) указывают, скорее, на ее принадлежность к древностям киевского типа. Черепок эпохи бронзы с рельефным орнаментом (Рис. 5, 25) попал в заполнение ямы 3, очевидно, случайно, из культурного слоя.) По наличию значительного количества обмазки в верхней части заполнения с ними сближается яма 4, вошедшая в пределы раскопа только своей восточной половиной. Ее углубленная в материк часть не вскрывалась. В подбое у дна ямы 3 зафиксированы шесть располагавшихся в определенном порядке скоплений костей животных, в том числе куски разрубленного черепа самца лося, а в нижней части заполнения – лопатка лошади с просверленным отверстием (Родинкова, 2016. Рис. 20, 1). Можно предполагать, что данное сооружение выполняло какие-то ритуальные функции.

Яма 2, частично нарушившая стенки объектов 1 и 3, связана с более поздним этапом существования поселения. Наряду с другими материалами в ней встречены обломок точильного камня (в верхней части заполнения), два фрагмента венчиков гончарных серолощеных волынцевских сосудов, часть крупного лепного горшка, подражающего волынцевской круговой посуде (Родинкова, 2016. Рис. 20, 2), фрагмент отогнутого венчика лепного сосуда с пальцевыми вдавлениями по краю, а также обломки глиняных вальков, использовавшихся при строительстве печей (Рис. 5, 26–31). Все это позволяет относить данное сооружение к волынцевской культуре и датировать VIII в., скорее, второй его половиной.

Столбовые ямы, полукольцом (в пределах вскрытой площади) охватывающие более крупные объекты, могут быть следами опор крыши или ограды, однако связаны они с киевско-колочинским или волынцевским комплексом строительных остатков, неясно.

Находки из культурного слоя раскопа представлены преимущественно лепной керамикой с примесью шамота в тесте, синхронной изученным сооружениям. Особо отметим низкое биконическое глиняное пряслице, аналогии которому известны в киевской культуре (Рис. 5, 17). Фрагменты сосудов эпохи бронзы и Нового времени единичны. По-видимому, освоение исследованного участка осуществлялось в основном носителями прото- и раннеславянских традиций в III–VIII вв.

Таким образом, в результате полевых работ 2012–2014 гг. на поселении Суджа 4 выявлены культурные напластования и материалы эпохи бронзы, раннеславянского периода, древнерусского и Нового времени. Изучены сооружения киевской или колочинской и волынцевской культур. Полученные данные в целом подтверждают культурно-хронологическое определение, предложенное для памятника Ю.А. Липкингом в 1964 г.

Коллекция Новосуджанского клада в составе фондов музеев Курской области. К сожалению, обстоятельства, сопровождавшие как находку Новосуджанского клада «древностей антов», так и процесс передачи и принятия его на учет, привели к тому, что восстановить полный состав комплекса в настоящее время практически невозможно. Входящие в него предметы хранятся в коллекциях трех музеев Курской области — Курского областного краеведческого музея (КОКМ), КГОМА и Суджанского краеведческого музея (филиала КОКМ). Изучение разновременной учетной документации показывает, что коллекции эти имеют сложный состав и включают в себя не только находки 1947 г.

Начальник Деснинской экспедиции М.В. Воеводский, получив, наконец, предметы клада у суджанского краеведа, заведующего районным отделом народного образования Ф.П. Золенко, некоторые из них привез в Москву, где показал Б.А. Рыбакову. Примерно в то же время часть комплекса была сфотографирована, вероятно, Ф.П. Золенко (Рис. 1).

В тексте статьи Б.А. Рыбаков отмечал, что М.В. Воеводский привез и «любезно предоставил для изучения» всего «половину вещей из клада». Вещи эти были описаны, фотографии некоторых помещены в качестве иллюстраций (Рыбаков, 1949. С. 76, 78, 79, 80, 81, 83). Согласно Б.А. Рыбакову, в состав клада входил следующий набор предметов:

1) пальчатые бронзовые фибулы – 2;

2) серебряные браслетообразные височные кольца – 10;

3) спиральные височные кольца (двуспиральные и односпиральные) – 16 (включая 4 обломка);

4) шейная бронзовая гривна – 1;

5) бронзовые и серебряные трубочки-пронизки – 28;

6) бронзовые и серебряные круглые подвески (умбоновидные) – 12;

7) бронзовые трапециевидные подвески – 6 пар;

8) бронзовые цепочки (в том числе с колокольчиками) – 3;

9) янтарные и стеклянные бусы – 5;

10) серебряный поясной набор – 12 наконечников боковых ремней, 5 бляшек и 2 застежки;

11) не сохранившиеся железный меч и медный лист (оковка щита?).

Итого – 104 предмета (Табл. 1).

По мнению исследователя, перечисленные изделия распадаются на три группы – набор женских украшений, вещи девочки и мужские вещи (Рыбаков, 1949. С. 82, 84).

Говоря о составе комплекса, следует иметь в виду различную терминологию, которой пользовались описывавшие его люди. Так, например, Б.А. Рыбаков сообщает, что «в кладе найдено 8 очень больших височных колец из толстой серебряной проволоки. Диаметр колец 14 см; концы колец утолщены … и сомкнуты» (Рыбаков, 1949. С. 77). Эти же предметы фигурируют в музейной документации как шейные гривны. Под именем одной из гривен (№ 3195), однако, явно скрывается височное спиральное кольцо, как явствует из описания самого предмета. («Состоит из согнутой в виде кольца проволоки. Один конец согнут концентрическими кругами, вблизи которых проволочная обмотка».)

Фотография, сделанная, по-видимому, вскоре после находки клада, также не отображает его в полном составе. Хотя на ней прослеживается 104 предмета, число изделий отдельных категорий отличается от приводимого у Б.А. Рыбакова. Кроме того, на снимке имеется ряд вещей, отсутствующих как у Б.А. Рыбакова, так и в учетной документации КОКМ. А учетная документация КОКМ, в свою очередь, свидетельствует о наличии в музейной коллекции предметов, отсутствующих как на фотографии, так и в публикации Б.А. Рыбакова.

По сведениям Г.Ф. Корзухиной, работавшей «на основании фотографии, сделанной Ф.П. Золенко в 1947 г. перед отправкой части клада в Москву и любезно присланной мне для работы», а также по зарисовкам самого Ф.П. Золенко, в состав клада входил следующий набор предметов:

1) пара фибул пальчатых бронзовых литых;

2) две гривны шейные из толстого круглого в сечении прута желтой меди;

3) семь колец из круглой в сечении серебряной проволоки, концы слегка утолщены;

4) кольца височные из круглой в сечении серебряной проволоки – два целых и одно фрагментированное; один конец кольца закручен спиралью, проволока спирали четырехгранная в сечении;

5) кольцо небольшое из серебряной проволоки; один конец слегка утолщен, другой обломан;

6) подвески двуспиральные из серебряной проволоки – 10 целых и один фрагмент; на ушке каждой – гладкая или рубчатая пластинчатая скобочка с заклепкой;

7) подвеска двуспиральная маленькая из серебряной проволоки; на ушке скобочка из рубчатой пластины с заклепкой;

8) 17 подвесок круглых серебряных пластинчатых; в центре каждой крупная тисненая полусферическая выпуклость; ушки из рубчатой пластины, приклепаны;

9) шесть пар подвесок трапециевидных из бронзовых пластин, сцепленных попарно колечками; на каждой подвеске по три тисненых полубусины; некоторые дополнительно

орнаментированы пунктиром;

10) трубочки, нарезанные из свернутой пластины низкопробного серебра – около 28 экземпляров; по краям и посредине – выпуклые тисненые валики;

11) цепочки из проволоки желтой меди, различной по толщине – семь фрагментов; на концах двух цепочек – продолговатые звенья с петлями по концам; на двух других цепочках подвешено по колокольчику желтой меди; на конце пятой цепочки – кольцо неправильной формы, грубо свитое из проволоки, на кольце обломок серебряной пластинки; по-видимому, первоначально все эти цепочки составляли одну цепь длиной вместе с петлями на концах примерно 1,1 м; на некотором расстоянии друг от друга на ней были размещены колокольчики и другие подвески;

12) набор поясной низкопробного серебра, который составляют: а) шесть наконечников продолговатых, в верхней части каждого — три углубления, соединенные гравированными линиями; б) две пластинки продолговатые, оборотные стороны наконечников; в) две накладки в виде двух соединенных прямоугольников, украшены дырочками, крестообразной прорезью и гравировкой; г) накладка широкая с округлым низом, двумя дырочками и гравировкой; д) накладка Т-образная с округлыми и треугольными отверстиями;

13) семь бус красного янтаря и одна смальтовая;

14) проволока четырехгранная в сечении бронзовая, в двух местах согнута под прямым углом;

15) клинок железный (по словам находчика, «кинжал»); не сохранился;

16) большой тонкий медный лист, израсходованный трактористом на прокладки – контакты для трактора (Корзухина, 1996. С. 403, 404).

Таким образом, в кладе оказывается уже 108 вещей.

В учетной документации КОКМ зафиксирован несколько иной набор предметов и иное их количество – 106 (46 из них выставлены ныне в постоянной экспозиции музея). Внимательное изучение этой документации, однако, показывает, что «коллекция Суджанского клада», находившаяся в фондах КОКМ и частично переданная затем в фонды КГОМА, по своему составу неоднородна.

Первые сохранившиеся в Книге поступлений КОКМ записи о приемке суджанских находок относятся к 1951 г. (КП КОКМ № 13887–13939). Они распадаются на две части. Предметы с № 13887 по № 13898 описываются как входившие в состав некоего анонимного «клада, найденного на юге Курской области»; остальные, с № 13899 по № 13939 – как «предметы Суджанского клада». Номер и дата акта о приемке не приводятся. В картотеке КОКМ карточки ряда изделий «клада с юга Курской области» имеют пометки «запись 1951 г.», «клад с фибулами» или даже «из Суджанского клада», что и позволило, помимо всего прочего, объединить указанные материалы в один комплекс.

Следующая партия предметов Суджанского клада несет на себе учетные обозначения, присвоенные им согласно Акту № 363 от 9 февраля 1957 г. Это вещи за номерами 3195, 3196, 3204, 3209, 3210, 3211, 3213, 3215, 3382–3385, 3387; ряд изделий не имеет никаких номеров (Табл. 2). Помимо того, на некоторых предметах сохранились нанесенные непосредственно на них или на прикрепленные к ним бирки обозначения, которые не были выявлены в учетной документации КОКМ. Часть таких предметов позднее получила номера, попавшие в КП КОКМ в запись 1951 г. (например, фибула 2338 – стала 13888, фибула 2339 – стала 13889). На других вещах также появились номера КП, которые, однако, не удалось обнаружить в связанной с «антскими» древностями документации музея (например, обломкам бронзовой проволоки 2342, 2344 и 2352 был присвоен общий номер КП 4487; на одной из пяти свинцовых ворворок под общим номером 2341 прослежен номер КП 4538, при этом оставшиеся четыре аналогичные ворворки с тем же единым старым номером 2341 получили в записи 1951 г. обозначение КП № 13893). В существующих учетных документах КОКМ под номером 4487 и

подобными ему значатся совсем другие находки, равно как и под номерами серии «23…». Некоторые же артефакты вообще не получили никаких учетных обозначений (например «изделия бронзового фрагменты»). Они были отнесены к Суджанскому кладу по наличию номеров серии «23…» наряду с обликом и характером самих вещей. Об этом, казалось бы, говорила и надпись на коробке с четырьмя ворворками № 2341/13892–13893 – «клад на юге Курской области».

Изучение состава коллекции и учетной документации КОКМ дает все основания полагать, что произошло объединение предметов из двух «антских» комплексов. Первый – клад, найденный при неизвестных обстоятельствах в 1930-х годах у с. Смородино Грайворонского района, входившего тогда в Курскую область (Рис. 8–11). Второй – собственно Новосуджанский клад (Рис. 12–20). Аргументами в пользу такого вывода являются, прежде всего, упоминание среди предметов из клада на юге Курской области фибулы с отломанным кончиком и птичьими головками на щитке (КОКМ 13890), которая фигурировала у Б.А. Рыбаковым как фибула из Смородинского клада, а также дублирование на предметах номеров двух разных серий – «23..» и «138…» (Рыбаков, 1949. С. 87; Корзухина, 1996. С. 402).

В составе Смородинского клада (Г.Ф. Корзухина предполагала, что это был «инвентарь одного или двух погребений по обряду сожжения») находилось 17 предметов:

1) фибула пальчатая желтой меди литая с обломанным нижним концом; вокруг верхнего щитка ажурная кайма из птичьих голов, поверхность щитка покрыта косой клеткой; нижний щиток орнаментирован кружками; на верхнем щитке в углублениях местами жирная сажа; на клюве одной из птиц – тонкий слой расплывшегося перегоревшего стекла темно-коричневого цвета;

2) фибула пальчатая желтой меди литая; оба щитка украшены спиралями; на нижнем щитке, кроме того, прямоугольное поле с решеткой;

3–4) пара фибул пальчатых желтой меди литых; оба щитка украшены кружками;

5) пружинка на кусочке проволоки (иглы?) – фрагмент фибулы (?), бронза;

6) две подвески из тонкой пластины желтой меди, типа трапециевидных, но с круглым верхом; орнаментированы гравировкой елочкой;

7) четыре конуса свинцовых полых со сквозным отверстием в вершине;

8) деталь украшения бронзового литого ажурного, фрагмент — три целых и часть четвертой арочки;

9) пряслице глиняное черное лощеное, по вертикали сильно сплющено, асимметрично; по ребру крупные косые врезы;

10) куски оплавленного свинца и стекла (Корзухина, 1996. С. 402, 403).

В фондах КОКМ перечисленные вещи хранились под инвентарными номерами 13887–13898.

Сравнение данного перечня с учетными записями КОКМ и имеющимися в наличии материалами позволяет установить, что к настоящему времени сохранились практически все предметы Смородинского клада, исключая фибулу КОКМ 13890 (№ 1 по Г.Ф. Корзухиной) (Рис. 11, 1), металлический кружок и оплавленные стеклянные сгустки (сохранился один). (Табл. 2, №12). Сохранившиеся изделия, кроме фибулы КОКМ 13888 (экспонируется в КОКМ в витрине «Суджанский клад»), находятся в фондах КГОМА, будучи включены в состав коллекции «Новосуджанский клад». К Смородинскому комплексу следует относить и предметы с устаревшими номерами КОКМ 2341, 2345 и 2349 (Табл. 2). Судя по всему, они были присвоены вещам еще в 1930-х годах. В 1951 г. в связи с утратой довоенной учетной документации эти вещи внесли в книгу поступлений заново под другими номерами. Ряд изделий, однако, ускользнул от внимания хранителей и остался вне новой учетной записи, соответственно, со старыми, уже не соответствующими действительности обозначениями. Таким образом, количество предметов Смородинского клада можно обоснованно увеличить вдвое (Табл. 2).

Как отмечалось выше, часть предметов Новосуджанского и Смородинского кладов была выставлена в экспозиции краеведческого музея, часть оставалась в его запасниках и после создания Курского государственного областного музея археологии была передана в фонды последнего. Согласно свидетельству очевидцев, ряд вещей Новосуджанского клада оказался утрачен еще в момент находки. Неизвестное количество цепочек и, вероятно, бус разошлось по рукам игравших рядом детей. Кроме того, «за непригодностью» были выброшены обломки какого-то «железного кинжала» и пущен на прокладки – контакты для трактора – «большой тонкий медный лист», предположительно оковка щита (Рыбаков, 1949. С. 82).

Необходимо добавить, что еще несколько предметов до сих пор хранятся и экспонируются в Суджанском районном краеведческом музее, оставаясь вне поля зрения исследователей. Некоторые из них были переданы в музей Ф.П. Золенко, другие — В.А. Сластёновым (по акту от 22 декабря 1963 г.). В эту группу входят: две умбоновидные подвески, одна двуспиральная подвеска, одно височное кольцо со спиральным завитком, одна трубочка-пронизка, одна спиральная пронизка и пара орнаментированных трапециевидных подвесок на одном кольце, всего семь предметов (Рис. 21).

В то же время в состав суджанской экспозиции оказались механически включены сходные изделия, обнаруженные школьниками с. Уланок на берегу р. Псел в 1967 г. (умбоновидные подвески). Об этом говорит следующая запись в КП Суджанского музея:

«Акт приемки № 23 от уч[ащих]ся Уланковской школы.

1311. Круглая подвеска, найденная на берегу р. Псел в 1967 г., медная.

1312. Другая подвеска, найденная на берегу р. Псел в 1967 г., круглая.

1313. Третья подвеска, найденная на берегу р. Псел в 1967 г., рожком»

В 2010 г. О.А. Радюшем были выкуплены и переданы в фонды КГОМА 14 предметов, собранных суджанскими кладоискателями на месте находки 1947 г. в 2007 или 2008 г. Это две пряжки, пять поясных накладок, два поясных наконечника, две трапециевидные подвески, три трубочки-пронизки (коллекция КГОМА 287/56) (Рис. 22).

Данные о соотношении количества предметов, упомянутых в различных источниках, представлены в Таблице 1; данные о составе клада и современном местонахождении его предметов — в Таблице 2. Исходя из имеющихся сведений и материалов, можно сделать вывод, что изначально Новосуджанский клад включал не менее 130 предметов (не считая неустановленное количество бус). Число вещей, входивших в Смородинский комплекс, вероятно, не менее 32.

Подводя итоги, отметим, что привлечение всего комплекса учетной документации КОКМ и КГОМА, а также работа с фондами музеев позволили не только установить подлинный состав музейной коллекции, проследить историю ее формирования, но и с относительной точностью восстановить изначальный состав входящих в нее кладов, как Новосуджанского, так и Смородинского.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта России: Курская область. Ч. 2 / Автор-сост. А.В. Кашкин. М.: ИА РАН, 2000.

Гавритухин И.О. Типологическое определение инвентаря. Детали ременной гарнитуры // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 22–36 (РСМ. Вып. 3).

Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996 (РСМ. Вып. 3).

ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 370.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и

этнографии Таврии. Вып. V. Симферополь, 1996.

Липкинг Ю.А. Поселение 6–7 вв. н.э. под г. Суджей // Научный архив КГОМА. VI-14/3. Б.г.

Липкинг Ю.А. Замощанский и Княжий могильники. Дневник полевых исследований 1964 г. // Научный архив КГОМА. VI-1. 1964а.

Липкинг Ю.А. Отчет об археологических разведках и раскопках в Курской обл. в 1964 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2937. 1964б.

Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховьи реки Суджи. М.; Л., 1934 (Изв. ГАИМК. Вып. 112).

Научный архив КГОМА. VII-18/7.

Родинкова В.Е. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. 2010. № 4.

Родинкова В.Е. Исследования Суджанского отряда ИА РАН в Курской области // Археологические открытия 2014 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2016.

Родинкова В.Е. Раннеславянские клады Верхнего Псла // IMPERIUM ET BARBARICUM: взаимодействие цивилизаций. Материалы международной научной конференции. Симферополь, в печати.

Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А. Исследования в Суджанском районе Курской области в 2012–2013 гг. // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015а.

Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А. Раннесредневековые клады Суджанщины: новые находки и исследования // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре / Ред.-сост. А.И. Раздорский. Курск, 2015б.

Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А., Сычева С.А. Клад из Суджи-Замостья и проблема социокультурной интерпретации днепровских раннесредневековых кладов I группы //

РА. 2018. № 2.

Рыбаков Б.А. Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК. 1949. XXVII.

Спицын А.А. Древности антов // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л., 1928.

Таблица 1. Количество предметов Новосуджанского и Смородинского кладов, по данным различных источников

Наименование предметов	Публикация Б.А. Рыбакова	Фото Ф.П. Золенко	Свод Г.Ф. Корзухиной	Фонды КГОМА	Экспозиция КОКМ	Документация КОКМ	Экспозиция Суджанского музея	Поступление 2010 г. (КГОМА)	Предметы Смородинского клада
Фибулы	2	2	2	2 (Смородинский клад)	3 (1 из Смородинского клада)	6 (4 из Смородинского клада)	–	–	4
Гривны с петлеобразными завершениями	1	2	2	–	2	2	–	–	–
Пряжки поясные	–	–	–	–	–	–	–	2	–
Большие браслетообразные височные кольца (малые гривны)	8	8	7	4	–	8	–	–	–
Малые браслетообразные височные кольца	2	2	1	–	1	1	–	–	–
Спиральные височные кольца	16 (4 обломка) опубликовано 8: 6 двуспиральных, фр-т двуспирального и фр-т спирального	3	3 (1 фр.)	2 (1 фр.)	1	1	1	–	–
Двуспиральные подвески		12	12 (1 фр., 1 маленькая)	5 (1 маленькая)	3	10	1	–	–
Умбоновидные подвески	12	17	17	8	4	12	2	–	–
Пары трапециевидных подвесок	6	6	6	1	3	6	1	1 (2 подвески в 4 фр-тах)	–
Трубочки	28	28	ок. 28	11 (3 обломка из Смородинского клада)	14	22	1	3	3 обломка
Цепочки	3 (1 с	7 (2 с	7 (2 с	3	4 (2 с	7 (2 с	–	–	–

	колокольчиком)	колокольчиками)	бубенчиками, 1 с обломком пластины)		колокольчиками)	колокольчиками)			
Поясные наконечники	12 (опубликовано 6)	7	6	5	1	6	–	2	–
Пластинки (оборотные стороны наконечников?)	–	–	2	2	–	–	–	–	–
«Бляшки поясные»	2	–	–	–	–	–	–	–	–
Накладки в виде двух прямоугольников с прорезью	2	2	2	1	1	2	–	3	–
Накладка с округлой нижней частью (щитовидная)	1	–	1	–	1	1	–	1	–
Накладка Т-образная («застежка»)	2	–	1	–	1	1	–	1	–
Спиральная пронизка	–	–	–	–	–	–	1	–	–
Бусы янтарные	4	8	7	–	7	7	–	–	–
Бусина смальтовая	1		1	1	–	1	–	–	–
Бронзовая проволока, четырехгранная в сечении, согнутая в двух местах под прямым углом	–	–	1	–	–	–	–	–	–
Клинок железный	1 (не сохр.)	–	1	–	–	–	–	–	–
Медный лист	1 (не сохр.)	–	1	–	–	–	–	–	–
Подтреугольные орнаментированные подвески	–	–	–	2	–	2	–	–	2
Подвески биконические из двух половинок (ворворки)	–	–	–	9 (Смородинский клад)	–	4 (2 пары) (Смородинский клад)	–	–	9 (4 по Г.Ф. Корзухиной)
Сгусток стекловидный черный	–	–	–	–	–	1	–	–	2
Пряслице с ребристым краем	–	–	–	1 (Смородинский клад)	–	1 (Смородинский клад)	–	–	1

Оплавленный металл (свинец?)	–	–	–	1 (Смородинский клад)	–	1 (Смородинский клад)	–	–	2
Обломки ажурного арочного украшения	–	–	–	3 (Смородинский клад)	–	–	–	–	3 (1 по Г.Ф. Корзухиной)
Кружок металлический	–	–	–	–	–	1	–	–	1
Фрагменты бронзовых украшений (проволоки)	–	–	–	3 (Смородинский клад)	–	3	–	–	3 (1 по Г.Ф. Корзухиной)
Фрагменты свинцовых изделий	–	–	–	4 (Смородинский клад)	–	–	–	–	4
ВСЕГО	104	104	108	68	46	106	7	14	34

Таблица 2[1]. Состав Новосуджанского и Смородинского кладов, современное местонахождение входящих в них предметов

Смородинский клад (он же «клад, найденный на юге Курской области», «запись 1951 г., Суджанский клад», «клад с фибулами»)					
№ п/п	Наименование (согласно учетной документации КОКМ)	Учетный шифр КОКМ	Материал	Состояние	Примечания (учетный шифр КГОМА, местонахождение)
1.	Пряслице с ребристым краем. 3,5 × 1,5 см.	КОКМ 13887	глина	удовл.	131/56/49
2.	Фибула пальчатая. На одном конце плоское полукруглое пятно с 5 выступами, из которых один отломан. На противоположном конце изображение головы змеи с двумя глазами (вид сверху). Украшена кружками (гравировка). 17 × 7 см.	КОКМ 13888	бронза	плохое	эксп. КОКМ
3.	Фибула металлическая. Гравировка завитки. 17 × 8 см.	КОКМ 13889 (2339)	бронза	плохое	Переломлена пополам 131/56/30
4.	Фибула металлическая с отломанным кончиком с 4 кольцеобразными выступами. 12 × 7 см.	КОКМ 13890	бронза	плохое	?
5.	Фибула металлическая с узором в форме кружков с маленькими дырочками. 16 × 8 см.	КОКМ 13891 (2337)	бронза	удовл.	131/56/1
6.	Подвеска металлическая полукруглая биконическая из двух половинок. 3,5 × 3 см (2 ворворки).	КОКМ 13892	свинец	удовл.	131/56/55–56
7.	Подвеска металлическая полукруглая биконическая из двух половинок. 3,5 × 3 см (2 ворворки).	КОКМ 13893	свинец	удовл.	131/56/54, 59
8.	Подвеска металлическая в виде плоской пластины с круглым концом, имеющим отверстие. 3,5 см.	КОКМ 13894	бронза	плохое	131/56/16
9.	Подвеска металлическая в виде плоской пластины с круглым концом, имеющим отверстие. 3,5 см.	КОКМ 13895	бронза	плохое	131/56/17
10.	Фрагменты металлических украшений, проволока, сгустки. 4 шт.	КОКМ 13896	Бронза, свинец	плохое	131/56/62, 63, 67 (фр. проволоки)
11.	Кружок металлический. 3 см.	КОКМ 13897	бронза	удовл.	?
12.	Сгусток стекловидный черный. 3 см.	КОКМ 13898	бронза	плохое	287/56/16
«Предметы Суджанского клада»					
13.	Фибула пальчатая с 5 выступами. Гравировка – кружки и сетка. 16 × 7 см.	КОКМ 13899	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
14.	Цепочка. Звенья состоят из двух колец во взаимно перпендикулярных плоскостях. 11 звеньев.	КОКМ 13900	бронза	плохое	131/56/18
15.	Цепочка. Звенья состоят из 2 колец во взаимно перпендикулярных плоскостях. 31 см.	КОКМ 13901	бронза	плохое	эксп. КОКМ
16.	Цепочка. Звенья состоят из 2 колец во взаимно перпендикулярных плоскостях. Проволока на конце. 13 петель, 7 звеньев.	КОКМ 13902	бронза	плохое	эксп. КОКМ
17.	Цепочка. Звенья состоят из 2 колец во взаимно перпендикулярных плоскостях. На конце медный предмет в виде колокольчика. 11 звеньев.	КОКМ 13903	бронза	плохое	эксп. КОКМ
18.	Бусина глазчатая голубая, глухого стекла, 1,3 × 1 см.	КОКМ 13904	стекло	удовл.	131/56/14
19.	Трубчатое украшение. Длина звена в среднем	КОКМ	бронза	удовл.	13 шт.

[1] Описание предметов цитирует учетную документацию КОКМ.

	6 см. Всего звеньев 13.	13905			эксп. КОКМ
20.	Бусы янтарные, приближающиеся к кубу. 1,5 см.	КОКМ 13906	янтарь	плохое	4 шт. эксп. КОКМ
21.	Гривна шейная бронзовая. d – 14 см.	КОКМ 13907	бронза	удовл.	?
22.	Гривна шейная бронзовая. d – 14 см.	КОКМ 13908	бронза	удовл.	131/56/39
23.	Гривна шейная бронзовая. d – 14 см.	КОКМ 13909	бронза	удовл.	131/56/43
24.	Гривна шейная бронзовая. d – 14 см.	КОКМ 13910	бронза	удовл.	131/56/41
25.	Гривна шейная бронзовая. d – 22 см. Один конец обломан (в 2 фр.).	КОКМ 13911	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
26.	Наконечник поясного ремня. 1,5 × 6 см.	КОКМ 13912	бронза	удовл.	131/56/8
27.	Наконечник поясного ремня. 1,5 × 6 см.	КОКМ 13913	бронза	удовл.	131/56/12
28.	Наконечник поясного ремня. 1,5 × 6 см.	КОКМ 13914	бронза	удовл.	131/56/9
29.	Наконечник поясного ремня. 1,5 × 6 см.	КОКМ 13915	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
30.	Наконечник поясного ремня. 1,5 × 6 см.	КОКМ 13916	бронза	удовл.	131/56/7
31.	Наконечник поясного ремня. 1,5 × 6 см.	КОКМ 13917	бронза	удовл.	131/56/10
32.	Наконечник поясного ремня. 1,5 × 6 см. Из двух прямоугольников разной величины.	КОКМ 13918	бронза	удовл.	131/56/11
33.	Наконечник поясного ремня из 2 прямоугольников разной величины. 4 × 2 см.	КОКМ 13919	бронза	плохое	эксп. КОКМ
34.	Наконечник поясного ремня фигурный с 2 выступами, с отверстиями. 4,5 × 3 см.	КОКМ 13920	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
35.	Фрагмент (нижняя часть) наконечника поясного ремня. 2,5 × 2 см.	КОКМ 13921	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
36.	Привеска прямоугольная из 2 пластин с 3 вдавлениями с оборота выпуклости, висящих на одном кольце. 5 × 3 см.	КОКМ 13922	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
37.	Привеска прямоугольная из 2 пластин с 3 вдавлениями с оборота выпуклости, висящих на одном кольце. 5 × 3 см (трапециевидная).	КОКМ 13923	бронза	удовл.	131/56/48 2 шт.
38.	Привеска прямоугольная из 2 пластин с 3 вдавлениями с оборота выпуклости, висящих на одном кольце. 5 × 3 см (трапециевидная).	КОКМ 13924	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
39.	Подвеска бронзовая спиральная, 8,4 × 5,3 см.	КОКМ 13925	бронза	удовл.	131/56/3
40.	Подвеска бронзовая спиральная, 8 × 7 см.	КОКМ 13926	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
41.	Подвеска бронзовая спиральная. 8×7 см.	КОКМ 13927	бронза	удовл.	131/56/2
42.	Подвеска бронзовая спиральная, 7 × 7 см.	КОКМ 13928	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
43.	Подвеска бронзовая спиральная, 8,4 × 5,3 см.	КОКМ 13929	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
44.	Подвеска бронзовая спиральная, 3,8 × 3 см.	КОКМ 13930	бронза	удовл.	131/56/15
45.	Подвески половинка. 3 × 5 см.	КОКМ 13931	бронза	удовл.	?
46.	Проволока от подвески в стадии скручивания. 7,5 × 7 см (фр. двуспиральной подвески?).	КОКМ 13932	бронза	удовл.	131/56/6
47.	Подвеска круглая с полусферическим	КОКМ	бронза	удовл.	131/56/38

	выступом. d – 6,5 см (умбоновидная).	13933			
48.	Подвеска круглая с полусферическим выступом. d – 6,5 см (умбоновидная).	КОКМ 13934	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
49.	Подвеска круглая с полусферическим выступом. d – 6,5 см (умбоновидная).	КОКМ 13935	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
50.	Подвеска круглая с полусферическим выступом. d – 6,5 см (умбоновидная).	КОКМ 13936	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
51.	Подвеска круглая с полусферическим выступом. d – 6,5 см. С трещинами и разрывами (умбоновидная).	КОКМ 13937	бронза	удовл.	131/56/34
52.	Подвеска круглая с полусферическим выступом. d – 4,5 см. Фрагмент (целый выступ и ½ пластины) (умбоновидная).	КОКМ 13938	бронза	удовл.	131/56/35
53.	Кольцо из проволоки, концы не спаяны.	КОКМ 13939	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
54.	Кольцо височное спиральное, 13 × 3,7 см.	КОКМ 13939 (?)	бронза	удовл.	131/56/40
	Предметы, принятые согласно акту № 363 от 9 февраля 1957 г.				
55.	Кольцо височное спиральное. («Гривна. Состоит из согнутой в виде кольца проволоки. Один конец согнут концентрическими кругами, вблизи которых проволочная обмотка».) 12,5 см.	КОКМ 3195	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
56.	Гривна. Из утолщенной в средней части и суживающейся к концам проволоки. Концы загнуты петлеобразно и имеют проволочную обмотку.	КОКМ 3196	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
57.	Гривна. (Гривна бронзовая 18 × 0,6 см.)	КОКМ 3213 В наличии имеется гривна КОКМ 3211	бронза	удовл.	под этим номером в эксп. КОКМ и КП — 6 умбоновидных подвесок. Из них в эксп. КОКМ – 1, остальные в КГОМА (см). Гривна 3211: 131/56/42.
58.	Гривна. (Гривна бронзовая 17 × 0,5 см.)	КОКМ 3204	бронза	удовл.	131/56/44
59.	Две плоские пластинки, один конец закруглен, второй прямой, с отверстием (трапециевидные).	КОКМ 3382	бронза	удовл.	131/56/27 131/56/28
60.	Трубочки бронзовые. 9 шт.	КОКМ 3383	бронза	удовл.	Из них 8 в КГОМА: 131/56/19–26. 1 шт. в эксп. КОКМ
61.	Цепочка бронзовая из 5 звеньев, напоминающих восьмерку, на одном конце полая конусообразная подвеска, на другом стержень, по краям загнутый петлями, в средней части обмотан проволокой (с колокольч иком?).	КОКМ 3384	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
62.	Цепочка из 3 звеньев, напоминающих восьмерку, и стержня, загнутого на краях петлями и обмотанного в средней части проволокой. 16,5 × 0,3 см.	КОКМ 3385	бронза	удовл.	131/56/29
63.	Цепочка бронзовая из s-видных звеньев. 16 × 1 см.	КОКМ 3386	бронза	удовл.	131/56/13
64.	Бусы янтарные.	КОКМ 3387	янтарь	плохое	3 шт. эксп. КОКМ
65.	Фибула. Состоит из двух частей, соединенных дугообразной перекладиной. Верхняя часть полукруглая с 5 грибообразными выступами. Нижняя часть, суживающаяся к концу, имеет 3 выступа. 16 × 4,5 см.	КОКМ 3209	бронза	удовл.	эксп. КОКМ
66.	Подвески плоские с выпуклым рисунком из 2 пластин, соединенных между собой	КОКМ 3210	бронза	удовл.	В эксп. КОКМ и КП под этим номером –

	(трапециевидные).				биспиральные подвески.
67.	Подвески плоские, продолговатые, несколько расширяющиеся к нижней части. В верхней части соединены кольцом. 5 × 2 см (трапециевидные).	КОКМ 3215	бронза	плохое	эксп. КОКМ
68.	Подвески круглые выпуклые 6 шт. (умбоновидные).				Те, что числятся под номером 3213? Из них 5 шт. в КГОМА 131/56/31–33, 36–37
69.	Подвески спиралеобразные. 2 шт. (двуспиральные?)				131/56/4 131/56/5 (те, что числятся под номером 3210?).
70.	Рамка поясного наконечника из четырехгранной в сечении проволоки, согнутой в двух местах под прямым углом, 13,8 × 2,3 см.		Сплав медный	полная	287/56/15
Предметы, отсутствующие в современной учетной документации КОКМ (Смородинский клад?)					
71.	Изделия бронзового арочного фрагмент; 1,4 × 0,8 см.	фрагменты принадлежат одному изделию	бронза	плохое	131/56/50
72.	Изделия бронзового арочного фрагмент; 1,5 × 0,7 см.		бронза	плохое	131/56/51
73.	Изделия бронзового арочного фрагмент; 2,7 × 0,7 см.		бронза	плохое	131/56/52
74.	Ворворка свинцовая, 1,7 × 2,2 см.	КОКМ 2341	свинец	удовл.	131/56/53
75.	Ворворка свинцовая, 0,5 × 0,9 см.	КОКМ 2341	свинец	удовл.	131/56/57
76.	Ворворка свинцовая, 0,6 × 1,2 см.	КОКМ 2341	свинец	удовл.	131/56/58
77.	Ворворка свинцовая, 1,2 × 0,8 см.	КОКМ 2341	свинец	удовл.	131/56/60
78.	Ворворка свинцовая, 1 × 1,5 см.	КОКМ 2341	свинец	удовл.	131/56/61
79.	Изделия свинцового фрагмент, 3,5 × 2 см.	КОКМ 2349	свинец	удовл.	156/56/64
80.	Пластины свинцовой фрагмент, 5,2 × 1,5 см.	КОКМ 2349	свинец	удовл.	131/56/65
81.	Пластины свинцовой фрагмент, 2,6 × 1,5 см.	КОКМ 2349	свинец	удовл.	131/56/66
82.	Пластины свинцовой фрагмент, 1,2 × 1,5 см.	КОКМ 2349	свинец	удовл.	131/56/68
83.	Трубочки орнаментированной фрагмент, 2,5 × 1 см.	КОКМ 2345	бронза	удовл.	131/56/45
84.	Трубочки орнаментированной фрагмент, 4 × 1 см.	КОКМ 2345	бронза	удовл.	131/56/46
85.	Трубочки орнаментированной фрагмент, 2 × 0,7 см.	КОКМ 2345	бронза	удовл.	131/56/47
Экспозиция и фонды Суджанского районного краеведческого музея					
86.	Двуспиральное височное кольцо (подвеска).	2553	бронза	удовл.	
87.	Круглая подвеска (умбоновидная).	305	бронза	удовл.	
88.	Круглая подвеска (умбоновидная).		бронза	удовл.	
89.	Височное кольцо спиральное.		бронза	удовл.	
90.	Спиральная подвеска-пронизка.	2552	бронза	удовл.	
91.	Трубочка-пронизка.	390	бронза	удовл.	
92.	Трапециевидные подвески, скрепленные кольцом (2 шт.).	391 392	бронза	удовл.	
Предметы, не сохранившиеся до настоящего времени					
93.	«Железный кннжал».				
94.	«Больший тонкий медный лист».				
95.	Наконечники боковых ремней – 4 шт.				
96.	Поясные бляшки – 2 шт.				
Предметы, обнаруженные на месте находки Ново суджанского клада и переданные в КОКМ в 2010 г.					
97.	Пряжка поясная В-образная, рамка и подграненый язычок с высоким прямоугольным выступом полые, обойма щитовидная с прорезным орнаментом в центральной части, 5,3 × 3,5 см.		Металл белый, литье	удовл.	287/56/1

98.	Пряжка вертикально-овальная полая, с подвижным подграненым язычком с прямоугольным выступом и щитовидной обоймой с прорезным орнаментом, 5,8 × 3,5 см.		Металл белый, литье	удовл.	287/56/2
99.	Накладка поясная Т-образная с пламеневидной пластиной (группа А, по И.О. Гавритухину (1996)), 4,4 × 2,9 см.		Металл белый, литье	удовл.	287/56/3
100.	Накладка поясная двучастная подпрямоугольная с прорезным орнаментом, с тремя крепежными шпеньками на оборотной стороне, из которых один расклепан, один изогнут (тип 3, по И.О. Гавритухину (1996)), 4,1 × 2,1 см.		Металл белый, литье	удовл.	287/56/4
101.	Накладка поясная двучастная подпрямоугольная с прорезным орнаментом, с тремя крепежными шпеньками на оборотной стороне, один из которых обломлен (тип 3, по И.О. Гавритухину (1996)), 4,1 × 2,1 см.		Металл белый, литье	удовл.	287/56/5
102.	Накладка поясная двучастная подпрямоугольная с прорезным орнаментом, с тремя крепежными шпеньками на оборотной стороне, один из которых изогнут (тип 3, по И.О. Гавритухину (1996)), 4,1 × 2,1 см.		Металл белый, литье	удовл.	287/56/6
103.	Накладка поясная щитовидная с прорезным орнаментом в виде двух кружков, 2,4 × 2,2 см.		Металл белый, литье	удовл.	287/56/7
104.	Наконечник поясной с прямыми боками и щитовидным окончанием, с прорезным орнаментом в виде трех кружков и остатками пластины на крепежных шпеньках, 6,2 × 1,4 см.		Металл белый, литье	удовл.	287/56/8
105.	Наконечник поясной с прямыми боками и закругленным окончанием, с прорезным орнаментом в виде трех точек, 5,9 × 1,4 см.		Металл белый, литье	удовл.	287/56/9
106.	Подвеска плоская трапециевидная, орнаментированная тремя круглыми выпуклостями, соединенными линиями из точек, и точечным бордюром, с отверстием для подвешивания, деформированная, в двух фрагментах, 5 × 2,2 см; 1-й фрагмент 2,4 × 2,3 см; 2-й фрагмент 2,2 × 2,6 см.		Бронза, чекан	удовл.	287/56/10
107.	Подвеска плоская трапециевидная, орнаментированная тремя круглыми выпуклостями и точечным бордюром (местами сквозным), с отверстием для подвешивания, деформированная, в двух фрагментах, 4,5 × 2,4 см; 1-ый фрагмент 2,4 × 2,9 см; 2-ой фрагмент 2,2 × 2,1 см.		Бронза, чекан	удовл.	287/56/11
108.	Трубочка-пронизка, свернутая из металлического листа без спайки шва, орнаментированная по краям и в середине двумя выпуклыми линиями, деформированная, 6,5 × 0,8 см.		Металл белый	удовл.	287/56/12
109.	Трубочки-пронизки, свернутой из металлического листа без спайки шва, орнаментированной по краю двумя выпуклыми линиями, сплюснутой, фрагмент, 3,6 × 1,3 см.		Металл белый	удовл.	287/56/13
110.	Трубочки-пронизки, свернутой из металлического листа без спайки шва, орнаментированной по краям двумя выпуклыми линиями, фрагмент, 3,3 × 0,8 см.		Металл белый	удовл.	287/56/14

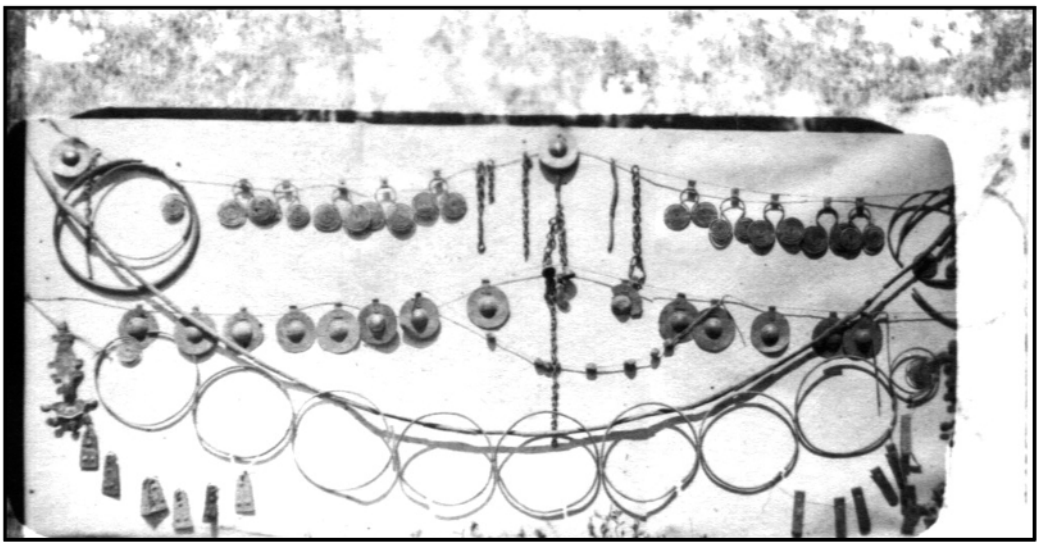
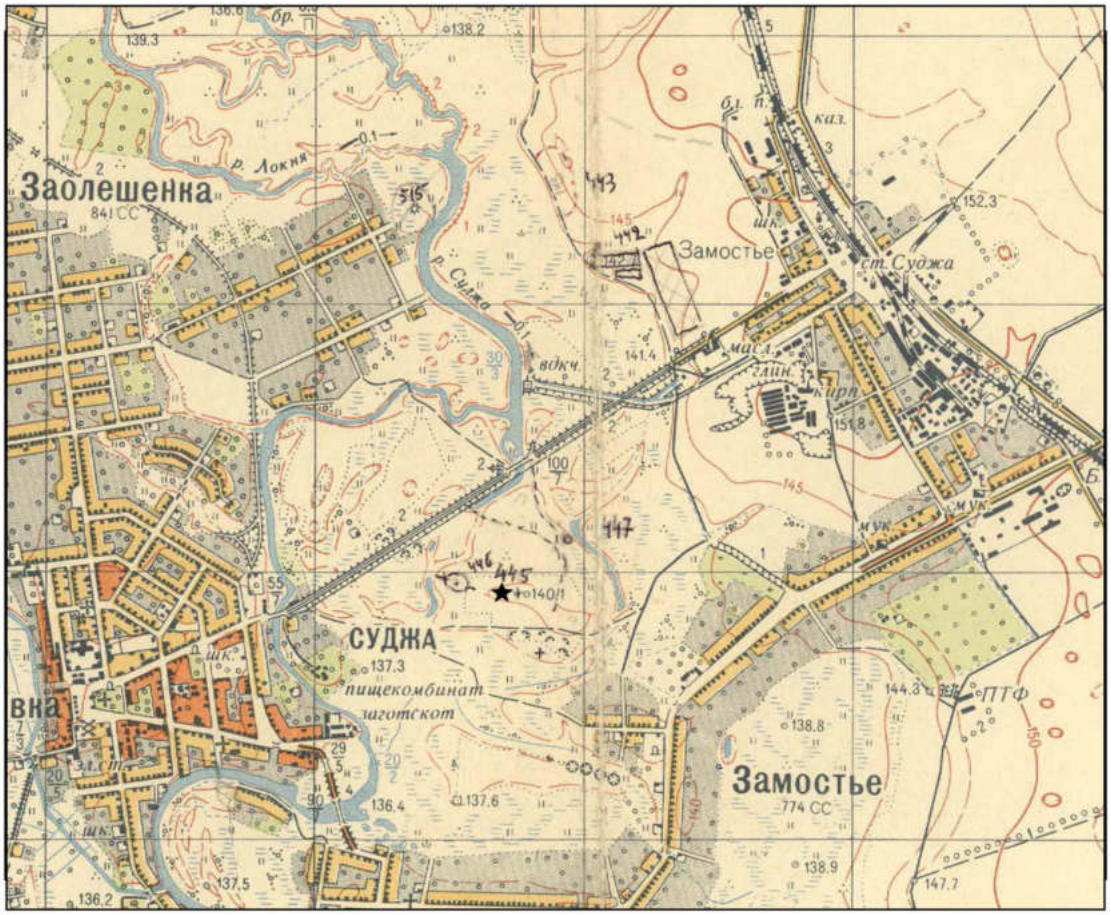


Рис.1
Новосуджанский клад. Фото Ф.П. Золенко 1947 г. (?);



★ вероятное место находки Новосуджанского клада

Рис.2
Окрестности Суджи и вероятное место находки Новосуджанского клада.
Топографическая карта, выполненная на основе съемки 1955 г.

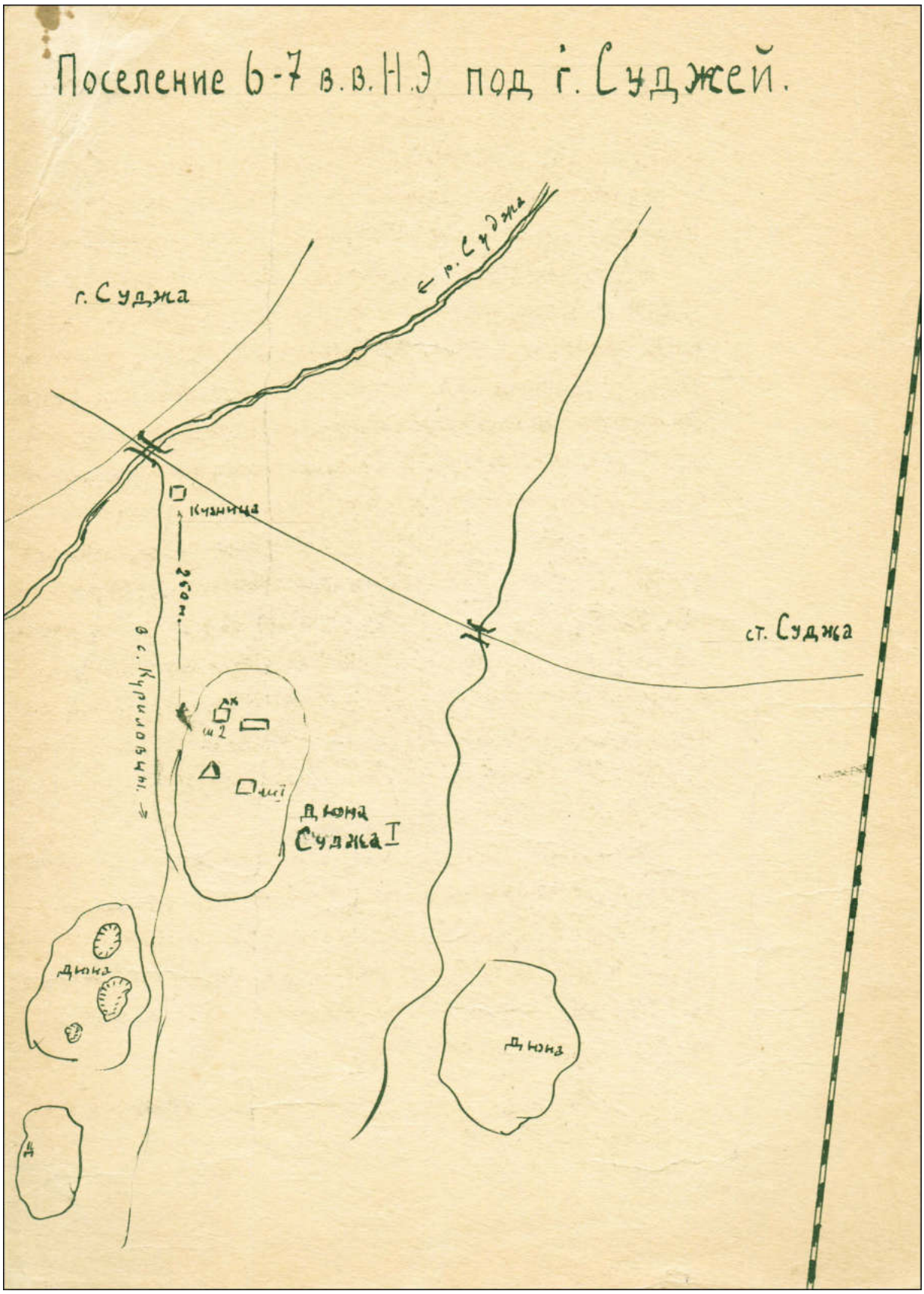


Рис.3
Схематический план участка исследований Ю.А. Липкинга 1964 г. НА КГОМА. VI-14/3.

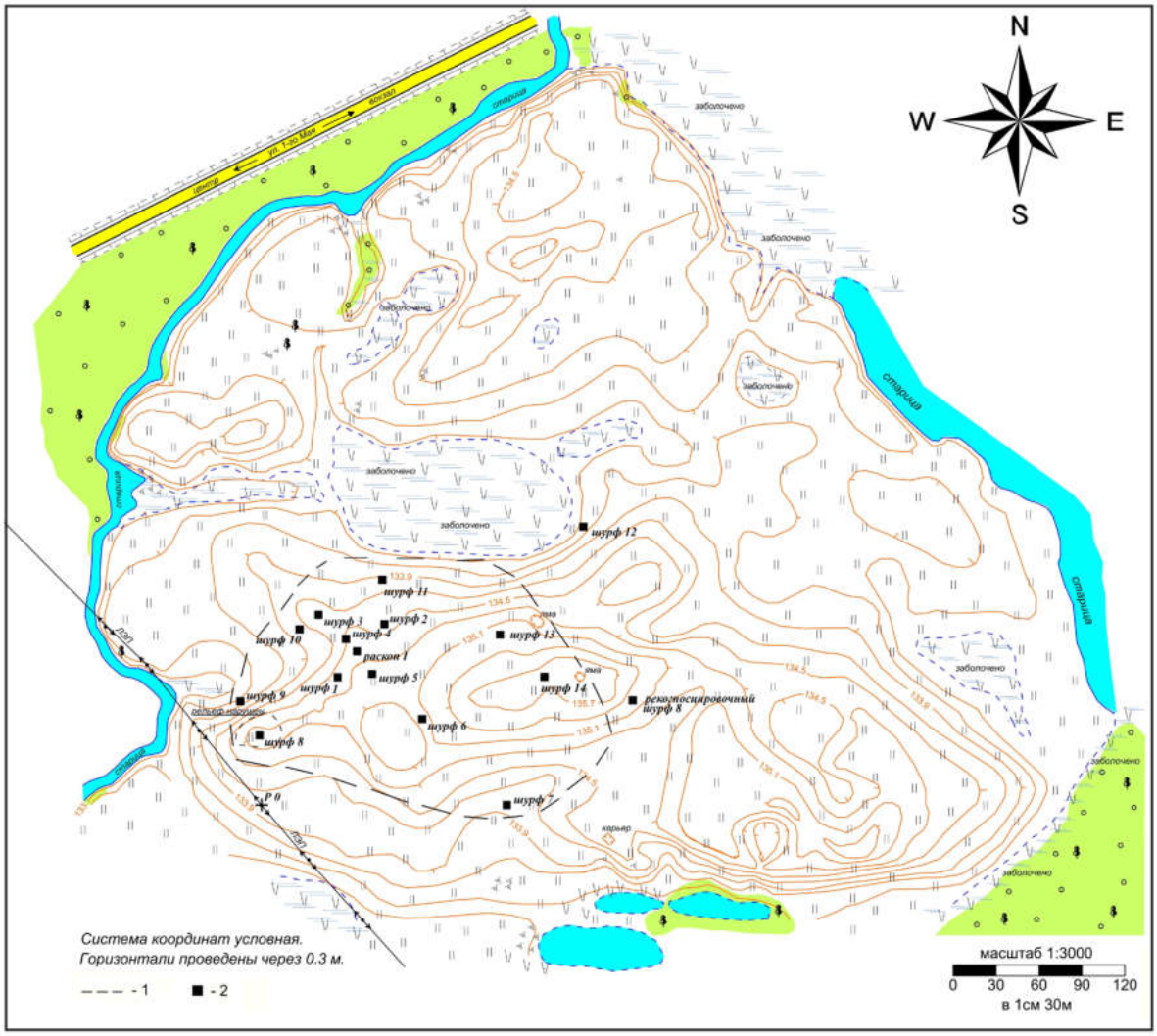


Рис.4

Топографический план поселения Суджа 4.

1 – границы памятника; 2 – места заложения шурфов и раскопа.

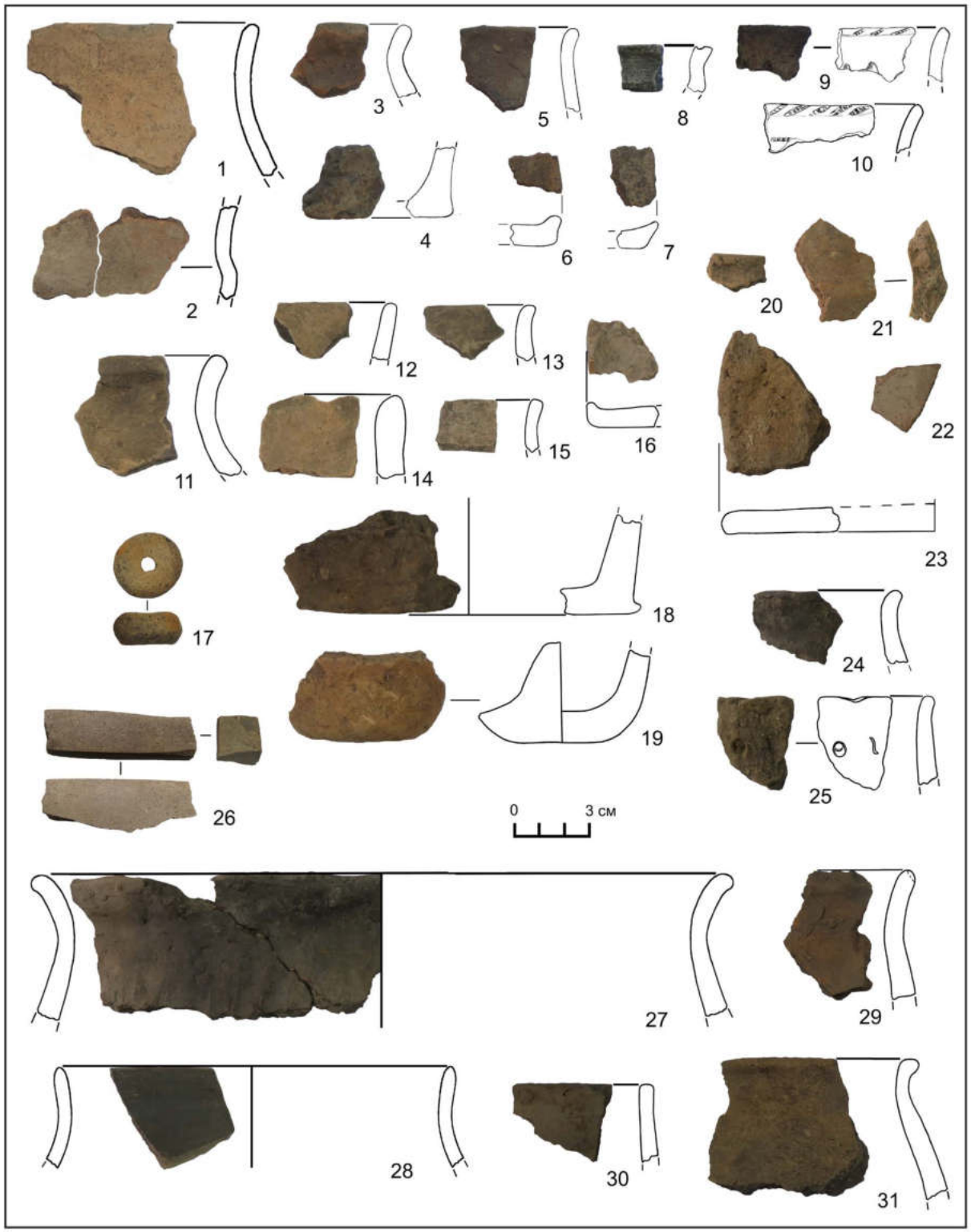


Рис.5

Поселение Суджа 4. 2012–2014 гг. Материалы из культурного слоя и заполнения объектов. 1–7, 11–16, 18–21, 23, 24, 27, 29, 31 – лепная керамика «раннеславянской» традиции; 8 – круговая керамика древнерусского времени; 9, 10, 25 – лепная керамика эпохи бронзы; 22 – круговая керамика черняховской культуры (?); 28, 30 – круговая керамика волынцевского типа; 17 – глиняное пряслице; 26 – фрагмент точильного камня.

1, 2 – шурф 1; 3, 4 – шурф 6; 5 – шурф 10; 6, 7 – шурф 4; 8, 9 – шурф 9; 10 – шурф 8; 11–19 – раскоп 1, культурный слой, пласт 2; 20–23 – яма 1; 24, 25 – яма 3; 26–31 – яма 2.

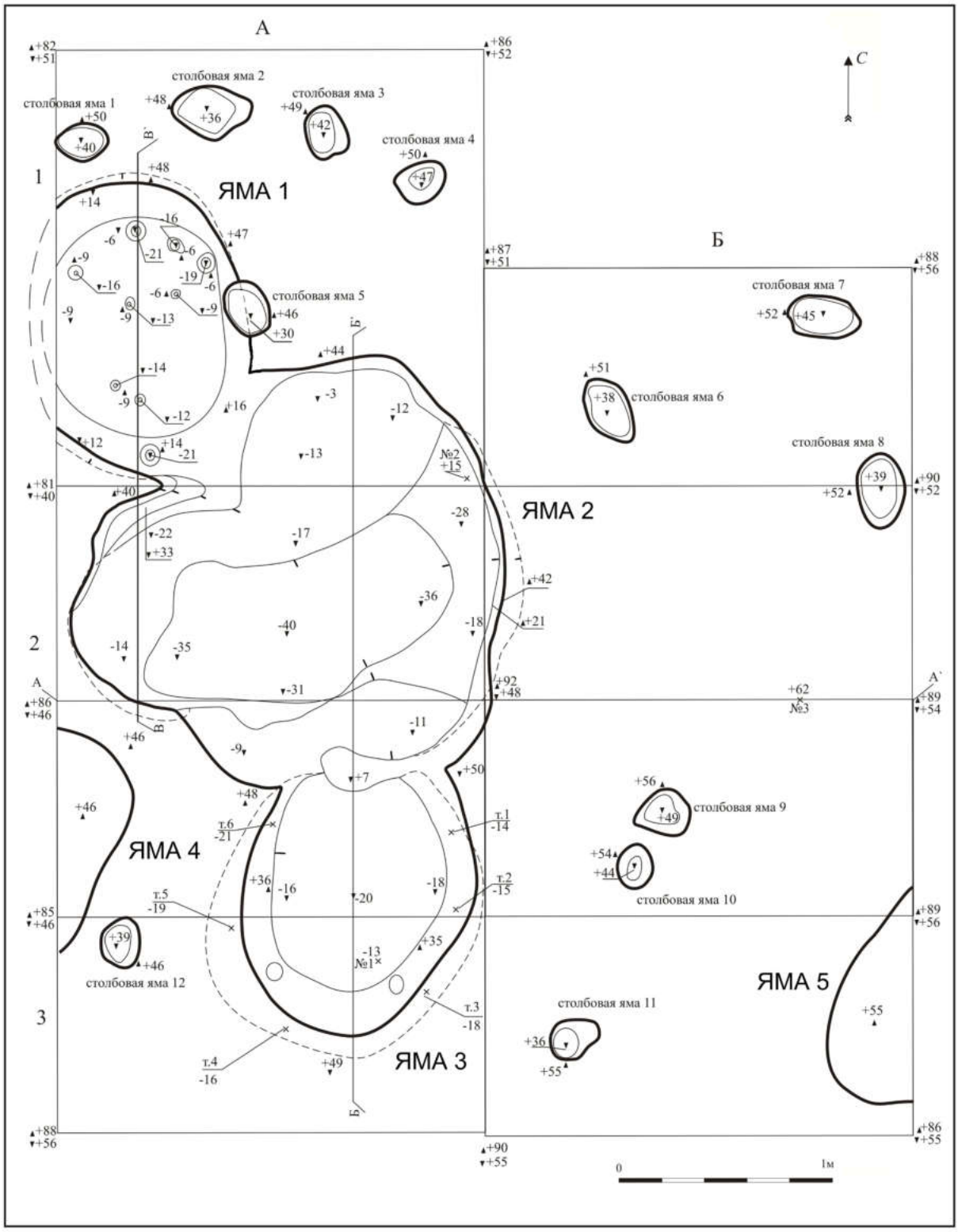


Рис.6

Поселение Суджа 4. План раскопа I на уровне материка.

Т.1–т.6 – скопления крупных костей животных в подбое ямы 3.

Индивидуальные находки: 1 – лопатка лошади с просверленным отверстием (яма 3, придонная часть заполнения); 2 – обломок точильного камня (яма 2, верхняя часть заполнения); 3 – глиняное пряслице (культурный слой, пласт 2).

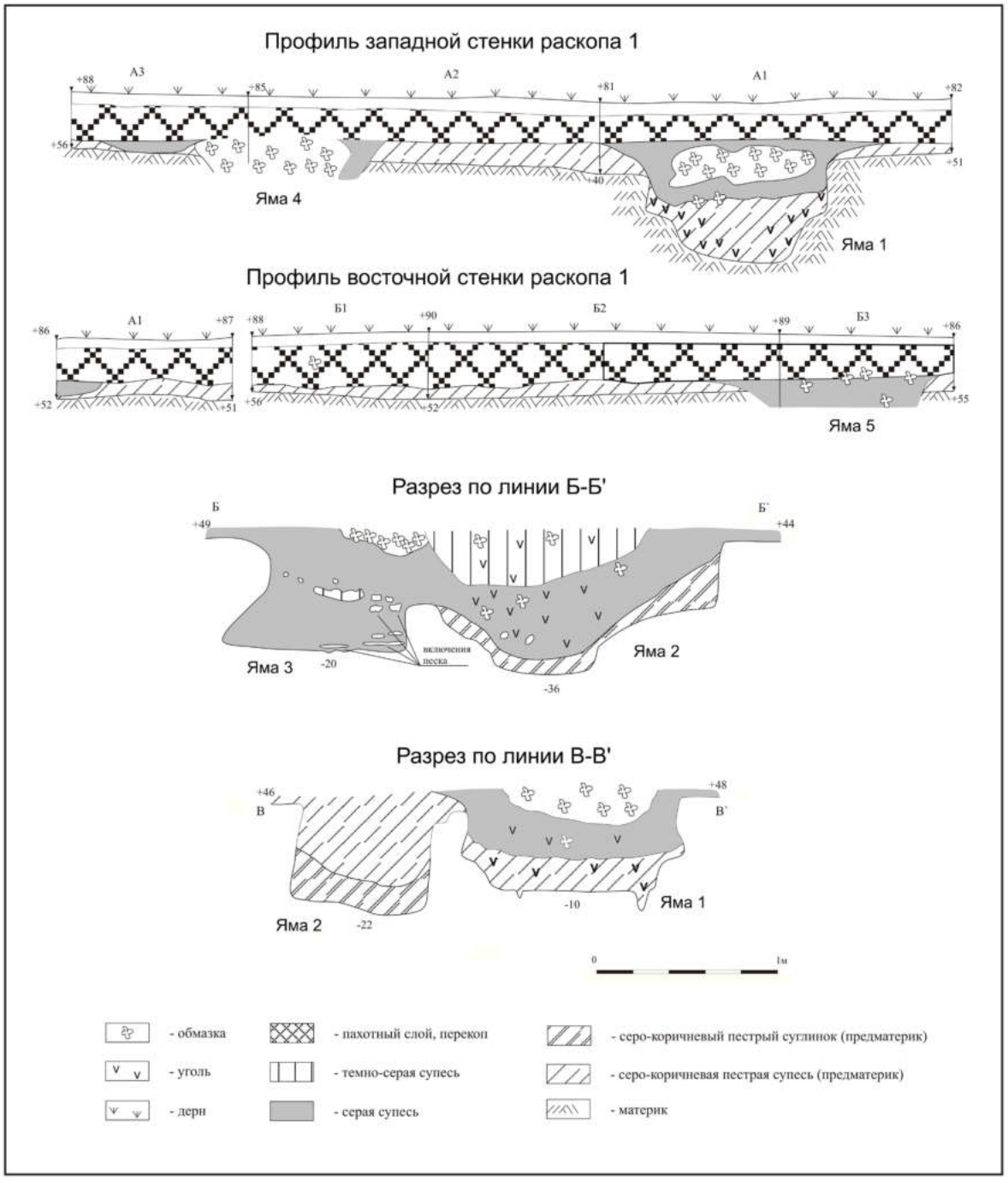


Рис.7

7. Поселение Суджа 4. Стратиграфия раскопа I и разрезы углубленных объектов.

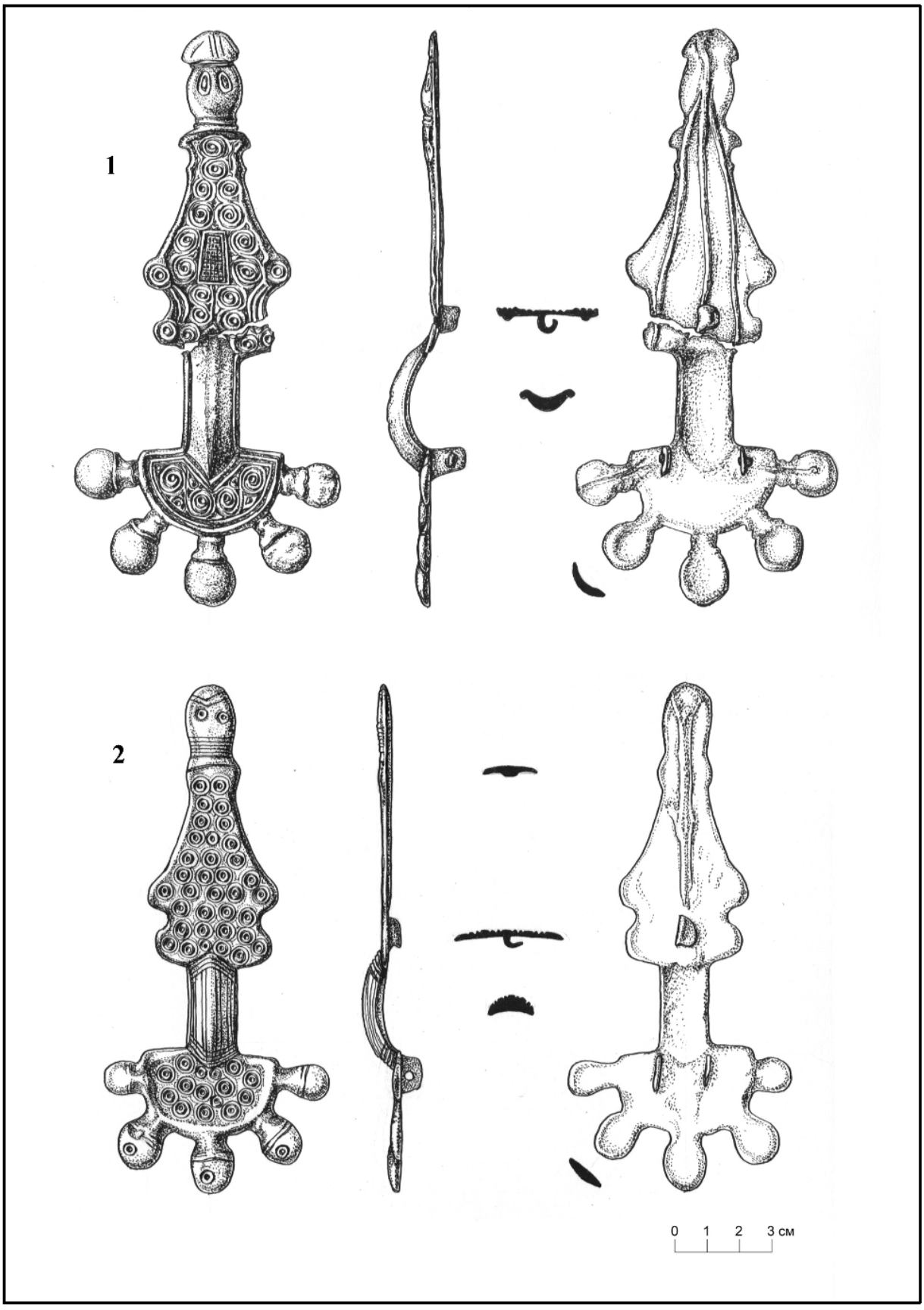


Рис.8
Смородинский клад. Пальчатые фибулы.
1 – КМА 131/56/30; 2 – КМА 131/56/1 (Рис. С.А. Смеричинской).

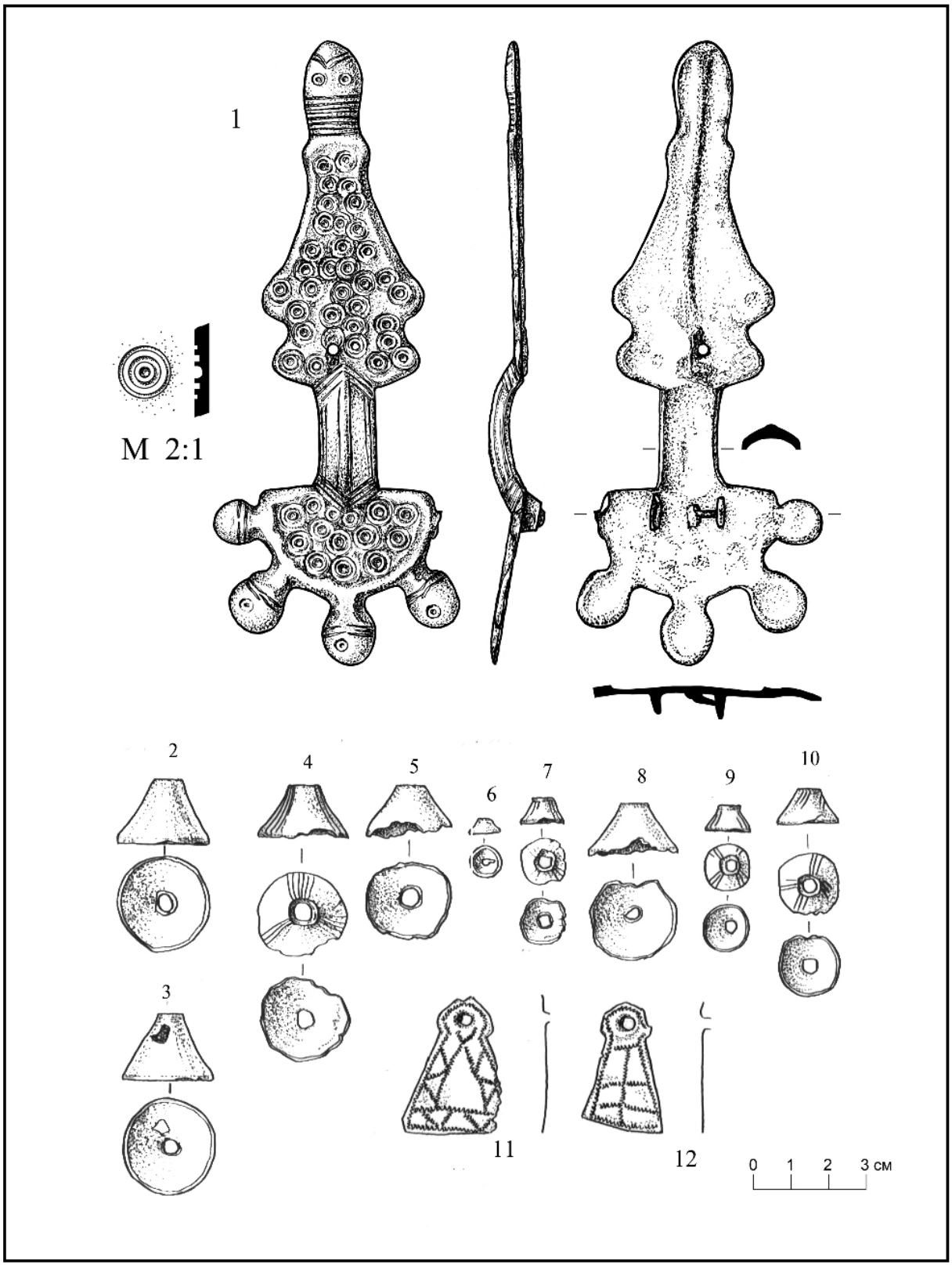


Рис.9

Смородинский клад.

1 – пальчатая фибула КОКМ 13888; 2–10 – ворворки свинцовые КМА 131/56/53–60; 11, 12 – подвески трапециевидные КМА 131/56/16–17 (Рис. С.А. Смеричинской).

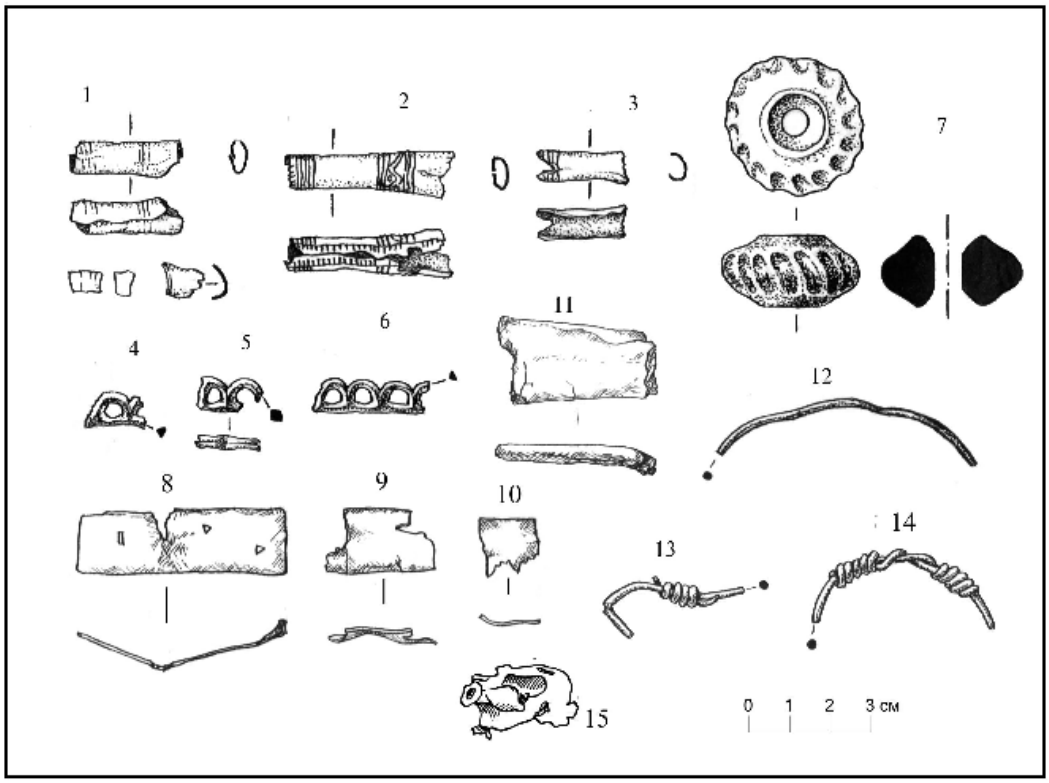


Рис.10

Смородинский клад.

1–3 – трубчатых пронизок фрагменты КМА 131/56/45–47; 4–6 – изделия арочного фрагменты КМА 131/56/50-52; 7 – пряслице рифленое глиняное КМА 131/56/49; 8–10 – пластины свинцовой фрагменты КМА 131/56/65–66, 68; 11 – изделия свинцового фрагмент КМА 131/56/64; 12–14 – проволоки фрагменты (медный сплав) КМА 131/56/67, 63–64; 15 – выплеск металла КМА 287/56/16 (Рис. С.А. Смеричинской).

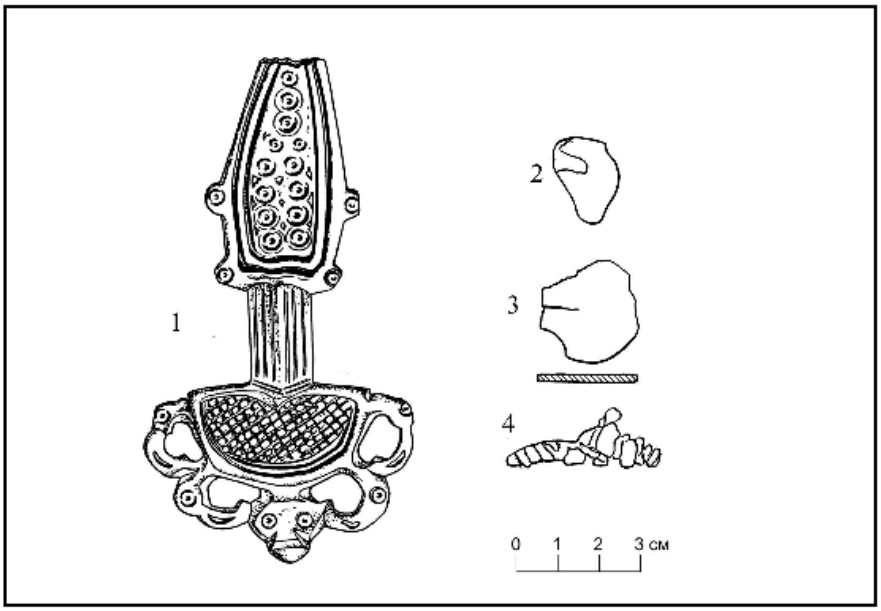


Рис.11

Смородинский клад.

Утраченные предметы (по Г.Ф. Корзухиной).

1 – фибула с ажурной каймой КОКМ 13890; 2–4 – куски оплавленного свинца.

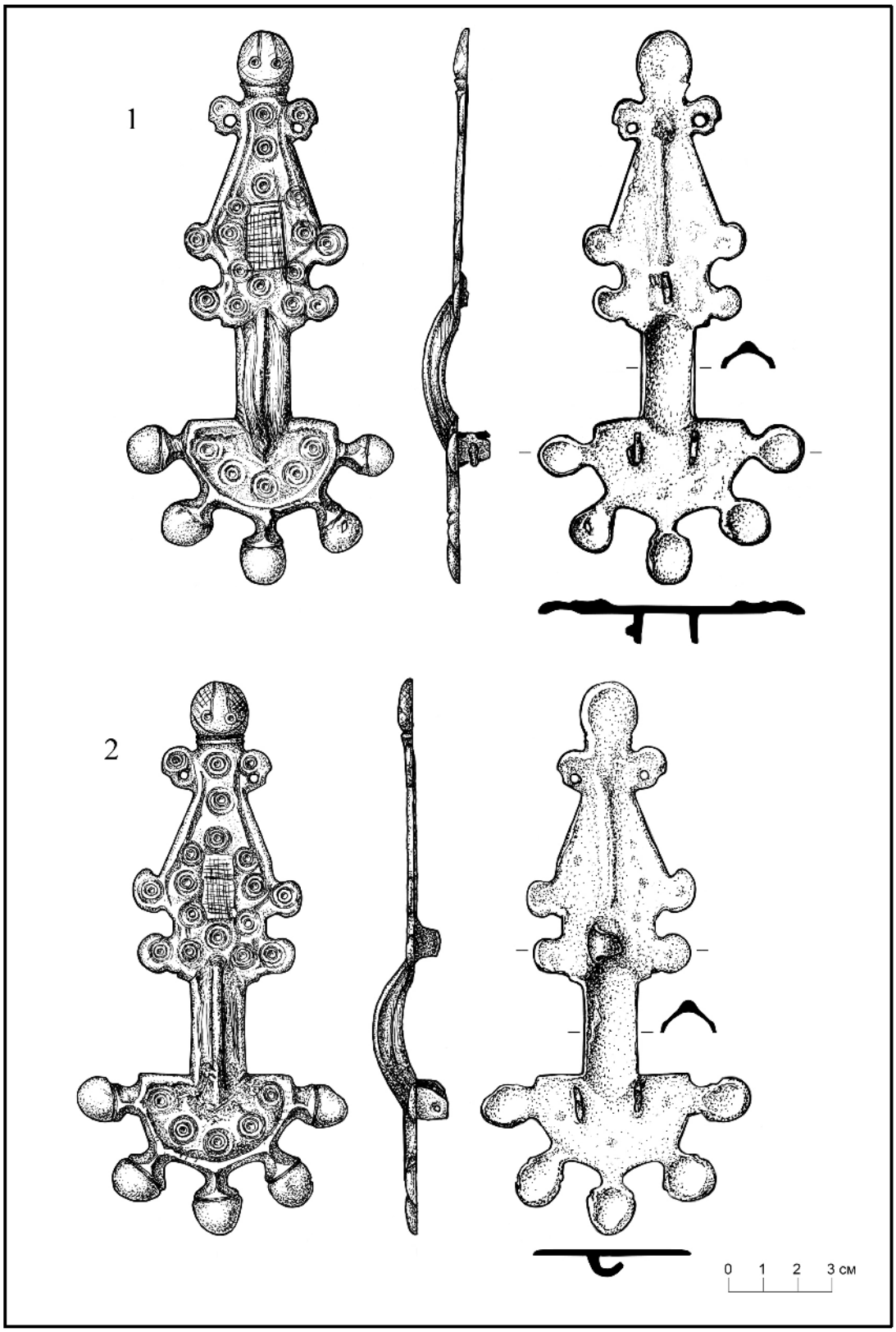


Рис.12
Новосуджанский клад. Пальчатые фибулы.
1 – КОКМ 13899; 2 – КОКМ 3209 (Рис. С.А. Смеричинской).

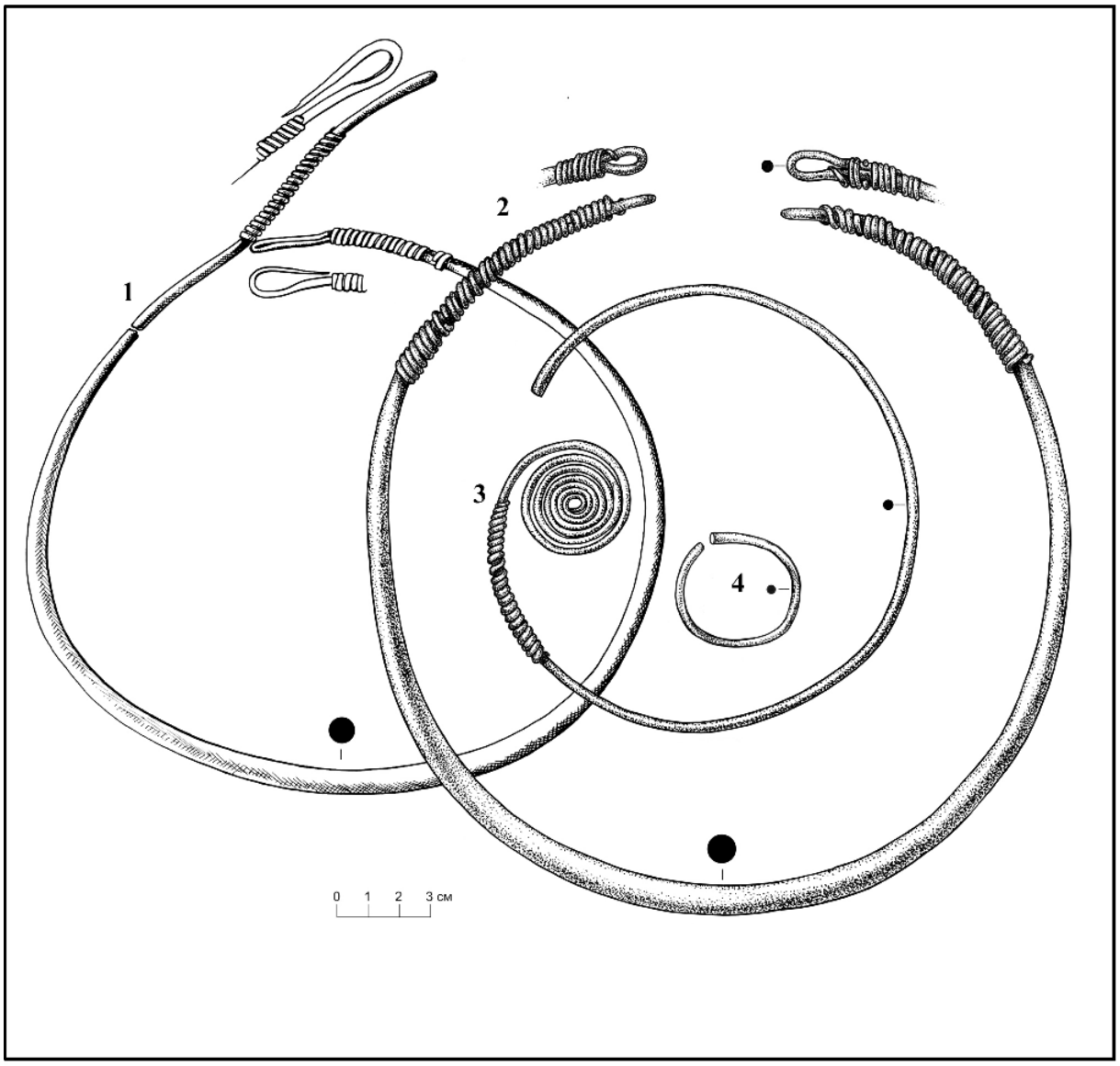


Рис.13

Новосуджанский клад.

1 – гривна КОКМ 13911 (по Г.Ф. Корзухиной); 2 – гривна КОКМ 3196; 3 – височное кольцо КОКМ 3195/1; 4 – кольцо с расширяющимися концами КОКМ 13939 (Рис. С.А. Смеричинской).

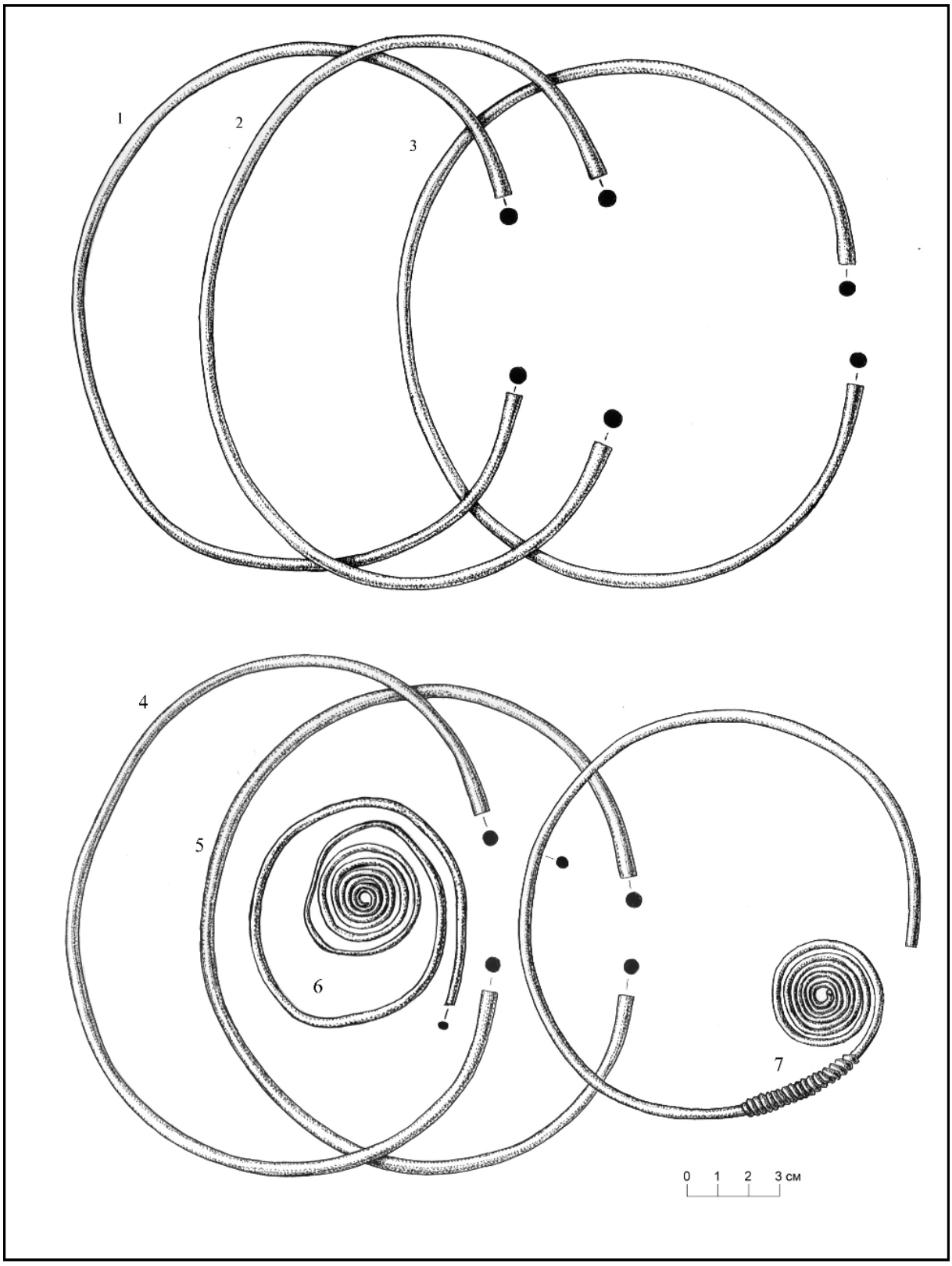


Рис.14

Новосуджанский клад.

1–5 – гривны КМА 131/56/42–44, 41, 39; 6 – кольца височного фрагмент КМА 131/56/6; 7 – кольцо височное КМА 131/56/40 (Рис. С.А. Смеричинской).

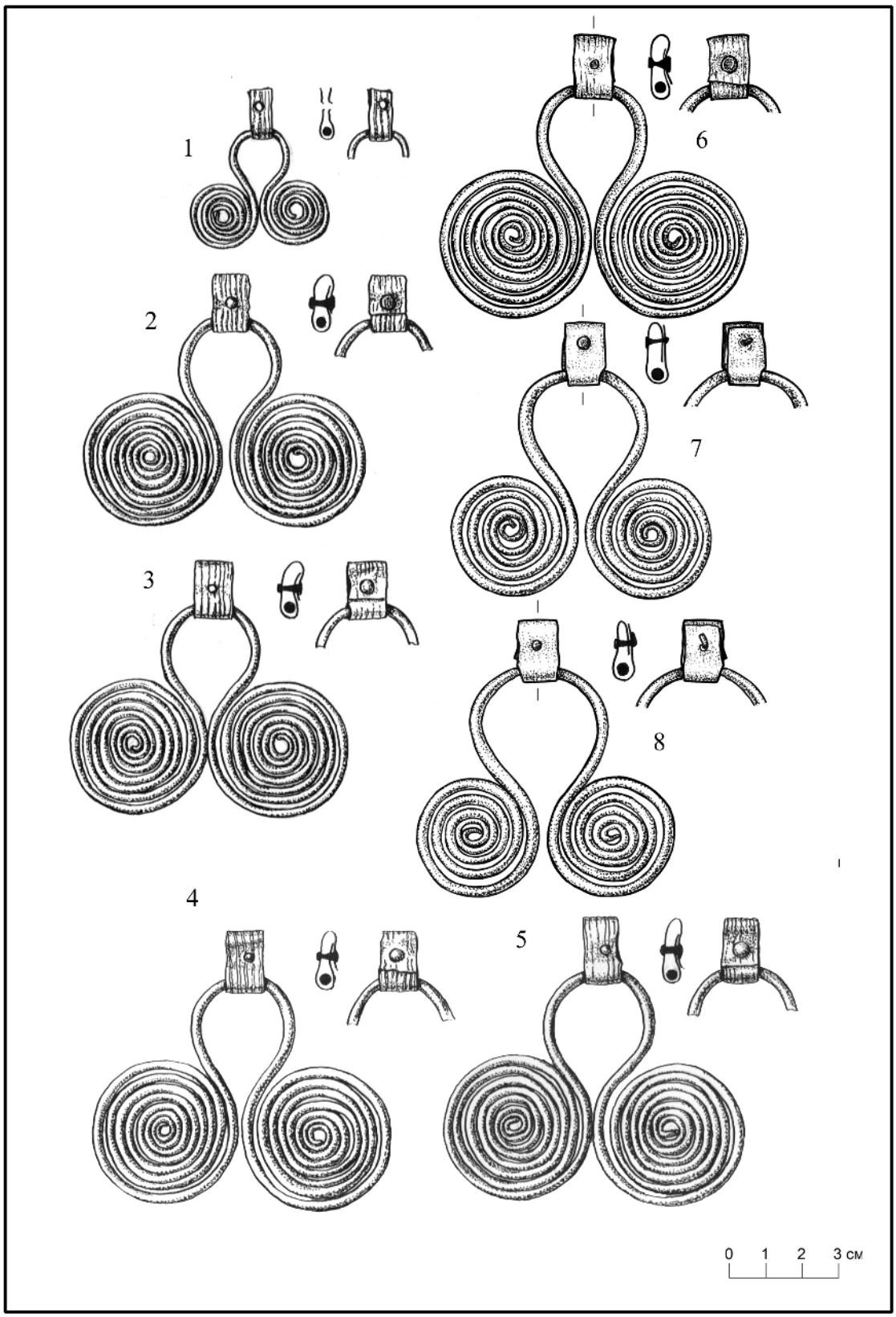


Рис.15

Новосуджанский клад. Двуспиральные подвески.

1–5 – КМА 131/56/15, 5, 2; 6–8 – КОКМ 13926, 13928, 13929 (Рис. С.А. Смеричинской).

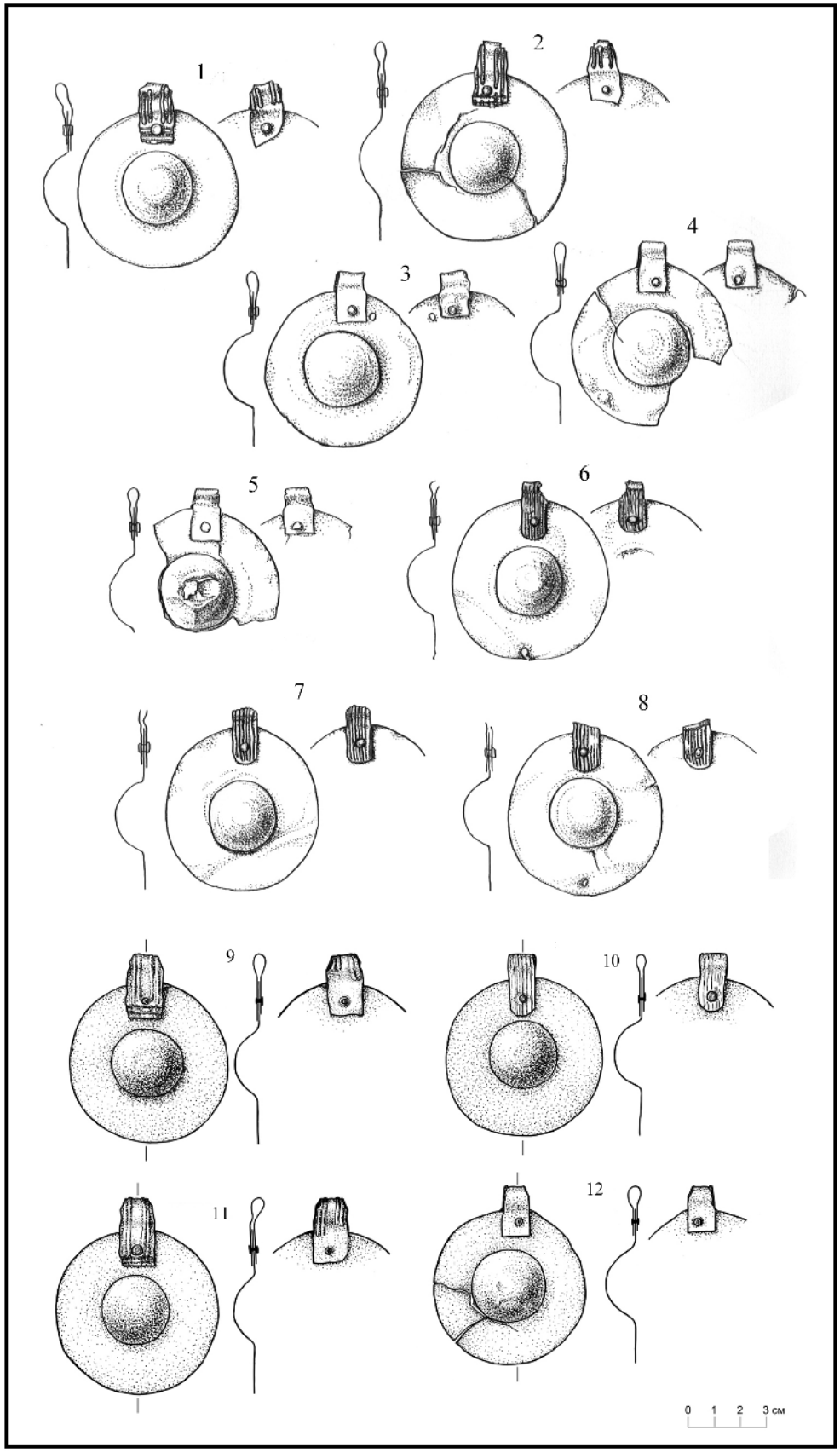


Рис.16

Новосуджанский клад. Умбоновидные подвески и их фрагменты.
1–8 – КМА 131/56/31–38; 9–11 – КОКМ 13934–13936; 12 – КОКМ 3213/2
(Рис. С.А. Смеричинской).

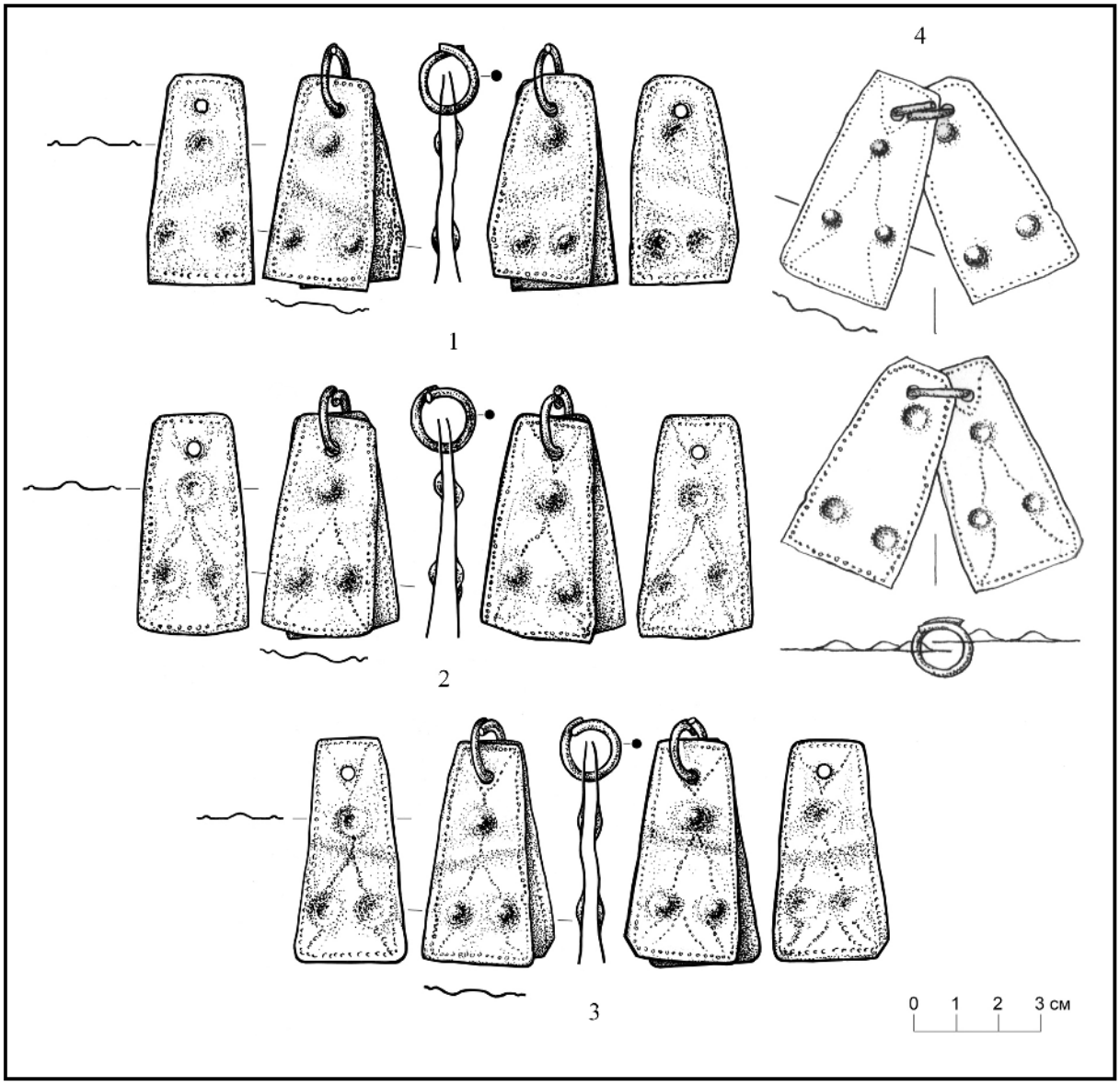


Рис.17
Новосуджанский клад. Трапециевидные подвески.
1–3 – КОКМ 13922, 13924, 3215; 4 – КМА 131/56/48 (Рис. С.А. Смеричинской).

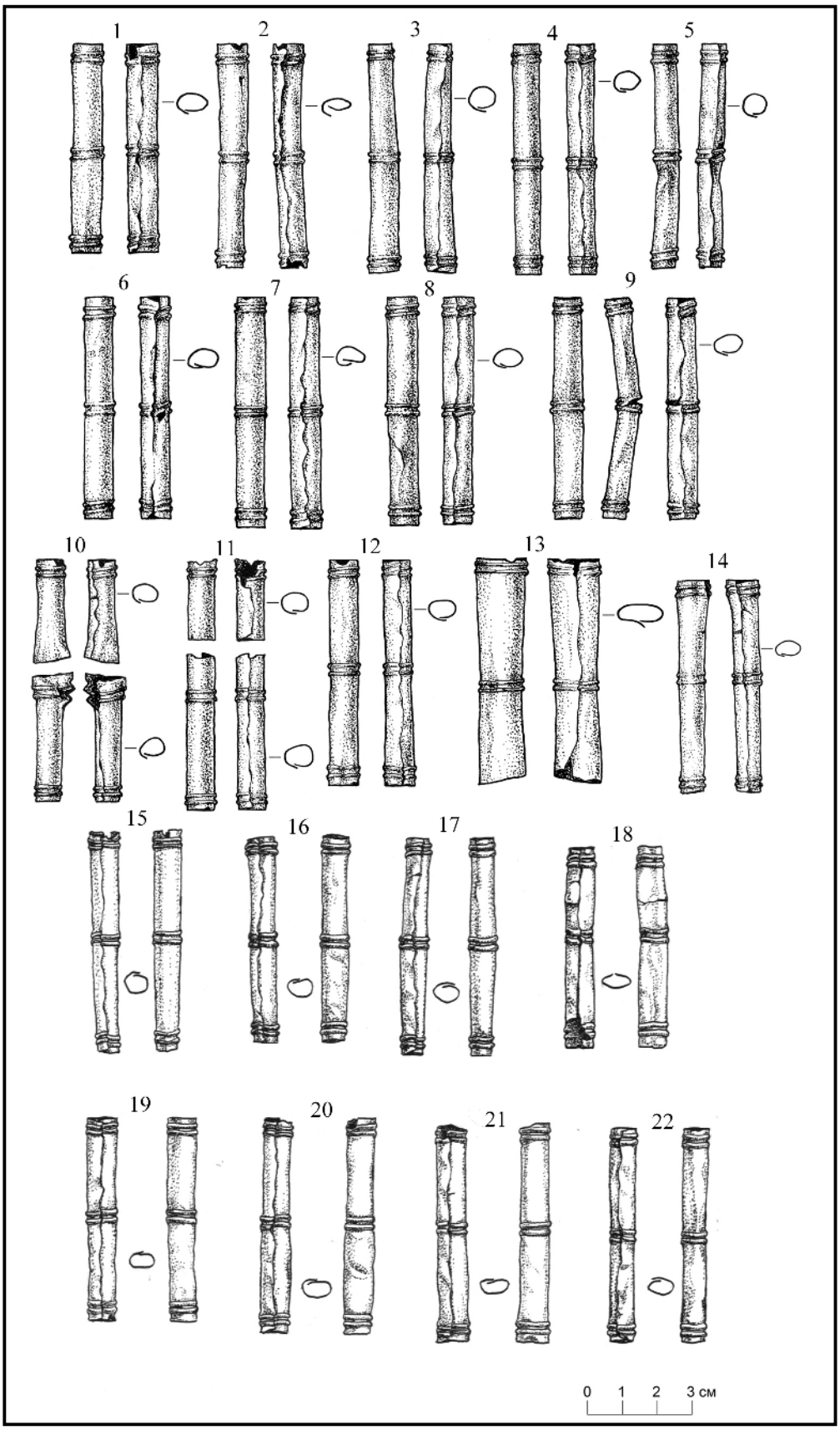


Рис.18
Новосуджанский клад. Трубчатые пронизки.
1 – КОКМ 3383/9; 2–14 – КОКМ 13905; 15–22 – КМА 131/56/19–26
(Рис. С.А. Смеричинской).

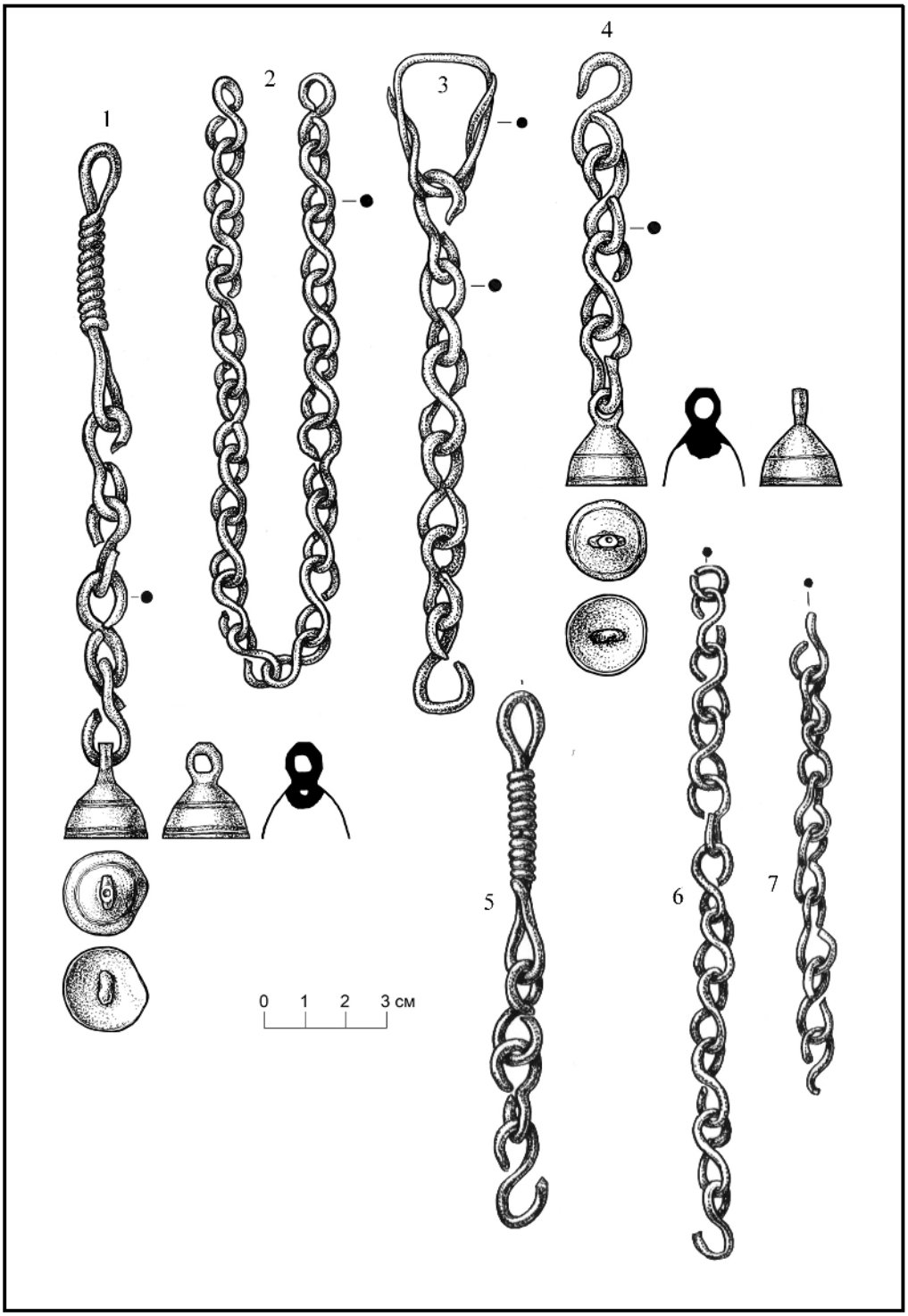


Рис.19
Новосуджанский клад. Цепочки и колокольчики.
1 – КОКМ 3384; 2 – КОКМ 13901; 3 – КОКМ 13902; 4 – КОКМ 13903; 5 – КМА 131/56/29; 6 – КМА 131/56/13; 7 – КМА 131/56/18 (Рис. С.А. Смеричинской).

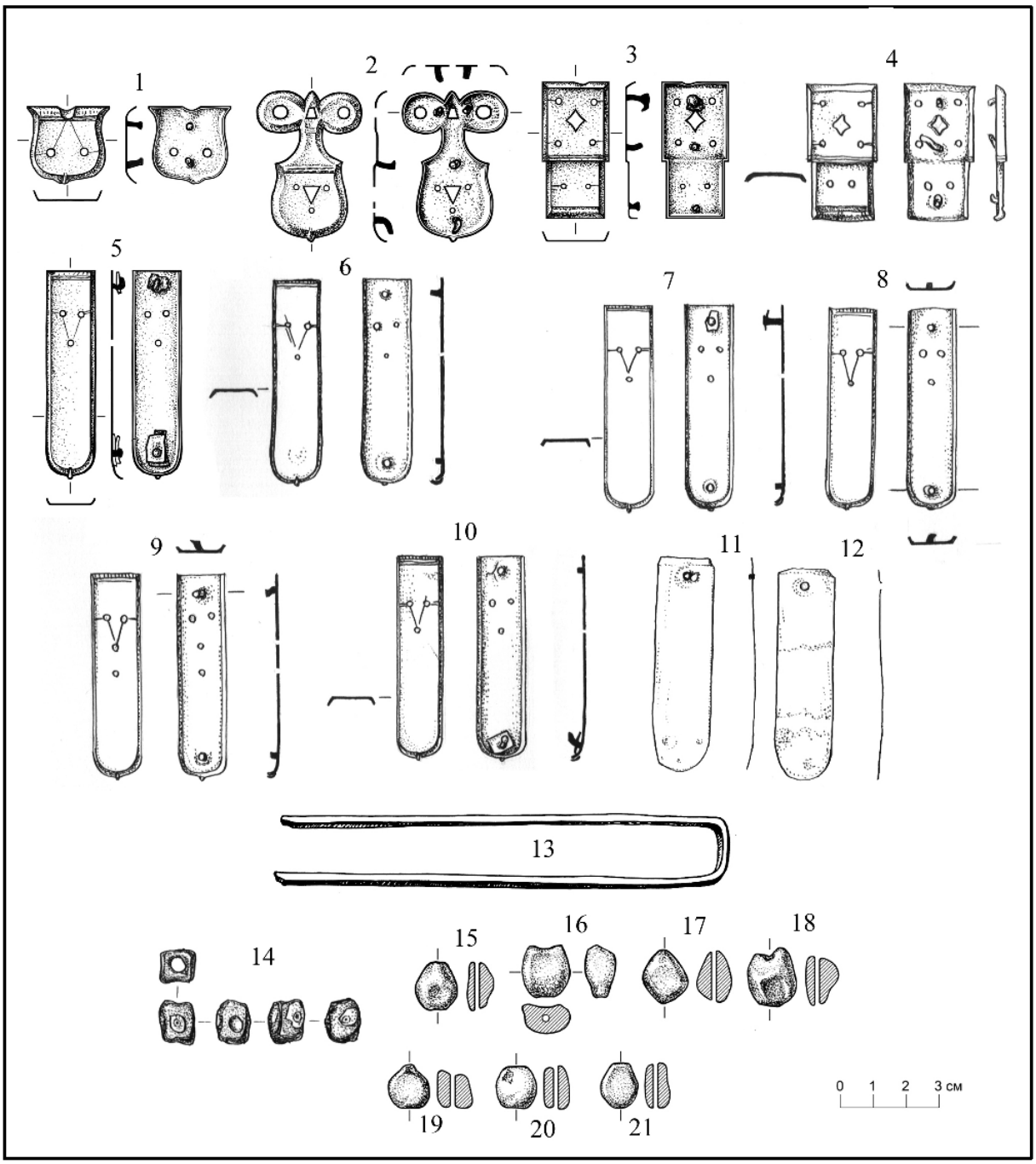


Рис.20

Новосуджанский клад. Детали геральдической ременной гарнитуры и бусы.
1 – накладка ременная щитовидная КОКМ 1321; 2 – накладка ременная Т-образная с пламеневидной пластиной КОКМ 13920; 3 – накладка ременная двучастная подпрямоугольная с прорезным орнаментом КОКМ 13919; 4 – накладка ременная двучастная подпрямоугольная с прорезным орнаментом КМА 131/56/11; 5 – наконечник поясной с щитовидным окончанием и прорезным орнаментом КОКМ 13915; 6–10 – наконечники поясные с щитовидным окончанием и прорезным орнаментом КМА 131/56/7–10, 12; 11, 12 – накладки поясные КМА 131/56/27–28; 13 – рамка поясного наконечника из четырехгранной в сечении проволоки КМА 287/56/15; 14 – бусина синяя глазчатая КМА 131/56/14; 15–18 – бусы янтарные КОКМ 13906/1–4; 19–21 – бусы янтарные КОКМ 3387/1–3 (Рис. С.А. Смеричинской).

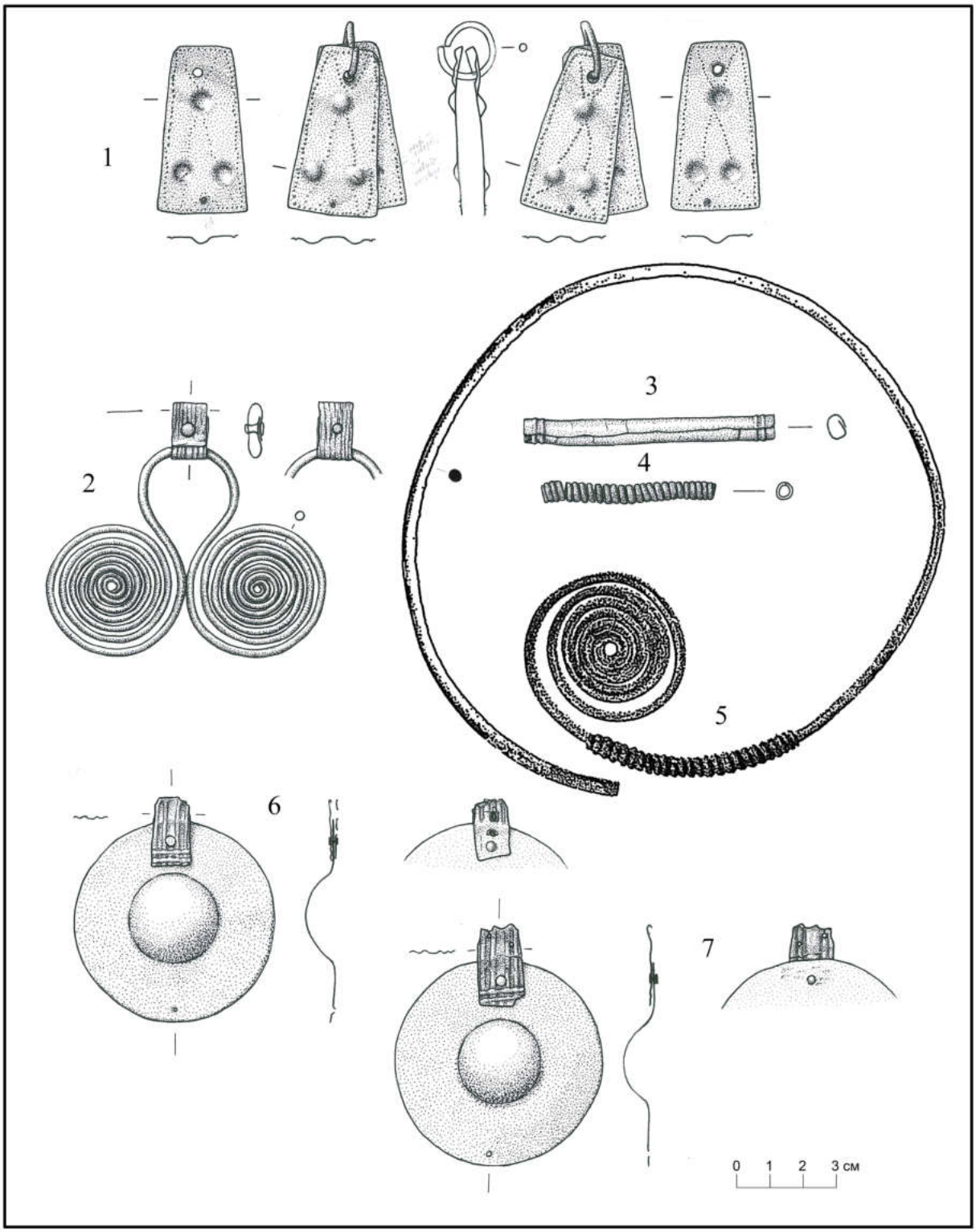


Рис.21

Новосуджанский клад. Предметы из экспозиции Суджанского краеведческого музея.

1 – трапециевидные подвески СКМ 391–392; 2 – двуспиральная подвеска СКМ 2553; 3 – трубчатая пронизка СКМ 390; 4 – пронизка спиральная СКМ 2552; 5 – кольцо височное; 6, 7 – умбоновидные подвески СКМ 305 (Рис. И.Ф. Образцова (1–4, 6,7), А.В. Зорина (5)).

Рис.22

Предметы, обнаруженные на вероятном месте находки Новосуджанского клада.

1 – пряжка поясная В-образная с щитовидной обоймой, украшенной прорезным орнаментом КМА 287/56/1; 2 – пряжка вертикально-овальная полая, с подвижным подграненым язычком с прямоугольным выступом и щитовидной обоймой с прорезным орнаментом КМА 287/56/2; 3 – накладка поясная Т-образная с пламеневидной пластиной КМА 287/56/3; 4 – накладка поясная щитовидная с прорезным орнаментом КМА 287/56/7; 5 – накладка поясная двучастная подпрямоугольная с прорезным орнаментом КМА 287/56/4; 6 – накладка поясная двучастная подпрямоугольная с прорезным орнаментом КМА 287/56/5; 7 – накладка поясная двучастная подпрямоугольная с прорезным орнаментом КМА 287/56/6; 8 – подвеска плоская трапециевидная, орнаментированная КМА 287/56/10; 9 – подвеска плоская трапециевидная, орнаментированная КМА 287/56/11; 10 – наконечник поясной с прямыми боками и щитовидным окончанием и с прорезным орнаментом КМА 287/56/8; 11 – наконечник поясной с прямыми боками и щитовидным окончанием, с прорезным орнаментом КМА 287/56/9; 12 – трубчатая пронизка КМА 287/56/12; 13 – трубчатой пронизки фрагмент КМА 287/56/13; 14 – трубчатой пронизки фрагмент КМА 287/56/14; 15 – накладка поясная сердцевидная КМА 287/56/17.

ПЕНЫ. ПОСЕЛЕНИЕ 8. МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ 2019 г.

© 2023 г. А.В. Симоненков

Курский государственный областной музей археологии, Курск

В статье приводятся итоги первого сезона полевого исследования многослойного памятника археологии «Пены. Поселение 8», которые были проведены в 2019 г. методом археологических раскопок с целью уточнения хронологических горизонтов и изучения особенностей поселенческой структуры. Подробно представлены материалы первой половины I тыс. н.э., которые происходят как из культурного слоя, так и заполнения различных сооружений. Анализ всех полученных древностей позволяет говорить о наличии, как минимум, трех временных горизонтов в рамках данного памятника археологии – киевская археологическая культуры, древности V – VII вв. и материалы древнерусского времени XI – XIII вв.

Ключевые слова: Курская область, Беловский район, памятник археологии, киевская археологическая культура.

PENY. SETTLEMENT 8. MATERIALS OF THE 2019 STUDY

© 2023 A.V. Simonenkov

Kursk State Regional Museum of Archaeology, Kursk

The article presents the results of the first season of field research of the multilayer archaeological site of «Peny. Settlement 8» which were carried out in 2019 by the method of archaeological excavations in order to clarify the chronological horizons and study the features of the settlement structure. The materials of the first half of the I millennium AD are presented in detail, which originate from both the cultural layer and the filling of various structures. The analysis of all the antiquities obtained suggests the presence of at least three time horizons within the framework of this archaeological site – the Kiev archaeological culture, antiquities dating back to the V – VII centuries, and the material of the Ancient Rus' time of the XI – XIII centuries.

Keywords: Kursk region, Belovsky district, archaeological monument, Kiev archaeological culture.

Памятник археологии «Пены. Поселение 8» был выявлен разведывательным отрядом Гочевской древнерусской экспедиции в 2018 г. Он расположен в пойме р. Пена на невысокой песчаной дюне. Перепады высот на площадке составляют 1,5 метра в восточном и западном направлении. Первоначальная граница объекта историко-культурного наследия определялась по распространению подъемного материала имеет вытянутую форму по линии запад-восток с размерами 200 х 80 м (Рис. 1).

Поселение расположено в 1,7 км к северо-востоку от северной части с. Пены Беловского района Курской области. Ближайший памятник археологии «Пены. Поселение 7» расположен в 1,3 км на юго-запад от южной границы описываемого памятника. По результатом пешего обследования песчаной дюны принято решение проводить исследование в её западной части. Место для закладки раскопа было выбрано ввиду большой концентрации керамического материала на уровне современной дневной поверхности и отсутствия следов грабительских разрушений в данной части памятника.

Раскоп 1 заложен в июле 2019 г. Ориентирован по сторонам света и первоначально включал в себя 10 квадратов размером 2х2 м. Квадраты имели цифровое обозначение по линии север-юг и буквенное обозначение по линии запад-восток. Исходной точкой отсчёта был сделан квадрат А1. После снятия пласта 1 и обнаружения объектов, уходящих в борта раскопа, были произведены три прирезки с оставлением стратиграфических бровок. Квадраты, расположенные к югу первоначального, получили в цифровых

обозначениях знак «^{I}», а к квадратам, расположенным на западе, знак «I» добавлен в буквенное обозначение. С целью изучить ямы и грунтовые напластования со следами прокалов, которые уходили в борт раскопа 1, были осуществлены три прирезки – кв. А 6, Б 6 к северному бору раскопа, кв. АI 5, АI 6к западному борту и кв. А 1I, Б 1I к южному борту (Рис. 2, 13).

Пласт 1

Керамический материал первого пласта в подавляющем большинстве представлен фрагментами груболепных горшков светло-коричневого или красновато-коричневого цвета. Керамическое тесто сравнительно плотное, имеет трехслойный обжиг. В составе прослеживается шамот и крупный песок. Венчики лепных сосудов не орнаментированы, сильно профилированы. Судя по ним, горшки имели округлую форму (Рис. 3, 1-8). Согласно типологии А.М. Обломского, подобная керамика относятся к сейминско-донецкому варианту посуды киевской археологической культуры – тип I,1, вариант а (Обломский, 1991, С. 95). В виду наличия единичных предметов черняховского импорта, зафиксированных в культурном слое, датировать лепной керамический материал можно первой половиной III в.

Всего лепной керамики в уровне пласта 1 найдено 463 фрагмента, из которых 22 фрагмента венчиков и 17 фрагментов донцев сосудов.

Помимо этого, выявлено 36 фрагментов посуды, изготовленной на гончарном круге. Из этого числа 34 фрагмента относятся к древнерусской керамике домонгольского времени. Цвет фрагментов красно-коричневый или серо-коричневый, в составе глиняного теста в качестве отощителя прослеживается мелкий отобранный песок. На двух фрагментах стенок присутствует орнамент в виде волны и параллельных линий (Рис. 4, 9, 10). Два венчика имеют плавный отгиб наружу и четко выраженную внутреннюю выемку под крышку, которая оформлена подтреугольным валиком (Рис. 4, 6, 7). Такая форма характерна для сосудов середины XII в. н.э. и встречается в ходе раскопок летописного Курска; (Веретюшкин Р.С., 2005а. С. 63. Рис. 8, 7-12.), а также в большом количестве выявлена в ходе археологического исследования летописного города Снепород на реке Суле (Моргунов Ю.Ю. 1996. С. 23, Рис. 7). На 2 фрагментах стенок круговых сосудов отмечена полива, что характерно для посуды XVIII-XIX вв. на территории Курской области.

В пределах пласта 1 найдено 14 **индивидуальных находок**. Большая их часть изготовлена из железа – фрагмент лезвия ножа (№1, кв. А 2), четыре фрагмента пластин (№ 2, 3, 7, 8 кв. А 2, А 3, А1^{I}), шило (№ 4, кв. Б 1), фрагмент кованого четырехгранного гвоздя (№ 5, кв. Б 4), фрагмент кресала (№ 6, кв. А 4), два фрагмента изделий (№ 13, 18, кв. А 6), подковный гвоздь (№ 14, кв. А^{I} 6) и часть ножа (№ 15, кв. А^{I} 5). Изделия из глины в уровне пласта 1 представлены двумя пряслицами. В кв. АI6 пряслице сохранилось полностью (№ 16), имеет низкую биконическую форму и два воронковидных отверстия. Помимо этого, оно украшено вдавленным пальцевым орнаментом и с большой долей вероятности является черняховским импортом. Из кв. А^{I} 5 происходит половинка пряслица (№ 17) (скорее всего, высокой биконической формы) (Рис. 5, 1-13).

Кроме того, в заполнении пласта 1 выявлено 18 фрагментов костей животных, 4 фрагмента фосфорита, 3 фрагмента кварцита, 6 фрагментов мергеля и 19 фрагментов обмазки.

Объекты в уровне пласта 1

После снятия пласта 1 и зачистки обнажившейся поверхности были выявлены пятна ям 1 и 3, частично ямы 17.

Яма 1 находилась в кв. А 1, Б 1, А 1^{I}, Б 1^{I}, выявлена на глубине -97, -104, имела неправильную подпрямоугольную форму, вытянутую по линии северо-запад – юго-восток с размерами 1,46х0,88 м при глубине до 0,16 м. Стенки наклонные (исключая отвесную часть в юго-восточной части ямы), дно плоское. Заполнение – плотная темно-

серая супесь (Рис. 6, 7), в которой найдено 54 фрагмента груболепной керамики киевской археологической культуры, в том числе 12 фрагментов венчиков сосудов. Цвет фрагментов серо-коричневый или красновато-коричневый. Венчики имеют отгиб наружу (Рис. 10, 1-6). Стоит отметить, что только в заполнении данной ямы были найдены венчики, украшенные вдавливаниями по краю и параллельными насечками (Рис. 8, 1-3, 5), что характерно для ранних памятников киевской культуры (Обломский А.М., 2007. С. 28).

В верхней части заполнения ямы 1 обнаружена одна **индивидуальная находка** – литая прямоугольная серебряная накладка со следами позолоты на внешней стороне и сохранившейся серебряной заклепкой. С внешней стороны щитка имеется выемчатый орнамент в виде прямоугольника с вписанной в него рельефной линией. Внутренняя часть полая. На конце накладка имеется загиб внутрь, который украшен прямым рифлением (Рис. 7, 1). Полных аналогий данной находке установить не удалось. По форме и стилю украшения накладка близка к бронзовой пряжке, которая хранилась до Второй Мировой войны в фондах Музея доисторического периода и ранней истории Берлина (Ахмедов И.Р., 2014, С. 146, Рис. 6, 5). Вещи данного круга датируются первой половиной V – началом VI вв. н.э. Однако керамический материал из постройки 1 представлен только лепной керамикой первой половины III в. Можно предположить, что накладка попала в верхнюю часть объекта путем заплыва в него культурного слоя с древностями V – VII вв.

Кроме того, в заполнении ямы 1 обнаружено 4 фрагмента кости животного, 31 фрагмент мергеля, 1 фрагмент кварцита и 2 фрагмента обмазки.

Яма 2 находилась в кв. А 6, выявлена на глубине -74, -75, имела скорее всего округлую форму (северная часть объекта находилась за пределами исследуемой площади). По линии северного борта кв. А 6 диаметр составляет 0,37 м, максимальная глубина 0,2 м, стенки отвесные, дно плоское. Заполнение – светло-коричневая супесь с углями и прокалом. При выборке грунтовых напластований найдено 4 фрагмента костей животных. Индивидуальных находок при выборке ямы не выявлено.

Яма 3 находилась в кв. А 2, выявлена на глубине -93, -97, имела округлую форму и размеры 0,81х0,75 м при максимальной глубине в 0,35 м. Стенки ямы наклонные, дно плоское. В заполнении прослежены две четкие прослойки. Сверху залегала плотная серая супесь мощностью до 0,21 м, под которой находилась мешаная светло-серая супесь, наибольшая толщина которой составила 0,14 м (Рис. 2). Из прослойки плотной серой супеси происходят 26 фрагментов груболепной посуды киевской археологической культуры, в том числе 2 обломка венчиков сосудов. Цвет черепков светло-коричневый или красновато-коричневый, в составе глиняного теста прослеживается крупный песок и шамот, обжиг на изломе трехслойный (Рис. 9, 1,2). Фрагменты лепных сосудов датируются первой половиной III в. В верхней части прослойки плотной серой супеси найден 1 фрагмент стенки кругового горшка XI-XIII вв. и 2 фрагмента обмазки. Индивидуальных находок при выборке ямы не выявлено.

Пласт 2

Керамический материал второго пласта в подавляющем большинстве представлен фрагментами груболепной посуды киевской археологической культуры (сейминско-донецкий вариант) светло-коричневого или красновато-коричневого цвета. По составу глиняного теста керамика не отличается от той, что была выявлена на уровне пласта 1. Венчики лепных сосудов не орнаментированы, сильно профилированы. Судя по ним, горшки имели округлую форму (Рис. 11, 1-4, 6-8; Рис. 12, 1), за исключением одного фрагмента, который представляет собой часть горлышка тюльпановидного горшка и относится к типу I,3-б согласно типологии А.М. Обломского (Обломский А.М., и др., 2007. С. 29), (Рис. 11, 5). Датировать фрагменты лепных сосудов стоит первой половиной III в., также как и аналогичный материал пласта 1. Всего в заполнении пласта 2 найдено 169 фрагментов лепной керамики, из которых 9 фрагментов венчиков и 6 фрагментов донцев. На двух фрагментах лепных стенок зафиксировано лощение.

Круговой посуды в уровне пласта 2 найдено два фрагмента. Они представляют части венчиков сосудов. Один фрагмент имеет красно-коричневый цвет. Глиняное тесто хорошо вымешано. В качестве отощителя применен мелкий отобранный песок (Рис. 12: 3). Датируется данный фрагмент серединой XII в. и имеет аналогии в материалах исследования летописных городов, таких как Рыльск и Курск (Веретюшкин Р.С., 2005б. С. 65.), (Тихомиров Н.А. 2015. С. 34, 39) а также в ходе исследований древнерусских памятников в поречье Сулы (Моргунов Ю.Ю. 1996. С. 23, Рис. 7). Второй фрагмент представляет собой венчик поливного сосуда (Рис. 12, 4). Данная керамика характерна для региона исследования в XVIII-XIX вв.

Проведенным анализом распространения керамического материала в культурном слое установлено, что подавляющая его часть относится к лепной посуде первой половины III в. – 92,8%. Круговая посуда XI-XIII вв. в уровне 1 пласта составляет всего 7,2 %, а в заполнении пласта 2 встречен всего 1 венчик XII в.

Фрагменты стенок лепных сосудов составляют 91,8 %, венчиков 4,75% и донцев 3,45% для уровня 1 пласта. Для 2 пласта соотношение частей лепной керамики выглядит следующим образом – стенки сосудов 91,75 %, венчики 4,7%, донца 3,55 %..

В заполнении пласта 2 выявлено 9 **индивидуальных находок** – фрагмент медной пластины с пробитым продолговатым отверстием в середине (№11, кв. А 1I); 3 фрагмента железных изделий (№18, Б 5), (№ 22, кв. Б 6), (№20, кв. А1I); железный нож (№26, кв. Б 5); фрагмент точильного камня (№ 12, кв. Б 5); фрагмент железного гвоздя (№10, кв. Б 1[I]), (Рис. 13; 1-5, 7, 9); 2 кольчужных кольца разного диаметра. Одно кольцо цельное, имеет круглое сечение и диаметр 1,8 см. (Рис. 13. 8), (№ 21, А1[I]). Второе кольцо клепаное, овальное в своем сечении при диаметре в 0,98 см. (№19, кв. А 2), (Рис. 13. 6).

Также в заполнении пласта 2 найдено 67 фрагментов костей животных; 39 фрагментов мергеля; 3 фрагмента фосфорита; 10 фрагментов обмазки и 2 щебня.

Объекты в уровне пласта 2

Осуществив выборку грунта пласта 2 и зачистив обнажившуюся поверхность, мы зафиксировали пятна ям 4-23, а также полностью оконтурилось пятно ямы 17.

Яма 4 находилась в кв. Б 6, выявлена на глубине -76, имела круглую форму и размеры 0,26х0,29 м при максимальной глубине в 0,16 м. Стенки имеют небольшой наклон, дно плоское. Заполнение – плотная серая супесь (Рис. 13). В ходе выборки грунта найден 1 фосфорит небольшого размера. Индивидуальных находок при выборке ямы не выявлено.

Яма 5 находилась в кв. Б 6, выявлена на глубине -72, -85. Своей северной частью уходит в борт раскопа. Имеет длину по линии запад-восток в1,25 м при максимальной глубине в 0,82 м. Полная форма объекта, скорее всего, овальная. Стенки отвесные, исключение составляет юго-западная часть объекта, где имеется подбой в 0,03 м (Рис. 10). В заполнении прослежено 6 прослоек. Вверху ямы залегала плотная серая супесь мощностью до 0,27 м, внутри которой зафиксировано угольное пятно неправильной формы. По линии запад-восток его максимальная длинна составила 0,68 м при толщине в 0,26 м. В западной части объекта под плотный серый суглинок заходила прослойка светло-серой супеси толщиной до 0,16 м. Ниже, неравномерно, располагался белый песок, его максимальная мощность составила 0.25 м. В восточной части ямы прослойка песка была пробита небольшим угольным кольцом толщиной в 0,04-0,05 м. В нижней части ямы под белым песком с востока и запада располагались две разрозненные прослойки неправильной формы светло-коричневой супеси с углями и прокалом. В западной части она имела максимальные размеры 0,28х0,40 м, в восточной части 0,24х0,20 м. На дне ямы был выявлен слой мешаного белого песка линзовидной формы с размерами 0,52х0,17 м (Рис. 14). В ходе выборки заполнения найдено 74 фрагмента груболепных горшков, относящихся к киевской археологической культуре, из которых 4 фрагмента - венчики. Цвет черепков светло-коричневый или красновато-коричневый, в составе глиняного теста

прослеживается крупный песок и шамот, обжиг на изломе трехслойный. Венчики имеют отгиб наружу (Рис. 15. 1, 6, 8). Фрагменты лепных сосудов датируются первой половиной III в. Также выявлены 3 **индивидуальные находки**: фрагмент пластины из медного сплава со следами слома или грубого отреза (№23, пл. 1, кв. Б 6); фрагмент глиняного грузила (№24, пл. 3, кв. Б 6); низкое биконическое пряслице с двумя желобками (№27, пл. 4, кв. Б 6), (Рис. 16, 1-3). Кроме того, обнаружено 14 фрагментов кости животного и 3 фосфорита.

Яма 6 находилась в кв. А 6, Б 6, выявлена на глубине -80, -84, имела округлую форму с размерами 0,74х0,78 м при максимальной глубине 0,58 м. Стенки отвесные, за исключением северо-западной части ямы, где прослеживается явный наклон. В заполнении прослеживаются 4 слоя. Сверху залегала плотная серая супесь мощностью до 0,5 м которая сменилась в восточной части светло-серой супесью, идущей расширяющимся языком ко дну ямы. Толщина прослойки колебалась в пределах от 0,12 м до 0,32 м. Под плотной серой супесью, на дне ямы, залегал мешаный белый песок мощностью до 0,18 м и белый песок с прокалом толщиной в 0,17 м. Две прослойки соприкасались между собой (Рис. 17).

В ходе выборки напластований обнаружено 25 фрагмента груболепной посуды, из которых 2 фрагмента - венчики. Посуда принадлежит к киевской археологической культуре. Цвет черепков светло-коричневый или красновато-коричневый, в составе глиняного теста прослеживается крупный песок и шамот, обжиг трехслойный. Венчики имеют отгиб наружу (Рис. 18; 1). Фрагменты лепных сосудов датируются первой половиной III в. В ходе выборки грунтовых напластований обнаружена одна **индивидуальная находка** – половинка небольшого глиняного биконического пряслица высокой формы (№25, кв. А 6), (Рис. 19, 1). Кроме того, найдено 9 фрагментов кости животного, 1 фосфорит, 1 щебень и 1 фрагмент обмазки.

Яма 7 находилась в кв. $А^{I}$ 5, А 5, $А^{I}$ 6, А 6, выявлена на глубине -101, -109, имела овальную форму при размерах 0,51х0,71 м и максимальную глубину в 0,46 м. Стенки отвесные, за исключение западной части, где имеется небольшой подбой в 0,02 м. Дно плоское. В заполнении прослежено 3 прослойки. Сверху залегала мешаная светло-серая супесь мощностью до 0,16 м, под которой находился слой серо-коричневой супеси с углями толщиной до 0,41 м. В южной части ямы зафиксировано небольшое пятно серой супеси размерами 0,19х0,16 м (Рис. 20). В ходе выборки заполнения обнаружено 10 фрагментов груболепной керамики киевской археологической культуры. Цвет черепков светло-коричневый или красновато-коричневый, в составе глиняного теста прослеживается крупный песок и шамот, обжиг трехслойный. Фрагменты лепных сосудов датируются первой половиной III в. Кроме того, найден 1 фрагмент кости животного. Индивидуальных находок при выборке ямы не выявлено. Стоит отметить, что к яме 7 с запада примыкает яма 23.

Яма 8 находилась в кв. А 3, выявлена на глубине -120, -122, имела округлую форму при размерах 0,31х0,33 ми максимальную глубину в 0,15 м. Стенки ямы отвесные, дно имеет линзовидную форму. Заполнение – плотная серая супесь. Керамики и индивидуальных находок не обнаружено. К востоку и юго-востоку от ямы выявлены пятна прокала неправильной формы мощностью в 0,02-0,03 м.

Яма 9 находилась в кв. Б 3, выявлена на глубине -112, -113 имела округлую форму при размерах 0,42х0,4 м и максимальную глубину в 0,37 м. Стенки ямы отвесные, дно имеет линзовидную форму. В заполнении прослежены три прослойки. Сверху залегала плотная серая супесь мощностью до 0,28 м, под ней была выявлена тонкая полоса тёмно-коричневой супеси толщиной в 0,01 м. Ниже зафиксирована серо-коричневая супесь, ее максимальная мощность составляла 0,12 м. Две нижние прослойки, возможно, являются остатками перегнившего бревна. В слое плотной серой супеси найдены 3 фрагмента груболепной посуды киевской археологической культуры. Индивидуальных находок

при выборке ямы не обнаружено. К востоку от ямы выявлено небольшое пятно прокала овальной формы мощностью в 0,02-0,03 м.

Яма 10 находилась в кв. Б 2, Б 3, выявлена на глубине -110, -120, имела скорее всего овальную форму. Своей восточной частью уходит за пределы исследуемой площади в восточный борт раскопа. Стенки ямы наклонные, дно плоское. Максимальная глубина составила 0,58 м. В заполнении прослежены три прослойки. Сверху залегала плотная серая супесь мощностью до 0,21 м. Под ней, в северной части ямы, находилась небольшая прослойка мешаной светло-серой супеси размера 0,34х0,13 м. Ниже залегала серо-коричневая супесь толщиной до 0,21 м. В заполнении найдено 6 фрагментов груболепной посуды киевской археологической культуры, в том числе 1 обломок венчика, а также 2 фрагмента стенок круговых сосудов древнерусского времени – XI – XIII вв. Индивидуальных находок при выборке ямы не выявлено.

Яма 11 находилась в кв. А 1, А2, выявлена на глубине -118, -119, имела округлую форму при размерах 0,56х0,57 м. Максимальная глубина составила 0,11. Стенки наклонные, дно плоское. Основным заполнением ямы являлась плотная серая супесь, в которой была зафиксирована тонкая угольная прослойка, ее размеры составили 0,36х0,03 м. Керамики и индивидуальных находок при выборке ямы не выявлено.

Яма 12 находилась в кв. А 5, выявлена на глубине -90, -97 имела округлую форму при размерах 0,92х0,82 м и максимальную глубину в 0,3 м. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Заполнение – плотная серая супесь. В ходе выборки заполнения найдено 8 фрагментов стенок груболепных сосудов киевской археологической культуры и 4 фрагмента кости животных. Индивидуальных находок при выборке ямы не выявлено.

Яма 13 находилась в кв. А 5, выявлена на глубине -98, -101, имела овальную форму с размерами 0,47х0,38 м при максимальной глубине в 0,26 м. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Заполнение – плотная серая супесь. Керамики и индивидуальных находок при выборке заполнения не найдено.

Стоит отметить, что яма 13 пробивает траншею 1 и с большой долей вероятности является её конструктивной частью.

Яма 14 находилась в кв. Б 5, выявлена на глубине -95, -99, имела овальную форму при размерах 1,04х0,88 м и максимальную глубину в 0,24 м. Стенки с небольшим наклоном, дно плоское. Заполнение – плотная серая супесь. В ходе его выборки найден 1 фрагмент стенки груболепного сосуда киевской археологической культуры. Индивидуальных находок при выборке ямы не выявлено.

Яма 15 находилась в кв. А 4, выявлена на глубине -101, -102, имела округлую форму при размерах 0,38х0,38 м и максимальную глубину в 0,06 м. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Заполнение – плотная серая супесь. Керамики и индивидуальных находок при выборке не найдено.

Яма 16 находилась в кв. А 4, Б 4, Б 5, выявлена на глубине -100, -106, имела овальную форму при размерах 0,9х1,02 м и максимальную глубину в 0,46 м. Стенки ямы отвесные, в северо-восточной части имелся небольшой подбой в 0,02 м. В заполнении прослежены две четкие прослойки. Сверху залегала плотная серая супесь мощностью до 0,36 м. Ниже находилась светло-серая супесь, толщина которой достигала 0,11 м. В ходе выборки грунтовых напластований ямы найден 1 фрагмент кости животного. Керамики и индивидуальных находок не выявлено.

Яма 17 находилась в кв. А 3, А 4, выявлена на глубине -101, -122, имела скорее всего неправильную форму, вытянутую по линии северо-восток – юго-запад. Своей юго-западной частью уходит в борт раскопа. Максимальная глубина составила 0,9 м. Стенки ямы наклонные. В северной и северо-восточной части имеется подбой до 0,14 м. После снятия второго пласта заполнения ямы были зафиксированы три пятна прокала. Всего в заполнении прослежены 7 прослоек. Сверху залегала плотная серая супесь мощностью до 0,08 м, под ней находилась мешаная светло-серая супесь с углями. Внутри данной

прослойки зафиксировано пятно прокала неправильной формы, его наибольшие размеры составляли 0,77х0,38 м, и пятно белого песка в северной части ямы, которое, возможно, является норой животного. Ниже слоя мешаной светло-серой супеси находилась мешаная серо-коричневая супесь с углями, максимальной толщиной до 0,26 м. Внутри данной прослойки выявлена тонкая прослойка угля в 0,04 м, идущая ко дну ямы кривой линией. Самой нижней прослойкой являлась светло-коричневая супесь, ее мощность составила до 0,38 м (Рис. 21). В ходе выборки грунтовых напластований ямы найдено 9 фрагментов груболепной посуды киевской археологической культуры и 4 фрагмента кости животного. Индивидуальных находок не выявлено.

Яма 18 находилась в кв. А 3, выявлена на глубине -116, имела круглую форму при размерах 0,16х0,16 м и максимальной глубине в 0,1 м. Стенки наклонные, дно линзовидное. Заполнение – плотная серая супесь. Керамики и индивидуальных находок не выявлено.

Яма 19 находилась в кв. А 3, выявлена на глубине -122, имела круглую форму при размерах 0,11х0,11 м и максимальной глубине в 0,11 м. Стенки наклонные, дно линзовидное. Заполнение – плотная серая супесь. Керамики и индивидуальных находок не выявлено.

Яма 20 находилась в кв. А 5, А 6, выявлена на глубине -84, имела круглую форму при размерах 0,26х0,26 м и максимальную глубину в 0,09 м. Стенки наклонные, дно линзовидное. Заполнение – плотная серая супесь. Керамики и индивидуальных находок не выявлено.

Яма 21 находилась в кв. А5, А 6, Б 5, Б 6, выявлена на глубине -84, -85, имела круглую форму при размерах 0,22х0,21 м и максимальной глубине в 0,04 м. Стенки отвесные, дно плоское. Заполнение – плотная серая супесь. Керамики и индивидуальных находок не выявлено.

Яма 22 находилась в кв. Б 6, выявлена на глубине -99, -104. Своей восточной частью уходит за пределы исследуемой площади в борт раскопа. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Максимальная глубина до 0,68 м. В заполнении прослежены 5 прослоек. Сверху залегала мешаная светло-серая супесь, ее мощность была до 0,09 м. Под ней находилась мешаная светло-серая супесь с углями толщиной до 0,12 м. В южной части мешаная светло-серая супесь с углями сменилась небольшой прослойкой светло-серой супеси мощностью до 0,1 м. В северной части ямы к слою мешаной светло-серой супеси с углями примыкает прослойка плотной серой супеси неправильной формы. Самый нижний слой представлял собой жёлтый песок мощностью до 0,4 м (Рис. 22). В ходе выборки грунтовых напластований выявлено 9 фрагментов стенок груболепной посуды киевской археологической культуры. Индивидуальных находок не обнаружено.

Стоит отметить, что непосредственно над ямой 22 в борту раскопа зафиксировано пятно прокала овальной формы размерами 0,63х0,24 м и, судя по стратиграфии, оно также относится к заполнению описываемого объекта.

Яма 23 находилась в кв. $А^{I}$ 5, $А^{I}$ 6, выявлена на глубине -101, -109, имела округлую форму при размерах 1,07х0,93 и максимальную глубину в 0,1 м. Стенки ямы наклонные, дно плоское. Заполнение – плотная серая супесь. В ходе выборки грунтовых напластований обнаружено 4 фрагмента костей животного. Керамики и индивидуальных находок не выявлено.

В ходе проведённого исследования на памятнике «Пены. Поселение 8» изучено 64 кв.м его площади. Выявлен культурный слой, наполненный археологическими предметами – керамика, индивидуальные находки из металлов и глины, кости животных, глиняная обмазка и различные камни. Обнаружены остатки 23 ям и одной траншеи, что дает основание говорить о достаточно плотной усадебной застройке. Кроме того, зафиксирован ряд объектов, которые выходили за пределы исследуемой площади.

Результаты изыскания позволяют сделать следующие предварительные выводы:

1. На поселении прослежено три культурно-хронологических горизонта. Самые ранние материалы относятся к сейминско-донецкому варианту киевской археологической культуры и датируются первой половиной III в. Заполнения объектов относились именно к этому периоду. В культурном слое пласта 2 зафиксированы фрагменты лощеной лепной посуды и выявлена серебряная позолоченная накладка, относящиеся ко времени V – VII вв., что говорит о наличии древностей данного времени на исследуемом памятнике археологии. Кроме того, в заполнении пласта 1 и на уровне современной дневной поверхности отмечено наличие керамического материала древнерусского времени XI – XIII вв.

2. Наибольшая концентрация объектов выявлена в северной части раскопа.

3. Траншея 1, зафиксированная в кв. А 5, Б 5 и $А^{1}5$ скорее всего является остатками от забора, который разделял два усадебных комплекса первой половины III в.

4. Обнаруженные в ходе выборки заполнения ям 2, 5, 6, 7, 17, 22 следы прокала, зольные и угольные пятна, а также пересыпка этих прослоек супесчаными грунтами позволяют говорить о долговременном использовании ям в хозяйственных целях. Однако их небольшая глубина и диаметр ставит под сомнение использование их в качестве сооружений для хранения продуктов питания и различных материалов. Можно предположить, что в данных ямах пережигали древесный уголь для его последующего применения в обработке металлов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов И.Р. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V– начала VI вв. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Вып. 15. М., 2014.

Веретюшкин Р.С. Об одной группе керамики Древнего Курска // Днепро-донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005а.

Веретюшкин Р.С. Керамика средневекового Рыльска золотоордынской эпохи // Российская археология №4. М., 2005б.

Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы. Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 2. Курск, 1996.

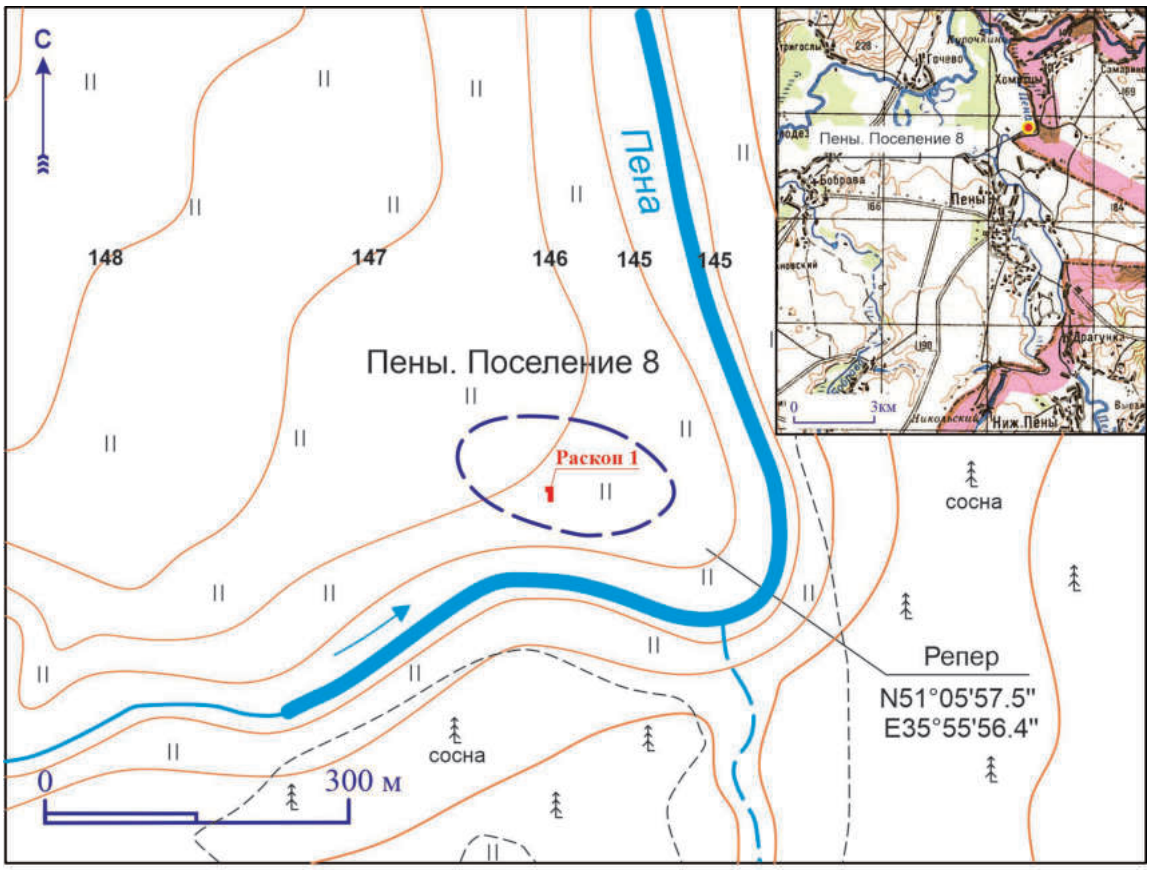
Обломский А.М. Этнический процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. Москва-Сумы: 1991.

Обломский А.М. Периодизация и хронология // Памятники Киевской культуры в лесостепной зоне России (III-V вв. н.э.). Вып. 10. М.: 2007.

Обломский А.М., Радюш О.А. Вещевой комплекс // Памятники Киевской культуры в лесостепной зоне России (III-V вв. н.э.). Вып. 10. М.: 2007.

Симоненков А.В. Отчёт о работе разведочного отряда Курского государственного областного музея археологии в окрестности с. Пены Беловского района Курской области в 2018 г. // НА КГОМА, I-197.

Симоненков А.В. Отчёт о раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Пены. Поселение 8» около с. Пены Беловского р-на Курской обл. в 2019 г // НА КГОМА, I-199.



1

2

Рис.1

1 - Ситуационный план памятника «Пены. Поселение 8» с отображение места закладки раскопа; 2 - Пены. Поселение 8. Раскоп 1 до начала работ, вид с юга.

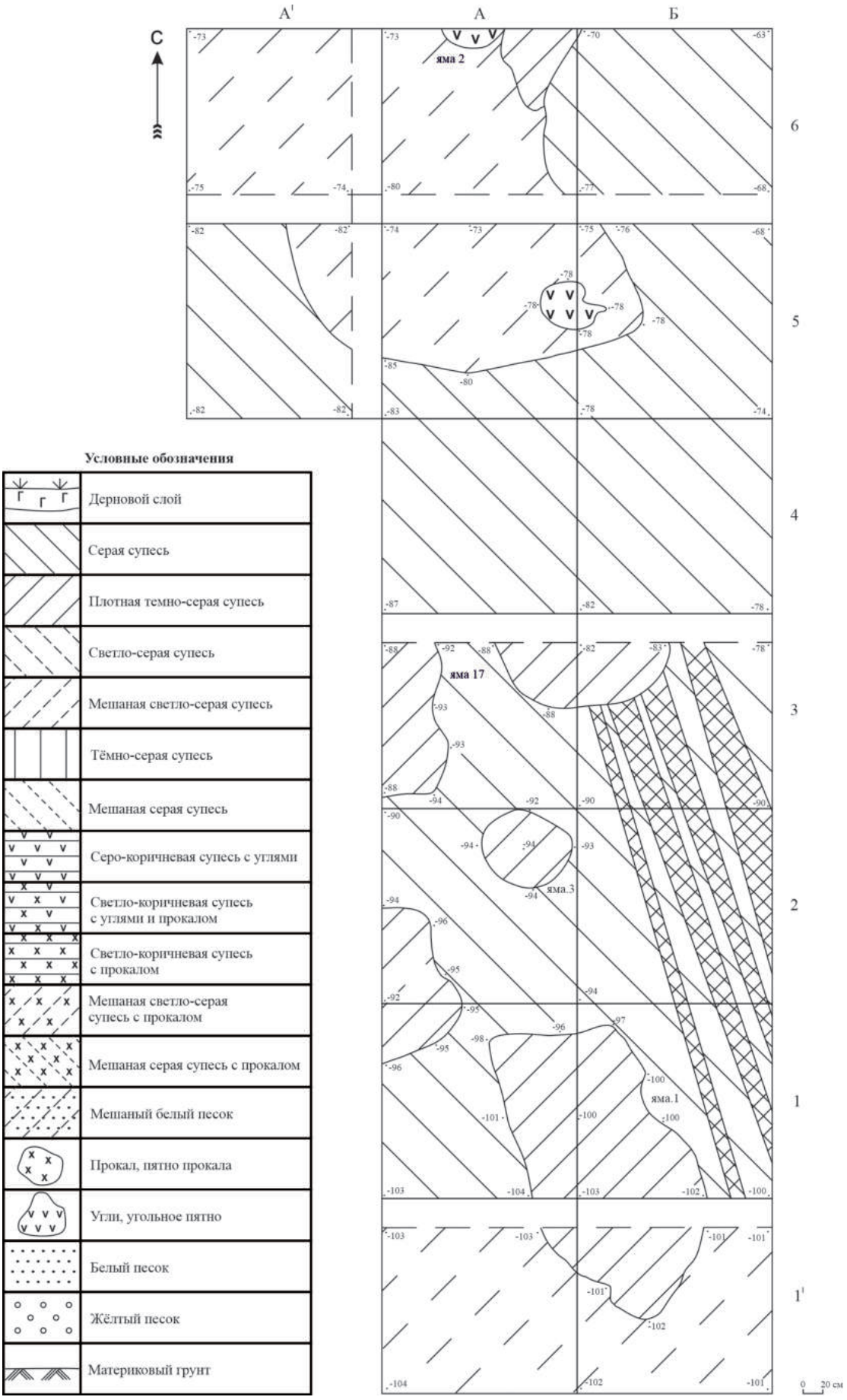


Рис.2

Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Нивелировочный план после снятия пласта 1.

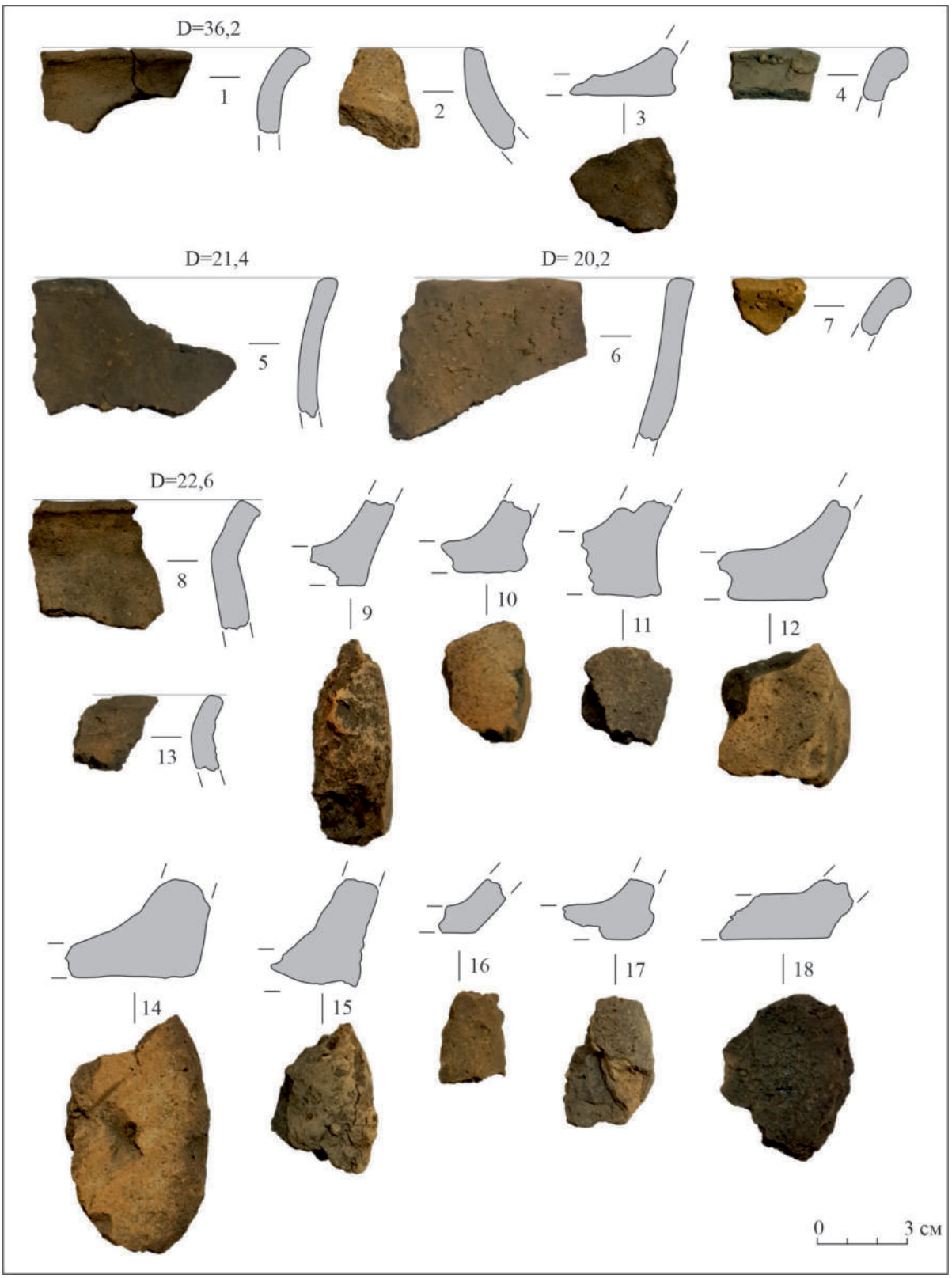


Рис.3

Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Керамический материал заполнения пласта 1.
1-3 - лепная керамика в пределах кв. А^{I}6; 4-7, 9 - лепная керамика в пределах кв. Б 6;
8 - лепная керамика в пределах кв. Б 5; 10 – лепная керамика в пределах кв. А 4;
11 - лепная керамика в пределах кв. А 3; 12-14 - лепная керамика в пределах кв. А 2;
15-16 - лепная керамика в пределах кв. Б 2; 17 - лепная керамика в пределах кв. А 1;
18 – лепная керамика в пределах кв. Б 1.

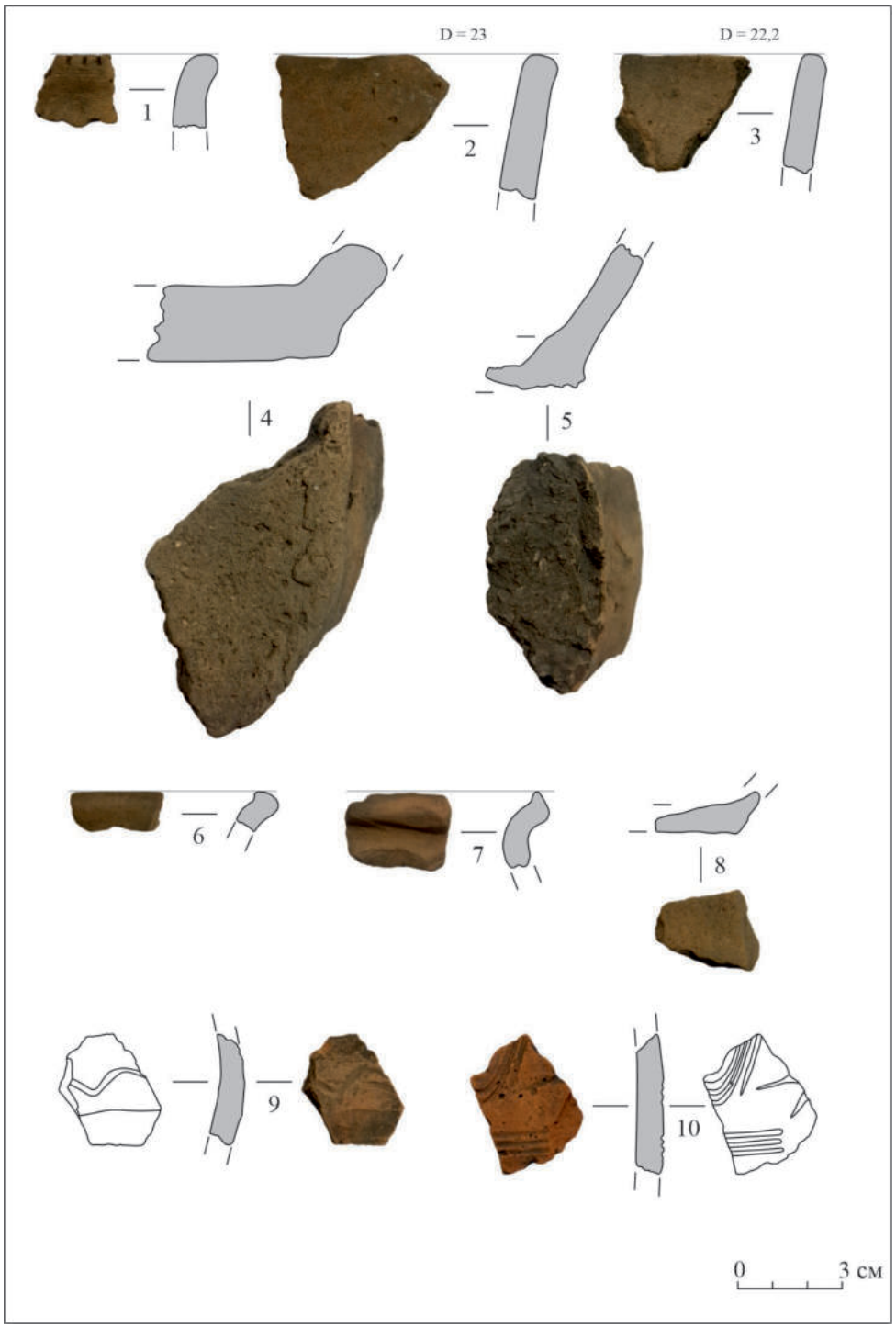


Рис.4

Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Керамический материал заполнения пласта 1.
1-2 - лепная керамика в пределах кв. Б 1; 3-5 - лепная керамика в пределах кв. Б 1[1];
6 - круговая керамика в пределах кв. Б 1; 7 - круговая керамика в пределах кв. А 2;
9 - круговая керамика в пределах кв. А 6; 10 – круговая керамика в пределах кв. Б 6.

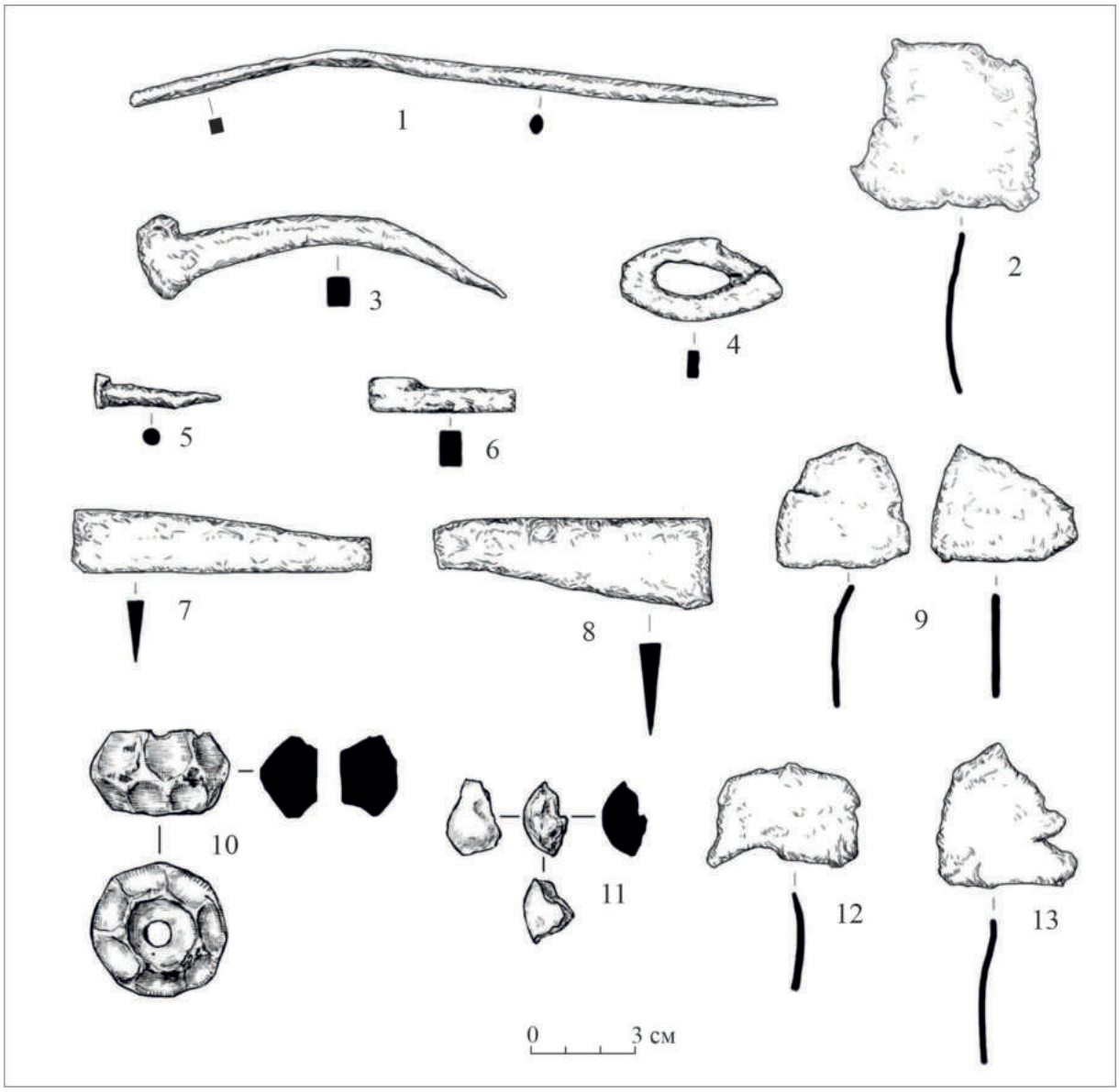


Рис.5

Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Индивидуальные находки из заполнения пласта 1. 1-шило железное (№ 4. кв. Б 1); 2-пластины железной фрагмент (№ 2, А 3); 3- гвоздь железный (ухналь), (№ 4, Б 4); 4-кресала железного фрагмент (№ 6, А 4); 5-гвоздя железного фрагмент (№ 5, Б 4); 6-изделия железного фрагмент (№13, А 6); 7-ножа железного фрагмент (№ 1, А 2); 8-ножа железного фрагмент (№15, А 5[I]); 9-пластины железной фрагменты (№ 7, А 1[I]); 10-пряслице глиняное (№ 16, А 6I); 11-пряслица глиняного фрагмент (№ 17, А 5[I]); 12-пластины железной фрагмент (№ 8, А 1[I]); 13-пластины железной фрагмент (№ 3, А 1). 1-9, 12, 13-железо; 10,11-глина.

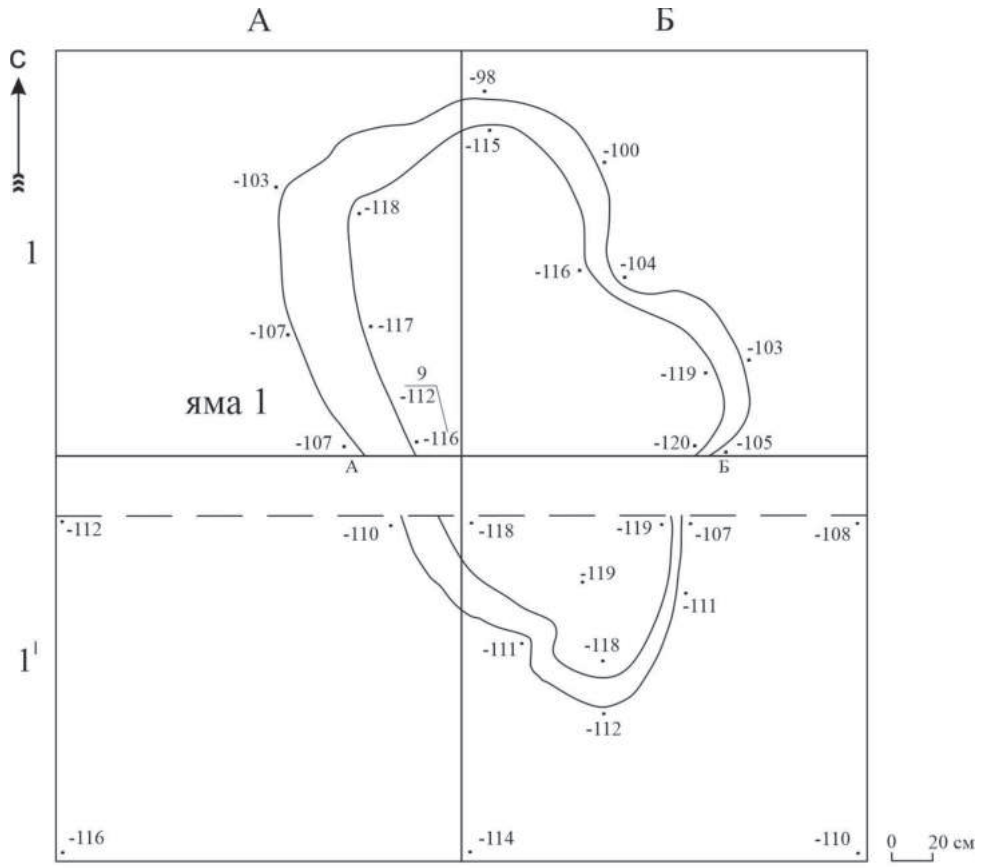


Рис.6

Пены. Поселение 8 Раскоп 1. Яма 1 после выборки заполнения.

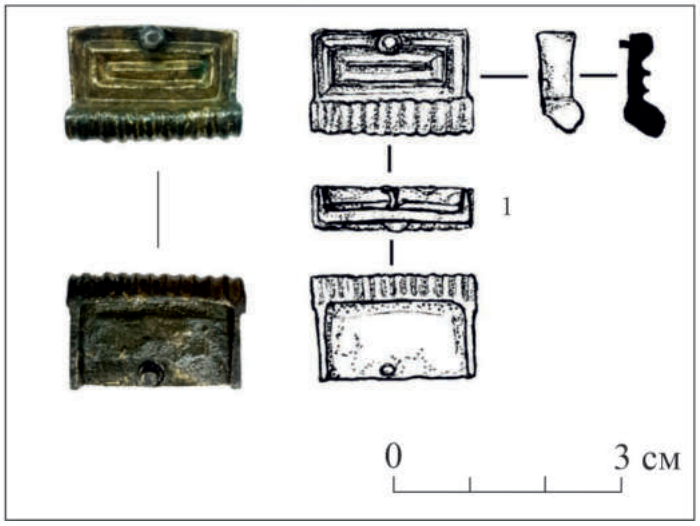


Рис.7

Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Индивидуальная находка из заполнения ямы 1. в кв. А1 - накладка серебреная с позолотой. (№ 9). 1 - серебро, позолота.

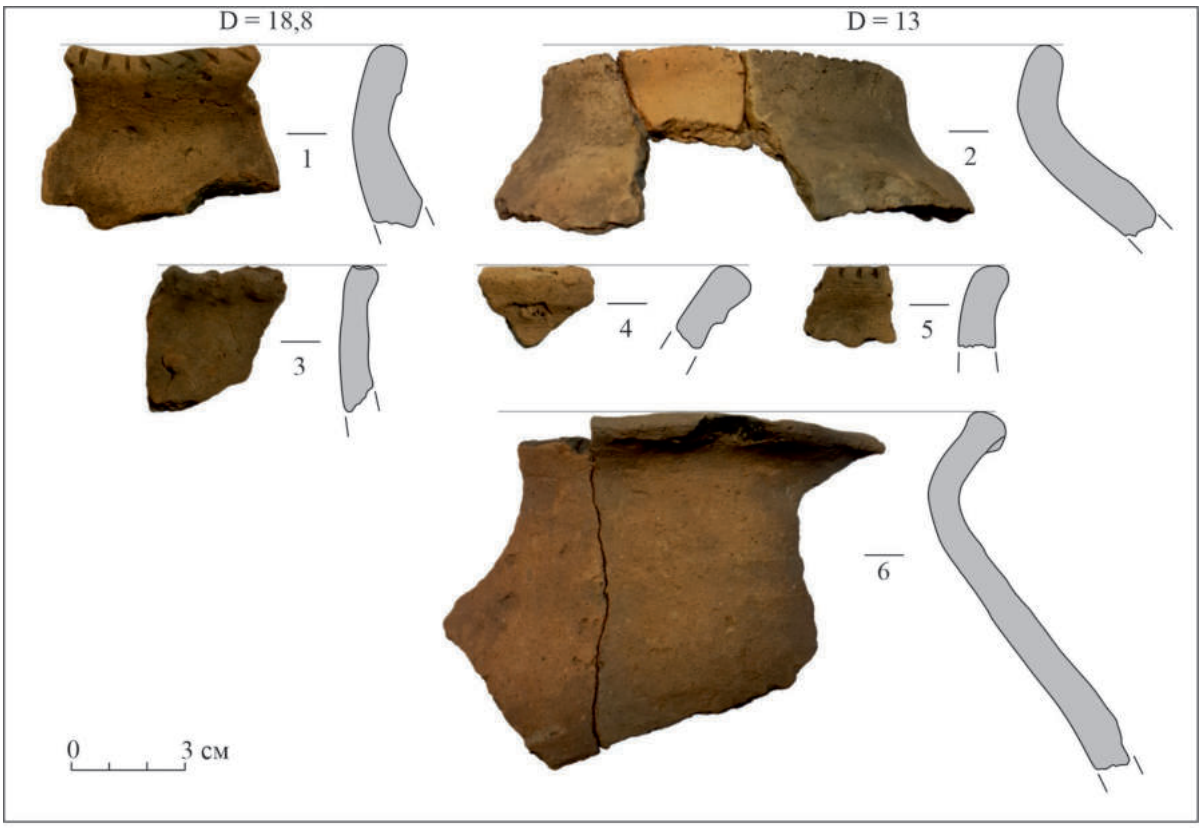


Рис.8
Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Керамический материал заполнения ямы 1.
1-5 - лепная керамика кв. Б 1; 6 - лепная керамика кв. Б 1[1].

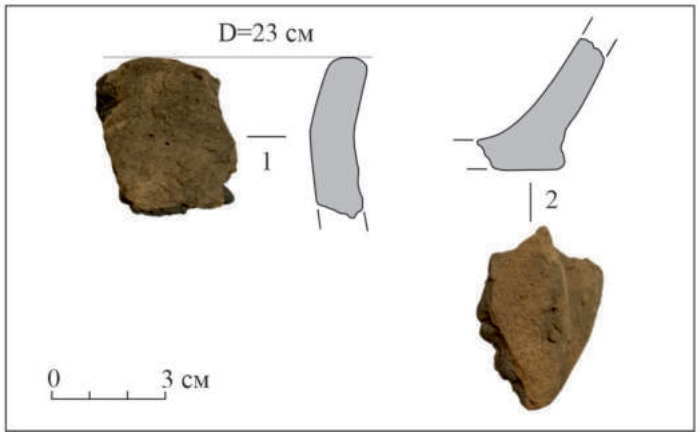


Рис.9
Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Керамический материал заполнения ямы 3 в квадрате А 2.
1,2 - лепная керамика пласта 1.

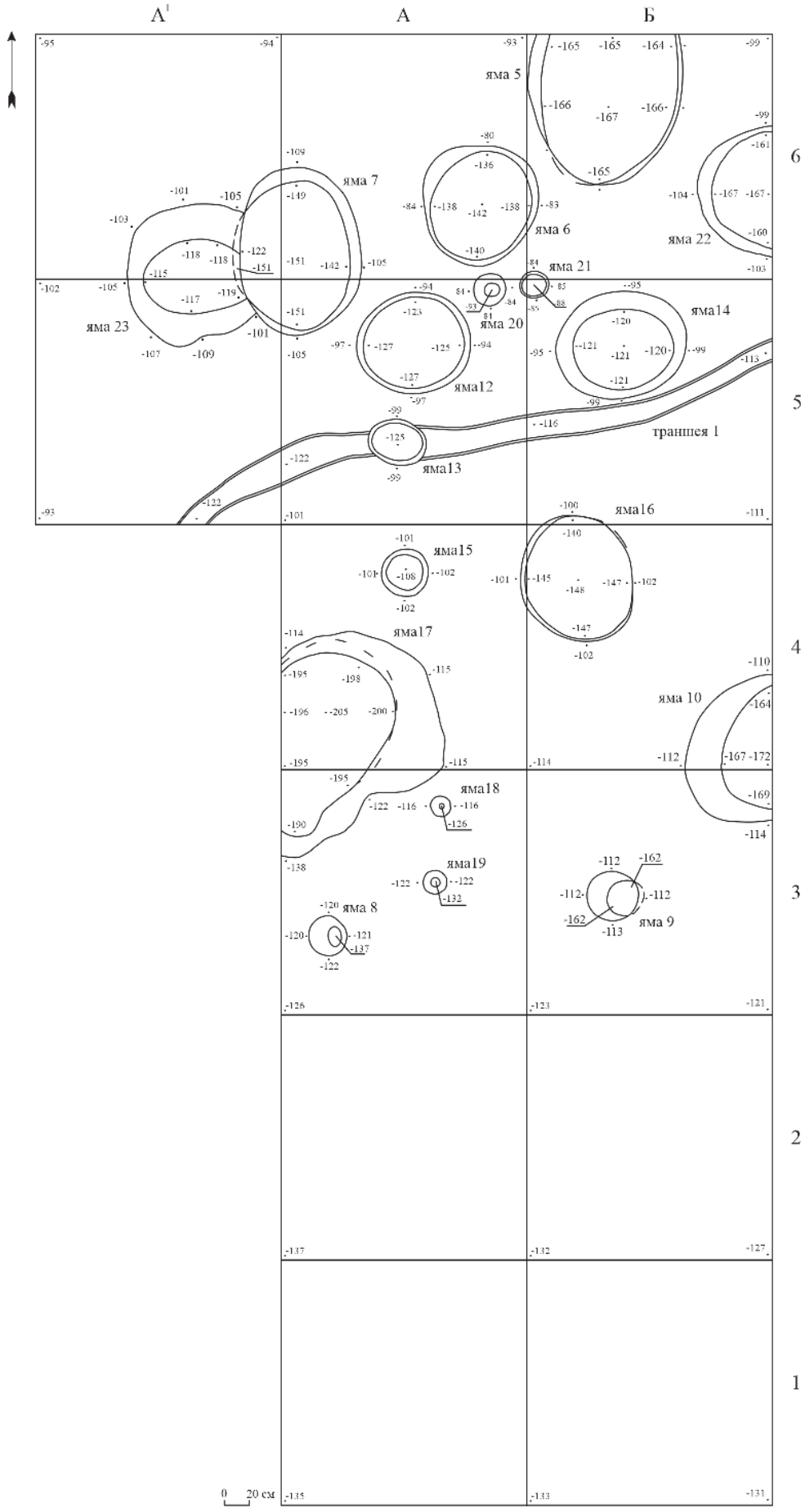


Рис.10

Пены. Поселение 8. Раскоп 1 после снятия пласта 2, на уровне материка.

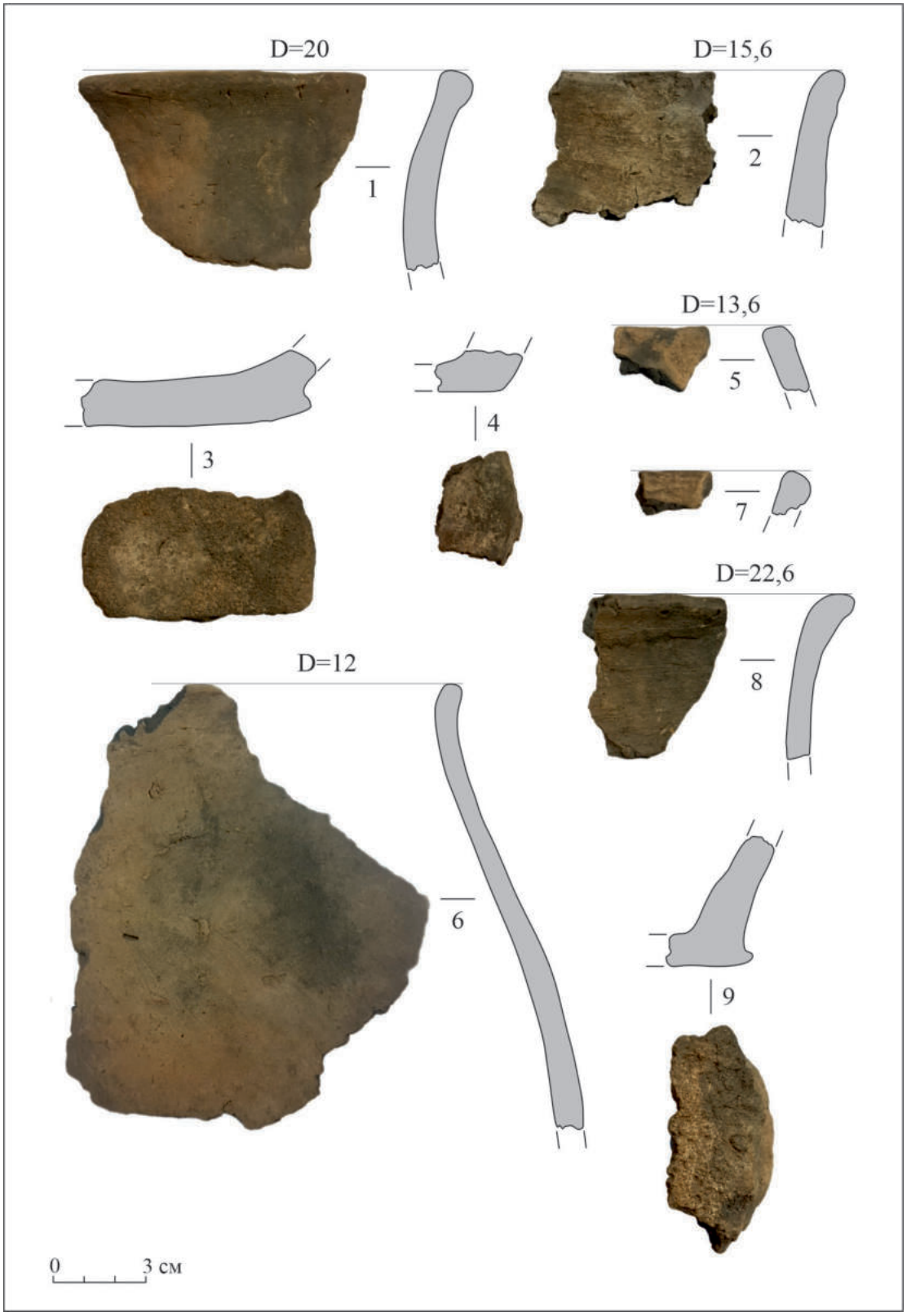


Рис.11

Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Керамический материал заполнения пласта 2.
1-4 - лепная керамика в пределах кв. Б 6; 5 - лепная керамика в пределах кв. А[I]5;
6-7 - лепная керамика в пределах кв. Б 5; 8 – лепная керамика в пределах кв. Б 4;
9 - лепная керамика в пределах кв. Б 2.

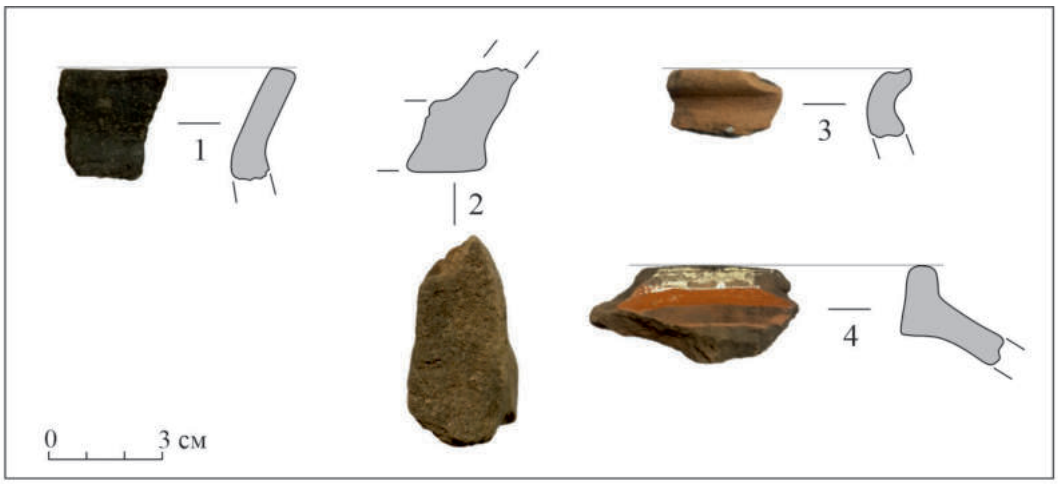


Рис.12

Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Керамический материал заполнения пласта 2. 1 - лепная керамика в пределах кв. Б 1; 2 - лепная керамика в пределах кв. А1; 3 - круговая керамика в пределах кв. А 5.

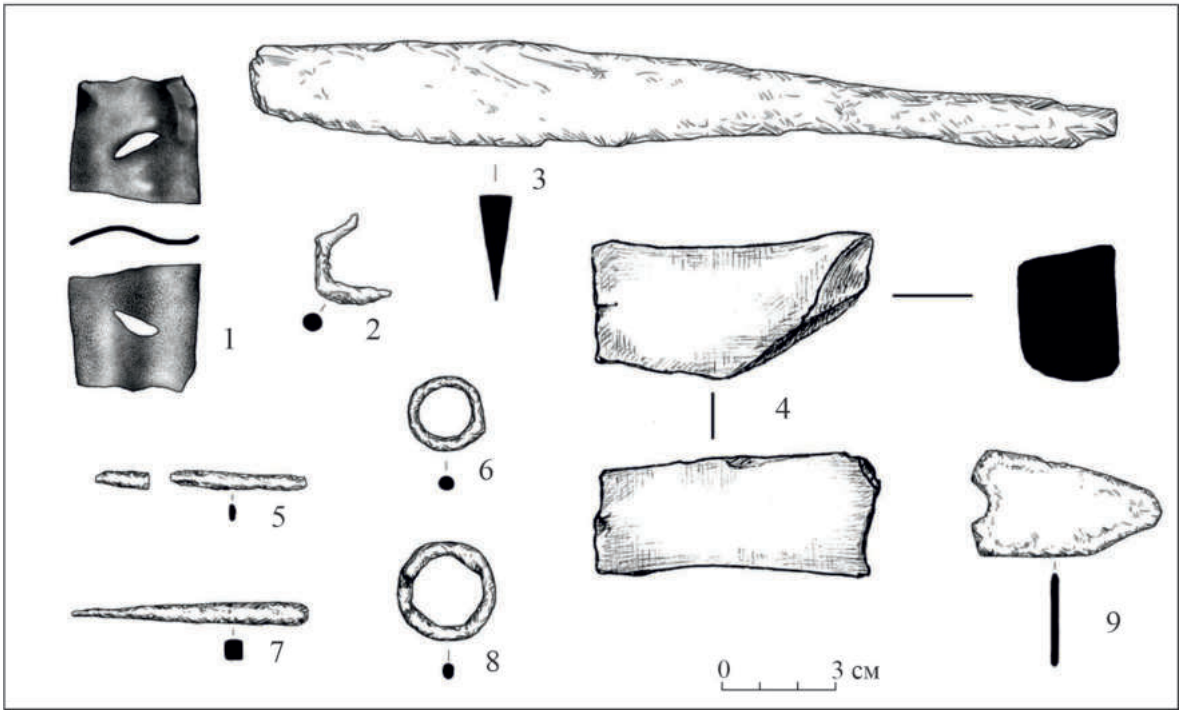


Рис.13

Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Индивидуальные находки из заполнения пласта 2. 1-пластины из медного сплава фрагмент (№11, кв. А1[I]); 2-изделия железного фрагмент (№18, Б 5); 3-нож железный (№26, кв. Б 5); 4-камня точильного фрагмент (№ 12, кв. Б 5); 5-изделия железного фрагмент (№ 22, кв. Б 6); 6-кольцо кольчужное (№19, кв. А 2); 7-гвоздя железного фрагмент (№10, кв. Б1[I]); 8-кольцо кольчужное (№ 21, А1[I]); 9-изделия железного фрагмент (№20, кв. А 1I). 1-медный сплав; 2, 3, 5-9 - железо; 4-камень.

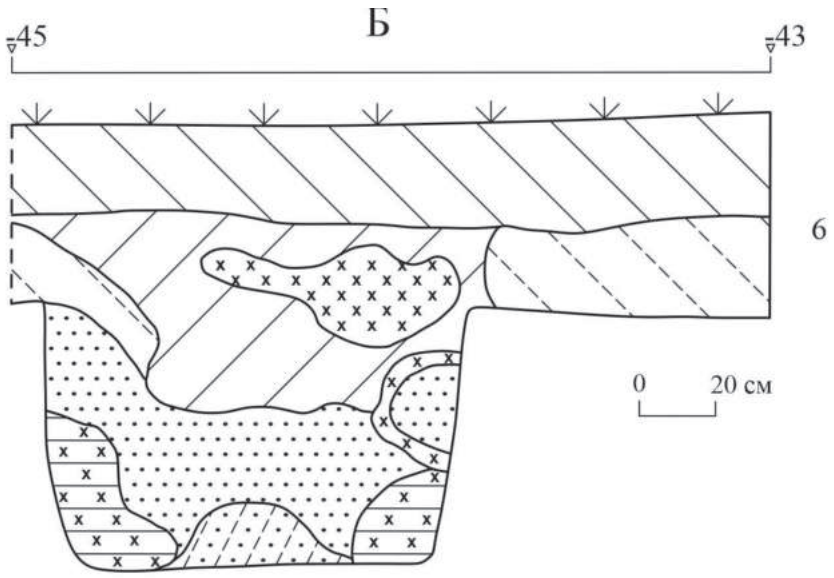


Рис.14

Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Разрез ямы 5 по линии запад-восток в квадрате Б 6.

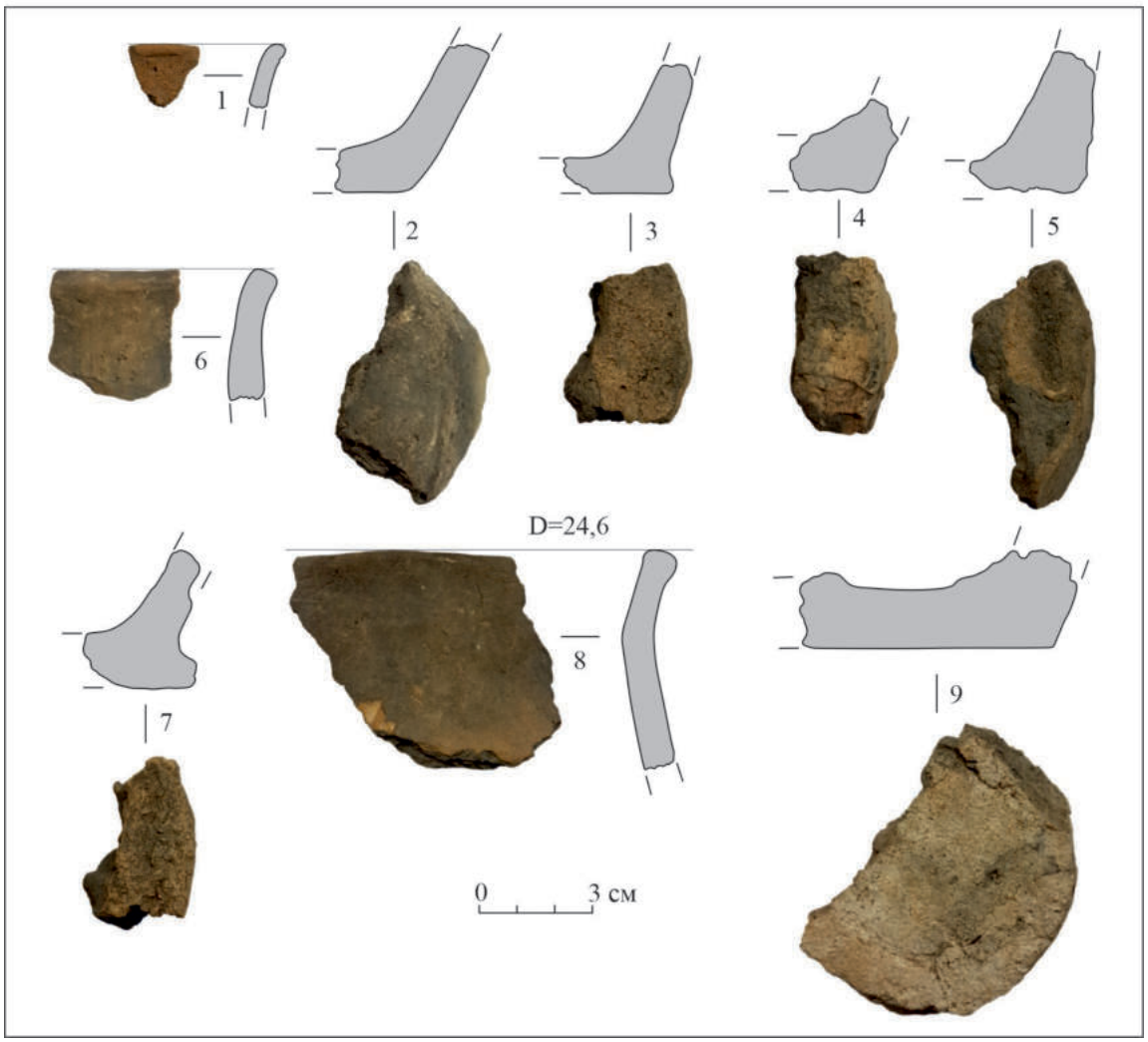


Рис.15

Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Керамический материал заполнения ямы 5.
1-5 - лепная керамика пласта 1; 6 - лепная керамика пласта 2; 7 - лепная керамика пласта 3; 8 - лепная керамика пласта 4; 9 - лепная керамика пласта 5.

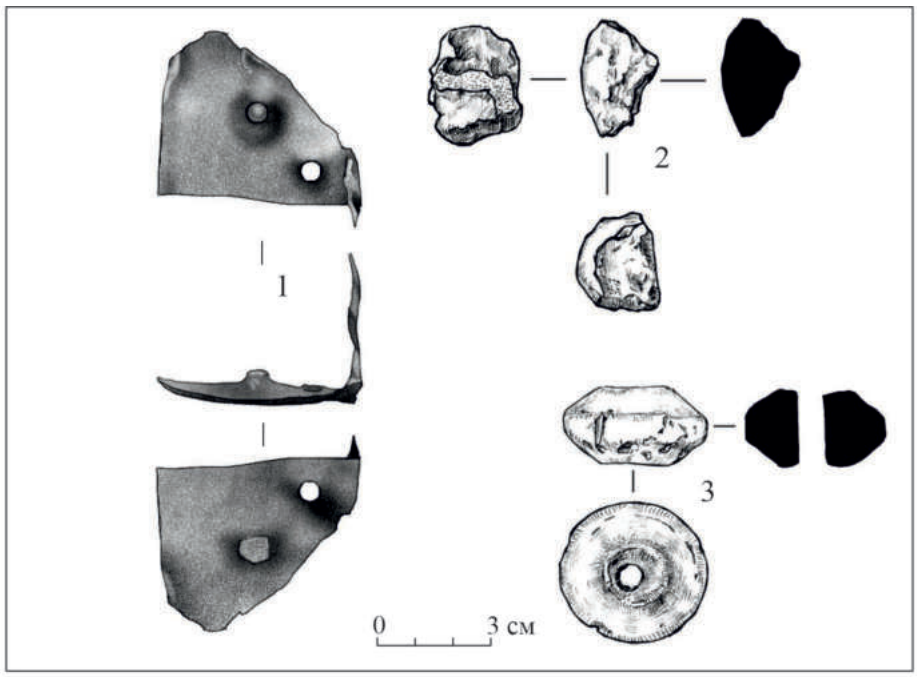


Рис.16

Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Индивидуальная находка из заполнения ямы 5. 1-изделия из медного сплава фрагмент (№23, пл. 1, кв. Б 6); 2-грузила глиняного фрагмент (№24, пл. 3, кв. Б 6); 3-пряслице глиняное (№27, пл. 4, кв. Б 6). 1-медный сплав; 2, 3 глина.

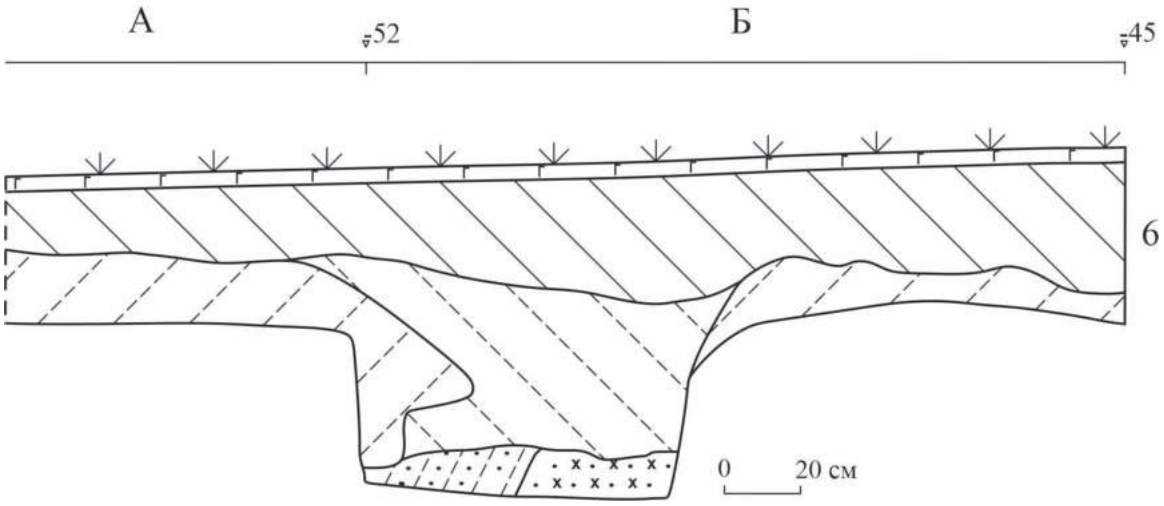


Рис.17

Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Разрез ямы 6 в квадрате А 6, Б 6 по линии запад-восток.

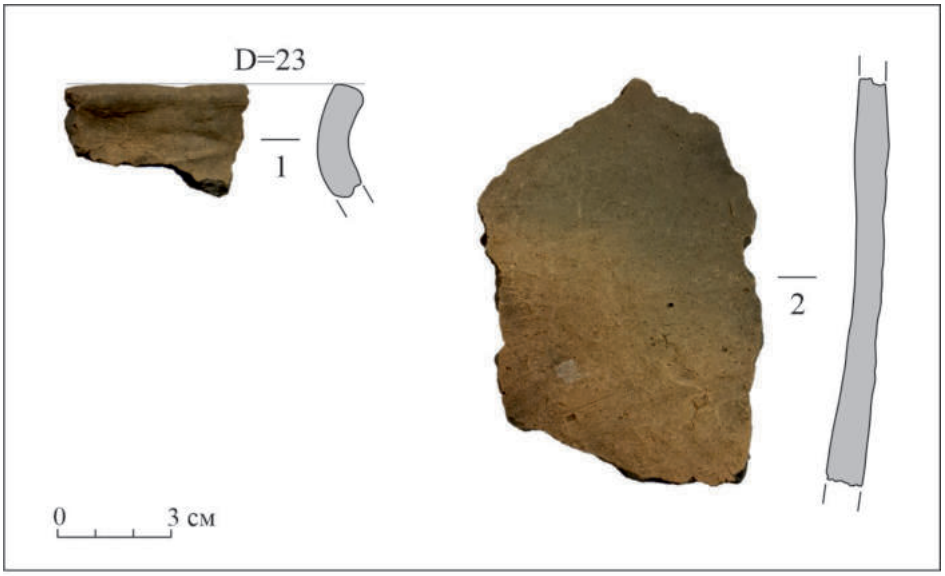


Рис.18
Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Керамический материал заполнения ямы 6 в квадрате А 6. 1-2 - лепная керамика пласта 1.

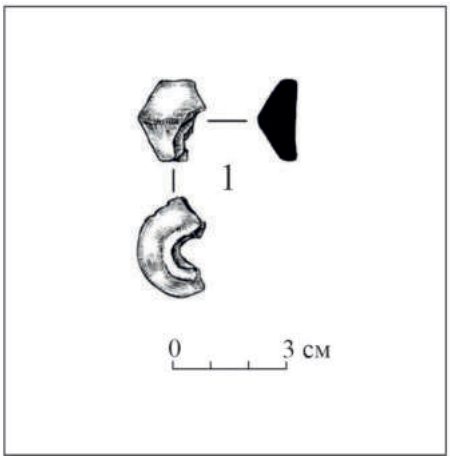


Рис.19
Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Индивидуальная находка из заполнения ямы 6 в квадрате А 6. 1-пряслица фрагмент (№25, кв. А 6). 1-глина.

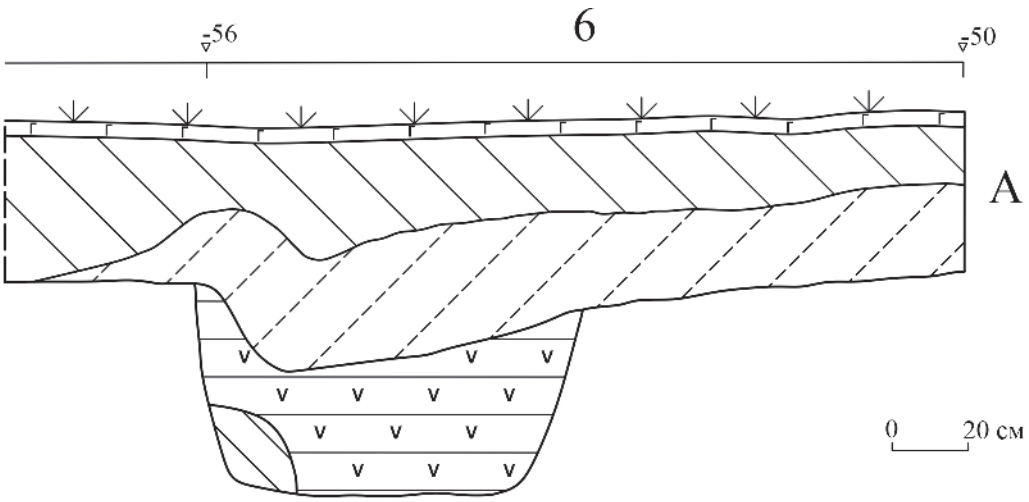


Рис.20

Пены. Поселение 8. Раскоп 1: Разрез ямы 7 по западному борту квадрата А 6.

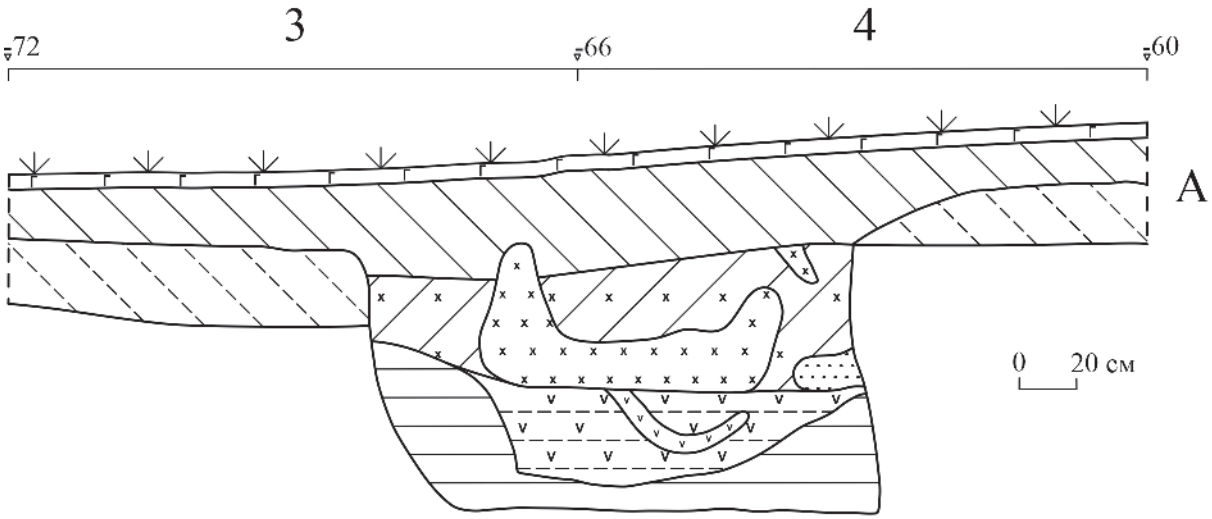


Рис.21

Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Разрез яма 17 по западному борту квадратов А 3, А 4.

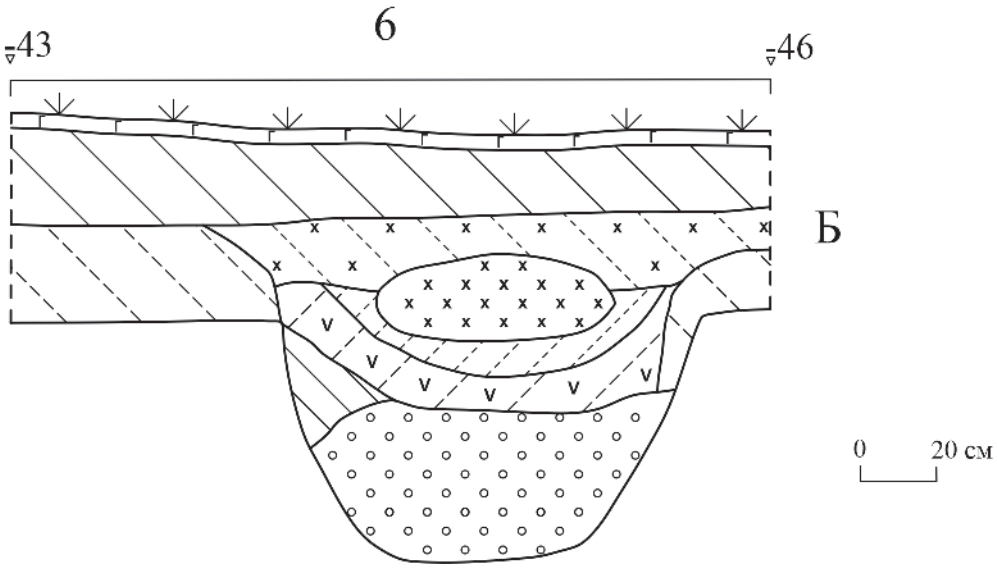


Рис.22

Пены. Поселение 8. Раскоп 1. Разрез ямы 22 по восточному борту квадрата Б 6.

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ КОЛОЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СУДЖАНСКОМ МИКРОРЕГИОНЕ

© 2023 г. О.А. Радюш
Институт Археологии РАН, Москва
© 2023 г. Н.А. Тихомиров
Независимый исследователь, Курск

В статье публикуются материалы раскопок раннесредневековых памятников, расположенных в долине реки Суджа у хутора 1-ый Княжий в Курской области. Раскопки проводились в 1964 и 1995 гг. Ю.А.Липкингом и Н.А.Тихомировым. В результате их были получены серия погребений, относящихся к колочинской культуре VI-VII вв., и материалы с синхронного поселения, расположенного в непосредственной близости от могильника. Погребения малоинвентарные, совершались по обряду кремации. Набор сосудов колочинской груболепной традиции. В одном случае погребение сопровождалось двумя копьями. Впервые публикуются данные о находках, сделанных в начале 2000-х гг. на месте обнаружения «Новосуджанского клада 1947 г.», приводятся сведения о кладе из окрестностей с. Уланок (2-й Уланковский клад), полученные в ходе деятельности Сейминско-Суджинской экспедиции ИА РАН в 2000-х гг.

Ключевые слова: Раннее средневековье, колочинская культура, Суджа, левобережье Днепра, могильник, кремации, поселение, клады

MATERIALS FOR STUDYING KOLOCHIN CULTURE IN THE SUDZA MICROREGION

© 2023 O.A. Radiush
Institute of Archeology RAS, Moscow
© 2023 N.A. Tikhomirov
Independent researcher, Kursk

The article publishes materials of excavations of early medieval archaeological sites located in the valley of the Sudzha River near the village of Knyazhiy-1 in the Kursk region. Excavations were carried out in 1964 and 1995 by Yu.A. Lipking and N.A. Tikhomirov. As a result, a series of burials belonging to the Kolochin culture of the 6th-7th centuries were obtained and materials from the synchronous settlement located in the immediate vicinity of the burial ground. The burials were small in number and were made according to the rite of cremation. A set of vessels of the Kolochin rude tradition. In one case, the burial was accompanied by two spears. For the first time, data on finds made in the early 2000s are published. at the place of discovery of the «Novosudzhansky treasure of 1947», provides information about the treasure from the vicinity of the village Ulanok (2nd Ulankovsky treasure) obtained during the activities of the Seima-Sudzha expedition of the IA RAS in the 2000s.

Key words: Early Middle Ages, Kolochin culture, Sudzha, left bank of the Dnieper, burial ground, cremations, settlement, treasures

Во второй половине XX в. в районе г. Суджа в бассейне р. Суджа были зафиксированы памятники археологии I-го тыс. н.э., расположенные в долине реки довольно компактным микрорегионом (Тихомиров, 2005. С 110-117). Большая часть из обнаруженных объектов находилась к северо-востоку от города Суджа (Рис. 18).

Наиболее активный период обследования долины реки Суджа в XX веке относится к 1980 - первой половине 1990-х гг. Одни из первых работ в регионе были проведены Ю.А. Липкингом в 1964 г., когда им был раскопан могильник с трупосожжениями у х. Княжий 1 (Липкинг, 1974. С. 136). Полученные материалы и научный архив были переданы на хранение в фонды Курского областного краеведческого музея. Позднее

они стали храниться в фондах Курского государственного областного музея археологии (Архив КМА VI-17). Последние наиболее масштабные разведки в долине реки Суджа и её притоках проводились одним из авторов статьи Н.А.Тихомировым в 1995 году. (Тихомиров, 1997). Возобновились научные исследования лишь в 2006 году, когда сотрудниками Средне-Сейминской (в настоящее время Сейминско-Суджинской) экспедиции под руководством О.А. Радюша было начато обследование верховьев реки на месте находки Старосуджанских кладов, а также зафиксировано место обнаружения т.н. Куриловского клада круга «древностей антов», и позднее - место находки Новосуджанского клада 1947 года (Радюш, 2009; 2014). В последние годы выявлено новое поселение с материалами киевской и раннего этапа колочинской культур у с. Плехово и ряд других поселений с раннесредневековыми материалами в Большесолдатском, Суджанском, Кореневском районах. В 2010-х гг. вблизи Суджи начались работы Суджанского отряда ИА РАН (руководитель В.Е. Родинкова), благодаря деятельности которого были обследованы несколько ранее известных поселений, и начато целенаправленное мультидисциплинарное изучение мест обнаружения кладов третьей четверти I тыс. н.э. (Родинкова, 2012, 2016, 2021).

Работы Института археологии были временно приостановлены в 2021 году, в связи с чем актуальными стали публикации не вошедших в научный оборот материалов как известных памятников, так и полученных в начале XXI века. В настоящей статье мы представляем материалы раскопок Княжинского могильника, поселения 2 у х. Княжий 1, а также двух кладов, которые уже находятся в экспозиции и фондах Курского государственного областного музея археологии.

I. Княжинский могильник

Княжинский могильник до настоящего времени остаётся одним из немногих погребальных памятников раннесредневекового времени в Курском регионе и колочинской культуры в целом. Впервые его материалы были опубликованы Ю.А. Липкингом в 1974 г. (Липкинг, 1974. С. 136). В 1990 г. Н.А. Тихомиров предпринял попытку этнокультурной интерпретации памятника на основе полевых материалов Ю.А. Липкинга (Тихомиров, 1990. С. 134). При отработке полевых записей, чертежей, керамического материала и вещественных находок выяснилось, что в могильнике насчитывалось 25 кремаций (Рис. 2). Анализ инвентаря и устройства погребений Княжинского и Лебяжинского могильников привел автора к определенным выводам. В частности очевидно, что определение этнической принадлежности племен, оставивших Княжинский и Лебяжинский могильники, связано с проблемой этноса носителей колочинской культуры. Работы Е.А.Горюнова, Р.В.Терпиловского, А.М.Обломского убедительно показали, что уходя корнями в киевскую культуру, она формировалась на территории Верхнего, Среднего Поднепровья и Подесенья. Это еще раз подтверждают материалы Княжинского и Лебяжинского могильников. В то же время они заставляют обратиться к проблеме влияния черняховских древностей на раннесредневековые культуры. Преемственность между колочинскими, волынцевскими, а затем и роменскими материалами, зафиксированная на Княжинском и Лебяжинском могильниках, еще раз подтверждает их славянскую принадлежность» (Тихомиров, 1990. С. 148).

Издательские возможности типографии, напечатавшей сборник (МИАДЛ. Курск, 1990) оставляли желать лучшего. Прорисовки погребального инвентаря и отсутствие описаний погребений сильно затрудняли исследователям работу с материалом. В связи с этим возникла необходимость исправить данный пробел.

Погребения Княжинского могильника.

Погр. 1. Округлое золистое пятно диаметром 0,9 м. Яма со слабо наклонными стенками и плоским дном глубиной 0,6 м была заполнена костями золой и углями. Под костями лежали два наконечника копий, стеклянная с волнистым орнаментом бусина. В

верхней части ямы найдено несколько фрагментов лепной керамики (Рис. 3 № 1 – 4).

Погр. 2. Разрушено распашкой. Сохранилась нижняя часть ямы диаметром 0,1 - 0,15 м. В ней обнаружены кости, угли, пепел и фрагменты лепной керамики.

Погр. 3. Разрушено распашкой. Сохранилась часть ямы диаметром 0,55 х 0,6 м. В ней уголь, кости, фрагменты лепной керамики и синяя пастовая бусина.

Погр. 4. Разрушено распашкой. Сохранилась нижняя часть ямы диаметром около 0,15 м, на дне которой найдены неотобранные кости.

Погр. 5. Очертания ямы не прослежены. Найден лепной сосуд, заполненный гумусированным песком. Под песком находились отобранные кости (Рис. 3 № 5).

Погр. 6. Границы округлой ямы прослеживались очень слабо в пределах 0,45 - 0,5 м. Обнаружен лепной сосуд с гумусированным песком. Под песком отобранные кости (Рис. 3 № 6).

Погр. 7. Очертания ямы диаметром 0,52 м и глубиной 0,6 м прослеживались очень слабо. Обнаружен лепной сосуд с гумусированным песком. Под песком отобранные кости (Рис. 3 № 7).

Погр. 8. Границы ямы глубиной 0,52 м и диаметром 0,45 м прослеживались очень слабо. Обнаружен разрушенный распашкой сосуд /1/ (Рис. 4 № 9), стоящий на днище, с отобранными костями. На расстоянии 20 см к востоку от него найден небольшой сосудик /2/ (Рис. 3 № 8), заполненный гумусированным песком.

Погр. 9. Сильно разрушенный распашкой сосуд, стоящий на венчике /1/ (Рис. 3 № 12), прикрывающий урну /сосуд 2/ (Рис. 3 № 10) в котором под гумусированным песком находились отобранные кости.

Погр. 10. Округлое углистое пятно диаметром 0,65 м. В яме глубиной 0,45 м найдены неотобранные кости и лепной сосуд (Рис. 3 № 11) без днища, заполненный гумусированным песком и стоящий венчиком вверх.

Погр. 11. Границы ямы не прослежены. Обнаружен стоящий на днище сосуд (Рис. 3 № 14) с гумусированным песком. Под песком найдены отобранные кости и бронзовое колечко с несомкнутыми концами (Рис. 3 № 13).

Погр. 12. Углистое пятно диаметром 0,95 м. Яма глубиной 0,4 м была заполнена углями, золой, костями. Железная поясная пряжка, упомянутая в публикации, найдена примерно в 1,5 м от погребения и, очевидно, непосредственного отношения к нему не имеет.

Погр. 13. Кенотаф. Яма не прослеживается. Обнаружен сильно фрагментированный сосуд (Рис. 3 № 16), стоящий на днище, с гумусированным песком.

Погр. 14. Округлое углистое пятно диаметром 0,3 м. В яме глубиной 0,2 м, заполненной мелкими неотобранными костями, стоял маленький сосудик (Рис. 3 № 15) с гумусированным песком.

Погр. 15. Кенотаф. Границы ямы не прослеживались. Найден стоящий на днище сосуд (Рис. 3 № 19), наполненный гумусированным песком.

Погр. 16. Границы ямы в верхней части не прослеживались. Найден стоящий на днище сосуд с отобранными костями. Под ним углистое пятно диаметром 0,55 м с мелкими неотобранными костями.

Погр. 17. Границы ямы не прослеживались. Найден сосуд (Рис. 3 № 17) с отобранными костями.

Погр. 18. 0круглое гумусированное пятно диаметром 0,45 – 0,5 м. В яме глубиной 0,38 м найден стоящий вверх дном сосуд /I/ (Рис. 3 № 24), прикрывающий миниатюрный сосудик /2/(Рис. 3 № 25) – урну. В ней находились несколько отобранных мелких костей.

Погр. 19. Границы ямы не прослеживались. Обнаружен сосуд (Рис. 3 № 28), стоящий на днище, заполненный песком и в нижней части - отобранными костями.

Погр. 20. Границы овальной ямы, ориентированной по линии ЮВ – СЗ, прослеживались очень слабо. Длина ямы 0,63 м, ширина 0,5 м, глубина 0,52 м. Обнаружен

сосуд /I/ (Рис. 3 № 27), стоящий на днище, в котором находился маленький сосудик /2/ (Рис. 3 № 26) с отобранными костями; кроме того, кости были найдены и в большом сосуде. В нескольких сантиметрах от сосуда 1 найден еще один маленький сосудик /3/ (Рис. 3 № 20), стоящий на уступе, заполненный чистым песком.

Погр. 21. Округлое углистое пятно диаметром 0,75 м. В яме глубиной 0,55 м, заполненной углистым песком с отдельными фрагментами костей, обнаружен сосуд /1/ (Рис. 3 № 30), стоящий на днище. В нем находился второй маленький сосудик (Рис. 3 № 29) с мелкими отобранными костями. Под большим сосудом на дне ямы угли, зола, кости.

Погр. 22. Округлое золистое пятно диаметром 0,75 - 0,8 м. В яме глубиной 0,38 м стоял сосуд (Рис. 3 № 22), наполненный золой углями и костями. Рядом с ним лежало биконическое пряслице (Рис. 3 № 21).

Погр. 23. (Нет в публикации). Округлое углистое пятно диаметром около 0,6 м. В заполнении ямы глубиной 0,25 м найдены отобранные кости и фрагменты керамики.

Погр. 24/а. Разрушено при добыче песка. Найдены фрагменты сосуда и кости.

Погр. 25/б. Разрушено при добыче песка. В погребении находился сосуд (Рис. 3 № 23) с отобранными костями.

В 1995 г. Суджанской экспедицией Курского музея археологии были проведены охранные раскопки поселения раннесредневекового времени (Княжий 1 Поселение 5) у х. Княжий 1 (Тихомиров, 1997). Анализ картографического материала показал, что оно располагалось на расстоянии менее 100 м к юго-западу от известного Княжинского могильника Ю.А. Липкинга. Оба памятника находятся на левом берегу р. Суджа примерно в 5 км выше по течению от г. Суджа. Они занимают участок дюны высокой поймы, на высоте от уровня воды 4 – 5 м (Рис. 2).

«Княжий 1, Поселение 2» (Рис. 1) было зафиксировано в ходе разведок 1995 г. в 520 м к востоку от северо-восточной окраины х. Княжий 1 (Тихомиров, 1997б). Северо-западная часть памятника уничтожена карьером на площади около 700 кв.м. В осыпях и отвалах карьера обнаружен керамический подъемный материал и фрагмент лезвия железного ножа с горбатой спинкой (Рис. 5). Исследовалась площадь в юго-восточной части карьера, на неширокой перемычке, где часть культурного слоя была уже срезана бульдозером. Площадь раскопа составила около 128 кв.м. (Рис. 5).

В стратиграфии раскопа зафиксированы дерновый слой толщиной около 10 см, однородный гумусированный песок с включениями культурных отложений мощностью до 25 см и светло-желтый песок материка.

Керамический материал I-го тыс. н.э. составили фрагменты лепной посуды с грубой поверхностью, четыре обломка черняховской гончарной керамики и фрагменты лепных лощеных сосудов «волынцевского» облика, которые находились в заполнении постройки 2 и ямы 6.

В культурном слое юго-западной части раскопа было найдено скопление керамики 1. Из фрагментов удалось реставрировать нижнюю половину лепного раннесредневекового сосуда (Рис. 5: 24). В столбовой ямке к югу от ямы 6 находилось скопление 2. После реставрации удалось восстановить почти полный профиль другого раннесредневекового сосуда (Рис. 5: 30).

Кроме того, в раскопе были найдены фрагмент довольно широкого лезвия железного ножа, довольно узкое лезвие железного ножа и фрагмент точильного бруска (Рис. 5: 47, 48, 49).

Хозяйственные ямы, округлые в плане, с вертикальными стенками и плоским дном, имели характерную для раннего средневековья конструкцию. В их заполнении найдена и характерная для своего времени лепная керамика (Рис. 6).

Наиболее интересны материалы, полученные в результате исследований постройки 2 и ямы 6 (Рис. 6). На уровне зачистки материка было зафиксировано пятно сооружения, состоящего из котлована постройки 2 и ямы 6, вокруг которого

располагались пятна столбовых ямок. В центральной части пятна ямы 6 и в северо-западной части пятна котлована постройки 2 на фоне гумусированного песка культурного слоя была зафиксирована зона концентрации фрагментов печины. В пределах этой зоны гумусированный песок имел рыжеватый оттенок. Разборка пятна показала, что линза этого рыжеватого песка, вытянутая по линии СВ-ЮЗ, размерами в плане 238х105 - 135 см, располагалась над центральной частью ямы 6, переходя в район западного угла котлована постройки 2. Она имела мощность 10-20 см. Многочисленные фрагменты печины располагались в пределах этой линзы в беспорядке. Отдельные фрагменты печины встречались и в заполнении котлована постройки 2. При расчистке котлована постройки 2 и ямы 6 выяснилось, что они смыкались, образуя, видимо, единый комплекс. Котлован постройки 2 имел сложную конструкцию и разделялся на два участка. Западный был заглублен примерно на 50 см от уровня зачистки материка и имел подпрямоугольную в плане форму. Ориентирован он был длинной осью по линии ССЗ - ЮЮВ и имел размеры 378 х 180 см. Стенки этой части котлована до глубины около 30 см от уровня зачистки материка были довольно пологими, а затем круто опускались к плоскому дну. В северной стенке котлована на участке пологого уклона зафиксированы три столбовые ямки. Они располагались по углам и примерно в её центре. Ямки были округлые в плане, диаметром около 20 см и глубиной от уровня зачистки материка 17 и 37 см. Под восточной стенкой этой части котлована, примерно у ее середины, в полу была зафиксирована еще одна ямка диаметром около 15 см и глубиной от уровня пола котлована около 10 см. Она осталась, видимо, от центрального столба постройки 2.

Восточная половина постройки 2 примыкала с востока к западному котловану. Она имела неправильную, вытянутую в плане форму, подпрямоугольную в северной части и заостренную в южной. Ее размеры по линиям С-Ю - 370 см, В-З - 100-120 см. Стенки этой части котлована плавно спускались к плоскому дну. Между восточным и западным участками котлована постройки 2, в северной ее части, находился материковый останец, разделяющий эти два сооружения. Его размеры - С-Ю - около 120 см, В-З - в наиболее широкой части около 1 м.

Дно восточной части постройки 2 было заглублено не везде одинаково. Северная ее треть имела глубину 14-18 см от уровня зачистки материка, а южные две трети - 22-24 см.

Вдоль северной стенки этой части котлована и на материковом останце были зафиксированы 4 столбовые ямки. Их диаметр 18-28 см и глубина от уровня зачистки материка от 6 до 20 см. Столбовые ямки зафиксированы и вдоль южной стенки котлована постройки 2 и у восточной стенки, примерно у ее середины, и к юго-западу от ямы 6. В заполнении котлована постройки 2 найдена лепная керамика раннесредневекового времени.

Такая же керамика была найдена и в яме 6. Обращает на себя внимание то, что фрагменты лощеной посуды, близкой к волынцевскому типу, были найдены как в яме 6, так и в заполнении котлована постройки 2.

Взаимное расположение столбовых ямок, котлована и ямы 6 наводит на мысль о том, что это части единого комплекса. Об этом же свидетельствует и характер заполнения котлована и ямы. Линза рыжеватого гумусированного песка с включениями фрагментов печины располагалась как в котловане, так и в яме 6 без разрывов. Найденная в яме 6 и в котловане керамика однородна.

Вероятнее всего, мы имеем дело с большой, видимо, жилой, постройкой, стены которой были сооружены на столбах вокруг ямы 6 и котлована постройки 2. Деревянный пол в ее западной половине, вероятно, был настелен в одном уровне с земляным в восточной половине, под ним был устроен небольшой погреб. Печь, судя по расположению зоны концентрации печины, скорее всего, располагалась над западным углом котлована постройки на полу.

Итак, при исследовании «Княжий 1 Поселение 2» мы столкнулись с многослойным памятником I тыс. н.э. Более-менее надёжно разновременные горизонты разделяются только по керамике, поскольку лепная посуда этих периодов довольно однотипна, и по сравнительно мелким фрагментам венчиков идентифицируется слабо.

Наличие материалов конца второй четверти I тыс. фиксируется по гончарной черняховской керамике, найденной в культурном слое. К концу VII в. достаточно надёжно можно привязать комплекс постройки 2 и ямы 6 по фрагментам лепной посуды колочинско-пеньковского облика и фрагментам лепных лощеных сосудов, близких волынцевской традиции.

Судя по взаимному расположению Княжинского могильника и Княжий 1 Поселение 5, их керамическому материалу конца VII в., можно полагать, что они синхронны. Вероятно, могильник был оставлен обитателями поселения.

II. Новосуджанский клад 1947 г. Новые находки.

Клад был найден в 1947 году во время полевых работ и состоял из 2 бронзовых пальчатых фибул, 8 серебряных проволочных и 12 спиральных височных колец, бронзовой проволочной гривны, 28 бронзовых и серебряных трубочек-пронизок, 12 бронзовых и серебряных круглых подвесок, 6 пар трапециевидных подвесок, 3 бронзовых цепочек, 4 янтарных бусин и серебряного поясного набора (Рис.9). (Рыбаков 1949, С.75-90). Большая часть клада представлена в экспозиции Курского государственного областного музея археологии, отдельные вещи хранятся в Курском областном краеведческом музее и Суджанском краеведческом музее.

В 2010-2012 гг. сотрудникам Средне-Сеймнской экспедиции удалось уточнить место происхождения новых находок. Находчик, не знавший о существовании клада 1947 года, передал описание места находки, которое полностью совпадало с описанным местом обнаружения клада 1947 года. Дюна располагалась в 0,15 км к востоку от центральной части города, в 0,25 км к югу от шоссе из города к железнодорожной станции, что соответствует расположению поселения Суджа 6 согласно Археологической карты России (АКР Курской области ч.2, С. 126).

В фонды Курского областного музея археологии в 2010 г. были переданы пятнадцать предметов:

1-2. Две серебряные пряжки, одна из которых шарнирная, другая со сплошным корпусом (Рис.10:1, 2),

3-4. Три серебряные поясные накладки прямоугольные двучастные (Рис.11:4-6), большая площадка украшена подромбической прорезью и четырьмя круглыми отверстиями по углам, на малой два круглых отверстия;

5-6. Два ременных наконечника из серебра (Рис.11: 9, 10);

7-9. Три серебряные накладки в «геральдическом» стиле: маленькая в виде «сердца» (Рис.11:3); большая двучастная с геральдическим щитком, на котором треугольное и окружающие его три круглых отверстия, и восьмеркообразным перекрестием с отверстиями (Рис.11:7); средняя одночастная с геральдическим щитком с двумя круглыми отверстиями (Рис.11:8).

10-11. Две бронзовые трапециевидные подвески (Рис.11:1-2);

12-13. Три бронзовые трубочки-пронизки (Рис.10:3-5).

Прямоугольные и геральдические накладки, трапециевидные подвески и пронизки по своим размерам, стилистике и характерным деталям абсолютно аналогичны вещам Новосуджанского клад 1947 г., что подтверждает информацию находчика. По его словам, все вещи были найдены в конце 1990-х г. и хранились у него до передачи в музей[1].

1 Авторы выражают искреннюю благодарность директору ООО «Археолаб» П.В.Бирюкову, благодаря усилиям которого остатки Новосуджанского клада 1947 года и 2-й Уланковский клад были переданы в музейный фонд РФ, также руководству КГОМА и научным сотрудникам, проведшим обработку и фотографирование основной части коллекции.

III. Клад из окрестностей с. Уланок (2-й Уланковский клад).

В 2015 г. в фонды Курского областного государственного музея археологии были переданы находки из клада, найденного в окрестностях с. Уланок недалеко от г. Суджи. Обстоятельства находки и точную локализация места обнаружения комплекса установить не удалось. В коллекционной описи 3880 предметов[2] (КМА 327/50 и КМА 331/50). О.А.Щегловой данный клад был представлен на картах как 2-й Уланковский клад (с учетом находок в районе того же села клада более позднего периода), не видим необходимости менять уже существующее название.

Клад представляет набор вещей, связанных с костюмом (пряжки, накладки, шейные гривны, лунницы) и гораздо более значительные по объёму и весу заготовки из свинцово-оловянистого сплава, отливки мелких предметов и стеклянный бисер.

В составе комплекса наиболее многочисленны предметы из свинцово-оловянистого сплава, как в виде заготовок пластин (98 целых и 8 фрагментированных) длиной в основном около 12 см, прямоугольные или трапециевидные в сечении, шириной до 2 см, толщиной около 1 см (Рис.17). Из общего числа выделялась лишь одна пластина иной формы (Рис.17:14). Из свинцово-оловянистых сплавов изготовлены: большие (15 экз. – из них целых или крупных фрагментов 7 экз.) и малые (4 экз.) трехрогие орнаментированные лунницы; прямоугольные накладки с треугольной петлей, на обратной стороне которых расположены четыре петли для пришивания (?) - (Рис.14:27-31); бусины биконической и плоские 108 экз. (Рис.14:32); большие и малые ворворки до 150 экз. (Рис.15:24-27); пятичастные пронизки (181 экз.); разделители для ожерелий четырехчастные 15 экз.

Детали костюма представлены обломками шейных гривен с петельчатым замком (вероятно от 2-3 экземпляров) (Рис.12); 2 целыми и 1 обломком височных колец с одним спиральным окончанием (Рис.13:1-3); 15 целыми и фрагментами 5-ти браслетов из дрота округлого сечения с пластинчатыми расширенными окончаниями (Рис.13:4-15) и обломком одного браслета с расширенным коническим окончанием (Рис.13:16); 2 двучастные накладки с геральдическим щитком и восьмерковидным перекрестием (Рис.14:1, 2); 2 накладки двучастные с окончанием в виде ласточкиного хвоста (Рис.14:14:3, 4); малые накладки в виде геральдического щитка с двумя или тремя отверстиями (Рис.14:5-13); 5 лабрисовидных малых ременных накладок; 5 двучастных подпрямоугольных поясных накладок с ромбическими вырезами в центре площадок и круглыми отверстиями по их краям (Рис.14:14-18) (данные детали, по всей видимости, были бракованными и имеют множественные дефекты и непролитые отверстия); 8 удлиненных наконечников с полукруглым окончанием, украшенные на поверхности декором из трёх отверстий и прорезью в виде «замочной скважины» (Рис.14:14:19-26); к костюму обычно относят пластинчатые трубочки, которых в кладе насчитывалось 43 штуки (Рис.15:7-12); 14 обломков от орнаментированных пластин (Рис.15:5, 6); 4 трапециевидные неорнаментированные подвески (Рис.15:1-4).

Найдено значительное количество бусин и бисера, общее их число 3123 экземпляра, наибольшее количество (1721 экз.) представлены стеклянными бисеринами темно-зеленого цвета (Рис.16:4) и глухого черного цвета (Рис.16:1), также имелись бисерины темно-красного и золотистого цветов (Рис.16:2, 3).

Археологическая ситуация в регионе.

В связи с новыми исследованиями и большим количеством находок за прошедшее десятилетие значительно изменилась карта распространения древностей третьей четверти I тыс. н.э. (Рис.18). Непосредственно в окрестностях города Суджа и в его границах найдены не менее 9 кладов 1-группы днепровских раннесредневековых древностей.

2 25 предметов, относящихся к ременной гарнитуре, после обработки И.О.Гавритухиным (ИА РАН) также передаются в фонды КГОМА. Авторы также выражают искреннюю благодарность Игорю Олеговичу Гавритухину за предоставленные прорисовки вещей и фотографий из кладов.

Некоторые из поселений в регионе в результате полевых исследований Суджанского отряда ИА РАН получили надежные хроноиндикаторы, позволяющие датировать памятники или участки на них ранним этапом колочинской культуры (вторая половина V – первая половина VI века – Куриловка, Плёхово), или позднего этапа (второй половины VI-VII вв.). Очевидно, что это связано со сравнительно интенсивными полевыми разведывательными работами последнего десятилетия. Насколько эта картина отражает реальную археологическую ситуацию, на данный момент сложно ответить однозначно.

В отличие от рассматриваемого периода, связанного с распространением колочинских памятников, предыдущие периоды дают значительно более широкое и более плотное распространение поселений. Вещи круга выемчатых эмалей в последние годы неоднократно фиксировались в междуречье Сейма и Псла, тогда как относящиеся к третьей четверти I тыс. н.э. концентрируются в основном при впадении крупных притоков в Сейм и Псёл (Рис.18). Аналогичная ситуация связана с черняховским периодом (III-IV вв.). Концентрация памятников просматривается в Глушковском и Кореневском районах к западу от Суджанского и на восток уже в Беловском. Здесь же были найдены два крупнейших клада 1-й группы днепровского типа. Вполне вероятно, дальнейшие разведки позволят более точно датировать памятники данного региона, а возможно и выявить новые клады.

Важнейшей задачей современных исследований является разделение поселенческих памятников на ранний и поздний горизонты. Подобная градация явственно просматривается в ходе наблюдений над их распространением на юго-востоке колочинского ареала. Сохраняется проблема с результатами разведок 1960-2000-х гг., в которых значительное количество памятников ставилось как поселения «киевской» культуры или «возможно колочинской» «середины I тыс.н.э.». Не менее важным остаётся поиск и полноценное исследование погребальных раннесредневековых памятников на современной методической основе, с привлечением всех доступных методов антропологических исследований. Введение в научный оборот новых источников, как и интенсификация и расширение масштабов полевых исследований в наиболее изученном регионе распространения «киевско»-колочинских древностей, несомненно должны привести к уточнению или пересмотру ряда концепций, связанных с развитием и формированием культур римского времени и раннего средневековья на территории России.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Липкинг Ю.А. Могильники третьей четверти 1 тыс.н.э. в Курском Посеймье // Раннеславянские восточноевропейские древности. Л., 1974.

Радюш О.А. Отчет об археологических раскопках селища Пены в Курчатовском районе и обследованию места находки раннесредневекового клада у д.Куриловка в Суджанском районе Курской области, проведенных Средне-Сейминской экспедиции в 2008 году. // Архив ИА РАН. Р-1. 2009.

Радюш О.А. Отчет Об археологических разведках в Курчатовском, Фатежском, Октябрьском, Курском, Льговском, Медвенском, Суджанском, Хомутовском, Курчатовском, Железногорском и Большесолдатском районах Курской области, проведённых в 2013 году. // Архив ИА РАН. Р-1. 2014.

Родинкова В.Е. Отчет о разведочных археологических работах производившихся в 2012 г. на территории г. Суджи и Суджанского района Курской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. 2012.

Родинкова В.Е. Отчет о полевых археологических исследованиях производившихся в 2015 г. на территории Суджанского района Курской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. 2016.

Родинкова В.Е. Работы Суджанского отряда Института археологии РАН. // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020. Липецк, 2021.

Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А., Сычева С.А. Клад из Суджи-Замостья и проблема социокультурной интерпретации Днепровских раннесредневековых кладов I группы. // Российская археология №2. 2018.

Рыбаков Б.А. Новый Суджанский клад антского времени. //

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях. Вып. 27: [Сессия отделения истории и философии СССР и пленуме ИИМК АН СССР]. М., 1949.

Тихомиров Н.А. Особенности топографии Суджанского микрорегиона I тыс. н.э. // Днепро-донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.

Тихомиров Н.А. Отчет о раскопках Суджанской экспедиции в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1 №20144. 1997а.

Тихомиров Н.А. Княжинский и Лебяжинский могильники // МИАДЛ. Курск, 1990.

Тихомиров Н.А. Отчет о разведке в центральной части Суджанского района Курской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1 20139. 1997б

Rodinkova V.E. Early Slavic Hoards of the Dnieper Region (on the nature

and the historical significance of the phenomenon). // Studia Barbarica. Professorovi Andrzeiowi Kokowskiemu w 65 Rocznice Urodzin. T. I. Lublin: UMCS. 2018.

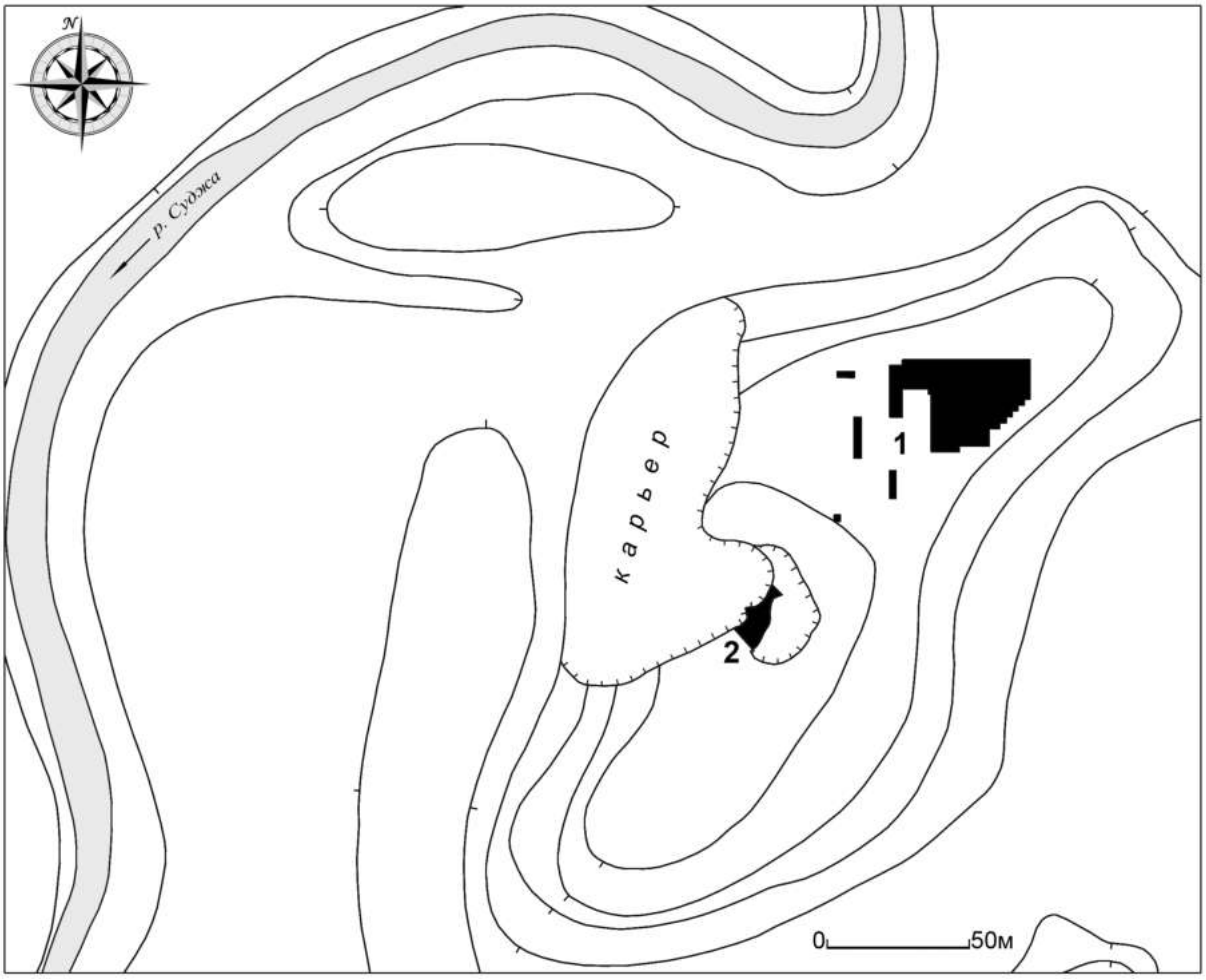


Рис.1
План расположения раскопов на памятниках
«Княжинский могильник» и «Княжий 1 Поселение 2».

1 Раскоп «Княжинского могильника»; 2 Раскоп «Княжий 1 Поселение 2»

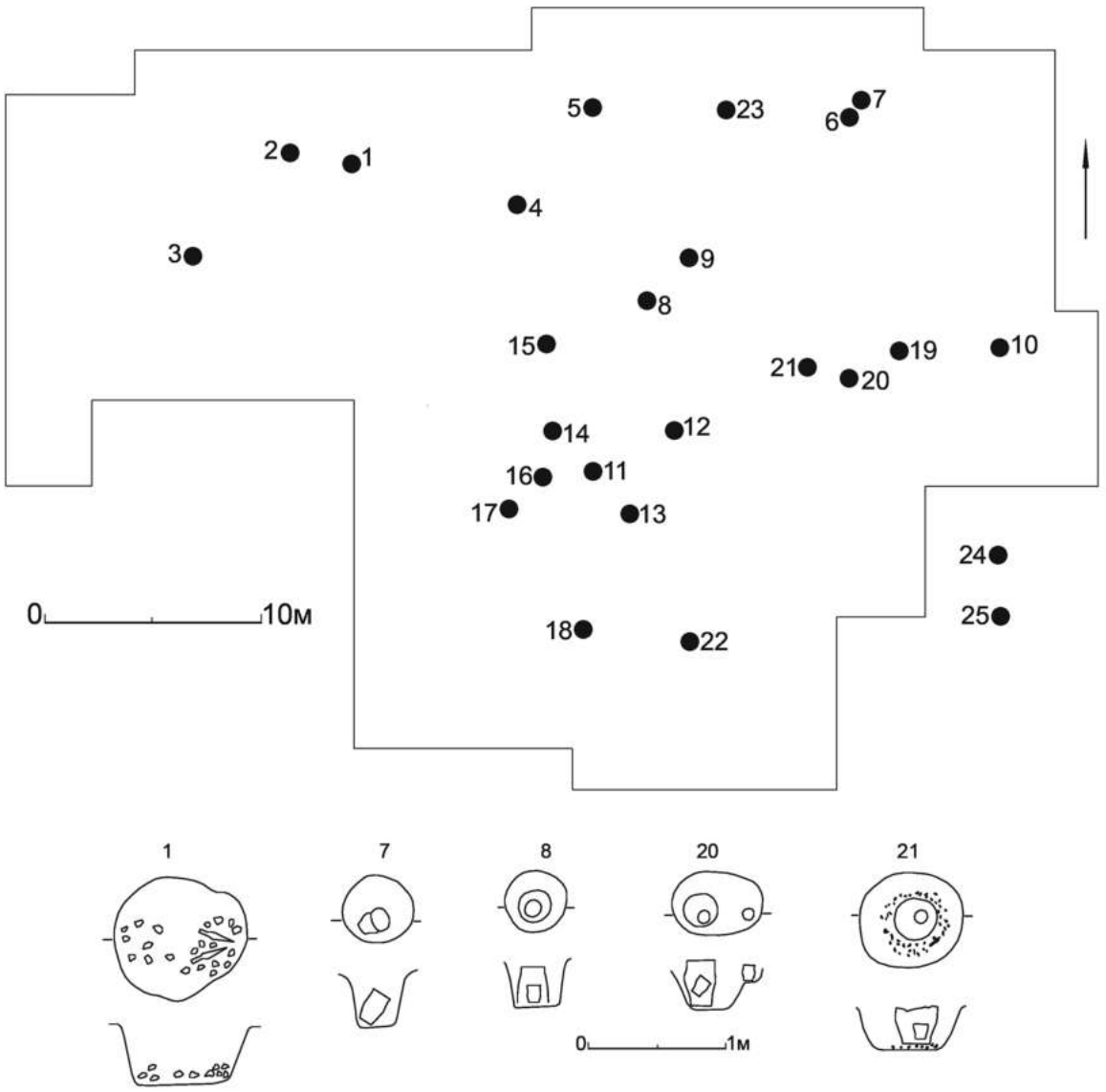


Рис.2
План раскопа Княжинского могильника.

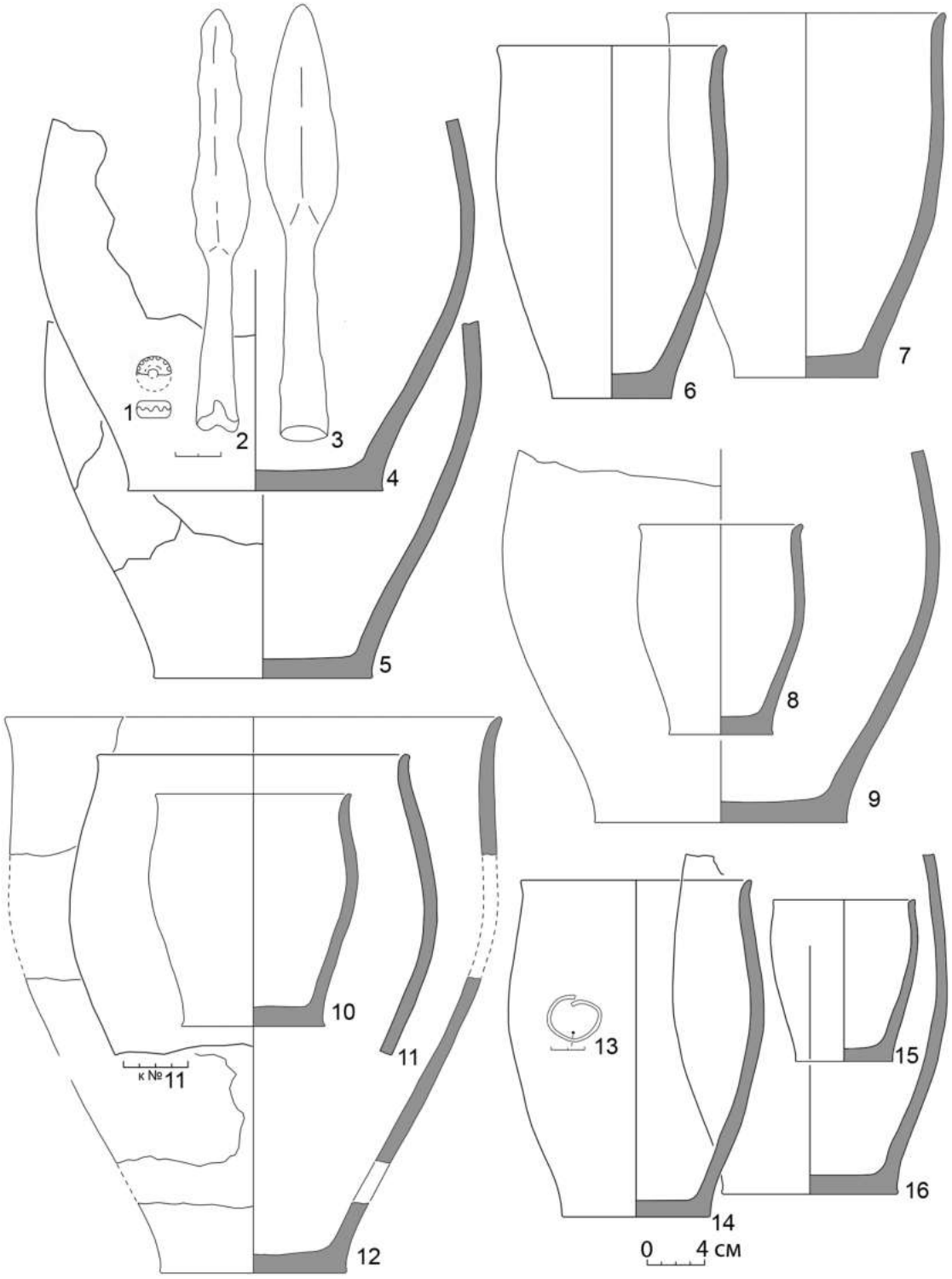


Рис.3

Находки из погребений Княжинского могильника.

1 – 4 погр. 1; 5 погр. 5; 6 погр. 6; 7 погр. 7; 8, 9 погр. 8; 10, 12 погр. 9; 11 погр. 10; 13, 14 погр. 11; 15 погр. 14; 16 погр. 13.

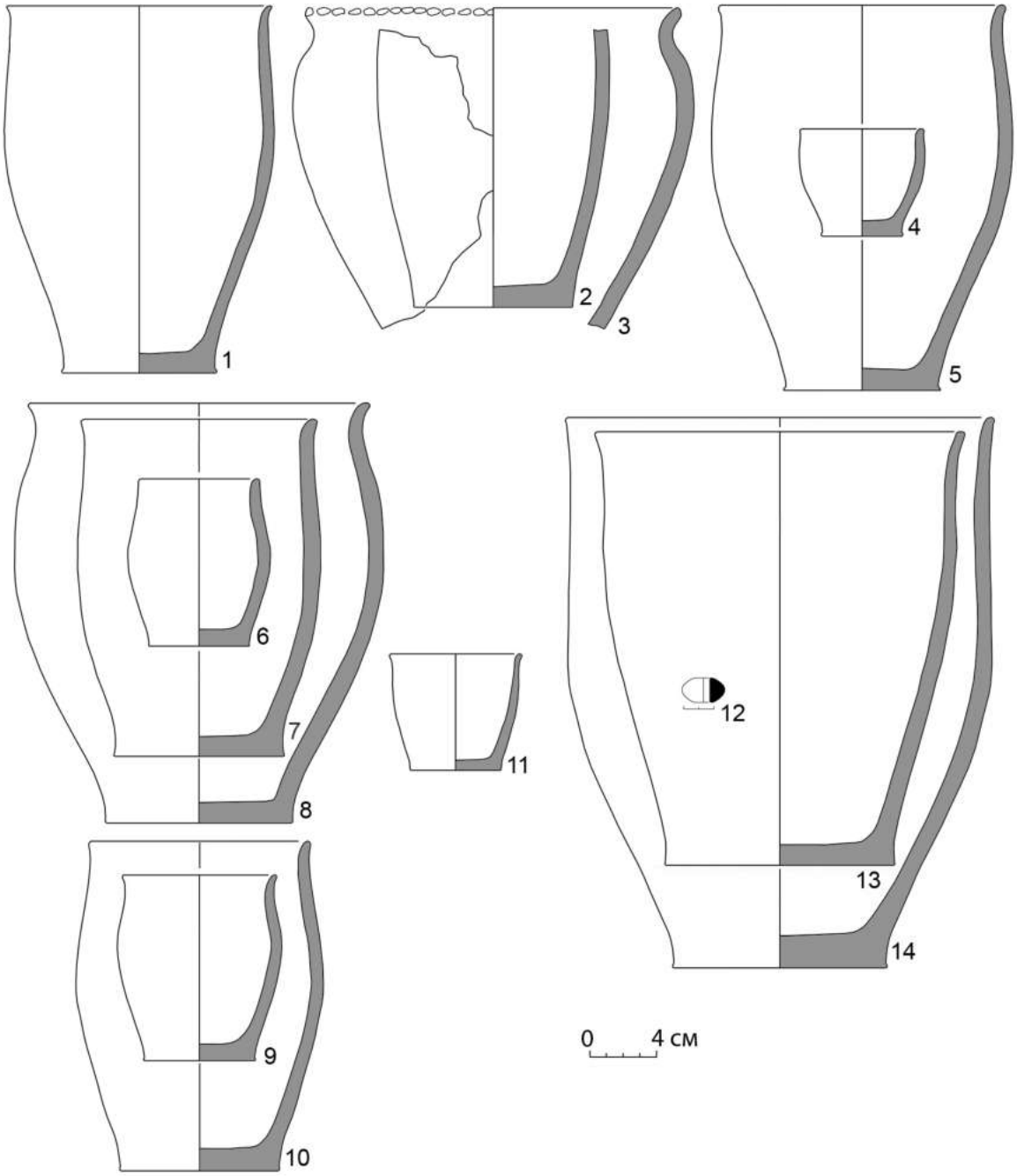


Рис.4

Находки из погребений Княжинского могильника.
1 погр. 17; 2 погр. 16; 3 погр. 15; 4, 10, 11 погр. 20; 5, 6 погр. 22; 7 погр. 25; 8, 9 погр. 18; 12 погр. 19; 13, 14 погр. 21.

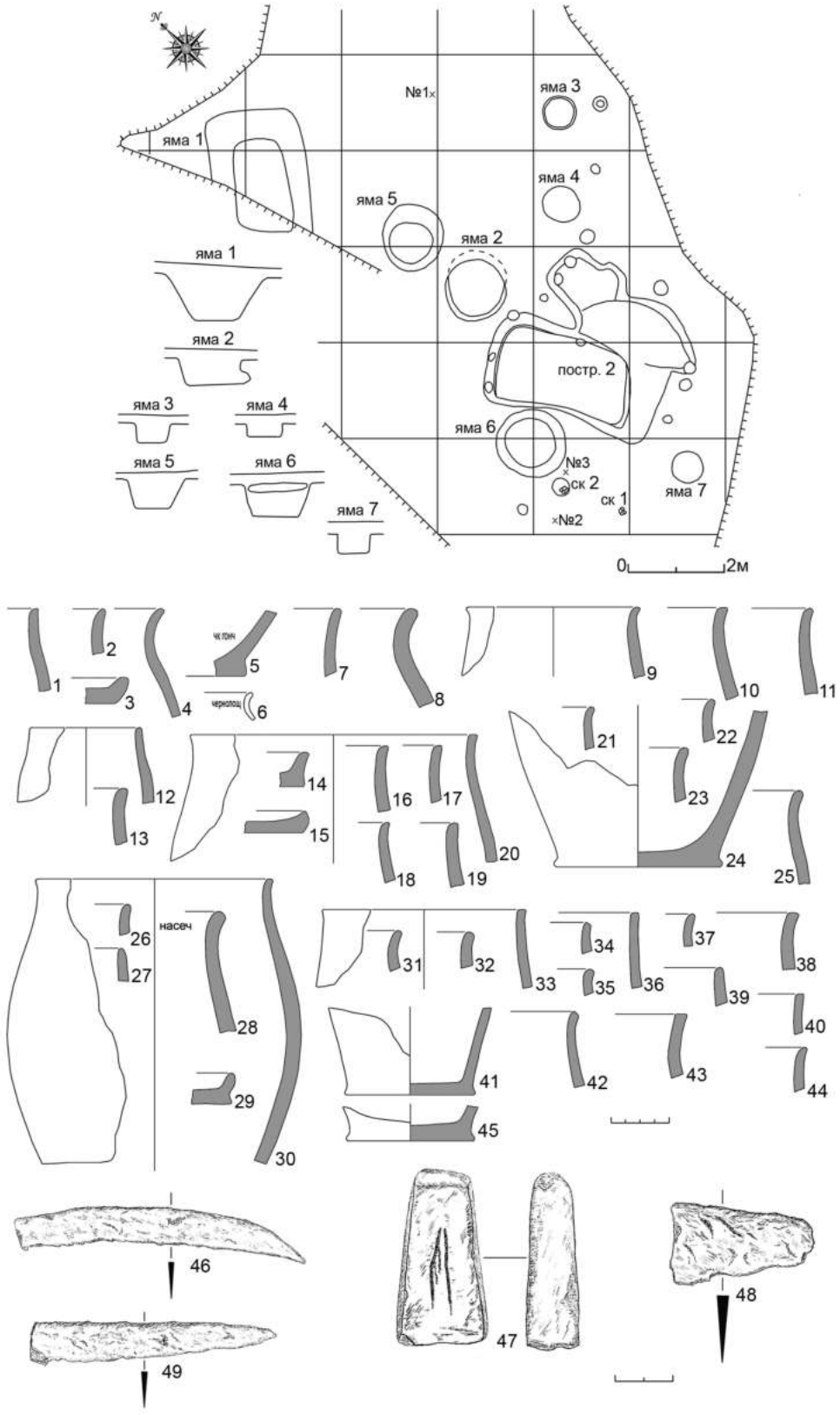


Рис.5

План раскопа «Княжий 1 Поселение 2» и находки из культурного слоя и сооружений. 1 – 5 П.М.; 24 скопл. 1; 26, 29 яма 5; 28 яма 3; 30 скопл. 2; 31, 32, 33, 41, 45 яма 4; остальное КС; 46 нож из карьера; 47, 48, 49 К.С.

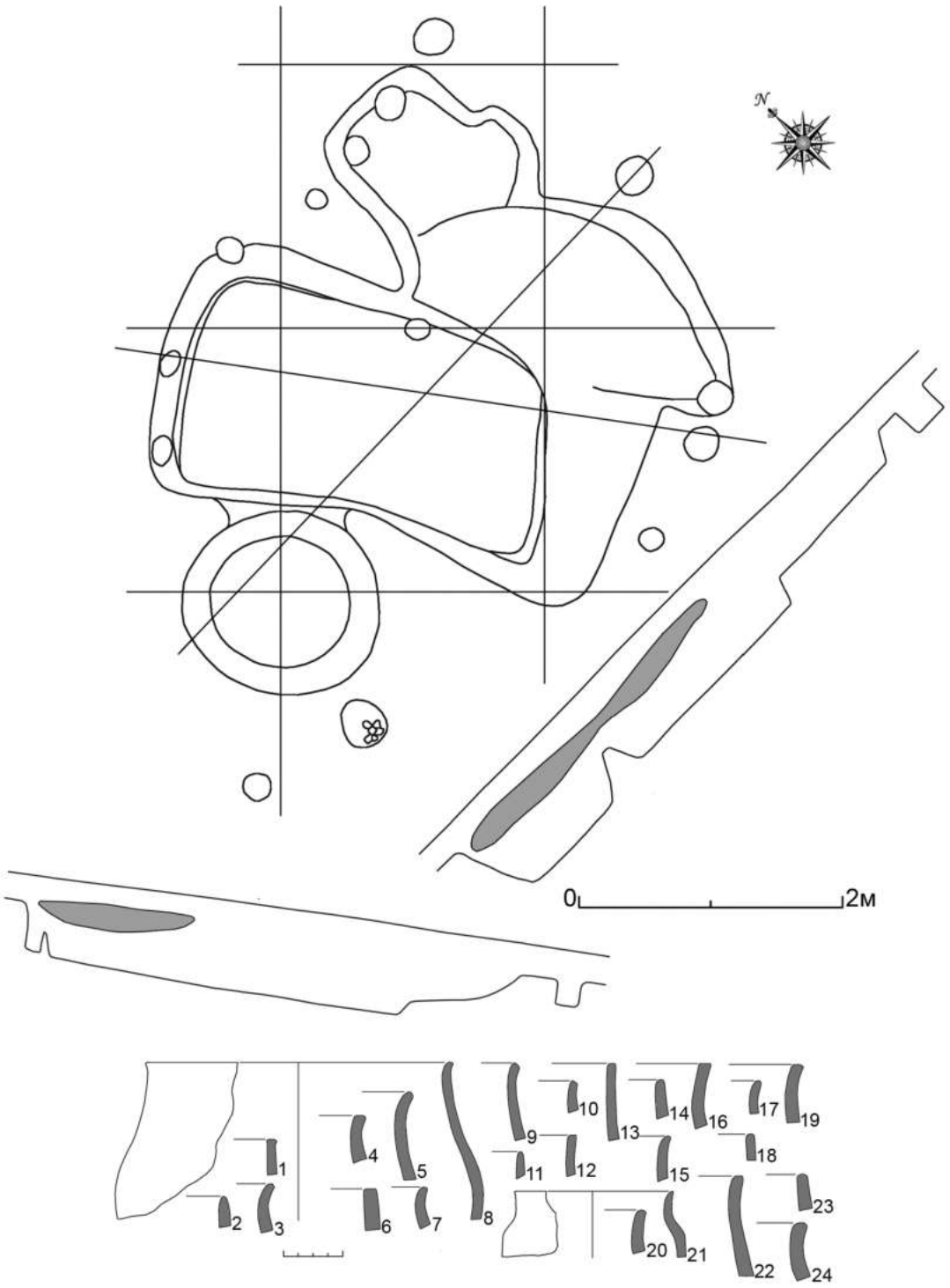


Рис.6

План и разрезы постройки 2 и ямы 6. Керамика из заполнения сооружений.
9 – 14, 16, 17, 19; 9, 12 линза печины – яма 6; остальное постр. 2; 8, 22 линза печины.

Рис.7

Фотографии целых форм сосудов из могильника.

1 – погр.6; 2 – погр.8; 3 – погр. 11; 4 – погр. 13; 5 – погр.14; 6 – погр.18; 7 – погр.19; 8, 9 – погр.20; 10, 11 – погр.21; 12 – погр.22; 13 – погр.26

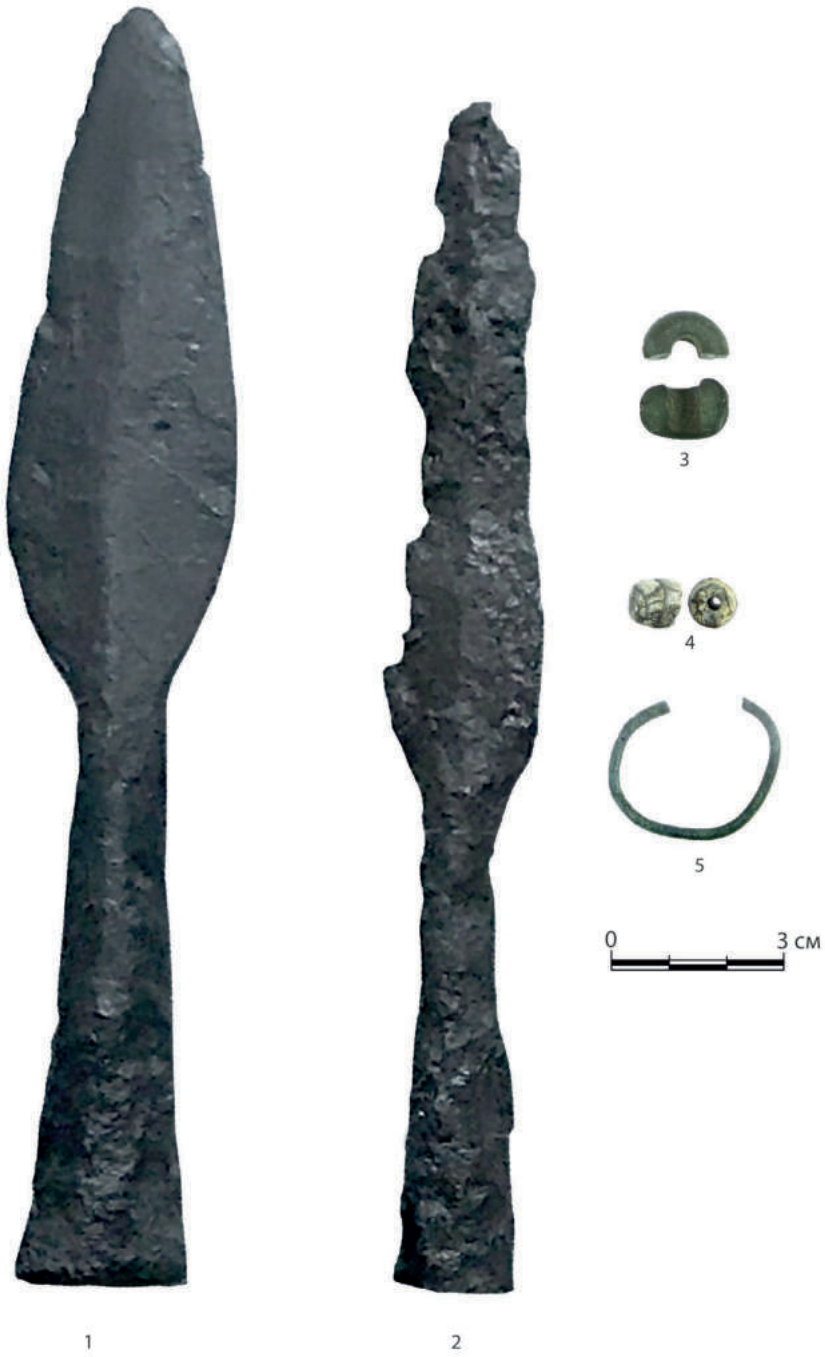


Рис.8
Фотографии вещей из фондов КГОМА:
1-3 – погр.1; 4 – погр.3; 5 – погр.11.

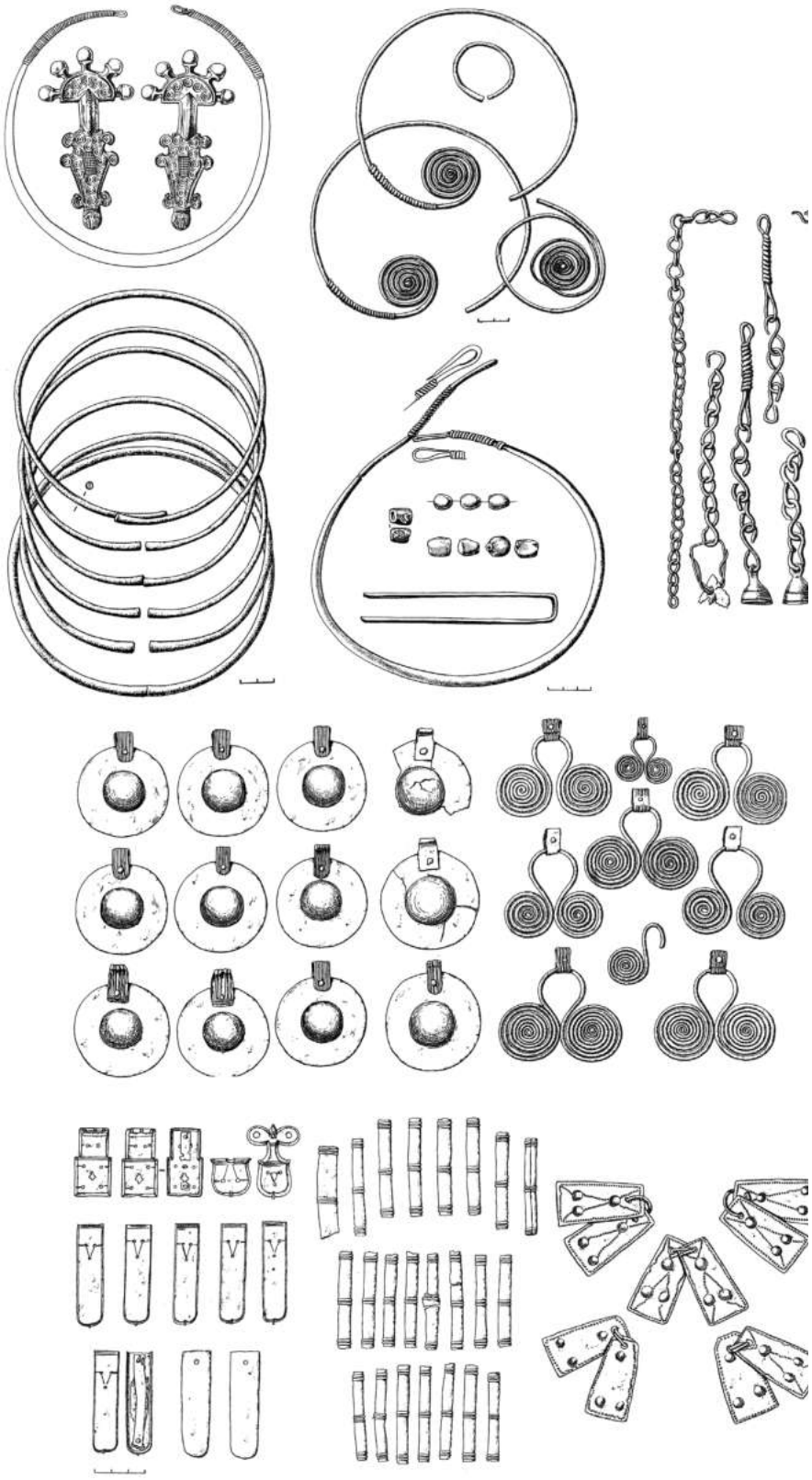


Рис.9
Новосуджанский клад 1947 г. (по: Рыбаков, 1949)

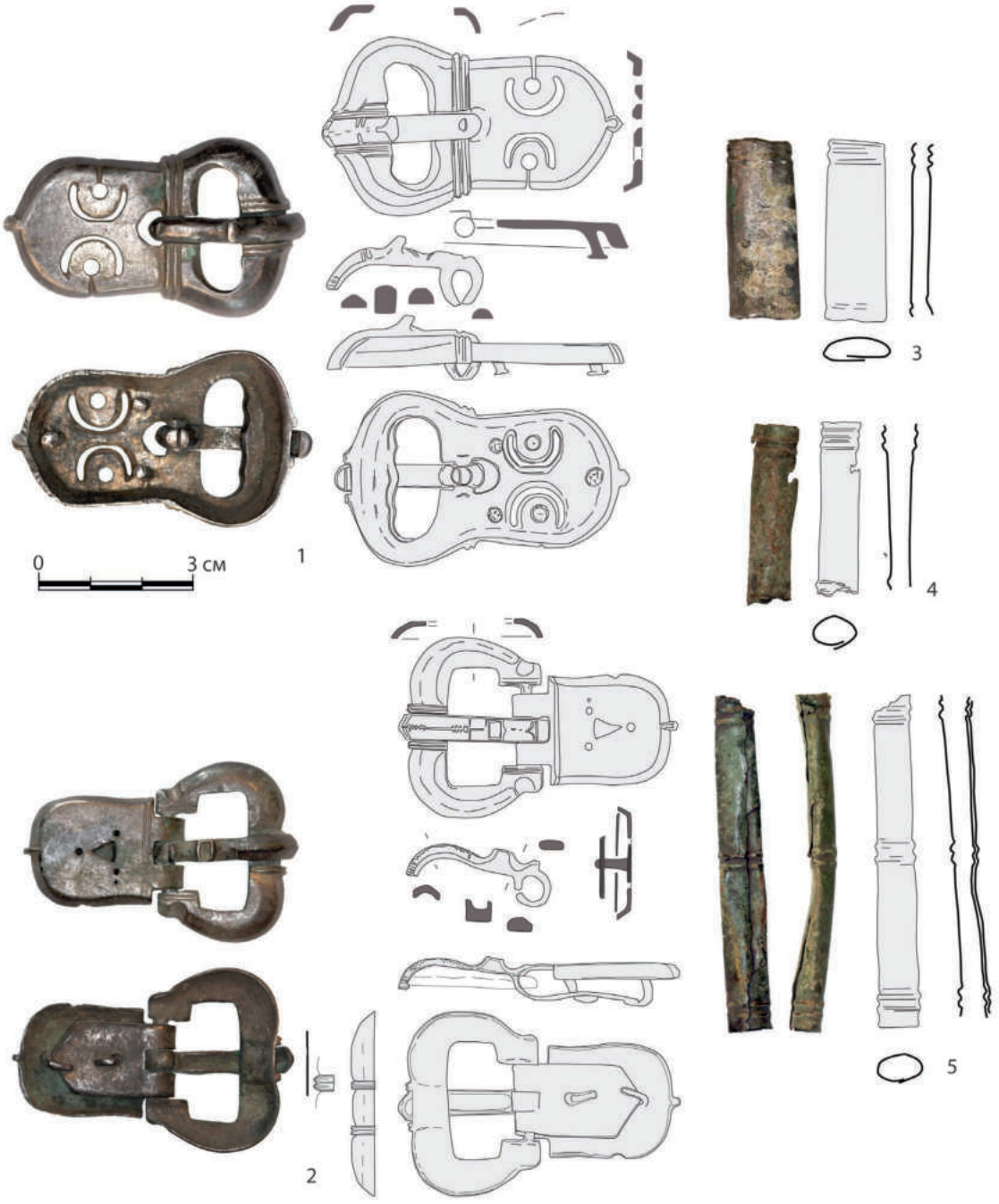


Рис.10
Новые находки Новосуджанского клада 1947 г.
Новые поступления в КГОМА
(фото: Радюш О.А., прорисовки Гавритухин И.О.)

Рис.11
Новые находки Новосуджанского клада 1947 г.
Новые поступления в КГОМА
(фото: Радюш О.А., прорисовки Гавритухин И.О.)

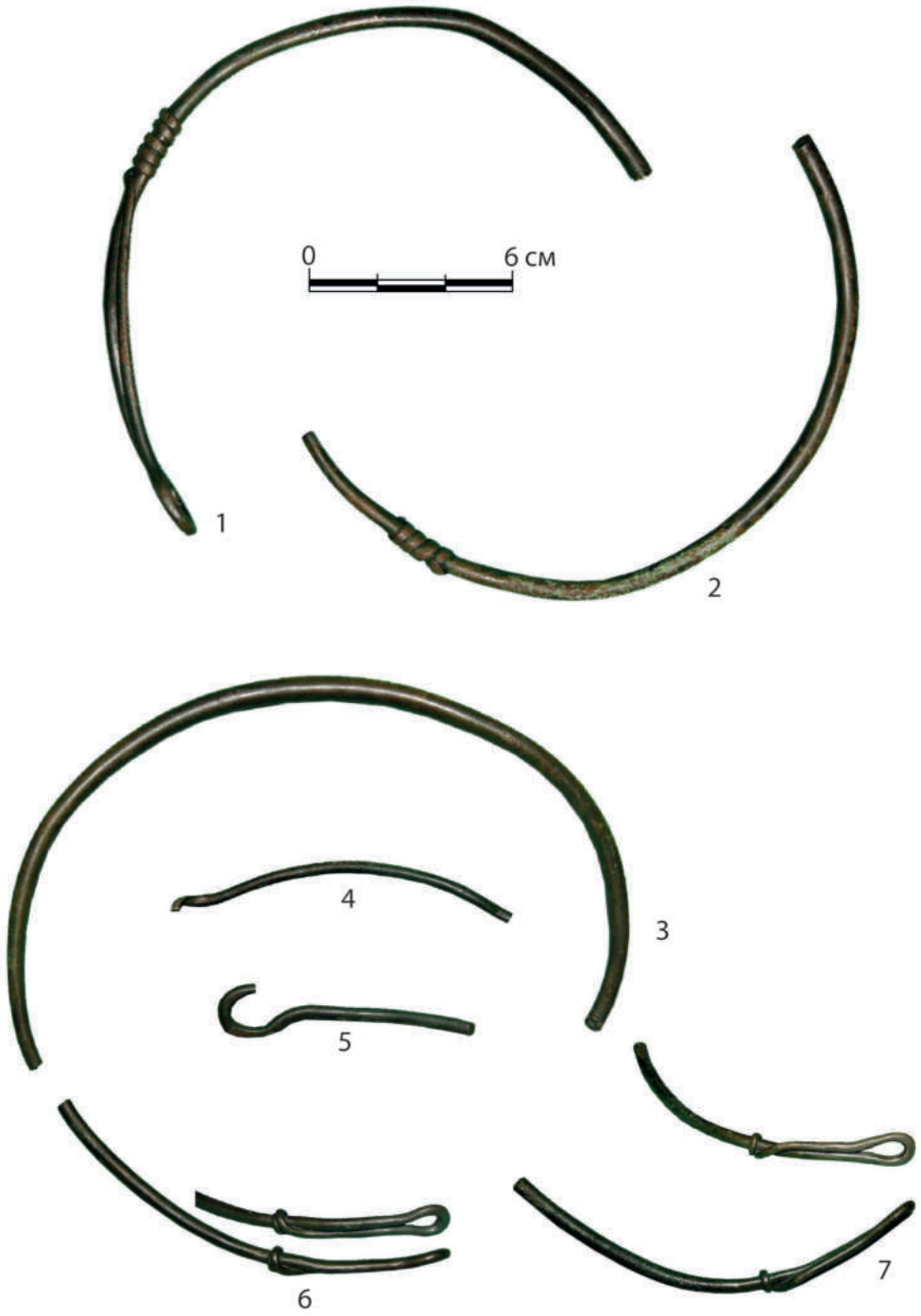


Рис.12
2-й клад из окрестностей с.Уланок: обломки шейных гривен

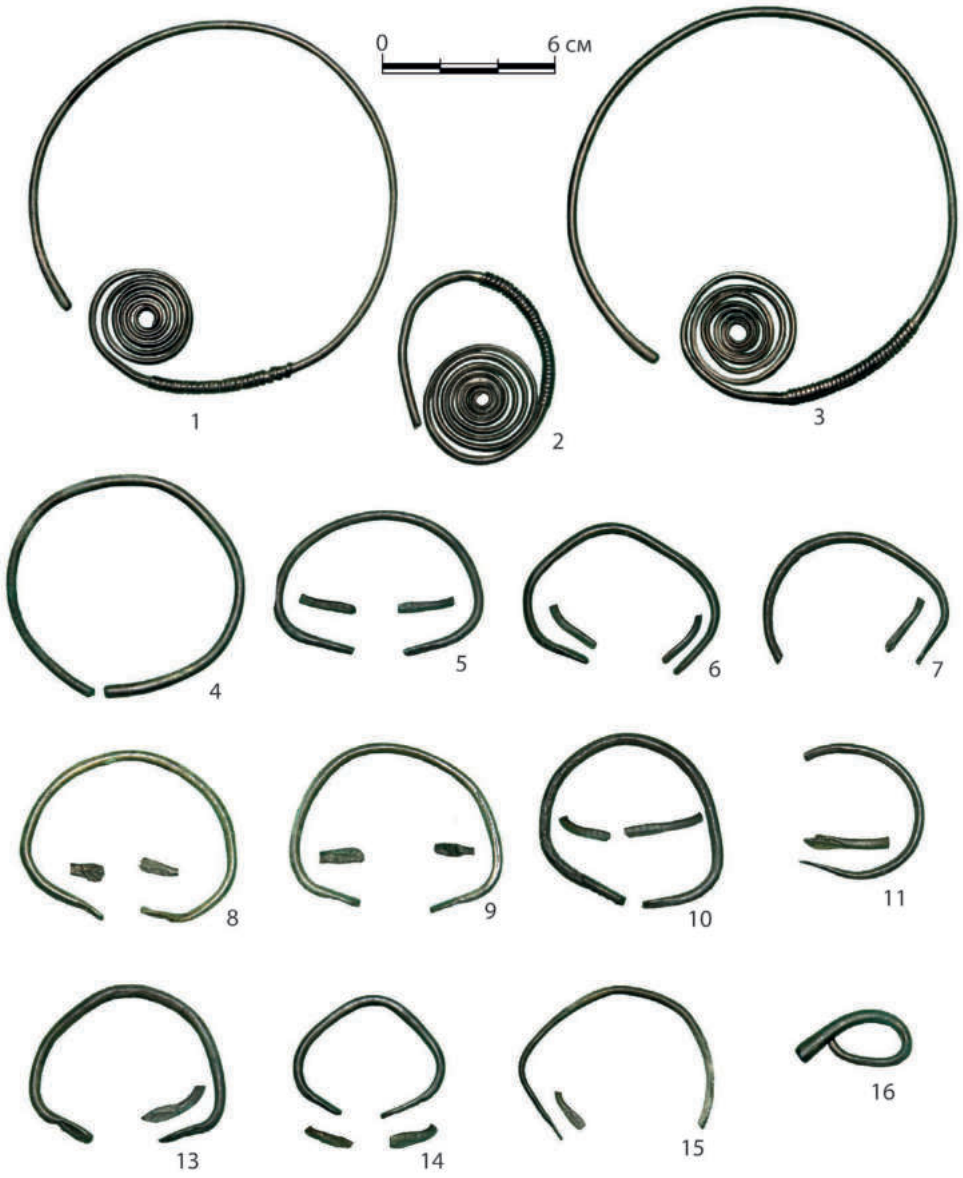


Рис.13
2-й клад из окрестностей с.Уланок: височные кольца и браслеты

Рис.14
2-й клад из окрестностей с.Уланок: детали поясной гарнитуры

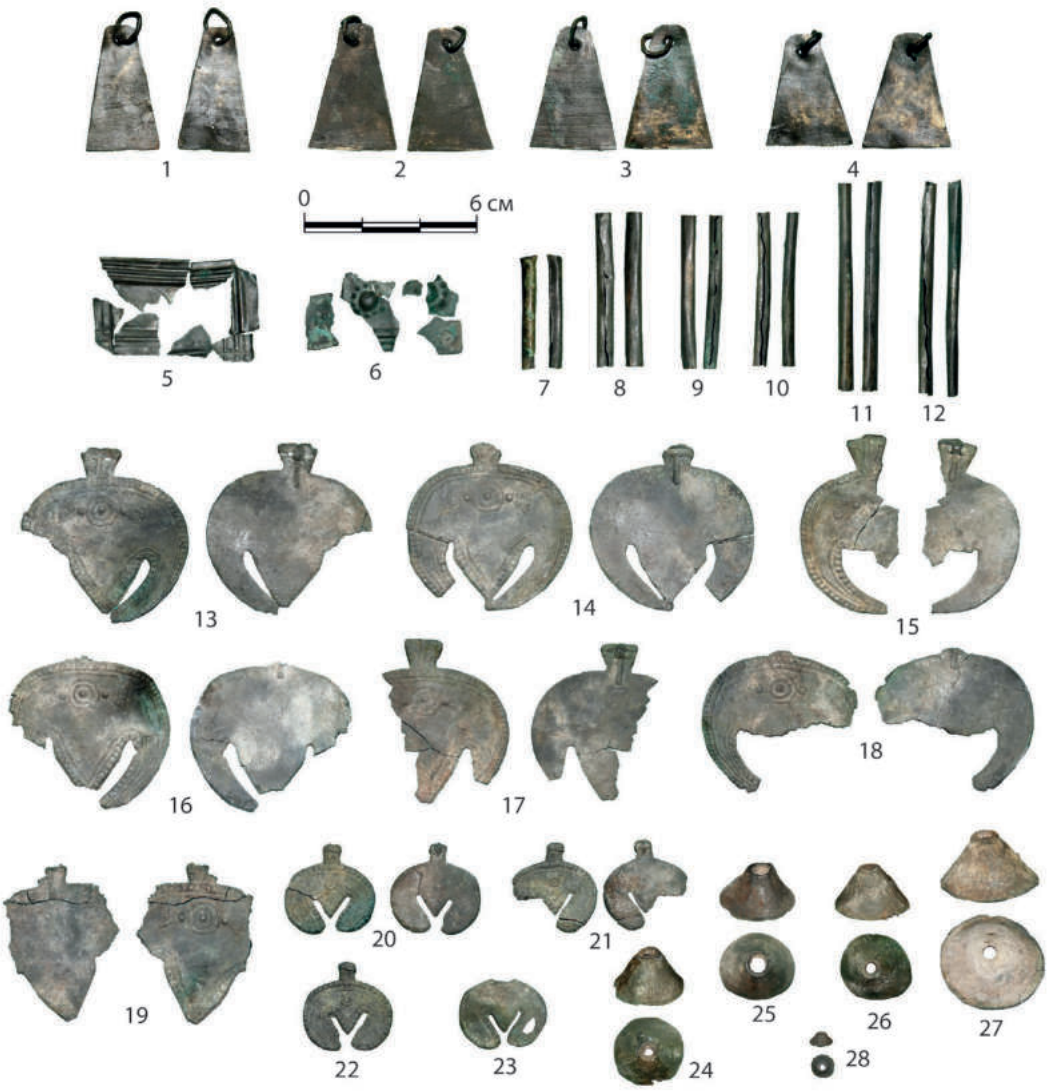


Рис.15
2-й клад из окрестностей с.Уланок: пластинчатые подвески, накладки, лунницы и ворворки

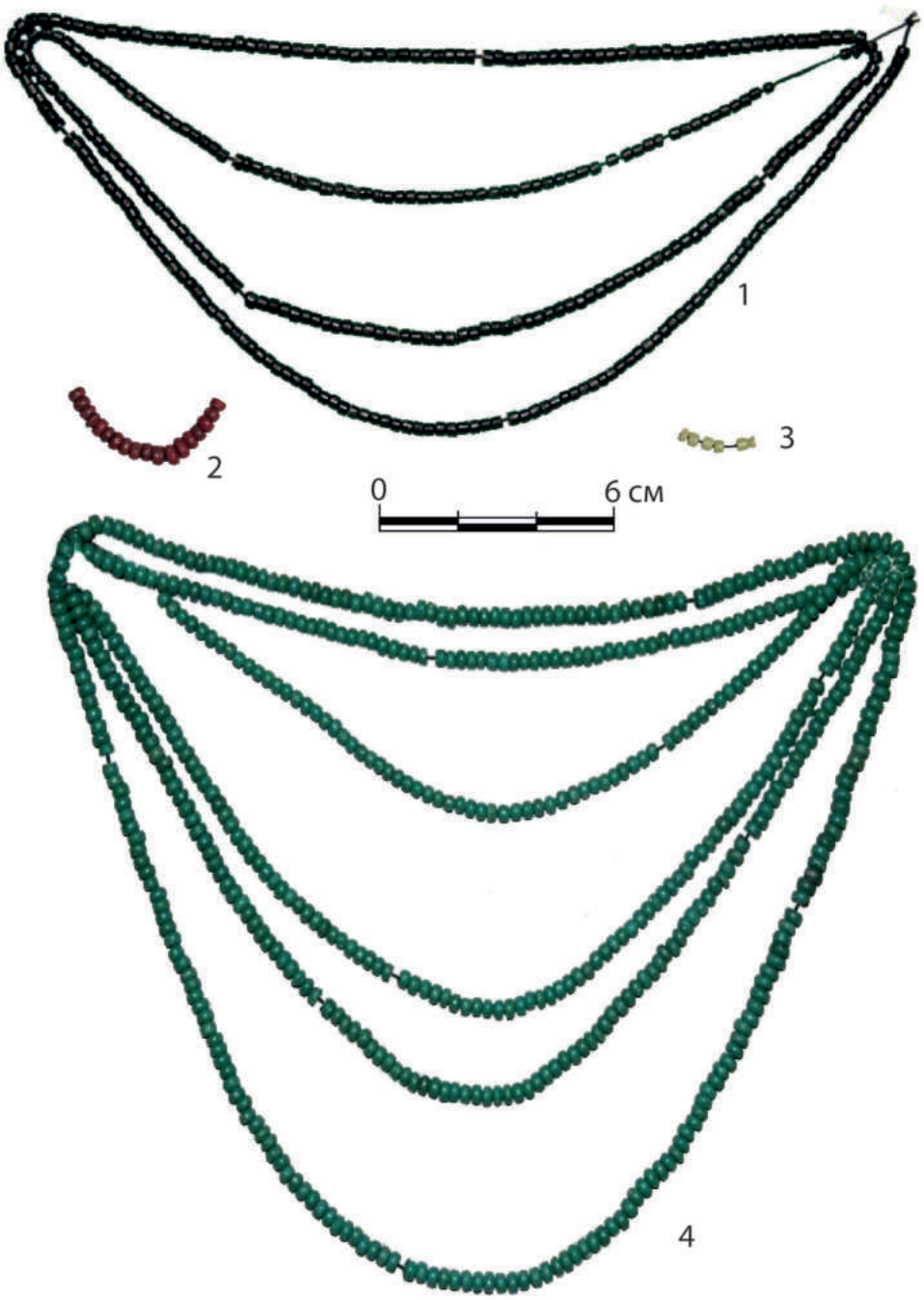


Рис.16
2-й клад из окрестностей с.Уланок: бисер

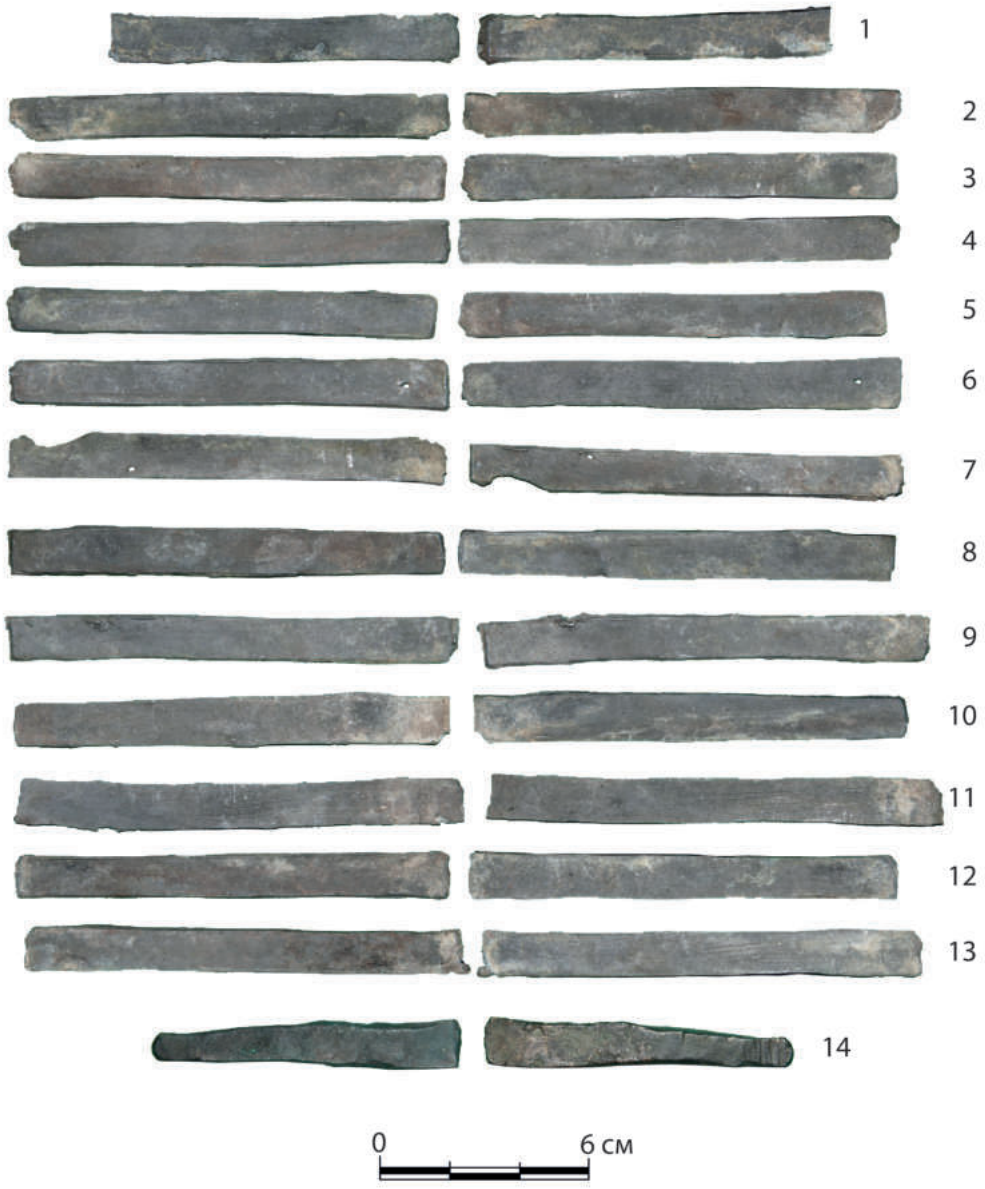


Рис.17
2-й клад из окрестностей с.Уланок: пластины заготовки

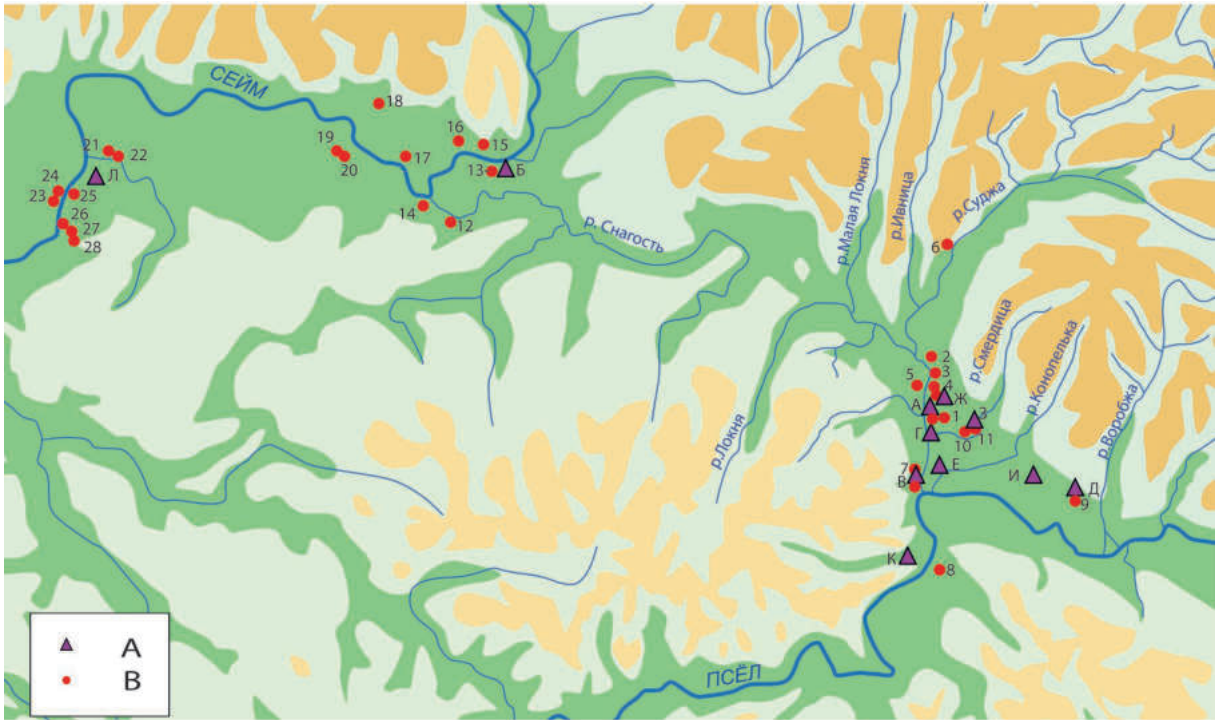


Рис.18

Схема микрорегиона Псёл-Суджа-Снагость-Сейм:

А. Клады 1-й группы:

А. Новосуджанский клад 1947 г.; Б. Гапоновский клад 1994 г.; В. Куриловский клад 2006 г.; Г. Суджа-Замостье 2009 г.; Д. Уланок, 2-й клад, клад 2010 г.; Е. Черкасская Конопелька, клад 2012 г. ; Ж. Княжий 1-й, клад до 2018 г.; З. Бондаревка, клад до 2018 г.; И. Фанасеевский, клад до 2019 г.; К. Гуево, клад до 2020 г.; Л. Попово-Лежачи ? (Глушковский р-н), до 2019 г.

В. Памятники (поселения, могильники) третьей четверти I тыс. н.э.:

1. Суджа, поселение 4 и 6; 2. Казачья Локня, поселение 2; 3. Княжий -1-й, грунтовый могильник; 4. Княжий 1-й, поселения 2, 3, 5; 5. Княжий 1-й, селище 2; 6. Косица, поселение 1; 7. Куриловка, поселения 1, 2; 8. Плехово, поселение 11; 9. Черкасская Конопелька, поселение 2; 10. Бондаревка, поселение 2; 11. Бондаревка, поселение 3; 12. Комаровка, поселение 2; 13. Краснооктябрьский (Гапоново), поселение; 14. Серповка, поселение; 15. Юрасово, поселение 1; 16. Юрасово, поселение 2; 17. Жагарово, поселение 2; 18. Ржава, селище 1; 19. Званное, поселение 2; 20. Званное, грунтовый могильник; 21. Заболотовка, поселение 1; 22. Заболотовка, поселение 2; 23. Отруба, поселение 1; 24. Отруба, поселение 2; 25. Коровяковка, поселение 2; 26. Попово-Лежачи, поселение 1; 27. Попово-Лежачи, поселение 3; 28. Попово-Лежачи, поселение 5.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЛАНИГРАФИИ ЖИВОТИННОГО ГОРОДИЩА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС. Н.Э.

© 2023 г. М.В. Балашова

Курский государственный университет,
НИИ археологии юго-востока Руси, Курск

В статье рассмотрена планиграфическая ситуация, сложившаяся на Животинном городище (Воронежская обл.) в последней четв. I тыс. н.э. Полученные выводы свидетельствуют, что накануне вхождения в состав Древнерусского государства на памятнике появляются жилищно-хозяйственные комплексы, аналогии которым имеются в материалах синхронных племенных центров соседних регионов. Можно осторожно предположить, что это стало следствием начинающейся специализации населения.

Ключевые слова: боршевская археологическая культура, славяне Подонья, хозяйственные ямы, жилищно-хозяйственные комплексы.

ON SOME FEATURES OF PLANIGRAPHY ZHIVOTINNOYE HILL-FORT IN THE LAST QUARTER OF THE 1st THOUSAND A.D.

© 2023 M.V. Balashova

The article deals with the planning situation at the Zhivotinnoye ancient settlement (Voronezh region) in the last quarter of the 1st millennium A.D. The obtained conclusions indicate that on the eve of the Old Russian state, housing-economic complexes appeared at the site, which have analogies in the materials of synchronous tribal centers of the neighboring regions. It can be cautiously assumed that this was a consequence of the beginning specialization of the population.

Keywords: borshevskaya archaeological culture, the slavs of Don, household pits, housing and economic complexes.

В последней четверти I тыс. н. э. на территории верхнего и среднего Дона, а также верховьев р. Оки, проживало славянское население, атрибутированное в литературе как носители боршевской археологической культуры (Седов, 1982. С. 140). В материальной культуре она имеет много общего с соседними роменцами, но территориально значительно удалена. Работы А.З. Винникова на погребальных памятниках Подонья позволили выделить в ареале славян два микрорегиона: Средний Дон и р. Воронеж (Верхний Дон) (Винников, 1984). Исследование крупных памятников Среднего Дона в основном проводились в первой половине – середине XX в. (Ефименко, Третьяков, 1948; Москаленко, 1965; 1981). На основе полученных результатов была сформулирована концепция социо-культурного и хозяйственного облика боршевцев этого региона, согласно которой основным занятием местного населения было пашенное земледелие. Кроме того, в хозяйственной жизни существенную роль играли охота и рыболовство, о чем свидетельствуют данные остеологии (Сычевская, 1965. С. 278–284; Москаленко, 1981. С. 93; Винников, 2014. С. 188–192).

Сравнивая население Верхнего и Среднего Дона, некоторые исследователи высказывают идею о том, что в хозяйственном плане жители территории по берегам р. Воронеж «находятся, вместе с тем, на примерно одинаковой ступени развития с местными кочевниками» (Цечоев, 2000. С. 156). Во многом формирование подобного представления объясняется слабой изученностью памятников Верхнедонского региона. Многолетнее исследование Животинного городища на р. Воронеж под руководством А.З. Винникова изменило это представление (Винников, 2014). Косвенные данные подтверждают лидирующую роль земледелия в жизни обитателей Верхнедонского региона. Кроме того, анализ зерновок злаковых растений и их отпечатков на керамике не исключает существование дву- и трехпольной системы, а также пашенных орудий

плужного типа (Горбаненко, 2014. С. 355–359). Естественно, подобный уровень хозяйствования был достигнут на финальном этапе существования памятника. Цель этой работы – попытаться выяснить, отразилось ли усложнение способов ведения хозяйства и, как следствие, повышение урожайности, на планиграфии Животинного городища.

Животинное городище расположено на мысу правого берега р. Воронеж. Работами под руководством А.З. Винникова было исследовано 20% его территории в центральной и мысовой части. Как и многие памятники Подонья, городище было мирно покинуто боршевцами, после чего длительное время пустовало, пока сюда не пришло древнерусское население. В ходе исследования было выявлено 70 жилых построек, из которых 48 относились к славянскому периоду. Опираясь на анализ планиграфии, керамического материала, а также немногочисленные находки украшений и предметов быта, А.З. Винников относит время существования памятника к концу/второй половине VIII – первой половине/середине XI вв., при этом выделяется несколько строительных периодов. Первый, соответствующий началу заселения, относится к концу VIII – первой половине IX вв. Постройки второго этапа датируются IX–X вв. Третий период в жизни памятника выпадает на вторую половину X – первую половину XI вв., после чего на 70 лет жизнь здесь прекращается (Винников, 2014. С. 13, 207–208, 224).

Планиграфически хозяйственные ямы Животинного городища делятся на три типа: округлые в плане, овальные и квадратные (Винников, 2014. С. 121–122). Объекты первого типа чаще всего характеризуются небольшими размерами и использовались для сбора бытовых отходов. Хозяйственные ямы второго типа, большие по своим параметрам, как правило, применялись для хранения продуктов питания. Подтверждением этому служат находки обгорелых зерновок злаковых растений и сорняков (Кирьянова, 2014 С. 353–354). Квадратные в плане объекты составляли четверть от общего числа хозяйственных ям. Их отличительной особенностью является наличие в полу четырех столбовых ямок. Автор раскопок квалифицирует их как ямы-погреба или амбары (Винников, 2014. С. 121–126). Чаще всего именно в них были обнаружены орудия труда, крупные кости или горелое зерно. Надо отметить, что такой тип конструкции амбаров редко встречается на славянских памятниках не только Подонья, но и соседних территорий. В частности, при исследовании городища Титчиха на Среднем Дону А.Н. Москаленко обнаружено лишь три подобных сооружения (Москаленко, 1981. С. 93).

При анализе характера застройки городища А.З. Винников заметил, что основная часть жилищ расположены «гнездами» и окружены хозяйственными ямами. Таким образом, они формируют своеобразный «квартал», хотя на памятнике присутствуют и немногочисленные одиночные жилые постройки (Винников, 2014. С. 209–215). На основе сопоставления данных планиграфии и хронологии жилищ нами была выявлена следующая закономерность в застройке памятника: по мере развития общественной и хозяйственной жизни планировка городища усложняется, а количество хозяйственных ям рядом с жилищами увеличивается. Так, наиболее ранние постройки (11, 29, 43) сопровождаются, в лучшем случае, одним хозяйственным сооружением, расположены на некотором удалении друг от друга и не образуют какой-либо системы (Рис. 1). Жилищам второго этапа (8, 9, 26, 27) сопутствуют два-три хозяйственных объекта (Рис. 2). В финальной стадии жизни боршевского городища помимо существующей системы «дом+два-три хозяйственных объекта» (22, 23) появляются большие жилищно-хозяйственные комплексы (19, 20, 31, 32, 35) с несколькими хозяйственными ямами как внутри дома, так и вокруг, а также погребом и амбарами (Рис. 3). Подобных комплексов насчитывается около 30 штук (Винников, 2014. С. 21–121).

В этой связи необходимо сравнить наши наблюдения с материалами городища у х. Титчиха – одного из наиболее изученных боршевских городищ соседнего региона – Среднего Дона. Это позволит понять, является ли усложнение планиграфии Животинного городища «обычной» ситуацией для рубежа I – II тыс. н.э. или же это показатель

нетривиальности памятника. А.Н. Москаленко отмечала, что жилые постройки на нем также образуют группы. Она объясняла это тем, что «родственные семьи, входившие в состав одной патронимии, селились, как правило, не только поблизости друг от друга, но и нередко занимали как бы свой, отдельный участок» (Москаленко, 1981. С. 98–100. Рис. 18). Однако жилищно-хозяйственные комплексы в застройке городища отсутствовали. Как отмечала исследователь, хозяйственные ямы располагались вблизи жилищ по одной. Исключением является участок между полуземлянками № 43, 44 и 45, на котором было сосредоточено восемь ям (Москаленко, 1965. С. 60). Наличие таких комплексов не было выявлено и на других среднедонских поселениях (Большое и Малое Боршевские городища) (Ефименко, Третьяков, 1948; Москаленко, 1981).

Ближайшие аналогии планиграфии Животинного городища нами выявлены в застройке синхронного укрепленного поселения у д. Горналь (Курская область). Неординарная роль этого населенного пункта в конце I тыс. н. э. на сегодняшний день не вызывает сомнений: это был крупный хозяйственно-административный центр северян Посемья (Куза, 1981. С. 38; Енуков, 2005. С. 178). Результаты раскопок Г.Ф. Соловьевой, А.В. Кузы, А.А. Узянова, В.В. и О.Н. Енуковых показали, что количество хозяйственных объектов внутри и за пределами жилищ увеличивается со временем, и ко второй – третьей четверти X в. их «сопровождают» от двух до четырех хозяйственных ям различного назначения (Веретюшкина, 2020. С. 121–123). Как отмечено выше, похожая ситуация наблюдается и на Животинном городище.

Подведем итоги. Находки на Животинном городище прихотливых злаковых растений, железных наконечников орудий плужного типа, а также увеличение к концу I тыс. н. э. размера и количества хозяйственных объектов косвенно свидетельствуют о поступательном развитии земледелия (Кирьянова, 2014. С. 353–354; Горбаненко 2014. С. 355–359; Ковалевский, Горбаненко, 2014. С. 104–107). Подобная ситуация наблюдается на многих памятниках роменско-боршевской культуры (Веретюшкина, 2012; 2020). Однако консолидация большого количества хозяйственных объектов вокруг жилища отдельной семьи не является повсеместной, что может свидетельствовать о каких-либо изменениях в социальной сфере (что особенно ярко проявляется среди населения племенных центров). Можно осторожно предположить, что это стало следствием начинающейся специализации населения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Веретюшкина М.В., Горбаненко С.А. Земледелие населения Посемья в X в. (на примере археологического комплекса у д. Шуклинка) // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. IV. Курск, 2012)

Веретюшкина М.В. Традиции хранения урожая населением Посемья в последней четверти I тыс. н. э. // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху средневековья. Тула, 2020.

Винников А.З. Славянские курганы Лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

Винников А.З. Славяне Лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж, 1995.

Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII – нач. XIII вв. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж: Кварта, 2014.

Горбаненко С.А. Палеоботанические исследования материалов с Животинного городища по отпечаткам на изделиях из глины // Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII – нач. XIII вв. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж: Кварта, 2014.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону. МИА №8. М., Л., 1948.

Кирьянова Н.А. Заключение по результатам анализа зерновых материалов из раскопок Животинного городища // Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII – нач. XIII вв. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж: Кварта, 2014.

Ковалевський В.М., Горбаненков С.А. Знахідка залізного рала в районі Животинного городища // Археологія, 2014. № 3.

Куза А.В. Большое городище у д. Горналь // Древнерусские города. М., 1981.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА, 1958. №74.

Москаленко А.Н. Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона // Славянский сборник. I выпуск исторический. Воронеж, 1958.

Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж, 1965.

Москаленко А.Н. Славяне на Дону (боршевская культура). Воронеж, 1981.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. – Археология СССР с древнейших времен до Средневековья в 20 томах. М., 1982.

Сычевская Е.К. Рыбы с городища Титчиха // Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

Цечоев В.К. Славяне на Дону VIII – начала XII вв. – Диссертация на соиск. ученой степени к.и.н. Ростов-на-Дону, 2000.

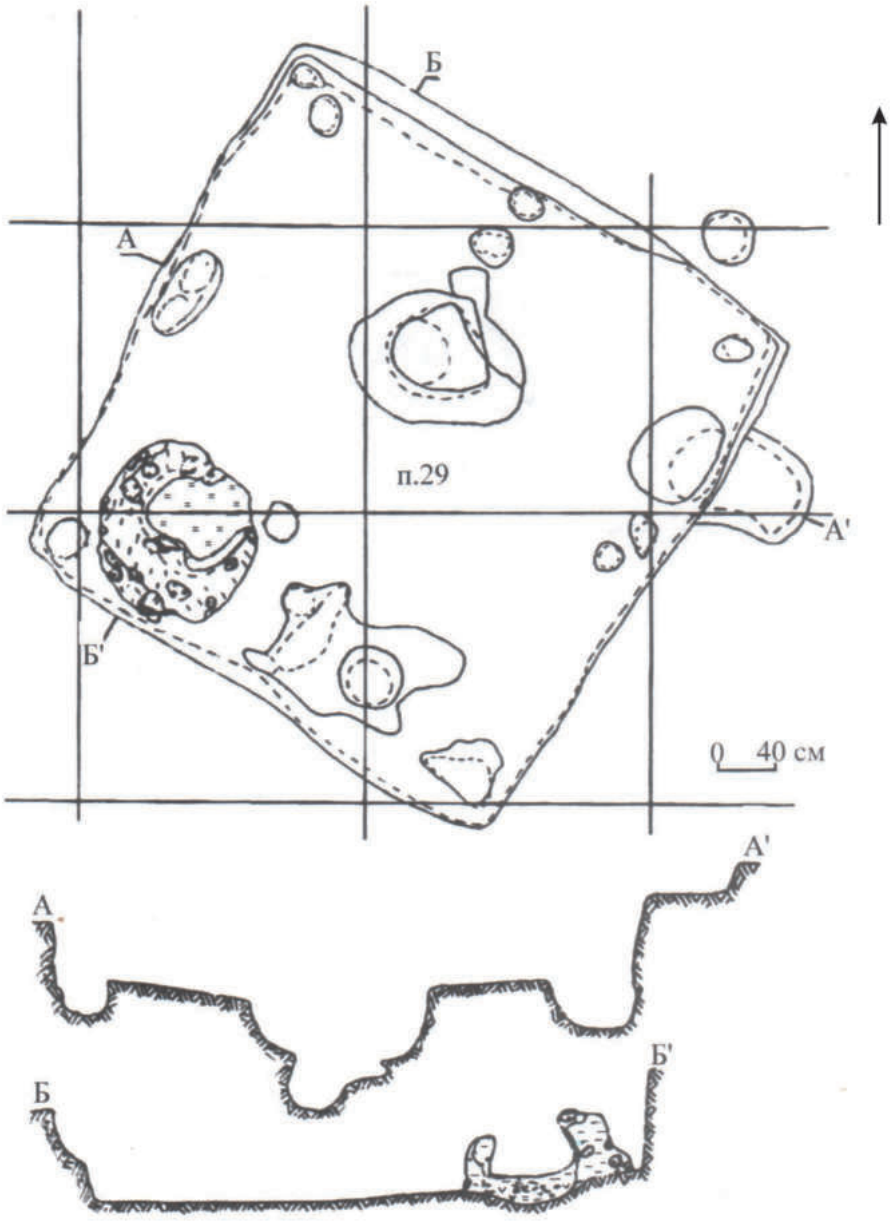


Рис.1
Животинное городище. План и разрезы постройки 29 (пер. пол. IX в.).
(по: Винников, 2014)

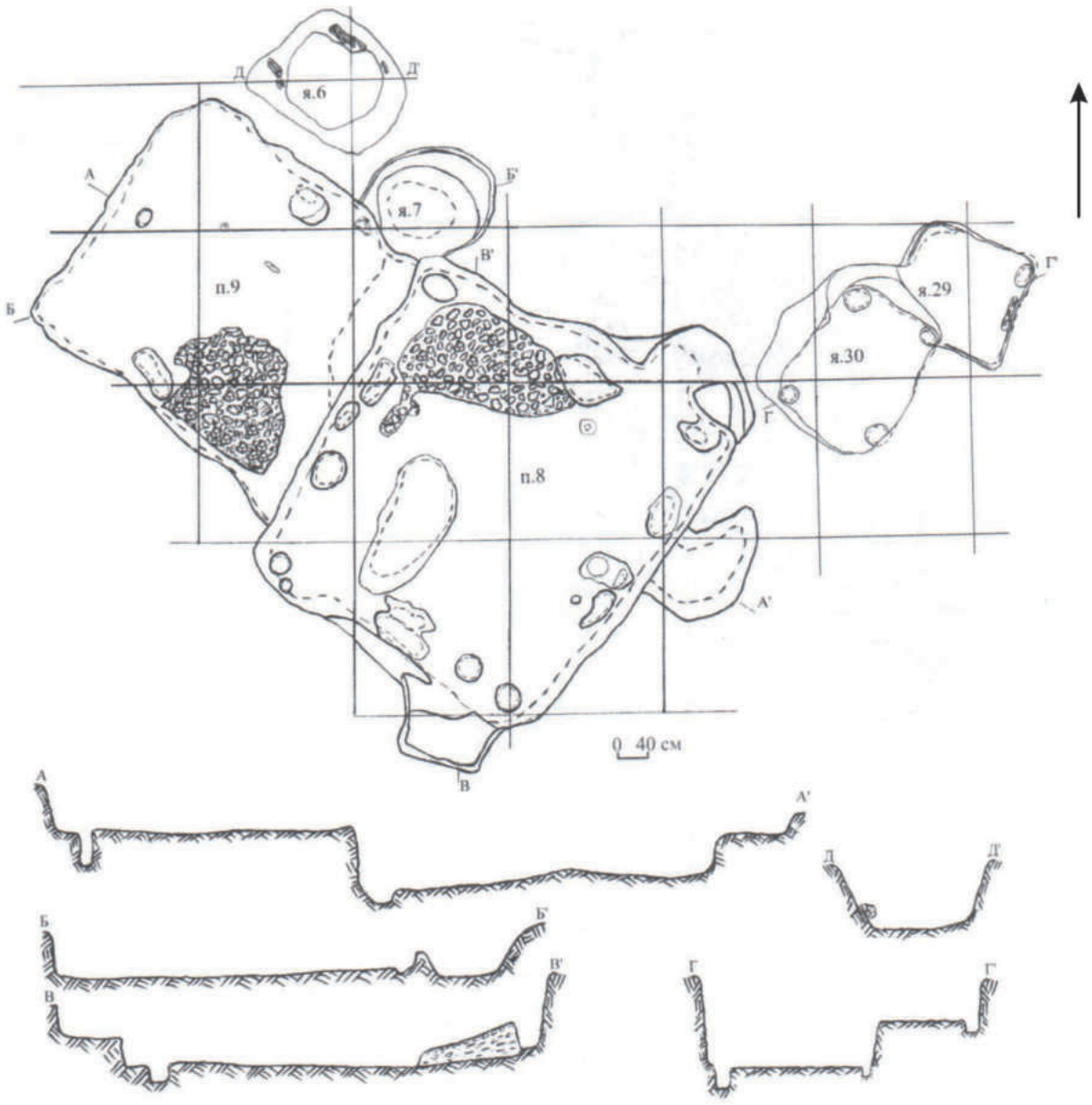


Рис.2
Животинное городище. План и разрезы построек 8,9
и хозяйственных ям 6, 29, 30 (IX-X вв.).
(по: Винников, 2014)

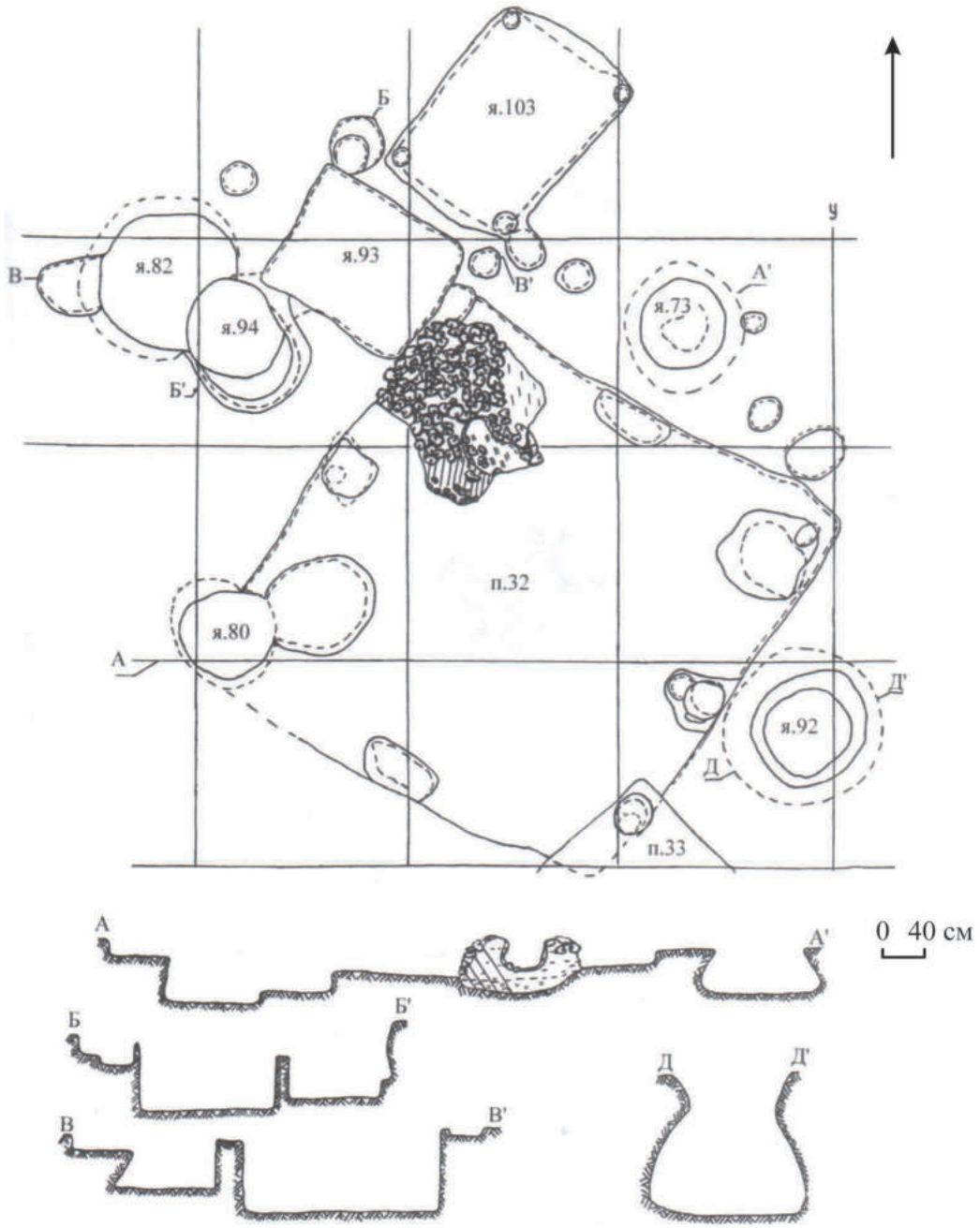


Рис.3
Животинное городище. План и разрезы постройки 32 (вторая пол. X - пер. пол. XI вв.) и хозяйственных ям 82, 94, 93, 103, 73, 92, 80
(по: Винников, 2014)

ПОСЕЛЕНИЕ IX-X ВВ. НА ГОРОДИЩЕ У ДЕРЕВНИ ГОРА УСЛАНЬ НА РЕКЕ УПА В СИСТЕМЕ ВЕРХНЕОКСКОГО УЧАСТКА ДОНСКОГО ТОРГОВОГО ПУТИ

©2023 г. А.М. Колоколов

Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула

Городище у д. Гора Услань на р. Упа выявлено в 2020 году. Оно было возведено и активно функционировало в период VII в. до н.э. – I в. н. э. В 2021 Прояснить общую картину позволили работы 2021–2022 гг. году, в ходе раскопок памятника, были изучены остатки жилой постройки IX-X вв. с развалом печи-каменки. Также с городища происходят находки железных орудий, характерных для IX-X вв. Подобные поселения известны на ряде городищ, расположенных на берегах р. Упы – Супруты, Щепилово, Петровское. Вероятно, их возникновение связано с функционированием Верхнеокского участка Донского торгового пути.

Ключевые слова: археология, Окско-Донской водораздел, городище, роменская культура, IX-X вв., торговый путь.

SETTLEMENT IX-X CENTUTIES ON THE SETTLEMENT NEAR THE GOR USLAN VILLAGE ON THE UPA RIVER, IN THE SYSTEM OF THE UPPER OKA SECTION OF THE DON TRADING ROUTE

©2023 A.M. Kolokolov

A hillfort near the village of Gora Uslan on the Upa River was discovered in 2020. It was built and actively functioned during the 7th century BC. – 1st century AD. In 2021, during excavations of the site, the remains of a 9th-10th century building with a ruined stove were discovered. Also from the hillfort come the finds of iron tools, typical of the 9th – 10th centuries. Similar sites are known on a number of hillforts situated on the banks of the Upa River – Supruty, Shchepilovo, Petrovskoe. Probably, their emergence is linked to the functioning of the Verkhneoksky section of the Don trade route.

Key words: archaeology, Oka-Don watershed, hillfort, romenskaya culture, 9th-10th centuries, trade route.

В 2020 г. в черте современного города Тулы было выявлено неизвестное ранее городище (Столяров, 2020). Оно находится на территории Тульских засек, в 1,4 км к ССВ от д. Гора Услань, на левом берегу р. Упа (прав. приток Оки), на мысу, образованном двумя оврагами (Рис. 1, 4; 2). Площадка городища имеет размеры около 100 х 50 м, высота ее над уровнем воды в реке составляет 8-24 м. С напольной стороны площадка защищена двумя валами, высотой 1,2 м (внешний) и 0,5 м (внутренний) и рвом глубиной около 0,5 м (Рис. 2). Городище было возведено и наиболее активно использовалось в период раннего железного века (VII в. до н.э. – I в. н. э.).

В ходе разведочных работ 2020 года в северо-западной части площадки городища был заложен шурф площадью 4 м^2. В его северо-западном углу была зафиксирована часть слабо заглубленного в предматериковый слой объекта, из верха заполнения которого происходили несколько фрагментов груболепной керамики IX-X вв. (Столяров, 2020. Рис. 28). После выявления объекта шурф был законсервирован.

В 2021 г. работы на памятнике были продолжены сотрудниками ТАЭ[1]. Шурф был расконсервирован и включен в площадь раскопа №2 (Рис. 2). Обнаруженный в шурфе объект был исследован полностью. Он оказался заглубленной частью жилой постройки IX-X вв. (Рис. 4)

1 Выражаю благодарность Е.В. Столярову за возможность воспользоваться неопубликованными материалами и И.С. Простякову за неоценимую помощь в производстве полевых работ.

Постройка относилась к категории наземных с нежилым котлованом, который занимал почти всю площадь сооружения. Жилое пространство этой категории построек находилось выше уровня древней дневной поверхности (Григорьев, 2005. С. 38). Жилище имело подпрямоугольную в плане форму и было ориентировано соответственно ориентации котлована – по сторонам света, с небольшим отклонением на север. Длина котлована составляла 3,5 м, ширина – ок. 3 м, глубина – 0,2 – 0,3 м. В юго-западной его части зафиксировано скопление прокаленных камней, которое является остатками обрушившейся печи-каменки – отопительного сооружения, типичного для славянских древностей региона IX – XI вв. (Григорьев, 2005. С. 35-60; Колоколов, 2022. С. 189). Слоя прокаленного грунта, который зачастую фиксируется в нижней части печных развалов, здесь обнаружено не было. Вероятнее всего, печь располагалась на верхнем, деревянном полу жилища, и затем обрушилась в котлован, используемый в качестве подклета. Реконструкция аналогичной постройки, исследованной в раскопе XXIII на городище Супруты, приводится в монографии А.В. Григорьева (Григорьев, 2005. С. 42, Рис. 11).

Из развала печи происходит основная часть керамики (ок. 70%), связанной с периодом бытования постройки. Остальные 30% обнаружены в заполнении котлована и в расположенной к востоку от него наземной части постройки.

Всего в постройке обнаружено 285 фрагментов сосудов роменского типа. Это толстостенная груболепная керамика из ожелезненной глины с примесью дресвы, органики и крупнофракционного шамота, поверхность сосудов шероховатая, обжиг неравномерный. Графически реконструируется одна полная форма сосуда и четыре неполных (верхние части). Полная форма сосуда представляет собой горшок вытянутой конической формы, с крутыми плечиками и коротким, отогнутым наружу венчиком, орнаментированным пальцевыми вдавлениями по краю (Рис. 7). По форме этот сосуд относится к типу II по С.П. Юренко (Смиленко, Юренко, 1990. С. 283, Рис. 61, 2). На памятниках Окско-Донского IX-X вв. водораздела это один из самых распространенных типов горшков. Судя по пропорциям верней части, остальные 4 горшка относятся к тому же типу (Рис. 6, 2), либо к типам I, III, IV по С.П. Юренко (Смиленко, Юренко, 1990. С. 283, Рис. 61, 1,3,4) (Рис. 6, 1,5-7). Сосуды таких форм типичны для роменских памятников междуречья Оки и Дона (Григорьев, 2005. С. 125, Рис. 51; Колоколов, 2022. С. 219, Рис. 20).

Вся керамика из постройки орнаментирована одинаково – пальцевыми вдавлениями по венчику (Рис. 6, 1-8; 7). На памятниках IX-X вв. Верхней Оки и верховьев Дона этот тип орнамента, при весьма скудном наборе декоративных мотивов (Колоколов, 2022. С. 220, Рис. 21), является доминирующим для лепной посуды (Григорьев, 2005. С. 126; Прошкин, 2013. С. 72; Гоняный, 2020. Рис. 22-25; Тропин, 2020, С. 191). Однако общепринятый тезис, высказанный в 80-х гг. А.А. Узяновым (Узянов, 1982. С. 122–135), о преобладании пальцевого орнамента в качестве индикатора раннего этапа роменских древностей следует использовать с осторожностью применительно к материалам Окско-Донского водораздела. На территории региона пальцевый орнамент широко распространен в предроменских древностях VIII века (Екимов, Колоколов, в печати. Рис. 14, 5,6; 15, 2; 16: 3), в декоре роменской керамики IX – 1-й пол. X в. (Григорьев, 2005. С. 126), а так же на сосудах, происходящих из позднероменских комплексов 2-й пол. X – XI вв. (Колоколов, Простяков, Столяров, 2021. С. 188, Рис. 9: 2, 3; Колоколов, Простяков, 2021а. С. 59, Рис. 6: 9, 10,16; С. 62, Рис. 8: 2-8; 15).

Помимо лепной керамики, в развале печи обнаружен фрагмент придонной части гончарного сероглиняного сосуда, поверхность которого покрыта продольными полосами лощения. Сосуд изготовлен из плотного теста с примесью толченого известняка (Рис. 5, 1). Такая керамика характерна для салтово-маяцкой КИО. На территории региона гончарная салтово-маяцкая керамика широко представлена на памятниках IX–X вв. В частности, она известна в комплексах городища Супруты, селищ Уткино–1, Торхово–3

(Григорьев, 2005. С. 126, Рис. 52, 15–19; Колоколов, 2022. С. 218, Рис. 19); Щучье–1 (Володин, 2015, Рис. 102, 6; 2016. Рис. 31), Слободка–1 (Шебанин, Колоколов, в печати. Рис. 12, 2), Ивановка–2 (Зацаринный, в печати. Рис. 8, 5; 9, 4).

В котловане постройки были также обнаружены две находки. Одна из них – фрагмент дрота в виде дуги, изготовленного из оловянистой бронзы (Рис. 5, 3). С одного торца предмет имеет округлое сечение, с другого – подпрямоугольное, со скругленными гранями. На его поверхность нанесен орнамент в виде высеченной ломаной линии (Рис. 5, 3). Вероятнее всего, изделие является фрагментом браслета, а именно участка перехода от дуги к окончанию. Круглодротовые браслеты с расширяющимися окончаниями подквадратного сечения известны в роменских древностях Днепровского Левобережья. В частности, такой морфологией обладают браслеты из постройки №1 2-й пол. X в. Большого Горнальского городища (Куза, 1981. С. 14, 1,2), однако они изготовлены из серебра. При этом известны и бронзовые варианты схожих браслетов: в материалах Тазовского и Перверзевского I-го поселений (Шпилев, 2010. С. 250; С. 242, Рис. 7, 5,8).

Вторая находка – фрагмент керамического биконического пряслица (Рис. 5, 2). Биконические глиняные пряслица типичны для древностей IX-X вв. нашего региона. В частности, морфологически схожие предметы происходят с селища Торхово-3 (Григорьев, 2005. С. 85, Рис. 36, 7) и из постройки 4 раскопа XXVIII на городище Супруты (Воронцов, 2007. Рис. 33, 4,5).

Из заполнения котлована постройки происходят три крупных сгустка металлургического шлака (Рис. 5, 4-6), что свидетельствует о существовании в границах поселения металлургического производства. На настоящий момент производственные металлургические сооружения зафиксированы только на двух памятниках IX–X вв. Окско-Донского водораздела: селищах Торхово-3 и Уткино-1 (Григорьев, 2005. Рис. 24, 25). Еще на ряде памятников отмечены следы металлургического производства, в частности на городищах Спицино и Кетри (Колоколов, 2022. С. 195), а также на селище Каменка-1 (Екимов, Колоколов, в печати. Рис. 11; 4-13). Это те же сгустки металлургического шлака, обнаруженные в заполнениях котлованов построек, в единственном случае – находка двух горновых криц на склоне городища (Колоколов, Простяков, 2021б. С. 176, Рис. 5).

Интересно пространственное соотношение изученной постройки IX-X вв. с другим объектом, также зафиксированным в раскопе 2 – поминальным комплексом 2-й пол. VII – VIII вв. (Рис. 4). Он представлял собой сложенную из камня насыпь, внутри которой обнаружены остатки кострища, содержащего комплекс находок (Колоколов, 2023в. С. 173–188). Наземная часть жилой постройки IX – X вв. частично перекрывала западную часть насыпи (Рис. 2; 1). Участок площадки, на котором располагалось жилище, имеет понижение в сторону склона. Вероятно, в связи с этим, ближняя к склону стена сооружения опиралась на предварительно снивелированную каменную насыпь, как на фундамент. Развал печи в постройке состоял из камней, схожих с теми, из которых была возведена насыпь. Вероятно, при создании отопительного устройства были использованы камни из верхней части насыпи, которая изначально имела близкую к конической форму, и возвышалась над дневной поверхностью. В наземной части постройки, которая располагалась над поминальным комплексом, были обнаружены многочисленные фрагменты груболепной керамики роменского типа, некоторые из которых являлись частью одного сосуда с фрагментами, обнаруженными в котловане (Рис. 6; 2).

Помимо материала из раскопа, к поселению IX-X вв. можно отнести ряд железных предметов, собранных с площадки и склонов городища. Преимущественно, находки были обнаружены в местах повреждения культурного слоя: грабительских разрытиях и выворотнях крупных деревьев.

Однозубая прямая железная накладная острога (Рис. 3, 3). Изделие имеет множественные аналогии в материалах салтово-маяцкой КИО (Михеев, 1985. С. 56-57, Рис. 28, 19-22). Изогнутые однозубые остроги известны на синхронных памятниках

донских славян. (Винников, 1995. Рис. 14, 1,2)

Железная дротовая сюльгама (Рис. 3, 2) округлого сечения с завернутыми в спираль концами (спирали расположены в одной плоскостью с дугой). Подобные изделия имеют весьма широкую хронологию. Наиболее ранние из них происходят с городищ Борисово и Ново-Клейменово, и датируются II–V вв. (Воронцов, 2013. Рис. 38, 6; 65, 5). Материалов этого времени на городище Гора Услань не зафиксировано. В древностях региона IX – X в. такие сюльгамы известны в комплексе городищ Супруты и Спицино, а так же на поселении Торхово-3 (Григорьев, 2005. С. 97, Рис. 40, 7, 9, 10; Колоколов, Простяков, 2021а. С. 55, Рис. 3, 7). Не исключено, что находка может относиться к горизонту 2-й пол. VII–VIII вв., также выявленному на памятнике. (Колоколов, 2023в. С. 173–188).

Железный черешковый наконечник стрелы с пером ромбовидной формы (Рис. 3, 4). Перо имеет наибольшее расширение, расположеное в нижней трети. Общая длина изделия – 10 см, длина пера – 7 см, ширина – 3,1 см. По А.Ф. Медведеву наконечник относится к типу 41 (т.н. «Гнездовскому типу») и, благодаря крупным размерам – к 1-му его варианту. Такие наконечники были широко распространены с VIII-IX вв. до сер. XI (Медведев, 1966. С. 65). Они известны и на памятниках Днепровского Левобережья, содержащих древности роменской культуры (Григорьев, 2000. С. 143, Рис. 48, 14). На территории Окско-Донского водораздела предметы этого типа найдены в комплексе городища Супруты (Григорьев, 2005. С. 74, Рис. 28, 1,6), а также на селище Устье-3 (Гоняный, 2020. С. 89, Рис. 15, 4). Известны подобные наконечники и в более ранний период – в V-VII вв. (Казанский, 2015. С. 59, Рис. 9, 19,20,23,32; 11, 10–14; 17, 8; 18, 13,39). Таким образом, не исключено, что находка связана с горизонтом 2-й пол. VII-VIII вв.

Железный черешковый нож с прямым перекрестием при переходе черешка к клинку (Рис. 3: 1). Общая длина изделия – 11,5 см. Относится к т.н. ножам «аланского типа» (Минасян, 1980. С. 70). Они широко представлены на памятниках салтово-маяцкой КИО IX-X вв. (Михеев, 1985. Рис. 9, 11,14 и т.д.), а также на синхронных роменских поселениях (Ляпушкин, 1958. С. 328, табл. XCIII, 2,6,7 и т.д.).

Кроме того, на площадке и склонах городища было обнаружено множество фрагментов толстостенной груболепной керамики роменского типа (Рис. 3, 5-8).

К сожалению, ни в заполнении постройки, ни на площадке городища не было обнаружено находок, которые помогли бы узко датировать поселение. Груболепная керамика роменского типа бытует на территории региона с IX до конца XI вв., а железные предметы зачастую имеют еще более широкие хронологические рамки. Единственная находка из цветного металла, связанная с постройкой – это фрагмент дротового браслета с расширяющимися концами, которые известны в материалах роменской культуры на всём протяжении её существования (Григорьев 2000. С. 134-135). Однако, учитывая находку фрагмента гончарного сосуда салтовского типа в комплексе постройки 1 в совокупности с топографией памятника и характером укреплений городища, можно отождествить рассматриваемое поселение с одним из этапов славянской колонизации региона.

В обзорной работе автором данной статьи была предложена типология укрепленных поселений Окско-Донского водораздела IX-XI вв. (Колоколов, 2021). В качестве типообразующих признаков были приняты характер укреплений городища, расположение памятника относительно основных водных артерий региона и особенности его керамического комплекса. Так, поселения, расположенные на площадках городищ ранних эпох, на берегах крупных рек региона, связывающих бассейны Оки и Дона (Упа, Шат, Зуша) или позволяющих значительно сократить путь внутри Окского бассейна (Осетр, Вашана, Тулица), отнесены к типу 1А. Керамический комплекс таких памятников представлен лепными сосудами роменского типа, с включениями салтовской круговой или причерноморской амфорной керамики (Колоколов, 2021. С. 187). По версии А.В.

Григорьева, в IX-X вв. крупные реки региона являлись магистралями Верхнеокского участка Донского торгового пути (Григорьев, 2006. С. 51–60; 2011. С. 67–71). Именно с его функционированием и связанно возникновение памятников «раннего периода», в число которых входят и городища типа 1А. Согласно хронологии, разработанной А.В. Григорьевым, эти памятники датируются – IX – 1–й четвертью X в. (Григорьев, 2005). Автором данной статьи была предложена корректировка этой хронологии, в сторону расширения временных рамок бытования памятников раннего периода до IX – 1-й половины X в. (Колоколов, 2023а. С. 24–43).

В рамках предложенной типологии, поселение на городище у д. Гора Услань относится к типу 1А. Оно расположено на берегу р. Упа, на площадке городища раннего железного века, а в его керамическом комплексе, помимо груболепных роменских горшков, содержится фрагмент гончарного салтовского сосуда. Таким образом, даже при отсутствии надежных хроноиндикаторов, мы можем отнести это поселение к памятникам раннего этапа, и датировать его в рамках IX – 1–й половины X в. (Колоколов, 2023а. С. 24–43).

Река Упа, на берегу которой расположен рассматриваемый памятник, является одной из основных водных артерий, позволяющих транспортировать торговые суда из Окского в Донской бассейны. Для лучшего представления о месте поселения на городище у д. Гора Услань в системе Упинского участка торгового пути следует кратко рассмотреть маркирующие его древности.

А.В. Григорьев при выделении Упинского участка опирался, в основном, на материалы городищ Супруты, Щепилово и селища Уткино-1 (Григорьев, 2006. С. 51–60) За последние два десятилетия изучения славянских древностей Окско-Донского водораздела количество выявленных и исследованных памятников на берегах Упы значительно возросло.

На сегодняшний день известно 11 поселенческих памятников с материалами IX-X вв., расположенных непосредственно на берегах Упы. Они представлены 6 поселениями на площадках городищ ранних эпох и 5 селищами.

Ближайшим к устью Упы памятником IX-X вв. (26,3 км по руслу) является городище у с. Петровское (Рис. 1, 13). Оно расположено в 38 км от городища Дуна[2] (Рис. 1, 5), расположенного на левом берегу Оки, на площадке которого был выявлен богатый слой IX-X в., содержащий, в числе прочего, находки арабских дирхемов VIII века (Теплов, 1899. С. 17–20; Воронцов и др, 2018). В комплексе поселения на площадке Петровского городища также содержится нумизматическая находка – дирхем 195 г.х. (810-811 гг.) (Простяков, 2015. С. 40). Интересной находкой с памятника является ланцетовидный наконечник стрелы, обнаруженный на склоне городища (Колоколов, 2022. С. 208, Рис. 9:7). Аналогичные наконечники массово представлены в слое гибели Супрутского городища (Колоколов, 2023б. С. 114–125).

В 46,4 км выше по течению, на правом берегу Упы расположено селище 1 у д. Прудки, датированное на момент выявления в 1982 г. XII-XIII вв. (АКР, 1999. С. 166) (Рис. 1, 7). При повторном осмотре в 2022 году на восточной его окраине была собрана серия лепной керамики роменского типа.

Далее, вверх по течению р. Упы, в 22,5 км от селища Прудки-1, находится городище у с. Супруты (Рис. 1, 20). С памятника происходит богатейший материал IX – 1-й пол. X в., в том числе представительная нумизматическая серия, обширная коллекция инструментов для малых взвешиваний – деталей весов и весовых гирек, а также набор гончарной салтово-маяцкой и амфорной керамики (Григорьев, 2005. С. 109-120, 126, Рис. 52; Колоколов, 2022. С. 193, 211, Рис. 12). Обилие предметов вооружения, всаднического снаряжения и предметов ременной гарнитуры, обнаруженных на поселении, позволяет интерпретировать его как военный и административный центр региона, а также узловой

2 Здесь и далее расстояние приводится по руслу реки.

пункт Верхнеокского участка Донского торгового пути.

Следующим после Супрутского городища поселением IX–X вв. является селище у д. Изволь (Рис. 1, 6), где в процессе разведочных работ была обнаружена бочковидная весовая гирька (Колоколов, 2022. С. 211, Рис. 12, 3). Расстояние между поселениями составляет 68,8 км. Памятников, расположенных на этом отрезке Упы, содержащих достоверные материалы IX–X вв., пока не выявлено. Крупный комплекс памятников у д. Тимофеевка расположен в стороне от русла Упы и относится к более позднему периоду – кон. X–XI в. (Колоколов, 2021. С. 193). Неподалеку от Тимофеевского комплекса на берегу Упы находится городище у д. Поречье (Рис. 1, 15). Оно расположено в 43 км от г. Супруты и в 25,8 км от с. Изволь-1. Городище сильно повреждено, большая часть площадки утрачена. Исследования 2005 года не выявили на его площадке материалов позже II–V вв. (Воронцов, 2005. С. 4-10). Однако Т.Н. Никольская упоминает, что в верхнем слое городища была обнаружена керамика «грубая, толстостенная (толщина стенок до 15 мм.)» (Никольская, 1959. С. 112-113). В кратком отчете о работах Тульского краеведческого музея 1935 и 1936 года также упоминается, что в обнажениях городища обнаружено «большое количество фрагментов грубой посуды с очень толстыми днищами» (Археологические исследования, 1941. С. 56). Приведенные описания груболепной керамики наиболее подходят для посуды роменского типа. Возможно, на площадке этого городища также существовало поселение IX-X вв., культурный слой которого не сохранился до наших дней.

В 29,5 км от селища у д. Изволь, выше по течению Упы, расположено городище с. Щепилово (Рис. 1, 23). Раскопками на памятнике изучен богатый слой поселения IX–X вв., расположенного на площадке городища мощинской культуры, а также получена коллекция арабских монет 2-й пол. IX – нач. X в. (Григорьев, 2005. С. 195).

Далее, вверх по течению, в 37,3 км от городища у д. Щепилово, располагалось утраченное ныне городище у д. Таптыково (Рис. 1, 21). Раскопок на памятнике не проводилось, разведочная коллекция практически утрачена. Однако по свидетельству С.А. Изюмовой, обследовавшей городище в 1951 году, помимо материалов мощинской культуры на его площадке встречалась керамика «толстостенная, с шамотом или дресвой в глине, с шероховатой поверхностью, без орнамента, а также с орнаментом, характерным для роменских городищ» (Изюмова, 1953. С. 70). Кроме того, часть разведочной коллекции С.А. Изюмовой с городища Таптыково была обнаружена автором данной статьи в фондах ГИМ, где, помимо керамики мощинской культуры, содержался фрагмент донца лепного толстостенного сосуда роменского типа (Фонды ГИМ, №83491). Очевидно, здесь мы также имеем дело с поселением IX-X вв. на площадке более древнего городища.

В 24,3 км выше городища у д. Таптыково расположено городище у д. Гора Услань (Рис. 1, 4), которому и посвящена настоящая статья. Между этими городищами, справа, в Упу впадает р. Шат, являющаяся важным участком торгового пути. Шат и Дон имели общий исток – Иван Озеро (затопленное ныне Шатским водохранилищем), которое, по сути, объединяет Окскую и Донскую речные системы (Рис. 1) (Григорьев, 2005. С. 5). На правом берегу Шата выявлено 5 поселений IX-X вв. (Шебанин, Колоколов, в печати. Рис. 2). На одном из них (Слободка-1 (Рис. 1, 19)) в ходе раскопок зафиксированы скопления житных ям большого объема, предназначенных для хранения товарного зерна, сооружений для возгонки смолы – необходимого материала для ремонта речных судов, а также обнаружены фрагменты тарных сосудов – амфор причерноморского происхождения (Шебанин, Колоколов, 2023. В печати).

Далее, вверх по течению Упы, расположена цепочка из четырех поселений с материалами IX-X вв., находящихся на правом берегу реки. Ближайшее к городищу Гора Услань – селище Сатинка-1 (Рис. 1, 17) находится в 23,2 км по руслу. В 2009 г. с поверхности памятника была собрана серия фрагментов груболепных сосудов роменского типа (Столяров, 2009. С. 11. Рис. 30-33). С селища Бутырки-1 (Рис. 1, 2), расположенного

в 10,4 км. выше по течению, в ходе разведок было получено 60 фрагментов «грубых лепных толстостенных сосудов с примесью шамота» (Григорьев, 2005. С. 176). Далее в 5,36 км. вверх по течению находится городище Свисталовка (Рис. 1, 18), в комплексе которого зафиксированы немногочисленные материалы роменского типа (Григорьев, 2005. С. 180).

Последним известным памятником на Упинском отрезке торгового пути является селище Уткино-1 (Рис. 1, 22). Оно находится в 6,5 км выше по течению от г. Свисталовка, и в 45,5 км от городища Гора Услань. Дальнейшее направление пути не вполне ясно, т.к. верховье Упы в археологическом отношении изучено слабо. Памятников IX-X вв. выше селища Уткино-1 пока не выявлено. Вероятно, путь продолжался выше по течению реки до ее истока, где по волокам осуществлялся переход в верховья рек Красивая Меча или Непрядва (Рис. 1), являющимся правыми притоками Дона. Не исключено, что дальнейший маршрут мог проходить по р. Уперте, т.к. в 5,5 км выше по этой реке расположено селище Чифировка-1 с материалами IX-X вв. (Григорьев, 2005. С. 191). Селище Уткино-1 также замыкает один из участков спрямления Упинского отрезка пути, проходящий по р. Солова (Григорьев, 2005. С. 150-151). Река Солова впадает в Упу неподалеку от Супрутского городища (6,2 км выше по течению), и берет свой исток в непосредственной близости от слияния рек Упы и Уперты, где и расположено селище Уткино-1. Расстояние по современному руслу Соловы от устья до с. Уткино-1 составляет 60 км, при этом участок «сухого волока» занимает не более 10 км пути. При этом расстояние между этими пунктами по руслу Упы составляет около 200 км. Таким образом, Соловский участок позволяет сократить путь между городищем Супруты и селищем Уткино-1 в 3,3 раза. Поселений с материалами IX-X вв. непосредственно на берегах Соловы пока не выявлено. Однако существование на реке Солова отрезка торгового пути косвенно подтверждает находка монетного клада у с. Лапотково (Рис. 1, 8) (Григорьев, 2005. С. 110. Рис. 46, 7), а также клада весовых гирек в районе поселка Головеньки (Рис. 1, 3) (Колоколов, 2022. С. 211, Рис. 12, 4-7). Таким образом, селище Уткино-1 является одним из узловых пунктом упинского отрезка торгового пути. Раскопками 1989 года в его комплексах выявлено значительное количество гончарной керамики салтовского типа (Григорьев, 2005. С. 127, 189-190), известны и предметы вооружения степного круга древностей (Смирнова, 1989. Рис. 78, 23; 79, 35).

Кроме поселенческих памятников, функционирование торгового пути по р. Упе маркируется находками многочисленных кладов серебра, в большинстве которых содержатся арабские монеты VIII-IX вв. Так, клады обнаружены у деревень Мишнево (Рис. 1, 10) и Протасово (Рис. 1, 16), на городище Супруты (Рис. 1, 20) (Григорьев, 2010. С. 449–454; 2012. С. 73–79), у д. Ленино (Рис. 1, 9) [ГМЗ-КП-1542], сведения о нахождении кладов у с. Павловское (Рис. 1, 12) и д. Бабошино (Рис. 1, 1) получены от местных краеведов.

Таким образом, материалы, полученные в результате исследований последних лет, подтверждают и существенно дополняют версию А.В. Григорьева о функционировании участка торгового пути на р. Упе. Он маркируется 11 поселенческими памятниками и 6 кладами. При этом на двух поселениях обнаружены предметы торгового инвентаря (Супруты, Изволь), на трех имеются находки арабских серебряных монет, в комплексе трех памятников содержатся фрагменты гончарной салтовской керамики. Обследованное поселение на площадке городища у д. Гора Услань органично вписывается в систему Упинского отрезка Верхнеокского участка торгового пути.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта России: Тульская область. Часть 1 / отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: ИА РАН, 1999.

Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения / под. ред. В. В. Гольмстен. М.- Л., 1941.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж: Воронежский университет, 1995.

Володин Е.О. Отчет о научных археологических исследованиях, проведенных на селище Щучье-1 в Веневском районе Тульской области в 2015 г. //Архив ИА РАН. 2015. Р-1 №49109

Володин Е.О. Отчет о научных археологических исследованиях, проведенных на селище Щучье-1 в Веневском районе Тульской области в 2016 г. //Архив ИА РАН. 2016. Р-1 №53092

Воронцов А.М. Отчет об археологических исследованиях в Дубенском и Одоевском районах Тульской области в 2005 году. // Архив ИА РАН. 2005. Р-1. № 33356

Воронцов А.М. Отчет о раскопках на городище Супруты и разведках на поселении Слободка у с. Супруты Щекинского района Тульской области в 2007 году. Том 1. // Архив ИА РАН. 2007. Р-1. № 42640.

Воронцов А.М. Культурно-хронологические горизонты памятников II-V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2013.

Воронцов А.М., Дедук А.В., Заидов О.Н., Колоколов А.М., Столяров Е.В., Шеков А.В. Локализация летописного Девягореска по письменным и археологическим источникам // Город Средневековья и раннего Нового времени VI: Археология, История. Тула, 2018.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К°, 2000.

Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2005.

Григорьев А.В. Верхнеокский участок донского торгового пути в IX – начале X вв. // Археология Юго-востока Руси. Материалы IV научной конференции/ Отв. Ред. Пряхин А.Д. Елец. ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006.

Григорьев А.В. Денежно-вещевые клады IX – начала X в. бассейна Средней Оки // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. СПб., 2010.

Григорьев А.В. Клады рубежа IX – X вв. бассейна Средней Оки // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIV. М., 2012.

Григорьев А.В. Торговый путь по реке Дон в IX в. // XXIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза: Материалы конференции / отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2011.

Гоняный М.И. Предварительные результаты археологических исследований на селище IX — начала X века Устье 2 в верховьях Дона // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху средневековья / Отв. ред. А.З. Винников. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2020.

Екимов Ю.Г., Колоколов А.М. Материалы VIII-X вв. поселения Каменка-1 в меридиональном течении Верхней Оки // Куликово поле: история и археология. В печати.

Зацаринный С.В. Славянское селище в устье р. Холкельцы на северной окраине г. Тулы // Куликово поле: история и археология. Тула, 2023. В печати.

Изюмова С.А. Археологические разведки в 1951 г. в Тульской области. // КСИИМК. Вып. 52. 1953.

Казанский М.М. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв.// Stratum plus. №5. 2015.

Колоколов А.М. Типология славянских городищ IX–первой половины XI вв. на территории Окско-донского водораздела // АН. №1(4). Воронеж, «Научная книга». 2021.

Колоколов А.М. Эпоха формирования Древнерусского государства // Археология Окско-Донского водораздела. Книга 1. С древнейших времен до Средневековья / Под ред. А. М. Воронцова. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2022.

Колоколов А.М. Хронология памятников X века на территории Окско – Донского водораздела // Историко-географический журнал. 2023а. Т.2. №1.

Колоколов А.М. Находки предметов вооружения североевропейского облика с памятников IX-X вв. Окско-Донского водораздела // Сборник статей по итогам работы Международной научной конференции «Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья». Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». 2023б.

Колоколов А.М. Поминальный комплекс 2-й половины VII – VIII вв. у д. Гора Услань // Поволжская археология. 2023в. №2 (44).

Колоколов А.М., Простяков И.С. Материальная культура горизонта X в. на городище у д. Спицино // Поволжская археология. 2021а. №4(38).

Колоколов А.М., Простяков И.С. Раскопки на городище у д. Спицино // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020. – Липецк, Воронеж: Полиграфическое издание «Новый взгляд», 2021б.

Колоколов А.М., Простяков И.С., Столяров Е.В. Городище X-XII вв. у бывшей деревни Кетри// Славянские древности VIII – XI веков на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы: к 60-летию А.В. Григорьева. Тула, 2021.

Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города / ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1981.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. МИА. № 74. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. // САИ. Вып. Е 1–36. М.: Наука, 1966.

Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы // АСГЭ. 1980. Вып. 21.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: «Вища школа», 1985.

Никольская Т.Н. Культура племён бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. / МИА. Том 72. М.-Л.: АН СССР, 1959.

Простяков И.С. Отчет об археологических раскопках на городище у с. Петровское в Одоевском районе Тульской области в 2015 году // Архив ИА РАН. 2015. Р-1. № 57410.

Простяков И.С. Отчет об археологических раскопках на городище у д. Спицино, расположенном на территории Ясногорского района Тульской области в 2020 г. // Архив ИА РАН. 2020. Р-1. Б/н.

Прошкин О.Л. Лепная и раннекруговая керамика как культурно-хронологический индикатор археологических памятников IX-XI веков северо-западной части Верхнего Поочья // АП. Вып. 9. / отв. ред. А. В. Энговатова. М., 2013. ИА РАН.

Смиленко А.Т., Юренко С.П. Керамика // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка. 1990.

Смирнова М.Е. Отчет о работе Тульского отряда ДЭ ИААН СССР на селище Уткино Киреевского р-на Тульской обл. в 1989 г. //Архив ИА РАН. 1989. Р-1. № 13613.

Столяров Е.В. Отчет о разведочных археологических работах на территории МО г. Тула Тульской области в 2020 г. // Архив ИА РАН. 2020. Р-1. б/н.

Теплов В.Н. Городище «Дуна» близ г. Лихвина Калужской губ. // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Калуга: Типография Губернского Правления. 1899.

Тропин Н.А. Славянские жилища IX – начала XI в. на Верхнем Дону: общие подходы к типологии и датировка // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху средневековья / Отв. ред. А. З. Винников. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2020.

Шебанин Г.А., Колоколов А.М. Материалы IX–X вв. селища Слободка-1 на р. Шат // Куликово поле: история и археология. Тула, 2023. В печати.

Шпилев А.Г. Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII – конец X вв.) // Stratum plus. 2010. №5.

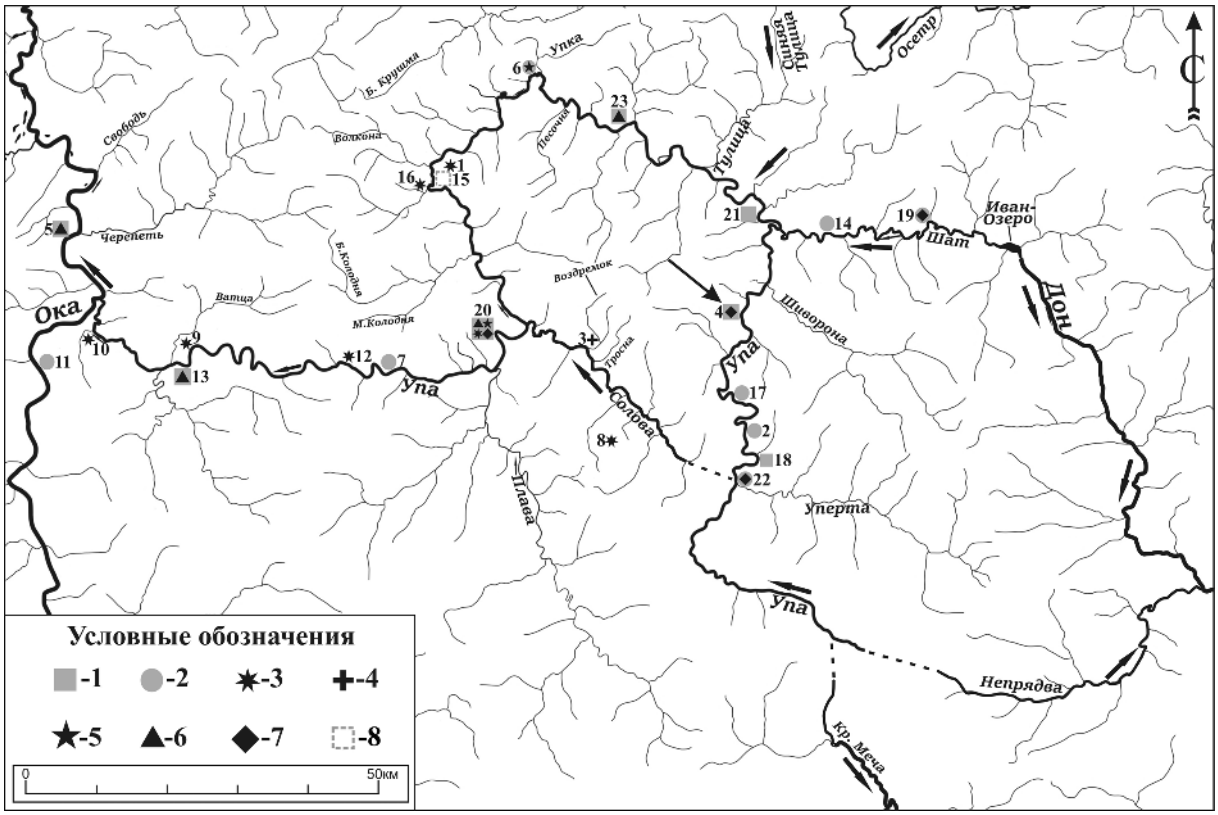


Рис.1

Памятники IX – X в. на берегах Упы и Шата.

1. Бабошино; 2. Бутырки; 3. Головеньки; 4. Гора Услань; 5. Дуна; 6. Изволь-1; 7. Прудки-1; 8. Лапотково; 9. Ленино; 10. Мишнево; 11. Мощены; 12. Павловское; 13. Петровское; 14. Победа; 15. Поречье; 16. Протасово; 17. Сатинка-1; 18. Свисталовка; 19. Слободка-1; 20. Супруты; 21. Таптыково; 22. Уткино; 23. Щепилово.

Условные обозначения: 1 – городища; 2 – селища; 3 – монетные и денежно-вещевые клады; 4 – клад инструментов для малых взвешиваний; 5 – находки приспособлений для малых взвешиваний на поселениях; 6 – находки арабских дирхемов на поселениях; 7 – находки гончарной салтовской керамики и (или) фрагментов амфорной тары; 8 – памятники, на которых предположительно существовало поселение IX-X вв., слой которого не сохранился до наших дней.

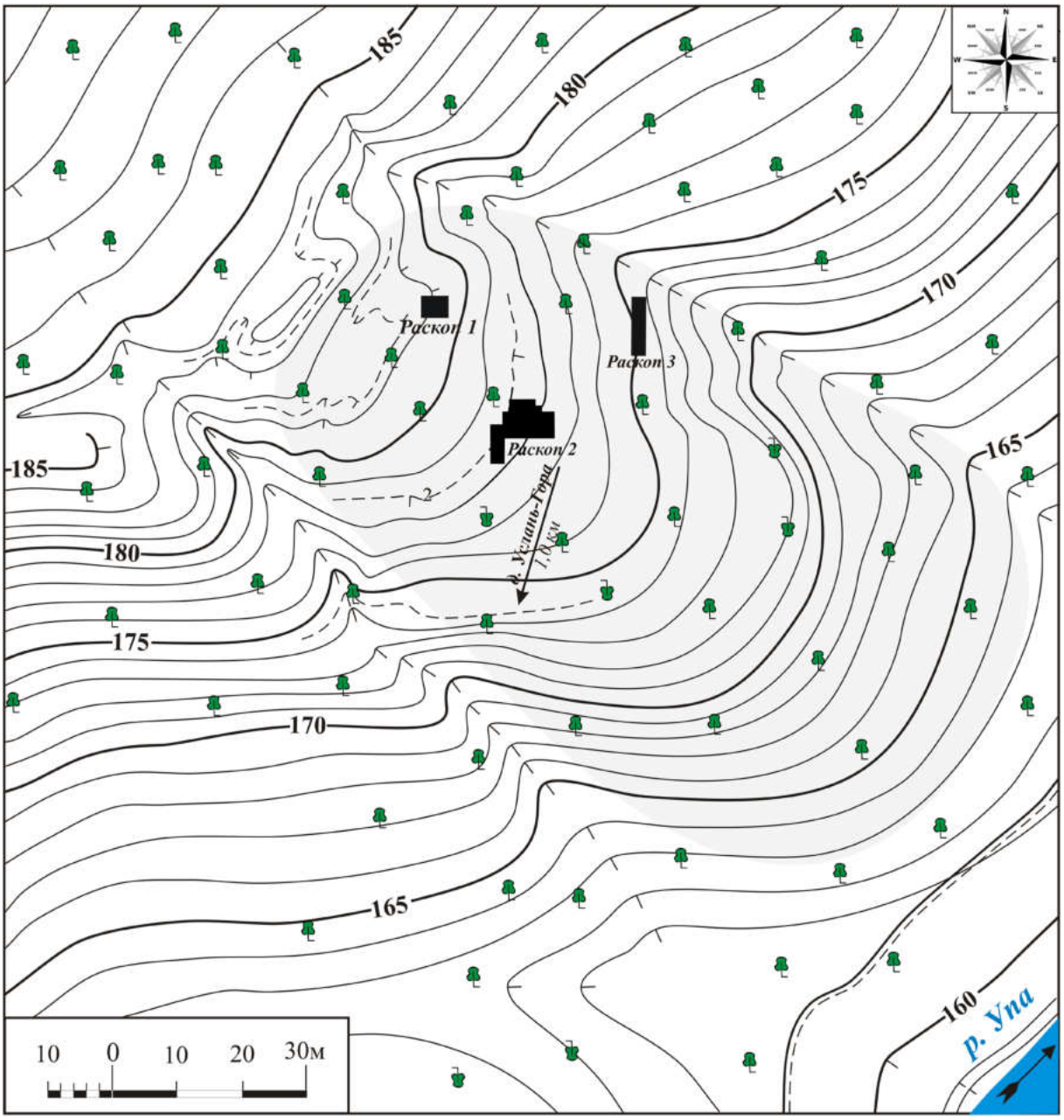


Рис.2
Городище у д. Гора Услань. Топографический план памятника.

Рис.3

Подъемный материал с площадки и склонов городища.

1 – нож; 2 – сюльгама; 3 – острога; 4 – наконечник стрелы; 5 – 8 – фрагменты груболепных сосудов роменского типа.

1-4 – железо; 5-8 – керамика.

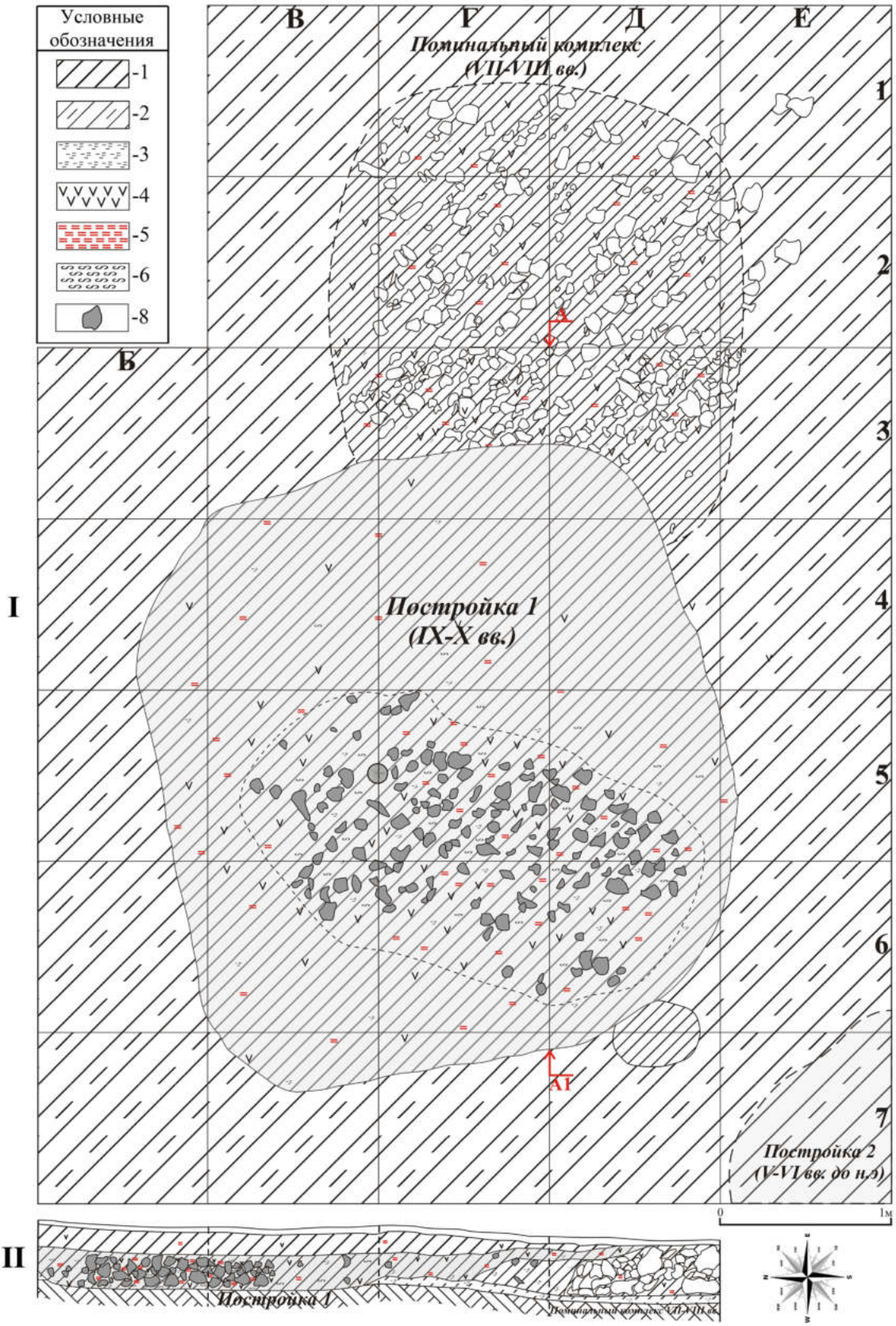


Рис.4

Раскоп 2 на уровне постройки 1(IX-X вв.).

1 – план; 2 – профиль А1-А.

Условные обозначения: 1 – ТСГС; 2 – серый диффузионный суглинок (предматерик) ; 3 – вкрапления материкового суглинка; 4 – вкрапления древесного угля; 5 – вкрапления обожженной глины (печины); 6 – вкрапления древесной золы; 8 – камень.

Рис.5

Находки из постройки 1(IX-X вв.).
1 – придонная часть гончарного сосуда; 2 – фрагмент биконического пряслица;
3 – фрагмент дротового браслета; 4-6 – сгустки металлургических шлаков.
1,2 – керамика; 3 – бронза; 4-6 – железо.

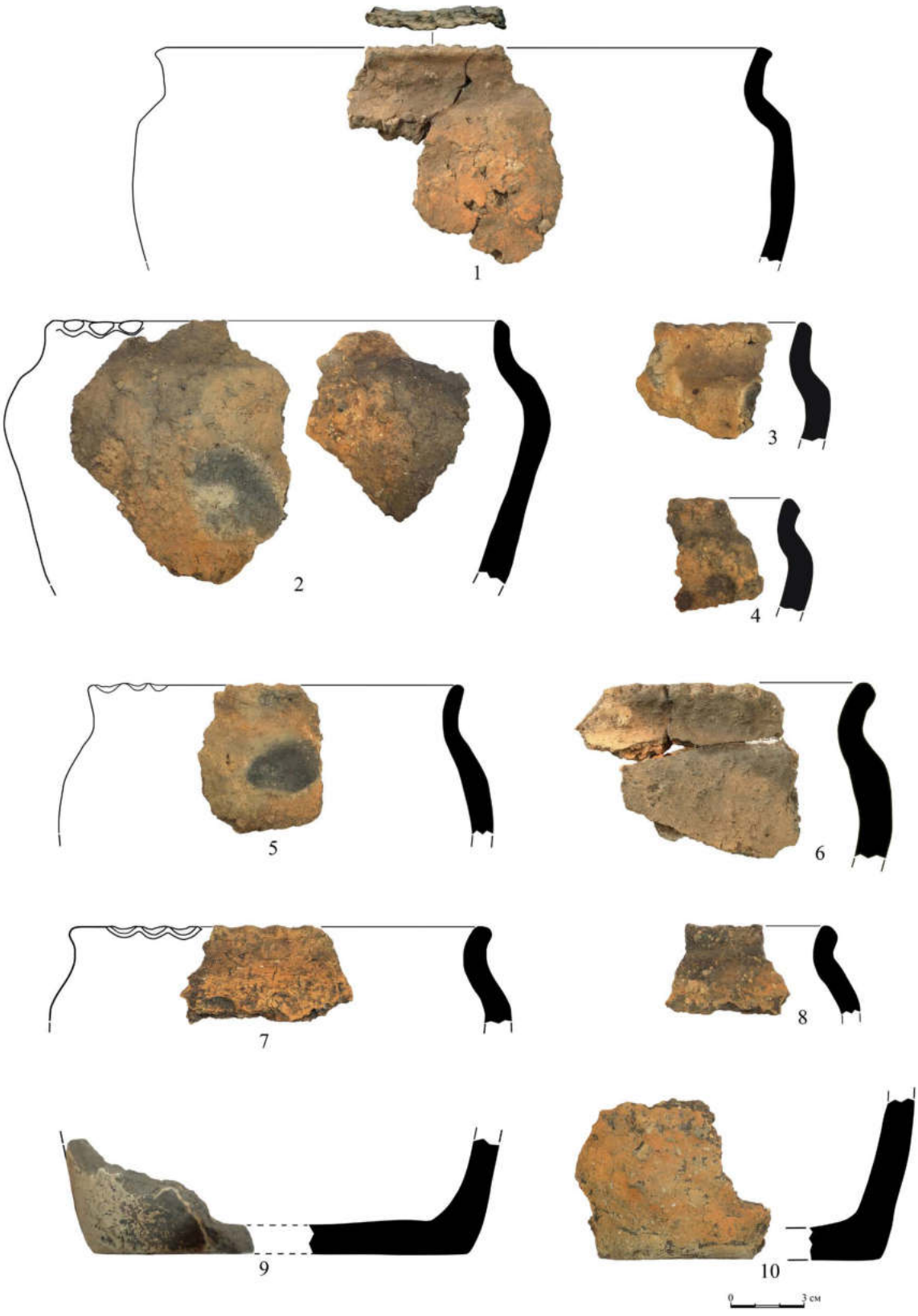


Рис.6
Лепная керамика роменского типа из заполнения постройки 1 (IX-X вв.).

Рис.7
Графически реконструируемая форма груболепного горшка из заполнения постройки 1 (IX-X вв.).

РЯЗАНСКОЕ ОСВОЕНИЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ КНЯЖЕСТВА В XII-XIII ВВ.

© 2023 г. С.И. Андреев

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов

Территория южной и юго-восточной границы Рязанского княжества долгое время оставалась зоной сложных этнических контактов. Исследования последних лет позволяют по-новому взглянуть на средневековую историю этого региона. Автор рассматривает динамику и направления продвижения рязанцев, выявляет ряд ключевых факторов, повлиявших на историю региона.

Ключевые слова: Древняя Русь, археология Руси, Рязанское княжество, цнинская мордва, пограничные территории, торговые пути.

RYAZAN DEVELOPMENT OF THE SOUTH-EAST BORDER OF THE PRINCIPALITY IN THE XII-XIII CENTURIES

© 2023 S.I. Andreev

The territory of the southern and south-eastern borders of the Ryazan principality for a long time remained a zone of complex ethnic contacts. Studies of recent years allow us to take a fresh look at the medieval history of this region. The author examines the dynamics and directions of promotion of Ryazan residents, identifies a number of key factors that influenced the history of the region.

Key words: Ancient Russia, archaeology of Russia, Ryazan principality, Tsnin Mordva, border territories, trade routes.

Начавшееся со второй половины XII в. активное освоение территории Верхнего Дона, бассейнов рр. Воронеж и Цна, стало результатом возрастания экономического и политического потенциала Рязани, стремящейся занять прочные позиции на востоке и юго-востоке Руси. Её интерес к Верхнему Дону и его левобережью был вызван несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Одно из них заключалось в активизации донской торговли и заинтересованности в контроле этой территории. Не исключено, что это могло быть одной из причин освоения Рязанью района Куликова поля в верховьях Дона.

Другое обстоятельство было вызвано конкуренцией с Чернигово-Северским княжеством, в условиях политической раздробленности, за земли в Верхнем Подонье. Возможно, доказательством этому служит факт активной политики южнорусских князей по феодализации северо-восточных районов Черниговщины: волостей «Вятичи» и «Лесной земли». В конце XI – первой половине XII в. в бассейне Верхней Оки и Курском Посеймье возникают многочисленные городки.

Важно отметить, что тогда же на Правобережье Верхнего Дона появляются опорные пункты данного княжества – городища Ключевка, Лавский археологический комплекс (по р. Быстрая Сосна), Лавровское, Зайчевка (по р. Красивая Меча).

Природная среда, прежде всего, залесённость территории, способствовала освоению её древнерусским населением и исключала (кроме водораздельных участков) из сферы традиционного скотоводства кочевников. По мнению Н.А. Тропина, именно различным хозяйственным укладом жизни земледельческого и кочевнического населения, отсутствием конфликтной основы для этносов можно объяснить отсутствие в этом регионе мощных оборонительных сооружений на городищах и редкую встречаемость в отличие от Южной Руси укрепленных поселений (Тропин, 2004. С. 90).

Располагаясь на юго-восточной окраине Руси, юго-восточные и южные территории Рязанского княжества находились в этно-культурных контактах с южными соседями – половцами, восточными – мордвой и иными полуосёдлыми группами населения Среднего

Подонья. Археологический материал весьма скупо отражает эти связи. Сведения письменных источников также немногочисленны.

Ранняя миграция древнерусского населения в рассматриваемый регион приходится на рубеж XI-XII вв. Памятники этого времени известны в бассейне среднего течения р. Воронеж. Они немногочисленны. По разведочным данным характерная керамика встречена у с. Богородицкое. Из раскопок она известна у пос. Казинка (р. Матыра), где составляет 0,6 % от всей посуды (Тропин, 2004. С. 129), некоторых памятниках Тамбовского течения р. Матыры, а также типичная для XII века керамика встречена в слое Романовских городищ и округи (Андреев, 2001. С. 243-248), Никольского городища в верховьях р. Цны (Андреев, 2013. С. 33), на поселении Екатериновка 3 (Андреев, 2017. С. 209-235). Ранние находки этого времени известны на поселении Каменное, откуда происходит стеклянный браслет византийского производства, датируемый Ю.Л. Щаповой XI – началом XII в. (Тропин, 2004. С. 189-190). Единичность находок этого времени предполагает, что приток древнерусского населения в данный регион был незначителен.

Наиболее массовый приток населения в рассматриваемый регион в период домонгольского нашествия происходит во второй половине XII – первой половине XIII в. К этому времени относятся 101 селище, 7 городищ, 8 грунтовых могильников и отдельных захоронений. Обращает внимание особенность заселения территории не сплошной площадью, а группами в виде концентраций памятников. Такие группы известны на Данково-Лебедянском участке р. Дон, в округе г. Задонска, в бассейне р. Воронеж, в верховьях рр. Матыра и Цна. Продвижение древнерусского населения на юго-восточную окраину происходило, судя по всему, с двух направлений: с запада, по реке Воронеж и его притокам – Лесному Воронежу, Польному Воронежу и реке Матыре (Донской бассейн); второе направление – с севера, по реке Цне (Окский бассейн). Этот процесс осуществлялся в русле освоения древнерусским населением донского бассейна, маркировки границ Рязанского княжества (Рис.1).

В качестве примера такого продвижения подходит поселения Орлова Лука 2, находящееся в среднем течении р. Польной Воронеж. Поселение Орлова Лука 2 открыто в 2013 г. в ходе разведки автора, в 2018 г. опубликованы результаты исследований (Андреев, 2018. С. 78-96). Установлено, что в конце XII в. на этом месте поселились выходцы из центральных районов Рязанской земли. Они построили несколько дворов, занимались разведением скота, обработкой земли, рыболовством и охотой. На рубеже XII – XIII вв. или чуть позже эти люди по какой-то причине переселились, забрав свои вещи и уничтожив постройки.

Нами выявлены остатки как минимум трёх усадеб, в центре которых находились наземные срубные дома с подпольными ямами и отопительными устройствами в виде глинобитных печей, а также типичная для центральных районов Рязанщины посуда, вятические украшения. Можно также предположить, опираясь на планиграфию ям, уличную планировку усадеб. Дома находились в два ряда параллельно руслу р. Ярославки, перпендикулярно руслу Польного Воронежа.

В результате, древнерусское население заняло бассейны рек Воронеж и его притоки – Лесной Воронеж, Польной Воронеж, реку Матыру (Донской бассейн); появляются, также, небольшие гнезда поселений по реке Цне (Окский бассейн) и её притокам р. Нару – Тамбов, р. Липовице, р. Кариан – область летописной Онузы.

Древнемордовское население тяготело к лесным ландшафтам, селясь по берегам рек, входящих в волжский речной бассейн. Все эти реки текут с юга на север. Лес с Волго-Окским водостоком, гигантской лентой, повторяющей изгибы р. Цны, протянувшийся по её правобережью на север – это Цнинский лесной массив. Начинается он близ п.г.т. Знаменка и уходит к границе с Пензенской и Рязанской областями (Дудник и др., 1986. С. 148).

Наиболее южным древнерусским городищем было Семилукское на р. Дон. Его

существенным отличием от городищ района Куликова поля является застройка площади жилыми сооружениями, образующими улицу. Полагаем, что данное обстоятельства определялось непосредственной близостью русско-половецкой границы. В литературе Семилукское городище рассматривается как сторожевая крепость и административный центр складывающейся сельской округи, который определяет восточное порубежье Черниговской и южные пределы Рязанской земли (Пряхин, Цыбин, 1996. С. 42-43). По р. Воронеж наиболее южным укрепленным поселением являлся древнерусский посёлок, использовавший славянские укрепления Животинного городища. Он выполнял функцию сторожевого поста на юго-западной границе Рязанского княжества (Винников, Кудрявцева, 1998. С. 82). Опорным пунктом в освоении р. Воронеж были два городища у с. Ленино (Романово). Сгусток селищ в их окрестностях указывает на административные функции городищ (Андреев, 2001. С. 244).

Полагаем, что наличие городищ в группах концентраций памятников были неотъемлемой частью в специфике заселения региона. Часть городищ могла быть мастными административными центрами (Семилукское, Романовские городища). Другие (Архангельское, Долговское, Стрешневское) были сторожевыми крепостями, выполняя задачи по охране торгового пути. Отметим, что Никольское городище совмещало обе эти функции (Рис.1).

Средневековые письменные источники сообщают о Доне как о давно сложившемся торговом пути. Например, в хронике Литовской и Жмойтской под 1322 г. указывается о донском торговом пути московских и рязанских купцов в Кафу, Перекоп, Константинополь и т.д. (ПСРЛ, 1975. Т. XXXII. С. 38). Не менее важен и сухопутный торговый путь из Булгара в Киев, проходивший по этим землям.

Известны предметы византийского и восточного импорта с рассматриваемой территории. Они встречены на Семилукском городище (амфоры, бусы), на поселениях Шиловском (бусы, стеклянный браслет), Замятино 10 (амфоры, бусы), Каменное (перстень, стеклянный браслет), Казинка и Хрущёвка из округи Романовских городищ (посуда булгарского круга памятников), Никольское городище (стеклянный браслет, амфоры, булгарская посуда), поселение Никольское I (амфоры, булгарская посуда), Екатериновка 3 (европейский импорт, амфоры, булгарская посуда).

Письменные источники прямо указывают на вхождение рассматриваемой территории в состав рязанского княжества. Самое ранее сообщение от 1177 г. содержится в Лаврентьевской летописи второй половины XIV в. Источник, отражающий традиции владимиро-суздальского летописания, впервые упоминает слово «Воронеж» (ПСРЛ, 1962. Т. 1. С. 385). Однако из текста не ясно, что подразумевается под словом «Воронеж»: территория, река или населенный пункт. Сведения о вхождении Воронежа в состав Рязанской земли подтверждаются и другими более поздними летописями. В Новгородской первой летописи младшего извода, созданной в середине XV в., под 1237 г. сообщается о появлении войск Батыя на окраине Рязанской земли и о рязанской делегации, которая «выехаша противу имь на Воронажь» (НІЛ, 1950. С. 74, 286). Археологический материал дает некоторые сведения, которые свидетельствуют о рязанском (среднеокском) влиянии на население бассейна реки Дон. Сравнение древнерусской керамики XII – первой половины XIII вв., происходящей из раскопок городов с западных территорий Рязанского княжества: Ростиславля Рязанского, Зарайска и селищ района Куликова Поля, обнаруживает удивительное сходство с поселением Замятино 10 на Дону в орнаментации (существенное преобладание линейного орнамента над волнистым), в типологии посуды. Рязанские (среднеокские) традиции прослеживаются также в таких элементах домостроительства, как печи-каменки, глиняная подмазка пола. Орнаментация изделий из кости – распространение контурной резьбы, прямых и перекрещивающихся линий – находит близкие аналогии в материалах Старой Рязани и Переславля Рязанского.

Вопросу о южных границах Рязанского княжества уделено немало внимания в

историографии. Наиболее критично к этому подошел А.Н. Насонов, анализировавший тенденциозные сведения Никоновской летописи о политической истории Рязани XII в. Он отмечает, что достоверно рязанскими можно считать места, находившиеся в верховьях р. Воронеж (Насонов, 1969. С. 203).

Вскоре с учётом первых древнерусских памятников, выявленных на Верхнем Дону, в исследовании А.Л. Монгайта юго-западная граница Рязанской земли была прочерчена по р. Дон до устья р. Быстрой Сосны, а южная – от устья Быстрой Сосны к устью р. Матыра, соответственно охватывая верховья р. Воронеж (Монгайт, 1961. С. 144-145). Точка зрения А.Л. Монгайта оказалась полностью созвучной с высказыванием В.А. Кучкина, который относит к Рязанской земле территории верхнего и среднего течения р. Воронеж (Кучкин, 1970. С. 101, 111). Мнения ученых нашли подтверждение у А.К. Зайцева при изучении вопроса о восточных границах Черниговского княжества. Пограничье Черниговской и Рязанской земель им было определено от верховьев реки Дон к устью Быстрой Сосны (Зайцев, 1975. С. 103).

Как считает Н.А. Тропин, до середины XII в. реально в состав Рязанского княжества могли входить земли в верхнем и среднем течении р. Воронеж. Граница их по р. Воронеж проходила в районе Романовских городищ. Юго-западная граница не выходила к Дону, где неизвестны памятники XI – первой половины XII в. Очевидно, она проходила по притокам Оки рр. Пронь, Ранова. Предложенную А.Л. Монгайтом южную границу княжества по линии от устья Быстрой Сосны к среднему течению р. Воронеж целесообразно воспринимать как участок границы русских земель в Подонье до середины XII в.

Несколько выделяется открытое в 2015 г. поселение 3 у с. Екатериновка, расположенное в Пичаевском районе Тамбовской области, к востоку от Цнинского лесного массива (Рис.1). В 2015, 2017 гг. археологической экспедицией Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина были проведены раскопки поселения 3 у с. Екатериновка (Андреев, 2017. С. 209-235). По сравнению с другими памятниками этого времени поселение имеет значительно большие размеры, примерно 40 гектаров. Кроме того, отметим высокий статус самого посёлка: сбор подъёмного материала позволил выявить уличную планировку, места скопления шлаков цветных и чёрных металлов, т.е. места их плавки, многочисленные монетные находки, нательные и наперстные крест, предметы европейского, византийского и азиатского импорта. Нашими раскопками изучен двор военных, двор гончара. Однако имеющиеся письменные источники не дают конкретной информации об этом месте. На основании имеющихся археологических источников можно предположить, что поселение возникло примерно в начале XII в. как караван-сарай сухопутного торгового пути из Киева в Булгар, позже оно становится, также, опорным пограничным пунктом Рязанского княжества на границе с Золотой Ордой, затем с улусом Мохшы. До этого на этом месте ни русское, ни мордовское население не проживало. Возможно, здесь находились чиновники, ведавшие таможенным сбором. Отметим также факт совместного проживания русского и мордовского населения.

Поселение перестало существовать в начале XV в., когда оно было покинуто своими жителями, унёсшими с собой весь свой скарб. Часть построек была ими сожжена. Причину ухода можно связать с изменениями природно-климатических условий, вызвавших похолодание климата и подъём уровня вод, что сделало невозможным проживание на данном месте, а также начавшейся в Орде Великой замятней – периода внутренней борьбы, негативно сказавшейся на землях Рязанского княжества, непосредственно примыкавших к территории Золотой Орды.

Таким образом, граница Рязанского княжества во второй половине XII – первой половине XIII в. проходила по правому берегу р. Дон до устья р. Воронеж. Юго-западные пределы княжества включали бассейн р. Воронеж полностью. На юго-востоке они проходили в верхнем течении р. Цны (Андреев, 2013. С. 17). Восточной границей была

река Цна, где не было сплошной пограничной линии и чересполосно проживало русское и мордовское население с небольшим исключением – в районе поселения Екатериновка 3 граница включала и Цнинский лесной массив.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Андреев С.И. Романово Городище // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001.

Андреев С.И. Никольское городище. Издательский дом ТГУ им. Державина. Тамбов, 2013.

Андреев С.И. Поселения Екатериновка 3 (К вопросу о юго-восточном Рязанском пограничье) // Археология Подмосковья. М., 2017.

Андреев С.И. Древнерусское поселение Орлова Лука 2 // Археологическое наследие. № 1. Воронеж, 2018.

Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Древнерусское Животинное городище // Вопросы истории славян. Археология. Этнография. Вып. 12. Воронеж, 1998.

Дудник Н.И., Нестеров А.И. и др. Природа и ландшафты Притамбовья. Воронеж, 1986..

Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества. М., 1975.

Кучкин В.А. Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в после-монгольский период (до конца XIII в.) // Вопросы географии. Вып. 83. М., 1970.

Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.

Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969.

Новгородская I летопись младшего извода. М., 1950.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987- 1993 гг.) // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж, 1996.

ПСРЛ. М., 1975. Т. XXXII.

ПСРЛ. М., 1962. Т. 1.

Тропин Н.А. Сельские поселения XII – XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004.

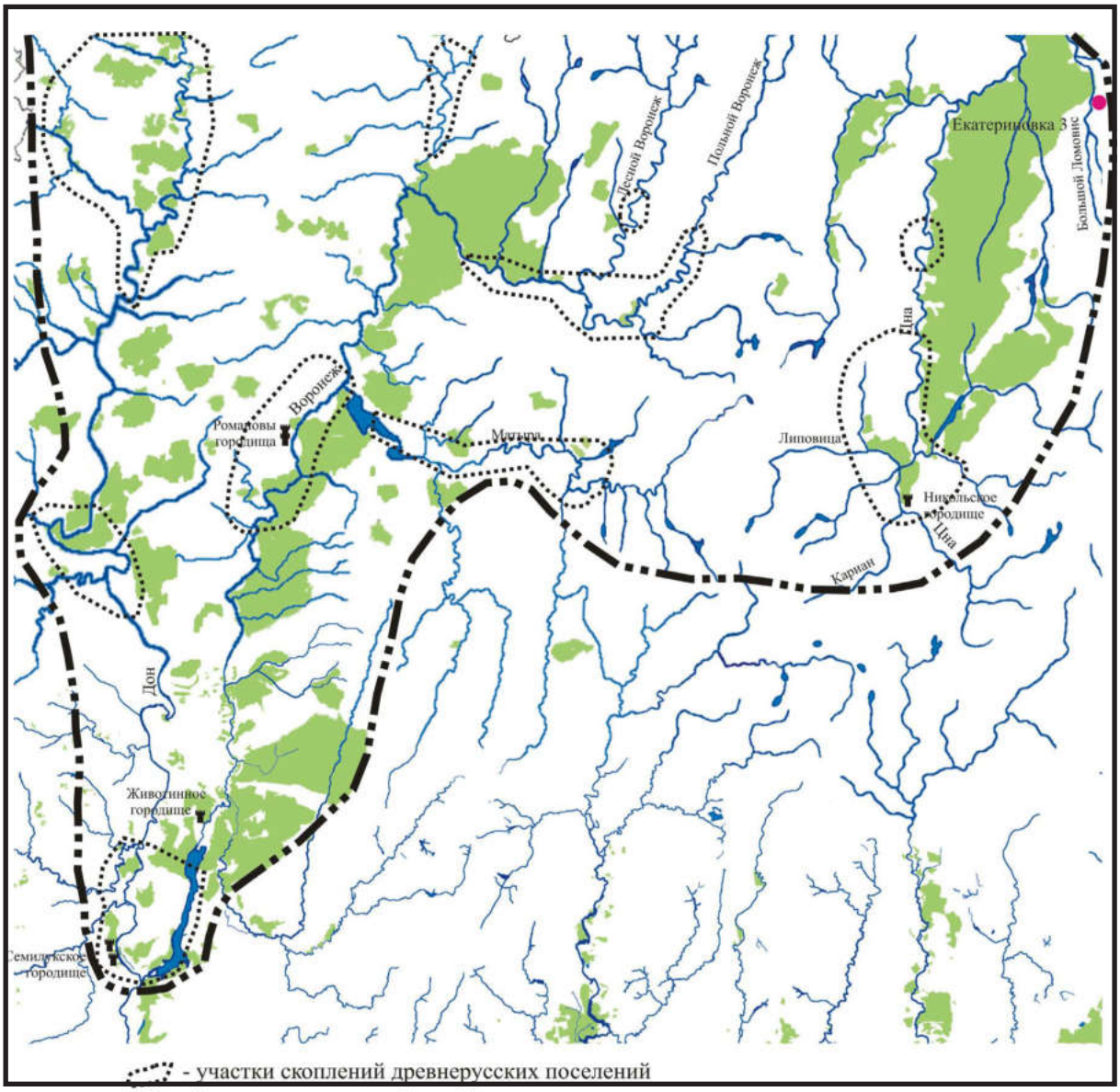


Рис.1

Южная и юго-восточная граница Рязанского княжества в XII – начале XIII в.

СОСТАВ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ШУКЛИНСКОГО КОМПЛЕКСА IX–XVIII ВВ.

© 2023 г. А.А. Балашов

Курский государственный университет,
НИИ археологии юго-востока Руси, Курск

Статья посвящена определению состава Шуклинского археологического комплекса, а также динамике его развития от раннего средневековья до Нового времени. Исследование такого рода стало возможным благодаря разведочным работам 2022 г. Установлено, что комплекс включает в себя городище, 3 селища, 2 курганных группы. Используя метод сбора подъемного материала с фиксацией по GPS, удалось проследить специфику освоения округи Шуклинского городища на протяжении IX–XVIII вв.

Ключевые слова: Шуклинский комплекс, городище, селище, могильник, роменская культура, древнерусская культура, динамика развития.

COMPOSITION AND DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF THE SHUKLINKA ARCHAEOLOGICAL COMPLEX OF THE IX–XVIII CENTURIES

© 2023 A.A. Balashov

The article is devoted to determining the composition of the Shuklinsky archaeological complex, as well as the dynamics of its development from the early Middle Ages to Modern times. This kind of research became possible thanks to the exploration work of 2022. It is established that the complex includes a hill-fort, 3 settlements, 2 burial ground. Using the method of collecting lifting material with GPS fixation, it was possible to trace the specifics of the development of the Shuklinsky hill-fort during the IX–XVIII centuries.

Keywords: Shuklinka archaeological complex, hill-fort, settlement, burial ground, Romensky archaeological culture, ancient Russian culture, dynamics of development.

История археологического изучения округи д. Шуклинка составляет более ста лет. Первые сведения о составе и культурно-хронологической принадлежности городища у д. Шуклинка и его округи содержатся в заметках курского краеведа, археолога, научного сотрудника Курского губернского музея Л.Н. Соловьева, который в ходе «небольших экскурсий» обследовал эту территорию в 1919–1921 гг., составил первый глазомерный топографический план, а также осуществил сбор подъемного материала (Соловьев, 1927. С. 27–29). В этой публикации были описаны городище, примыкающее к нему селище и два курганных могильника. Л.Н. Соловьев датировал городище ранним железным веком, выделив керамику, близкую посуде южных скифских зольников, а также славянского времени, связав при этом обломки лепных роменских сосудов с финнами. Кроме того, исследователь отмечал, что древнерусская керамика отсутствует на самом городище, но «весьма часто встречается в окрестностях». При описании групп курганного могильника Л.Н. Соловьев отмечал, что все насыпи несли на себе следы грабительских раскопок (Соловьев, 1927. С. 28, 29). Всего исследователь насчитал 10 курганов «высокой полушарной формы около 10 м в диаметре» в первой группе и «3–4 кургана с низкими расплывчатыми насыпями» во 2-й, расположенной ниже по течению р. Тускари, среди дубового леса (Рис. 1).

В 1925 г. экспедицией Курского губмузея под руководством Л.Н. Соловьева и В.М. Василькова были проведены первые стационарные исследования: раскопан один из курганов (без описания его конкретного местоположения и принадлежности к группе) и произведен разрез вала. Результаты исследования «указали на трупосожжение с урной», раскопки же вала ничего не дали (ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 24. Л. 21). Кроме того, сотрудником губмузея Г.И. Булгаковым был собран подъемный материал на городище:

«несколько обломков черепков, железный нож и зуб-резец млекопитающего животного, употреблявшийся вместо шила» (ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 24. Л. 21). В 1928 г. экспедицией Курского губмузея под руководством Л.Н. Соловьева были проведены раскопки «кургана у д. Поповка» (Рис. 2). Ввиду отсутствия каких-либо объектов археологического наследия в округе самой д. Поповка, по всей видимости, речь шла именно о раскопках насыпи одной из курганных групп Шуклинского могильника, расстояние от которого до Поповки составляло чуть менее 1,3 км. В результате работ в музей поступили «три горшочка культуры северян IX–X веков» (ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 52. Л. 412.). В 1936 г. окрестности Шуклинского городища осматривались краеведом М.П. Парманиным, который отметил, что «на высоком берегу над р. Тускарь... в глубине леса видны 7-8 курганов – места поселения финнов, бывших здесь более 1000 лет назад» (Курская Правда. 1936. № 104 (10 мая). С. 4). Обследовать вторую группу насыпей ему не удалось, поскольку она в то время находилась на территории опытного хозяйства НКВД.

Дальнейшее исследование Шуклинского археологического комплекса продолжилось уже в послевоенное время. В 1947 г. городище обследовал И.И. Ляпушкин. Им был заложен шурф «недалеко от вала» (Рис. 1), материалы которого подтвердили наличие «поздне-зольничного» и роменского слоев (Ляпушкин, 1947. Л. 15, 16). В 1948 г. О.Н. Мельниковская провела на городище разведочные работы четырьмя шурфами, в одном из которых были обнаружены остатки роменской полуземлянки и саманидский дирхем 1-й половины X в. (Мельниковская, 1948. Л. 1, 2). В 1952–1953 гг. экспедиция под руководством Т.Н. Никольской исследовала городище раскопами 1 (212 кв. м) и 2 (416 кв. м). Раскопом 3 шириной 2 м и длиной 34,5 м был прорезан вал. Кроме того, Т.Н. Никольской был заложен раскоп на селище, размером 10х10 м (Никольская, 1958. С. 66–79).

Помимо работ на селище и городище, в 1952 г. сотрудником Курского областного краеведческого музея Ю.А. Липкингом была изучена одна из насыпей первой группы[1]. По его наблюдениям, могильник насчитывал 8 курганов, наибольший из которых достигал высоты 3,5 м. Он же отмечал и наличие «на территории пионерского лагеря МГБ» еще одного скопления курганов, что соответствует 2-й курганной группе по Л.Н. Соловьеву. Согласно сведениям Ю.А. Липкинга, все курганы носили следы грабительских раскопок, а исследуемая насыпь имела 3 грабительские ямы, практически уничтожившие южную половину кургана. В результате раскопок было выявлено 4 погребения по обряду кремации на стороне, три из которых были урновыми. Погребения располагались на уровне горизонта в пределах, ограниченных кольцевой канавкой, на дне которой прослежены обугленные столбики оградки. В насыпи (однородной по составу, из «чернозема с включениями мергеля») встречались угли и отдельные фрагменты роменской керамики (Никольская, 1952. Л. 13–15).

В 1998 г. исследования курганного могильника у д. Шуклинка проводил сотрудник Курского государственного областного музея археологии А.В. Зорин. Он «посадил» на современную топографическую основу курганы и составил их описание (Зорин, 1998. Л. 2–3). Всего им было зафиксировано восемь насыпей, пять из них (№№ 1–5) были определены как известные еще Т.Н. Никольской, еще три (№№ 6–8) – как вновь открытые. Одна насыпь была исследована (№ 1). На глубине 1,6 м в юго-восточном секторе было обнаружено погребение в виде скопления кальцинированных костей и четырех сосудов (двух лепных и двух раннекруговых) с остатками кремации и жертвенной пищи. А.В. Зорин датировал погребение концом X в. В насыпи кургана были обнаружены обмазка, железный шлак, обломки точильных камней, а также серебряный перстень с подражанием рунической надписи (в юго-восточном секторе) (Зорин, 2005. С. 81–89).

В 2009 г. в д. Шуклинка местный житель на участке селища брал грунт для подсыпки могилы на расположенном рядом кладбище. Практически сразу же под дерном

1 На плане (Рис. 1) это место обозначено, однако специальный номер кургану не присваивался.

им был найден клад арабских дирхемов и обломки раннекругового горшочка. В результате проведения стационарных исследований на месте находки и работе с местными жителями удалось определить, что изначально клад насчитывал примерно 500 монет, из которых до нас дошли 472. Подавляющее большинство из них представляло собой круглые, диаметром 13–15 мм, вырезки, которые дополнялись тремя сегментовидными обрезками (Енуков, Енукова, Лебедев, 2017. С. 16).

В 2010–2011 гг. Посемьской экспедицией НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета под руководством В.В. и О.Н. Енуковых были проведены раскопки на Шуклинском селище (Енукова, Енуков, 2015. С. 176). На месте находки клада с целью его доследования и определения условий его сокрытия был заложен раскоп 2 площадью 200 кв. м. В результате работ было выявлено более 60 объектов (все – роменского времени), включая хозяйственные и столбовые ямы. В 2011 г. в восточной части селища был заложен раскоп 3 площадью 100 кв. м. В 2020 г. работы на ОАН «Шуклинка, селище» были возобновлены. Силами Посемьской археологической экспедиции за три последующих года раскопами 4–6 здесь было исследовано 242 кв. м (Рис. 1).

Помимо работ на селище в 2011 г. исследовался могильник. Расположение и количество насыпей было уточнено. Пять относительно компактно расположенных курганов соответствовали насыпям, описанным А.В. Зориным. На месте скопления из трех курганов, обозначенных А.В. Зориным как №№ 6–8, ничего обнаружено не было. В то же время был обследован курган (№ 9), насыпь которого, несмотря на повреждение грабительскими ямами, является наибольшей среди первой курганной группы. Изначально его размеры, судя по всему, были весьма крупными: диаметр достигал 30 м при высоте «останцов» до 4 м. О.Н. Енуковой были проведены стационарные исследования кургана № 3. В результате работ были вскрыты остатки ритуального ровика, сохранившаяся часть которого практически полностью опоясывала центральную область кургана. К сожалению, в результате исследования кургана ни погребальной урны, ни кальцинированных костных остатков встречено не было. Этот факт объясняется тем, что на предполагаемом месте сокрытия урны находились остатки бетонной наблюдательной вышки, в ходе возведения которой и было уничтожено погребение. В насыпи кургана были встречены отдельные фрагменты роменской лепной керамики.

Таким образом, за почти 100 лет исследований Шуклинского комплекса всего было изучено 697 кв. м на городище, 642 кв. м на селище, 4 кургана (по всей видимости, группы 1), в трех из которых найдены остатки трупосожжений, помещенных в лепные и/или раннекруговые горшки. В результате работ на городище были обнаружены напластования раннего железного века, сарматского времени, однако основная часть слоя связана с древностями роменской культуры. Работы на селище показывают, что начало освоения этой территории приходится на эпоху средней бронзы (сосницкая культура, XIX–XI вв. до н.э.), однако керамика этого периода присутствует в единичных фрагментах. Следующий этап в освоении памятника связан с сейминским локальным вариантом скифоидной лесостепной культуры V–IV вв. до н.э., когда селище и городище существовали, по всей видимости, синхронно. В I–II вв. н.э. здесь проживало лесостепное население сарматского времени[2]. Однако основное время функционирования селища и преобладающая часть объектов связаны с поселком IX–X вв. Судя по находкам древнерусского импорта (помимо горшков с манжетовидным венчиком это грушевидные крестопрорезные бубенчики, шиферные пряслица), оно существовало крайне недолго: с сер. X по сер. 980-х – сер. 990-х гг. (Енуков, Енукова, Лебедев, 2017. С. 27). В литературе утвердилось мнение, что селище содержит напластования древнерусского времени (АКР, 1998. С. 124). Однако это не более чем историографический фантом, сложившийся на

2 Подробнее об этом см. статью Р.С. Веретюшкина, С.Н. Головина, Д.О. Кабанова «Материалы сарматского времени Шуклинского археологического комплекса» в этом сборнике.

основании раскопок Т.Н. Никольской. Как показал анализ коллекций, находящихся на хранении в Курском государственном областном музее археологии и Курском областном краеведческом музее, древнерусские материалы представлены единственной находкой фрагмента стеклянного браслета, которая в общем контексте выглядит явно случайной.

Итак, Шуклинский комплекс занимает высокую, до 50 м, террасу правого берега р. Тускарь. Центральным элементом комплекса является городище, площадь которого составляет 0,6 га. Его овальная площадка, размерами 100х60 м, имеет заметный наклон с ССЗ на ЮЮВ. Городище занимает мыс подпрямоугольной формы, практически полностью занято лесным массивом урочища Шуклинский Лог. Северо-восточная часть его пострадала от грунтовой дороги, с напольной ССЗ стороны сохранились укрепления в виде рва и вала высотой до 5–6 м (Рис. 1).

Сразу же за фортификациями городища располагается селище. Согласно Приказу Комитета по культуре Курской области № 168 от 22.06.2010 оно включено в список выявленных объектов культурного наследия без номера, однако принимая во внимание открытие новых памятников, для удобства восприятия ему был присвоен номер 1. Селище занимает площадку правого берега р. Тускарь. С юга, востока и севера его границы определяются естественными условиями (правый берег р. Тускарь, склоны оврагов), северо-западная предположительно доходит до здания Храма Александра Невского (Рис. 1). Общая его площадь достигает 4,9 га. Южная часть памятника занята лиственным лесом, в юго-западной его части располагается кладбище, которое официально закрыто, однако единичные захоронения совершаются до сих пор.

К юго-западу от городища расположено селище 2, открытое и обследованное А.В. Зориным в 1998 г. Исследователем в распашке на площади 80х50–60 м найдены железные фрагменты косы и котла, глиняные грузила скифского времени, древнерусский топор, сердоликовая бусина, а также керамика раннего железного века, роменской культуры и древнерусская (Зорин, 1998. Л. 21). Данные А.В. Зорина были значительно уточнены в 2022 г. Как показали проведенные автором разведочные работы, включавшие сбор подъемного материала и закладку шурфов, площадь селища 2 составляет 5 га, толщина культурного слоя достигает 1 м. К юго-востоку от селища 2, на территории бывшего пионерского лагеря А. Матросова, открыт новый памятник – селище 3 площадью 0,54 га. Сумма результатов разведочных работ показывает, что на обоих памятниках присутствуют слои XIII–XIV вв. и Нового времени. Кроме того, на селище 2 выявлены материалы роменской культуры.

Повторимся, что еще Л.Н. Соловьевым отмечалось наличие двух курганных групп, однако начиная с конца 30-х гг. XX в. вторая курганная группа по ряду причин выпала из сферы внимания исследователей. Кроме того, работами 1998 и 2010–2011 гг. была внесена путаница в нумерацию насыпей первой курганной группы. В частности, согласно полевой документации, в могильнике присутствовали два кургана № 6.

При анализе материалов любого памятника археологии особый интерес представляет возможность проследить динамику его развития. Попытка хотя бы частично решить эту задачу была предпринята разведочными работами под руководством автора в 2022 г. Реконструкция процессов освоения Шуклинского комплекса в эпоху средневековья и Нового времени строилась с опорой на методику, показавшую свою эффективность при анализе поселенческой структуры Ратского комплекса (Горбунов, Енуков, 2021. С. 247–295). Цель работы – проанализировать динамику освоения правобережной террасы р. Тускарь в районе современной д. Шуклинка на протяжении IX–XVIII вв., а также ввести в научный оборот материалы селищ 2 и 3.

Период 1 (роменский). Этот период жизни Шуклинского археологического комплекса связан с носителями роменской культуры – археологическим эквивалентом северян древнерусских летописей. Начало формирования культуры относится к началу IX в., возможно, не ранее 2-й четверти этого столетия (Комар, 2012. С. 148–151), финал

в междуречье Сейма и Псла – к концу X в. (Енуков, Раздорский, 2015. С. 52–59). Значительно скорректировать хронологию финала роменского этапа существования Шуклинки позволяет клад, обнаруженный в 2009 г. Его весовая мода находит полное соответствие в норме посемьских кладов середины 970-х гг. (Енуков, Енукова, Лебедев, 2017. С. 21). Принимая во внимание поправку В.В. Енукова, время выпадения клада в землю стремится к середине 980-х – середине 990-х гг.

Шуклинский археологический комплекс в роменское время выглядел следующим образом (Рис. 3). Центром агломерации являлось городище, к которому с северо-северо-запада и юго-юго-запада примыкали селища 1 и 2, вытянутые вдоль правобережной террасы р. Тускарь узкой (до 300 м) полосой. С запада, юго-запада, и юго-востока селище 2 ограничивалось насыпями первой курганной группы. Не исключено, что к роменскому времени относятся и насыпи второй группы, однако отсутствие каких-либо сведений о проводимых здесь работах и их результатах не позволяет утверждать это более обоснованно.

Общая площадь комплекса в догосударственный период составляла 11 га. Однако необходимо особо подчеркнуть, что в материалах селища 1 роменские сооружения представлены исключительно хозяйственными ямами разного назначения. По мнению В.В. Енукова, на Шуклинском селище либо вообще не селились, либо жилые дома были единичными и по этой причине не попали в пределы раскопов, которые находились на разных участках памятника (Рис. 1). Как было установлено стационарными исследованиями, примыкающие к городищам роменские селища представляли собой обширные хозяйственные зоны, которые могли быть даже своего рода укреплениями (Городище-1 Ратского археологического комплекса, Липино) (Енуков, 2020). Соседящие с городищами селища с жилищами, похоже, были редки. Примером тому может служить селище Горналь 1, на котором сразу же за фортификациями городища были обнаружены жилища, одно из которых (двухэтажное) принадлежало профессиональному воину (Енуков, Енукова, 2015. С. 62–81). Все открытые постройки Шуклинского археологического комплекса (всего 5) располагались на городище и были открыты Т.Н. Никольской (1958. С. 70–73). На сегодняшнем этапе исследований на селищах 1 и 2, многократно превосходящих по площади городище, пока уместнее всего видеть «освоенную» или «хозяйственную» зоны, нежели трактовать их как жилые «посады» Шуклинского городища в классическом понимании этого термина.

Находки этого периода представлены на селище 2 исключительно фрагментами лепной (Рис. 4: 1–16) и раннекруговой посуды (Рис. 4: 17–22) Находки обломков подправленных на круге сосудов маркируют позднюю фазу существования роменцев (Веретюшкин, 2010. С. 303), отмечающую переход к использованию гончарного круга.

Период 2 («древнерусский»). В древнерусское время полностью прекращается жизнь на городище и селище 1. На селище 2, судя по специфике подъемного материала и данным шурфовки, материалы конца X – начала XII в. отсутствуют (Рис. 5). Единичные находки керамики середины XII – начала XIII в. расположены ближе к центральной части, однако какой-либо зоны концентрации не образуют. Принимая во внимание, что, несмотря на многолетние исследования, до сих пор отсутствует типология круговой керамики, отражающая региональную специфику, для хронологического определения использовалась керамическая шкала Ю.Ю. Моргунова, разработанная на материалах Посулья (1996. С. 13–20).

Период 3 («послемонгольский»). Довольно неожиданным открытием стало присутствие в материалах представительной серии слабопрофилированных венчиков, а также фрагментов стенок, декорированных одинарной волной (Рис. 7: 1) или линией изогнутых насечек в верхней трети тулова (Рис. 7: 2, 23–25). В литературе такой орнамент именуют «ногтевым» или «семечковидным». Как показывают материалы, полученные при раскопках Курска и Рыльска, такая керамика на территории Курского княжества

распространяется сразу же после монгольского нашествия (Веретюшкин, 2005а. С. 62–67; Веретюшкин, 2005б; Енуков, Кабанов, Мусин, 2021. С. 12).

В этот период площадь, занимаемая Шуклинским комплексом, составляет 2 га. Границы селища 2 смещаются к югу, отдаляясь от городища (Рис. 6). В это же время к юго-востоку от селища 2 возникает небольшое по площади (0,54 га) селище 3. Примечательно, что сегодня оба памятника не имеют между собой естественных границ в виде оврага, балки и т.п. Однако шурфы, заложенные вдоль южной границы селища 2, наглядно фиксируют наличие определенной «нейтральной» полосы без находок керамики, ширина которой вряд ли превышала 100 м.

Период 4 («Новое время»). На сегодняшний день трудно сказать, существовал ли хронологический разрыв между третьим и четвертым периодом. Верхняя граница бытования керамики третьего периода, определенная XIV в., весьма условна: время аналогичной посуды на поселениях Верхнего Подонья относится ко второй пол. XIII–XV вв. (Тропин, 1996. С. 166. Рис. 3: 19–26). Как бы то ни было, площадь комплекса, на которой распространены материалы Нового времени, не превышает 1,5 га (Рис. 8). Исходя из специфики распространения керамики и индивидуальных находок, зона «освоения» располагалась узкой (не более 120 м) полосой от городища до селища 3.

Помимо керамики Нового времени, представленной, в том числе, фрагментами чернолощеных (Рис. 9: 1, 13–16) и поливных (Рис. 9: 4, 6, 11, 17, 18) сосудов, уточнить хронологию селищ XVII–XIX вв. позволяют находки медных монет чеканки 1735 (Рис. 10: 2),1749 гг. (Рис. 10: 1) и фрагмента подковы (Рис. 10: 4). Сохранившаяся часть последней снабжена 4 подпрямоугольными отверстиями для гвоздей, соединенных желобком, и имеет следующие размеры: высота 10,5 см, наибольшая ширина 3,1 см, толщина 0,6 см, высота переднего шипа 1,6 см, высота заднего шипа 3 см (Рис. 10: 4). Согласно определению О.В. Двуреченского, подобные поковки относятся ко второму типу и начинают бытовать с XVI в. (Двуреченский, 2004. С. 238–244). Не противоречит полученной дате и часть изразца с орнаментальной композицией в виде двуглавого орла с тремя коронами над головами (Рис. 10: 3), обнаруженная О.Н. Мельниковской в первом пласте шурфа 3 на городище (Мельниковская, 1948. Л. 4, 5). Аналогичные изразцы обнаружены в слоях XVII вв. г. Москвы, а также использованы для украшения Мокринской церкви Николая Чудотворца (г. Ярославль), 1665–1672 гг. постройки. Обращает на себя внимание топор-чекан (Рис. 10: 5), обнаруженный А.В. Зориным при первичном обследовании селища 2 (Зорин, 1998. Рис. 49: 4). Согласно типологии О.В. Двуреченского, такие находки относятся к типу 5 и появляются в XIV–XV вв. (Двуреченский, 2013. С. 147–150). Ближайшей аналогией является топор-чекан из Тушинского лагеря, который, кстати сказать, маркирует верхнюю хронологическую границу подобного рода оружия – начало XVII в. (Двуреченский, 2018. С. 13).

Подведем итог разведочных изысканий в районе д. Шуклинка. В эпоху средневековья первыми поселенцами правобережной террасы р. Тускарь стали носители роменской культуры. Согласно В.В. Енукову, спецификой расселения Посемья в IX–X вв. является концентрация неукрепленных поселений вокруг городищ (Енуков, 2005. С. 92). Шуклинская агломерация в догосударственный период представляет собой близкий к классическому пример поселенческой структуры, которая состояла из общинного центра городища, двух примыкающих селищ и двух групп курганного могильника, числом насыпей не более 15 (Енуков, 2005. С. 165–178. Рис. 45). Общая площадь комплекса приближалась к 11 га, а финал роменского этапа существования Шуклинского комплекса приходится на конец X в. После этого жизнь здесь затухает, вероятно, до середины XII в. Время с середины XII по начало XIII в. характеризуется явно невысокой активностью жизнедеятельности. Забрасываются городище и селище 1, а находки круговой древнерусской керамики на селище 2 носят единичный характер. Фактически заново осваивается Шуклинский комплекс уже после Батыева нашествия. Судя по всему,

центральную роль начинает играть селище 2. Примерно в это же время возникает селище 3. Р.С. Веретюшкин связывает появление посуды, близкой Шуклинской третьего периода, с переселением части гончаров из пограничных восточных районов Древнерусского государства, первыми принявших на себя удары монгольских ратей (Веретюшкин, 2005б. С. 166). Финал существования Шуклинского археологического комплекса приходится на XVII–XIX вв. Фактически, слой Нового времени на правобережной террасе р. Тускарь представляет собой три зоны концентрации, две из которых соответствуют селищам 2 и 3, а одна соотносится со слоем XVII–XIX вв., зафиксированном на городище.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 24.

ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 52.

Археологическая карта России. Курская область / Автор-составитель Кашкин А.В. Ч. 1, М., 1998.

Веретюшкин Р.С. Об одной группе керамики Древнего Курска // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.

Веретюшкин Р.С. Керамика средневекового Рыльска золотоордынской эпохи // Российская археология. № 4. М., 2005б.

Веретюшкин Р.С. Раннекруговая керамика в славяно-русских древностях Посемья // Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 5. Липецк, 2010.

Горбунов Д.Н., Енуков В.В. Состав и динамика развития Ратского комплекса IX–XIV вв. // Археологическое наследие. № 1(4). Липец, 2021.

Двуреченский О.В. Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // Археология Подмосковья. Вып. 1. М., 2004.

Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула, 2013.

Двуреченский О.В. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ). М., 2018.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей: Монография. Курск, 2005.

Енуков В.В. Укрепления X в. селища 1 Ратского археологического комплекса // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 4 (52). Курск, 2020.

Енуков В.В., Енукова О.Н. Исследования Горнальского археологического комплекса // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре: сборник статей и материалов. Курск, 2015.

Енуков В.В., Енукова О.Н., Лебедев В.П. Шуклинский клад дирхамов и его археологический контекст // Археология евразийских степей. № 6. М., 2017.

Енуков В.В., Кабанов Д.О., Мусин А.Е. Ратский археологический комплекс в свете новых находок христианских древностей: каменная иконка святых Иоакима и Анны // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. №1 (57). Курск, 2021.

Енуков В.В., Раздорский А.И. О времени основания и первого упоминания древнерусского Курска // Российская археология. № 2. М., 2015.

Енукова О.Н. К вопросу о методике реконструкции славяно-русского жилища // Ю.А. Липкинг и археология Курского края: Мат. межрегион. науч. конф. (Курск, 15 – 17 ноября 2004 г.). Курск. 2005.

Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. // Тр. НИИ археологии юго-востока Руси Курск. гос. ун-та. Вып. 1. Курск, 2007.

Енукова О.Н., Енуков В.В. Исследование археологического комплекса у д. Шуклинка в 2010–2011 гг. // Археологические открытия 2010–2013 годов. М., 2015.

Зорин А.В. Отчет об охранных раскопках кургана около д. Шуклинка Курского района курской области в 1998 г. // НА КГОМА. Д. I – 101.

Зорин А.В. Курганный могильник у с. Шуклинка и особенности погребальной обрядности Посеймья рубежа X–XI вв. // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Сб. статей. Курск, 2005.

Комар А.В. Поляне и северяне // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. М., 2012.

Курская Правда. 1936. № 104 (10 мая).

Ляпушкин И.И. Отчет о работе Днепровской Левобережной экспедиции 1947 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 205.

Мельниковская О.Н. Разведочные работы на Шуклинском городище //Архив ИА РАН. 1948. Р-1. № 291.

Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы / Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 2. Курск, 1996.

Никольская Т.Н. Отчет о раскопках Шуклинского городища Стрелецкого р-на Курской обл. в 1952 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 902.

Никольская Т.Н. Шуклинское городище // КСИИМК. 1958. № 72.

Соловьев Л.Н. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска // Известия Курского губернского общества краеведов. № 4. Курск, 1929.

Тропин Н.А. Древнерусское поселение XIII–XIV веков у с. Аргамач-Пальна // Археологические памятники Лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк, 1996.

Узянов А.А. Освоение среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993.

Рис.1

Общий вид Шуклинского археологического комплекса.

Условные обозначения: 1 – курган; 2 – шурф; 3 – границы памятников археологии.

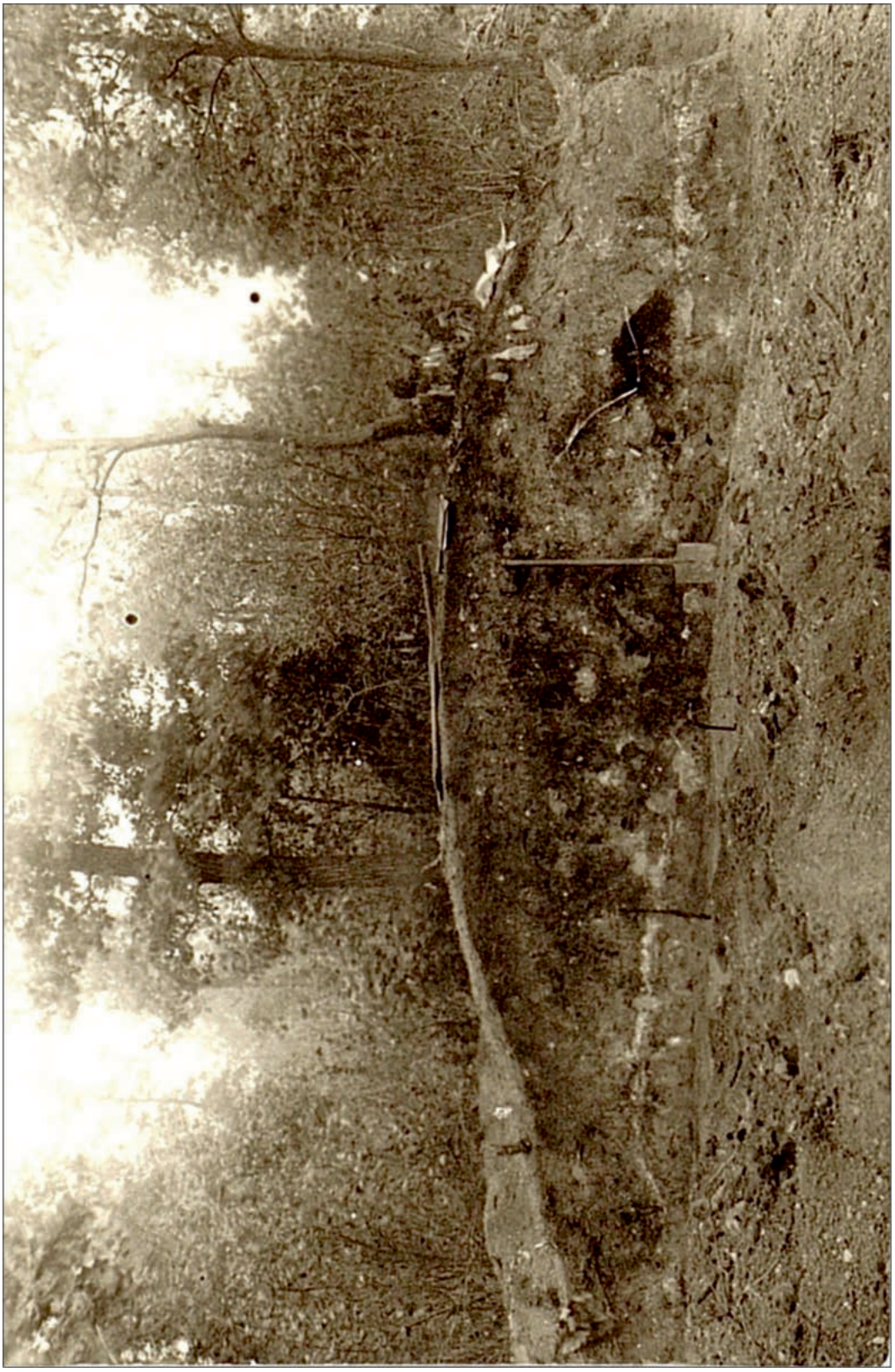


Рис.2
Раскопки кургана Л.Н. Соловьевым у д. Шуклинка в 1928 г.
Курский областной краеведческий музей. ОФ. 62796.

Рис.3

Шуклинский археологический комплекс в роменский период.
Условные обозначения: 1 – курган; 2 – границы памятников археологии.

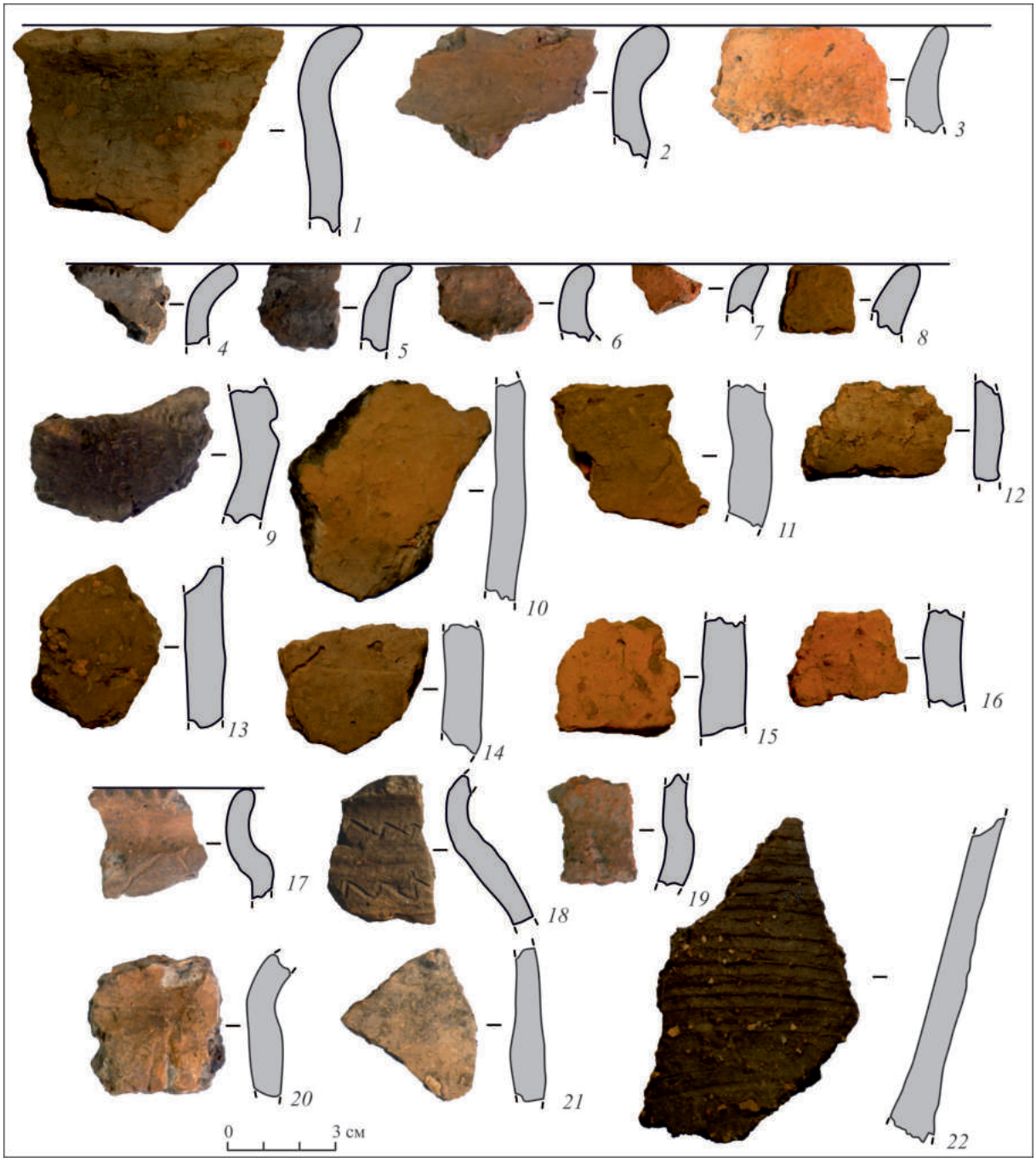


Рис.4
Роменская керамика. Шуклинка, селище 2. 1–16 – лепная; 17–22 – раннекруговая.

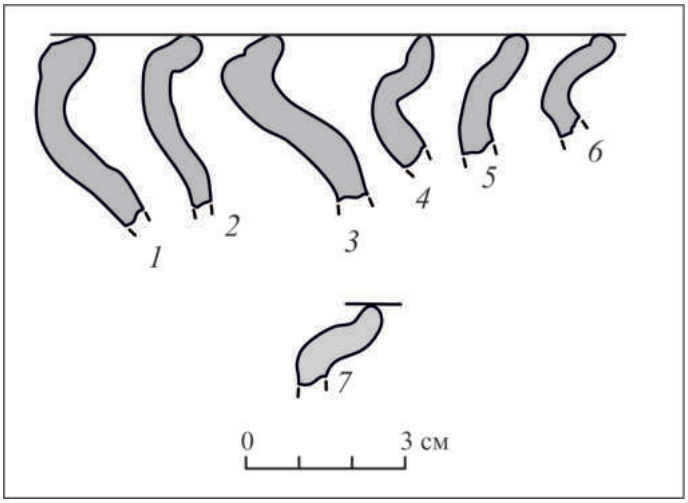


Рис.5
Круговая керамика древнерусского периода. 1–6 – селище 2; 7 – селище 3.

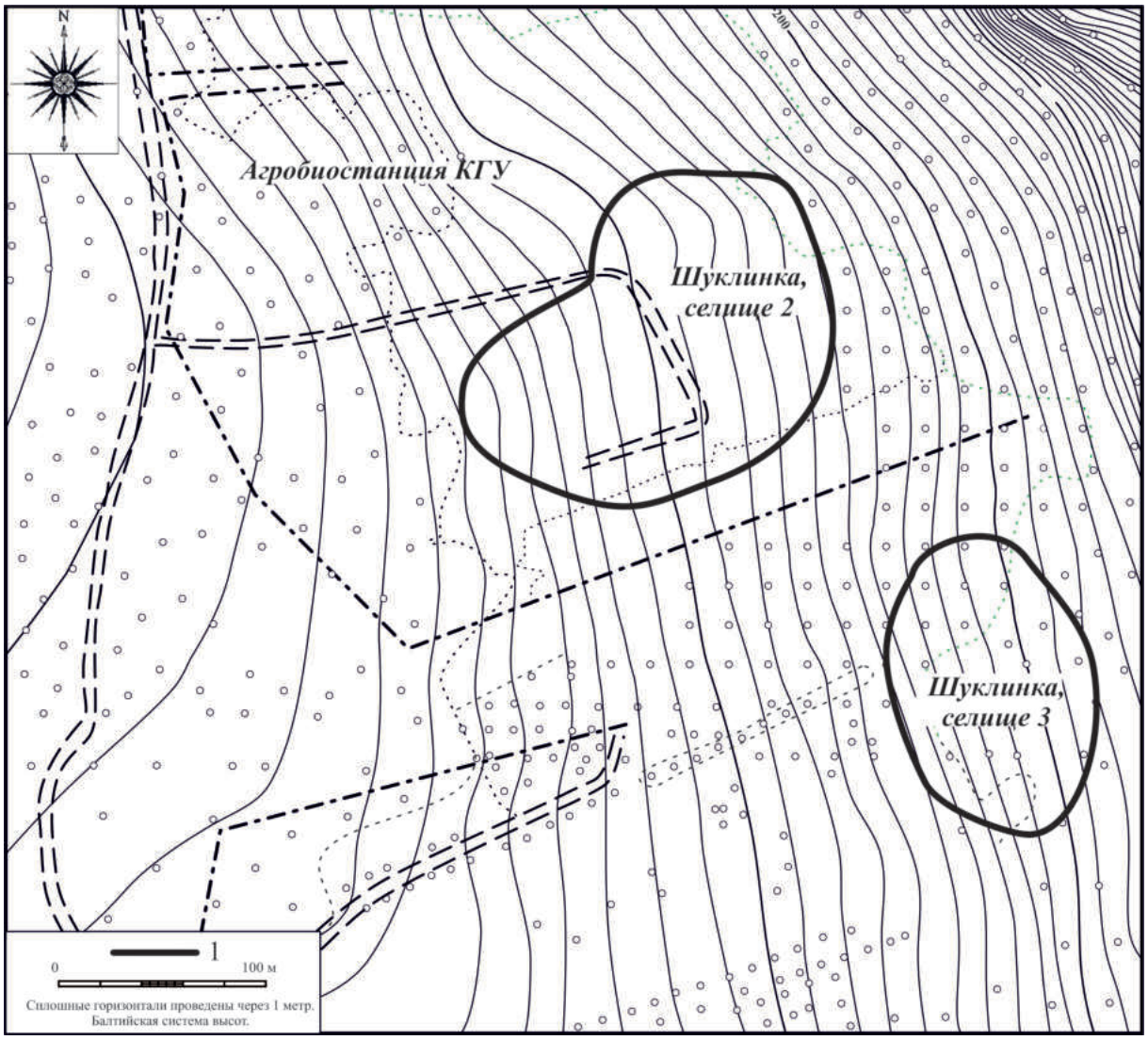


Рис.6
Шуклинский археологический комплекс во 2-й пол. XIII–XIV вв. Условные обозначения:
1 – границы памятников археологии.

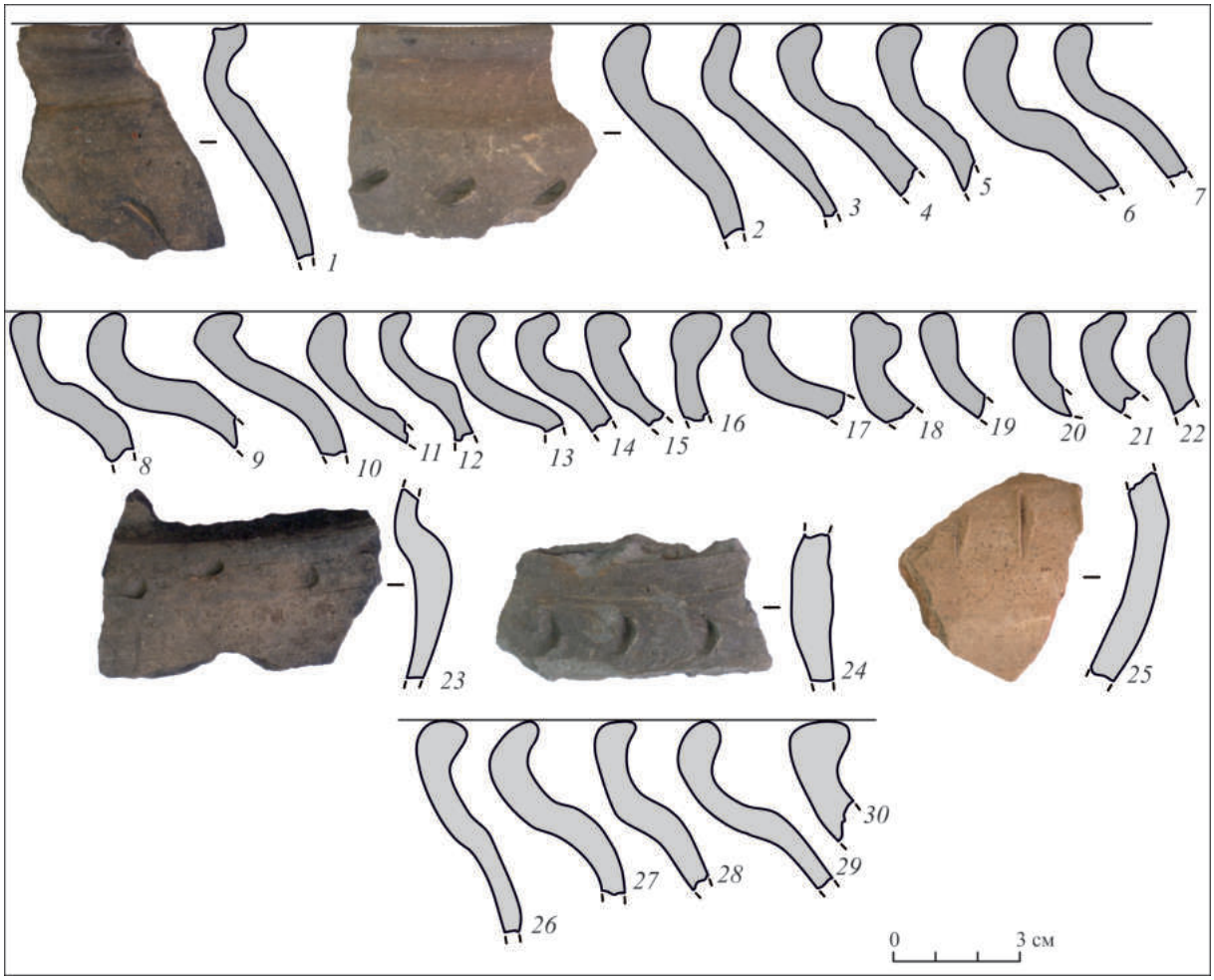


Рис.7
Круговая керамика XIII–XIV вв. 1–25 – селище 2; 26–30 – селище 3.

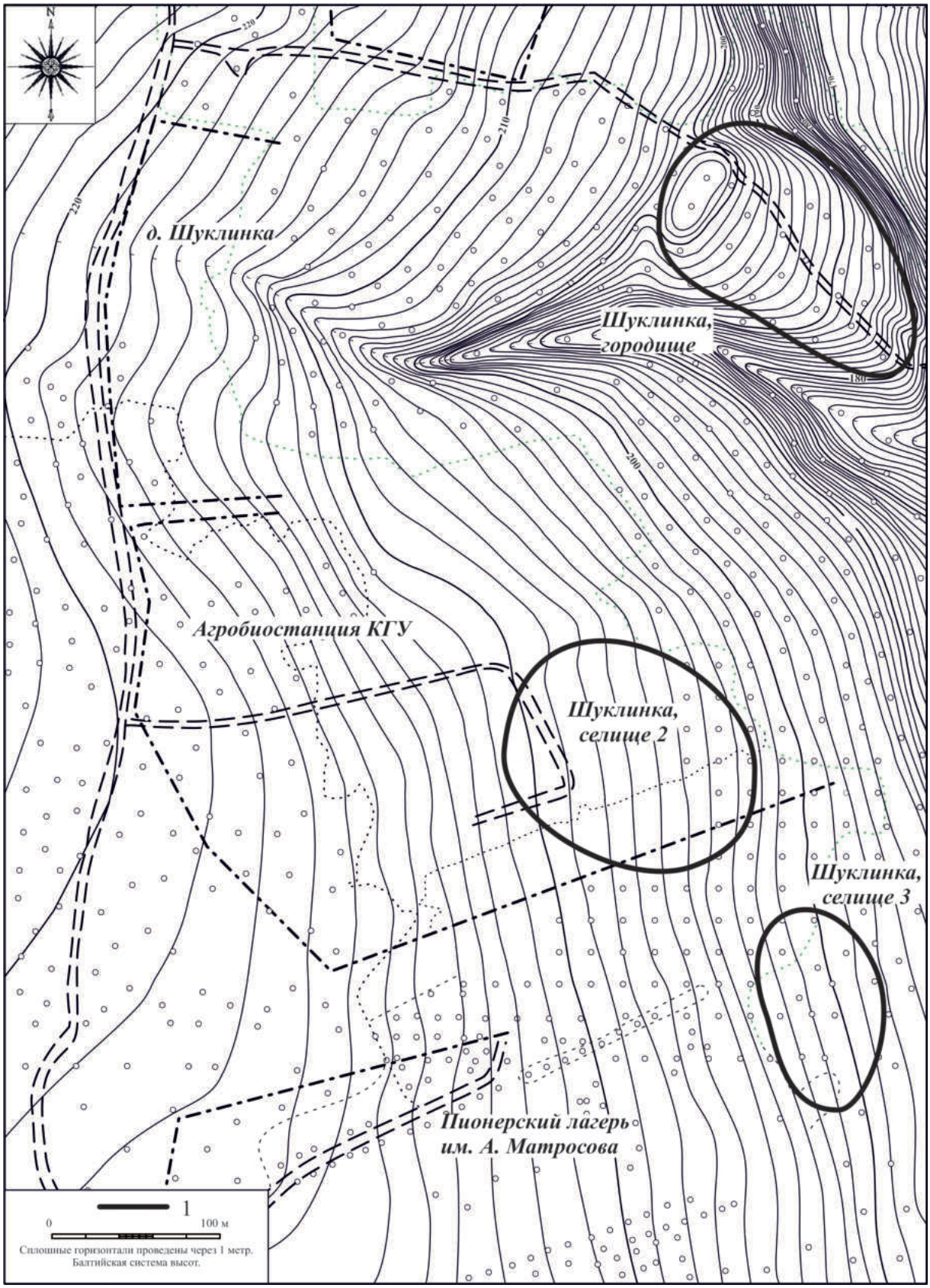


Рис.8

Шуклинский археологический комплекс в XVII–XIX вв.
Условные обозначения: 1 – границы памятников археологии.

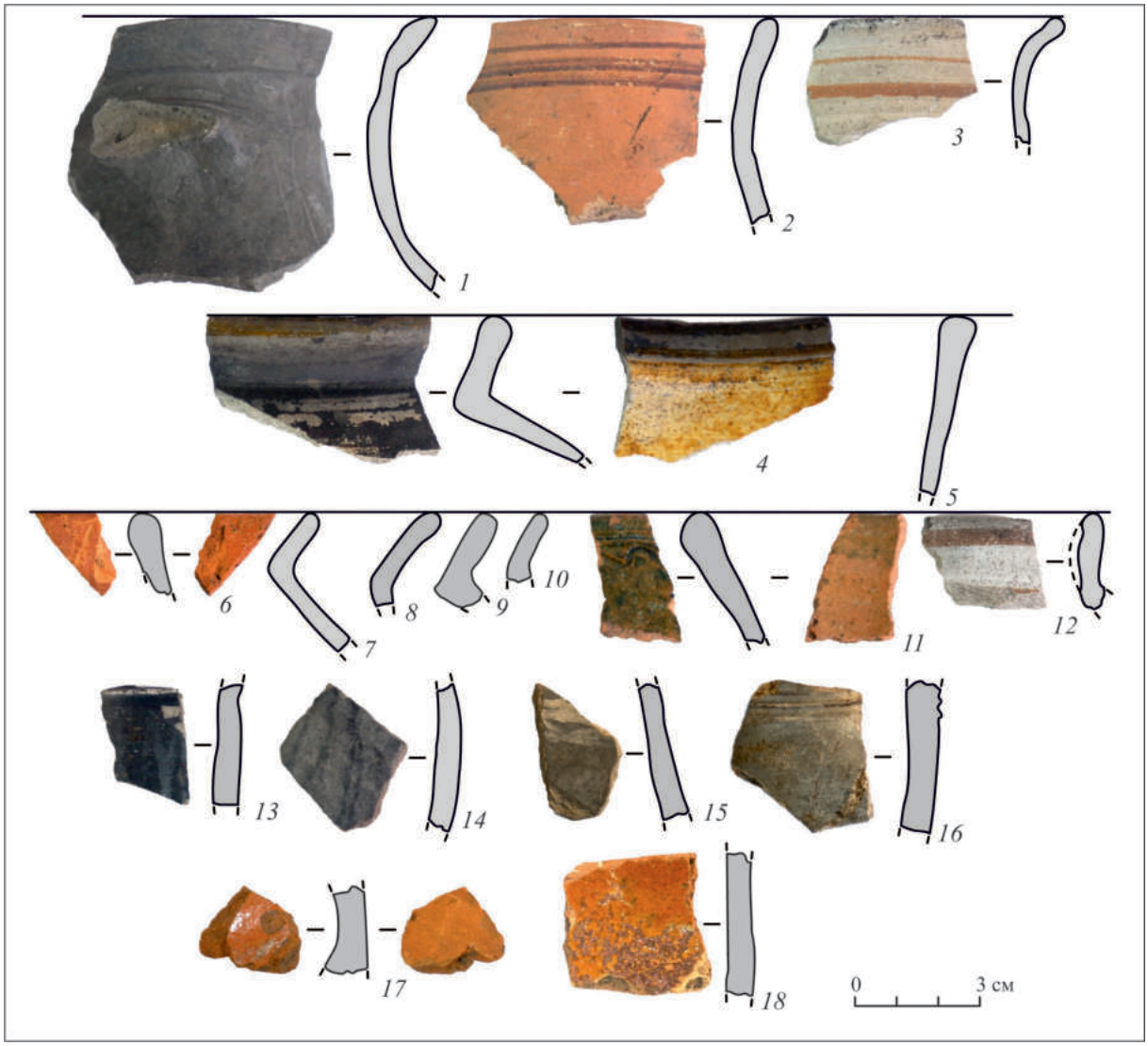


Рис.9
Круговая керамика Нового времени.
1–10, 13, 14, 17, 18 – селище 2; 11, 12, 15, 16 – селище 3.
1, 13–16 – лощеная, 4, 6, 11, 17, 18 – поливная.

Рис.10
Индивидуальные находки XVII–XIX вв.
1–2 – медь; 3 – глина; 4, 5 – железо.

ЕЩЕ РАЗ О РАННЕЙ ХРОНОЛОГИИ И ТОПОГРАФИИ КУРСКОГО ГОРОДИЩА

© 2023 г. В.В. Енуков

Курский государственный университет,
НИИ археологии юго-востока Руси, Курск

Статья посвящена вопросам реконструкции топографии Курского городища в эпоху Средневековья. На основе анализа данных археологии рассматриваются существующие варианты определения его границ в роменское и древнерусское время, а также хронологические аспекты возведения фортификаций. Автор приходит к выводу, что в древнерусское время Курское городище занимало обширный мыс при слиянии Тускари и Кура, что соответствует наиболее распространенной в домоногольской Руси топографической схеме. Строительство самых ранних фортификаций относится автором к концу X – началу XI вв. В научный оборот вводятся новые материалы.

Ключевые слова: Курск, городище, роменская культура, древнерусская культура, фортификации, Русь.

ONCE AGAIN ON EARLY CHRONOLOGY AND TOPOGRAPHY OF KURSK HILLFORT

© 2023 V.V. Enukov

The article is devoted to the reconstruction of the topography of the Kursk hillfort in the Middle Ages. Based on the analysis of archeological data, the existing options for determining its boundaries in the Romny and Old Russian times, as well as the chronological aspects of the construction of fortifications, are considered. The author comes to the conclusion that in ancient Russian times, the Kursk settlement occupied a vast cape at the confluence of Tuskar and Kur, which corresponds to the most common topographic scheme in pre-Mongol Rus'. The construction of the earliest fortifications belongs to the end of the 10th – beginning of the 11th centuries. New materials are introduced into scientific circulation.

Key words: Kursk, hillfort, Romny culture, Old Russian culture, fortifications, Rus'.

В настоящее время на Курском городище практически не сохранилось следов древних фортификаций, на основании которых можно было бы установить их топографию. Представление о схематическом облике острога XVIII в. можно получить на основании «Абриса» 1722 г. (Самсонов, Стоюшкина, 1963), подробное описание которого по состоянию на 1652 г. имеется в отписке воеводы Д.И. Плещева (Позняков, 1912). Городище, но уже, естественно, без фортификаций, отображено на планах конца XVIII в. (Енуков, 2010а. Рис. 1). Важными ориентирами для определения его северной, с напольной стороны, границы служат два «превеликих буерака», которые фигурируют в трудах конца XVIII – начала XIX вв. (Ларионов, 1786. С. 18; Щекатов, 1804. Стб. 1019). Один из них выходил к р. Тускарь, другой – к р. Кур. Достаточно точно локализовать их на современной топооснове позволяют результаты геобурения (Енуков, 1998. Рис. 1). Имеется и еще один необычный маркер фиксации «буераков»: на восточной стене дома 2/4 по Красной площади, который находится над вершиной «западного» буерака», прослеживаются более светлые, идущие под сильным наклоном, полосы, которые соответствуют замазанным в ходе ремонта трещинам. В начале 1960-х гг. при сооружении его фундамента вместо дорогостоящих и длинных свай использовали горизонтальные бетонные балки, которые не выдержали нагрузки, в результате чего здание начало проседать.

Таким образом, границы городища мысового типа, на котором располагалась крепость XVII–XVIII вв., устанавливаются достаточно точно, при этом соотнесение

«буераков» со рвами фортификаций сомнений не вызывает. Однако оставалось неизвестно, насколько этот контур отражал реалии более раннего времени. Ответ на этот вопрос мог быть получен только в ходе археологических изысканий.

История археологического изучения Курска по сравнению со многими другими древнейшими городами Руси молода, однако сейчас уже можно составить общее представление о его топографии в домонгольское время (Рис. 1). Естественно, особое внимание всегда привлекало городище, на территории которого первые, как и вообще в городе, стационарные исследования были проведены на ул. Сонина в 1988 г. (раскоп 1) и продолжены в 1994 г. (раскоп 2). Они дали несколько неожиданный результат: здесь были обнаружены остатки ранних укреплений в виде рва и проходящего по его внутреннему краю частокола из расколотых пополам бревен. По прошествии какого-то времени небольшой участок частокола был удален, и здесь был обустроен въезд с деревянным настилом, который продолжался по дну рва, выходящего в сторону Тускари, и датировался 2-й половиной XI в. Укрепления погибли в огне пожара и больше на этом месте не возобновлялись, однако ложе рва использовалась в качестве съезда к реке вплоть до 2-й половины XII в., чему соответствовали еще шесть последовательно сменявших друг друга мостовых (Енуков, 1998. С. 84–89). Определить хронологию укреплений ввиду почти полного уничтожения их наземной части, вероятно, еще в древнерусское время, сложно, и в данном случае она может быть только относительная. Частокол существовал какой-то промежуток времени, причем, видимо не совсем маленький, так как претерпел новации: небольшой его участок был ликвидирован для обустройства въезда, что, видимо, стало следствием необходимости дальнейшего развития коммуникационной сети Курска. На этом этапе была сооружена древнейшая деревянная мостовая. Это дает основания предположить, что частокол был воздвигнут в 1-й половине XI в. Освоение исследованного участка городища в это время подтверждают обнаруженные в переотложенном состоянии костяная накладка одностороннего гребня и бусина-лимонка (Енуков, 1998. Рис. 3, 16, 18).

В результате вопрос о возможности соотнесения «буераков» с северными границами Курского городища в древнерусское время оставался открытым, так как выявленные укрепления располагались южнее их восточного участка. Прояснить общую картину позволили работы 2021–2022 гг. Раскоп 6[1] площадью 435 кв. м перекрывал склон западного «буерака», который после проведенных изысканий можно было уже бесспорно считать частью фортификаций домонгольского времени. Были открыты сохранившиеся элементы укреплений в виде насыпи вала и рва с канавкой по дну, относящиеся к разным строительным периода начиная с конца X – начала XI вв. по монгольские нашествие, а также прорезавшие насыпь вала траншеи с частоколами острога Нового времени (Енуков, 2010а).

Таким образом, появились аргументы в пользу того, что Курское городище древнерусского времени своими северными границами почти совпадало с острогом московского времени, несколько отличаясь от него только на восточном фланге, где укрепления немного «отступали» к югу (Рис. 1). Они были уничтожены пожаром одновременно с древнейшим деревянным настилом во 2-й половине XI в. и после этого не возобновлялись. Единственным «претендентом» на новое расположение линии обороны является восточный «буерак», который под названием Иорданский спуск хорошо был известен еще в начале XX в. Вероятнее всего, что он, как и его «предшественник», имел искусственное происхождение в отличие от западного «буерака», размеры которого, что следует как из дошедших до нас планов, так и данных геобурения, были весьма значительны (Енуков, 1998. Рис. 1). В пользу рукотворного происхождения восточного «буерака» выступает и еще одно косвенное доказательство: ситуация естественного образования двух оврагов, которые смыкались своими вершинами и питались из одного

1 Раскоп-5 2001 г. представлял собой разведочную траншею, которая потом была вписана в раскоп 6.

водосбора, является малореальной.

В результате Курское городище, которое занимало приречный мыс, образованный впадением Кура в Тускарь, приобретало обычный топографический облик, весьма характерный для славяно-русской эпохи. Однако позднее появилось иное мнение. В 2005 г. под руководством А.В. Зорина к юго-западу от раскопа 6 были заложены две траншеи общей площадью 68 кв. м, в результате чего были открыты элементы укреплений, аналогичные уже описанным: вал, ров с канавкой по дну, остатки траншеи с частоколом XVII–XVIII в. (Рис. 1). Древнерусские укрепления автор датировал серединой XII – 1-й половиной XIII вв., допуская сужения хронологии до середины – 2-й половины XII вв. Кроме того, были привлечены материалы изысканий Н.А. Тихомирова, который в 2004 г. прорезал траншеей площадью 20 кв. м прилегающую к оврагу территорию в северо-востоку от раскопа 6, во дворе дома 2/4 по Красной площади. Здесь также были открыты вал и ров с канавкой, однако без следов позднего частокола, которые, судя по всему, были уничтожены перекопами. А.В. Зорин датировал встреченную под валом керамику XII в., на основании чего определил хронологию фортификаций. В итоге был сделан вывод о том, что «…укрепления Курска были возведены на данном рубеже сравнительно поздно, а городище роменского времени имело значительно меньшую площадь и располагались юго-восточнее…» (Зорин, 2007. С. 174). При таком решении вопроса остатки укреплений раскопа 6 (2002 г.), располагавшиеся между этими траншеями, автоматически должны были получить ту же хронологическую характеристику.

В дальнейшем А.В. Зорин на основе все тех же данных раскопок 2004 и 2005 г., однако уже с привлечением поздних письменных и некоторых графических источников, обратился к топографии Курского городища в Средневековье – Новом времени. Автор повторил хронологию изученных в 2005 г. древнерусских укреплений, уточнив, что вскоре после пожара в 1-й половине XIII в. фортификации не только возобновились, но и усилились. Как и ранее, роменское городище, по его мнению, располагалось «несколько юго-восточнее прослеженной линии укреплений». Тем не менее, при подведении итогов автор резюмировал: «…изначально Курская крепость занимала, видимо, только наиболее возвышенную часть мыса. С напольной стороны ее прикрывал вал и ров/овраг, со стороны понижения к пойме Кура – вал» (Зорин, 2009. С. 87). Однако «вал и ров/овраг», по мнению самого же А.В. Зорина, относятся к древнерусскому времени, причем не самому раннему, а роменское городище располагалось юго-восточнее. Возникает вопрос: как же тогда могли совпасть эти две разновременные линии?

В дальнейшем А.В. Зорин в статье, опубликованной совместно с Г.Ю. Стародубцевым, еще раз возвращается к вопросам топографии укреплений, присовокупив к результатам 2004 и 2005 гг. материалы раскопок в 2013 г. К сожалению, в работе отсутствует картосхема, хотя описание локализации раннего городища без дополнительных уточнений на наиболее высокой и ровной части мыса при впадении Кура в Тускарь дает основание полагать, что речь идет об уже ранее определенных границах. Однако трактовка, по выражению авторов, «первоначального ядра укреплений» становится принципиально иной: последние становятся уже не роменскими, а древнерусскими, и возникают они не в XII в., а «…не ранее рубежа X–XI вв.». Их гибель предположительно отнесена к рубежу XIII–XIV вв. (Зорин, Стародубцев, 2016. С. 61). Аргументы в пользу изменения как культурной атрибуции раннего городища, так и хронологии напольных укреплений, не приводятся.

В результате значительных противоречий, ставших уже фактами историографии, возникла необходимость обратиться к совокупности накопленных материалов, для чего сначала проанализируем результаты исследований северных пределов городища. Особую значимость в вопросе выявления динамики в существовании фортификаций имеют материалы изысканий на раскопе 6, где остатки фортификаций были исследованы не траншеей, а площадью. Стратиграфический анализ полученных материалов уже

был введен в научный оборот (Енуков, 2010а), что позволяет опустить заметную часть описаний. По причинам редакционного характера в публикации отсутствовали иллюстрации керамики, поэтому в настоящей работе имеющийся пробел восполняется. Этот экскурс необходим еще и в силу того, что выявленные раскопом 6 элементы фортификаций присутствуют в последующих исследованиях, что позволяет провести сравнительный анализ. Повторное обращение к этим материалам привело к внесению в ранее полученные выводы незначительных корректив, которые, впрочем, не имеют принципиального значения для схемы развития фортификаций.

Культурный слой города значительно пострадал как в эпоху екатерининской перепланировки, так и в Новейшее время. В частности, в 1997 г. на месте исследований 2001–2002 гг. была попытка обустроить автостоянку, для чего часть напластований подверглась горизонтальной подрезке. Пострадал вал первоначальных укреплений, особенно в северо-восточной части раскопа (Рис. 2). Ему соответствовал слой Ж, насыпанный прямо на древней почве, и перекрывавший его слой Е. В них было очень мало находок, что косвенно подтверждает ранний характер укреплений, когда культурный слой еще только начал формироваться. Однако перекрывающая их горелая прослойка Г, фиксирующая гибель конструкций в пожаре, содержала заметное количество керамики, практически все профильные части которой имели завершение в виде манжеты (Рис. 3, 1–12)[2]. Ее отчетливая проработка, стреловидная или подрямоугольная формы, резкий отгиб наружу венчика характерны для посуды конца X – середины XI в. На некоторых венчиках ложбинка с внутренней стороны слабо проработана или вообще отсутствует, манжеты имеют самую простую форму, подрезка их нижних частей – резкая, что относится к числу признаков рубежа X–XI вв.[3]

На примыкающей к валу территории городища был обнаружен ряд синхронных, судя по находкам, объектов, в том числе две уничтоженные пожаром жилых постройки. В первой из них (яма 43Д) присутствовали фрагменты посуды с манжетовидными венчиками (Рис. 3, 13–17), причем ранние признаки присутствовали на крупных фрагментах (Рис. 3, 25, 26), а также у целого сосуда (Рис. 4, 39). Однако важнее для нашей темы является второе жилище (сооружение 1), расположенное поблизости от вала и перекрытое упомянутой пожарищной прослойкой Г. Связанные с ней находки как керамики, так и индивидуальные, позволяют датировать финал его существования не позднее начала XI в. (Енуков, 2005. С. 290–293. Рис. 59), что уточняет хронологию гибели первых укреплений древнего Курска. Обе постройки отличались конструктивной сложностью (Енукова, 2007. С. 71–73. Рис. 86, 87).

Следующему этапу формирования вала соответствует слой В. Господствующее положение в керамическом комплексе занимают манжетовидные венчики, однако внешний выступ в большинстве случаев отличается упрощением моделировки (Рис. 3, 18–24). Тем не менее, еще сохраняются отдельные ранние признаки. Так, у венчиков чаще всего отсутствует внутренний желобок, который характерен для посуды 2-й половины XI в., в одном случае на манжете присутствует резкая подрезка. В результате культурный слой, использованный для подсыпки вала, можно датировать в целом этим временем. Дальнейшую «историю» этого фортификационного элемента проследить невозможно, так как его верхняя часть была срезана перекопами.

На склоне древнего оврага присутствовали остатки оборонительных сооружений последующего времени. По верхнему его краю проходил ров, форма которого в разрезе приближалась к перевернутой трапеции. Его ширина достигала 3,7 м, глубина от уровня

2 Отмечу, что почти во всех слоях Раскопа 6 наборы керамики сопровождались небольшой по количеству примесью фрагментов лепной роменской посуды.

3 Здесь и далее хронологические определения керамики даются, главным образом, на основании схемы, предложенной Ю.Ю. Моргуновым, которая базируется не только на аналогиях, но и детальных стратиграфических наблюдениях (Моргунов, 1996. С. 10–27).

диффузионного слоя – около 2 м. По дну проходила канавка, служившая, вероятно, для водоотвода. Р.С. Веретюшкин, проанализировав керамику из заполнения рва, пришел к выводу о том, что начало её формирования приходится на середину XII в., причем не исключалось некоторое удревнение этой даты. Финал, по его мнению, совпадает с монгольским нашествием (Веретюшкин, 2005а). Полагаю, предположение о более раннем сооружении рва подтверждается серией венчиков с рудиментарной манжетой, за исключением одного экземпляра, относящегося к еще более раннему времени (Рис. 3, 27–36). В результате время его возникновения корректнее отнести к 1-й половине XII в. В пользу этого свидетельствуют и некоторые стратиграфические наблюдения. Непосредственно с периодом функционирования рва связан только постепенно покрывающий его стенки слой 7 в виде суглинистых затеков. Отсутствие в нем находок указывает на стремление сохранить сооружение в чистоте, чего нельзя сказать о перекрывающих его слоях 4 и 6. Собственно, их отложение соответствуют хронологическому периоду, когда ров уже потерял свое изначально оборонительное назначение: слой 6 практически уже свел таковое на нет. Заметная насыщенность его керамикой позволяет полагать, что он в немалой степени образовался в процессе постепенного сброса мусора, начало которого и определяют относительно ранние формы керамики. Слой 4 полностью снивелировал этот элемент фортификаций, превратив его в незначительную ступеньку на склоне оврага. Отмечу, что в составе последнего присутствовала интенсивная примесь материкового суглинка, что может служить признаком уже специальной, целенаправленной засыпки.

Залегавшие выше слои 1, 2 и 3 отражают работы по дальнейшему обновлению фортификаций, характер которых установить сложно ввиду повредивших их перекопов. Показателен состав использованного для досыпок грунта: его основу составлял суглинок с включениями фракций мергеля различного размера. В результате их происхождение можно определить достаточно уверенно: использовался материковый грунт, в который в небольших количествах попал культурный слой.

Подавляющее большинство керамики из указанных слоев относится к домонгольскому времени. Морфология венчиков из указанных слоев варьирует от рудиментарных, слабовыраженных манжетовидных до профильных частей с завершением в виде загнутого внутрь края, в результате чего образуется технологическая ложбинка (Рис. 3, 35–47, 49–62). Можно констатировать, что в материковый грунт подсыпок попали участки культурного слоя довольно широкого хронологического диапазона, но явно отложившегося до монгольского нашествия. В слое 3 был встречен фрагмент стеклянного браслета. На первый взгляд, эти материалы определяют хронологию строительных работ после слоя 4. Однако в слое 1 встречено несколько фрагментов посуды Нового времени, в том числе один крупный (Рис. 3, 48). Объяснить полученную картину можно двумя путями. Слой 1 относится к древнерусскому времени, а небольшое количество поздних находок объясняется многочисленными перекопами, прорезающими его. Подтверждает возможность такого решения и более поздний (но не финальный по стратиграфии!) слой 1Б, небольшой участок которого перекрывал слой 1 и был прослежен у северо-восточного борта (Рис. 2, I). В нем наряду с древнерусской посудой были также встречены отдельные фрагменты Нового времени. Однако принципиально нельзя отрицать и вероятность ситуации, когда отсыпка была произведена при возведении острога, когда отложения этого хронологического периода были минимальными.

Располагавшийся еще ниже по склону эскарп прорезал слой 1Б и был перекрыт слоем 1А (Рис. 2, I). С учетом ступенчатой стенки он поновлялся не менее двух раз, а сохранившийся участок древесного тлена свидетельствует о том, что вертикаль укреплялась деревом. Материалы для определения абсолютной хронологии эскарпа отсутствуют, однако стратиграфически этот элемент фортификаций является самым поздним. Это позволяет полагать, что он относится к периоду существования острога XVII–XVIII вв. и синхронен Г-образной, «сдвоенной» траншее, связанной с возведением

частокола.

Таким образом, на раскопе 6 были зафиксированы остатки разновременных сооружений, точнее, их элементы, что объясняется главным образом сохранностью культурных напластований. К древнерусскому времени из числа этих элементов относится вал, возведение ядра которого относится к периоду с конца X по начало XI в., и ров 1-й половины XII в.

Сравним материалы раскопа 6 и траншей, которые использовали А.В. Зорин и Г.Ю. Стародубцев. Необходимо оговориться, что состав слоев в профилях и, особенно, цветовая гамма могут отличаться, так как их характеристики во многом определяются субъективной оценкой всех авторов исследований. Траншея 2004 г. располагалась во дворе дома 2/4 по Красной площади (Рис. 1). Общая схема напластований выглядит очень близко, а на наиболее важных для нашей темы участках – идентично стратиграфической схеме раскопа 6. На краю оврага, на древней почве была возведена насыпь первоначального вала из светлого суглинка. Автором исследований Н.А. Тихомировым она не разделена на отдельные слои, однако в разрезах видно, что вал немонолитен (Тихомиров, 2004. Рис. 29; Зорин, 2007. Рис. 3; Зорин, Стародубцев, 2016. Рис. 2). Насыпь перекрывает прослойка с остатками как горелого дерева, так и древесного тлена, что практически совпадает со структурой напластований раскопа 6 (погребенная почва, слои Ж, Е, перекрытые горелой прослойкой Г). Впрочем, из перечня аргументов в пользу сходства слой горелого/негорелого дерева следует изъять: на профилях обоих бортов он перекрывает не только насыпь первоначального вала, но и стратиграфически заметно более поздний слой темно-коричневого грунта. Кроме того, в «восточном-северо-восточном» профиле хорошо видно, что слой возможных руинированных деревянных конструкций располагался на специально срезанной горизонтально вершине раннего вала. Вполне вероятно, этой нивелировкой была уничтожена и часть вала, аналогичная слою В раскопа 6. Это предположение подтверждается примерно совпадающими в обоих случаях высотами первоначальных насыпей: в траншее 2004 г. она составляет 0,7–0,9 м, на раскопе 6 – до 0,8 м. В свою очередь, верхняя граница слоя Е раскопа 6 заканчивалась заметно ниже.

В траншее ниже насыпи вала, на склоне оврага, располагается ров, исследованный примерно до середины, который по своим метрическим параметрам в случаях, где их можно определить, а также по наличию канавки по дну, идентичен рву раскопа 6. Ров заполняют два слоя (светлый и темно-серый грунты), которые находят полное соответствие в слоях 4 и 6 раскопа 6. Перекрывающий их слой темно-коричневый грунт соотносится с мощным слоем 1 и подстилающими его схожими по составу слоями 2 и 3 раскопа 6. Такую трактовку подтверждает очень близкий, хотя и заметно менее представительный, набор керамики, облик которого определяет домонгольская посуда, правда, при полном отсутствии фрагментов сосудов Нового времени (Тихомиров, 2004. Рис. 46, 4–10). Аналог залегавшему выше слою светло-коричневого грунта на раскопе 6 отсутствует, так как здесь эта часть напластований была уничтожена перекопами.

В двух траншеях 2005 г., располагавшихся юго-западнее раскопа 6 (Рис. 1), общая схема элементов фортификаций, на первый взгляд, повторяется: вал (слои 3, 7), ров с канавкой по дну, траншея частокола Нового времени (Зорин, 2007. Рис. 2, 3; 2009. Рис. 4; Зорин, Стародубцев, 2016. Рис. 2). Слой 7, имеющий в разрезе практически правильную сегменовидную форму, авторы отождествляют со светлым грунтом вала траншеи 2004 г. Однако ситуация с залегающим ниже слоем 3 требует дополнительного анализа. Этот стратиграфический элемент является самым ранним в свите культурных напластований. Он занимает почти всю нижнюю часть профилей бортов, в том числе и ров, заметно утолщаясь в основании вала под слоем 7. Судя по всему, его визуальная целостность и привела А.В. Зорина к выводу о синхронности вала и рва (Зорин, 2007. С. 169, 170; 2009. С. 87, 86), однако на уже рассмотренных участках (раскоп 6, траншея 2004 г.) это соотношение выглядит иначе.

Как было установлено в ходе изысканий, самая ранняя, нижняя часть напластований вала (на раскопе 6 – слой Ж, в траншее 2004 г. – «светлый суглинок» без нумерации, в траншеях 2005 г. – слой 3) оказалась близкими по цвету и облику нижним частям заполнения рва, что заметно затрудняет определение их соотношения. Тем не менее, на раскопе 6 стратиграфически они, как уже указывалось выше, были разделены, что было подтверждено планиграфически, а также, что особенно важно, встреченными в них материалами. Асинхронны с позиций стратиграфии насыпь вала и нижняя часть заполнения рва в траншее 2004 г., которые разделяет залегавший выше слой темно-серого грунта, что особенно отчетливо фиксируется на профиле «западной-юго-западной» стенки (Тихомиров, 2004. Рис. 29; Зорин, 2009. Рис. 3; Зорин, Стародубцев, 2016. Рис. 2). К сожалению, при работе в условиях небольшой траншеи количество обнаруженных артефактов минимально, однако они не противоречат, а, скорее, подтверждают различие двух стратиграфических элементов. В насыпи вала профильные части керамики не обнаружены, что очень похоже на ситуацию со слоями Ж и Е раскопа 6, где находки были крайне малочисленны. В нижней части заполнения рва («светлый суглинок», аналог слою 6 раскопа 6) было найдено только два фрагмента лепной роменской керамики (Тихомиров, 2004. Рис. 46, 22, 23). Напомню, что на раскопе 6 лепная керамика в виде небольшой примеси присутствовала практически во всех напластованиях. Три венчика из слоя темно-серого мешанного грунта, перекрывавшего слой светлого суглинка рва и частично – насыпи, относятся к сосудам, изготовленным не ранее XII в., в одном случае – середины XII в., судя по отгибу округлой губы и ложбинке с внутреннего края (Тихомиров, 2004. Рис. 46, 15–17). Конечно, выборка артефактов в данном случае крайне мала, но, тем не менее, вполне укладывается в контекст характеристики материалов напластований раскопа 6.

При заметном совпадении общих стратиграфических схем раскопа 6, траншей 2004 и 2005 гг. имеются основания полагать, что и в последнем случае также присутствовал хронологический разрыв между возведением вала и рва, которые А.В. Зорин датировал серединой XII – 1-й половиной XIII вв. Эта хронология обоснуется ссылками на проведенный анализ керамики, который, к сожалению, остался за пределами публикаций, как и иллюстративные материалы, а также на упомянутую работу Р.С. Веретюшкина с разбором посуды из заполнения рва в пределах раскопа 6 (Зорин, 2007. С. 170–174. Рис. 4, 5; 2009. С. 88). Тем не менее, некоторое представления хронологического характера дают наборы керамики из ям 15 и 16, выборка из которых приводится. Оба объекта связаны с напластованиями, более поздними по сравнению со слоями 3, 7, составляющими основу вала в траншеях 2005 г. Яму 16 исследователь датировал 2-й половиной XII – 1-й половиной XIII вв., но в ней большинство венчиков имеет рудиментарную манжету (Зорин, 2007. Рис. 5, 2). Уверенно отнести к венчиками с округлой валикоподобной губой и хорошо выделенным желобком по внутреннему краю, которые появляются у сосудов начиная с 30-х гг. XII в. (Моргунов, 1996. С. 22, 23. Рис. 5, 7), можно только единственный фрагмент. В результате объект с известной долей осторожности и «запасом» следует датировать в пределах конца XI – 1-й половины XII вв. Яма 15, судя по отсутствию манжетовидных форм, относится к несколько более позднему времени (Зорин, 2007. Рис. 5, 1), но малочисленность выборки не позволяет предложить более точную дату. В любом случае, вал (слои 5, 7) должен быть моложе 1-й половины XII в.

Траншея 2013 г. занимала крайнее юго-восточное положение на «полосе» исследованиях стороны укреплений с напольной городища (Рис. 1). Выявленные в ходе работ элементы фортификаций представлены валом, эскарпами на склоне рва в виде трех ступенек и следами траншеи частокола. Ров на склоне оврага отсутствовал. Можно с заметной долей уверенности предположить, что в нем не было необходимости, так что здесь склон оврага был значительно круче, нежели на других участках, поэтому дополнительной преграды не требовалось, да и соорудить ее было просто невозможно.

Авторами исследований к насыпи вала были отнесены слои 6А и 7, которые перекрывала горелая прослойка (Зорин, Стародубцев, 2016. С. 60. Рис. 4). В данном случае показательна сегментовидная в разрезе форма слоя 7. Определить хронологию насыпи вала невозможно ввиду отсутствия информации о находках. Важным результатом этих изысканий следует считать уточнение границы юго-восточного края западного «буерака».

Подведем промежуточные итоги. По северо-западному краю Курского городища раскопом и четырьмя траншеями были зафиксированы следующие элементы фортификаций: 1) насыпь вала (все случаи); 2) ров с канавой по дну на склоне «буерака» (4 случая); 3) эскарп или эскарпы (2 случая); 4) траншея частокола острога Нового времени, которая прорезала внешний край насыпи частокола (4 случая). В четырех случаях материалы позволяют отнести вал и ров к домонгольскому времени. Сопоставление открытых следов укреплений Курского городища с напольной стороны в северо-западной и северо-восточной частях дают основания для констатации их, по крайней мере, частичной синхронности в рамках XI в. К сожалению, они разрушались по-разному: в северо-западной части при возведении острога заметно пострадал вал с наружной стороны, что уничтожило следы возможного частокола, на северо-восточном участке, напротив, остатки незначительно заглубленного частокола были прослежены, однако, вал, существование которого можно предполагать, был уничтожен, не исключено, при переносе севернее. В результате сравнение стратиграфии и планиграфии этих участков затруднено. Ранее мной было высказано предположение об их возможном конструктивном единстве (Енуков, 2010. С. 13, 14). Не отказываясь от вероятности такого решения, отмечу, все-таки, его гипотетичность.

Обратимся к реконструкции линии укреплений Курского городища с юга. Как уже отмечалось выше, в работе 2016 г. присутствует только вербальная и весьма общая характеристика его пределов, что ведет к необходимости обращения к картосхемам А.В. Зорина, опубликованным ранее (Зорин, 2009. Рис. 5, 6), где и было представлено обоснование топографии обороны. В предложенном варианте укрепления роменского городища занимает примерно треть площади времен острога XVII–XVIII вв., оставляя за своими границами значительную часть мысовой площадки, примыкающей к берегам Тускари и Кура (Рис. 1).

В основу гипотезы положено два аргумента. Первый из них сводится к тому, что только в траншее 2004 г. была обнаружена, хотя и в переотложенном виде, лепная роменская керамика, а в траншеях 2005 г. она отсутствовала. Следовательно, по логике исследователя, где-то между ними проходила граница роменского городища. Этот факт, однако, ничего не доказывает, так как обнаруженные на исследованных участках фрагменты сосудов никак не связаны с объектами собственно роменскими, тем более, что особенно важно – с фортификациями. Присутствие роменского «наследия» на древнерусских памятниках, в том числе и в виде обломков лепной посуды, является уже давно установленным фактом, и отражает участие аборигенов в формировании населения новой административной единицы Древнерусского государства (Енуков, 2006). А.В. Зорин, как уже указывалось, помещает роменское городище к юго-востоку от прослеженной линии древнерусских укреплений, однако, вопреки этому, оба рубежа совпадают. В свою очередь, именно к линии древнерусских напольных фортификаций выводится локализованный исследователем роменский «вал», пересекающий мысовую площадку (Зорин, 2009. С. 89. Рис. 6).

К числу противоречий относится и совпадение границ рукотворного восточного «буерака» со рвом древнерусских укреплений, исследованном раскопами 1 и 2 на ул. Сонина (Зорин, 2009. Рис. 5), хотя это, несомненно, два разных историко-топографических элемента. Здесь же обозначена и линия укреплений острога XVII–XVIII вв., следов которых в ходе исследований не обнаружено. Тем не менее, уже на следующей иллюстрации (Зорин, 2009. Рис. 6) обращался, оборонительный рубеж по ул. Сонина уже

присутствует, а ров острога отодвигается к северу.

Рассмотрим второй аргумент. Суть его сводится к локализации, упомянутой в описании 1652 г. «старой городовой осыпи», которая пересекала городище. К этому сюжету я также обращался, полагая, что она может представлять собой остатки вала роменского времени, который, однако, отделял городище с напольной стороны, при этом фортификации были обращены «лицом» на север. В пользу вероятности этого свидетельствует широко известный факт расположенных на роменских городищах валов с напольной стороны. Надо признать, предполагаемая линия укреплений, пересекавшая мысовую площадку примерно с востока на запад, была нанесена условно, скорее, для общего ориентира, что подчеркивалось и в тексте (Енуков, 2009. С. 77. Рис. 1)[4]. Нельзя здесь не отметить и влияние некритично воспринятой схемы реконструкции В.Ф. Габеля и И.Н. Гулина (1951. Рис. 1).

А.В. Зорин также связал «осыпь» с роменским городищем, однако развернул фронтальной стороной на юго-запад, отсекая мысовую часть площадки. Для такой локализации были использованы следующие ориентиры. В описании острога 1652 г. был упомянут колодец, вырытый в «старой городовой осыпи». В 1785 г. предполагалось возобновить колодец, причем его местоположение было указано на плане, что позволило его посадить достаточно точно на современную топооснову. По логичному предположению исследователя речь должна идти об одном и том же источнике воды (Зорин, 2009. С. 86, 87). В результате восточная оконечность «осыпи» получила практически точную привязку. Попутно отмечу одну интересную деталь древнего рельефа. В ходе раскопок около Воскресенской церкви была обнаружена вершина оврага в виде промоины, в нижней части заполнения которой был намывной культурный слой XI–XIII вв. с находками стеклянных браслетов, плинф и круговой посуды, а также небольшого количества обломков роменской лепной керамики. Напластования верхней части были связаны уже с гораздо более поздним временем начиная с конца XVI в. Границы оврага за пределами раскопа локализуются, естественно, с долей условности, при этом колодец располагался в районе его западной границы. Овраг, расширяясь, выходил к обрывистому берегу Тускари (Жаворонков, 2018. С. 506. Рис. 12). Таким образом, вершина оврага должна была примыкать к «осыпи» с северо-восточной, напольной, стороны.

Дальнейший ход рассуждений сводится к следующему. Первоначально А.В. Зорин допустил возможность расположения «осыпи» «по прямой». При ее длине в 345,6 м она должна была выходить к обрывистому берегу Кура между Никитской и Куровой башнями (Зорин, 2009. С. 86). Однако далее исследователь, обращаясь к публикации А.И. Раздорским плана Знаменского монастыря, повторяет данную этим автором характеристику предназначенной к сносу ветхой ограды как имеющую «весьма своеобразную ломанную линию» (Раздорский, 1988. С. 44). В результате: «Можно предположить, что форма обусловлена как раз тем, что ограда изначально проходила по линии «старой осыпи» (Рис. 5)» (Зорин, 2009. С. 87). В последующем выдвинутое предположение превращается в окончательно доказанный вывод.

Можно констатировать, что вероятное совпадение линий «осыпи» и ограды каких-либо обоснований не имеет. Непонятно, почему в пользу этого должна свидетельствовать «ломанная форма» ограды, которая, кстати сказать, весьма плавная, что следует как из опубликованного плана монастыря (Раздорский, 1988. Рис. на с. 41), так и ее локализации на представленной А.В. Зориным карте. Кстати сказать, не исключено, что изначально монастырская ограда вообще образовывала прямоугольник, на возможность чего обратил

4 Эта картосхема из моей статьи в том же сборнике была заимствована А.В. Зориным практически без изменений, за исключением посаженного на нее в соответствии со своей гипотезой вала со стороны мыса (Зорин, 2009. Рис. 6). Отсутствие каких-либо пояснений как раз и привело к некоторым противоречиям с предыдущей иллюстрацией его публикации, которые уже отмечались. В настоящей работе мной использована с добавлениями та же картосхема (Рис. 1)

внимание А.И. Раздорский (Раздорский, 1988. С. 43, 44). Не соответствуют предложенной схеме оборонительных сооружений и данные археологии. На сегодняшний день выявлено более 900 памятников роменской культуры, в том числе 255 городищ[5], при этом предложенная А.В. Зориным схема ни разу не отмечена. Ее носители для их обустройства выбирали, как правило, площадки, рельеф которых уже создавал естественные преграды к ее доступу и значительно сокращал объем земляных работ. Выделяются мысовой, останцовый и болотный типы укрепленных поселков при безраздельном господстве первого. В результате две стороны площадки, выходившие к сливающимся водным потокам либо к реке и впадающим в нее оврагу/оврагам были уже неплохо защищены уже самой природой. Наиболее уязвимой была напольная сторона, поэтому именно ей строители уделяли особое внимание. Неслучайно до нашего времени на этих участках зачастую сохраняются насыпи валов нередко в несколько метров, которые по бокам обычно сходят на нет. Предложенная схема нарушает этот принцип, облегчая доступ к городищу и со стороны приречного мыса, а с учетом относительно пологой мысовой стрелки делала его даже довольно «комфортным». Естественным рубежом оставался только небольшой участок крутого, обрывистого берега р. Тускарь.

Как уже указывалось, позднее А.В. Зориным в совместной с Г.Ю. Стародубцевым статье «изначальное ядро» фортификаций без объяснений и комментариев было отнесено уже не к роменскому, а древнерусскому времени. Однако, в таком случае, сразу же аннулируется аргумент локализации границы городища на основе распространения роменской керамики. Кроме того, за пределами «изначальной» крепости оказывается участок изысканий 2005 г., хотя в существовании здесь укреплений древнерусского времени никаких сомнений нет, в том числе и у А.В. Зорина. Можно, конечно, снять это противоречие, если немного «развернуть» против часовой стрелки план 1785 г., и тогда линия северо-западной части монастырской ограды охватит «выпавший» участок, что, однако, не представляется возможным.[6]

Таким образом, гипотезу о границах укреплений «изначального ядра» Курского городища нельзя признать обоснованной. В свою очередь, «старая городовая осыпь» является зафиксированным письменными источниками фактом. Заслугой А.В. Зорина является привязка к конкретным ориентирам ее восточного края, однако в целом локализация «осыпи» остается неопределенной. Это же касается и ее культурно-исторической принадлежности. Полагаю, как и ранее, что в силу отдельных топографических признаков «осыпь» может быть связана с роменской культурой, однако это не более, чем предположение. Против нее имеются и серьезные возражения, в том числе вопрос о наличии на Курском городище вообще роменских напластований, что я отмечал и ранее. Ряд косвенных признаков свидетельствует в пользу того, что оно существовало в IX–X вв., причем могло играть заметную роль в жизни Северской земли

5 Свод памятников роменской культуры был выполнен в 2020–2022 гг. в рамках реализации проекта РФФИ №29-09-00041 «Днепровское левобережье и Поочье в конце I – начале II тысячелетия н.э.: роменская культура» под руководством автора настоящей работы

6 Монастырская ограда не доходила до линии фортификаций с напольной стороны, что следует и из представленного А.В. Зориным плана (Зорин, 2009. Рис. 5), поэтому предложенная на ее основе линия «городовой осыпи» на этом отрезке носит умозрительный характер. Тем не менее, отмечу, что план монастыря посажен А.В. Зориным на современную топооснову относительно точно, а небольшие погрешности объясняются масштабом картосхемы. Курский краевед И. Василиади провел аналогичную операцию с использованием компьютерных технологий и получил похожий результат (https://vk.com/id27659370?w=wall27659370_2657). Аналогичную работу проделал Ю.В. Озеров, который использовал не только картографические материалы, но и точные ориентиры в виде двух башен монастырской ограды, что привело к некоторым, хотя и не принципиальным, уточнениям (Озеров, 2023). Интересно, что в обоих случаях за пределами локализации предполагаемой линии «осыпи» остается не только участок исследований 2005 г., но фактически и ранние укрепления, открытые на раскопе 6. Это лишний раз показывает неправомерность отождествления границы монастырской ограды с местоположением «осыпи».

(Енуков, 2005. 232–239; 2009. С. 75–77). Однако пока на мысовой площадке не будут обнаружены однозначно роменские объекты, в идеале – следы фортификаций, это не более чем допущение.

Отказ от гипотезы, согласно которой роменское/древнерусское городище располагалось только в пределах северо-восточной части мысовой площадки, выдвигает на первый план предположение о том, что в эпоху Древней Руси оно занимало всю ее территорию и относится к типу мысовых. Естественно, это может быть подтверждено данными археологии. К сожалению, центральная и юго-западная части городища очень серьезно пострадали от хозяйственной деятельности, особенно при строительстве завода «Электроаппарат», которое сопровождалось масштабными земляными работами. Так, разведочными работами Н.А. Тихомирова с использованием пяти шурфов, расположенных вдоль ул. Луначарского, было установлено, что культурный слой был либо полностью уничтожен, либо от него сохранились незначительные и малоинформативные участки (Тихомиров, 2004. Л. 6).

Похожая ситуация присутствовала и при изысканиях автора по другому краю городища, вдоль ул. Сонина, однако с одним важным исключением: в шурфе 25 под черноземом газона и мощными перекопами был выявлен культурный слой[7] хорошей сохранности в виде темно-серого грунта с включениями материкового мергеля толщиной от 20 до 65 см (Рис. 5, 6). Он был однороден по составу и стратиграфически не расчленялся, поэтому выбирался пластами. Верхняя его часть была мало насыщена находками, представленными фрагментами позднесредневековой посуды. Начиная с пласта 7 они исчезают и набор керамики, которой становится значительно больше в количественном отношении, вплоть до материка уже состоял практически только из обломков домонгольской круговой посуды, дополненных очень небольшой примесью стенок лепных роменских горшков. Венчики круговых сосудов отражают практически весь хроно-морфологический спектр начиная с манжетовидных, имеющих в некоторых случаях архаические признаки, и заканчивая фрагментами конца XII – 1-й половины XIII в., для которых характерны коническая или цилиндрическая шейка и заметно отогнутая губа с хорошо выделенной внутренней ложбинкой (Рис. 4, 1–24). Присутствовали венчики с вертикальной постановкой (Рис. 4, 27–30), точная датировка которых затруднена, однако они хорошо известны в материалах древнерусских памятников региона начиная с конца X – начала XI вв. Отмечен крупный обломок большого пифосообразного сосуда (Рис. 4, 27). Аналогичное изделие в целом виде было обнаружено в ходе работ автора на территории парка им. 1-го Мая (раскоп 3), в подклете дома, сгоревшего во время монгольского погрома. На этом фоне выделяется два венчика, которые имеют утолщенную и сильно загнутую внутрь губу, в результате чего образуется ложбинка по внутреннему краю, а также короткую шейку с относительно плавным плечиком (Рис. 4, 25; 26). Такая посуда соответствует типу 4 по классификации Р.С. Веретюшкина и появляется сразу же после монгольского нашествия (Веретюшкин, 2005б. С. 161–164. Рис. 3, 3–8).

Целостность массива культурного слоя нарушалось сооружением, которое было обнаружено в крайней северо-восточной части шурфа 25 и уходило за пределы раскопа. Сооружение, в свою очередь, уничтожило верхнюю часть погребальной ямы с ингумацией, небольшой участок которой попал в пределы исследованной площади. Для доследования объектов была сделана прирезка, размеры которой, к сожалению, были ограничены расположенными рядом деревом и бордюром тротуара. С учетом выявленной стратиграфии методика исследований была изменена: первоначально был удален грунт перекопа, после чего разборка выполнялась по выявленным слоям. Для детализации наблюдений помимо бортов использовался дополнительный разрез (Рис. 5, III).

Анализ стратиграфии и планиграфии напластований, вскрытых прирезкой, дал

7 Культурный слой в ходе дальнейших исследований был обозначен как «слой 2». Объясняется это тем, что в прирезке к шурфу напластования сохранились на большую толщину и выше располагался еще слой 1.

следующие результаты. Перекопы на этом участке повредили культурный слой на меньшую глубину. Стратиграфические особенности расположения напластований под заметным уклоном указывают на то, что основу сооружения определяло значительное углубление в культурном слое, а его большая часть располагалась севернее границы прирезки (Рис. 5, II, III). Непосредственно с сооружением, судя по всему, связаны слои 6, 5а и 4б, возможно – 4а. Слоем 3 из материкового мергеля углубление, оставшееся на месте объекта, было засыпано, после чего оставшаяся ложбина постепенно заполнилась формирующимся культурным слоем 2, который, в отличие от шурфа, имел небольшую примесь древесного тлена. Слоем 1 из материкового мергеля участок был окончательно выровнен. Похоже, последняя нивелировка была проведена в два этапа, о чем свидетельствует разделяющая его прослойка гумусированного грунта, соответствующая начавшему формироваться дерну.

Сооружение разрушило верхнюю часть ямы погребения, в заполнении которой выделялась слои 7 и 8. Последний представлял собой грунт, который ссыпался в яму, судя по всему, непосредственно перед совершением захоронения. Немногочисленные фрагменты керамики в целом можно отнести к XII в. (Рис. 4, 34–38). Сузить нижнюю границу слоя 8 до середины XII в. позволяет обломок стеклянного крученого браслета зеленого цвета. Слоем 7 из материкового мергеля с гумусированными включениями, что, видимо, отражает попавший в него в небольшом количестве культурный слой, засыпали могильную яму. В нем в небольшом количестве была встречена домонгольская керамика (Рис. 4, 31–33).

Таким образом, материалы шурфа 25 однозначно свидетельствуют в пользу освоения крайней мысовой части в древнерусское время. Пока можно говорить о начале формирования культурного слоя только обобщенно, в рамках XI в., хотя небольшая серия манжетовидных венчиков с ранними признаками позволяет с осторожностью предположить 1-ю половину этого столетия. Стоит обратить внимание на еще одну деталь: под напластованиями сразу же начинался материк, что свидетельствует о предварительной срезке почвы, при этом мог быть уничтожен и более ранний культурный слой. В свою очередь, жизнедеятельность на исследованном участке продолжалась не только до монгольского нашествия. Ее следы, как указывалось, фиксируются небольшим количеством керамики и после этого события[8].

Результаты работ 2007 г. позволили предположить, что в юго-западной части Курского городища сохранились напластования времени раннего освоения. Вероятность этого подтвердили разведочные работы 2020 г. по адресу: ул. Луначарского, д. 8. Шурф 25 располагается в 70 м к юго-востоку от этого здания (бывшая гимназия, до недавнего времени – корпус завода «Электроаппарат»), которое размещено вдоль большей части юго-восточной оконечности городища. Несмотря на крайне неблагоприятные условия изысканий (шурфы примыкали к фундаментам, часть их размещалась внутри строения), был обнаружен культурный слой, в котором на фоне преобладания материалов Нового и Новейшего времени присутствовали находки роменской лепной и круговой древнерусской керамики, в последнем случае дополненные фрагментом стеклянного браслета. В яме 1, частично вошедшей в пределы шурфа 4, была обнаружена только лепная роменская и круговая древнерусская посуда. В силу малочисленности находок объект имеет обобщенную культурно-хронологическую атрибуцию (Головин, 2020. Л. 53).

Итак, накопленные на сегодняшний день данные свидетельствуют в пользу того, что «детинец» Курска занимал всю территорию приречного мыса, ограниченную с северо-западной стороны «буераком», который дополняли сменившие друг друга рукотворные рвы на севере. Мысовой тип городищ был ведущим не только в роменское, но и в

8 В настоящей статье я не касаюсь характеристики погребения, которое было опубликовано (Енуков, 2010б). Также опущен анализ материалов из сооружения и верхней части слоя 2, которые по хронологии выходят за рамки темы.

древнерусское время (Куза, 1996. С. 28–31), основные причины чему применительно к роменской культуре уже были названы. Сложно точно посчитать площадь «цитадели», так как примыкающая к речным откосам и обрывам территория не раз подвергались антропогенному воздействию, однако она вряд ли составляла менее 8 га. По этому параметру, согласно классификации А.В. Кузы, Курск относится к группе VIII в составе крупнейших городищ, в которых в отличие от безымянных памятников преобладали летописные города (Куза, 1989. С. 42). Что касается предшествующей эпохи, то следует признать: прямых доказательств существования в роменское время укрепленного поселения при слиянии Кура с Тускарью пока не имеется.

В заключение хочу выразить благодарность Ю.В. Озерову за возможность ознакомиться с принятой к печати, но еще не опубликованной, рукописью статьи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Веретюшкин Р.С. Об одной группе керамики Древнего Курска // Днепро-донское междуречье в эпоху раннего средневековья: Сб. статей. Воронеж, 2005а.

Веретюшкин Р.С. Керамика средневекового Рыльска золотоордынской эпохи // РА. 2005б. № 4.

Габель В.Ф., Гулин И.Н. Курск. М., 1951.

Головин С.Н. Отчет об археологических разведках на ул. Луначарского в г. Курске Курской области в 2020 г. // Архив НИИ АЮВР.

Енуков В.В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей: Монография. Курск, 2005. (Курский край: Научн.-популярн. серия в 20 т. Т. III).

Енуков В.В. Роменское население Посемья в древнерусское время // Археология Юго-востока Руси: Матер. IV научн. конф. Елец, 2006.

Енуков В.В. Начальные этапы истории Курска // Средневековый город Юго-Восточной Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса Курск, 2009.

Енуков В.В. Топография укреплений Курского городища в древнерусское время // Исторический вестник Курского государственного университета. 2010а. № 1.

Енуков В.В. Погребение на территории древнего Курска // Актуальные проблемы научного творчества кафедры истории России: Сб. научн. ст. Вып. 6. Курск, 2010б.

Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск, 2007 (Тр. НИИ археологии юго-востока Руси. Вып. 1).

Жаворонков С.И. К вопросу о топографии Курска в Средневековье и Новом времени // Археология восточноевропейской лесостепи: сборник материалов международной науч.-практ. конференции, посв. 80-летию со дня рождения А.Г. Николаенко (г. Белгород, 14–16 декабря 2017 года). Белгород, 2018.

Зорин А.В. Охранные раскопки в историческом центре Курска // Верхнее Подонье: Природа. Археология. Вып. 2. Т. 1. Тула, 2007. С. 167–174.

Зорин А.В. Оборонительные сооружения средневекового Курска // Средневековый город Юго-Востока Руси: предполсылки возникновения, эволюция, материальная культура. Мат. Конф., посвященной 100-летиюначала археологических исследлваний Гочевского археологического комплекса. Курск, 2009.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. Структура и развитие оборонительных сооружений Курской крепости конца XVI–XVII вв. // Город Средневековья и раннего нового времени (V): археология, история. Материалы V Всероссийского семинара. Тула, 2016.

Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989.

Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996.

Ларионов С.И. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известиях вкратце. М., 1786.

Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск, 1996 (МИАДЛ. Вып. 2).

Озеров Ю.В. Курские монастыри и Воскресенский городской собор в контексте градостроительных перемен второй половины XVIII века // Труды Курской духовной семинарии. 2023. № 5 (в печати).

Позняков Л.Н. Курский острог (крепость) XVII века // Курский сборник. Вып. VII. Курск, 1912.

Раздорский А.И. Курский Знаменский монастырь по плану 1785 г. // Наследие монастырской культуры: Ремесло, художество, искусство: Статьи, рефераты, публикации. Вып. 3. СПб., 1998.

Самсонов В.И., Стоюшкина В.И. План Курской крепости 1722 г. // Краеведческие записки. Вып. 2. Курск, 1963.

Тихомиров Н.А. Отчет об охранных исследованиях музея на Красной площади г. Курска в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 48723.

Щекатов А.Ф. Географический словарь Российского государства. Ч. 3. СПб., 1804.

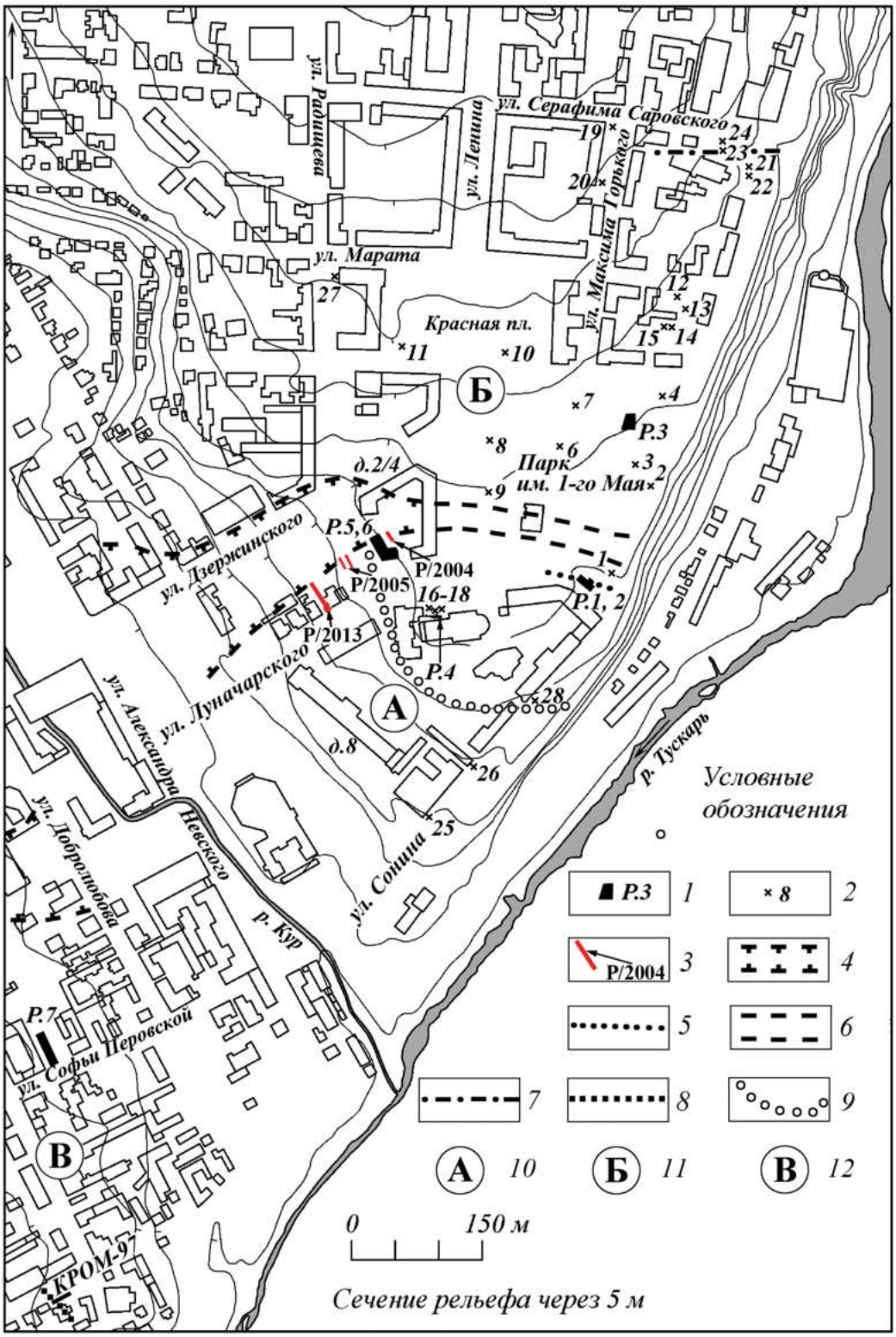


Рис.1

Курск. Основные топографические элементы города.

Условные обозначения: 1 – раскопы (КГУ); 2 – шурфы (КГУ); 3 – траншеи (работы Н.А. Тихомирова, А.В. Зорина, Г.Ю. Стародубцева); 4 – древние овраги; 5 – укрепления 1-й половины XI в.; 6 – ров детинца XI–XIII вв.; 7 – граница верхнего посада в XII–XIII вв.; 8 – линия укреплений нижнего посада в XI–XIII вв.; 9 – линия укреплений городища с мысовой стороны (по: Зорин, 2009); 10 – городище; 11 – верхний посад; 12 – нижний посад.

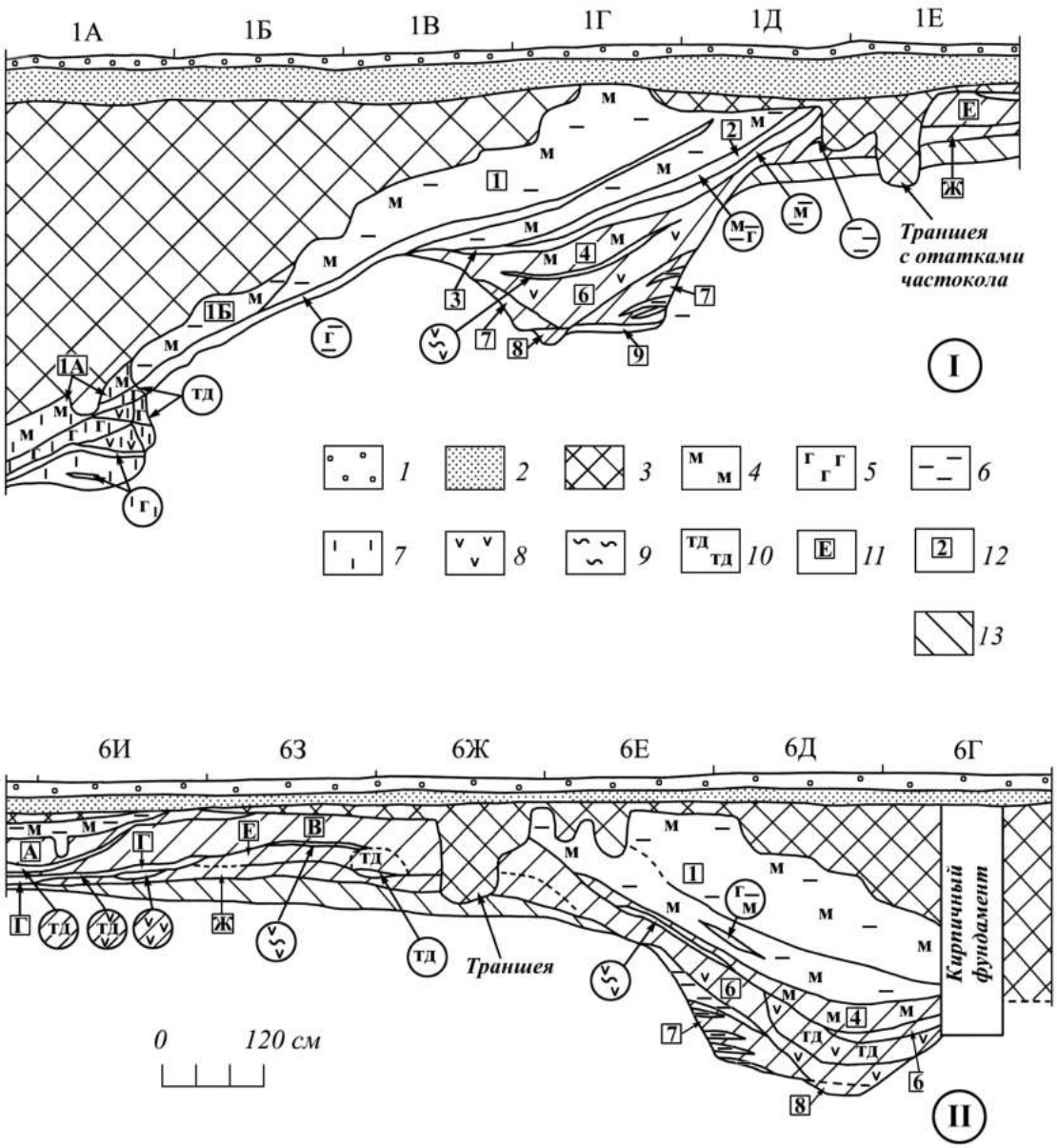


Рис.2

Курск, городище. Раскоп 6.

I – участок северо-восточного борта; II – участок юго-западного борта.

Условные обозначения: 1 – гравий; 2 – песок; 3 – перекоп; 4 – мергель; 5 – гумусированные включения; 6 – желто-серый суглинок; 7 – зеленовато-серый суглинок; 8 – угли; 9 – зола; 10 – древесный тлен; 11 – обозначения слоев площадки городища; 12 – нумерация слоев рва и перекрывающих его стратиграфических элементов; 13 – диффузионный слой.

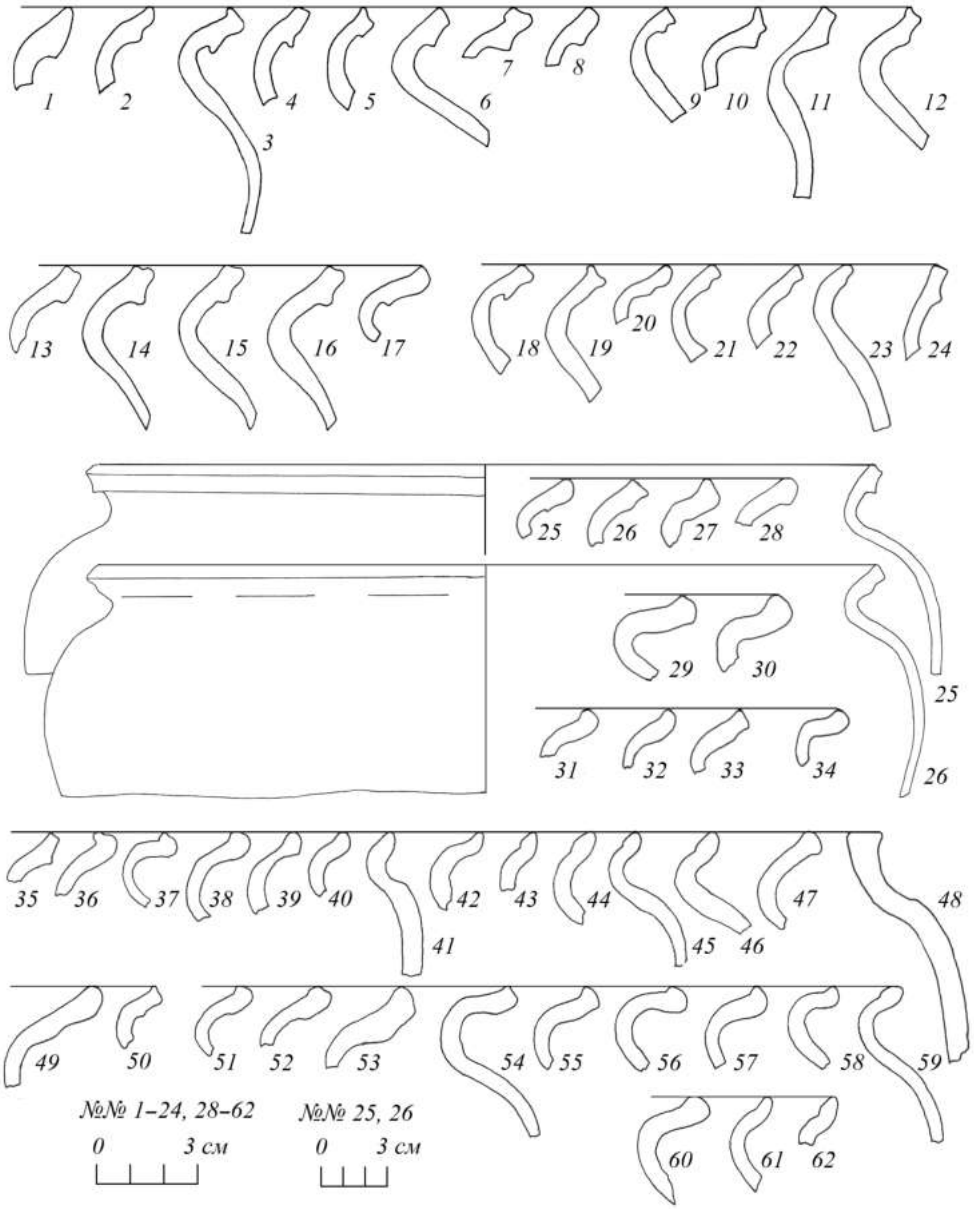


Рис.3

Рис. 3. Курск, городище. Раскоп 6. Круговая керамика.
1–12 – слой Г; 13–17, 25, 26 – жилище (яма 43Д); 18–24 – слой В; 27–34 – слой 6;
35–48 – слой 1; 49, 50 – слой 2; 51–62 – слой 3.

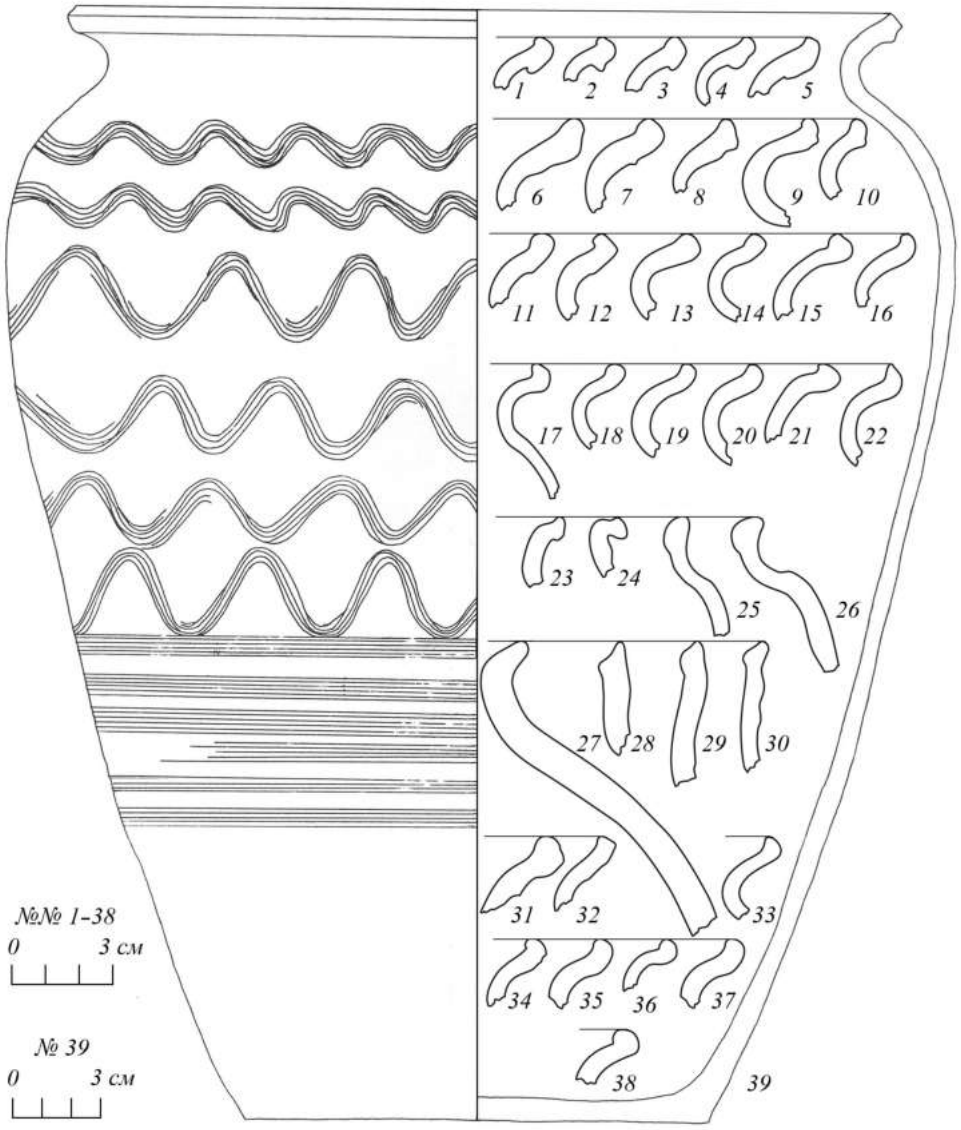


Рис.4

Курск, городище. Круговая керамика.
13–38 – шурф 25 (1–30 – слой 2, нижняя часть; 31–33 – слой 7; 34–39 – слой 8);
39 – раскоп 6, жилая постройка (яма 43Д).

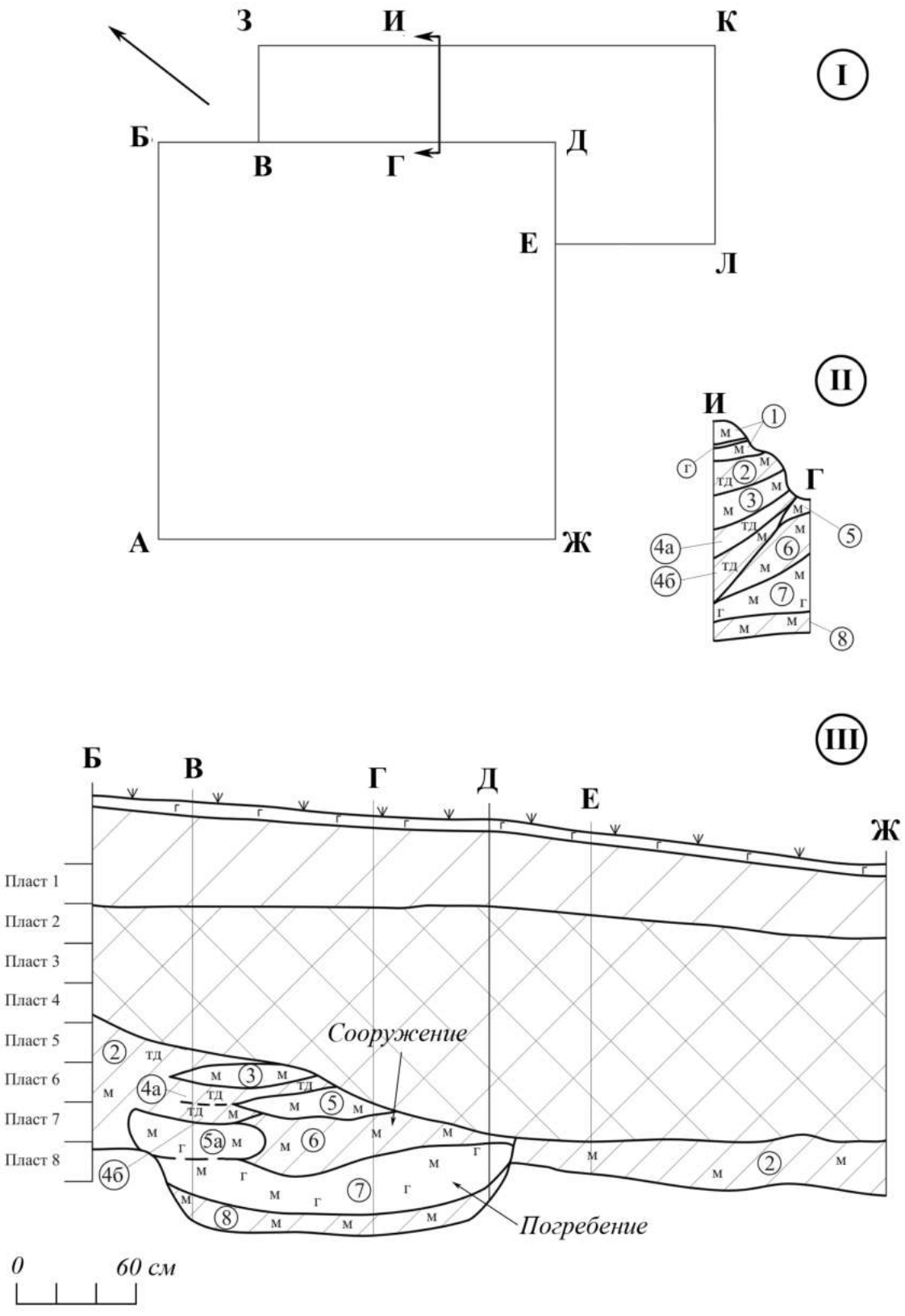


Рис.5

Курск, городище. Шурф 25.

I – схема расположения профилей; II – профиль Г-И; III – профиль Б-Ж.

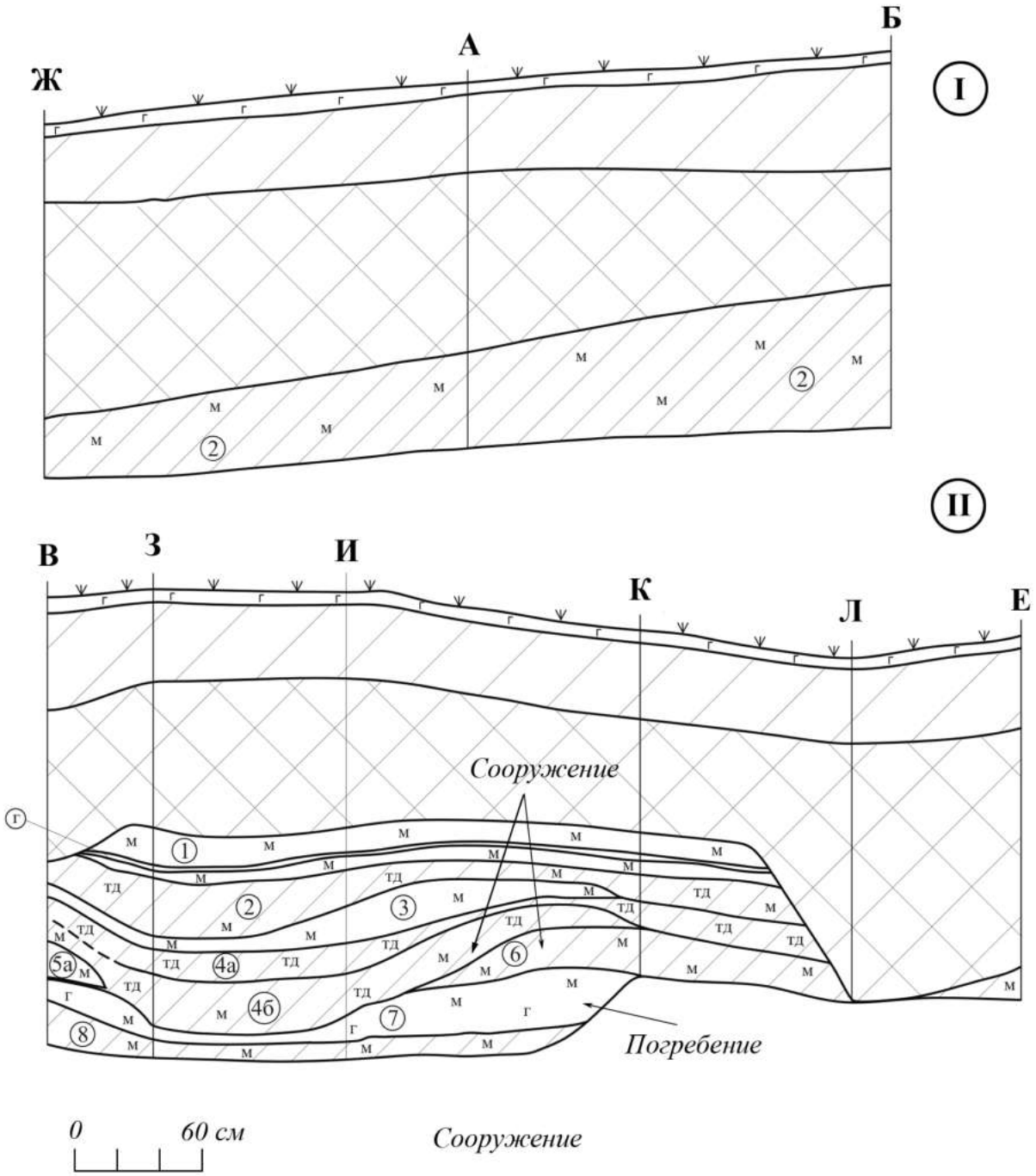


Рис.6
Курск, городище. Шурф 25.
I – профиль Ж-Б; II – профиль В-Е.

РЫЛЬСК И ЕГО ОКРУГА В XIV – XV ВВ. ПО ПИСЬМЕННЫМ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И НУМИЗМАТИЧЕСКИМ НАХОДКАМ

©2023 г. Г.Ю. Стародубцев

Курский государственный областной музей археологии, Курск

Статья посвящена анализу письменных источников и находок, которые могут служить маркерами для определения границ Рыльского княжества на рубеже XIV – XV вв. Автором использованы данные об археологических и нумизматических артефактах, обнаруженных на территории Курской, Брянской и Сумской областей.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Золотая Орда, Сейм, Рыльск, XIV – XV вв.

RYLSK AND ITS DISTRICT IN THE XIV – XV CENTURIES BY WRITTEN, ARCHAEOLOGICAL AND NUMISMATIC FINDINGS

©2023 G.Yu. Starodubtsev

The article is devoted to the analysis of written sources and finds that can serve as markers for determining the borders of the Rylsk Principality at the turn of the XIV – XV centuries. The author uses data on archaeological and numismatic artifacts found on the territory of Kursk, Bryansk and Sumy regions.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Golden Horde, Sejm, Rylsk, XIV – XV centuries.

Во второй половине XIV – первой половине XV вв. войска Ольгерда, отвоевав у Золотой Орды на протяжении 1360-х – 1370-х гг. значительную территорию, отодвинули границу далеко на восток и на юго-восток. Это было время перехода присоединённых русских земель (в том числе и Курского Посеймья[1]) под юрисдикцию Великого княжества Литовского. В связи с этим в общеполитической ситуации в регионе происходят значительные изменения, которые не могли произойти быстро и безболезненно. Однако и русские, и литовские летописи обошли вниманием обстоятельства присоединения Курской земли к Литве[2].

Если обратиться к письменным источникам этого периода, в которых упоминаются города и земли междуречья Сейма и Псла, то среди этих документов – «Список городов Свидригайла» (1432 г.) (Полехов, 2014. С. 111-125), «Список городов русских дальних и ближних» (1449 г.) (Новгородская Первая летопись..., 1950. С. 475-476), ярлыки ханов Хаджи-Гирея (1461 г.) и Менгли-Гирея (1472 г.) польскому королю Казимиру (Зорин, С. 117-122), ярлык хана Менгли-Гирея королю Сигизмунду I (1506 г.), договор между Сигизмундом и Менгли-Гиреем (доокончание) (декабрь 1513 г.), договор между Сигизмундом и Менгли-Гиреем (доокончание) (июнь 1514 г.), ярлык хана Мехмед-Гирея королю Сигизмунду I (1517 г.), ярлык хана Мехмед-Гирея, подтвержденный Бахадур-Гиреем и Ислам-Гиреем (1532 г.), ярлык хана Саип-Гирея (1535 г.), а также предварительный текст мирных соглашений, обсуждавшихся в Кракове с крымским посольством в начале 1540 г. (Зорин, 2021. С. 117-122).

Находки, которые на протяжении последних трех десятилетий постепенно накапливаются в ходе исследований археологических памятников на территории Курского области, позволяют оспорить мнение о запустении данной территории в указанный период. Это находки красноглиняной, белоглиняной и поливной керамики, обломки железных

1 Под термином «Посеймье» мы подразумеваем территорию бассейна верхнего и среднего течений р. Сейм с притоками.

2 В связи с этим сложилось мнение относительно средневековой истории территории верхнего течения рек Сейм и Псёл как о почти полном запустении их на протяжении либо всего периода XIV – XV вв., либо его большей части (Загоровский. 1991. С. 17, 19; Раздорский, 2015. С. 190-201).

котлов, ордынские монеты, отдельные предметы вооружения и воинского снаряжения. Данные памятники, как правило, располагаются на территории верхнего течения р. Псёл, а также верхнего и среднего течения р. Сейм, группируясь на нескольких довольно локальных участках: Курск и его округа, включающая в себя Ратский комплекс; Рыльск и округа; Гочево (Мужеч) и округа. Подобное распределение находок, группирующихся вокруг определённых центров, вполне можно соотнести с политическими образованиями данной территории, сведения о которых сохранились в письменных источниках. Речь идёт о Курской тьме, Еголдаевой тьме и Рыльском княжестве.

О существовании на рубеже XIV – XV вв. Рыльского княжества упоминается в летописной повести о битве на Ворскле 1399 г., где сообщается о гибели рыльского князя Фёдора Патрикеевича. Отдельным пунктом или в сочетании с округой Рыльск упоминается в списке Свидригайло (1432 г.) («Rylesk»), «Списке городов русских дальних и ближних» (1449 г.) («Рылескъ»), равно как и в ханских ярлыках Хаджи-Гирея (1461 г.) («Rilsko, z wodami, ziemiami i ze wszemi pożytkami ich»), Менгли-Гирея (1472 г.) («Rilsko z ziemiami etc.»), Менгли-Гирея (1506 г.) («Рылескъ зъ выходы и даньми и зъ землями и водами») (Сборник…, 1838. С. 88; Gołębiowski, 1848. S. 232; Полехов, 2014. С. 119). В дальнейшем рыльские земли, теряя самостоятельность, включаются в состав Новгород-Северского княжества.

На территории Рыльского района Курской области на сегодняшний день зафиксированы пять пунктов, в которых были зафиксированы находки XIV–XV вв.: Рыльск (АКР: Курская область, 2000. С. 83-86, 88-91), городище Синайка (Слободка 1) (2 км от исторического центра Рыльска) (АКР: Курская область, 2000. С. 108-109), с. Октябрьское (7 км), д. Никольниково (12 км) и с. Будки (20 км) (Рис. 1).

На территории Рыльска зафиксирована единичная находка подражания джучидскому дангу. Хотелось бы обратить внимание на то, что аналогичная картина (единичная находка на территории довольно крупного летописного города) наблюдается и в Курске. Подобна ситуация не должна совершенно смущать. Это объясняется следующими обстоятельствами: 1) достаточно плотной городской застройкой исторического центра и невозможностью вследствие этого вести здесь планомерные масштабные археологические раскопки; 2) многочисленными поздними перестройками, значительно повредившими, а местами полностью уничтожившими средневековый культурный слой; 3) невозможностью на современном уровне знаний четко вычленить материалы XIV–XV вв., т.к. изучение данного периода на территории Курского края началось совсем недавно. Из окрестностей Рыльска происходит находка «северского» подражания джучидским дангам с изображением тамги («княжеского знака») второй половины XIV в. (Зайцев, 2016. С. 61. Рис. 8, б).

На городище Синайка за прошедшие годы найдено семнадцать различных монет конца XIV – середины XV вв., из них: данги Золотой Орды (Тохтамыш, Тимур-Кутлуг, Шадибек, Пулад) и русские подражания джучидским дангам[3] (одна монет имеет надчеканку «Колюмн», датируемую серединой второго десятилетия XV в. – 1430 г.), пражские гроши Вацлава IV (1378 – 1419) II типа (Smolik, 1971. S. 23) и шиллинг Тевтонского ордена, который по типу монеты можно датировать серединой – второй половиной XV столетия (Стародубцев, 2013а. С. 64-71). Редкой для территории Курской области находкой является наконечник арбалетной стрелы (тип 15 по А.Ф. Медведеву (Медведев, 1966. С. 95. Табл. 31, 29)), обнаруженный в 1961 г. экспедицией А.Е. Алиховой при разведочных работах. Подобные наконечники датируются второй половиной XII – XV вв., они были

3 Одна из монет – подражание дангу Узбека, чеканившегося в Сарае в 739-740 гг. хиджры (1338/39-1339/40 гг.). По мнению С.Ю. Грачёва эти подражания чеканились на территории Брянского княжества в конце XIV – первом десятилетии XV вв. (Грачёв, 2012. С. 113, 115). Вторая – частично обломанная – имеет сходные аналоги среди русских подражательных монет из Верхнего Поочья, датируемых И.В. Волковым первым десятилетием XV в. (Волков, 2007. С. 97-120).

«очень широко распространены в Латвии», а на Руси известны лишь в Новогрудке в слоях XII – XIV вв. — что, скорее всего, относится к периоду, когда Новогрудок уже входил в состав Великого княжества Литовского. Под Рыльском наконечник подобного типа мог появиться не ранее последней четверти XIV столетия, когда город становится центром удела одного из Гедиминовичей – князя Фёдора Патрикеевича.

В 2008 г. близ д. Никольниково обнаружен клад из 421 монеты (395 дангов (Узбек, Джанибек, Бердибек, Кульпа, Науруз, Хызр, Тимур-Ходжа, Орду-Мелик, Кильдибек, Мюрид, Абдаллах, Азиз-Шейх, Пулад-Ходжа, Мухаммад, Булак, Тохтамыш, Шадибек, Пулад, Дервиш, Бек Суфи, Девлет-Берди), 10 русских подражаний золотоордынским монетам, 9 аспров генуэзско-татарской чеканки и 7 сильно потертых пражских гроша) (Зайцев, 2009. С. 190-191).

В 2020 г. вблизи с. Октябрьское найден клад, в состав которого входили 226 серебряных монет (Узбек, Джанибек, Науруз, Хызр, Кильдибек, Джанибек II, Абдаллах, Мухаммад, Булак, Тохтамыш) и два клейменых серебряных платежных слитка-полтины. Слитки представляют собой половинки поздних «горбатых» гривен новгородского типа – полтины, снабженные русскими клеймами-контрамарками. На одном из слитков имеется граффити в виде буквы **А**, на втором – процарапано имя возможного владельца в притяжательной форме: **ФЕДОРКОВА** (Зайцев, Шапошник, 2021. С. 156-191).

Около с. Будки найдены джучидские данги Мухаммада, Тохтамыша, Джелал ад-Дина (?), а также монета Стародубского княжества, отчеканенная при князе Александре Патрикеевиче в 1386–1393 гг.

Кроме того, из окрестностей Рыльска происходит не локализованные находки двух подражаний ордынским монетам, одна из которых имеет надчеканку «Колюмн», а другая – «Колюмн» и неизвестную надчеканку[4], аналогичную надчекану на монете Тохтамыша (чекан Белед Крым 796 г.х.) (Сагдеева, 2015. № 33). Еще один крупный клад джучидских монет, к сожалению, также не имеет точной локализации. По сведениям В.В. Зайцева, он был обнаружен в 2008 г. в «северо-западных районах» Курской области, что позволяет также, с большой долей осторожности, отнести его к «рыльскому» ареалу находок. Клад состоял из чуть более шестисот монет, сто семьдесят пять из которых имели на себе клейма с изображением «Колюмн». Самая младшие из находок – данги Девлет-Берди 825 г. х. (1421/1422 гг.) (Зайцев, 2009. С. 192).

В 2015 г. в урочище Кармановский лес (левый берег р. Свапа) (Железногорский район) была обнаружена железная колесцовая шпора (Стародубцев, Зорин, 2016. С. 127-128). Данную шпору следует отнести к типу VII по О.В. Двуреченскому, который датируется периодом второй половиной XIV – началом XV вв. (Двуреченский, 2014. С. 135-136, 146). Возможно, данная находка маркирует северо-восточную границу Рыльского княжества.

Выше Рыльска по течению р. Сейм локализуется относительно небольшая «липинско-люшинская» группа находок[5], большая часть которых обнаружена на Люшинском археологическом комплексе, расстояние до которого от Рыльска составляет 47 км (Рис. 1). Среди находок на городище и поселении – бронзовые и железные накладки, наконечник стрелы, золотоордынские данги Узбека, Абдаллаха, Мухаммада и грубое нечитаемое подражание дангу без конкретного аналога-образца (Стародубцев, 2013б. С. 44-47), обломки круговых белоглиняных сосудов с вертикальным венчиком и горизонтальными налепными валиками (имеющими косую насечку) по шейке и тулову (Стародубцев, 2000. Л. 6-7, 13. Рис. 33; Стародубцев, 2008а. С. 102-104; Стародубцев, 2008б. С. 229-233; Стародубцев, Зорин, 2009. С. 100-110). Аналогичная керамика с вертикальными венчиками, горизонтальными орнаментированными валиками по шейке

4 Надчекан своим написанием напоминает 35-ю букву в старославянском кириллическом алфавите **Ѥ**, вышедшую из употребления в русском письме в XV в.

5 Возможно, эту группу следует территориально связывать не с Рыльским княжеством, а с Курской тьмой.

и волнистым узором по шейке и тулову зафиксирована при раскопках замка Медининкай в Литве и датируется второй половиной XIV – первой половиной XV вв. (Mekas, Zalnierius, 2005. P. 141. Pav. 3, 1), на синхронных памятниках Белоруссии, где такая посуда называлась «макитра» (Ляуко, Ганецкая, Заяц і інш., 2001. С. 301-302. Мал. 187; 190, 6), а также при исследовании Старой Рязани (Монгайт, 1955. С. 125. Рис. 77-79; 87; Чернецов, Стрикалов, 2020. С. 118. Рис. 8).

На Липинском поселении, расположенном на расстоянии 35 км от Люшинского комплекса, найден данг Узбека. Интересной находкой данного периода является клад женских украшений, датируемый второй половиной XIV в. В его состав входят: фрагмент украшения из чередующихся рядов стеклянных бус и бронзовых пуговиц, нанизанных на перекрещивающиеся нити, бронзовый браслет, два бронзовых перстня и щиток серебряного перстня со стеклянной вставкой (Шпилев. 2008. С. 78-83). Клад обнаружен около с. Дичня, находящегося в 8 км к западу от Липинского комплекса.

Также в этом районе было найдено несколько монетных кладов. В начале XX столетия в урочище «Пыхтино» около д. Липина был обнаружен клад, состоящий из нескольких фунтов серебряных джучидских монет (Данилевич, 1911. С. 131-133). В 1909 г. – клад из 101 данга (Узбек, Джанибек, Хызр, Кильдибек, Мюрид, Булак, Тохтамыш, Пулад, в том числе с надчеканками Джанибека и Тохтамыша, а также подражания) (Зорин, Стародубцев, Шпилёв, 2000. С. 305-306)[6]. В 2003 г. около д. Авдеева – клад из 70 дангов (определена 1 монета (Тохтамыш)) (Шпилев, 2005. С. 41-48; Лебедев, Зорин, 2007. С. 487-506).

В юго-восточной части Брянской области[7] на сегодняшний день зафиксированы четыре места находок XIV – XV вв.: Севск (67 км от Рыльска), с. Новоямское (72,5 км), х. Зеленин (81 км), п. Семёновск (82 км). Возможно, эти пункты являлись наиболее удаленными северо-западными точками от центра княжества (Рис. 1).

Также на данной территории было найдено несколько монетных и денежно-вещевых кладов, которые являются дополнительными маркерами северо-западной и северной границ ареала. Среди этих пунктов: окрестности к северу от г. Севск (2008 г. 1-й (два многобусинных височных кольца и одна полая серебряная бусина, происходящая от аналогичного украшения; два браслета, два перстня, пять сканных накладок, серебряный платежный слиток-полтина новгородского типа и 94 монеты[8]); 2008 г. 2-й (19 джучидских монет[9])) (Казаров, Зайончковский, Зайцев, 2012. С. 47-73) (69 км от Рыльска), д. Липница (2016 г.) (20 пражских грошей Вацлава IV, три брянских подражания сарайским дангам хана Узбека и один данг Пулада) (Зайцев, 2020. С. 104-105, 109) (61 км). Еще один небольшой монетный комплекс, датирующийся первой половиной 1420-х гг., найден в 2011 г. на поселении, расположенном при впадении р. Уль в р. Сев (82 км). Комплекс включал в себя 22 монеты, младшей из которых являлся татаро-генуэзский аспр Бека Суфи, чеканенный в Каффе в 822-824 г.х. (1420/1421 гг.). В кладе также имелось два джучидских данга, надчеканенных «колюмнами» (Зайцев, 2016. С. 235).

Несомненно, к «рыльскому» ареалу находок относится клад, найденный в 1916-

6 Клад происходит из Льговского уезда. К большому сожалению более точная территориальная «привязка» клада отсутствует.

7 Автор выражает большую признательность В.Н. Гурьянову, В.В. Зайцеву и А.А. Чубуру за любезно предоставленную информацию о находках XIV – XV вв. (в том числе о кладах), зафиксированных в Комаричком и Севском районах Брянской области.

8 Среди монет большинство составляли джучидские данги ханов Узбека, Джанибека, Бердибека, Хызра, Абдаллаха, Мухаммада. Однако имелись и три русских неатрибутированных подражания золотоордынским монетам, а также две монеты Брянского княжества (одна монета с кириллической надписью и знаком на лицевой стороне и подражанием дангу Гийас ад-Дин Мухаммада на другой) (Зайцев, 2010. С. 11-12; Казаров, Зайончковский, Зайцев, 2012. С. 49, 51).

9 Основу клада составляют данги Шадибека и Пулада. Часть монет не определена из-за плохой сохранности имевшихся на них первоначальных изображений. На четырнадцати из девятнадцати монет зафиксированы надчеканки в виде «Колюмн» (Зайцев, 2009. С. 191, 192).

1917 гг. в Глуховском уезде (современная Украина), по соседству с Рыльским уездом. В его состав входили 500 джучидских монет (определены 3 данга (Узбек, Абдаллах и Мухаммад Булак)) (Федоров-Давыдов, 1960. С. 150, № 109). С населением данной территории того времени вполне возможно следует связать и находки XIII – XIV вв. (ременной распределитель, керамика) в таких пунктах как Уланово (34 км от Рыльска), Тополя (40 км от Рыльска) (Супруненко, Приймак, Мироненко, 2004. С. 50, 70. Рис. 49-55; Приймак, 2014. С. 541)[10].

Перечисленные пункты дают довольно ясное представление о возможных границах Рыльского княжества в XIV – XV столетиях. Не вызывает сомнений, что в его состав, помимо самих рыльских земель, частично входили территории современных Дмитриевского, Хомутовского, Кореневского и Глушковского районов Курской области; Севского, Комаричского, возможно и Суземского районов Брянской области; а также Шосткинского, Конотопского и Сумского районов Сумской области (Украина). Исходя из этого, можно сделать вывод о благоприятных перспективах дальнейшего поиска новых археологических памятников, составлявших округу Рыльска данного времени.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта России: Курская область. Ч. 2 / Автор-составитель А.В. Кашкин. М., 2000.

Волков И.В. Русские подражательные монеты начала XV в. из Верхнего Поочья // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 2. М., 2007.

Грачёв С.Ю. Новая группа подражательных монет из Подесенья // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 4. М., 2012.

Данилевич В.Е. Материалы для археологической карты Курского уезда // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. I. Ч. 1. Курск, 1911.

Двуреченский О.В. Колесцовые шпоры, происходящие с территории Новгородской, Владимирской и Рязанской земель второй половины XIII – XVII вв. // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Тула, 2014.

Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.

Зайцев В.В. О находке трех кладов джучидских монет с литовскими надчеканками // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3. Москва, 2009.

Зайцев В.В. Монеты Дмитрия Ольгердовича Брянского // Нумизматика. 2010. № 1 (24).

Зайцев В.В. Русские монеты XIV – XVII вв.: очерки по нумизматике. М., 2016.

Зайцев В.В., Шапошник В.Г. Клад серебряных монет и платежных слитков XIV в. из Рыльского района Курской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 9. Москва, 2021.

Зорин А.В. Средневековый Курск в письменных источниках XI–XVI вв. // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 6. Белгород, 2021.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилёв А.Г. История изучения Курских древностей // Курский край. T.V. Приложение I. Свод кладов Курского края. Курск, 2000.

Казаров А.А., Зайончковский Ю.В., Зайцев В.В. Севский денежно-вещевой клад второй половины XIV в. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 4. Москва, 2012.

Лебедев В.П., Зорин А.В. Денежное обращение Курской земли в золотоордынское время // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 6. Донецк, 2007.

10 Скорее всего, еще какая-то часть вероятных пунктов Рыльской округи может быть обнаружена на территории современной Украины.

Ляуко В.М., Ганецкая І.У., Заяц Ю.А. і інш. Археалогія Беларусі. Т. 4. Помнікі XIV – XVIII стст. Мінск. 2001.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII – XIV вв. // САИ, Е1-36. М., 1966.

Монгайт А.Л. Старая Рязань / МИА 49. М., 1955.

Монеты Курского края: нумизматическое собрание Курского государственного областного музея археологии: каталог. Курск, 2016.

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950

Полехов С.В. «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58).

Приймак В.В. Северная граница буферной зоны золотоордынского времени на территории Днепровского лесостепного Левобережья // Древности эпохи средневековья евразийской Лесостепи. Воронеж, 2008.

Приймак В.В. Территория верхнего и среднего течений Псла в золотоордынское время (середина XIII – XIV вв.) // Обоянь и обоянцы в отечественной и зарубежной истории и культуре: сборник материалов межрегиональной научной конференции. Обоянь, 2013.

Приймак В.В. Ременные распределители древнерусского и золотоордынского времени (новые находки) // Верхнедонской археологический сборник. Вып.6. Материалы межрегиональной научной конференции «Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы», посвященной 125-летию первых археологических раскопок под эгидой Императорской Археологической Комиссии в Липецком крае (бывшем Задонском уезде Воронежской губернии). Липецк, 2014.

Раздорский А.И. О времени существования современного Курска (к вопросу о хронологических разрывах в истории некоторых русских городов) // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Курган, 2015.

Сагдеева Р.З. Клад джучидских монет из Курской области // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2015 года. М., 2015.

Сборник князя Оболенского. М., 1838.

Стародубцев Г.Ю. Отчет об охранных раскопках Курского государственного областного музея археологии в Беловском и Льговском районах Курской области в 2000 г. // НА КГОМА. Д. I – 121.

Стародубцев Г.Ю. Предметы вооружения, снаряжения и конской упряжи из раскопок Люшинского археологического комплекса // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья: Материалы научной конференции. Воронеж. 2008а.

Стародубцев Г.Ю. Предметы христианского культа, снаряжения и вооружения из раскопок Люшинского археологического комплекса // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. Брянск. 2008б.

Стародубцев Г.Ю. Археологические памятники Курской области второй половины XIV – XV вв.: городище «Синайка» // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история: Материалы IV Всероссийского семинара. Тула, 2013а.

Стародубцев Г.Ю. Люшинский археологический комплекс: исследования городища и поселения, нумизматические находки начала 2000-х гг. // История и археология восточноевропейской деревни. Вып. 2: материалы II Международной научной конференции «Проблемы аграрной истории и археологии Восточной Европы». Брянск, 2013б.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. К вопросу об археологическом изучении периода второй половины XIV – начала XV вв. (по материалам памятников Курской области):

предварительное сообщение // Деснинские древности: материалы межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. Вып. V. Брянск, 2008.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. К вопросу об археологическом изучении периода второй половины XIV – начала XV вв. (по материалам памятников Курской области) // Верхнее Подонье: археология, история. Вып. 4. Тула, 2009.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Период XIV – XV вв. в новых пунктах Курской области // Русский сборник. Вып. 8. Т. 1. Брянск, 2016.

Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. Київ-Полтава, 2004.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1. М., 1960.

Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю. Сарая Рязань: новые исследования и находки // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 1.

Шпилев А.Г. Находки предметов ордынского времени на территории Курского края // Труды международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII – XV веков»: III МНК (Старый Крым, 3-9 октября 2004 г.). М., 2005.

Шпилев А.Г. Дичневский клад – комплекс женских украшений русско-ордынского порубежья 2-й половины XIV в. из Курской области // Российская археология. 2008. № 2.

Шпилев А.Г. Свод денежных и денежно–вещевых кладов XIV–XV вв., найденных на территории Курского края // Монеты Курского края: нумизматическое собрание Курского государственного областного музея археологии: каталог. Курск, 2016.

Gołębiowski Ł. Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. T. 3: Dzeje Polski za panowania Kaźmiera, Jana Olbrachta i Alexandra. Warszawa, 1848.

Mekas K., Zalnierius A. Medininku pilies archeologiniai tyrinejimai 1961–1963 metais // Lietuvos archeologija. T. 28, Vilnius, 2005.

Smolik J. Prazske grose. A jejich dily (1300 – 1547). Praha, 1971 (репринт).

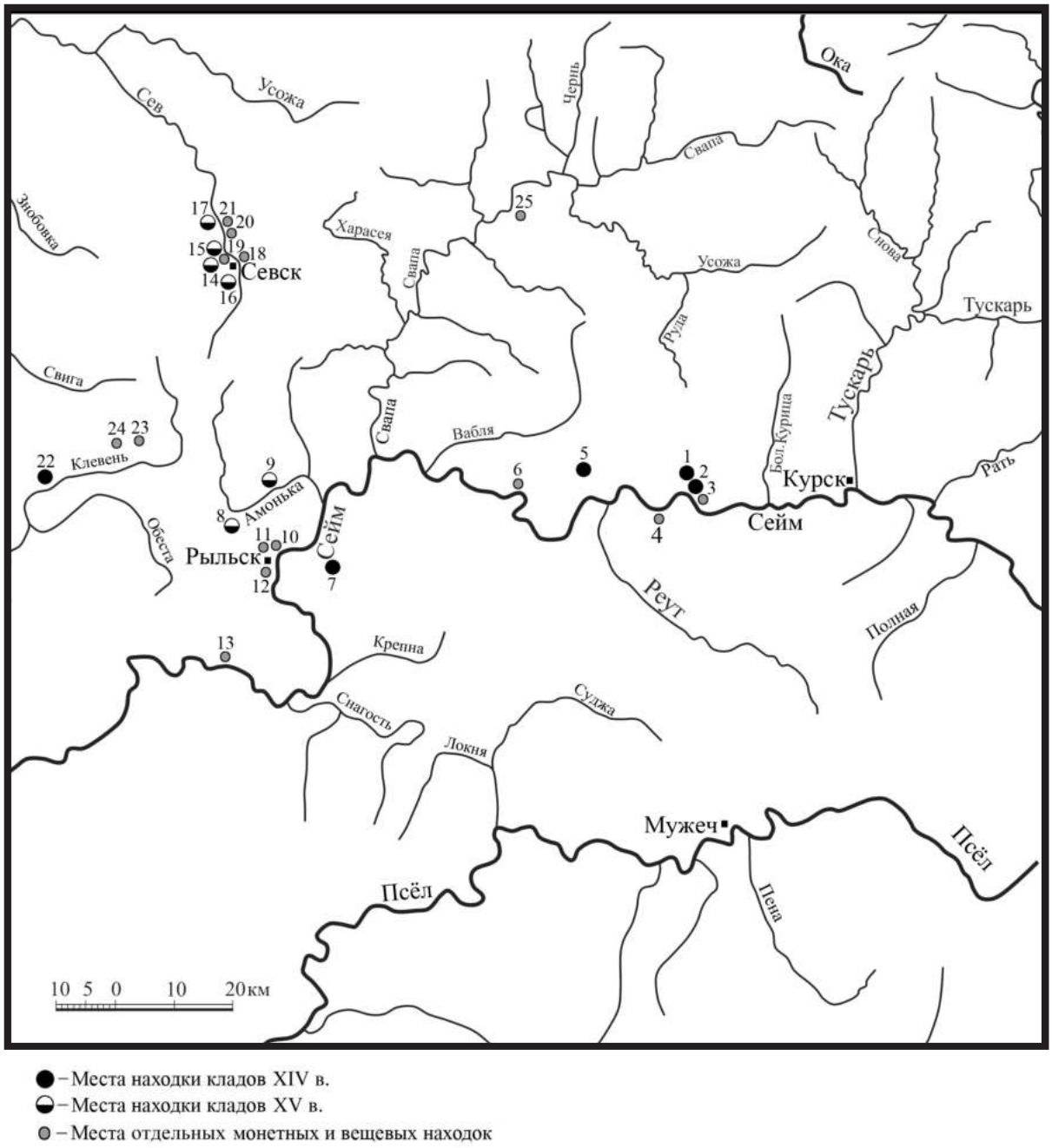


Рис.1

Места находок материалов XIV – XV вв. на предполагаемой территории Рыльского княжества.

Клады: 1 – Авдеева (Октябрьский р-н); 2 – Пыхтино (Липина) (Октябрьский р-н); 5 – Льговский уезд; 7 – Октябрьское (Рыльский р-н); 8 – северо-запад Курской области; 9 – Никольниково (Рыльский р-н); 14-15 – Севск; 16 – Липница (Севский р-н); 17 – Семёновск (Севский р-н); 22 – Глуховский уезд (Украина).

Места отдельных монетных и вещевых находок: 3 – Липина (Октябрьский р-н); 4 – Дичня (Курчатовский р-н); 6 – Люшинка (Льговский р-н); 10 – городище Синайка (Солободка 1) (Рыльский р-н); 11-12 – окрестности Рыльска; 13 – Будки (Рыльский р-н); 18 – Новоямское (Севский р-н); 19 – Севск; 20 – Зеленин (Севский р-н); 21 – Семёновск (Севский р-н); 23 – Уланово (Шосткинский р-н, Украина); 24 – Тополя (Шосткинский р-н, Украина); 25 – урочище Кармановский лес (Железногорский р-н).

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЦИТАДЕЛИ ГОРОДИЩА «ЦАРСКИЙ ДВОРЕЦ»: АНАЛИЗ СТРАТИГРАФИИ И ПЛАНИГРАФИИ

©2023 г. Г.Ю. Стародубцев, А.В. Зорин

Курский государственный областной музей археологии, Курск

Статья посвящена анализу этапов строительства и планиграфии оборонительных сооружений цитадели крепости XIV – XV вв. Авторами использованы данные, полученные в результате многолетних археологических исследований городища «Царский Дворец».

Ключевые слова: фортификация, Великое княжество Литовское, Золотая Орда

FORTIFICATIONS OF THE SOUTHWESTERN PART CITADEL OF THE HILLFORT «TSAR'S PALACE»: ANALYSIS OF STRATIGRAPHY AND PLANIGRAPHS

©2023 G.Yu. Starodubtsev, A.V. Zorin

The article is devoted to the analysis of the stages of construction and planigraphy of the defensive structures of the citadel of the fortress of the XIV-XV centuries. The authors used data obtained as a result of many years of archaeological research of the hillfort «Tsar's Palace».

Keywords: fortification, Grand Duchy of Lithuania, Golden Horde, XIV – XV centuries.

Городище 2 «Царский Дворец» входит в состав Гочевского археологического комплекса и расположено в 3 км к северо-северо-востоку от с. Гочево Беловского района Курской области, в 0,3 км к северо-западу от городища 1 «Крутой Курган» на одном из мысов правобережной террасы р. Псёл (АКР, 1998. С. 138) (Рис. 1), представляя собой укрепленный пункт замкового типа. Крепость в настоящее время уверенно идентифицируется с Мужечем, являвшегося центром Мужецкой волости, входившей во второй половине XV в. в состав Еголдаевой тьмы (Зорин, Раздорский, 2001. С. 271; Стародубцев, Чубур, 2019. С. 201-209; Бабин, Озеров, 2021. С. 6-14; Чурсин, 2021. С. 97-98; Зорин, Стародубцев, в печати).

Памятник имеет достаточно сложную систему оборонительных сооружений, защищающую внутреннюю и внешнюю площадки крепости. С севера по склону мыса вдоль северной оконечности цитадели проходит древняя дорога, ведущая из поймы р. Псёл. При ее обследовании в 2005 г. были выявлены конструктивные особенности ее сооружения – в склоне мыса была сделана подрезка, с последующей отсыпкой грунта ниже по склону, которая образовала насыпь высотой от 0,5 до 2 м, защищающая дорогу с северной стороны (Стародубцев, Зорин, 2005. Л. 11-12; Стародубцев, 2009. С. 101-110).

Внутренняя площадка городища вытянута по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад и имеет размеры 80 х 40 м. Её небольшое падение прослеживается по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. Глубокий ров охватывает внутреннюю площадку полукольцом с западной и юго-западной сторон. Имеется также ров глубиной 5 – 6 м на северо-северо-востоке, который отделяет площадку от снижающейся в пойму террасы материкового останца. Северный и юго-восточный склоны мыса были эскарпированы. По краям площадки фиксируется вал, имеющий наибольшую мощность с напольной и мысовой сторон. Въезд находился в её юго-западной части. При установке на площадке опоры ЛЭП, ров с напольной стороны был частично засыпан на участке около 5 м, а вал на участке шириной около 8 м уничтожен. Грунт вала был сдвинут на внутреннюю площадку крепости, перекрыв всю её западную половину. В ее северо-западной части с внутренней стороны вала зафиксирована грабительская яма. В центральной части городища культурный слой также был частично разрушен при установке опоры ЛЭП. Площадка и её склоны поросли лесом.

Внешняя площадка вытянута по линии север – юг и имеет размеры 170 х 100 м. Её падение прослеживается по линии юг – север. Она примыкает к внутренней площадке с юго-западной напольной стороны. От нее помимо рва отделена небольшим валом, зафиксированным в северо-восточной части площадки, и частично разрушенным в ходе работ по установке опоры ЛЭП. С южной стороны была отделена от поселения валом и рвом, в значительной степени снивелированными распашкой. В северо-северо-западной части в 1909 г. был зафиксирован ров (Самоквасов 1915а. Табл. 1; Самоквасов, 1915б). В настоящее время визуально он не прослеживается вследствие сельскохозяйственных работ XX в. Западный и восточный склоны площадки были эскарпированы. Въезд из поймы находится в северо-северо-восточной части.

В ходе исследований цитадели удалось выяснить, что мыс до начала строительства имел пологий уклон в сторону поймы. Поэтому, в начале возведения укреплений, площадка была снивелирована отсыпкой и утрамбовкой материкового грунта, который удерживали насыпанные поперек мыса, пролитые водой и утрамбованные валы из материковой глины высотой 2,2 – 2,4 м. При строительстве использовалась глина из выкопанного рва, а также частично использовался грунт с внешней площадки городища и с поселения, содержащий остатки культурных отложений предшествующих исторических периодов.

При исследовании сохранившегося участка вала в юго-западной части цитадели (раскоп IV, 2006 – 2007 гг.) и прилегающей к нему с внутренней стороны площадки (раскопы VIII, 2019 г. и IX, 2022 г.) выявлены особенности строительства оборонительных сооружений (Стародубцев, 2011. С. 17-22; Стародубцев, Зорин, 2006. Л. 28-39; Стародубцев, 2007. Л. 24-35; Стародубцев, 2019. Л. 17-40, 59-75; Стародубцев, 2022. Л. 17-51). Первоначально склон мыса, в его части, прилегающей к внешней площадке, был подрезан с целью его нивелировки, а также для увеличения полезной площади. После этого произведена первоначальная отсыпка грунта, о которой говорилось выше. На среднем и нижнем участках склона в материке были вырезаны две ступеньки эскарпа. Верхняя имела ширину 5,00-5,65 м, опускаясь ниже уровня площадки на 1,70-2,10 м, а нижняя шириной 3,40-4,20 при высоте 1,10-1,25 м была отделена от дна рва небольшим валком высотой 1,20-1,25 м (Рис. 2). Не вызывает сомнений, что в данном случае преследовались три цели усиления защищенности крепости:

1. Достигалась большая крутизна склона путем его эскарпирования.

2. Уменьшалось пространство «мертвой зоны», в которой невозможно было поразить наступающего противника.

3. Предотвращалось активное оползание грунта по склону.

Валок, отделявший нижнюю ступень эскарпа от дна рва, мог использоваться в качестве опоры для деревянного ослона ската рва.

После завершения первоначальной нивелировочной отсыпки грунта, вероятно, после некоторого сезонного перерыва, началось строительство срубных деревянных конструкций (постройка 9), выкапывается яма в слое отсыпки под будущее строительство постройки 6, закладывается башня (яма 165), которая частично выступала наружу относительно оборонительной линии, а также в юго-западной части укреплений начинается оборудование въезда в цитадель (Стародубцев, 2016. Л. 30-36; Стародубцев, 2019. Л. 48-49, 54-56, 78).

Яма 165 имела в плане форму неправильной окружности размером 1,94-2,24 х 2,00-2,04 м (Рис. 4). Глубина её от уровня фиксации колебалась от 0,64 м в её южной части до 1,43 м в северо-восточной и 1,56 м в северо-западной части. Стенки наклонные, дно состоит из трех площадок со ступеньками между ними, вырезанными в материковом грунте. Заполнение объекта включало в себя слои серо-коричневого, желтовато-серого и серого суглинка, смешанные с древесным тленом и мелкими углями, а также угольную прослойку мощностью до 0,04 м. В заполнении найдены 1 фрагмент обмазки и 1 фрагмент кости животного, 2 фрагмента лепных сосудов раннего железного века, а также мелкие

вкрапления прокала по всей площади ямы. Индивидуальных находок обнаружено не было.

Во время строительства крепость подверглась нападению, которое не привело к её гибели. Об этом свидетельствуют сгоревшая постройка 5А, а также погребения I этапа захоронений, обнаруженные на площадке цитадели (Стародубцев, Зорин, 2021. С. 87-94). Топография расположения погребений, обнаруженных преимущественно около внутренней стороны вала городища в северо-восточной, юго-западной и южной части площадки цитадели, оставляя свободной большую её часть, говорит о том, что защитники крепости старались похоронить умерших таким образом, чтобы захоронения не создавали неудобств находящимся внутри цитадели. Исключение составляли лишь погребения 34, 125 (обнаружены в центральной части площадки) и 153 (монах, захороненный на въезде в цитадель). Кроме того, могильные ямы были врезаны в уже имевшуюся на тот момент глиняную подсыпку и впоследствии перекрыты дополнительным слоем темно-желтой глины мощностью 0,35-0,41 м, прослеженной под слоем пожара на большой площади исследованной части городища. По этой причине после изучения слоя пожара пятна могильных ям I-го этапа в плане не прослеживались, и зафиксировать их стало возможно только после снятия данной подсыпки.

После отражения нападения строительство было возобновлено. Кроме новой отсыпки грунта происходит частичная перепланировка уже начатого строительства. В юго-западной части крепости переносится башня (яма 169), смещаясь на одну линию с оборонительными сооружениями, а также перестраивается постройка 9. По краю площадки строятся новые срубные конструкции-клети (постройки 7, 8, 11), при перестройке въезда между постройками 7 и 8 частично разрушается погребение монаха (№ 153) (Рис. 6) (Стародубцев, 2019. Л. 51-57; Стародубцев, 2022. Л. 43-45). Уменьшается в размерах ранее вырытый котлован под постройку 6 (Стародубцев, 2016. Л. 30-36).

Постройка 7 (Рис. 3-4) имела подпрямоугольную форму, ориентированную по линии север-юг и своим северным краем уходила за пределы раскопа. Судя по конфигурации древесного тлена, она представляла собой бревенчатую постройку срубного типа. Размеры её западной стены в пределах раскопа по внешней стороне древесного тлена составляли 1,75 м, по внутренней – 2,28 м при ширине прослойки древесного тлена 0,26-0,36 м. Длина южной стены 1,55-1,56 м при ширине прослойки древесного тлена 0,30-0,48 м. Размеры её восточной стены в пределах раскопа по внешней стороне составляли 1,28 м, по внутренней – 1,10 м при ширине прослойки древесного тлена 0,31-0,38 м. Вдоль внешнего края восточной стены зафиксированы пятна прокала. Заполнением постройки 7 являлся светло-серый перемешанный суглинок с вкраплениями жёлтой глины, при исследовании которого зафиксированы находки 3 фрагментов стенок лепных сосудов (из них 2 – раннего железного века), 3 обломка стенок круговых сосудов и 11 фрагментов обмазки. Индивидуальные находки отсутствовали.

Постройка 8 имела подпрямоугольную форму, ориентированную по линии ССЗ – ЮЮВ и своим юго-восточным краем уходила за пределы раскопа (Рис. 3-4). Судя по конфигурации остатков дерева, представляла собой бревенчатую постройку срубного типа. Размеры её западной стены в пределах раскопа по внешней стороне обгорелого дерева составляли 2,80 м, по внутренней – 2,66 м при ширине дерева 0,08-0,17 м. Длина северной стены 1,00-1,02 м. Размеры её восточной стены в пределах раскопа по внешней стороне составляли 1,40 м, по внутренней – 1,60 м, при этом стенка маркировалась скоплением мелких углей и прокала.

Заполнением постройки 8 в её верхней части являлся серый суглинок с вкраплениями желтой глины, который сменялся светло-серым перемешанным суглинком с вкраплениями желтой глины. В придонной части постройки обнаружен серый золистый суглинок с вкраплениями прокала. В ходе выборки заполнения под горелым слоем зафиксированы находки 9 фрагментов круговых сосудов и 1 обломок обмазки, в

придонной части — 8 фрагментов стенок круговых сосудов, 4 обломка костей животных и 1 фрагмент обмазки. В верхней части заполнения найден фрагмент лезвия железного ножа.

Углублённая в землю часть данного сооружения представлена постройкой 9, а также ямами 167 и 169.

Границы постройки 9 маркировались прослойками углей и древесного тлена с углями. Она имела в плане овальную форму, ориентированную по линии ЗЮЗ – ВСВ (Рис. 4). Размеры её составляли 2,42-2,48 х 1,42-1,58 м. Стенки постройки были слегка наклонные, дно – плоское, с незначительным уклоном к центру. Заполнением постройки 9 являлся серо-коричневый суглинок с вкраплениями мелких углей и включениями древесного тлена и золы. В заполнении найдены немногочисленные мелкие фрагменты лепных и круговых сосудов, обмазки, мергеля, костей животных, стеклянного шлака, рыбья чешуя. В золистом пятне зафиксированы находки двух монет XIV в. – серебряный данг Джанибека (чекан Сарая ал-Джадид) и серебряное подражание дангу Шадибека с символом веры.

После разборки заполнения постройки 9 были выявлены контуры ямы 167. Она имела в плане форму вытянутого неправильного овала размером 1,43-1,50 х 0,54-0,65 м (Рис. 4). Глубина ямы от уровня фиксации составляла 0,20-0,29 м. Яма имела наклонные стенки и плоское дно с небольшим уклоном к западу. Заполнением являлся серо-коричневый суглинок. В заполнении были обнаружены 3 фрагмента стенок лепных сосудов раннего железного века и 1 обломок обмазки. Индивидуальные находки в яме отсутствовали.

Яма 169 была зафиксирована после выборки заполнения ямы 165. Она имела в плане форму неправильного овала размером 2,12-2,24 х 1,00-1,50 м при глубине от уровня фиксации 0,53-1,45 м (Рис. 4). Стенки ямы были наклонные, дно – плоское с небольшим уклоном к ССВ. Заполнение составлял темно-серый суглинок. Какие-либо находки в яме отсутствовали.

Продолжением линии укреплений, намеченной постройками 7 и 8, является, вероятно, постройка 11, прослеженная в пределах раскопа IX. Она была зафиксирована в виде пятен древесного тлена, горелого дерева и прокала, судя по конфигурации которых представляла собой бревенчатое сооружение срубного типа. Оно имело подпрямоугольную форму, и было ориентировано по линии ЮЮЗ – ССВ. Размеры ее исследованной части в пределах раскопа составляли 1,50-1,65 х 0,58-0,78 м.

Таким образом, итоговые укрепления цитадели представляли собой линию стен из срубов-городень, с встроенными в неё отдельными башнями и большим двухэтажным сооружением (постройка 6) (Рис. 6). Отдельные секции срубных стен имели также и подземную часть. На данном участке это было прослежено в городне, непосредственно примыкающей к въезду на цитадель (или являющейся составной частью воротнего сооружения) — постройка 8 с ямами 167 и 169 (Рис. 2, 4).

Внутреннее пространство части городень было забутовано грунтом, взятым из выкопанного рва и с площадки поселения (культурный слой, содержащий индивидуальные находки и обломки керамики древнерусского времени). Об этом свидетельствуют находки из слоев заполнения. Помимо керамики (в том числе и ангобированной), в них зафиксированы изделия из кости (амулет, астрагалы с треугольным орнаментом, обломок кочедыка, фрагменты орнаментированного изделия), глины (грузило, фрагменты блока и тигля, донышко кругового сосуда с клеймом) и железа (крицы) (Стародубцев, Зорин, 2006. Табл. 2; Стародубцев, 2007. Табл. 3).

Анализ керамического материала, обнаруженного в слоях оплывшей забутовки, позволяет сделать ряд наблюдений. Во-первых, находки фрагментов керамики в слоях достаточно малочисленны, а в слоях 3Б, 12, 14А и 16 отсутствуют вообще. Незначительные находки мелких фрагментов керамики раннего железного века присутствуют практически

во всех слоях с керамикой за исключением незначительных по мощности слоёв 3А, 15, 17, 19 и 21. Небольшое количество мелких фрагментов раннекруговой посуды встречены в слоях 3, 4, 5, 6А, 6, 10, 11. Находки фрагментов роменской керамики практически полностью отсутствуют. Большинство обнаруженных фрагментов в насыпи вала являются фрагментами круговой посуды разных размеров. Среди них отмечены находки стенок с линейным и волнистым орнаментом, с гребенчатым штампом, венчиков с насечкой палочкой по плечику, одного фрагмента венчика с насечкой палочкой и линейным орнаментом под ним по плечику, ручки сосуда, а также двух фрагментов донышек с клеймами в виде двух концентрических окружностей разного диаметра, вписанных одна в другую.

Наибольшее число фрагментов керамики зафиксировано в слое 10, при этом около 50% находок составляют обломки ангобированной посуды. В этом же слое отмечена наибольшая концентрация фрагментов обмазки, костей и рогов животных (в том числе и диких – кабана, косули). Так как забутовки стен производились в период строительства срубных деревянных конструкций, то среди находок присутствует древесная кора и тлен щепы (Стародубцев, 2007. Л. 34-35).

Вероятно, внешняя стена постройки 6 составляла единое целое с оборонительными сооружениями крепости. Скорее всего, сруб с наружной стороны имел двойную стену, пространство между которыми было забутовано материковой глиной, перемешанной с обломками мергеля и кварцита, нередко довольно крупными. Подобная конструкция внешней стены клети была зафиксирована в мысовой части цитадели в 2007 г. (Стародубцев, 2007. Л. 18-20). Развал этой забутовки обнаружен при исследовании пласта 7 раскопа VI (Стародубцев, 2015. Л. 17-17. Табл. 2; Стародубцев, 2016. Л. 23-25. Табл. 2). В ходе её изучения найден железный наконечник стрелы (Стародубцев, 2015. Л. 21-22. Рис. 86, 3) (ромбовидный новгородского типа или ромбический без упора – тип 46 или 47 по А.Ф. Медведеву) (Медведев, 1966. С. 67-68. Табл. 18, 17; 26, 13). Характерной особенностью наконечников данных типов является отсутствие упора для древка стрелы. Подобные наконечники встречаются на памятниках с IX по конец XIII – начало XIV вв.

Однако возведенные оборонительные сооружения не спасли замок от разгрома, сопровождавшегося пожаром, гибелью защитников, а также части населения посада, пытавшегося спастись за его стенами. О взятии крепости свидетельствуют обнаруженные следы пожара в остатках сооружений, массовые захоронения (II этап погребений), а также многочисленные следы боевых порубов на костях погребённых (Боруцкая и др., 2019. С. 331-342). Также во время штурма погиб мужчина (погребение 152), найденный при исследовании развала горелых деревянных конструкций постройки 8 (Рис. 6).

О штурме говорят и железные наконечники стрел, зафиксированные в 2006 г. в слое оплывшей забутовки (слои 8 и 10) и в 2007 г. и в брёвнах наружной части оплывшей деревянной конструкции в пределах раскопа IV (Стародубцев, 2006. Л. 32, 34; Стародубцев, 2007. Л. 27) (Рис. 5). При этом все наконечники располагались острием, направленным в сторону площадки городища. Наконечник № 1 – ромбовидный гнёздовского типа, длиной 5 см (длина черешка 2 см, ширина пера в средней части 1,3 см) (тип 41 вид 2 по А.Ф. Медведеву) (Стародубцев, 2006. Рис. 160, 1). Подобные наконечники имели широкое распространение с начала XI по XIV вв. включительно. Особенно широко употреблялись в XII – XIV вв. (Медведев, 1966. С. 65). Наконечник № 2 – треугольный с упором, длиной 5,5 см (длина черешка 2,5 см, ширина пера 1,3 см) (тип 37 по А.Ф. Медведеву) (Стародубцев, 2006. Рис. 160, 2) имеет весьма широкую дату употребления – VII – XIV вв. (Медведев, 1966. С. 63-64). Наконечник № 3 – бронебойный пирамидальный наконечник стрелы с короткой боевой головкой квадратного сечения (тип 91 по А.Ф. Медведеву (Стародубцев, 2007. Рис. 107, 7). Его длина 4,2 см, длина головки 2,4 см, ширина 1,1 см. Он был широко распространен по всей территории Руси в X – XIV вв. и употреблялся для пробивания доспехов (Медведев, 1966. С. 83).

После гибели крепости и ее защитников не сгоревшие до конца бревна деревянных конструкций, вероятно, были разобраны местными жителями для бытовых нужд. В результате этого, а также естественного процесса гниения и разрушения укреплений начался процесс постепенного оплыва забутовки клетей, что прослеживается в разрезе бортов раскопа IV (Рис. 2). По прошествии столетий она стала представлять собой валы, которые первые исследователи воспринимали как **первоначальные** земляные укрепления городища.

Первый этап оплыва относится к периоду существования крепости и является результатом воздействия весенних и дождевых вод, в итоге чего на ступени первого эскарпа сформировался слой 17 — желтовато-серый слоистый суглинок (Рис. 2, 7).

Второй этап оплыва фиксируется в виде слоёв 10 (перемешанная светло-коричневая глина с вкраплениями серого суглинка и мелких фрагментов мергеля), 8 (перемешанная серовато-желтая глина), 11 (темно-желтая глина), 15 (рыхлая желтая глина) и 16 (перемешанный с чередующимися темно-серыми и темно-желтыми слоями суглинок с вкраплениями мелких фрагментов угля, мергеля и обмазки). Его появление стало итогом разрушения забутованных городень и осыпания верхней части их заполнения. При изучении бортов раскопа IV стратиграфически хорошо прослеживаются границы сохранившейся нижней части заполнения одной из городень (слой 7 – перемешанный светло-коричневый суглинок с жёлтыми вкраплениями и мелкими фрагментами мергеля и углей). Примечательно, что верхняя часть этого слоя была сдвинута и разровнена к внешнему краю вала бульдозером при выравнивании площадки в период сооружения опоры ЛЭП (Рис. 2).

Третий этап оплыва произошёл в результате окончательного разрушения стен и оползания уцелевших венцов городень вниз по склону осыпи. К этому этапу относятся несколько слоёв. Слой 4 – рыхлый серый суглинок с мелкими углями и фрагментами мергеля, граница которого с внешней стороны вала маркируется верхними венцами брёвен срубных деревянных конструкций. Однако он прослеживается и ниже верхнего венца бревён, что происходит вследствие оплывания насыпи поверх верхнего края деревянных конструкций. Под слоем 4 находится слой 5, состоящий из плотной желто-коричневой глины. Граница слоя с внешней стороны вала также маркируется верхними венцами бревен срубных деревянных конструкций (Рис.2, 5). Под слоем 5 располагаются слой 6А (перемешанная серо-коричневая глина более светлого оттенка, чем слой 6 с несколько большим содержанием мелких фрагментов мергеля и обмазки) и слой 6 (перемешанная серо-коричневая глина с мелкими фрагментами мергеля и обмазки). Границы между этими двумя слоями не всегда были достаточно четкими из-за значительного сходства грунта между собой. Их граница с внешней стороны вала маркируется венцами бревен срубных деревянных конструкций. Вследствие оплывания насыпи при разрушении с течением времени деревянных конструкций, слой 6А прослеживается и ниже брёвен. Слой 18 (перемешанный коричневый суглинок с вкраплениями углей, мергеля и желтой глины) зафиксирован под слоем 6А с наружной стороны остатков сруба. Непосредственно под слоем 18 находится перемешанный светло-серый суглинок, насыщенный мелким мергелем – слой 19. Под слоями 18 и 19 залегает перемешанный серый суглинок, насыщенный мергелем (слой 20), который начинается от нижнего венца брёвен и постепенно опускается в ров, на дне которого залегают сходный с ним слой 20А и коричневая глина слоя 21 (Рис. 2, 7).

К последнему (четвертому) этапу оплыва относятся слой 2 (рыхлый темно-бурый суглинок), который является дёрном, образовавшимся в результате почвообразования уже после прекращения жизнедеятельности на городище и слой 3 (плотная коричневато-серая глина), в пределах которого прослеживаются две прослойки: 3А – плотная коричневато-серая глина более насыщенного серого оттенка, и 3Б – плотная коричневато-серая глина более насыщенного коричневого оттенка (Рис. 2, 7).

Как показали исследования, оплывший вал не избежал разрушений в период сооружения на городище Царский Дворец металлической опоры ЛЭП. С напольной стороны на одном из участков в юго-западной части городища он был полностью срезан, грунт его насыпи сдвинут на площадку городища и разровнен на её большей площади. При этом в северной части площадки грунт насыпи остался не разровненным. Остатки деревянных клетей, которые находились выше уровня современной дневной поверхности, уничтожены. В северной, северо-западной, западной и южной частях городища (в том числе на исследованном участке) с внутренней стороны вал был также подрезан бульдозером при выравнивании площадки. При этом частично разрушены его напластования. На этих участках без повреждений насыпь сохранилась лишь с внешней стороны валов. Результатом работы бульдозера стало появление слоя 1 (рыхлый перемешанный серо-белесый суглинок, являющийся отвалом бульдозера при нивелировке площадки городища) и слоя 7 (перемешанный светло-коричневый суглинок с жёлтыми вкраплениями и мелкими фрагментами мергеля и угля, образовавшийся в ходе работы бульдозера при нивелировке площадки городища) (Рис. 2, 7).

Всё вышеизложенное даёт основания сделать ряд предварительных выводов. Во-первых, анализ стратиграфии и планиграфии оборонительных сооружений и прилегающей территории крепости позволяет предположить, что их сооружение было произведено в очень короткий срок – в течение 2-3 лет и что памятник существовал достаточно узкий временной период.

Во-вторых, все обнаруженные в процессе исследований предметы вооружения, воинского снаряжения и конской упряжи, а также керамика, происходящая непосредственно из слоя пожара, датируются второй половиной XIV – началом XV вв. (Стародубцев, Зорин, 2008. С. 152-157). В связи с этим постройку крепости, вероятно, нужно датировать серединой – второй половиной 1360-х гг., когда территория верхнего Псла перешла под юрисдикцию Великого княжества Литовского.

В-третьих, гибель крепости происходит в ходе военных действий первой половины XV вв., о чём свидетельствует, в том числе, и обнаруженный при изучении цитадели нумизматический материал (данг Пулада (чекан Кафы) и сильно потертый пражский грош Вацлава IV). Для данного периода известно несколько эпизодов обострения военно-политической обстановки, которые могли привести к гибели цитадели Мужеча.

К периоду 1414–1416 гг. относятся походы Едигея, в ходе которых татары «воеваша по Задонью рѣки власти Рязаньскіа и много зла сътвориша, и градъ Елецъ взяша», а также разорили Киев и земли, лежавшие на пути к нему (ПСРЛ, т. XI. С. 225; Długosz, 1869. S. 182-183).

В конце 1430 г. ордынский «князь» Айдар, зять хана Улу-Мухаммеда, совершил набег на владения Свидригайло под Мценск и пленил воеводу Григория Протасьева. Согласно Софийской 2-й летописи, Айдар этим не ограничился, но ещё и «волости повоевалъ, а до Кіева не доходил за 15 миль». Ермолинская летопись сообщает даже о взятии Мценска и о том, что Айдар «Киева не доиде за 80 верст, воюя» (Полехов, 2015. С. 191; ПСРЛ, т. VI. С. 144; ПСРЛ, т. 23. С. 147).

В 1433–1436 гг. в Северских землях и на верхней Оке происходили военные действия, связанные с борьба северского князя Свидригайло Ольгердовича за власть в Великом Княжестве Литовском, осложнённая соперничеством татарских ханов Улу-Мухаммеда и Сейид-Ахмеда (Гудавичюс, 2005. С. 280-290; Флоря, 2001. С. 180; Długosz, 1869. S. 480-481; Полехов, 2015. С. 333-334).

Следующая вспышка военной активности в регионе относится к событиям мятежа князя Михаила Сигизмундовича, который летом 1449 г. при помощи союзных татар захватил Стародуб, Новгород-Северский, Брянск и «ряд других замков» на Северской земле (Гудавичюс, 2005. С. 310; Флоря, 2001. С. 187; Długosz, 1870. S. 56-57; Stryjkowski, 1846. S. 227).

Несомненно, среди земель, территория которых подвергалась разорению в большинстве этих случаев, находился и Курский край. И во всех этих случаях события вполне могли привести к разгрому и сожжению цитадели Мужеча.

Тем не менее жизнь в городе, хотя и лишённом крепостной защиты, продолжалась, и Мужеч, судя по всему, просуществовал до начала XVI столетия. Об этом свидетельствуют материалы из III этапа захоронений на кладбище, появившемся на площадке городища после его гибели (Стародубцев, Зорин, 2021. С. 87-94). Более точно определить верхнюю дату данного археологического комплекса позволят его дальнейшие исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта России: Курская область. Ч. 1 / Автор-составитель А.В. Кашкин. М., 1998.

Бабин И.П., Озеров М.М. На шаг ближе к разгадке тайны Гочевского городища (о чём рассказали архивные находки) // События и люди в документах курских архивов. Вып. XX. Курск: 2021.

Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Безбородых В.И., Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В., 2019. Боевой травматизм у защитников крепости XV века «Царский Дворец» // Лики войны. Stratum plus. Археология и культурная антропология. № 6. 2019, Санкт-Петербург – Кишинев – Одесса – Бухарест, 2019.

Гудавичюс Э. История Литвы. Т. I. С древнейших времён до 1569 года. М., 2005.

Зорин А.В., Раздорский А.И. Порубежье. Курский край в XVII в. / Курский край. Т. 6. Курск, 2001.

Зорин А.В. Стародубцев Г.Ю. Мужеч на Псле: средневековый город и его округа (в печати).

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII – XIV вв. // САИ, Е1-36. М., 1966.

Полное собрание русских летописей. Т. VI. Софийские летописи. СПб., 1853.

Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновскою летописью. СПб., 1897.

Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910.

Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.

Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевских древностей. М., 1915а.

Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в августе 1909 г. М., 1915б.

Стародубцев Г.Ю. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2007 г. // НА КГОМА. I – 149.

Стародубцев Г.Ю. Средневековый замок (городище «Царский Дворец») на верхнем Псле // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск, 2009. С. 101-110.

Стародубцев Г.Ю. Исследование вала городища «Царский Дворец» в 2006-2007 гг. // Позднесредневековый город III: археология и история. Материалы III Всероссийского семинара. Ноябрь 2009 г. Тула, 2011.

Стародубцев Г.Ю. Отчет о раскопках Гочевского городища 2 («Царский Дворец») (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2015 г. // НА КГОМА. Д. I – 170.

Стародубцев Г.Ю. Отчет о раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Гочево, городище 2 («Царский Дворец»)» около с. Гочево Беловского района Курской области в 2016 г. // НА КГОМА. Д. I – 176.

Стародубцев Г.Ю. Отчет о раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Гочево, городище 2 («Царский Дворец»)» около с. Гочево Беловского района Курской области в 2019 г. // НА КГОМА. Д. I – 196.

Стародубцев Г.Ю. Отчет о раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Гочево, городище 2 («Царский Дворец»)» около с. Гочево Беловского района Курской области в 2022 г. // НА КГОМА. Д. I – 209.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2005 г. // НА КГОМА. Д. I – 137.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) и исторического центра города Курска в 2006 г. // НА КГОМА. Д. I – 145.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Предметы вооружения, воинского снаряжения и конской упряжи из раскопок городища «Царский Дворец» // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск, 2008.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Три группы погребений с городища Царский Дворец: предварительное сообщение // Русский сборник. Вып. 10. Брянск, 2021. С. 87-94.

Стародубцев Г.Ю., Чубур А.А. Римов – Мужеч – Гочево: три имени одного комплекса? // Русский сборник. Вып. 9. Брянск, 2019.

Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001.

Чурсин Д.И. «Еголдаева тьма» и её волости по данным исторических источников // История. Общество. Политика. 2021. № 2 (18).

Długosz J. Jana Długosza Kanonika krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. T. IV. Krakow, 1869.

Długosz J. Jana Długosza Kanonika krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. T. V. Krakow, 1870.

[Stryjkowski M.] Kronika Polska, Litewska, Żmodzka i Wszystkiéj Rusi Macieja Stryjkowskiego. Tom II. Warszawa, 1846.

Подписи к иллюстрациям

Рис.1. Городище «Царский Дворец» и расположение раскопов 4 и 8.

Рис.2. Разрез линии укреплений юго-западной части городища «Царский Дворец».
А. Юго-западный борт Раскопа 8 (кв.5-8) и Раскопа 4 (кв.4-5’).
Б. Северо-восточный борт Раскопа 4.
Нумерация и характеристика слоёв:
1.Рыхлый перемешанный серо-белёсый суглинок; 2.Рыхлый тёмно-бурый суглинок; 3.Плотный коричневато-серый суглинок; 3а.Плотный коричневато-серый суглинок более насыщенного серого оттенка; 3б.Плотный коричневато-серый суглинок более насыщенного коричневого оттенка; 4.Рыхлый серый суглинок с мелкими углями и вкраплениями мергеля; 5.Плотный жёлто-коричневый суглинок; 6.Перемешанный серо-коричневый суглинок с мелкими фрагментами мергеля и обмазки; 6а. Перемешанный серо-коричневый суглинок более светлого оттенка с большей насыщенностью мергелем и обмазкой; 6б. Перемешанный серо-коричневый суглинок; 6в. Перемешанный серо-коричневый суглинок с углями; 7.Перемешанный светло-коричневый суглинок с жёлтыми вкраплениями и мелкими фрагментами мергеля и углей; 8.Перемешанный серовато-жёлтый суглинок; 8а.Перемешанный серо-жёлтый суглинок с углями; 9.Перемешанный серо-коричневый суглинок с вкраплениями жёлтой глины; 10.Перемешанный светло-коричневый суглинок с вкраплениями серого суглинка и мелких фрагментов мергеля; 11.Тёмно-жёлтый суглинок; 12.Тёмно-серый суглинок; 13.Перемешанный жёлто-серый суглинок с незначительными вкраплениями жёлтой глины и мелких фрагментов мергеля; 14.Тёмно-серый суглинок с вкраплениями жёлтой глины; 14а.Тёмно-серый суглинок с крупными вкраплениями жёлтой глины; 15.Рыхлый жёлтый суглинок; 16.Перемешанный суглинок с чередующимися темно-серыми и тёмно-жёлтыми прослойками и мелкими вкраплениями угля, мергеля и обмазки; 17.Слоистый желтовато-серый суглинок; 18.Перемешанный коричневый суглинок с вкраплениями углей, мергеля и жёлтой глины; 19.Перемешанный светло-серый суглинок, насыщенный мелкими фрагментами мергеля; 20.Перемешанный серый суглинок, насыщенный мергелем; 20а. Перемешанный серый суглинок, плотно насыщенный мергелем; 21.Коричневый суглинок; 21а.Коричневый суглинок с древесным тленом (тд) и углями; 22.Перемешанный жёлтый суглинок; 23.Жёлто-серая глина; 24.Перемешанный коричнево-серый суглинок; 25.Перемешанный коричнево-серый суглинок; 26.Серо-коричневый суглинок с вкраплениями жёлтой глины и углей; 27.Тёмно-серо-жёлтый суглинок; 28.Серый суглинок.

Рис.3. Постройки 7 и 8 в пределах Раскопа 8.
А. Контуры построек в пределах пл.5.
Б. Контуры построек после выборки пл.5.

Рис.4. Постройка 9 и ямы 165, 167 и 168.
А. Контуры объектов после выборки пл.9.
Б. Контуры объектов после выборки заполнения на уровне материка.

Рис.5. Расположение оплывших деревянных конструкций в пределах Раскопа 4.
1 – наконечник стрелы №1; 2 – наконечник стрелы №2; 3 – наконечник стрелы №3.

Рис.6. Предположительная схема оборонительных сооружений в пределах раскопов 4, 8-9.

Рис.7. Схематическое изображение этапов разрушения оборонительных сооружений и оплыва их земляного заполнения.

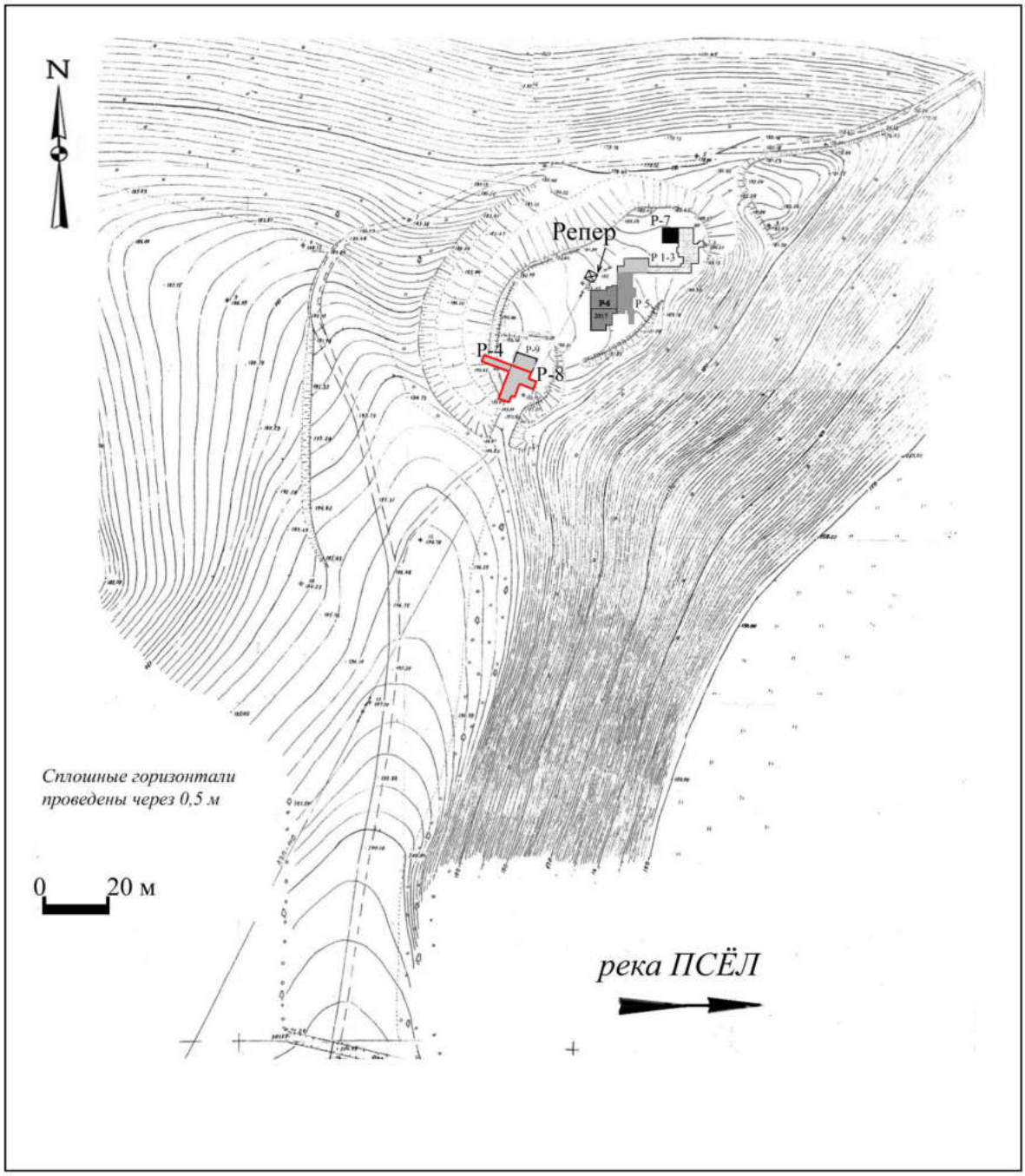

N
Репер
Р-7
Р 1-3
Р-6
Р 5
Р-4
Р-9
Р-8
Сплошные горизонтали
проведены через 0,5 м
0
20 м
река ПСЁЛ

Рис.1

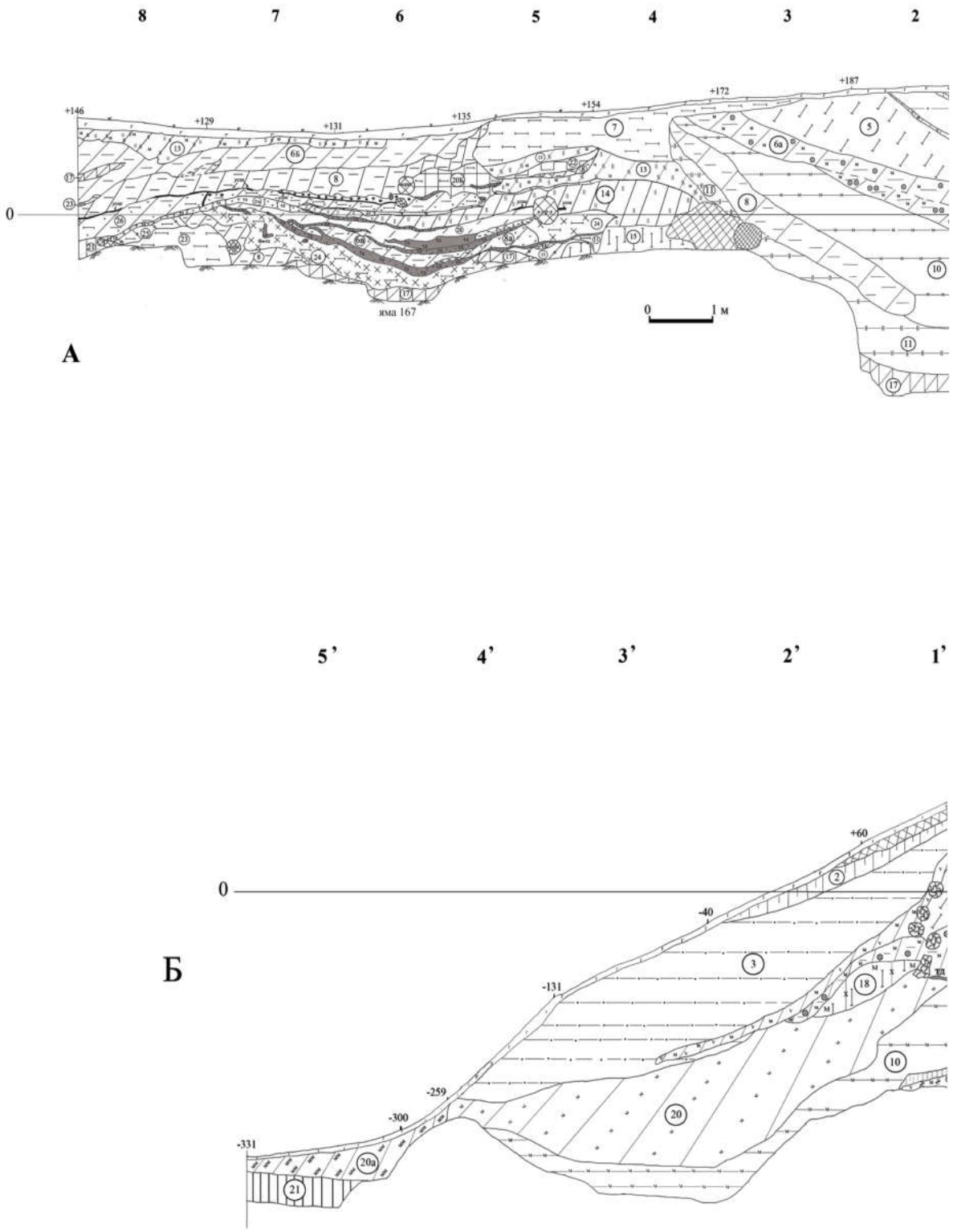

8
7
6
5
4
3
2
+146
+129
+131
+135
+154
+172
+187
0
ямд 167
0 1 м
А
5'
4'
3'
2'
1'
+60
0
-40
-131
-259
-300
-331
Б

Рис.2А

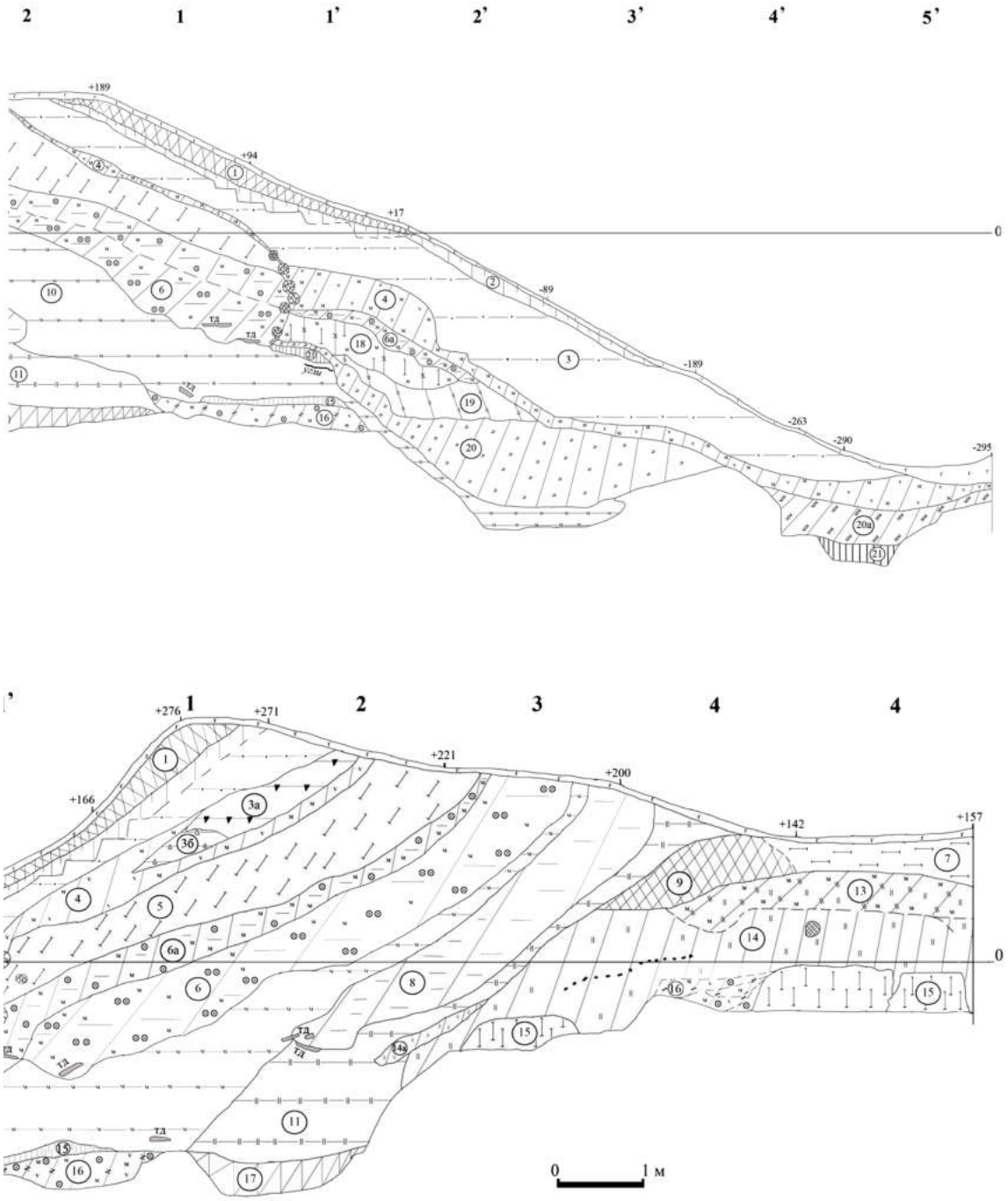
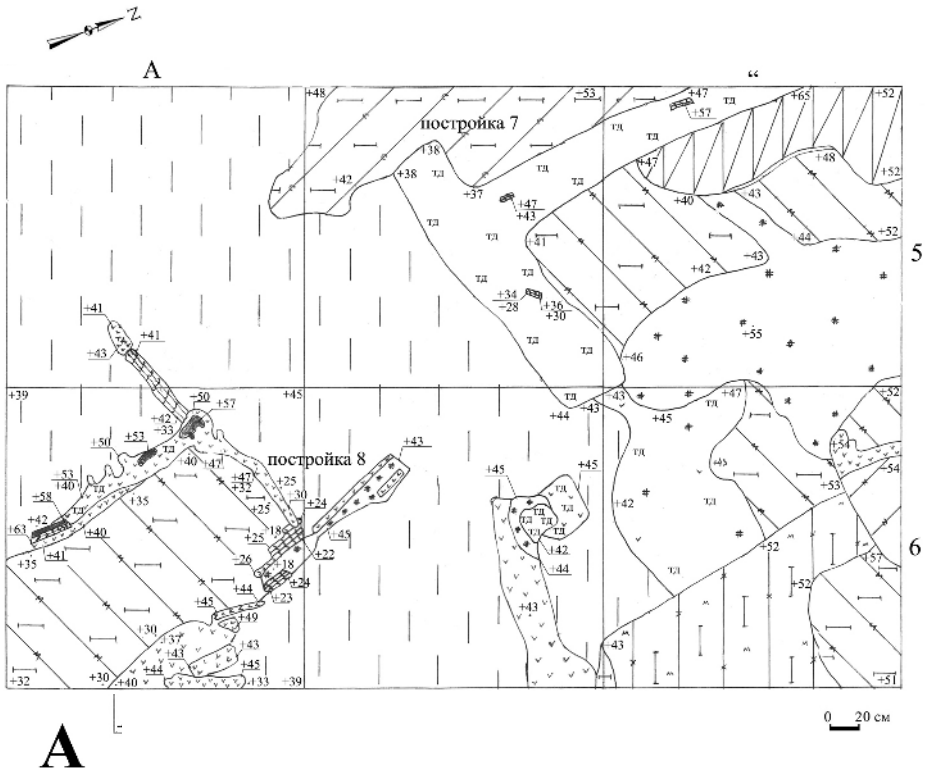
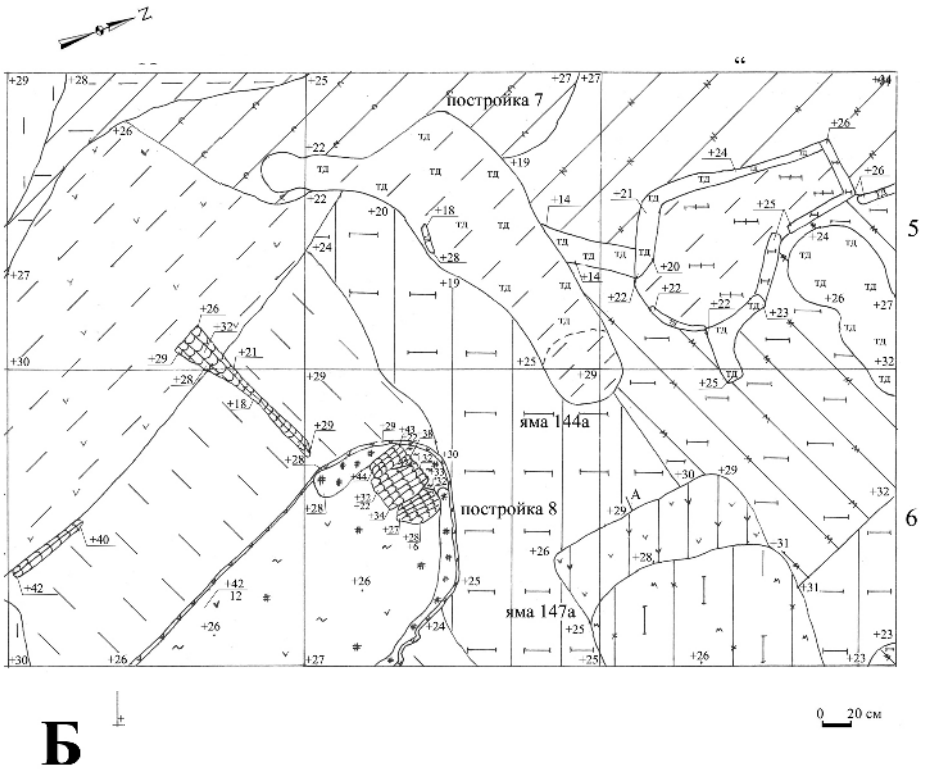

2
1
1'
2'
3'
4'
5'
+189
+94
+17
0
-89
-189
-263
-290
-295
1
2
3
4
4
+276
+271
+221
+200
+166
+142
+157
0
0
1 м

Рис.2Б

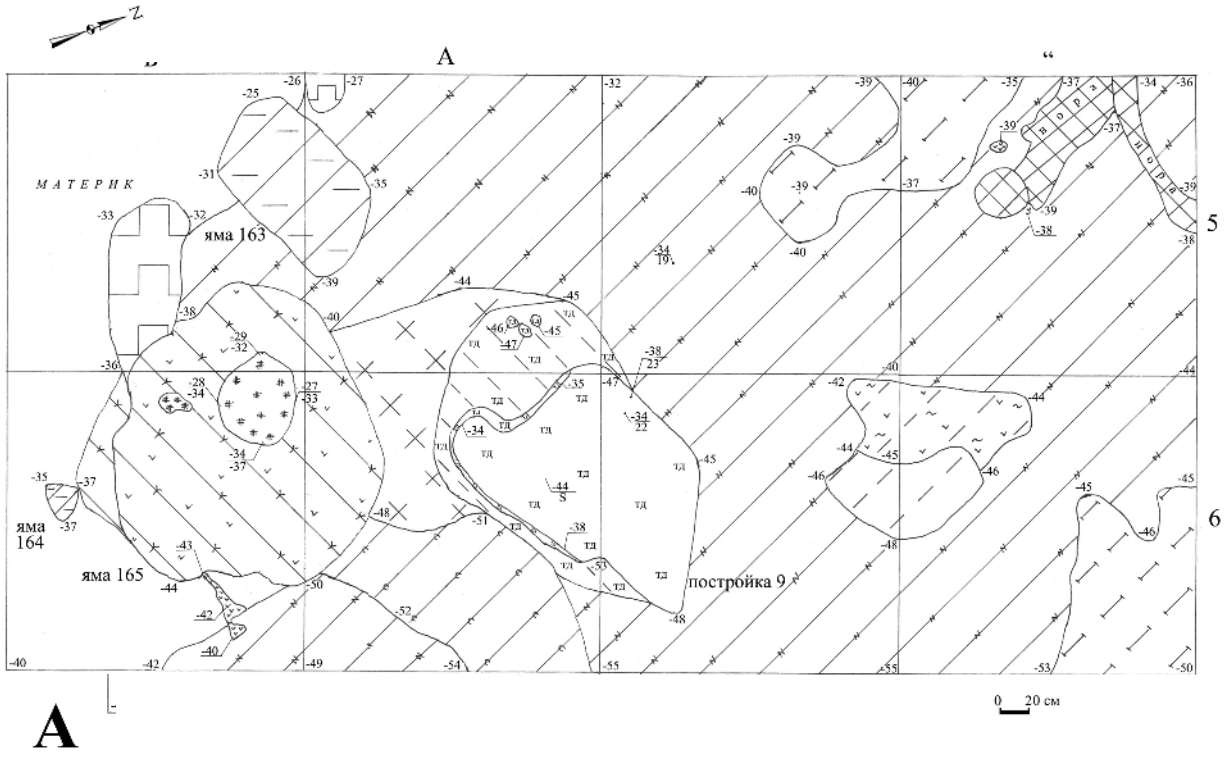

N
А
постройка 7
постройка 8
5
6
0 20 см

А

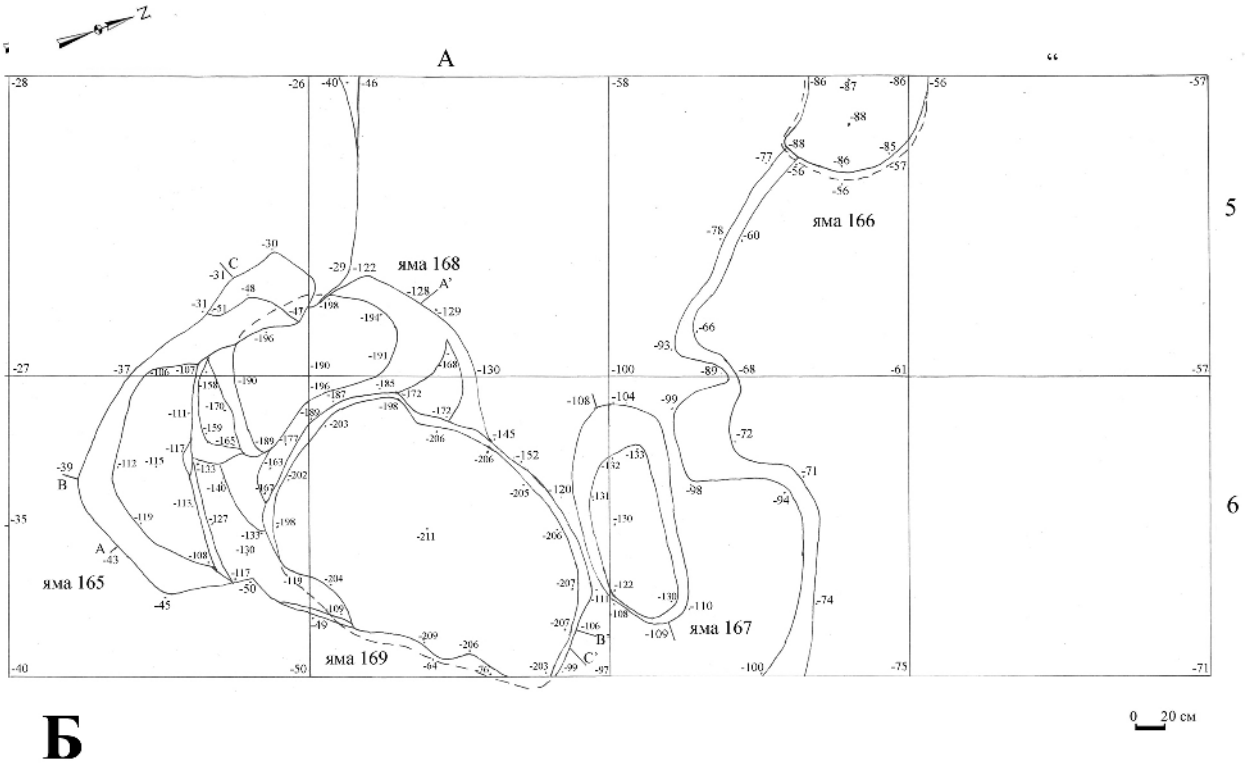

N
постройка 7
яма 144а
постройка 8
яма 147а
5
6
0 20 см

Б

Рис.3


А
МАТЕРИК
яма 163
яма 164
яма 165
постройка 9
0 20 см

А


А
яма 166
яма 168
яма 165
яма 169
яма 167
0 20 см

Б

Рис.4

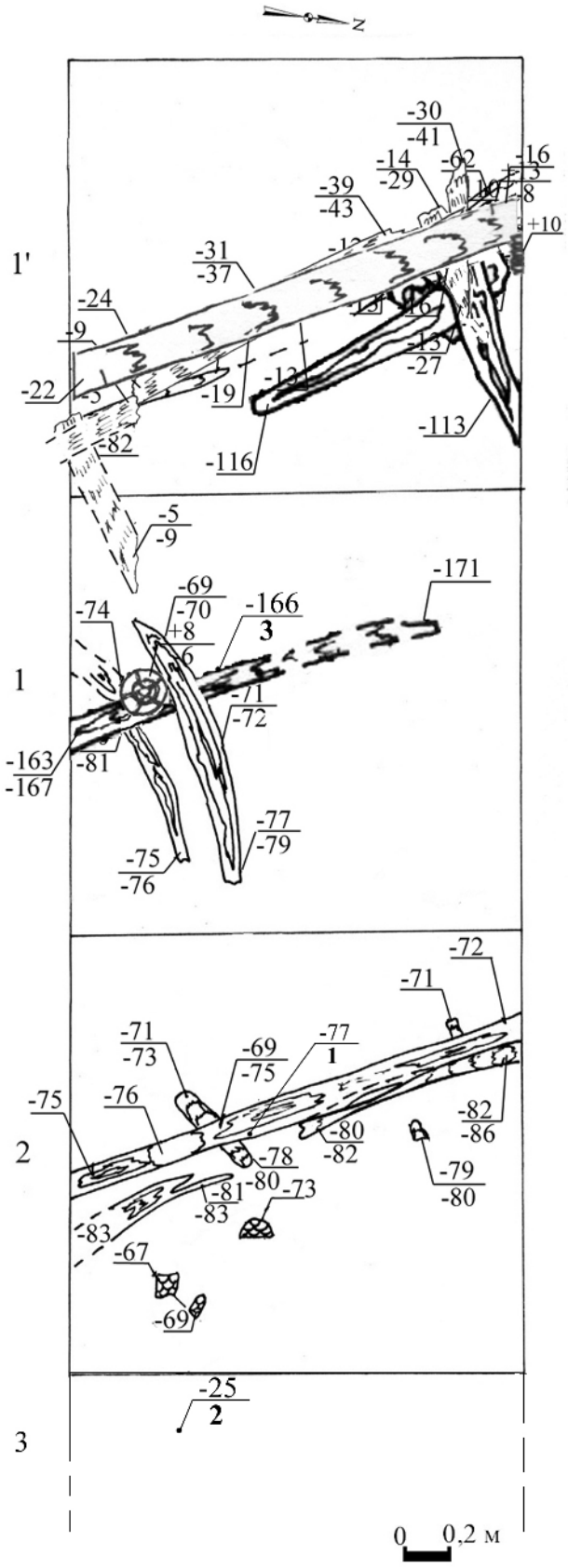

1'
1
2
3
-30
-41
-14
-29
-62
-16
-39
-43
-31
-37
-24
-9
-22
-19
-82
-116
-27
-113
+10
-5
-9
-171
-69
-70
-166
3
-74
+8
-71
-72
-163
-167
-81
-77
-79
-75
-76
-72
-71
-71
-73
-69
-75
-77
1
-75
-76
-82
-86
-80
-82
-78
-79
-80
-81
-80
-73
-83
-67
-69
-25
2
0
0,2 м

Рис.5

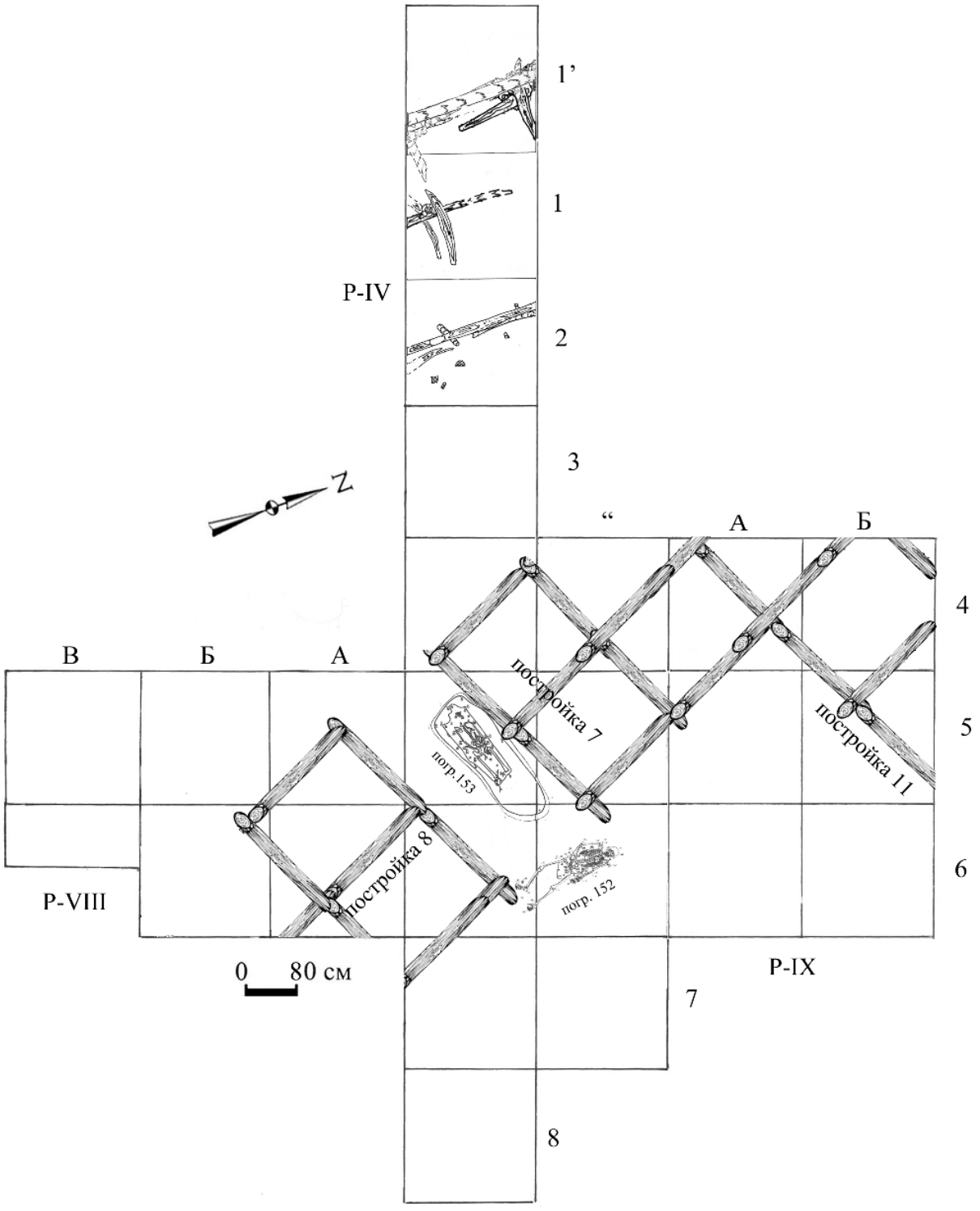

1’
1
Р-IV
2
3
“
А
Б
4
В
Б
А
постройка 7
постройка 11
5
погр.153
постройка 8
погр. 152
6
Р-VIII
0 80 см
Р-IX
7
8

Рис.6

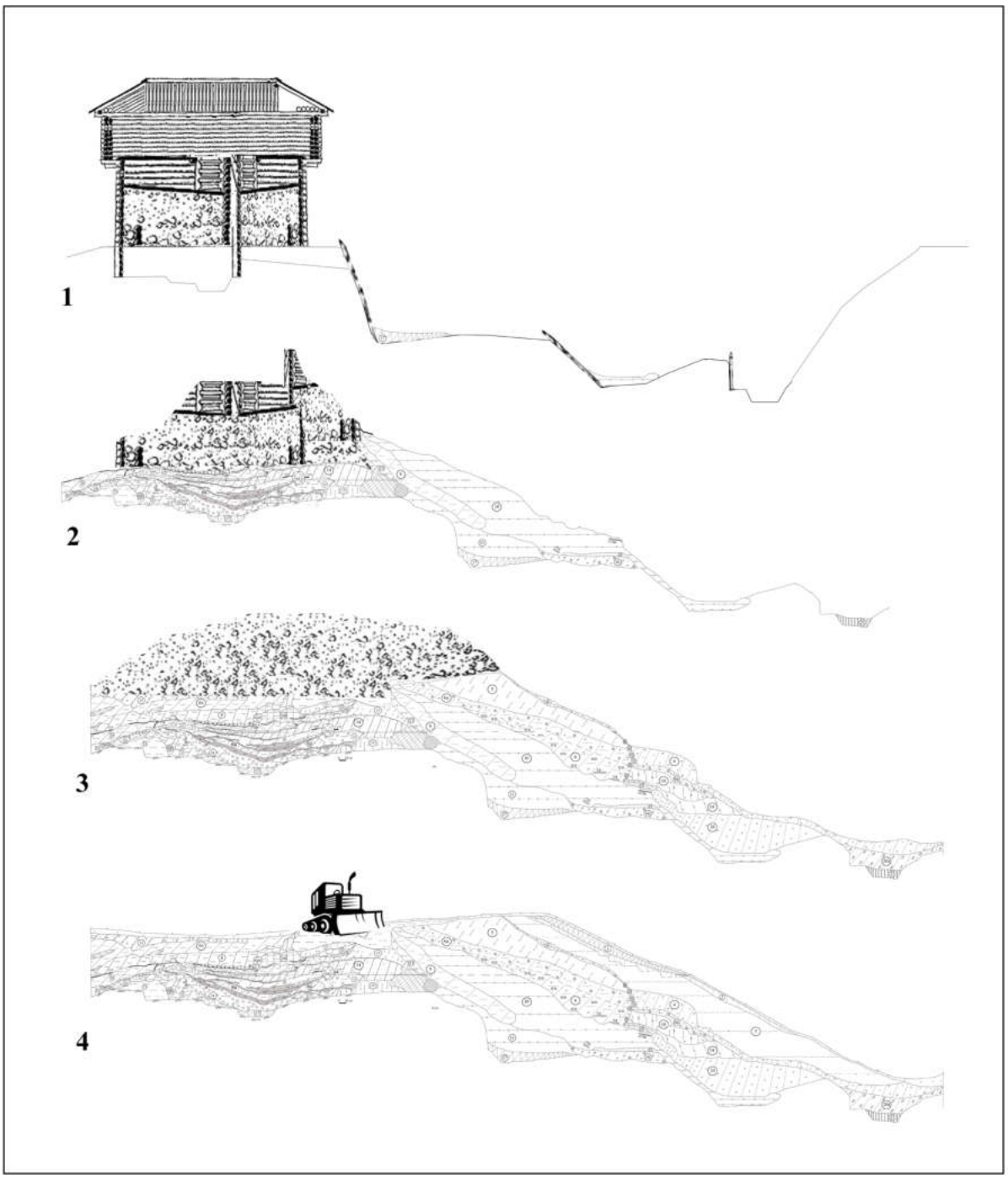


Рис.7

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ПИСАЛ–СТИЛОСОВ ИЗ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2023 г. С.Ю. Грачёв

Брянский государственный университет, Брянск

В статье рассматриваются новые данные о находках писал на территории Брянской области. Приведено их описание, классификация и топография.

Ключевые слова: Брянская область, средневековая археология, писало.

RANDOM FINDINGS OF STYLUSES FROM THE BRYANSK REGION

© 2023 S.Yu. Grachev

The article considers new data on the findings of styluses from the territory of the Bryansk region. It provides their description, classification and topography.

Keywords: Bryansk region, medieval archaeology, stylus.

Ежегодные находки берестяных грамот в ходе археологических раскопок в Великом Новгороде, и не только в нем, открывают нам удивительную картину жизни русских людей в средние века, раскрывают секреты эпиграфики и палеографии. Сопутствующие письму предметы, находящиеся в культурном слое, – древнерусские писала (стилосы) также являются интересными предметами массового, или даже уникального, штучного производства. Стилос – греческое слово «στῦλος», – специальная палочка для письма, помимо заостренного края имеющая навершие в форме лопаточки, для затирания или разглаживания. Разумеется, что нацарапать что-то на бересте, коже, воске или штукатурке можно любым острым предметом: ножом или гвоздем, но появление предметов, специально изготовленных для письма, создает особую культуру письменности. На Руси стилосы получили название писал.

В 1960 году А.Ф. Медведев, на основании пятидесяти находок, разработал их первую классификацию (Медведев, 1960. С. 63-88), а в 2000 году Б.Б. Овчинникова значительно ее расширила и дополнила (Овчинникова, 2000. С. 45-105. Рис. 1 – 18). Памятникам древнерусской письменности из Вщижа посвящена работа Р.В. Новожеева, в которой он рассматривает находку железного писала на посаде города (Новожеев, 2010). Весь материал собран автором статьи на интернет-ресурсах в период с 2015 по 2020 годы. Предметы известны по фотографиям, а примерные места обнаружения – по сообщениям находчиков.

Основные характеристики писал приведены в таблице 1, а их изображения на рисунке 2. Находки под номерами №6 и №7 отнесены к писалам условно и датированы по сопутствующему материалу XIV – XV вв. Убывание количества таких предметов к более позднему времени, вероятнее всего, следствие перехода на письмо чернилами, отсюда и примитивный вид самих писал, потерявших свою культурную значимость, но не исчезнувших из бытовой жизни.

Описание находок:

№1 Писало найдено на берегу реки Ревны, недалеко от деревни Зубовка, относится к типу 17 писала-проколки.

№2 Писало относится к типу, который характеризуется крестообразной прорезью – свидетельство принадлежности к служителям церкви. Стержень круглый.

№3 Писало, предположительно европейского производства. Имеет в лопаточке пять круглых отверстий, имитирующих крест. Отверстия смещены от оси, вероятно, из-за брака литейной формы или уже не первой попытки повторить оригинал. Стержень круглый.

№4 Писало с лопаточкой в форме бокальчика, тип 3. Уникальность этого орудия для

письма в том, что на лопатке с обеих сторон вырезан «процветший крест». Из чего можно предположить, что обладатель данного предмета имел непосредственное отношение к княжескому дому. Стержень круглый.

№5 Писало найдено на одном из пахотных полей в окрестностях деревни Вщиж. Острый край обломан, стержень согнут. На обеих сторонах лопаточки изображены декоративные узоры и птицы. Стержень круглый.

№6 Круглый заостренный стержень, расплющенный с другого края, при расплющивании ему была придана плоская форма лопаточки, тип 16. Основываясь на сопутствующих находках, относится к XIV – XV вв.

№7 То же, но из железа.

№8 Писало найдено на пашне, рядом со стенами монастыря. Эта находка – интересный вариант ювелирного ложновитого изделия, вероятно представлявшего из себя предмет, состоящий из двух половинок, полый внутри. Предположительно, относится к типам писал, у которых острый металлический стержень вставлялся внутрь рукоятки.

№9 Писало, у которого лопатка и стержень образуют букву «Т». Это тип 8 – один из самых многочисленных типов писал.

№10 Писало с лопаточкой в форме бокала с оттянутыми краями. Относится к 7 типу, вариант «б».

Топография находок представлена на рисунке 1. Так как в основном писала относятся к периоду домонгольской Руси, на рисунке обозначены каменные храмы домонгольского периода, как центры христианского учения и письменности. По последним данным, они находились в городах: Вщиж, Трубчевск и Карачев (Зубарев, Миненко, Яганов, 2017. С. 111).

Представленные находки, преимущественно, сделаны из цветного металла (кроме №7), надо заметить, что в работе Б.Б. Овчинниковой рассмотрены более двухсот писал-стилосов, подавляющее большинство которых, выполнены из железа или кости и только 12% – из бронзы. Находки средневековых писал на Брянщине является свидетельством грамотности части населения, подтверждением деловой и личной переписки.

ИСТОЧНИКИ И ИЛИТЕРАТУРА

Зубарев В.В., Миненко В.В., Яганов А.В. Карачевская крепость XII – XVIII вв. по данным письменных и археологических источников // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2017.

Медведев А.Ф. Древнерусские писала X-XV вв. // Советская археология. № 2. 1960.

Новожеев Р.В. Памятники древнерусской письменности из Вщижа. http://bryanskvek.narod.ru/images/publication/pismennost.htm (Доступно на 29.03.2023)

Овчинникова Б.Б. Писала – стилосы древнего Новгорода X-XV вв. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Проблемы истории России. Вып. 3. Екатеринбург, 2000.

Таблица 1

№	Место находки	Датировка	Тип по Б.Б. Овчинниковой	материал	Общая длина	примечание
1	Зубовка, Навлинский р-н	рубеж X-XI вв.	17	бронза	102 мм	
2	Новоселки, Брянский р-н	в.п.XII в.	6	бронза	120 мм	
3	Доброславичи, Жуковский р-н	в.п.XII в.	6	бронза	113 мм	
4	Красная слободка, Почепский р-н	в.п.XI–п.п.XII в.	3	бронза	120 мм	
5	Вщиж, Жуковский р-н	в.п.XI-п.п.XII в.	3	бронза	96 мм	край обломан и согнут
6	Вельяминово, Карачевский р-н	XIV – XV	16	бронза	87 мм	
7	урочище Липово, Дятьковский р-н	XIV – XV	16	железо	88 мм	
8	Кветунь, Трубчевский р-н	XI-XIII вв.	12	белый металл	—	только навершие
9	Селище, Стародубский р-н	рубеж X – XI вв	8	бронза	—	обломан
10	Селище, Стародубский р-н	п.п. XI в. – в.п. XIII вв.	7	бронза	106 мм	сломан у края навершия

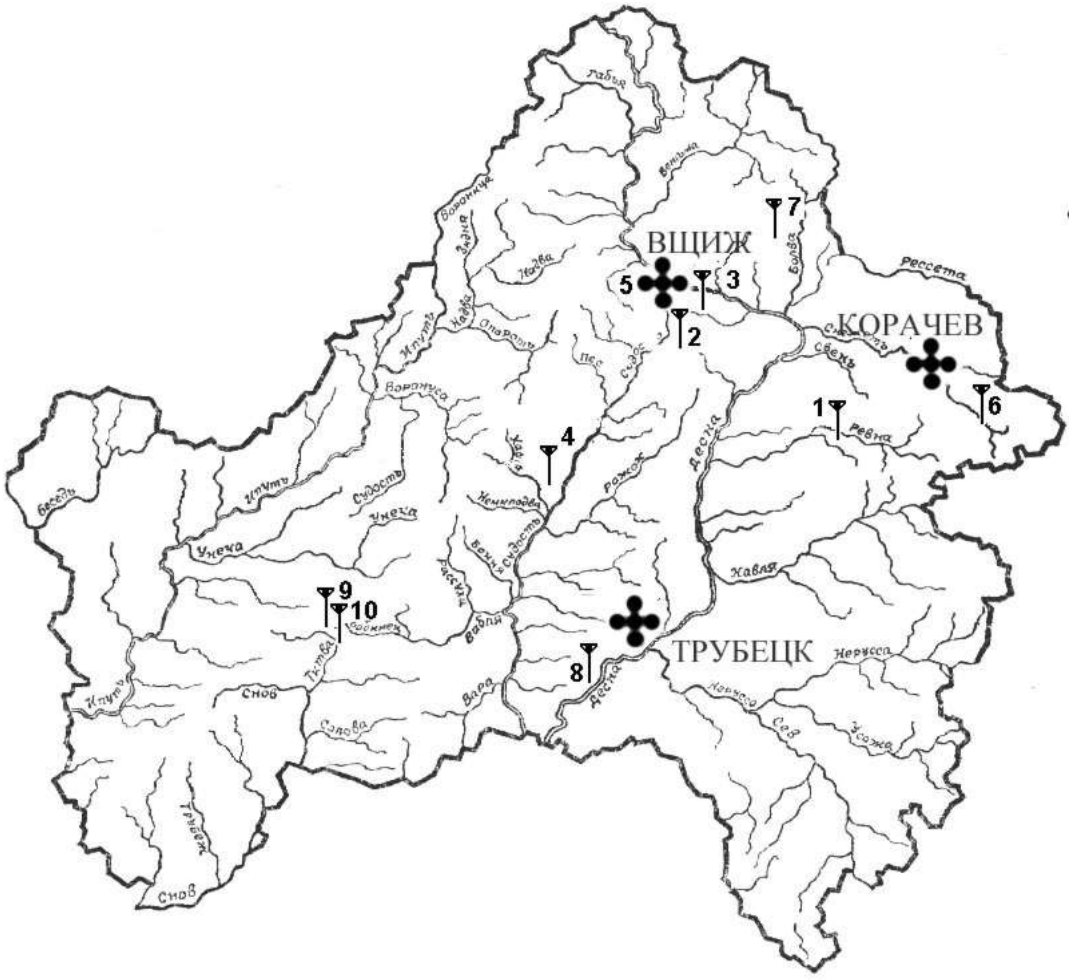


Рис.1
Топография находок.

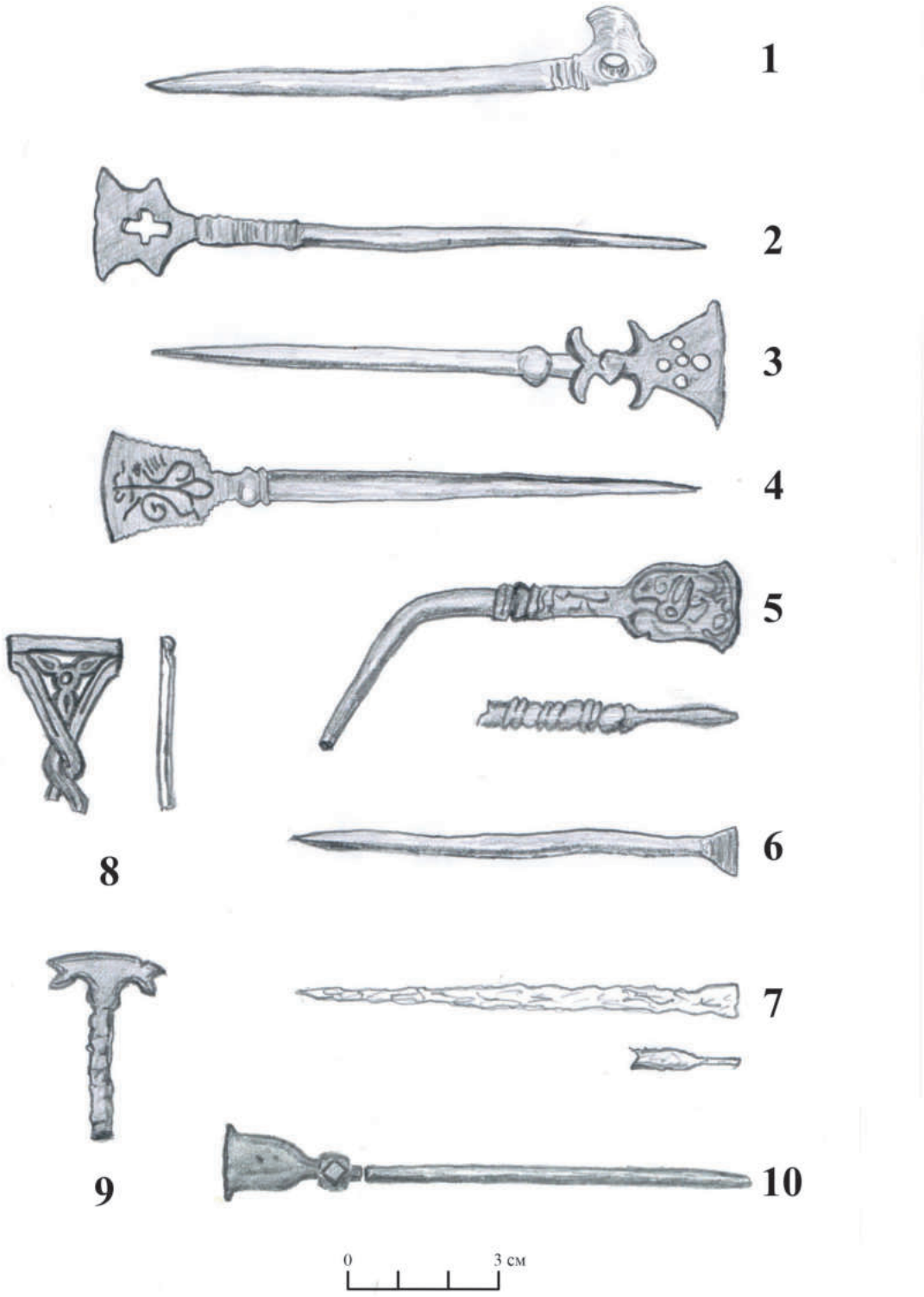


Рис.2

Писала из Брянской области.

1. Зубовка, Навлинский р-н; 2. Новоселки, Брянский р-н; 3. Доброславичи, Жуковский р-н; 4. Красная слободка, Почепский р-н; 5. Вщиж, Жуковский р-н; 6. Вельяминово, Карачевский р-н; 7. урочище Липово, Дятьковский р-н; 8. Кветунь, Трубчевский р-н; 9. Селище, Стародубский р-н; 10. Селище, Стародубский р-н.

УТОЧНЕНИЕ АТРИБУЦИИ ДВУХ ПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ МОНЕТ ИЗ ОКТЯБРЬСКОГО КЛАДА

© 2023 В.Г. Шапошник
Харьков
© 2023 В.В. Зайцев
Государственный исторический музей, Москва

В публикации обосновывается северская принадлежность для двух монет из состава клада второй половины 80-х гг. XIV в., найденного в Рыльском районе Курской области (Россия) в 2020 г. Также авторы обращаются к вопросам об эмитентах и местах чеканки северских монет с «княжеским знаком».

Ключевые слова: Северские земли, Корибут-Дмитрий Ольгердович, Александр Патрикеевич, Фёдор Патрикеевич, монетное производство.

TO THE MORE ACCURATE DEFINITION OF TWO IMITATIVE COINS FROM THE OKTYABRSKY HOARD

© 2023 Vladimir G. Shaposhnik, Vasiliy V. Zaytsev

The hoard of the second half of the 1380s found in 2020 on the territory of Rylsk district of the Kursk region is mentioned in the text of this publication. Two coins in this hoard are attributed in the study and affiliated with the Severian type of coinage, justification is also indicated in the article. The authors consider topics such as issuers and the places of minting of Severian coins with the «prince`s sign».

Key words: Severian lands, Koribut-Dmitry Olgerdovich, Alexander Patrickeevich, Fyodor Patrickeevich, coinage.

В 2021 году был опубликован денежный клад XIV века, найденный годом ранее на левом берегу реки Сейм вблизи села Октябрьское Рыльского района Курской области. Регион и время сокрытия клада предопределили уникальные особенности его состава, вобравшего в себя золотоордынские серебряные монеты, образцы эмиссий южнорусских княжеств, входивших тогда в состав Великого княжества Литовского, а также платежные слитки с клеймами Великого княжества Московского. Младшие среди его датированных джучидских монет были отчеканены в 788 г.х. (февраль 1386 – январь 1387 гг.), из чего следует, что накопление монетной части Октябрьского клада прекратилось не позднее 1387 г. 34 из 226 монет комплекса были однозначно отнесены в публикации к северскому чекану (Брянское, Новгород-Северское, Стародубское княжества, возможно – и другие центры). Ещё для нескольких двусторонних подражаний джучидским эмиссиям была допущена вероятность такой принадлежности, основанная на географии находок, общей с достоверно северскими монетами технологии изготовления и стилистической близости изображений (Зайцев, Шапошник, 2021. С. 156–191).

Теперь относительно 2 монет-подражаний клада такое допущение подтвердилось выявленными для них технологическими штемпельными связями с основными северскими группами, включающими монеты с кириллическими легендами и с характерным княжеским знаком.

Монета № 223 (Рис. 1, 223): одна сторона подражает аверсам джучидских серебряных монет (Мухаммеда ?), другая несет искаженный Символ веры (скопированный с монет Узбека ?); отчеканена штемпельной парой А23-Р18 (по классификации, принятой в ряде предыдущих работ). В публикации 2021 г. было отмечено, что штемпель с Символом веры (Р18) сопрягался еще с двумя «аверсными» штемпелями, а в качестве примера были указаны фотоизображения двух таких монет (А24-Р18), опубликованных Ю.Г. Тигунцевым с предположением об их выпуске в Стародубском уделе (Тигунцев,

2016. С. 102, Рис. В: 3. С. 111, № 4.10. С. 118, Рис. 3: 4.10). Позднее авторам стало доступно изображение монеты, отчеканенной штемпельной парой А23-Р10, что надёжно привязывает продукцию описанного выше штемпельного узла к северским монетам, так как Р10 входит в объединённую технологическими связями обширную подгруппу штемпелей, которыми чеканились не только двусторонние подражания, но и монеты с кириллическими легендами, предположительно содержащими имя Дмитрия (Рис. 2, верхний ярус). Штемпель А23 схож с А12, который также сопрягался с Р10, но не по причине общего джучидского прототипа, а потому, что являлся результатом его перерезки после существенного износа. Это было замечено авторами каталога, обобщившего результаты исследований монетной чеканки на русских землях под властью Великого княжества Литовского, в котором фотоизображение монеты № 223 из Октябрьского клада служит иллюстрацией штемпельного сочетания А12-Р18 (Гулецкий, Петрунин, Яковлев, 2022. С. 94, 871. С. 216, 871. С. 282, 871). На некоторых экземплярах, отчеканенных штемпелями А24 и Р18, на внешней стороне от картушей просматриваются слабо различимые изображения, имеющие сходство с буквами кириллического алфавита. Возможно, будущие монетные находки помогут более полно реконструировать эти штемпели и дать однозначный ответ на вопрос о наличии (или отсутствии) на них кириллической легенды. В публикации 2021 г. авторами было отмечено, что монеты этой подгруппы (Рис. 2, верхний ярус) могут являться продукцией одной мастерской в Брянском княжестве (Трубчевск ?), либо взаимосвязанных мастерских, между которыми происходило перемещение штемпелей; начальный этап чеканки относился к годам правления Дмитрия Ольгердовича Брянского; продолжилась она и после его отъезда в Москву уже в интересах новой администрации, при этом на монетах периодически размещались элементы зарождавшейся литовской геральдики.

Монета № 224 (Рис. 1, 224): изображения на обеих сторонах содержат характерные элементы легенд аверсов джучидских монет. Этот экземпляр был отчеканен штемпельной парой ТР33-ТР34 (Рис. 2) с двойным ударом, сопровождавшимся поворотом одного штемпеля на 90º и его смещением, что усложняет зрительное восприятие. В описании, сделанном в 2021 г., было отмечено, что подобные монеты входили в состав Каратунского клада 1986 г. (Федоров-Давыдов, Мухаметшин, 2020. С. 475: РВ160718, РВ160719) и Первого Солотинского клада 2012 г. (Лебедев, Ситник, 2015. С. 36, таб. VII: 84), а также, что со штемпелем из этой пары сопрягались еще два инструмента, образуя штемпельный узел (для примера были указаны две монеты (ТР33-ТР36) из состава Каратунского клада 1986 г. (Федоров-Давыдов, Мухаметшин, 2020. С. 477: РВ160866, РВ160867. С. 478: РВ160904, РВ160905). В 2022 году для всех четырёх инструментов этого штемпельного узла были опубликованы графические реконструкции оттисков, проиллюстрированные фотоизображениями соответствующих монет и сопровождённые комментарием о близости этих монет к монете ТА10-ТР18 и возможности их объединения на схеме с обнаружением новых экземпляров (Гулецкий, Петрунин, Яковлев, 2022. С. 130, 1121, 1122, 1123). Действительно, предсказанное событие не заставило себя долго ждать, база данных по северским монетам, накапливаемая авторами, недавно пополнилась фотоизображением экземпляра, отчеканенного штемпельной парой ТР18-ТР33. Этот факт влечёт за собой зачисление в категорию северских монет продукции штемпелей ТР33-ТР34, ТР35, ТР36, так как ТР18 входит в ещё одну технологически связанную подгруппу северских штемпелей, многие из которых снабжены изображением «княжеского знака» (Рис. 2, нижний ярус). На основании значительного сходства одного из оборотных штемпелей, использовавшихся при чеканке именных монет Корибута-Дмитрия Ольгердовича, со штемпелем ТА10 из этой подгруппы, названный князь предлагался в качестве вероятного эмитента монет, отчеканенных входящими в неё инструментами (Шапошник, Овсянников, 2021. С. 298, 299).

Кроме монет № 223 и 224, северская принадлежность была допущена для двух

одноштемпельных монет № 225 и 226 (Рис. 1, 225, 226). Для них отмечалось значительное сходство с экземпляром № 224 (только изображение на «оборотной» стороне — более абстрактное), что более наглядно при сравнении с графическими реконструкциями оттисков штемпелей ТР33 и ТР34 (Рис. 2). В настоящее время авторами зафиксировано уже 8 таких монет, через «оборотный» штемпель с этой парой инструментов связан ещё один, с деградированными изображениями (5 учтённых экземпляров).

Среди северских монет с «княжеским знаком» есть значительное количество вариантов, отчеканенных остающимися изолированными штемпельными парами или 3-4 технологически связанными штемпелями. Теоретически, они могут являться эмиссиями и других городов Северской земли. Отметим наличие в Октябрьском кладе четырёх монет с наклонённым «княжеским знаком», № 197–200 (Рис. 1, 197–200), отчеканенных штемпельной парой ТА5-ТР5. Такие же монеты были в составе Буерачного клада 1954 г., Ефремовского (Большого Тульского) клада 2008 г., Камышенского клада 2009 г. (Зайцев, 2011. С. 21. Рис. 9, а, б, в), Русановского клада 2012 г. (Борейша, 2015. С. 209–210. Рис. 13–19), Первого Солотинского клада 2012 г. (Лебедев, Ситник, 2015. С. 37, таб. VIII, Рис. 91, 92) и Первого Селивановского клада 2013 г. (Павлюков, 2015. С. 83. Рис. 20). Всего авторам известна информация о 26 подобных экземплярах, что ставит их в один ряд с самыми встречаемыми из северских выпусков. Еще в 2011 г. про этот вариант монет В.В. Зайцев написал следующее: «исходя из топографии находок, местом чеканки весьма осторожно и в предположительной форме может быть назван Рыльск». (Зайцев, 2011. С. 20). Этот город являлся значимым экономическим и политическим центром Посемья. В то время через бассейн р. Сейм в направлении Среднего Поднепровья проходил оживленный отрезок трансевразийского торгового пути, связывавшего речные Волжский (через Оку) и Донской (с ответвлением по Северскому Донцу) пути с Днепровским путем. У верховьев Сейма, по водоразделу рек Днепр и Дон, проходил и меридиональный сухопутный путь — Муравский шлях (Егоров, 1985. Карта 2; Воротынцев, 2020. С. 120, 134). В первой половине царствования Токтамыша, положившего конец многолетней «Великой замятне», произошло оживление торговой активности на международным путях. Это, в свою очередь, способствовало тому, что в районах, через которые они пролегали, происходила активизация региональной торговли и интенсификация хозяйственного освоения территорий, росло экономическое благосостояние (Воротынцев, 2020. С. 129, 130, 137). В списке князей, погибших в битве на Ворскле в 1399 г., значится Фёдор Патрикеевич Рыльский, известный только по этому единственному сохранившемуся упоминанию (Келембет, 2015. С. 19). Вероятно, он приходился младшим братом Александру Патрикеевичу Стародубскому, именные монеты которого также присутствовали в Октябрьском кладе в количестве 8 экземпляров (6 – первого варианта, с читаемой кириллической легендой (Рис. 1, 193–194), и 2 – второго варианта, с признаками деградации (Рис. 1, 195–196)). Эти монеты несут в центральной части аверса крупное изображение «княжеского знака», близкое знаку на монетах с именем Корибута-Дмитрия Ольгердовича. Логичное объяснение для этого факта было предложено С.М. Келембетом: Александр Стародубский (а возможно, и Фёдор Рыльский ?) в такой форме признавал свою вассальную зависимость от Корибута-Дмитрия Ольгердовича, князя Новгород-Северского, который одновременно являлся и верховным правителем южной части Северской земли с титулом великого князя Черниговского (по записи в Любецком синодике), что могло быть в период с 1382 г. (убийство Кейстута и бегство за границу Витовта) по 1392 г. (после которого Корибут утратил свои северские владения) (Келембет, 2015. С. 17–18. Келембет, 2016. С. 23). Касательно князей Александра Патрикеевича Стародубского и Фёдора Патрикеевича Рыльского интересна гипотеза о русском, а не литовском происхождении их отца, князя Патрикия Давидовича Стародубского, который был соратником Литовского великого князя Кейстута (Келембет, 2015. С. 15). Если братья получили свои уделы одновременно, то, с учётом изложенных

выше политических и экономических составляющих, Фёдор вполне мог осуществлять монетную чеканку в Рыльске параллельно с Александром в Стародубе.

Возвращаясь к монетам с «княжеским знаком», для которых ранее не было зафиксировано технологических связей с основной подгруппой, следует отметить, что для одного из их вариантов, опубликованного, как продукция изолированной штемпельной пары (Гулецкий, Петрунин, 2017. С. 503. № 6180В. Шапошник, Овсянников, 2021. С. 293. Рис. 1, ТА17-ТР25), такая связь в итоге была замечена (Гулецкий, Петрунин., Яковлев, 2022. С. 282, 877), иллюстрацией для неё служит монета из состава Русановского клада 2012 г. (Борейша, 2015. С. 214. Рис. 35). Факт вхождения штемпеля с «княжеским знаком» в первую подгруппу инструментов (вероятно эксплуатировавшихся в Трубчевске) вполне закономерен. Как уже отмечалось ранее, эта мастерская (или несколько взаимосвязанных мастерских ?) начала функционировать ещё в 1370-х годах (когда город был резиденцией Дмитрия Ольгердовича Брянского, а возможно, ещё раньше ?) и продолжала эмиссию на протяжении не менее 30 лет, до конца XIV – начала XV вв. (Зайцев, 2020. С. 110). За это время в городе сменилось несколько различных администраций, а на выпускавшихся монетах эпизодически появлялись элементы литовской геральдики: всадник с копьём, возможно — меч (?) (Шапошник, Овсянников, 2021. С. 295. Рис. 2, А15, А10). Существует документ, датированный 26 апреля 1388 г., в котором Трубчевский и Новгородский воевода Семён Ясманович называет Дмитрия-Корибута своим господином (Келембет, 2016. С. 15). То есть, присутствие на местной монете знака собственности князя Корибута удивления не вызывает. Чего нельзя сказать про существование технологической связи между штемпелями двух описанных выше подгрупп (Рис. 2, А1-ТА1а), которую иллюстрирует ещё одна монета из Русановского клада 2012 г. (Борейша, 2015. С. 215. Рис. 37. Гулецкий, Петрунин, Яковлев, 2022. С282, 912). Логично было бы предположить, что основной выпуск монет Корибута осуществлялся в его резиденции, которой скорее всего являлся Новгород-Северский. В этом городе его осаждал Кейстут в 1382 г., в документе 1388 г. Корибут назван князем Новгородским и Северским (Келембет, 2016. С. 14, 15). На данном этапе исследования первая подгруппа включает в себя более 60 штемпелей, а вторая – более 30. Внутри подгрупп инструменты соеденены густыми, часто – перекрёстными, технологическими связями. Так, штемпель ТА1а сочетался в процессе эксплуатации не менее, чем с тремя инструментами второй подгруппы. Вероятно, он один из самых ранних штемпелей с «княжеским знаком»; монеты, отчеканенные с его помощью, входили в состав Борщёвского клада 1948 г. (Зразюк, Хромов, 2007. С. 113. № 90, № 91), младшие джучидские монеты которого датированы 782 г.Х. (1380–1381 гг.). Штемпель А1 сочетался с 6 инструментами первой подгруппы, в процессе эксплуатации он подвергался правке, в том же Борщёвском кладе 1948 г. присутствуют две монеты, вышедшие из-под него (что важно, ещё неправленного) (Зразюк, Хромов, 2007. С. 113. №92, № 93), но на раннюю хронологическую позицию внутри своей подгруппы он претендовать не может. Примечательно, что с ТА1а он тоже сочетался до своей правки, продолжив после этого работу со штемпелями первой подгруппы (условно – первой мастерской). Объяснить наличие единственной технологической связи между инструментами двух продуктивных мастерских можно по-разному. Как вариант, в первой мастерской была изготовлена партия инструментов для передачи во вторую мастерскую, при апробации перед отправкой один из них сочетался со штемпелем из набора первой мастерской. Как второй вариант, в первую мастерскую поступил из второй мастерской всего один инструмент. Гипотетически, один из этих взаимоисключающих вариантов мог произойти в 1380 г., если Трубчевск сразу после отъезда Дмитрия Ольгердовича Брянского перешёл под власть Корибута-Дмитрия Ольгердовича Новгород-Северского. Тогда первый вариант был бы возможен в случае, если Корибут пожелал наладить в своей резиденции монетное производство по примеру Трубчевска; а второй вариант – в случае, если монетная мастерская в Новгород-Северске уже существовала в 1380 г., и

один из её инструментов, несущий на себе знак собственности Корибута, был отправлен в монетную мастерскую, работавшую на территории его нового владения. Как третий вариант: инструменты первой и второй подгруппы могли эксплуатироваться в одной монетной мастерской, а в дальнейшем будут выявлены и другие связи между ними, для чего существует значительный потенциал: всё ещё остаются неопубликованными более 130 монет из Русановского клада 2012 г., предварительно атрибутированных как северские двусторонние подражания (Борейша, 2015. С. 8).

В последние годы произошёл качественный сдвиг в изучении северских монетных эмиссий. Образно выражаясь, всё меньше остаётся белых пятен на их карте: открываются новые острова, которые соединяются в архипелаги, а они, в свою очередь, сливаются в материки. Авторы питают надежду, что в скором времени будут даны ответы и на вопросы по этой теме, остающиеся на сегодня открытыми.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Борейша Ю.Л. Волынские монеты Фёдора Любартовича в свете кладовых данных и реконструкции символики Галицко-Волынского государства. Минск, 2015.

Гулецкий Д.В., Петрунин К.М. Русские средневековые монеты. М., 2017.

Гулецкий Д.В., Петрунин К.М., Яковлев А.В. Региональная чеканка на русских землях под властью Великого княжества Литовского (последняя треть XIV в.). СПб., 2022.

Воротынцев Л.В. Русские земли в системе торговых коммуникаций «татарского мира» («Pax Tatarica») // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии: мат-лы VI Международного Золотоордынского форума «Pax Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды», круглого стола «“Via Tatarica”: Золотая Орда на Великом Шелковом пути» (Казань, 26–28 июня 2019 г.). М.; Казань, 2020.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Зайцев В.В. «Северские» монеты с «княжеским знаком», 80-е гг. XIV в. // Нумизматика. № 1(28). М., 2011.

Зайцев В.В. О датировке брянских подражаний дангам Узбека // Український нумізматичний щорічник. Вип. 4. Переяслав, 2020.

Зайцев В.В., Шапошник В.Г. Клад серебряных монет и платежных слитков XIV в. из Рыльского района Курской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 9. М., 2021.

Зразюк З.А., Хромов К.К. Борщевский клад // Восточная нумизматика в Украине. Часть II. Монеты джучидов и сопредельных государств в XIII−XV вв. Киев, 2007.

Келембет С.М. Князі Стародубські та Рильскі: середина XIV – початок XV століть // Сіверянський літопис. № 2. 2015.

Келембет С.М. Дмитро-Корибут Ольгердович – перший литовський князь південної Сіверщини // Сіверянський літопис. № 5. 2016.

Лебедев В.П., Ситник В.Г. Два клада джучидских монет конца XIV в. из Курской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 5. М., 2015.

Павлюков В.В. Новая группа подражаний из Селивановских кладов // Русь, Литва, Орда. Вып. 1. Минск, 2015.

Тигунцев Ю.Г. Денежное обращение в центральных уделах Черниговской земли с начала XIV – до начала XV в. (по монетным сборам в Брянской области) // РАСМІР: Східна нумізматика. ІІІ Міжнародна наукова конференція: збірник наукових праць конференції. Київ, 2016.

Федоров-Давыдов Г.А., Мухаметшин Д.Г. Каратунский клад джучидских монет XIV века. Т. 2. Казань; М., 2020.

Шапошник В.Г., Овсянников О.В. К вопросу об эмитенте северских подражаний с «княжеским знаком» // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 9. М., 2021.

Рис.1
Фотоизображения избранных монет из состава Октябрьского клада 2020 г.

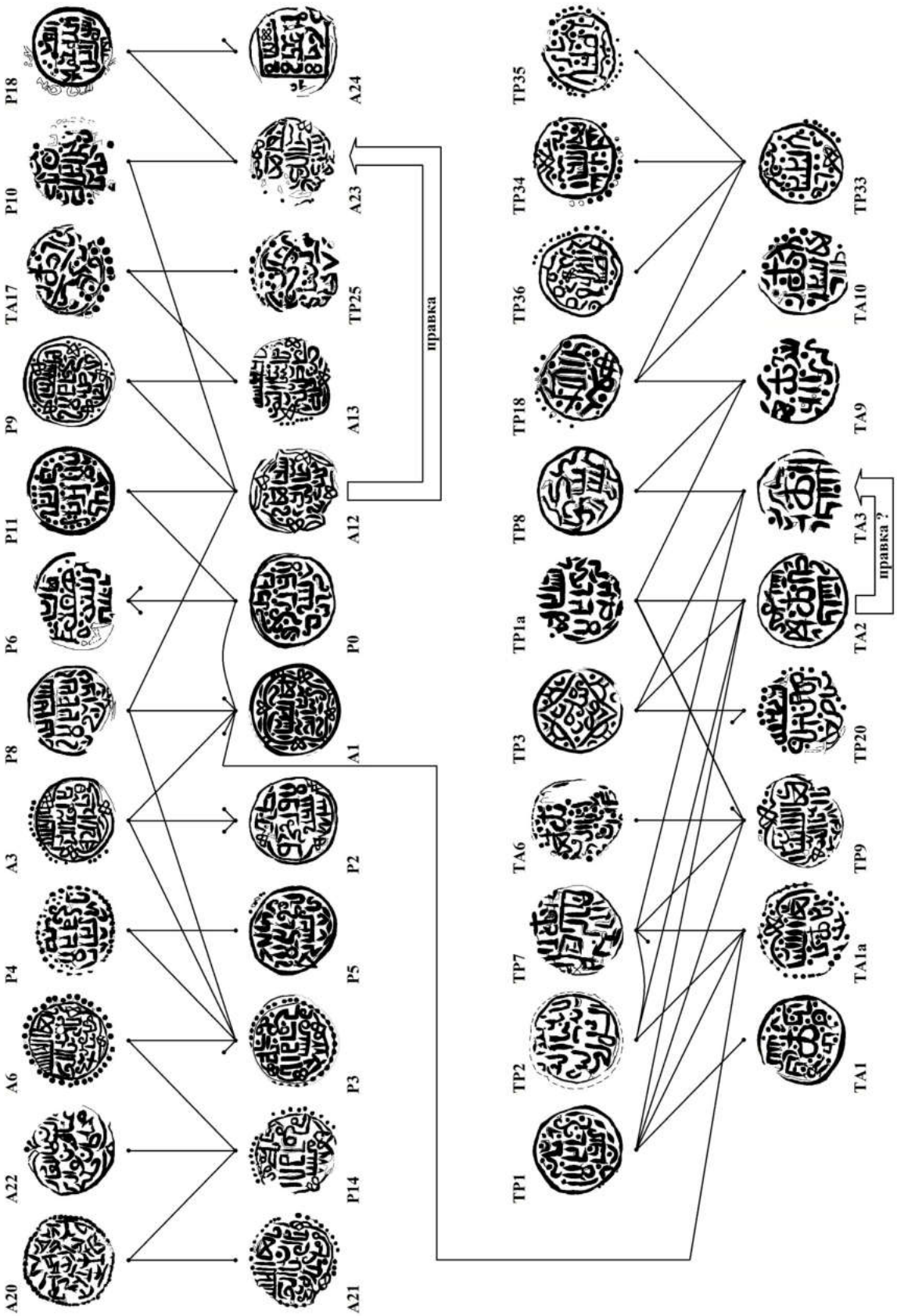


Рис.2

Фрагмент схемы технологических штемпельных связей северских монет (при составлении использованы графические реконструкции оттисков штемпелей, выполненные Овсянниковым Олегом Владимировичем (Челябинск), https://independent.academia.edu/OlegOvsyannikov).

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

© 2023 г. Д.В. Гулецкий
Варшава

Изучение памятников денежного обращения русского средневековья значительно интенсифицировалось в последнее десятилетие, обретя недоступную ранее техническую базу. Нумизматика приобретает черты более точной науки, применяя инструменты скрупулезной графической реконструкции штемпелей, восстанавливая технологические связи, изучая метрологию монет, становящихся доступными для исследования во все больших количествах, применяя математические модели к техническим характеристикам памятников старины. В статье рассматриваются вопросы методологии изучения памятников нумизматики и «малой» сфрагистики Древней Руси.

Ключевые слова: денежное обращение, сфрагистика, пломбы, Древняя Русь

ON THE QUESTION OF THE METHODOLOGY FOR STUDYING INDIVIDUAL ITEMS OF MONETARY CIRCULATION IN THR RUSSIAN MIDDLE AGES

© 2023 D.V. Guletsky

The study of monuments of monetary circulation of the Russian Middle Ages has significantly intensified in the last decade, having acquired a previously inaccessible technical base. Numismatics is acquiring the features of a more exact science, using the tools of scrupulous graphical reconstruction of stamps, restoring technological connections, studying the metrology of coins that are becoming available for research in increasing quantities, applying mathematical models to the technical characteristics of ancient monuments. The article deals with the methodology of studying the monuments of numismatics and «small» sphragistics of Ancient Rus'.

Keywords: monetary circulation, sphragistics, seals, Ancient Rus'

Изучение памятников денежного обращения русского средневековья значительно интенсифицировалось в последнее десятилетие, обретя недоступную ранее техническую базу. Сугубо гуманитарных общеисторических размышлений об отдельных известных исследователям типах монет, сколь бы они ни были эрудированными, уже недостаточно. Нумизматика приобретает черты более точной науки, применяя инструменты скрупулезной графической реконструкции штемпелей, восстанавливая технологические связи, изучая метрологию монет, становящихся доступными для исследования во все больших количествах, применяя математические модели к техническим характеристикам памятников старины. Все больший их массив покрывается обширными поштемпельными каталогами, точно восстанавливающими последовательность, а иногда и хронологию денежной эмиссии (см., например: Гоглов, Титов, 2016; Гайдуков, Гришин, 2017; Волков, 2020; Гришин, Храменков, 2020; Гулецкий, Петрунин, Яковлев, 2022). Привесным печатям и пломбам из свинца в этом плане пока повезло меньше, хотя основы их поштемпельного изучения заложены давно – в частности, этот подход применяется в, пожалуй, самом известном в русской средневековой сфрагистике, хрестоматийном труде В.Л. Янина «Актовые печати Древней Руси X–XV вв.» (1970).

В то же время, древнерусские свинцовые пломбы наравне с монетами могут считаться памятниками денежного обращения средневековой Руси. Это подтверждается известными письменными источниками и прямо, и косвенно; для определенных временных интервалов восстановлена схема включения пломб в сочетании с изношенными беличьими шкурками в денежное обращение и относительная стоимость образуемой

ими куны «Русской Правды». За подробной аргументацией вышеизложенных тезисов отсылаем читателя к нашим более ранним работам (Гулецкий, 2017; Гулецкий, 2018).

С точки зрения технологии изготовления, пломбы имеют свои особенности по сравнению с монетами. Но процесс подготовки изображений штемпеля (в случае пломб и печатей его принято называть матрицей) у обоих металлических предметов имеет схожие черты. В недавней работе, публикуя древнерусскую пломбу из Гродно, И.И. Синчук и Н.А. Почобут предположили, что для ее изготовления вместо буллотирия могли использоваться несопряженные штемпели и ударный инструмент, и некоторые пломбы чеканились подобно монетам (Синчук, Почобут, 2021. С. 82). Это вполне возможно, впрочем, в контексте графической реконструкции изображений не так уж и важно, разделены ли были верхний и нижний штемпель (матрица), или объединены рукоятью «клещей», в холодном или нагретом состоянии производился оттиск (чеканка), твердая или мягкая была подложка и какой ударный инструмент использовался. При внимательном рассмотрении у печатей и пломб тоже находятся столь информативные при изучении монетной эмиссии штемпельные связи, возникавшие в результате замены вышедшего из строя штемпеля другим, при сохранении уцелевшего парного ему (см., например: Гулецкий, Ярошевский, 2018. С. 94. Рис. 2).

Толщина свинцовой заготовки и особенности технологии обусловили некоторые отличия в технике изготовления штемпелей для серебряных монет и свинцовых пломб. Дизайн первых – в основном, плоский, вторых – объемный. Так, на поверхности штемпеля-матрицы XI в. крупным пуансоном выдавливалась «болванка» головы и частей фигуры святого. Его шевелюра дорабатывалась ударами пуансона (Рис. 1). Таким образом, при изготовлении штемпеля, подобно как и для византийских медных монет того же времени, использовались приемы не только резки, но и чеканки.

Денежная функция *части* известного массива пломб не подвергается сомнению современными учеными, хоть они и испытывают методологические трудности в разделении этого массива на функциональные группы (Олейников, Гайдуков, 2018. С. 279), то есть в выделении именно тех типов пломб, которые использовались для опечатывания меховых денег Древней Руси. На наш взгляд, на роль таковых претендуют, в первую очередь, пломбы раннего периода, содержащие властную символику Рюриковичей, поскольку выпуск меховых денег, прежде всего, являлся «государственной», в понимании того времени, эмиссией. В целом, однако, по сравнению с монетами изучение этих памятников средневековой истории требует заметно больших интеллектуальных и организационных усилий от их исследователей, что обуславливает поверхностный уровень нашего понимания их функционирования, как системы.

Датировка пломб «первой волны», распространенных практически на всей территории Киевской Руси, укладывается в период со второй половины XI в. до первой трети XIII в. (Gaydukov, 2019. P. 191-192). В это время, особенно в первой половине рассматриваемого отрезка, пломбы, оттиснутые одной и той же парой матриц, нередко обнаруживаются на значительном расстоянии друг от друга (см., например: Петров, Пантелеева, 2014. С. 9. Рис. 3, 1; Гулецкий, Богуш, 2019. Фототаблица 1, 2). После начала монгольского нашествия производство пломб сохранилось лишь в отдельных регионах, в особенности на отдаленных западных территориях государства Рюриковичей.

Популярная в XIX в. «таможенная» версия происхождения пломб, в том числе ранних (навеянная, очевидно, практикой применения в то время свинцовых пломб для этих целей) показала свою несостоятельность как из-за современной топографии находок ранних типов пломб, далеко не ограничивающихся приграничными зонами Древней Руси, так и вследствие характера мест обнаружения – в границах жилых строений или рядом, в комплексе со статусными находками (Олейников, Гайдуков, 2018. С. 276). Однако мы пока не можем исключать эту версию полностью, допуская, как указано выше, вероятную многофункциональность всего массива артефактов. И все же, чтобы всерьез говорить

об этой функции, нужно специальное исследование, подобно проведенному нами для денежной функции, которое бы наглядно моделировало сам механизм употребления пломб XI-XIII вв. в таможенных целях. Такого исследования пока нет.

К сожалению, проблема разделения всего массива пломб, возникавшего на протяжении нескольких столетий на обширных территориях Древней Руси, на функциональные группы, обозначенная О.М. Олейниковым и П.Г. Гайдуковым (Олейников, Гайдуков, 2018. С. 279), осознана не всеми исследователями. В ряде работ, безо всякой аргументации и указания на конкретную группу, все пломбы продолжают называться «торговыми» или «таможенными». В качестве примера можно привести недавнюю работу А. Мусина, где ученый, не вдаваясь в детали, говорит о древнерусских свинцовых пломбах, как о *«прежде всего, торговых, таможенных или фискальных»*) (так все-таки каких? – Авт.). В конце концов, признавая право на существование версии о денежной функции части массива пломб, исследователь отдает главную роль той самой неопределенной торгово-фискальной функции (Musin, 2022. С. 232, 234, 242), относя это не к исследуемым им надбужским, как следовало бы, а ко всем древнерусским пломбам огулом.

О том, как именно функционировала такая торгово-фискальная система, в статье А. Мусина нет ни слова, зато присутствует ряд смелых и довольно опасных гипотез, на которых также необходимо заострить внимание во избежание их укоренения в научной литературе. Так, автор статьи “открывает секрет Полишинеля”, указывая на западные культурные заимствования в иконографии надбужских пломб XIII в. В качестве примеров приводятся изображения птиц и четвероногих (как будто бы малоизвестных на Руси). Есть и более курьезные аналогии – такие, как знак, встреченный на брактеатах в кладе из Веленя (Рис. 2, 1; Musin, 2022. Рис. 3, 38). Его сюжет почему-то приписывается не современному ему и близкому географически якоревидному знаку, известному, в частности, по перстню Святополка Померанского (1220 — 1266) (Рис. 2, 2), а обратному культурному влиянию далекой Руси через христианский символ процветшего креста (Рис. 2, 3), *«чрезвычайно распространенный на русских пломбах и печатях»* (Musin, 2022. С. 228-229). Задумывался ли автор статьи, какого именно периода?

Продолжая череду смелых экстраполяций, А. Мусин приходит к следующим выводам: *«пломбы, найденные в Мазовии, а также похожие на них из Дрогичина и Чермна –- пломбы польские, а не русские… очень правдоподобно, что пломбы употреблялись большинством (sic! –* Авт.*) Пястов… их употребление могло приобрести характер общепольский (sic! –* Авт.*) … это могли быть польские пломбы, на которых была употреблена кириллица, как в случае с монетами Мешко III с легендами на иврите… Дрогичин стал центром международной торговли, и, вследствие этого, главной “скарбницей малой сфрагистики” Центрально-Восточной Европы, прежде всего – Польши»* (Musin, 2022. С. 236-240).

Таким образом, при отсутствии какого бы то ни было реального исторического моделирования, «большинству Пястов» оказалась приписана сразу «триединая», «торгово-таможенно-фискальная» эмиссия пломб. Приводя в настоящей работе подобные, на наш взгляд, опасные заблуждения, нас утешает лишь тезис, что «новое в науке побеждает не так, что носители старых теорий признают свою неправоту, а большей частью так, что эти противники постепенно уходят со сцены, а подрастающее поколение усваивает истину сразу». Потому мы надеемся, что рано или поздно надбужские пломбы все же начнут рассматриваться в хронологическом, географическом и политическом контексте Древней Руси, и их исследователи примут тот факт, что находки из Дрогичина – лишь продолжение истории, начавшейся намного раньше, в XI в.

Разнородный массив древнерусских свинцовых пломб, выпускавшихся в различных частях огромной территории Древней Руси на протяжении приблизительно двух столетий (а где-то, возможно, и дольше; в том числе, на протяжении, вероятно,

короткого времени эта русская практика была перенята и в Мазовии), заслуживает скрупулезного, всестороннего и детального изучения, а не общего теоретизирования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Волков И.В. Клады монет Великого Новгорода XV века. Часть 1 / Под общей редакцией П.Г. Гайдукова. Великий Новгород, 2020.

Гайдуков П.Г., Гришин И.В. О проекте издания «Корпус русских монет XIV-первой трети XVI в.» и его первой книге // Российский рубль. 700 лет истории. СПб., 2017.

Гоглов С.А., Титов Г.А. О монетном чекане князя Дмитрия Юрьевича Шемяки // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Том 2. М., 2016.

Гришин И.В., Храменков А.В. Типы русских монет. Чекан московских удельных княжений. М., 2020.

Гулецкий Д.В. Ещё раз о денежном счете домонгольской Руси // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Том 4. М.,2017.

Гулецкий Д.В. Древнерусские свинцовые пломбы как нумизматический источник домонгольского периода // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Том 7. М., 2018.

Гулецкий Д.В., Богуш А.К. О находках древнерусских свинцовых пломб XI–XIII вв. на юго-западе Полоцкой земли и в пределах Туровской земли // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Том 7. Тула, 2019

Гулецкий Д.В., Ярошевский Н.А. Древнерусские свинцовые пломбы с властной символикой Рюриковичей: история и проблемы изучения (по данным украинских находок последних лет) // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Том 5 (спецвыпуск «Сфрагистический сборник»). Минск, 2018.

Гулецкий Д.В., Петрунин К.М., Яковлев А.В. Региональная чеканка на русских землях под властью Великого княжества Литовского (последняя треть XIV в.). СПб., 2022.

Олейников О.М., Гайдуков П.Г. Древнерусские пломбы и торгово-хозяйственные связи Новгорода с восточными районами Новгородской земли (по материалам Лукинского-2 раскопа 2012 г.) // Археология севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: в 2-х частях / отв. ред В.А. Лапшин. Часть I. Сургут, 2018.

Петров Ф.Н., Пантелеева Л.В. Свинцовые пломбы древнерусской Дубны, Дубна, 2014.

Синчук И.И., Почобут Н.А. Нумизматические и сфрагистические материалы из раскопок и надзоров по ул. Замковая в г. Гродно Республики Беларусь в 2019 – 2020 гг. // Актуальні проблеми нумізматики у системі спеціальних галузей історичної науки: тези доповідей VI Міжнародної науково-практичної конференції. Переяслав, 2021.

Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1–2. М., 1970.

Gaydukov P. The topography of finds of early medieval small lead seals from East Central and Eastern Europe: catalogue = Rozprzestrzenienie znalezisk wczesnosredniowiecznych plomb olowianych w Europie Srodkowo-Wschodniej I Wschodniej: katalog, [in:] A.Musin, M.Wołoszyn (eds.), The Sphinx of Slavic sigillography – small lead seals of “Drohiczyn type” from Czermno in their East European context = Sfinks słowianskej sfragistyki – plomby “typu drohiczyńskiego” z Czermna w kontekście wschodnioeuropejskim, U zrodeł Europy Srodkowo-Wschodniej = Fruhzeit Ostmitteleuropas 6:1, Krakow-Leipzig- Rzeszow-Saint Petersburg-Warszawa (Leibniz-Institut fur Geschichte und Kultur des ostlichen Europa [GWZO] / Instytut Archeologii I Etnologii Polskiej Akademii Nauk / Instytut Archeologii Uniwersytrtu Rzeszowskiego / Институт истории материальной культуры Российской академии наук). 2019.

Musin A. Ołów i władza: Plomby Rurykowiczów i Piastów w Europie Środkowo-Wschodniej // Slavia Antiqua, №53. Warszawa, 2022.

Рис.1
Пломба с изображением св. Федора с мученическим крестом у груди и графическая реконструкция ее штемпелей

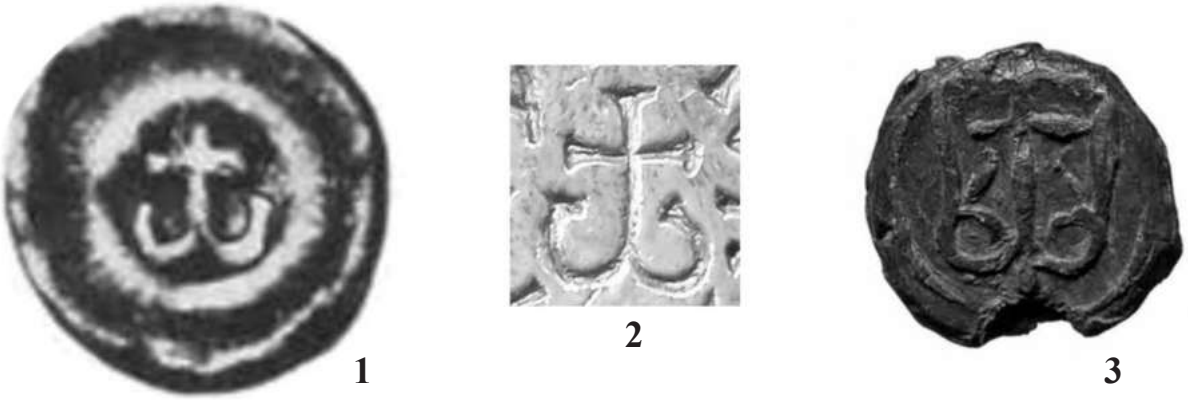


Рис.2
1 - Брактеат из г. Велень (середина XIII в.); 2 - знак на перстне Святополка Померанского (середина XIII в.); 3 - процветший крест на древнерусской пломбе (первая половина XII в.)

СООРУЖЕНИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ С ПОСЕЛЕНИЯ ГЛУШКОВО 1

© 2023 г. Р.С. Веретюшкин, Д.Н. Горбунов, В.М. Дяденко, С.И. Жаворонков

Курский государственный университет,
НИИ археологии юго-востока Руси, Курск

В статье вводятся в научный оборот материалы, полученные при раскопках многослойного поселения 1 в рп. Глушково Глушковского р-на Курской обл. в 2017 г. и связанные с Глушковской суконной фабрикой. Основное внимание уделено хозяйственному комплексу 2-й половины XVIII в. и сооружениям 2-й половины XIX в.: ширильным рамам и деревянному водопроводу. Кроме того, кратко охарактеризованы грунтовый могильник конца XVIII – начала XIX в. и усадьбы XIX в.

Ключевые слова: суконная фабрика, усадьба, водопровод, ширильная рама, зерновая яма, постройка, овин.

BUILDINGS OF THE NEW TIME FROM THE SETTLEMENT OF GLUSHKOVO 1

© 2023 R.S. Veretyushkin, D.N. Gorbunov, V.M. Dyadenko, S.I. Zhavoronkov

The article introduces into scientific circulation the materials of excavations at the multilayer settlement 1 in Glushkovo (Kursk region) in 2017, related to the Glushkovo cloth factory. The main attention is paid to the economic complex of the 2nd half of the XVIII century and the structures of the 2nd half of the XIX century: tenter frames and wooden plumbing. In addition, the cemetery of the late XVIII – early XIX century and the estates of the XIX century are briefly described.

Key words: cloth factory, estate, plumbing, tenter frame, grain pit, building, barn.

Осенью 2017 г. Посемьской экспедицией НИИ археологии юго-востока Руси Курского госуниверситета были проведены спасательные раскопки на поселении 1 в рп. Глушково Глушковского района Курской области. Памятник, расположенный на краю левобережной надпойменной террасы р. Сейм (бассейн Днепра), был открыт в том же году Н.А. Тихомировым в ходе разведок, предварявших строительство физкультурно-оздоровительного комплекса. Поселение располагается в северной части парка им. Фрунзе, на территории выявленного объекта культурного наследия «Место, на котором располагалась усадьба М.И. Терещенко, XIX–XX вв.» (к слову, член Временного правительства М.И. Терещенко не имел к ней никакого отношения).

На участке непосредственного строительства спорткомплекса был заложен раскоп 1 площадью 2031 кв. м. Верхнюю часть изученных в нем напластований составляли нивелировочные засыпки последней четверти XIX – начала XXI в. (слой 1 – чернозем со строительным мусором), мощность которых достигала 2 м, и остатки руинированных кирпичных строений XIX–XX вв. Прослеженный под ними слой 2 (темно-серый суглинок с крошкой кирпича и известкового раствора) толщиной до 1,27 м, по всей видимости, тоже является планировочным и сформировался в 1-й четверти XIX в. (основания датировки будут рассмотрены далее). Ниже залегал слой 3 (темно-серый суглинок с разнообразными включениями, обычно приуроченными к заглубленным объектам) толщиной до 0,95 м – отложения, формировавшиеся на протяжении длительного периода: от II тыс. до н.э. (отдельные керамические находки относятся к эпохе бронзы) до начала XIX в. н.э. Помимо Нового времени, в рамках этого периода на непосредственно изученном участке памятника наиболее интенсивная жизнедеятельность происходила в середине–конце I тыс. н.э. и связана с носителями колочинской, волынцевской и роменской культур. Кроме того, в пределах раскопа 1 присутствовали находки и объекты III–V вв. н.э. и XI–XVII вв. н.э. Материк залегал на глубине 0,9–2,9 м от поверхности под диффузионным слоем, имевшим мощность до 0,8 м.

Культурные напластования, изученные раскопом 1, в целом характеризуются присущей черноземам однородностью и высокой степенью повреждения землеройными животными. Другими особенностями были крайне малое количество атрибутированных предметов и частое присутствие в заполнениях объектов исключительно переотложенного материала. Общая немногочисленность относящихся к Новому времени находок объясняется преимущественно утилитарным использованием исследованной части памятника на протяжении XVIII–XIX вв. От сооружений иного характера (усадебных построек XIX в.) сохранились фактически только остатки фундаментов. В таких условиях датировка напластований и ям в основном производилась методами типологизации и планиграфического анализа с привлечением, когда это возможно, документальных источников.

Всего в раскопе 1 были изучены свыше 300 заглубленных объектов, выступающих как остатками не связанных между собой и нередко накладывающихся друг на друга разновременных сооружений, так и группами синхронных ям (Рис. 1А; 1Б). К последним относятся несколько комплексов XVIII–XIX вв., связанных, так или иначе, с Глушковской (первоначально Путивльской) суконной мануфактурой (фабрикой), поэтому необходимо кратко рассмотреть историю этого промышленного заведения, одного из старейших в России.

Село Глушково (с 1959 г. рабочий поселок) возникло в середине XVII в. В 1719 г. келлермейстер И.М. Дубровский при содействии местного помещика В.Д. Корчмина (с 1722 г.) начал здесь строительство «суконного завода в 3 года» (Глушковская …, 2003. С. 8). В течение трех десятилетий у мануфактуры, не справлявшейся с поставками сукна для армии, сменилось несколько собственников и управляющих (Федотова, 2014. С. 196). Вся производственная и хозяйственная деятельность на первых порах была сконцентрирована при фабричном дворе, расположенном в 500 м южнее раскопа (Дубровський, 1930. С. 113–118). Задействовано в ней было в разные годы от 450 до 550 мастеровых (Слюсарский, 1964. С. 241).

Производство удалось наладить только купцу К.М. Матвееву, получившему фабрику в потомственное владение в 1752 г. (Глушковская …, 2003. С. 14–20), и его наследникам (с 1775 г.). При Матвеевых мануфактура переживала расцвет: деревянные корпуса были отчасти заменены кирпичными, росли количество задействованных непосредственно на предприятии работников (в 1754 г. штат насчитывал более 900 чел., в 1760 г. – более 1350 чел., а в 1791 – более 1700 чел.) и, как следствие, ежегодные поставки сукна казне (Слюсарский, 1964. С. 242–246). Вблизи фабрики (в 250 м юго-юго-восточнее раскопа) появился первый в Глушково каменный Троицкий храм, построенный в 1783 г. (Холодова, 2019. С. 125).

В 1791 г. мануфактура была передана Матвеевыми П.С. Потемкину (Глушковская …, 2003. С. 20–22), а после его смерти в 1796 г. отошла супруге. Новый хозяин сразу в разы увеличил объемы повинностей, что вызвало волнения и побеги, а в конце 1797 – начале 1798 г. на фабрике вспыхнул бунт, подавленный регулярной армией (К истории …, 1938. С. 200–217). В 1816 г. фабрику унаследовал граф С.П. Потемкин, по проектам которого к 1822 г. в Глушково перестраивается в стиле ампир Троицкая церковь, рядом возводится отдельно стоящая колокольня (разрушены в 1933 г., остатки храмовых стен в 1970-х гг. послужили основой для дома культуры), а севернее, в районе участка проведения раскопок, закладывается усадьба с парком (Холодова, 2003. С. 169; 2019. С. 125). Строительство разорило как мануфактуру, так и ее владельца, поэтому с 1824 г. и до самой его смерти в 1858 г. осуществлялось коллегиальное управление имением (Глушковская …, 2003. С. 55–57).

Следующим хозяином предприятия стал граф И.А. Рибопьер, в 1865 г. продавший его сахарозаводчику А.Я. Терещенко. С семьей Терещенко связан новый этап в истории фабрики: ручное производство заменяется машинным, что повлекло кратное сокращение

штата, при предприятии строятся больница и школа, другие учреждения (Федотова, 2014. С. 198). В 1870–1893 гг. имением в Глушково владел оставивший наиболее заметный след в архитектурном облике села С.А. Терещенко, здесь постоянно проживавший и похороненный. После его кончины в 1893 г. все имущество перешло в совместную собственность сыновей, а с 1899 г. единоличным хозяином фабрики стал младший из них – Н.С. Терещенко, который в Глушково не жил и в 1906 г. продал имение (Глушковская …, 2003. С. 68–81). В дальнейшем предприятие несколько раз переходило из рук в руки, пока не было национализировано в 1929 г. В настоящее время производство полностью остановлено.

Установить динамику освоения изученной раскопом 1 территории в XVIII–XIX вв. помогают картографические материалы (Рис. 2): составленный в 1784 г. план генерального межевания Белопольского уезда Харьковской губернии, к которому в 1780–1796 гг. относилось Глушково, а также хранящиеся в Государственном архиве Курской области (ГАКО) план местоположения строений Глушковской фабрики 1850 г. (Ф. 200. Оп. 1. Д. 43. Л. 5) и план специального межевания сел Глушкова и Званного 1862 г. (Ф. 621. Оп. 2. Д. 7654. Л. 1).

Как уже отмечалось, в пределы раскопа 1 попали руины крупных строений XIX–XX вв. (№№ 1–4), от которых сохранились траншеи разобранных фундаментов, засыпанные кирпичным боем (Рис. 1А; 1Б). Также были зафиксированы два квадратных кирпичных основания (в кв. 7, 8Г, Д и в кв. 7, 8О) – вероятно, постаменты парковых скульптур. Самое позднее строение 1 функционировало в 1-й половине XX в. Строения 3 и 4, присутствующие на плане фабрики 1850 г. (Рис. 2, 2), соотносятся с усадьбой С.П. Потемкина, причем строение 3 можно интерпретировать как ее центральное сооружение. Очевидно, в период активной строительной деятельности графа (2-я половина 1810-х – начало 1820-х гг.), при планировке территории, сформировался и слой 2 раскопа, прорезанный фундаментами усадебных зданий. Сохранившееся от строения 2 основание отличается формой в плане, близкой культовой архитектуре, и широтной ориентацией. Можно предположить, что оно принадлежало склепу или небольшой домовой церкви при усадьбе С.А. Терещенко. Достоверные сведения о точном местоположении его дома и могилы отсутствуют. Конечно, нельзя исключать, что он мог проживать в доме С.П. Потемкина, но в традициях рода Терещенко было возведение собственных усадебных комплексов. Имеются и более веские основания полагать, что дом С.А. Терещенко располагался в другом месте: в шурфе № 1 Н.А. Тихомирова, заложенном примерно в 20 м к В от раскопа 1, был выявлен заглубленный в материк мощный кирпичный фундамент шириной более 1,8 м. В таком случае объясняется близкое соседство (почти примыкание) предполагаемого культового сооружения и дома С.П. Потемкина – при обустройстве новой усадьбы последний был снесен. В пользу этого свидетельствует и расположение одного из скульптурных постаментов внутри занятой строением 3 площади.

Очевидно, при С.А. Терещенко по исследованному участку был проложен деревянный водопровод, траншея которого прослежена в западной части раскопа (Рис. 1А). Сведения о подаче воды на фабрику встречаются в ведомости за 1875 г. (Глушковская …, 2003. С. 67) и в газетной заметке 1881 г. (Курские … 1881. № 94. С. 8). Вполне закономерно, что водоснабжение было организовано и в усадебной зоне имения. Принимая во внимание данные письменных источников и хронологию других объектов раскопа, можно достаточно уверенно предполагать, что осуществление подачи воды через изученную территорию едва ли выходило за рамки середины 1870-х – первой половины 1890-х гг. Находок, способствующих уточнению датировки, встречено не было: помимо явно переотложенных материалов, в заполнении траншеи присутствовала только керамика XIX–XX вв. (Рис. 3, 1).

Деревянные трубы не сохранились: лишь в кв. 1М был расчищен небольшой фрагмент истлевшего полого бревна (Рис. 3, 4), а в кв. 5А и 5Б фиксировалась отличная

от основного заполнения траншеи полоса (Рис. 3, 2). Не исключено, что часть труб была извлечена после завершения эксплуатации водотока, поскольку железные приспособления для фиксации их стыков были обнаружены только в трех местах: в кв. 5А, в кв. 3Ж и на границе кв. 3Ж и 3З. Для соединения использовались две разные техники, характерные для деревянных водопроводов 2-й половины XIX в. (Фальковский, 1947. С. 243). В первом случае (кв. 5А) в торцы обеих труб, изготовленных из целых бревен методом сверления, загонялась втулка, а снаружи их концы укреплялись от растрескивания сварными обручами (Рис. 3, 2). Второй вариант, предусматривающий зажимание краев труб хомутами на болтах с гайками, отмечен в двух других случаях (Рис. 3, 3, 5). Для них наиболее вероятно изготовление труб из расположенных долбленых бревен, соединенных между собой столярным способом (шип-паз). Судя по размерам обручей и хомутов, бревна имели диаметр около 30 см, а диаметр пропускного отверстия в обнаруженном фрагменте трубы составлял около 8 см.

Во 2-й половине XIX в. устройство водопроводов было достаточно массовым явлением, характерным для крупных городов Российской империи (Фальковский, 1947. С. 218–230, 240). Так, в 1869–1870 гг. первая линия водоснабжения была построена в Белгороде, а в 1872–1874 гг. – в Курске (Степанов, 2009. С. 64–66; Кривцова, 2021. С. 47). Таким образом, глушковский водопровод выступает одним из первых подобных сооружений в Курской губернии, а для сельских населенных пунктов – одним из первых в России.

До прокладки водопровода всю южную часть исследованного участка памятника занимали приспособления для сушки сукон, от которых сохранились многочисленные ямы (Рис. 1А; 1Б). Наиболее корректным их названием, к тому же исключающим двоякое толкование, является «ширильная рама». Термин употребляется и в современном промышленном оборудовании (Кожурин, 1989. С. 71–73). Однозначная интерпретация рассматриваемого комплекса продиктована многочисленными находками железных кованых натяжных крючков (также «ширильный крючок» или «крючок ширильной рамы») – специальных гвоздей с загнутым под прямым углом заостренным стержнем вместо шляпки (Рис. 5, 6: 4–21).

Письменные источники по истории Глушковской фабрики содержат сведения о рамах, но обычно лаконичные, ограничивающиеся их количеством. Только в описи мануфактурного имущества 1726 г. дана более развернутая характеристика: «При тех же заводах линейных рам деревянных на чем сукны сушат с крючками и железками – 4» (Дубровський, 1930. С. 117). Сушка ткани кратко упомянута в донесении рабочих Московского суконного двора 1739 г. (Крепостная …, 1934. С. 149): «Мокрые сукна для расправления надевают на рамы на крючки и вытягивают железным воротом». Наиболее подробное описание ширильных рам (англ. «tenter frame» или, сокращ., «tenter») удалось найти в английской энциклопедии середины XIX в. (Encyclopaedia ..., 1845. P. 728): «Они состоят из рядов вертикальных столбов, установленных в земле, с закрепленными наверху неподвижными горизонтальными направляющими … как на верхней, так и на нижней направляющих имеются натяжные крючки; на них цепляются куски ткани, после чего нижняя подвижная направляющая опускается по всей длине полотна и закрепляется».

В Англии XVIII–XIX вв. устройство специальных площадок для сушки тканей («полей ширильных рам» – англ. «tenter ground» или «tenter field») было массовым явлением, что хорошо иллюстрирует план Лондона 1746 г. (Рис. 4, 1). Имеются и более наглядные изображения рам и занятых ими площадок: картина 1790 г. «Вид на Уоллбридж» неизвестного автора (Рис. 4, 2), гравюры (Рис. 4, 3, 4) и фотографии (Рис. 4, 5, 6). Кроме того, сохранившиеся конструкции и их элементы экспонируются в ряде британских музеев (Рис. 4, 7, 8).

Всего в раскопе было выявлено более 130 столбовых ям, относящихся к ширильным рамам. Углубления были разновременными и маркировали два строительных этапа,

в ходе которых сооружение было возведено, а затем полностью реконструировано. Новые ямы были примерно на 1 м смещены к С или ССВ. Кроме того, отмечены многочисленные локальные ремонты. Объекты этапа реконструкции были, как правило, в плане подпрямоугольными с плоским дном на материке или ниже уровня его залегания, в отличие от более ранних, обычно имевших более округлые очертания и неровное не заглубленное до материка дно (Рис. 5, 1–5). Размерные характеристики первоначальных ям не обнаруживают закономерностей и редко достигали 1 м в длину и ширину. Более поздние объекты в основном вытянуты в плане с ЮЮЗ на ССВ и зачастую заметно больше предшествовавших: в среднем около 1 м в ширину и 1–1,8 м в длину.

Достаточно необычные для столбовых ям пропорции объясняются установкой подпорок столбов прямо в углублениях до их засыпки. Такая техника рекомендовалась в строительном законодательстве середины XIX в. (ПСЗ-2. Т. 22. Ч. 2. Чертежи и рисунки. Л. 4), а известные аналогии тоже имеют дополнительные упоры (Рис. 4, 5, 6, 8). Места, где располагались сами столбы, в виде отличных от основных заполнений массивов грунта, углублений в дне или пустот были зафиксированы во многих ямах (Рис. 5, 1–3). Среднее расстояние между рамами составляло около 2,65 м (1,25 сажени), а между стойками – около 3, 2 м (1,5 сажени). В пределы исследованной площади попали части 6 ориентированных с ЗСЗ на ВЮВ рам. Их максимальная прослеженная длина (у трех самых северных линий) превышала 50 м. В ряд объекты располагались и с ЮЮЗ на ССВ, что подразумевает установку столбов-стоек, которых в границах раскопа у каждой рамы насчитывалось от 8 до 17, в створе.

Ни один из объектов комплекса ширильных рам не содержал имеющих узкую дату находок, что относится и к уже упомянутым кованым натяжным крючкам (Рис. 5, 6: 4–21). Прочий встреченный в ямах материал преимущественно находился в переотложенном состоянии, однако отдельные обломки, происходящие из углублений этапа реконструкции, относятся к двум группам достаточно поздней керамики, условно датируемой XIX–XX вв., которая в пределах исследованной площади присутствовала, помимо рассматриваемых случаев, только в заполнении траншеи водопровода и в слое 1 раскопа. Первая группа включает изделия без дополнительной обработки поверхности и следов нагара, изготовленные из хорошо отмученной глины, как правило, красножгущейся, и имеющие почти вертикальные пропорции – ровные стенки лишь слегка расширяются (Рис. 5, 6: 1, 2). Ко второй группе относится обычно наиболее массовая в слоях и объектах XIX в. поливная посуда. Примечательно, что в раскопе 1 ее в целом было немного. В одной из столбовых ям присутствовал крупный обломок такой керамики с толстым слоем нагара (Рис. 5, 6: 3).

Поскольку все рамы «пробивали» слой 2, достаточно надежно атрибутированный, их сооружение не могло осуществляться ранее 2-й четверти XIX в., но наиболее вероятным нижним хронологическим репером функционирования комплекса представляется конец 1850-х – начало 1860-х гг., поскольку возможность его создания в непосредственной близости от усадебного дома С.П. Потемкина до его смерти (1858 г.) допустить сложно. Датировка подтверждается данными картографии: на плане фабрики 1850 г. какие-либо объекты, кроме зданий усадьбы С.П. Потемкина, в месте закладки раскопа 1 отсутствуют (Рис. 2, 2), а на плане 1862 г. как раз в районе южной его части нанесена довольно обширная прямоугольная зона без строений (Рис. 2, 3). Вполне возможно, что таким образом отображена площадка для сушки сукон, аналогичная английским «полям ширильных рам». Сооружение было разобрано около середины 1870-х гг. – до прокладки водопровода и перестройки усадебно-паркового комплекса. Не исключено, что 6 линейных конструкций, попавших в границы изысканий, выступали составной частью упомянутых в ведомостях за 1864 и 1875 гг. 24 и 60 летних рам (Глушковская …, 2003. С. 65, 67).

Среди выявленных под слоем 2 заглубленных объектов наиболее поздние

принадлежат кладбищу, оставленному фабричными рабочими, что не вызывает сомнений, поскольку в ряде могильных ям были встречены ширильные крючки, использованные, очевидно, в качестве гвоздей при изготовлении гробов. Всего в пределы раскопа 1 попало 39 погребений, включая переотложенные фрагменты скелетов. В.И. Безбородых, проводивший палеоантропологическое исследование останков, отметил очень высокую долю детей среди умерших (60 %) и деформацию соотношения полов у взрослых (женщин в 2 раза больше, чем мужчин), а также патологические проявления, вызванные нарушениями питания и высокими физическими нагрузками, на костях многих индивидов. Вероятно, кладбище возникло в период владения мануфактурой супругами П.С. и П.А. Потемкиными (1791–1816). Подробная характеристика могильника планируется в отдельной публикации.

Кладбищу на изученном участке памятника предшествовал предположительно единовременный комплекс хозяйственных сооружений, включающий 27 объектов (Рис. 1А; 1Б). Все они были прослежены под слоем 2 раскопа без каких-либо промежуточных отложений. На синхронность комплекса косвенно указывают планиграфические особенности: не отмечено случаев наложения объектов друг на друга. Этим же объясняется и их морфологическое единообразие, что, прежде всего, касается ям для хранения хлебных запасов.

Зерновые ямы, наиболее многочисленные (всего 21, из них 18 были изучены полностью, 3 вошли в пределы раскопа частично), все имели яйцевидную форму, а большинство – следы обжига. Ни одно из хранилищ не осталось неповрежденным: целостность была нарушена либо более поздними сооружениями, либо нивелировочными работами XIX–XX вв., «срезавшими» их верхние части (что относится ко всем объектам рассматриваемого комплекса). Лучше остальных сохранились 3 ямы, у которых, судя по всему, при планировках были уничтожены только горловины (Рис. 6, 1–3): № 180 (глубиной, с учетом расчищенной пластами части, не менее 2,2 м и диаметром, в месте наибольшего расширения, около 1,5 м), № 220 (2,1 м и 1,8 м) и № 235 (2,2 м и 1,8 м), то есть глубина «полезных» частей объектов примерно соответствует 1 сажени. Достаточно большое расхождение диаметров объясняется неизбежным разноинтенсивным разрушением грунтовых стенок в процессе эксплуатации объектов. В целом, максимальное расширение, реконструировать которое возможно у 18 объектов, находится в диапазоне 1,2–1,5 м и только в двух упомянутых выше случаях заметно выходит за его пределы. Таким образом, приблизительные объемы хранения на момент окончания использования зерновых ям обычно составляли (если принять за среднюю глубину 1 сажень – 2,13 м) от 1,6 до 2,5 куб. м, а у отдельных сооружений превышали 3,5 куб. м.

Архаичный способ хранения зерна в ямах оставался распространенным в Курской губернии до 2-й половины XIX – начала XX в. (Русские…, 1967. С. 114). Так, например, «хлебные ямы» упоминаются в прошении крестьян Прилепской суконной фабрики соседнего с Рыльским Дмитриевского уезда 1822 г. (Из истории …, 1965. С. 206). Обжиг таких хранилищ перед каждым использованием был обязательной процедурой и описан в посвященной им развернутой заметке конца XVIII в., где также отмечено, что ямы могли служить в течение нескольких десятилетий и оборудовались «по большей части на открытом воздухе», будучи перекрыты лишь насыпями утрамбованного грунта (Левкович, 1796. С. 159–161).

С подготовкой урожая к хранению связан самый крупный объект хозяйственного комплекса – сооружение 1, вошедшее в пределы раскопа почти полностью, но поврежденное несколькими ямами ширильных рам (Рис. 6, 1, 8–10). Сооружение было вытянуто с ЗСЗ на ВЮВ и имело в плане неправильную форму, близкую 8-образной. Его длина на уровне материка составляла около 6 м при ширине от 1 до 2 м, а максимальная прослеженная глубина котлована (с учетом толщины пробитых им нематериковых напластований, расчищенных на момент выборки сооружения) превышала 1 м. Неровное

дно сначала довольно круто, затем плавнее опускалось с ВЮВ на ЗСЗ – перепад превышал 0,6 м. В востоко-юго-восточной половине котлована, примерно в ее середине, при стенках на расстоянии 0,65 м друг от друга имелись неглубокие (около 0,2 м) столбовые ямы, а в западо-северо-западной стенке основного объема сооружения была вырезана заглубленная на 0,3 м ниже его дна почти круглая в плане топочная камера каминного типа диаметром около 1 м. Перед ней располагалась выкопанная в дне котлована подовальная яма размерами 0,6 х 0,7 м и глубиной около 0,4 м, служившая, вероятно, для сбора золы.

Очевидно, что сооружение 1 является остатками крупного ямного овина. Аналогии объекта известны по раскопкам в Курске и в других регионах (Зейфер, Янишевский, 2013; Тропин, 2017; Балашова и др., 2022), а также по данным этнографии (Русские…, 1967. С. 146). Удовлетворительная сохранность сооружения 1 позволяет в общих чертах представить существовавший на этом месте овин. Заглубленный подовинник (собственно сооружение 1) состоял из обогреваемой части размерами 3,5 х 1,1–1,4 м и лаза к ней шириной 0,8–1,1 и длиной около 1,3 м, разделенных дверью, от проема которой сохранились столбовые ямы. На уровне поверхности или несколько выше располагался второй ярус – основное помещение, где укладывались снопы. В него из котлована поступали дым и нагретый воздух через отверстия в перекрытиях, и тем самым обеспечивалась досушка урожая. Постройка могла иметь срубную или каркасно-стоечную конструкцию, поскольку следов столбов обнаружено не было, а ее площадь составляла не менее 20 кв. м (скорее всего, гораздо больше).

Остатками хозяйственных строений, конкретно не атрибутированных, выступают еще 5 объектов. Вероятно, все они выступали погребами разной степени заглубленности, зависящей от характера складируемых припасов. Ямы могли остаться как от относительно небольших хранилищ–полуземлянок, так и от крупных наземных построек с подпольями.

Подквадратный котлован самого большого из таких объектов – ямы 60 – имел размеры (по дну) 2,7–3 х 2,5–2,75 м и глубину (здесь и далее – от уровня первичной фиксации) более 1 м (Рис. 6, 1, 4). В его дне были зафиксированы многочисленные углубления, большая часть из которых предназначалась для установки столбов, в том числе несущих, расположенных (по три с каждой стороны) вдоль западо-северо-западной и востоко-юго-восточной стенок, а остальные использовались, судя по всему, в качестве хранилищ.

Ямы 155 и 163, также почти квадратные, имели близкие размеры (2,1 х 2 м и 2 х 1,9 м соответственно), слабую заглубленность (0,5–0,6 м – котлованы были едва доведены до предматерика) и одинаковую ориентацию (с ЮЗ на СВ). Однако было и существенное отличие: в яме 163 отсутствовали какие-либо углубления. Яма 155, напротив, имела двухуровневое дно (северо-восточная часть была ниже на 0,2–0,25 относительно юго-западной), столбовую конструкцию (по три ямы у юго-западной и северо-восточной стенок) и углубления-хранилища: небольшое круглое на верхнем уровне дна, у юго-западной стенки, и более крупное овальное с подбоем – на нижнем, в северном углу (Рис. 6, 1, 5).

Яма 192 попала в пределы раскопа не полностью, но по расположению имеющихся столбовых ям (две у северо-северо-восточной стенки и одна у юго-юго-западной) можно предположить, что объект, как и описанные выше, был подквадратным (Рис. 6, 1, 6). Установленный размерный параметр (с ЮЮЗ на ССВ) составлял 2,2 м, а глубина объекта превышала 1 м. В западо-юго-западном углу котлована имелась яма 192А – скорее всего, более ранняя: в ее заполнении, отличном от основного, присутствовал крупный профильный обломок горшка 2-й половины XIII в. (Рис. 7, 1).

Яма 224 отличалась неправильной формой котлована и столбовой конструкции: 4 небольшие ямы, расположенные в углах, образовывали трапецию (Рис. 6, 1, 7). Объект, немного вытянутый с ЮЮЗ на ССВ, имел размеры 1,9–2,5 х 1,6–2,15 м и глубину около 0,7 м.

В некоторых хозяйственных ямах (большинство содержали исключительно переотложенный материал) были встречены керамические и вещевые находки, относящиеся к Новому времени. Последние представлены профильным осколком стеклянной емкости (Рис. 7, 19), фрагментом металлического кружева, выполненного из разных видов золотных (позолоченной серебряной бити и канители из медного сплава) и текстильных (вероятно, шелковых) нитей, с бронзовыми булавками (Рис. 7, 20), а также глиняной свистулькой-коником без головы и конечностей (Рис. 7, 21). Емкость (фляга, по типологии П.С. Курлович-Белявской) принадлежит к группе изделий, бытовавших в XVIII – 1-й четверти XIX в. (Курлович-Белявская, 2017. С. 113, 115). Найденный фрагмент кружева по составу и технике изготовления близок образцам крестьянского плетения 2-й половины XVIII в. (Шапиро, 2015. С. 71).

Соотносимый со временем функционирования объектов керамический комплекс, несмотря на его немногочисленность, можно охарактеризовать как составной. Первый компонент, наиболее представительный (Рис. 7, 3–11, 13–17), включает фрагменты сосудов (горшков и макитр) и крышек, аналогичных широко распространенным в конце XVII – XVIII в. на Слобожанщине и Полтавщине (Голубєва и др., 2008; Супруненко и др., 2009. С. 84–108). Они изготовлены, как правило, из неожелезненных глин и зачастую декорированы: прочерченными линиями, штампом или росписью красным ангобом. Ко второй группе относится керамика, обожженная в восстановительной среде и украшенная полосами лощения, в том числе крупные части кувшина и миски (Рис. 7, 2, 12). Такая посуда хорошо известна в слоях Нового времени на всей территории Российского государства. Небрежный характер нанесения лощеного декора, отмеченный на имеющихся образцах, считается признаком изделий XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 29). Стоит отметить, что керамические находки с лощением присутствовали только в объектах, содержавших и фрагменты сосудов предыдущей группы. В наборе также имеется единственный обломок поливного блюда (Рис. 7, 18). От керамики с монохромными глазурями, происходящей из более поздних объектов и напластований, его отличает «пестрая» трехцветная полива и белоглиняное пористое тесто.

Сосуществование в рамках единого комплекса овина (что характерно, довольно крупного), большого количества зерновых ям и других хранилищ вполне закономерно в рамках гумна – места, отведенного под складирование и переработку урожая. Общий план всех сооружений (Рис. 1А; 1Б) обнаруживает наличие между ними и их скоплениями обширных незанятых пространств, достаточных для оборудования токов – площадок для молотьбы. Кроме того, нельзя исключать и возможность функционирования здесь других наземных хозяйственных строений, не оставивших археологически фиксируемых следов. Имелись такие комплексы и при Глушковской фабрике: так, в прошении крестьян 1797 г. упоминается «господское гумно» (К истории …, 1938. С. 201).

На достаточно схематичном плане 1784 г. в районе места проведения работ нанесен некий объект, отличный от обозначений участков жилой и производственной застройки и несколько удаленный от нее (Рис. 2, 1). Возможно, так отмечен огороженный хозяйственный двор при фабрике, часть которого попала в пределы раскопа 1. Его расположение обусловлено традициями зонирования территорий внутри населенных пунктов еще со времен Средневековья – гумна с пожароопасными овинами возводились отдельно от жилой застройки (Рабинович, 1988. С. 94–95). Вполне логично, что такой крупный комплекс функционировал именно во 2-й половине XVIII в.: в этот период, как было отмечено выше, наблюдается резкий рост штата мастеровых, многие из которых получали пропитание от фабрики. Совокупная датировка керамических и вещевых находок из объектов комплекса соответствует предлагаемой атрибуции.

Таким образом, на протяжении XVIII–XIX вв. на изученном раскопом 1 участке памятника сменилось несколько различных по своему назначению комплексов: обширное гумно (2-я половина XVIII в.), кладбище (конец XVIII – начало XIX в.), усадьба С.П.

Потемкина (конец 1-й четверти – середина XIX в.), ширильные рамы (конец 1850-х – середина 1870-х гг.) и усадьба С.А. Терещенко (с середины 1870-х гг.) с деревянным водопроводом (середина 1870-х гг. – середина 1890-х гг.).

ИСТОЧНИКИ И ИЛИТЕРАТУРА

Балашова М.В., Головин С.Н., Жаворонков С.И. Исторический культурный слой города Курска по итогам разведок и раскопок // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2021. Липецк, 2022.

Глушковская суконная фабрика: три века истории. Курск, 2003.

Голубєва І.В., Колода В.В., Кущенко А.В. Типологія українського посуду центральноі слобожанщини козацькї доби (за матеріалами верхньосалтівського поселення) // Археологія. 2008. №1.

Дубровський В.В. Перша фабрика на Україні: слобідська Глушківська мануфактура 1719–1727 рр. Харків, 1930.

Зейфер В.А., Янишевский Б.Е. Хозяйственное сооружение (овин) на усадьбе Бородино по раскопкам 2011 года // Археология Подмосковья. 2013. Вып. 9.

Из истории Курского края: Сборник документов и материалов. Воронеж, 1965.

К истории волнений на Глушковской суконной фабрике (1797-1798 гг.) // Красный архив. 1938. Т. 6 (91).

Кожурин И.А. Оборудование трикотажно-отделочного производства. М., 1989.

Крепостная мануфактура в России. Ч. 5: Московский суконный двор. Л., 1934.

Кривцова Е.В. История белгородского водопровода // Управление городом: теория и практика. 2021. № 2 (40).

Курлович-Белявская П.С. Проблема типологии стеклянных изделий Нового времени (по материалам археологических исследований на территории северной и центральной Беларуси) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2017. № 1.

Курские губернские ведомости. 1881. № 94.

Левкович М.Г. О лучших и безубыточных средствах сбережения на долгое время всякие хлебные зерна // Труды Вольного экономического общества. 1796. Ч. 2.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе (ПСЗ-2). Т. 22. Ч. 2. СПб., 1848.

Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М., 1968.

Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967.

Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. Харьков, 1964.

Степанов В.Б. Курские исторические миниатюры. Курск, 2009.

Супруненко О.Б., Пуголовок Ю.О., Мироненко К.М., Ткаченко О.М., Шерстюк В.В., Яремченко В.А. Дослідження посаду літописної Лтави: Інститутська гора. Частина друга. Київ-Полтава, 2009.

Тропин Н.А. Хозяйственные постройки с каменными печами второй половины XIV – первой половины XV века из округи Ельца // Археология Подмосковья. 2017. Вып. 13.

Фальковский Н.И. История водоснабжения в России М.; Л., 1947.

Федотова Н.А. Глушковская суконная фабрика – крупнейший центр курского суконного производства (по материалам Государственного архива Курской области) // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4(34).

Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XXI веков. Курск, 2003.

Холодова Е.В. Образцовые усадебные хозяйства и экономические поселки в системе крупных и крупнейших имений Курского края XVIII – 1-й половины XIX веков // Строительство и реконструкция. 2019. № 4 (84).

Шапиро Б.Л. Золото-серебрянный декор одежды в XIII–XVIII веках // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2015. No 4.

Encyclopaedia Metropolitana. V. 8. London, 1845.

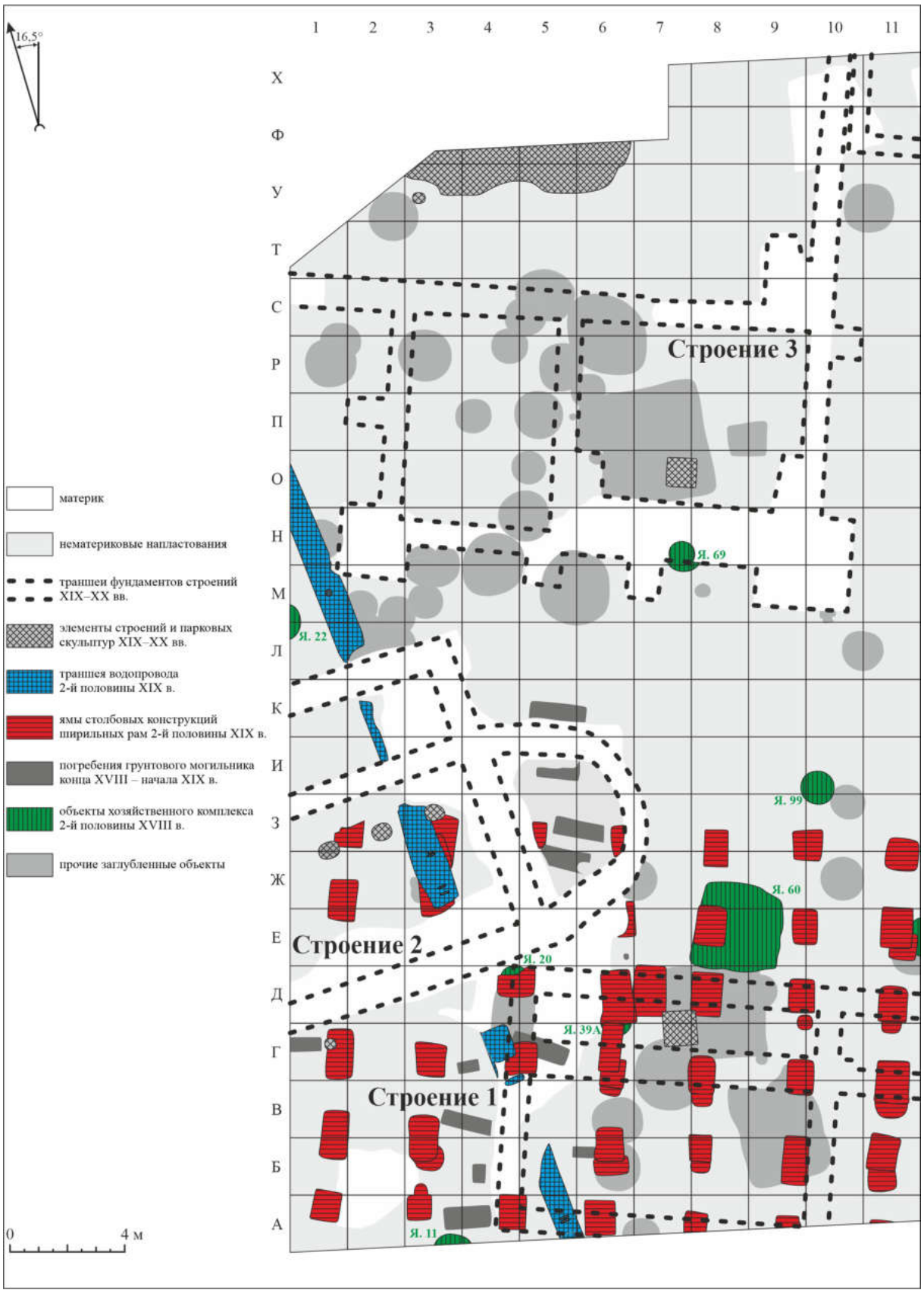


Рис.1А
План сооружений западо-северо-западной части раскопа 1.

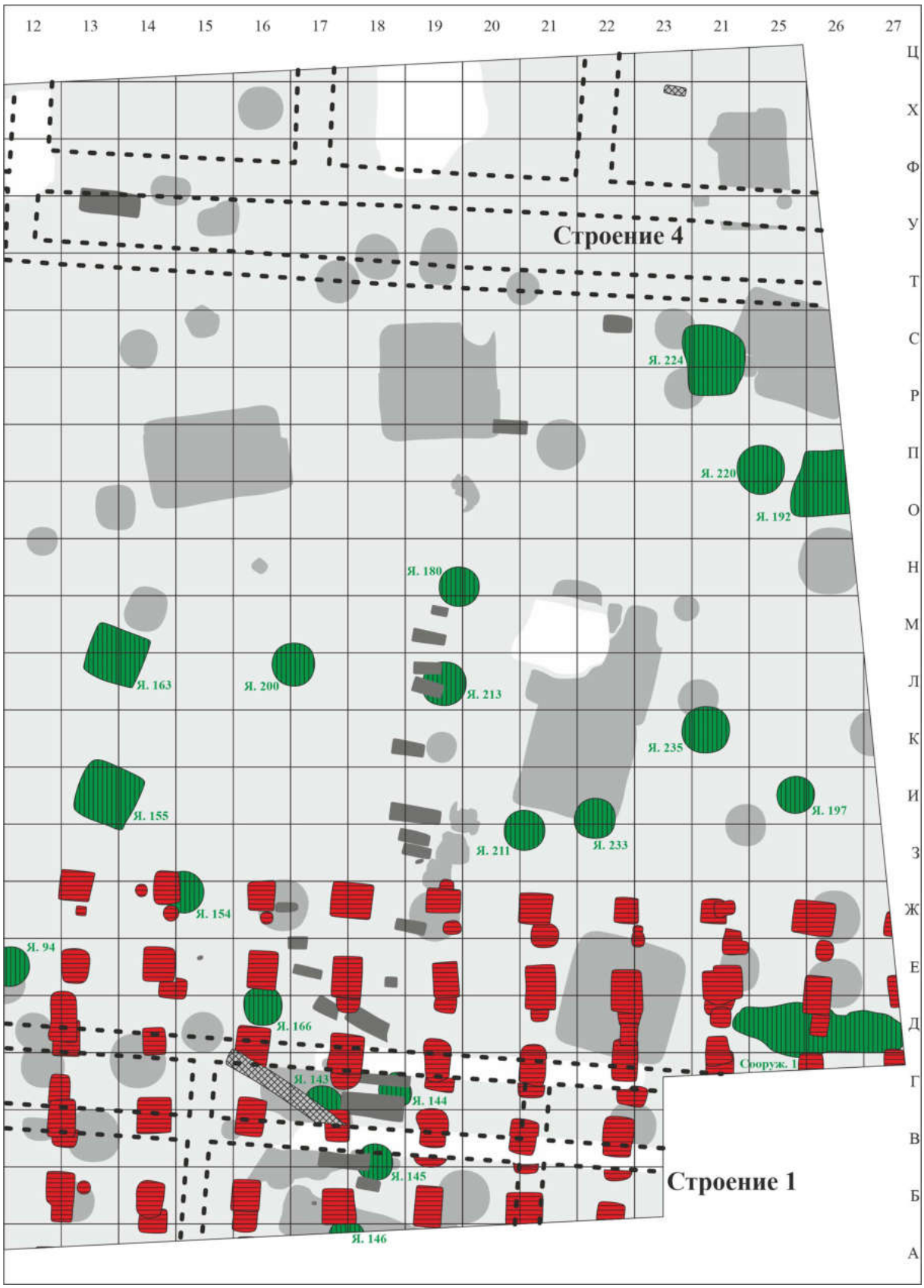


Рис.1Б

План сооружений востоко-юго-восточной части раскопа 1.

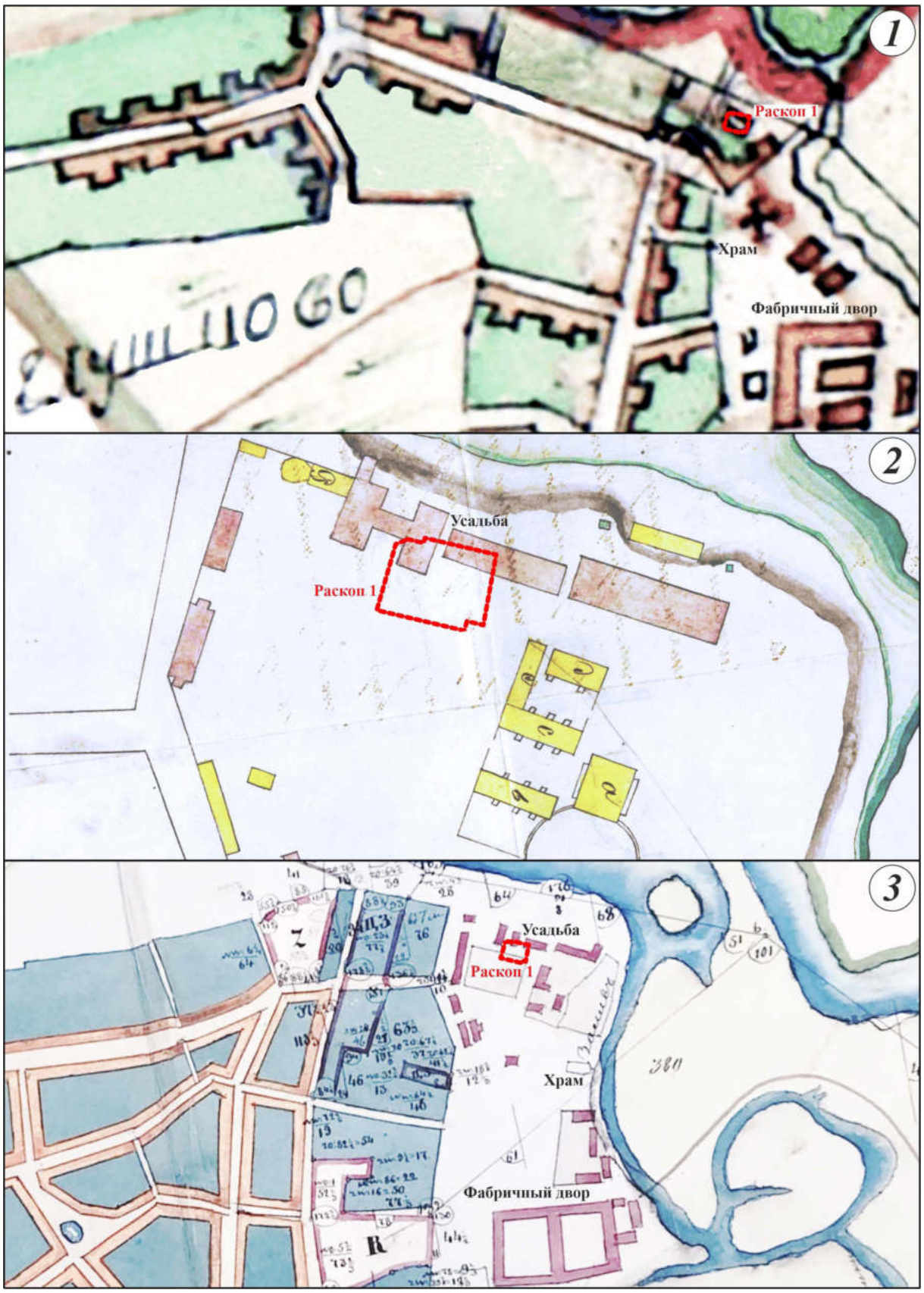


Рис.2

Место закладки раскопа 1 на планах XVIII–XIX вв.
1 – на плане генерального межевания Белопольского уезда Харьковской губернии 1784 г.;
2 – на плане местоположения строений Глушковской фабрики 1850 г.;
3 – на плане специального межевания сел Глушкова и Званного
Рыльского уезда Курской губернии 1862 г.

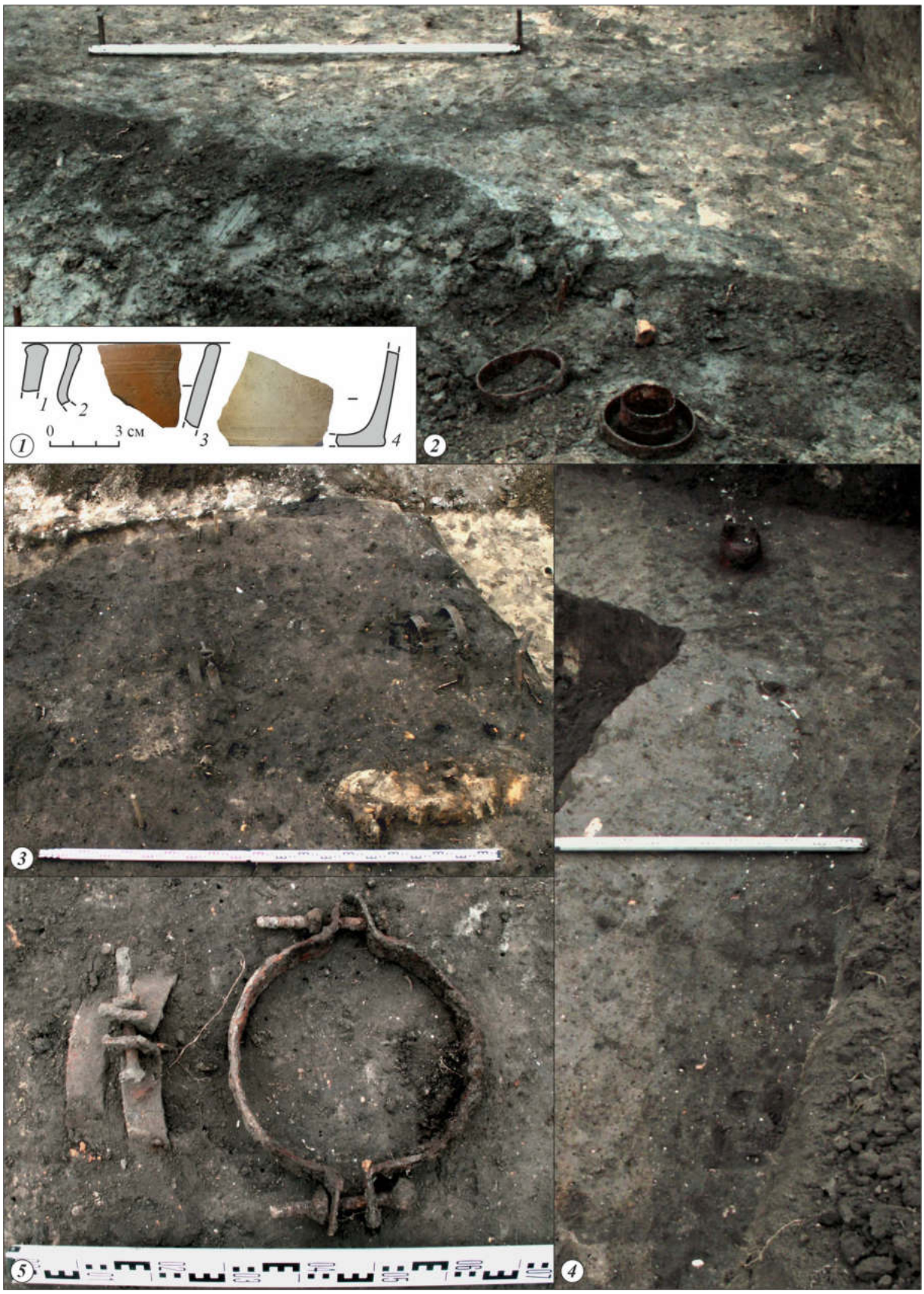


Рис.3

Водопровод 2-й половины XIX в.

1 – круговая керамика из заполнения траншеи; 2 – вид пятна траншеи в кв. 5, 6А, Б на уровне пл. 3 с ЗСЗ (на переднем плане железные обручи и втулка); 3 – вид пятна траншеи в кв. 2, 3Ж, З на уровне пл. 6 с ЗСЗ; 4 – вид пятна траншеи в кв. 1, 2М–О на уровне пл. 9 с С (на заднем плане фрагмент деревянной трубы); 5 – железные хомуты.

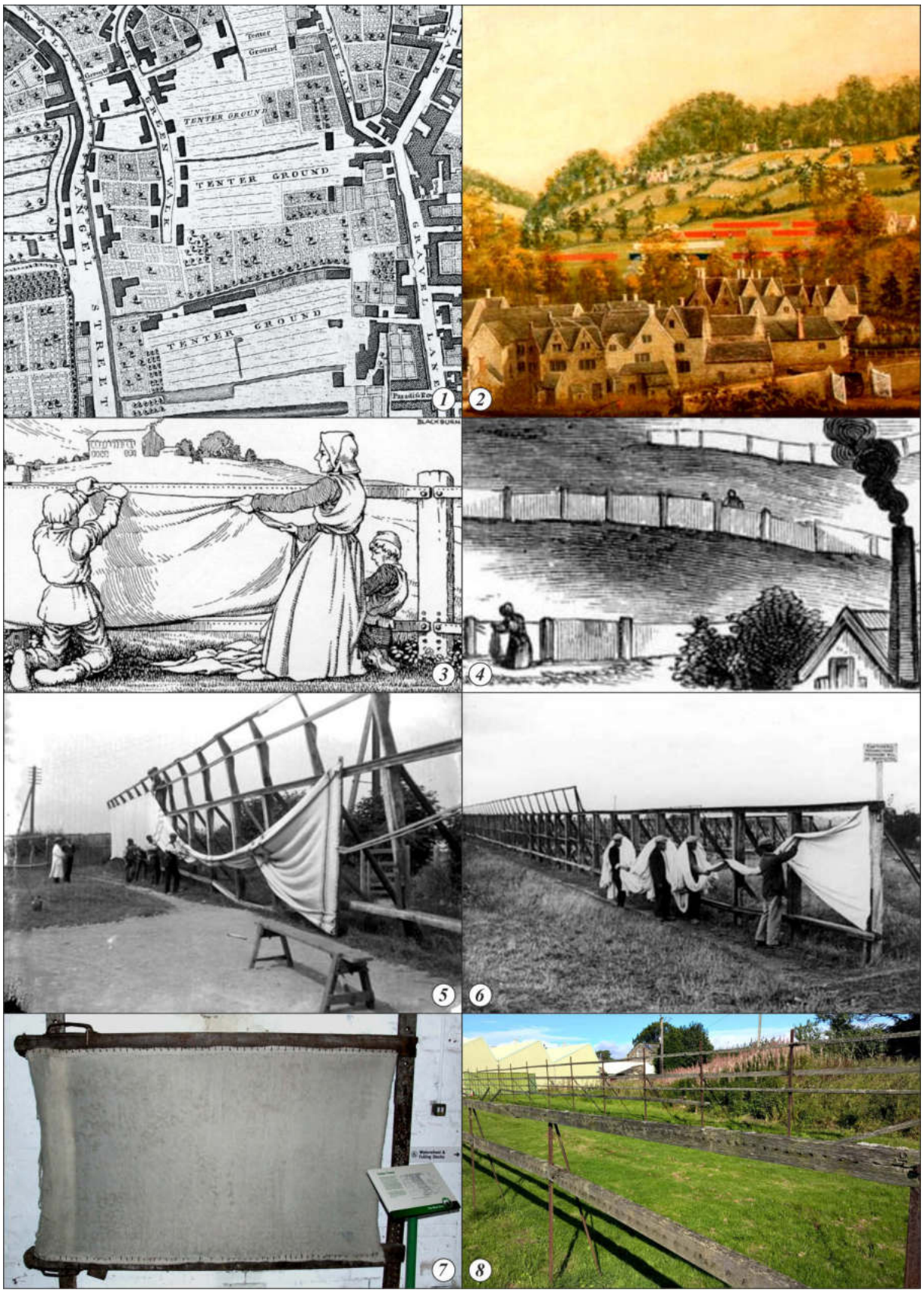


Рис.4

Ширильные рамы в Англии (изображения из открытых источников).
1 – на плане Лондона 1746 г.; 2 – на картине 1790 г.; 3, 4 – на гравюрах XVIII в.;
5, 6 – на фотографиях конца XIX – начала XX в.;
7 – в музее Helmshore Mills; 8 – в музее Otterburn Mill.

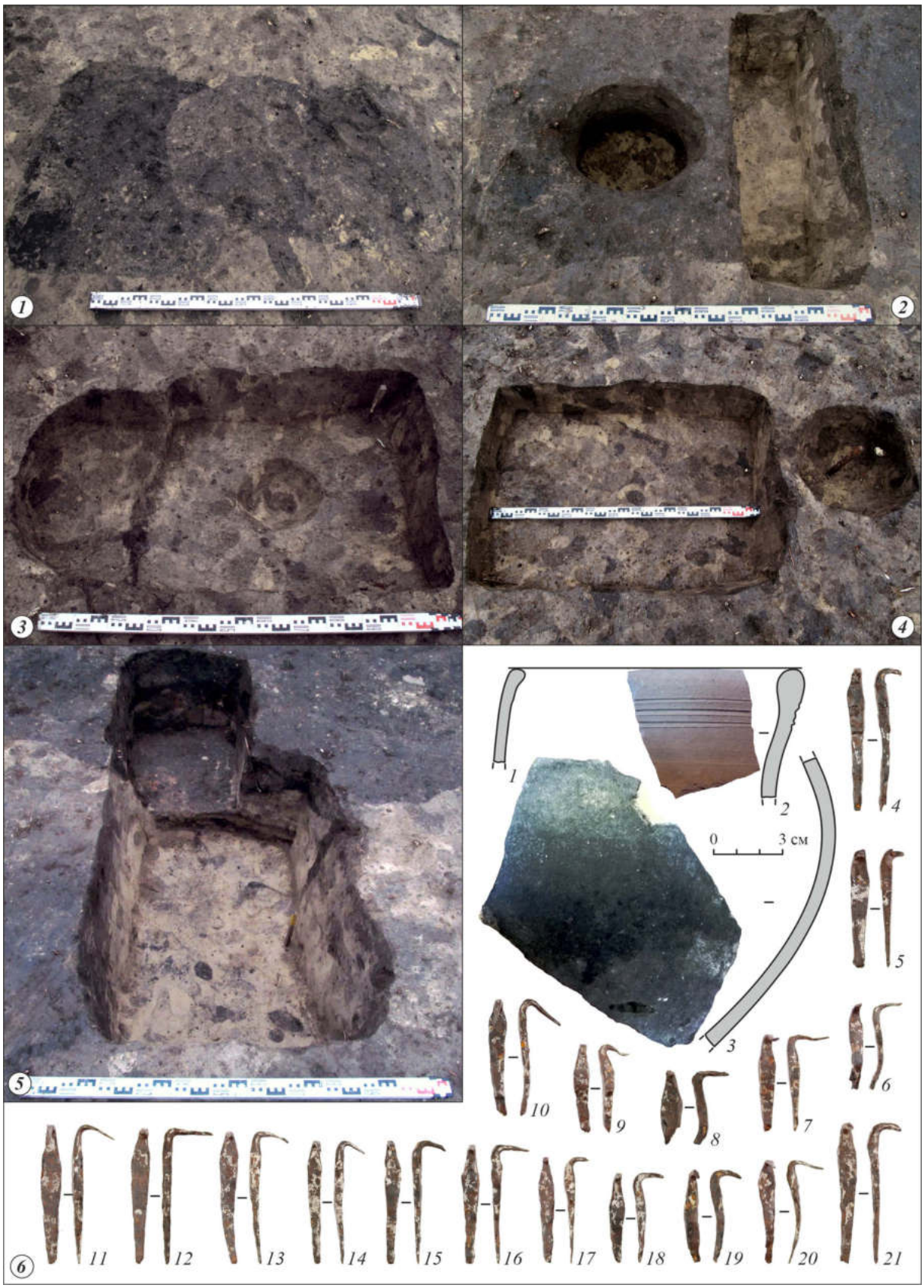


Рис.5

Комплекс ширильных рам 2-й половины XIX в.

1 – пятна ям разных строительных этапов; 2 – место установки столба после расчистки (в яме этапа реконструкции); 3–5 – ямы разных строительных этапов после выборки; 6 – керамика (6: 1–3) и железные натяжные крючки (6: 4–21).

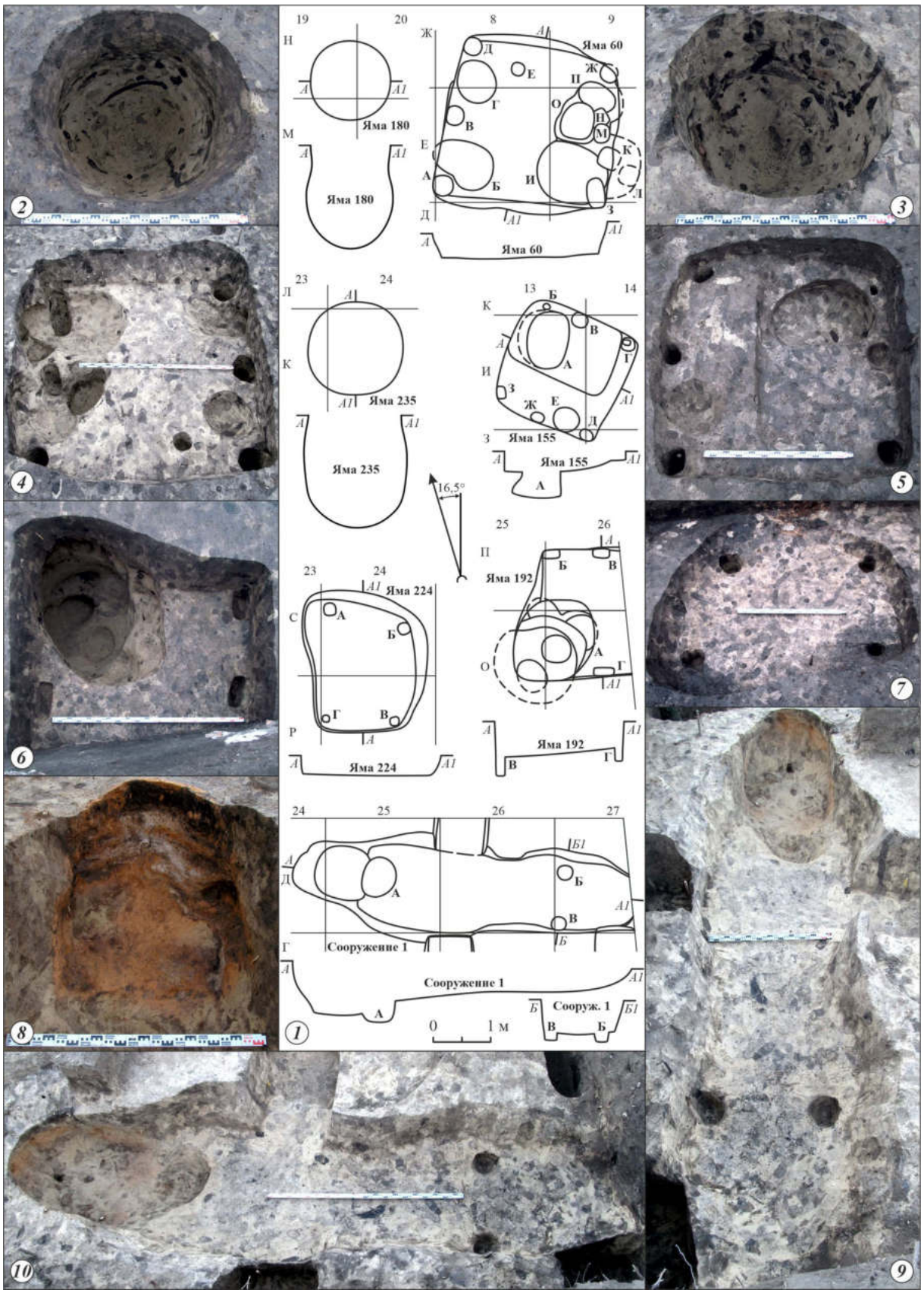


Рис.6

Хозяйственный комплекс 2-й половины XVIII в.

Выборочные планы с разрезами (1) и виды расчищенных объектов (2–10).

2 – яма 180 с ВЮВ; 3 – яма 235 с ЮЮЗ; 4 – яма 60 с ССВ; 5 – яма 155 с ЮВ;
6 – яма 192 с ВЮВ; 7 – яма 224 с ЗСЗ; 8 – топочная камера сооружения 1 с ВЮВ;
9 – сооружение 1 с ЮЮЗ; 10 – сооружение 1 с ВЮВ.

Рис.7
Хозяйственный комплекс 2-й половины XVIII в.
Керамика (1–18) и находки (19–21).
3, 5, 8, 9, 21 – яма 11; 14 – яма 39А; 19 – яма 94; 20 – яма 155А;
4, 6, 7, 11–13, 18 – яма 166; 1 – яма 192А; 2, 15 – яма 224; 10, 16, 17 – сооружение 1.

МОНЕТЫ XVI – XVIII ВВ. ИЗ ФОНДОВ ЖЕЛЕЗНОГОРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ.

© 2023 г. А.А. Андреев

Курский государственный областной музей археологии, Курск

Целью данной статьи является введение в научный оборот семнадцати монет из фондов МУК «Железногорский краеведческий музей». Все монеты относятся к эпохе позднего средневековья и подразделяются на номиналы русского государства XVI – XVIII вв. и монеты европейских держав XVII в.

Ключевые слова: проволочная копейка, деньга, полторак, шиллинг.

COINS OF THE 16th – 17th CENTURIES FROM THE FUNDS OF THE ZHELEZNOGORSK MUSEUM OF LOCAL LORE

© 2023 A.A. Andreev

The purpose of this article is to introduce into scientific circulation seventeen coins from the funds of the MUK «Zheleznogorsk Museum of Local Lore». All coins belong to the era of the late Middle Ages and are divided into denominations of the Russian state of the 16th – 18th centuries, and coins of the European powers of the 17th century.

Key words: wire penny, money, poltorak, shilling.

Муниципальное учреждение культуры «Железногорский краеведческий музей» является единственным самостоятельным муниципальным музеем в Курской области. Музей был учрежден постановлением Главы администрации города Железногорска № 442 от 21.07.1992 г.

На сегодняшний день фонды музея составляют более 43 тысяч единиц хранения. В это количество входят и 567 предметов нумизматики. Хронологический диапазон монет, входящих в собрание Железногорского краеведческого музея, достаточно широк - от римских денариев I – III в. н. э. и до монет советского периода.

Из хранящихся 567 предметов часть была опубликована. Это монеты, обнаруженные при исследовании Жидеевского археологического комплекса с 2010 по 2012 гг. и Кармановский клад римских денариев, обнаруженный в урочище «Карманов лес» (Стародубцев, 2015. С.277- 278; Яцышин, Сомова. 2021, С. 232-254).

В этой статье будет введена в научный оборот ещё одна часть монет из фондов МУК «Железногорский краеведческий музей». Количество монет этой группы составляет 17 экземпляров, все они относятся к эпохе позднего средневековья (Рис.1).

Представленные предметы нумизматики подразделяются на две группы: монеты русского государства XVI – XVIII вв. и европейских держав XVII в.

Наибольшую часть из них составляют номиналы русского государства XVI – XVIII вв., представленные восемью серебряными и шестью медными проволочными копейками и деньгами. Хронологический диапазон представленных номиналов охватывает периоды правления Ивана IV Васильевича, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Петра I Алексеевича.

Самая ранняя монета относятся к эмиссии Ивана IV Васильевича. Она представлена копейкой **НВФ-8363**, чеканившейся на Псковском денежном дворе после 1547 г.(Табл.1; 2). На лицевой стороне монеты изображён всадник в трёхчастном венце с копьём в правой руке, под ногами коня располагалась лигатура «ГР» – затёрта. (Псковский денежный двор). На оборотной стороне легенда в пять строк (читается четыре строки): «Царь и князь великий Иван Всея Руси».

Данная монета относится к наиболее ранним копейкам 1547 – 1550 гг. На лицевой стороне всадник (образ государя) изображен с молодым безбородым лицом (Гришин,

Клещинов 1998. С.10). Выпуск подобных копеек с лигатурой «ГР» на Псковском дворе начался ближе к 50-м гг. XVI в. (Мельникова, 1989. С. 45).

Следующая копейка **ЖКМ ОФ 21025** является продукцией новгородского денежного двора. (Табл.1; 1). На лицевой стороне монеты изображён всадник с копьём в правой руке, под ногами коня располагается лигатура «К/ВА» (Новгородский денежный двор). На оборотной стороне легенда в пять строк (читается последняя строка): «Царь и великий князь Иван Всея Руси».

Лигатура «К/ВА» сменяет буквенные сочетания, изображавшиеся до этого (АЛ, Юр, Гр, Я/ДМ, С/ВАЯ, ВАЯ). Подобное оформление лицевой стороны появляется после 50-х гг. XVI в. и связано с переходом Новгородского денежного двора в опричнину и попытками унифицировать внешний вид копейки хотя бы в пределах одного денежного двора. Чеканка копеек данного типа происходила до 80-х гг. XVI в.(Мельникова, 1989. С. 43-44].

Следующие две монеты из этой группы относятся к более мелкому номиналу. Первая – «новая московка» или деньга **ЖКМ ОФ 21026** (Табл.1; 3). На аверсе изображен всадник с мечом в правой руке. На реверсе легенда «Князь великий Иван».

Вторая – деньга **ЖКМ ОФ 21027** (Табл.1; 4) является продукцией Тверского денежного двора, особенностью которого было чеканка деньги (Мельникова, 1989, С. 39; Гришин, Клещинов, 1998. С.10).

Следующая по хронологии монета относится к продукции Московского денежного двора. Она представлена копейкой времени правления Михаила Фёдоровича Романова **ЖКМ ОФ 19607** (Табл.2). Лицевая сторона стёрта и не читается. На оборотной стороне легенда «Царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси» сохранилась не полностью (читается только три строки).

Далее по хронологии идет группа монет, отчеканенных в период правления царя Алексея Михайловича. Она делится на две части. К первой следует отнести серебряную копейку **ЖКМ ОФ 19606**, произведенную на Московском денежном дворе (Табл.3).

На лицевой стороне изображений не сохранилось. На оборотной стороне легенда «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси» сохранилась не полностью (читается только три строки).

Фактический вес монеты составляет 0,46 гр., что характерно для второго (1650 – 1655 гг.) и третьего этапа (1663 – 1676 гг.) чеканки копеек при Алексее Михайловиче (Мельникова, 1989. С. 209; Гришин, Клещинов, 2007. С.5).

Вторая часть состоит из шести медных копеек, отчеканенных в период с 1655 – 1663 гг. в ходе денежной реформы (1654 – 1663 гг) правительством царя Алексея Михайловича Романова: **ЖКМ ОФ 19608, ЖКМ ОФ 19609, ЖКМ ОФ 19610, ЖКМ ОФ 19611, НВФ-8364, НВФ-8365** (Табл. 4). Как и на серебряных монетах, на лицевой стороне изображен всадник с копьём на оборотной легенда «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси».

Из них две монеты являются продукцией Старого денежного двора (Москва). **ЖКМ ОФ 19611 и НВФ-8364**. На лицевых сторонах изображений не сохранилось. На оборотной читаются части легенд, в две и три строки соответственно.

Одна монета **ЖКМ ОФ 19610** является продукцией Нового денежного двора. Как и в предыдущих монетах, изображения на лицевой стороне отсутствуют. На оборотной стороне легенда сохранилась не полностью (читается только две строки).

Самой младшей монетой из русских проволочных копеек и денег является серебряная копейка времени правления Петра Алексеевиче **ЖКМ ОФ 21028** (Табл. 5). Представленный экземпляр был отчеканен на Кадашевском денежном дворе в период с 1701 по 1709 гг. Продукция этого денежного двора имеет свои отличительные черты: на лицевой стороне всадник с копьем всегда изображается без плаща, на оборотной стороне легенды имеют короткую формулировку «ЦРЬ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ». Для всех

оборотных штемпелей, за редким исключением, характерны большие буквы с высоким рельефом и написанием отчества через букву Ѯ (кси) (Гришин, Клещинов, 2005. С. 26-27).

Последняя монета из этого списка **ЖКМ ОФ 19605** не имеет изображений на лицевой стороне и оборотной стороне. Лишь учитывая её физические характеристики, **ЖКМ ОФ 19605** можно отнести к копейкам (Табл. 6).

Меньшую часть нумизматического собрания музея составляют номиналы европейских держав. Они представлены тремя монетами. Самой ранней является полторак (полтора гроша) **ЖКМ/ОФ/21060** времени правления короля Сигизмунда III Вазы (Табл. 7).

На лицевой стороне находится гербовый щит со срединным щитом (в центре находится (герб династии «Ваза»), по сторонам находятся польские орлы, и герб «Погоня»). Над щитом находится корона. Под щитом располагается цифра «3» (три полгроша), которая является частью круговой легенды.

Круговая легенда: /SIGI 3 D G REX•P M D L/ (Sigismundus Tertius Dei Gratia Rex Poloniae Magnus Dux Lithuanian – Сигизмунд 3 Божьей Милостью Король Польши, Великий князь Литовский). На оборотной стороне в центре монеты располагается королевское яблоко (держава), в нем цифра 24, означающая 1/24 часть талера (четверка затерта). Под крестом расположены две последние цифры даты – 22.

Круговая легенда: /•MONE•NO REG•POLO/ (Moneta Nova Regni Poloniae – Новая монета Королевства Польского).

Монета отчеканена на монетном дворе Быдгоща 1622 г. Во время правления короля Сигизмунда III Вазы полтора гроша, которые являлись мелкой разменной монетой, созданной по образцу немецкого (apfelgroshen) апфельгрошена, что переводится как «яблочный грош», чеканились непрерывно с 1614 по 1628 гг. Данная монета была произведена, как было сказано выше, на монетном дворе Быдгоща 1622 г в период, когда коронным подскарбием был Николай Данилович 1616-1624 гг. (Горячев, 1998. С. 39, 43).

Последняя группа монет относится к шиллингам (солидам), отчеканенным в прибалтийских владениях шведской короны. Они представлены двумя экземплярами **ЖКМ/ОФ/21061** и **ЖКМ/ОФ/21062**. Первая монета **(ЖКМ/ОФ/21061)** относится к шиллингам, отчеканенным на монетном дворе Риги в 1666 г. (Табл. 8.1). На лицевой стороне монеты не сохранилось ни каких изображений и легенд. На оборотной стороне монеты изображен герб города Риги (два накрест положенных железных ключа, а над ними орденский крест). Данное изображение помещено в круговой ободок. Круговая легенда: /SOLIDVS° CIVI:RIG 66/ (Solidus Civitatis Rigensis – Солид города Риги). 1666 г. Сохранилась только часть круговой легенды. Данный шиллинг был произведен на городском монетном дворе города Риги.

Вторая монеты тоже является продукцией рижского монетного двора (Табл. 8. 2). На аверсе изображен вензель (монограмма) буква «С», обозначающая королеву Кристину Августу Ваза. В центре него находится «сноп пшеницы» – герб рода Ваза. Данное изображение помещено в круговой ободок. Всё увенчано короной. Круговая легенда: / CHRISTINA D : G: R • S:/(Christina Dei Gratia Regina Sveciae – Кристина Божьей милостью королева Швеции). Часть круговой легенды не сохранилось. На реверсе изображен герб города Риги (два накрест положенных железных ключа, а над ними орденский крест). Данное изображение помещено в круговой ободок. Круговая легенда: /SOLIDUS CIVI RIG/(Солид города Риги). Большая часть легенды не сохранилось.

Особенностью производства шиллингов стало использование «штемпелей-подражаний» номиналам Речи Посполитой. При этом проба и вес были более низкими, чем у польских монет.

Необходимо добавить, что информация о местах находок вышеописанных монет отсутствует. А значит, говорить об участии монет из фондов Железногорского краеведческого музея в денежном обращении на территории Курского края мы не можем.

Несмотря на это, все представленные номиналы, как русских, так и европейских монет участвовали в денежном обращении на этой территории. Это хорошо прослеживается по составам кладовых комплексов и одиночным находкам, обнаруженным на территории нашего края (Горохов. 1927, С.41, 43 – 44; Плаксин. 2014; Монеты Курского края, 2016. С. 187 – 190, 286 -288, 291 – 293; Андреев, 2016. С.280 – 294. Горлов, Веретюшкин, 2018. С. 156 -174. Стародубцев, 2018, С. 208 – 214.).

Благодарности.

За разрешение использовать предметы из фондов и документы из архива МУК «Железногорский краеведческий музей» автор приносит свою благодарность директору МУК «Железногорский краеведческий музей» Чернышевой Марине Евгеньевне и главному хранителю Белашовой Ольге Владимировне.

ИСТОЧНИК И ЛИТЕРАТУРА

Андреев А.А. Клад монет XVII века из села Асмолово Рыльского района Курской области // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 5. Междуречье Днепра и Дона: пересечение культур: к 25-летию Курского государственного областного музея археологии: сборник научных трудов. Курск, 2018.

Горлов К.В. Веретюшкин Р.С. Монетный клад 40-х гг. XVII в. с территории Курского детинца // Бюллетень Института Истории Материальной Культуры Российской Академии наук: (охранная археология). [№] 8 / науч. ред. Н.Ф. Соловьева; ИИМК РАН. 2018.

Горохов Т.А. Монетные клады Курской губернии // Известия Курского губернского общества краеведения. Орган Совета общества, №4 июль–август, 1927.

Горячев С.А. Монеты короля Сигизмунда III. Издательство «Гезаком» СПб., 1998.

Клещинов В.Н. Гришин И.В. Каталог русских средневековых монет с правления царя Ивана IV Васильевича до шведской оккупации Новгорода (1533 – 1617) – М:. «УРСС», 1998.

Клещинов В.Н. Гришин И.В. Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Фёдоровича (1613 – 1645) М:. Эдиториал. УРСС, 2001.

Клещинов В.Н. Гришин И.В. Каталог русских средневековых монет времени правления царей Алексея Михайловича, Фёдора Алексеевича, Ивана и Петра Алексеевичей (1645 – 1696) М:. Ленанд, 2007.

Клещинов В.Н. Гришин И.В. Каталог русских средневековых монет времени единоличного правления царя Петра Алексеевича (1696 – 1717гг.) М:. Ленанд, 2005.

Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого История Русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М.: Изд-во “Финансы и статистика”, 1989

Монеты Курского края. Нумизматическое собрание Курского государственного областного музея археологии. Каталог. Курск, 2016.

Плаксин И.М. Монеты Речи Посполитой в составе кладовых находок на территории Курского края // http://www.rusnauka.com/29_NPM_2014/Istoria/1_177744.doc.htm (доступно на 16 /09/2022)

Стародубцев Г.Ю. Раскопки Жидеевского городища // Археологические открытия 2010 – 2013 гг. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. – М.: Институт археологии РАН. 2015.

Стародубцев Г.Ю. Клад XVII века из деревни Филиппово Курской области // Археологическое наследие. Воронеж. Издательско-полиграфический центр «Научная книга» №1, 2018.

Яцышин А.А. Сомова О.А. Кармановский клад римских денариев // Русский сборник. Вып.10. Брянск: РИО БГУ, 2021.

Приложение 1

Табл.1 Монеты царя Ивана Васильевича

№ п/п	№ по КП	Номинал	Место чеканки	Надпись под конем	Даты выпуска	Вес (г)	Размер (см)	Соотношение типов сторон	Соотношение направлений чекана	Примечания
1.	ЖКМ ОФ 21025	Копейка	Новгород	К/ВА	1547 - 1560-е гг	0,74	1,5 х 1	15-8	↑←	Гришин, Клещинов 1998. С. 23. №87
2.	НВФ-8363	Копейка	Псков	-	1547 - 1550-е гг.	0,66	1,4 х 1,2	7-7	↑→	Гришин, и Клещинов 1998. С.22. №79
3.	ЖКМ ОФ 21026	Деньга	-	-	1547 - 1584	0,29	0,9 х 1	-	-	-
4.	ЖКМ ОФ 21027	Деньга	Тверь	-	1535 - 1584	0,32	1 х 0,9	2-3	↑↙	Гришин, Клещинов. 1998. С. 20. №67

Табл.2 Монеты царя Михаила Фёдоровича Романова

№ п/п	№ по КП	Номинал	Место чеканки	Надпись под конем	Даты выпуска	Вес (г)	Размер (см)	Соотношение типов сторон	Соотношение направлений чекана	Примечания
1.	ЖКМ ОФ 19607	Копейка	-	-	1626 -1635	0,42	1,2 х 0,9	?-?	-	-

Табл. 3 Монеты царя Алексея Михайловича Романова

№ п/п	№ по КП	Номинал	Место чеканки	Надпись под конем	Даты выпуска	Вес (г)	Размер (см)	Соотношение типов сторон	Соотношение направлений чекана	Примечания
1.	ЖКМ ОФ 19606	Копейка	Москва	-	1645-1676	0,46	1 х 0,7	?-23	-	-

Табл.4 Монеты медные царя Алексея Михайловича Романова

№ п/п	№ по КП	Номинал	Место чеканки	Надпись под конем	Даты выпуска	Вес (г)	Размер (см)	Соотношение типов сторон	Соотношение направлений чекана	Примечания
1.	ЖКМ ОФ 19608	Копейка	Москва	-	1655 - 1663	0,27	1 х 0,7	-	-	-
2.	ЖКМ ОФ 19609	Копейка	Москва	-	1655 - 1663	0,37	1,1 х 0,7	-	-	-
3.	ЖКМ ОФ 19610	Копейка	Москва	-	1655 - 1663	0,47	1,1 х 0,7	?-5	-	-
4.	ЖКМ ОФ 19611	Копейка	Москва	-	1655 - 1663	0,37	1 х 0,9	?-12	-	-
5.	НВФ-8364	Копейка	Москва	-	1655 - 1663	0,47	1,1 х 0,7	?-15	-	-
6.	НВФ-8365	Копейка	Москва	-	1655 - 1663	0,29	1,1 х 0,7	-	-	-

Табл.5 Монеты царя Петра Алексеевича Романова

№ п/п	№ по КП	Номинал	Место чеканки	Надпись под конем	Даты выпуска	Вес (г)	Размер (см)	Соотношение типов сторон	Соотношение направлений чекана	Примечания
1.	ЖКМ ОФ 21028	Копейка	Кадашевский монетный двор.	-	1701 - 1709	0,25	1 х 0,6	9-17	↑↓	Гришин и Клещинов С.31. №1818

Табл.6 Безымянные монеты

№ п/п	№ по КП	Номинал	Место чеканки	Надпись под конем	Даты выпуска	Вес (г)	Размер (см)	Соотношение типов сторон	Соотношение направлений чекана	Примечания
1.	ЖКМ ОФ 19605	-	-	-	-	0,33	1,1 x 0,9	-	-	-

Табл.7 Монеты Сигизмунда III Вазы

№ п/п	№ по КП	Номинал	Место чеканки	Даты выпуска	Вес (г)	Размер (см)	Соотношение направлений чекана	Примечания
1.	ЖКМ/ОФ/21060	Полтора гроша (полторак)	Быдгощ	1622	0,94	1,9	↑→	E. Kopicki Monety Zygmunta III Wazy C.74, №№376, 377

Табл. 8 Монеты, отчеканенные в Прибалтийских владениях шведской короны

№ п/п	№ по КП	Номинал	Место чеканки	Даты выпуска	Вес (г)	Размер (см)	Соотношение направлений чекана	Примечания
1.	ЖКМ/ОФ/21061	Шиллинг (солид)	Рига	1666	0,53	1,5	-	-
2.	ЖКМ/ОФ/21062	Шиллинг (солид)	Рига	1648 – 1666	0,5	1,5	↑↓	-

Рис.1

Монеты времени правления царя Ивана IV Васильевича
1. НВФ-8363; 2. ЖКМ ОФ 21025 3. ЖКМ ОФ 21026 4. ЖКМ ОФ 21027.
Монета времени правления царя Михаила Фёдоровича Романова
5. ЖКМ ОФ 19607.
Монеты времени правления царя Алексея Михайловича Романова
6. ЖКМ ОФ 19606; 7. ЖКМ ОФ 19608; 8. ЖКМ ОФ 19609; 9. ЖКМ ОФ 19610;
10. ЖКМ ОФ 19611; 11. НВФ-8364; 12. НВФ-8365.
Монета времени правления Петра I Алексеевича Романова
13. ЖКМ ОФ 21028.
Неопределенная монета
14. ЖКМ ОФ 19605.
Монета времени правления короля Сигизмунда III Вазы
15. ЖКМ/ОФ/21060.
Монеты, отчеканенные в прибалтийских владениях шведских колоний
16. ЖКМ/ОФ/21061; 17.ЖКМ/ОФ/21062.

ИРАНСКАЯ МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ОРНАМЕНТИРОВАННАЯ ЧАША ИЗ ФОНДОВ КУРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ

© 2023 г. А.Г. Шпилев

Курский государственный областной музей археологии, Курск

Статья посвящена одному из экспонатов Курского музея археологии — медной чаше XIX в., изготовленной в Иране в период правления династии Каджаров. Чаша была найдена на вспаханном поле у деревни Левшинка в Льговском районе Курской области и представляет собой редкую для этого региона находку.

Ключевые слова: чаша, Иран, Каджары, торговые связи

IRANIAN METAL ORNAMENTED BOWL FROM THE FOUNDATIONS OF THE KURSK STATE REGIONAL MUSEUM OF ARCHAEOLOGY

© 2023 A.G. Shpilev

The article is devoted to one of the exhibits of the Kursk Museum of Archaeology — a copper bowl of the 19th century, made in Iran during the reign of the Qajar dynasty. The bowl was found on a plowed field near the village of Levshinka in the L'gov district of the Kursk region and is a rare find for this region.

Keywords: bowl, Iran, Qajars, trade relations

В 2020 г. Курскому государственному областному музею археологии была передана небольшая чаша-пиала из медного сплава. По словам находчика, она была вывернута из земли плугом при пахоте поля у д. Левшинка Кромбыковского с/с Льговского района Курской области.

Чаша имеет круглую форму, её стенки плавно сужаются к плоскому дну (Рис.1,1). Общая высота чаши – 26 мм, внешний диаметр дна – 64 мм, внешний диаметр чаши по верхнему краю – 90 мм, толщина стенок – 1,5 мм. Вес – 10, 138 гр.

Изделие имеет повреждения – вмятины, следы от удара острым предметом, две сквозные трещины у дна и утраченный участок верхнего края (Рис.1,1).

Внутренняя часть изделия в некоторых местах покрыта глубокими полосами, а изображение на дне частично стёрто. Вероятно, это является следами чистки предмета при его использовании (Рис.1,2).

Внутренняя и внешняя поверхности чаши полностью покрыты выгравированными изображениями людей, животных, птиц и растительных мотивов. Для заполнения фона помимо гравировки использовалась чеканка (Рис.2,1).

Внешняя сторона.

По верхнему краю идёт узкий валикообразный ободок толщиной около 1 мм. Под валиком выгравирован пояс из переплетённых побегов, изображённый на полосе фона, покрытого углублениями от мелкого чекана (т.н. «арабеска»). Пояс сверху и снизу ограничен выгравированными гладкими поясками. Средняя часть чаши покрыта 4 плоскими гладкими линиями разной толщины, поверх нижней нанесена непрерывная круговая полоса из пуансонных кружков (Рис.2,2).

Нижняя треть сверху и снизу обрамлена узкими гладкими полосами, ограничивающих пояс из соприкасающихся друг с другом круглых и овальных медальонов, окаймлённых гладкими рамками. Внутренняя часть медальонов и лежащие между ними подтреугольные пространства заполнены образующими сплошной фон ровными или наклонными гладкими линиями.

На внешней стороне чаши размещены следующие изображения (слева направо):

1) Овальный медальон с лежащим на спине мужчиной. Лицо обращено вверх, руки лежат под головой, левая нога закинута на правую (Рис.2,3); 2) Круглый медальон с зайцем, стоящим влево с повёрнутой назад головой (Рис.2,4); 3) Овальный медальон с зайцем, стоящим влево и смотрящим перед собой (Рис.2,5); 4) Круглый медальон с погрудным изображением человека, повёрнутого влево (Рис.3,1); 5) Овальный медальон с зайцем, стоящим вправо и смотрящим перед собой. Перед зайцем изображен цветок (Рис.3,2); 6) Круглый медальон с зайцем, бегущим вправо с повёрнутой назад головой (Рис.3,3); 7) Овальный медальон с зайцем, бегущим вправо и смотрящим перед собой (Рис.3,4); 8) Округлый медальон с погрудным изображением человека повёрнутого вправо (Рис.3,5); 9) Овальный медальон с зайцем, стоящим влево и смотрящим перед собой. Перед зайцем изображен цветок (Рис.3,6); 10) Овальный медальон с зайцем, стоящим вправо и смотрящим перед собой (Рис.3,7); 11) Округлый медальон с погрудным изображением человека повёрнутого влево (Рис.3,8).

Круглое дно с внешнего края обрамлено поясом из шести гладких линий, две из которых украшены полосами из пуансонных кружков. В середине дна изображена сидящая фигура, вписанная в круг из зубчатой линии. Фигура окружена переплетёнными стеблями, из которых с обеих сторон человека, на уровне плеч, выглядывают два зверька (Рис.3, 9-11).

Внутренняя сторона.

Немного отступая от края чаши идёт ровная полоса, поверх которой нанесена непрерывная круговая полоса из пуансонных кружков. Оставшаяся часть стенок украшена поясом из окаймлённых гладкими рамками больших овальных и расположенных друг над другом круглых медальонов с изображениями птиц, зверей, людей и человекоподобных существ с головами собак или обезьян. Сверху и снизу пояс обрамлен узкими гладкими полосами. Внутренняя часть медальонов и лежащие между ними подтреугольные пространства заполнены образующими сплошной фон ровными или наклонными гладкими линиями (Рис.1,2).

На внутренней стороне чаши размещены следующие изображения (слева направо):

1) Овальный медальон с сидящей в окружении стеблей и цветов человекоподобной фигурой, одетой в широкие штаны и халат. Голова собаки или обезьяны повёрнута влево (Рис.4,1); 2) Овальный медальон со стоящим вправо среди стеблей и цветов оленем с повёрнутой назад головой (Рис.4,2); 3) Два круглых медальона, расположенных друг над другом. В верхнем – стоящий вправо заяц с повёрнутой назад головой. В нижнем – стоящая вправо птица с закинутой вверх головой (Рис.4,3); 4) Овальный медальон с сидящей в окружении стеблей повёрнутой вправо фигурой человека в подпоясанном халате (Рис.4,4); 5) Два круглых медальона, расположенных друг над другом. В верхнем – погрудное изображение человека, повёрнутого вправо. В нижнем – стоящая влево птица с закинутой вверх головой (Рис.4,5); 6) Овальный медальон с сидящими влево двумя человекоподобными фигурами (Рис.4,6); 7) Два круглых медальона, расположенных друг над другом. В верхнем – стоящий вправо заяц с повёрнутой назад головой. В нижнем – стоящий влево заяц с повёрнутой назад головой (Рис.4,7); 8) Овальный медальон с окруженным стеблями и цветами оленем, стоящим влево с повёрнутой назад головой (Рис.4,8); 9) Два круглых медальона, расположенных друг над другом. В верхнем – погрудное изображение человека, повёрнутого вправо. В нижнем – стоящая вправо птица с закинутой вверх головой (Рис.4,9); 10) Овальный медальон с сидящей в окружении стеблей и цветков повёрнутой влево фигурой человека в подпоясанном халате (Рис.4,10); 11) Два круглых медальона, расположенных друг над другом. В верхнем – стоящий вправо заяц с повёрнутой назад головой. В нижнем – стоящая влево птица с закинутой вверх головой (Рис.4,11); 12) Овальный медальон с сидящей в окружении стеблей человекоподобной фигурой, одетой в широкие штаны и халат. Голова собаки или обезьяны повёрнута влево (Рис.4,12); 13) Два круглых медальона, расположенных друг

над другом. В верхнем – погрудное изображение человека, повёрнутого влево. В нижнем – стоящая вправо птица с закинутой вверх головой (Рис.4,13); 14) Овальный медальон с окруженным стеблями и цветами оленем, стоящим вправо с запрокинутой вверх головой (Рис.4,14); 15) Два круглых медальона, расположенных друг над другом. В верхнем – стоящий вправо заяц с повёрнутой назад головой. В нижнем – стоящая влево птица с закинутой вверх головой (Рис.4,15); 16) Овальный медальон с окруженным стеблями и цветами оленем, стоящим влево с повёрнутой назад головой (Рис.4,16).

Изображения на дне сохранились частично. По внешнему краю идут две гладких полосы, поверх одной наложена линия из пуансонных кружков. Затем следует сплошная полоса с изображениями резвящихся в зарослях кроликов. Центральная часть дна обрамлена тремя гладкими полосами, на среднюю из которых наложена линия из пуансонных кружков. Рисунок внутри круга почти полностью уничтожен. От него сохранилось несколько извилистых и прямых линий (Рис.5,1-3).

Время существования курской чаши предварительно может быть широко определено XIX в., т.к. исходя из стилистических особенностей изображений она может быть достаточно уверенно включена в круг предметов, созданных в Иране в период правления династии Каджаров (1796 – 1925 гг.).

Среди известных автору соответствий наиболее близки курской чаше по стилистике изображений чашка-пиала XIX в. (ГЭ ИР-2047) (Рис.5,4) и кувшин 1873 – 1874 гг. (ГЭ ИР-2162) (Рис.5,5) из Государственного Эрмитажа, чаши с сайта «Clearmont Auctions» (лот №250 от 24.08.2018 г.) (Рис.5,6) и интернет-аукциона «LiveAuctioneers» (лот №0127 от 8.07.2019 г.) (Рис.5,7).

Обстоятельства попадания иранского предмета в пределы Курской губернии могут быть самыми разнообразными. Однако, на наш взгляд, наиболее правдоподобны две версии. Первая – это военный трофей участника Кавказских войн XIX в. Вторая – чаша является свидетельством оживленной русско-персидской торговли, в которой активно участвовали и курские купцы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Кувшин. Иран. 1873 – 1874 гг. ГЭ ИР-2162. Государственный Эрмитаж. https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/08.%20applied%20arts/35857. Дата посещения 04.03.2020 г.

Чаша-пиала. XIX в. Иран. ГЭ ИР-2047. Государственный Эрмитаж. https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/08.%20applied%20arts/129035. Дата посещения 04.03.2020 г.

Чаша. Иран. Лот №250 от 24.08.2018 г. Сайт «Clearmont Auctions» (США). https://www.invaluable.com/auction-lot/islamic-persian-brass-bowl-250-c-ad042f9a32. Дата посещения 04.03.2020 г.

Чаша. Династия Каджаров. Иран. Лот №0127 от 8.07.2019 г. Интернет-аукцион «LiveAuctioneers». https://www.liveauctioneers.com/en-gb/item/65098523. Дата посещения 04.03.2020 г.

Рис.1
Находка у д. Левшинка (Льговский р-н)
1. Медная иранская чаша XIX в.; 2. Следы повреждений на поверхности чаши.

Рис.2

Изображения на внешней поверхности чаши.

1. Овальный медальон с изображением зайца, чеканным штриховым заполнением фона и поясок с пуансонным орнаментом; 2. Орнаментальный поясок на внешней стороне чаши; 3. Овальный медальон с изображением лежащего мужчины; 4. Круглый медальон с изображением зайца; 5. Овальный медальон с изображением зайца.

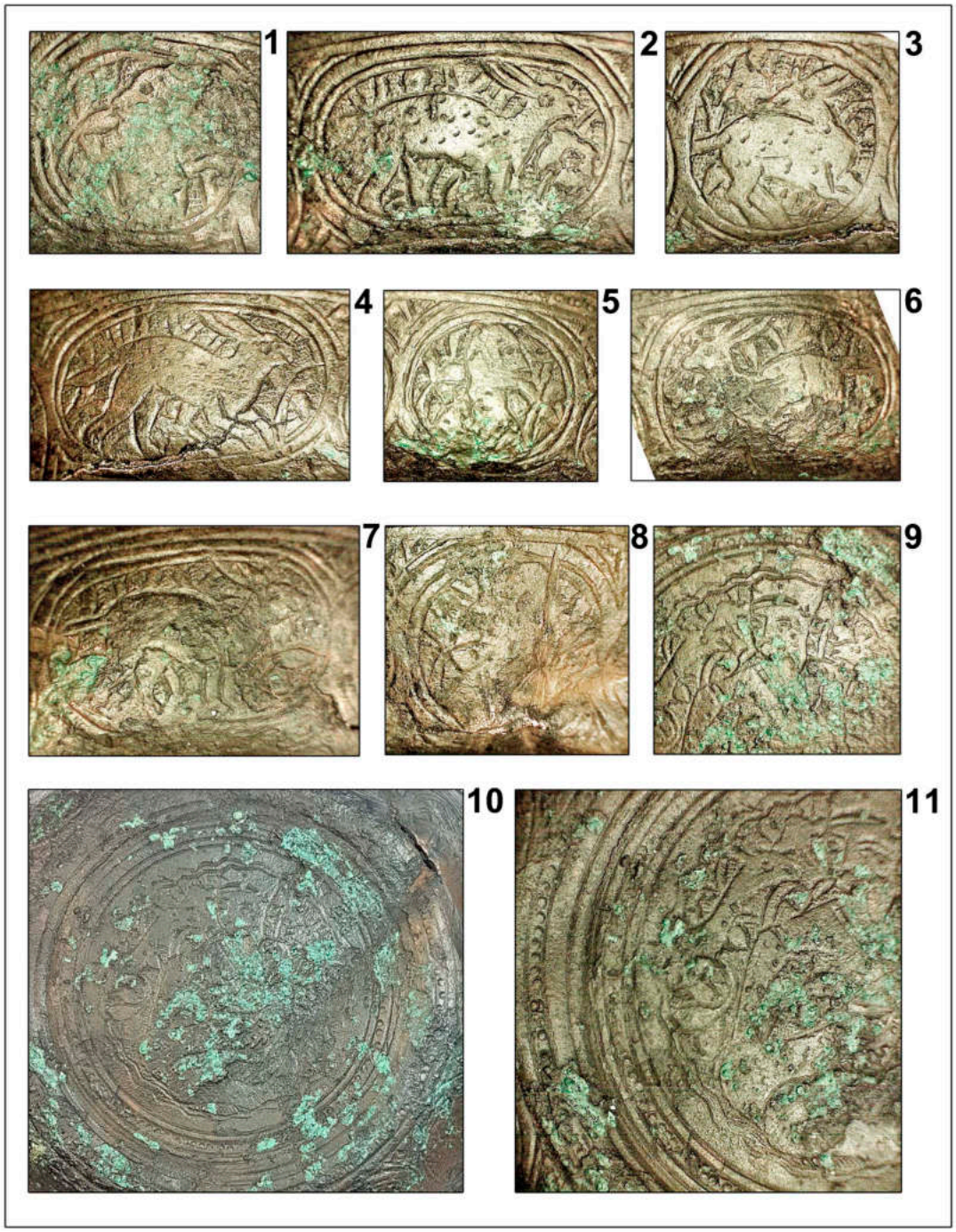


Рис.3

Изображения на внешней поверхности и донце чаши.

1. Круглый медальон с погрудным изображением человека; 2. Овальный медальон с изображением зайца и цветка; 3. Круглый медальон с изображением зайца; 4. Овальный медальон с изображением зайца; 5. Округлый медальон с погрудным изображением человека; 6. Овальный медальон с изображением зайца и цветка; 7. Овальный медальон с изображением зайца; 8. Округлый медальон с погрудным изображением человека; 9-11. Изображение человека и орнаментальное оформление донца.

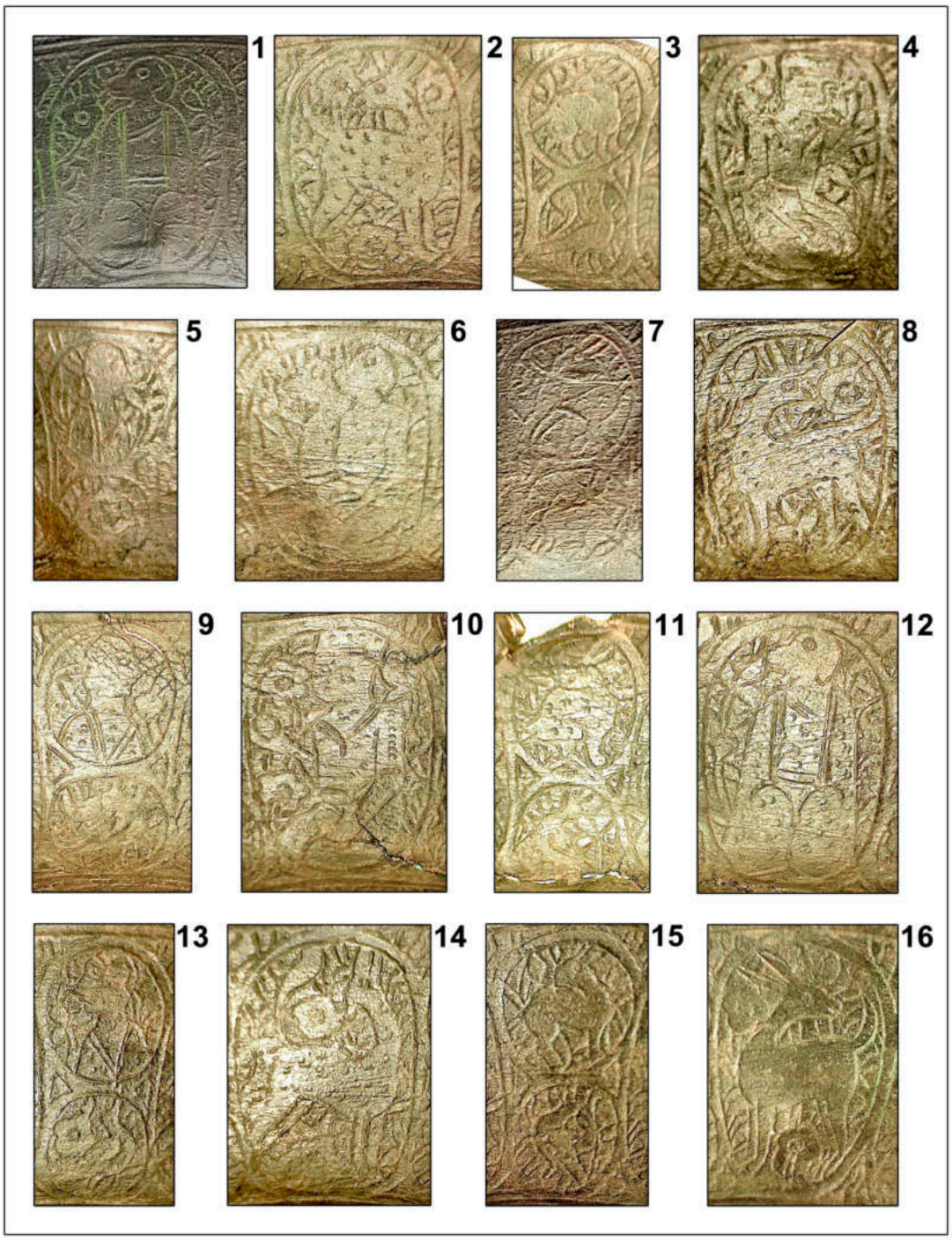


Рис.4

Изображения на внутренней поверхности чаши.

1. Овальный медальон с изображением человекоподобной фигуры (обезьяны) среди цветов; 2. Овальный медальон с изображением оленя; 3. Два круглых медальона с изображениями зайца и птицы; 4. Овальный медальон с изображением человека; 5. Два круглых медальона с изображениями человека и птицы; 6. Овальный медальон с изображениями человекоподобных фигур; 7. Два круглых медальона с изображениями зайцев; 8. Овальный медальон с изображением оленя; 9. Два круглых медальона с изображениями человека и птицы; 10. Овальный медальон с изображением человека; 11. Два круглых медальона с изображениями зайца и птицы; 12. Овальный медальон с изображением человекоподобной фигуры (обезьяны); 13. Два круглых медальона с изображениями человека и птицы; 14. Овальный медальон с изображением оленя; 15. Два круглых медальона с изображениями зайца и птицы; 16. Овальный медальон с изображением оленя.

Рис.5

Изображение на дне чаши и аналогии находки из Левшино.
1-3. Орнаментальное оформление внутренней части дна чаши; 4. Чашка-пиала из собрания Государственного Эрмитажа; 5. Кувшин из собрания Государственного Эрмитажа; 6. Чаша, выставленная на продажу на интернет-аукционе «Clearmont Auctions»; 7. Чаша, выставленная на продажу на интернет-аукционе «LiveAuctioneers».

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГОЧЕВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (ПИСЬМО К.П. СОСНОВСКОГО А.А. СПИЦЫНУ от 21 июля 1913 г.)

© 2023 г. Е.Ю. Захарова, Ю.Н. Городцова

Воронежский государственный университет, Воронеж

В статье представлен краткий обзор истории изучения Гочевского археологического комплекса начала XX века на основе уже опубликованных данных и работ современных исследователей. Он дополняется ранее неизвестным в научной литературе письменным архивным источником.

Ключевые слова: история археологии, Курская губерния, Курская губернская ученая архивная комиссия, Гочевский археологический комплекс, К.П. Сосновский, В.С. Львович

ON THE HISTORY OF THE STUDY OF THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEX OF GOCHEVO (LETTER FROM K.P. SOSNOVSKY TO A.A. SPITSYN, JULY 21, 1913)

© 2023 E.Yu. Zakharova, Yu.N. Gorodtsova

The article presents a brief overview of the history of the study of the Gochevsky archaeological complex of the early XX century on the basis of already published data and the work of modern researchers. It is supplemented by a previously unknown written archival source in the scientific literature.

Keywords: history of archeology, Kursk province, Kursk provincial scientific archival commission, Gochevo archaeological complex, K.P. Sosnovsky, V.S. L'vovich.

Курский край богат археологическими памятниками различных эпох, и для каждой из них есть свои «визитные карточки». Гочевский комплекс вот уже более ста лет остается притягательнейшим местом, прежде всего, для медиевистов различной специализации.

История выявления и изучения этого археологического комплекса – отдельная исследовательская тема. Узловые события этого процесса, главные действующие лица уже стали предметом специального анализа в научной литературе (Стародубцев, 2018; Щавелёв, 2021; Кононович, 2022). Данная же публикация призвана добавить ещё один штрих к портретам курских любителей старины – гочевских исследователей начала XX века и прояснить некоторые остававшиеся неоднозначными эпизоды на начальном этапе изучения памятника. В основе статьи обнаруженное одним из авторов в архиве ИИМК РАН письмо К.П. Сосновского к А.А. Спицыну от 21 июля 1913 г., прежде не публиковавшееся и не фигурировавшее в научной литературе (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6. Л. 52-53). Уникальность этой находки определяется ещё и тем фактом, что она пополняет очень скудную коллекцию сохранившихся писем из когда-то обширной переписки А.А. Спицына. Большинство их погибло во время пожара в его квартире (Тихонов, 2011. С. 349), поэтому каждое из вновь обнаруженных посланий – это уже событие.

Публикацию документа предварим характеристикой автора письма и событий, предшествовавших его написанию.

Константин Петрович Сосновский (1861 – после 1919), как и многие исследователи местных древностей начала XX века, не имел профильного исторического или археологического образования. Окончив курс в Технологическом институте (Санкт-Петербург) в звании инженера-технолога, он служил по акцизному ведомству в ряде губерний и в 1907 г. был переведён в Курскую на должность управляющего акцизными сборами (Щавелёв, 2007). 10 декабря К.П. Сосновский на заседании Курской губернской

ученой архивной комиссии (далее – КГУАК) был избран в действительные члены этой организации и вошёл в состав правления (Журналы заседаний КГУАК, 1911. С. 63-64). Поначалу он занимался систематизацией архивных документов, поступивших в музей при Комиссии. Итоги своей работы К.П. Сосновский опубликовал в Трудах КГУАК (Сосновский, 1911а). Интересовался он и церковными древностями: его перу принадлежит описание храма Покрова Пресвятой Богородицы в селе Макарьевке Льговского уезда (Сосновский, 1911б). К.П. Сосновский участвовал также в составлении музейных каталогов (Отчеты о деятельности и денежных средствах КГУАК…, 1911. С. 144), входил в редакционную комиссию по изданию первого выпуска КГУАК (Отчеты о деятельности и денежных средствах КГУАК…, 1911. С. 145), занимался пополнением библиотеки и фондов музея (Отчеты о деятельности и денежных средствах КГУАК…, 1911. С. 148). В 1919 г. состоял на службе в Управлении по делам Финансов и Торговли Северо-Западной Области России, сформированного из выделенных соответствующих отделов управления снабжений Северо-Западной Армии.

С именем Константина Петровича связана одна из самых курьёзных курских археологических находок начала XX века: 25 сентября 1908 г. на заседании КГУАК он сделал доклад о так называемом «щигровском сфинске», который был обнаружен крестьянином А.М. Беловым в овраге Волчий верх недалеко от с. Плоховки Никитской волости Щигровского уезда и принят за древнюю скульптуру (Журналы заседаний КГУАК, 1911. С. 70). Заблуждение было настолько велико, что 16-17 июля 1910 г. в районе находки «сфинкса» докладчик совместно с А.Н. Кобылиным предпринял раскопки. От Императорской археологической комиссии (далее – ИАК) был получен Открытый лист № 493 (Приложение: ИАК (1859-1917)…, 2009. С. 105, 112). И хотя в ходе работ было найдено лишь два кремнёвых отщепа, которые, естественно, не прояснили вопроса о происхождении «сфинкса», он был восторженно описан как замечательное произведение древнего искусства (Сосновский, 1915). Стоимость его покупки, перевозки и установки в одном из залов историко-археологического и кустарного музея в Курске составила 34 рубля 94 копейки (Плаксин, Чубаров, 2023. С. 22). Однако для уточнения общей картины необходимо отметить, что тогда же была высказана версия о естественном происхождении «сфинкса», впоследствии подработанного человеком для использования в качестве фетиша (Кобылин, Сосновский, 1915. С. 1-10). В действительности, как пишет об этой находке Г.Ю. Стародубцев, – это не древняя скульптура, а просто интересная игра природы (Стародубцев, 2012. С. 42).

В эти же годы Константин Петрович Сосновский принял самое деятельное участие в организации и проведении работ Д.Я. Самоквасова на курской земле, а также введении в научный оборот их результатов. В апреле 1909 г. в Курске Дмитрий Яковлевич прочитал публичную лекцию (организованную не без помощи К.П. Сосновского) на тему: «История культуры населения Русской земли по могильным древностям». Затем последовало предложение членам КГУАК «заняться собиранием сведений о древних земляных насыпях» и провести раскопки в совершенно неисследованном тогда Обоянском уезде (Стародубцев, 2018).

Для сбора предварительных сведений об археологических памятниках данного уезда было решено предпринять туда поездку. Это поручение было возложено на К.П. Сосновского. Разведка была проведена в июле 1909 г. О результатах своих исследований Константин Петрович сообщил на собрании КГУАК 28 июля 1909 г. (Журналы заседаний КГУАК, 1911. С. 63-64). Он обнаружил 245 археологических памятников (217 курганов (в том числе 10 курганных групп), 5 могильников, 5 полей погребений, 4 селища, 14 городищ) и составил археологическую карту данного региона (Сосновский, 1911).

Комиссия приняла решение провести немедленные раскопки на вновь открытом Гочевском городище и находящемся рядом с ним курганном могильнике под руководством Д.Я. Самоквасова. Раскопки состоялись 18-26 августа 1909 г.: было исследовано 278

насыпей основного массива могильника, 5 курганов «Загородья» (располагавшегося с южной стороны от поселения), 4 кургана на землях крестьян с. Бушмино (Самоквасов, 1915), а также небольшие участки на площадках городищ и поселения. После окончания работ все находки, за исключением инвентаря двадцати шести курганов, которые профессор Д.Я. Самоквасов взял с собой для более подробного изучения, были перевезены К.П. Сосновским, который был одним из активных участников раскопок, в г. Курск для реставрации и подготовки к экспозиции (Журналы заседаний КГУАК, 1911. С. 87-88). Одновременно с этим, К.П. Сосновский под руководством Дмитрия Яковлевича подготовил к изданию «Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии» и «Атлас Гочевских древностей» (Самоквасов, 1915б; 1915а).

Воодушевленные столь удачным началом полевых исследований в Гочево, курские любители старины решили продолжить работы и в следующем году. В 1910 г. Павлом Сергеевичем Рыковым, выпускником историко-филологического факультета Московского университета и вольнослушателем Московского Археологического института, а также учителем истории Курского реального училища, было послано прошение на Открытый лист для производства раскопок Гочевского могильника. Однако ИАК отказала в выдаче листа, мотивируя отказ тем, что запрос был направлен слишком поздно (Стародубцев, 2018. С. 297).

К.П. Сосновский же, получив Открытый лист и денежное пособие размером в 150 руб. на раскопки в пределах Обоянского уезда (Приложение: ИАК (1859-1917)…, 2009. С. 112), выполнял поручение ИАК, заинтересовавшейся находкой камня с надписью, обнаруженного недалеко от Чернецкого городища, расположенного в вышеуказанном уезде (Курская губерния…, 1913. С. 187). В сентябре 1910 г. К.П. Сосновский провёл раскопки сначала на Пенской песчаной россыпи (в своём письме к Д.Я. Самоквасову от 27 декабря 1910 г. он назвал их неудачными, так как ему не удалось найти следов грунтового могильника (Щавелёв, 2016), а затем на Чернецком городище, которое по обнаруженным предметам отнёс к неолитической культуре (ошибочно, памятник относится к раннему железному веку (Щавелёв, 2016), а также осмотрел территорию вдоль берега, напротив Шмырёвской песчаной россыпи, обследованной годом ранее с Д.Я. Самоквасовым.

Как итог его полевых исследований в 1910 г., в ИАК поступили «Дневник раскопок», «Археологическая карта местности при впадении р. Пены Обоянского у.» «План Чернецкого городища и опись находок на нем», а также рукопись «Чернецкое городище на р. Стрыгосле Обоянского у.» с чертежами, рисунками и фотографиями находок (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 2. 1910. Д. 86).

В 1912 г. по повторной заявке, сопровождаемой рекомендацией К.П. Сосновского, ИАК был выдан Открытый лист № 939 (Приложение: ИАК (1859-1917)…, 2009. С. 121) на исследование гочевских памятников Павлу Сергеевичу Рыкову. Жизнь и судьба этого авторитетного отечественного археолога, талантливого организатора науки, к сожалению, ставшего жертвой репрессий 1930-х гг., достаточно детально изучена. В Саратове издан подробный биобиблиографический справочник (2009). Здесь же укажем, что раскопки гоческих курганов стали дебютными для молодого исследователя. Право «продолжить исследования, произведённые в 1872, затем в 1909 годах профессором Д.Я. Самоквасовым» вместе с П.С. Рыковым получил Лев Николаевич Соловьёв (Щавелёв, 2021. С. 404), в те годы учащийся курской гимназии, а впоследствии ставший одним из основоположников абхазской археологии. К.П. Сосновский рекомендовал им «повести раскопки планомерно», то есть не в разных местах могильника наудачу, а изучить все насыпи подряд на одном определённом участке обширной площади памятника. Молодые исследователи в течение пяти недель, не без помощи гочевских крестьян, участвовавших в раскопках Д. Я. Самоквасова, раскопали 109 курганов (Щавелёв, 2021. С. 405) . Через несколько месяцев после этих раскопок П. С. Рыков переехал из Курска в Вильно, где ему предложили более престижное и денежное место учителя гимназии. Материалы

гочевских раскопок ему удалось издать позднее, уже в Саратове, посвятив памяти Д.Я. Самоквасова, «отдавшего много любви, времени и личных средств родной науке» (Рыков, 1923).

В 1913 г. Открытый лист № 1019 от ИАК на раскопки гочевских курганов (Приложение: ИАК (1859-1917)…, 2009. С. 125) получил выпускник Московского Археологического института, служащий Курского губернского акцизного управления Владимир Сильвестрович Львович. Им было исследовано 35 насыпей (Стародубцев, 2018. С. 297).

Именно эти раскопки и стали предметом анализа в публикуемом ниже письме К.П. Сосновского А.А. Спицыну. Курский археолог поделился «своими печальными впечатлениями от археологической работы в Курской губернии» летом 1913 г. под руководством В.С. Львовича, который, по словам Константина Петровича, совершенно не соблюдал методику ведения полевых изысканий и заполнения полевого дневника (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6. Л. 52-53). К сожалению, одним из последствий столь небрежного отношения к проводимым работам можно считать и отсутствие итогового отчёта, обычно завершающего исследование и направляемого в ИАК. В архиве сохранился лишь упоминаемый и в письме полевой дневник В.С. Львовича (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 2. 1913. Д. 330). В связи с этим становятся понятными и причины сделанного А.А. Спицыным заключения по результатам работы В.С. Львовича в Отчёте ИАК: «Детали устройства насыпей и обряда погребения не были достаточно уяснены» (Курская губерния…, 1918. С. 170).

Примерно в то же время, что и В.С. Львович, в 1913 г. раскопки гочевских памятников вел и известный археолог начала XX века – Владимир Нилович Глазов (вернувшийся затем к их изучению в 1915 г.). О нём также упоминает в письме К.П. Сосновский со ссылкой на неизвестное нам письмо В.С. Львовича. Контекст упоминания таков, что можно предполагать критичный отзыв последнего о работах В.Н. Глазова. В данной связи приведем мнение исследователей, детально рассмотревших вклад В.Н. Глазова в отечественную археологию: «Сохранившиеся в делах ИАК рукописные отчеты В.Н. Глазова свидетельствуют о тщательности производимых раскопок и о научном подходе к написанию полевых отчетов, их всегда отличает подробная графическая и описательная фиксация процесса работ, точность, четкость и ясность изложения. Каждый отчет содержит аналитическую часть и может быть опубликован как отдельная научная статья» (Медведева, Соболев, 2014. С. 407). Со своей стороны отметим, что результаты анализа раскопок В.Н. Глазова на территории Воронежской губернии, проведённые одним из авторов (Бессуднов, Захарова, 2012. С. 46-60), позволяют присоединиться к приведенному выше суждению.

В марте следующего 1914 г. К.П. Сосновского перевели «на таковую же должность» в Лифляндское акцизное управление (Щавелёв, 2021. С. 403). Курский период его жизнедеятельности завершился. Изучал ли он столь увлеченно прибалтийские древности?

Итак, мы стремились предварить публикацию нового документа краткой характеристикой её автора, упоминаемых в тексте лиц и тех обстоятельств, в которых письмо было написано. Это позволяет отказаться от сносок по тексту самого письма.

Письма, полученные А.А. Спицыным за 1893-1916 гг.: Письмо К.П. Сосновского от 21.07.1913 г.

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6. Л. 52-53)

Многоуважаемый Александр Андреевич,

Пишу Вам, чтобы поделиться своими печальными впечатлениями от археологической работы в Курской губернии этим летом.

Из прилагаемого письма Львовича Вы увидите, как вел раскопки Глазов. Судя по

этому письму, я рассчитывал найти у Львовича образцовую работу, но приехав 27 июня в 4 ч. дня на курган, застал такую картину. Рабочих у Львовича 5 чел. Двое из них подрывают стенку шахты, чтобы добраться до костяка, так как погребение оказалось в яме, а размер шахты по ширине взят меньше 2х аршин. Остальные трое рабочих раскрывают рядом другой курган. Пока шла разборка первого погребения, рабочие уже добрались до костяка второго кургана. Тотчас же Львович перевел их на следующий курган, начав разборку второго. Костяки разбирались рабочими, сам Львович не прикасался к инструментам. Находя вещь, рабочий говорит о ней Львовичу, а последний отмечает об этом в дневнике. Так как Львович в высшей степени рассеянный человек, то получались между ним и рабочими недоразумения, когда он в дневнике отмечает вещь одним названием, а она оказалась вынута из земли другого.

Когда дневные работы были окончены, я высказал Львовичу свое мнение, что при его порядке и способе работы, многие останки не подмечены в общем погребении, но он ответил: «Тут, собственно, и подмечать нечего».

На следующий день я был опять на его раскопках и видел, что работы ведутся собственно так же, как и накануне. С разрешения Львовича я вскрыл курган иным способом, как мы делали в прошлом году с Рыковым, т.е. широкою шахтою, находясь неотлучно при работе *(2 слова неразборчиво – авт.)* и совместно со Львовичем обсудил все погребения; сам же я разобрал костяк. На Львовича это не произвело впечатления, и он продолжил дальнейшие раскопки по-своему. Дневник его я постеснялся посмотреть и не знаю, как идут его записи.

Несмотря на обещание приехать к нему на работы в следующие дни, я не был на них, так как видел, что кроме огорчений ничего не буду искать, а с другой стороны не желал получить от Вас упрека, если работы Львовича будут неудовлетворительными. Львович – человек самостоятельный и на свои задачи смотрит оригинально. За два дня я слышал от него такие суждения: 1) неполноту полевого дневника должно исправлять разборчивостью, 2) ни в рисунках, ни в фотографиях надобности нет, 3) копать нужно по возможности наибольшее число курганов, чтобы не получить упрека в неэкономном расходовании денег, 4) все добытые здесь вещи «дрянь», вот в Херсонесе другое дело, 5) жаль, что не имею право расходовать денег на раскопки в других местах, может быть, там нашлись бы вещи лучше.

Может быть, я ошибаюсь, но впечатление у меня получилось о большом легкомыслии, а может быть и о невежестве этого оригинала. Интересно будет прочитать его отчет. В настоящее время Львович вернулся с раскопок и говорит, что в сентябре будет их продолжать.

Ко мне он часто приходил за советами и за книгами по археологии, но чем дальше, тем больше я разочаровываюсь в его трудоспособности, усердии и знании.

ИСТОЧНИКИ И ИЛИТЕРАТУРА

Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю. В поисках древностей забытого урочища: находки и легенды окрестностей Задонска. Тула, 2012.

Журнал заседания КГУАК // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Курск, 1911.

Кобылин А. Н., Сосновский К. П. Щигровский сфинкс (каменная фигура в Курском музее) // Труды КГУАК. Вып. II. Курск, 1915.

Кононович А.Ю. Гочевский курганный могильник в материалах исследований К. П. Сосновского // Археология в исследованиях молодых. Сборник научных статей Четвертой международной научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения профессора А.З. Винникова. Белгород, 2022.

Курская губерния. Отдел I. Производство археологических раскопок // Отчет ИАК

за 1909 и 1910 годы. СПб., 1913.

Курская губерния. Отдел I. Производство археологических раскопок // Отчет ИАК за 1913-1915 годы. Петроград, 1918.

Медведева М.В., Соболев В.Ю. Археолог Владимир Нилович Глазов // Археологические вести. № 20. СПб., 2014.

Отчеты о деятельности и денежных средствах КГУАК и Курского историко-археологического и кустарного музея… // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Курск, 1911.

Павел Сергеевич Рыков (1884-1942): биобиблиогр. указ. Саратов, 2009.

Плаксин И.М., Чубаров А.И. Курский областной краеведческий музей: 120 лет истории. Курск, 2023.

Приложение: Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009.

Рыков П. С. Юго-восточные границы радимичей (Раскопки курганного могильника близ с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии) // Учёные записки государственного Саратовского университета. Т. 1. Вып. 3. Саратов, 1923.

Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевскоих древностей. М., 1915б.

Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 года. М., 1915а.

Сосновский К.П. Бумаги старых лет по Курскому уезду // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Курск, 1911 б.

Сосновский К.П. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского у., Курской губ. // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Курск, 1911.

Сосновский К.П. Дневник раскопок в овраге “Волчий верх” близ д. Плоховки Никитской волости Щигровского уезда Курской губернии, произведенных 16 и 17 июля 1910 г. // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. II. Курск, 1915.

Сосновский К.П. Храм Покрова Пресвятой Богородицы в с. Макаровке, Льговского уезда, Курской губернии // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Курск, 1911.

Стародубцев Г.Ю. Археология Курского края в XIX-XX веках: история исследований региональная археология. Saarbrucken, 2012.

Стародубцев Г.Ю. История исследования гочевского курганного могильника в 1909-1915 гг. // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. К 25-летию Курского государственного областного музея археологии: сборник научных трудов. Вып. V. Курск, 2018.

Тихонов И.Л. С.Ф. Платонов и А.А. Спицын // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011.

Щавелёв С. П. Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843-1911). М., 2016.

Щавелёв С.П. Историки курского края. Биографический словарь. Курск, 2007. (http://old-kursk.ru/book/historian/sosnovs.html)

Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Т. I. Курск, 2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Александр Алексеевич (Курск) — ОБУК «Курский государственный областной музей археологии», научный сотрудник, *e-mail: kgoma@mail.ru*

Андреев Сергей Иванович (Тамбов) — Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, доцент, кандидат исторических наук, *e-mail: siatambov2015@rambler.ru*

Балашов Александр Александрович (Курск) — НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета, младший научный сотрудник, *e-mail: 2012balashov@gmail.com*

Балашова Мария Владимировна (Курск) — НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета, младший научный сотрудник, *e-mail: m.v.veretushkina@gmail.com*

Веретюшкин Роман Сергеевич (Курск) — НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета, старший научный сотрудник, *e-mail: veretiushkin@gmail.com*

Воротинская Лариса Сергеевна (СПб) — Государственный Эрмитаж, научный сотрудник, e-mail: *larissadm@mail.ru*

Грачёв Сергей Юрьевич (Брянск) — ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», аспирант, *e-mail: grach281080@rambler.ru*

Головин Сергей Николаевич (Курск) — НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета, младший научный сотрудник, *e-mail: sergei.golovin1992@yandex.ru*

Горбунов Дмитрий Николаевич (Курск) — НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета, научный сотрудник, *e-mail: gorbunov2010@gmail.com*

Городцова Юлия Николаевна (Воронеж) — ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», аспирант кафедры археологии и истории древнего мира, *e-mail: yuliya.gorodtsova@yandex.ru*

Гулецкий Дмитрий Владимирович (Варшава, Польша) — член Белорусского нумизматического общества, главный редактор издания «Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики», *e-mail: dzmitry.huletski@gmail.com*

Дробушевский Александр Иванович (СПб) — ИИМК РАН, научный сотрудник, кандидат исторических наук, *e-mail: adrobush@yandex.ru*

Дяденко Виталий Михайлович (Курск) — НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета, научный сотрудник, *e-mail: Dyadenko.v.m@yandex.ru*

Енуков Владимир Васильевич (Курск) — ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», директор НИИ археологии юго-востока Руси, доктор исторических наук, *e-mail: vyenukov@gmail.com*

Жаворонков Сергей Иванович (Курск) — НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета, младший научный сотрудник, *e-mail: sergey8.6@yandex.ru*

Зайцев Василий Васильевич (Москва) — Государственный Исторический музей, старший научный сотрудник отдела нумизматики, *e-mail: numizmat_gim@mail.ru.*

Захарова Елена Юрьевна (Воронеж) — ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», доцент кафедры археологии и истории древнего мира, доктор исторических наук, *e-mail: ez@hist.vsu.ru*

Земцов Григорий Леонидович (Липецк) — ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского»,

доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, кандидат исторических наук *e-mail: grizem@rambler.ru*

Зиньковская Ирина Владимировна (Воронеж) — Воронежский государственный университет, доцент кафедры археологии и истории древнего мира, доктор исторических наук, *e-mail: zinkovi@yandex.ru*

Зорин Александр Васильевич (Курск) — ОБУК «Курский государственный областной музей археологии», главный хранитель, кандидат исторических наук, *e-mail: tlingit@mail.ru*

Кабанов Дмитрий Олегович (Курск) — НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета, младший научный сотрудник, *e-mail: kabanov.dmitriy@list.ru*

Кашкин Александр Владимирович (Москва) — Институт археологии РАН, старший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия, кандидат исторических наук, *e-mail: AKashkin@yandex.ru*

Колоколов Александр Михайлович (Тула) — ФГБУК «Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»», научный сотрудник отдела археологических исследований, *e-mail: kolokolofff.sasha@yandex.ru*

Писаревский Николай Петрович (Воронеж) — ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», доцент кафедры археологии и истории древнего мира, доктор исторических наук, *e-mail: pisarevskiy1@rambler.ru*

Радюш Олег Александрович (Москва) — Институт археологии РАН, научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья, кандидат исторических наук, *e-mail: radjush@mail.ru*

Родинкова Власта Евгеньевна (Москва) — Институт археологии РАН, научный сотрудник отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья, кандидат исторических наук, *e-mail: vlasta2004@mail.ru*

Рябчевский Николай Геннадьевич (Брянск) — ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», младший научный сотрудник, *e-mail: NikkiGun@yandex.ru*

Сарычев Дмитрий Владимирович (Воронеж) — ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», старший преподаватель, *e-mail: sarychev.geo@gmail.com*

Симоненков Алексей Владимирович (Курск) — ОБУК «Курский государственный областной музей археологии», заведующий экспозиционным отделом, *e-mail: aexskif@gmail.com*

Стародубцев Геннадий Юрьевич (Курск) — ОБУК «Курский государственный областной музей археологии», директор, кандидат исторических наук, *e-mail: arch1962@mail.ru*

Тихомиров Николай Алексеевич (Курск) — независимый исследователь, *e-mail: nixon.46@yandex.ru*

Чубур Артур Артурович (Брянск) — Центр комплексного изучения Среднедеснинского региона, директор, кандидат исторических наук, профессор РАЕ, *e-mail: fennecfox66@gmail.com*

Шапошник Владимир Гаврилович (Харьков, Украина) — независимый исследователь, *e-mail: mihas24@rambler.ru*

Шпилев Андрей Геннадьевич (Курск) — независимый исследователь, *e-mail: katalach70@mail.ru*

Яцышин Александр Александрович (Курск) — ОБУК «Курский государственный областной музей археологии», младший научный сотрудник, *e-mail: kgoma@mail.ru*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКР. КО 1 – Археологическая карта России. Курская область. Часть 1. М., 1997
АКР. КО 2 – Археологическая карта России. Курская область. Часть 2. М., 2000
АИЦЧ – Археологические исследования Центрального Черноземья
АН – Археологическое наследие
АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної Украіні (Полтава)
Арх. ИА – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АО – Археологические открытия
АП – Археология Подмосковья
БМАК - Бактрийско-Маргианский археологический комплекс
ВДИ – Вестник древней истории
ГАКО – Государственный архив Курской области
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГМЗ-КП – Государственный музей-заповедник «Куликово поле»
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДЭ ИААН – Деснинская экспедиция Института археологии Академии наук СССР
ЖКМ – Железногорский краеведческий музей
КГОМА – Курский государственный областной музей археологии
КГУ – Курский государственный университет
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА АН УССР – Институт археологии Академии наук УССР
ИГЖ – Историко-географический журнал
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КИО – Культурно–историческая общность
КГПИ – Курский государственный педагогический институт
КОКМ – Курский областной краеведческий музей
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
Колл. – коллекция
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
ЛФГ - Льговско-Фатежская группа памятников финала черняховской культуры в верховьях р. Сейм (Курская обл. Россия)
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАДЛ – Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья
НА КГОМА – Научный архив Курского государственного областного музея археологии
НИИ АЮВР – Научно-исследовательский институт археологии юго-востока Руси
НІЛ – Новгородская I летопись младшего извода
ПА – Поволжская археология
ПКК – Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / Раннеславянский мир. Вып. 10. М., 2007
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПЭ - поздний элладский период
РА – Российская археология
РЖВ – Ранний железный век
РСМ – Раннеславянский мир
СА – Советская археология
СЭ - Средний элладский период
САИ – Свод археологических источников
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТАЭ – Тульская археологическая экспедиция
Терр. – территория

Материалы и исследования
по археологии Днепровского Левобережья
Выпуск VI

Междуречье Днепра и Дона: культурный слой, артефакт, интерпретация

К 30-летию Курского государственного
областного музея археологии

Сборник научных трудов

Верстка: А.В. Симоненков

Сдано в набор 10.08.2023 г.
Подписано в печать 30.08.2023 г.
Формат 60х84 1/8
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 45,8. Тираж 100 экз.
Заказ № 379
Отпечано: «Деловая полиграфия»
ИП Бескровный Александр Васильевич
г. Курск, ул. К. Маркса, 61Б
Тел.: +7 (4712) 36-09-45
e-mail: zakaz46@mail.ru